

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Н. Л. Членова

Происхождение
и ранняя история
племен
тагарской
культуры

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА·1967

Автор переносит нас в далекие времена «скифского мира», когда Южную Сибирь населяли племена так называемой тагарской культуры.

В книге описано и проанализировано огромное количество памятников, оставшихся после этого народа. Как произошел этот народ, какова его этническая история, каковы были его взаимоотношения с другими культурами «скифского мира» — от Причерноморья до Алтая, а также с древними цивилизациями Ближнего и Среднего Востока, — обо всем этом читатель получит представление из монографии.

Книга адресована археологам, историкам, этнографам, но представит интерес и для востоковедов — специалистов по Среднему Востоку и Восточной Азии, и для краеведов, студентов и аспирантов, а также преподавателей — историков.

Ответственный редактор

М. Г. ВОРОБЬЕВА

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

2037
70

Введение

Южная Сибирь — Алтай и юг Красноярского края — в глубокой древности была одним из передовых районов. Здесь жило многочисленное население с высокой культурой. Оно оставило множество памятников — курганов и поселений, давно обративших на себя внимание исследователей. Особенно богата ими южная часть Красноярского края. Из этих древних культур самая богатая, без сомнения, тагарская, которой и посвящена настоящая работа.

Тагарская культура была распространена в VII—III вв. до н. э. в южной части Красноярского края, или Минусинской котловине. Этот крошечный район Сибири, не составляющий и 1% всей ее территории, по европейским масштабам выглядит, однако, несколько более внушительно: площадь его превышает площадь Австрии и равна почти трем Албаниям; она в три раза больше Крыма и значительно превышает Дагестанскую, Кабардино-Балкарскую, Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую автономные республики, вместе взятые. Такова территория, скромно именуемая Минусинской котловиной.

Жители Минусинской котловины, сибирские современники скифов Причерноморья и саков Средней Азии и Казахстана, создали своеобразную культуру, основанную на земледелии и скотоводстве и оказавшую очень большое влияние на развитие других районов Сибири. Они развили великолепную бронзовую металлургию, совершенствовали и распространяли средства передвижения, в первую очередь верховую езду, создали своеобразное и высокое прикладное искусство, вели торговлю с отдаленнейшими районами. Особенно развито было производство бронзовых вещей. По богатству ими тагарская культура превосходит все известные до сих пор культуры бронзового и раннего железного века. Коллекции тагарских бронзовых вещей хранятся в 19 музеях СССР, причем Минусинский музей и Государственный Эрмитаж насчитывают их по несколько тысяч. Они есть также во многих зарубежных музеях.

Тагарские курганы Минусинской котловины даже сейчас, несмотря на уничтожение и распашку многих из них, все еще исчисляются тысячами. Они давно уже привлекали исследователей. Впервые на них обратили внимание еще в XVIII в. Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. В 60-х годах

XIX в. раскопками тагарских курганов занимался В. В. Радлов, а с 80-х годов — Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, И. Т. Савенков и в особенности А. В. Адрианов. После революции тагарские курганы исследовали С. А. Теплоухов, Г. П. Сосновский, С. В. Киселев, В. П. Левашева, В. Г. Карцов, А. Н. Липский, Р. В. Николаев, М. П. Грязнов и др. Благодаря всем этим раскопкам получен огромный материал, который вместе с многочисленными случайными находками тагарских бронз составляет прочную базу для изучения тагарской культуры в самых разных ее аспектах. До революции исследования здесь сводились в основном к накоплению материала и вещеведению. Подлинным разделом исторической науки сибирская археология стала лишь после революции, когда основной ее задачей стало изучение социально-экономических отношений древних народов Сибири, их этнической и гражданской истории.

Изучение тагарской культуры велось в различных направлениях. В 20-х годах С. А. Теплоуховым была создана первая научная хронологическая классификация древних культур Минусинского края, не потерявшая своего значения и до сих пор. Тагарская культура (которая названа С. А. Теплоуховым минусинской курганной) поставлена им между культурами карасукской и таштыкской. Абсолютные даты для нее были установлены лишь приблизительно — в пределах I тыс. до н. э.¹ Сама она была разделена С. А. Теплоуховым на четыре последовательные хронологические стадии, в основу деления положено изменение погребальных сооружений.

Другая хронологическая классификация принадлежит С. В. Киселеву, который ввел и самое название «тагарская культура». В 1929 г. в специальной работе² он подразделил эту культуру на три стадии, первую из которых датировал X—VII вв. до н. э., вторую — VII—IV вв. до н. э., а третью — III в. до н. э. — рубежом нашей эры. В основу классификации были положены вещи из тагарских курганов, привлекались датированные аналогии из Северного Причерноморья и области распространения ананьинской культуры. Впоследствии С. В. Киселев несколько меняет абсолютные даты стадий тагарской культуры: первая стадия датируется им VII—V вв. до н. э., вторая — V—I вв. до н. э., третья — I в. до н. э.³

Третья хронологическая классификация, разработанная М. П. Грязновым в его лекциях о минусинской культуре, прочитанных на историческом факультете ЛГУ в 40—50-х годах, по существу является уточненной классификацией С. А. Теплоухова. М. П. Грязнов, сохраняя его четыре этапа, дает им названия и приводит абсолютные даты: первый этап — байновский (VII в. до н. э.), второй — подгорновский (VI—V вв. до н. э.), третий — сараташенский (IV—III вв. до н. э.) и четвертый — тесинский (II—I вв. до н. э.). В основе классификации по-прежнему лежит изменение погребальных сооружений, но учитывается и погребальный инвентарь в большей степени, чем у С. А. Теплоухова. Каких-либо обоснований абсолютных дат М. П. Грязновым не приводилось.

Хронологические классификации С. В. Киселева и М. П. Грязнова по существу мало отличаются друг от друга: совпадают даты начала и конца тагарской культуры, несколько отличается только внутреннее членение. В настоящее время точно установлена дата начала тагарской культуры — VII в. до н. э., что имеет для настоящей работы важное значение.

Изучалось также тагарское производство (работы В. П. Левашевой⁴, Ю. С. Гришина⁵, упоминавшийся уже раздел сводной работы С. В. Кисе-

¹ С. А. Теплоухов, 1926; 1929; 1929а.

² С. В. Киселев, 1929, стр. 257—167.

³ С. В. Киселев, 1949.

⁴ В. П. Левашева, 1939.

⁵ Ю. С. Гришин, 1960.

лева), есть специальные работы о тагарской металлургии⁶, земледелии и скотоводстве, в частности об оросительных каналах⁷.

Еще в 80-х годах XIX в. исследователи тагарских курганов обратили внимание на черепа погребенных, относящиеся к европеоидному типу. Наличие в глубине Сибири в древности европеоидного населения не могло не вызвать интереса. Появились работы, стремящиеся объяснить эту загадку. Здесь особенно нужно отметить работы Г. Е. Грум-Гржимайло «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми?» (1899 г.), «Белокурая раса в Средней Азии» (1909 г.) и особенно «Описание путешествия в Западный Китай», одна из глав которой посвящена древнему европеоидному населению Центральной Азии, о котором сообщают китайские летописи⁸. Г. Е. Грум-Гржимайло сопоставляет племена, упоминавшиеся в летописях, — динлинов, бома — с людьми, похороненными в курганах Минусинской котловины, и приписывает динлинам памятники различных археологических эпох этой территории. В работе собран огромный материал, и многие ее положения, как показал Л. Н. Гумилев⁹, сохранили свое значение до сих пор. Однако другие выводы Г. Е. Грум-Гржимайло устарели, в частности вывод о принадлежности динлинам памятников самых различных археологических эпох: от культур II тыс. до н. э. до VI—VIII в. н. э., в то время как европеоидные черепа, которые можно было бы сопоставлять с динлинами, находились в курганах всего лишь нескольких эпох. Такая неточность была неизбежна во времена, когда не существовало еще хоть сколько-нибудь разработанной хронологии минусинских памятников древности. Г. Е. Грум-Гржимайло приписывал все культурные достижения и все, с его точки зрения, положительные духовные и физические качества азиатских народов «белокурым динлинам» или народам, имеющим «примесь динлинской крови». Дошло до того, что даже у чукчей и тунгусов он усматривал эту примесь «нордической расы», чтобы объяснить их культурные достижения и высокие духовные качества. Такая точка зрения, смыкающаяся с позднейшими расистскими теориями, конечно, совершенно неприемлема в советской науке, о чем в свое время уже писал А. И. Ярхо¹⁰.

К динлинам относит сибирские древности и такой серьезный исследователь, как Н. А. Аристов¹¹, но из-за отсутствия в то время хронологии этих древностей он не смог конкретизировать свою мысль.

Принципиально иным путем подошли к решению вопроса о древнем европеоидном населении Южной Сибири советские ученые, поставив его на прочную антропологическую базу. В 1931 г. вышла статья Г. Ф. Дебеца «Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии»¹², где автор, изучив тагарские черепа с помощью новейшей антропологической методики, убедительно доказал, что носители тагарской культуры действительно принадлежали к европеоидной расе и что вполне правомерны попытки сопоставления их с динлинами. Изучив также черепа предшествующих эпох, Г. Ф. Дебец пришел к выводу о том, что прямыми предками людей тагарской культуры было более древнее европеоидное население Минусинской котловины — носители афанасьевской культуры¹³. Г. Ф. Дебец отмечает, что тагарские черепа действительно близки «северной расе», но объясняется это «не прямым родством с нордическим типом Европы,

⁶ Л. В. Громов, 1960; И. В. Богданова-Березовская, 1963; Д. В. Наумов, 1963.

⁷ В. И. Федоров, 1952.

⁸ Г. Е. Грум-Гржимайло, 1926, гл. VIII.

⁹ Л. Н. Гумилев, 1959, стр. 18—26.

¹⁰ А. И. Ярхо, 1947, стр. 114—116, 120.

¹¹ Н. А. Аристов, 1897, стр. 51—52.

¹² Г. Ф. Дебец, 1931.

¹³ Г. Ф. Дебец, 1932; он же, 1948.

а стадияльной близостью обоих типов, сравнительно близко стоящих к протоевропейскому»¹⁴. Выводы Г. Ф. Дебеца о генетической связи тагарского населения с афанасьевским были впоследствии подтверждены на новом материале В. П. Алексеевым¹⁵.

Наконец, еще один аспект, в котором изучалась тагарская культура, тесно связанный с предыдущим,— это вопрос об ее происхождении и связях с другими древними культурами. Проблема происхождения тагарской культуры не служила предметом специального исследования, но попутно затрагивалась в разных работах. В решении ее наметилось два направления. Первое предполагает автохтонное происхождение тагарской культуры и генетическую связь ее с предшествующей ей карасукской культурой. Эта точка зрения проводится в упомянутых уже работах С. А. Теплоухова и М. П. Грязнова, которые предполагают, что каждая из культур Минусинской котловины происходит от предыдущей: андроновская — от афанасьевской, карасукская — от андроновской, тагарская — от карасукской и т. п. Авторы исходят при этом из того, что на одной территории в одну и ту же эпоху не могут одновременно жить два или несколько разных народов с разной культурой и исключают самую возможность каких бы то ни было передвижений народов на более или менее далекие расстояния. В качестве прямых свидетельств о перерастании одной культуры в другую, в частности карасукской в тагарскую, приводятся так называемые переходные памятники, сочетающие черты предшествующей (карасукской) и последующей (тагарской) культуры. При этом игнорируются глубокие отличия подавляющего большинства вещей этих двух культур, сходство этих вещей с другими, нередко более ранними, с других территорий, резкое различие физического типа носителей карасукской и тагарской культур и столь же явное сходство носителей тагарской культуры со скифами Причерноморья и с носителями афанасьевской и андроновской культур. Если в 20-х годах, когда были написаны работы С. А. Теплоухова, такая точка зрения была до известной степени правомерна, то в настоящее время, с накоплением перечисленных выше резко противоречащих ей археологических и антропологических фактов, она по существу лишилась всякой опоры.

Тезис о том, что на одной и той же территории в одно и то же время не могут жить два или несколько различных народов с различной культурой, находится в резком противоречии с данными этнографии, которой известно множество таких фактов. Приведу некоторые из них. На территории Дагестана, Кабардинской, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республик, общая площадь которых, как уже было сказано, меньше Минусинской котловины, живет около сорока различных народов, говорящих на различных языках. Правда, Северный Кавказ — горная страна, где обособленность различных этнических групп гораздо больше, чем на равнине. Допустимо ли, что на равной площади, но в основном равнинной, может жить одновременно в 20 раз меньшее число народов (если их два) или в 13 раз меньшее (если их три)? По-видимому, в таком предположении нет ничего невероятного. Фактически к приходу русских в Минусинской котловине и ее ближайших окрестностях жило гораздо большее число народов — хакасы, арины, асаны, маторы, койбалы, говорившие на языках тюркских, кетских и самодийских. Такие сосуществования на одной территории в этнографии даже не исключение, а правило, причем очень часто эти народы живут чересполосно (якуты и эвенки на нижней Лене и Яне¹⁶; узбеки, таджики, киргизы, каракалпаки, татары, башкиры в Ферганской долине¹⁷; узбеки,

¹⁴ Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 128.

¹⁵ В. П. Алексеев, 1955; он же, 1961.

¹⁶ См. карту в книге «Народы Сибири», 1956

¹⁷ «Народы Средней Азии и Казахстана», 1962, карта между стр. 164 и 165.

таджики, туркмены, казахи на нижнем Зеравшане¹⁸. Здесь даны примеры, когда народы, различные по языку и материальной культуре, имеют один и тот же тип хозяйства; число этих примеров, разумеется, можно увеличить во много раз. Известны, наконец, случаи, когда даже небольшой народ, живя в иноязычной и инокультурной среде, сохранял в течение многих веков свой язык и культуру. Один из поразительных примеров представляют лужичане — славянский народ, с IX в. живущий на Шпрее, под Берлином, и сохранивший до настоящего времени, несмотря на все попытки ассимиляции со стороны немцев, свой язык, фольклор и даже национальную одежду.

Что же касается отрицания самой возможности передвижения племен и народов на далекие расстояния и априорного утверждения автотонности любой археологической культуры, то в настоящее время подобные взгляды не разделяются большинством советских археологов.

Другие авторы, касавшиеся проблемы происхождения тагарской культуры, прежде всего обращали внимание на сходство тагарских древностей со скифскими. Впервые эта мысль высказана в докладе Н. М. Ядринцева «О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях»¹⁹ и вышедшей почти одновременно с ним работе П. Рейнеке²⁰. Оба автора, приведя ряд параллелей между скифскими и сибирскими категориями вещей, утверждают, что вещи эти проникали в Причерноморье из Сибири. При этом П. Рейнеке считает Сибирь передаточным звеном между Китаем и Причерноморьем, а местом изобретения скифо-сибирских вещей — Китай, несмотря на то, что это противоречит им же самим приведенным датам китайских вещей, более поздним, чем скифские.

Гипотеза П. Рейнеке совершенно устарела. Мысль о происхождении скифской культуры из Сибири развивалась впоследствии также Э. Миннзом²¹, который считал сибирские вещи, в основном оружие, более древними, чем скифские, на том основании, что сибирские изготовлены из бронзы, а скифские — из железа. В настоящее время, с разработкой хронологии сибирских древностей, выявившей синхронность тагарской и скифской культур, эта точка зрения устарела. Противоположная — о происхождении тагарской культуры, в частности ее звериного стиля, из Северного Причерноморья — высказывалась Б. В. Фармаковским и С. Прушевской без особой аргументации²². Эта точка зрения сейчас почти не имеет сторонников, за исключением Б. Н. Гракова и А. И. Мелюковой, которые, ограничивая термин «скифская культура» пределами степного Северного Причерноморья, писали в 1952 г., что в Средней Азии и Сибири, кроме стрел, нет оружия скифского типа, что «скифская триада» (оружие, конский убор и звериный стиль) «в полном наборе встречается только в Северном Причерноморье... откуда она чем далее на восток, тем более утрачивает свой целостный облик», и, следовательно, родину этой триады вернее всего искать в Северном Причерноморье. Причину проникновения вещей скифского типа в Сибирь Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова видят в развитии кочевых форм быта, в торговле. Средняя Азия, по мнению этих авторов, в происхождении «скифской триады» роли не играла: «В Средней Азии пока что очень мало аналогичных находок, да и все они много моложе не только причерноморских, но и ананьинских и тагарских, и с ними связанных. Все они еще к тому же и случайны»²³.

¹⁸ Этнографическая карта Узбекской ССР.— Там же.

¹⁹ Н. М. Ядринцев, 1897, стр. 176—177.

²⁰ P. Reinecke, 1897.

²¹ E. H. Minns, 1913, p. 226, 261.

²² Б. В. Фармаковский, 1914, стр. 34—37; С. Прушевская, 1917, стр. 52—53.

²³ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, 1954, стр. 92—93.

С этим трудно согласиться. Возникновение «скифской триады» в Причерноморье не подтверждается никакими фактами. Ни один из ее компонентов не имеет предшественников в срубной культуре, распространенной здесь до скифской; все они появляются здесь уже вполне развитыми, на что обращал внимание еще М. И. Ростовцев. Предположение о распространении вещей «скифского типа» из Причерноморья в Сибирь путем торговли плохо согласуется с тем, что в Минусинской котловине совершенно нет акинаков, идентичных скифским, но есть очень много кинжалов, напоминающих акинаки гораздо больше, чем какие бы то ни было другие кинжалы нескифского типа; что все тагарское оружие и тагарские удила — бронзовые в отличие от скифских железных. Совершенно необъяснимы по этой теории такие факты, как отчетливая генетическая связь древнейшего тагарского оружия и звериного стиля с соответствующими карасукскими категориями, в то время как в Северном Причерноморье таких прототипов оружия и звериного стиля нет. Наконец, за 13 лет, прошедших со времени написания разбираемой работы, благодаря новым исследованиям существенно изменились наши представления и о предскифском периоде в Северном Причерноморье и о сакском периоде в Средней Азии и Казахстане, и они все больше противоречат мнению о зарождении «скифской триады» в Причерноморье.

С. В. Киселев, специально не занимавшийся вопросом о происхождении тагарской культуры, в своей монографии высказывает по этому поводу ряд мнений, которые сочетают обе точки зрения: об автохтонном происхождении тагарской культуры и влиянии на нее культуры скифов Причерноморья. Его концепцию можно представить так: тагарская культура генетически связана с карасукской, доказательством чего служат «переходные карасук-тагарские могильники», где сочетаются черты карасукской и тагарской культуры. В то же время некоторые элементы тагарской культуры, в первую очередь звериный стиль, — следствие влияния культуры скифов Причерноморья. Каким образом осуществлялось это влияние — не разъясняется, но, по-видимому, подразумеваются обмен и заимствования, а не передвижения населения²⁴. Представление о формировании тагарской культуры как о длительном и сложном процессе, в котором участвовали и местные дотагарские и пришлые элементы, близко и автору данной работы, однако в вопросе о том, какие именно местные элементы заложили фундамент тагарской культуры и откуда явились элементы пришлые, он не разделяет точки зрения С. В. Киселева.

Перечисленные теории, несмотря на всю их противоречивость, сходятся в том, что тагарская культура может быть включена в число культур скифского мира. Это важнейшее для данной работы положение в настоящее время можно считать твердо установленным. Перейдем к изложению теорий, объясняющих сходство тагарской культуры с культурой скифов Причерноморья. В сибирской археологической литературе первым представителем этого направления был В. М. Флоринский. В книге «Первобытные славяне», теперь сильно устаревшей, он высказывает интересные мысли о связи сибирской бронзовой металлургии с древнейшими культурными очагами — Двуречьем и Передней Азией²⁵. Несравненно лучше та же мысль обоснована в трудах В. А. Городцова и М. И. Ростовцева. Еще в 1910 г. в сводной работе «Бытовая археология» В. А. Городцов на основе детального изучения культур бронзового века Старого Света пришел к выводу о том, что «культура Сибири, как и других областей Восточной Азии, в пору бронзовых орудий, судя по данным современной археологии, развивалась под живым влиянием среднеазиат-

²⁴ С. В. Киселев, 1949, стр. 110—112, 136—146.

²⁵ В. М. Флоринский, 1897, стр. 388, 445—450, 491, 514.

ского и отчасти месопотамского очагов культурной базы... Несмотря на большие пробелы в археологических исследованиях Средней Азии и Сибири, все же можно проследить, как среднеазиатская культура распространяла свое влияние в сторону Алтайских гор. Впоследствии сибирская культура совершенно обособилась, явившись оригинальным очагом, выславшим далеко лучи своего влияния»²⁶. Этот вывод и блестящий разбор тагарского бронзового инвентаря, произведенный В. А. Городцовым, сохранили значение и до сих пор и заслуживают пристального внимания. В более поздней работе «Культуры бронзовой эпохи в Средней России» В. А. Городцов в связи с разбором некоторых категорий тагарских бронзовых ножей вновь приходит к выводу о тесной связи «сибирской бронзовой культуры» (т. е. тагарской) с Месопотамией²⁷.

К проблеме взаимоотношений тагарской и скифской культур неоднократно обращался и М. И. Ростовцев, главным образом в связи с проблемой звериного стиля, но также и при изучении скифских кинжалов и секир. Он считает, что «западносибирский звериный стиль... и южнорусский... вышли из одного источника и питаются им все время; южнорусский, несомненно, в отдельных случаях влияет на западносибирский, но в общем оба развиваются параллельно, причем южнорусский находится в теснейшем контакте с ионийским, сибирский же сохраняет более близкую связь с прародиной стиля, общей и для него и для южнорусского»²⁸.

Выводы М. И. Ростовцева о месте происхождения звериного стиля несколько менялись на протяжении его жизни: первоначально он считал этим источником Малую Азию и Иран «эпохи персидской и доперсидской»²⁹, позднее — Элам и Урарту³⁰, затем Туркестан³¹, но он всегда имел в виду обширную территорию, расположенную где-то между Причерноморьем и Сибирью, южнее обеих этих областей, соприкасающуюся с цивилизациями Месопотамии. В целом культуру Западной Сибири, синхронную скифской, М. И. Ростовцев считает культурой «несомненно, определенно восточного типа, связанного с древним Эламом и алародийским миром»³². Характерное для М. И. Ростовцева, как и для В. А. Городцова, рассмотрение каждого явления в связи с другими, на широком историческом фоне, с привлечением широких аналогий — это путь единственно правильный для решения проблемы происхождения скифской культуры, и в этом главная ценность наследия М. И. Ростовцева и В. А. Городцова.

Такой подход к решению скифской проблемы характерен и для многих советских ученых. Долгое время скифская общность на обширных пространствах Евразии в соответствии с учением Н. Я. Марра ошибочно рассматривалась как стадильная, однако и тогда многие исследователи не отрицали широких связей и взаимодействия элементов культуры на этой территории и связей скифского мира с древнейшими культурными центрами — Месопотамией и Ираном. Так, например, Б. Б. Пиотровский писал в «Археологии Закавказья» (1949): «Народы, объединенные общим термином „скифы“, были близки друг другу по культуре. Археологическое изучение степей Восточной Европы и Азии выявляет характерные черты скифской стадии развития общества, выражающиеся определенными общими элементами, одинаковыми формами предметов материальной культуры и искусства. Эту стадильную общность не сле-

²⁶ В. А. Городцов, 1910, стр. 196—198.

²⁷ В. А. Городцов, 1916, стр. 213.

²⁸ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 339—340.

²⁹ М. И. Ростовцев, 1913, стр. 183.

³⁰ М. И. Ростовцев, 1918, стр. 45; он же, 1925, стр. 303, 340.

³¹ М. Rostovtzeff, 1922, p. 197; он же, 1929, стр. 67.

³² М. И. Ростовцев, 1925, стр. 303.

дует понимать как самостоятельный процесс, без взаимодействия отдельных племен и даже крупных союзов племен. Скифское общество, как показывает археологический материал, характеризуется именно широкими связями и взаимным скрещением культурных и этнических элементов... Последние работы, посвященные тем племенам и тому обществу, которое мы уверенно называем скифским, с очевидностью показывают, что подойти к правильному разрешению скифской проблемы можно, лишь изучая древнее общество VII—VI вв. до н. э. на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию»³³.

С преодолением ошибочных положений теории Н. Я. Марра этот подход к решению скифской проблемы решительно возобладал в советской археологии. Этому способствовали и новые открытия в европейской и в азиатской частях скифского мира. А. И. Тереножкин, исследуя предскифские памятники лесостепного Приднепровья, генетически связанные с памятниками скифской эпохи на этой территории, обнаружил, что они имеют отчетливо выраженную связь с карасукскими в Сибири: «Изучение предскифского периода на юге России и на территории Украины, — пишет он, — приводит нас к выводу, что в разработке проблемы происхождения скифов и сарматов, как она сложилась в настоящее время в археологии, оказались учтенными только местные факторы. По-видимому, в состав скифских и сарматских племен, действительно, были вовлечены какие-то группы древнего срубного и андроновского населения, что находит подтверждение в фактах местной культурной преемственности, которые наблюдаются археологией и антропологией. Однако достаточно яркие свидетельства о сибирском элементе в материальной культуре доскифского и раннескифского времени на нашем юге, распространяющемся вплоть до Средней Европы, говорят о том, что проблема происхождения собственно скифов должна прежде всего разрабатываться в свете археологических исследований Сибири, Казахстана и Алтая. Все приводит нас к убеждению, что, согласно мнению А. А. Иессена, родину скифов нужно искать в глубинах Азии, а не в Европейской части СССР»³⁴.

В последние годы в связи с находкой клада в Саккызе (Курдистан) были высказаны мнения о происхождении скифского искусства где-то в этом районе, т. е. была подтверждена на новом материале концепция М. И. Ростовцева и его последователей. Такую мысль высказывал, например, Х. Потратц³⁵. К сходному выводу пришел М. И. Артамонов: «Если клад из Зивие признать за погребение маннейского вождя, то представленное в нем искусство, отличающееся от ассирийского, скорее всего было общим для всех народов Северного Ирана, этнически и исторически тесно связанных не только между собой, но и с номадами степей Евразии, вследствие чего оно и легло в основу искусства и европейских скифов и азиатских саков»³⁶.

Наконец, открытые в последние годы Хорезмской экспедицией в низовьях Сыр-Дарьи памятники предскифской и архаической скифской эпохи позволили С. П. Толстову вновь вернуться к постановке проблемы в целом: «Скифология у нас развивалась преимущественно в аспекте Восточной Европы. Но на среднеазиатской территории, на территории Сибири накоплен огромный материал, который требует своего обобщения и изучения в тесном содружестве со специалистами по европейской скифологии. И я не сомневаюсь, что на почве этого объединения специалистов по истории европейской и азиатской Скифии советская наука скифоло-

³³ Б. Б. Пнотровский, 1949, стр. 130, 126.

³⁴ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 205.

³⁵ H. Potratz, 1959.

³⁶ М. И. Артамонов, 1962, стр. 35.

гия в широком смысле слова делает очень значительный рывок вперед и займет ведущее место в мировой науке»³⁷.

Предмет настоящей работы — происхождение тагарской культуры, этническая и гражданская история ее носителей на протяжении VII—V вв. до н. э. Эта проблема почти не разрабатывалась в археологической литературе. Она имеет две стороны: 1) связь тагарской культуры с более ранними культурами Южной Сибири, и в первую очередь с предшествующей ей карасукской, и 2) сходство тагарской культуры с синхронными ей культурами скифов Причерноморья и саков Средней Азии, Казахстана и других районов, ибо тагарская культура — одно из звеньев скифо-сибирских культур, распространенных на обширной территории от Причерноморья до Ордоса; территория эта охватывает в основном степную и лесостепную зоны Евразии. Такие области как Западная Европа, Индия, Юго-Восточная Азия не входят в эту зону, хотя в них уровень общественно-экономического развития был не ниже, чем в скифском мире.

Вопрос о причинах схождения многих категорий вещей на этой территории давно привлекал внимание исследователей. Мнение о самостоятельном, конвергентном появлении одинаковых вещей в разных частях скифского мира представляется маловероятным, так как, во-первых, сходство этих вещей не вызывается общностью уровня общественно-экономического развития; во-вторых, оно распространяется на такие вещи или их детали, которые никак не связаны с практическим применением в производстве, на войне или в быту. Однородность географической среды, возможно, играла некоторую роль в процессе формирования скифо-сибирской общности, но также не объясняет появления многих сходных предметов и их деталей в пределах названной зоны. При рассмотрении проблемы возникновения комплекса сходных признаков материальной культуры надо иметь в виду, что и на предшествующих стадиях развития культуры степной и лесостепной полосы обнаруживаются значительное родство (между андроновской и срубной, афанасьевской и ямной культурами), но это не объясняет возникновения многих новых параллелей в скифское время. Наконец, вряд ли можно объяснить схожесть ряда вещей существованием этнической общности на всей территории скифского мира, так как здесь наряду с одинаковыми элементами отчетливо обнаруживается различие в таких этнически важных показателях, как керамика, погребальный обряд, украшения и т. п., характеризующих отдельные культуры в пределах скифского мира.

Наиболее вероятным объяснением наблюдаемых фактов, по-видимому, можно считать возникновение межплеменного обмена, неизбежного на данной ступени экономического развития. В этом обмене участвовали не только племена, находившиеся на стадии начавшегося разложения первобытнообщинного строя, что было связано с появившейся возможностью накопления материальных ценностей, но и народы, уже вступившие на путь развития классового общества. Этот обмен проходил обычно несколько стадий, влияние материальной культуры рабовладельческих цивилизаций древнего мира на племена «скифо-сибирской» периферии осуществлялось в большинстве случаев не прямо, а через промежуточные этапы, что можно видеть по тем элементам культуры, которые теперь лучше изучены и позволяют детально проследить пути и время их распространения. Те же причины, которые привели к усилению роли обмена, приводили и к миграциям, также характерным для рассматриваемой эпохи. Развивавшееся скотоводство требовало расширения пастбищ. Немалую роль играло, наконец, и стремление к захвату материальных ценностей: скота, металла и т. п. Археологический материал

³⁷ С. П. Толстов, 1963, стр. 45.

дает в ряде случаев указания и на передвижения групп населения в эту эпоху.

Внимание к территориально удаленным типологическим параллелям — это одно из необходимых условий правильного понимания исторических явлений, которые привели к формированию тагарской культуры и в какой-то степени близких ей культур.

Первая сторона проблемы происхождения тагарской культуры уже рассматривалась нами в специальной работе «Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине»³⁸, посвященной памятникам дотагарского времени (с середины II тыс. до н. э. по VIII в. до н. э.), генетически связанным с тагарской культурой. В данной книге разбираются материалы собственно тагарской культуры (VII—V вв. до н. э.), причем вначале рассматриваются те категории вещей, которые обнаруживают сходство с вещами скифов Причерноморья и саков Средней Азии (глава I «Тагарские оружие и конский убор VII—V вв. до н. э., их происхождение и развитие. «Тагарские бронзовые зеркала и котлы», глава II «Звериный стиль в тагарской культуре VII—V вв. до н. э. и его происхождение»), затем категории вещей, которые составляют своеобразие тагарской культуры и отличают ее от других культур скифского мира (глава III «Тагарские бронзовые ножи. Тагарская керамика»). Для уточнения хронологии применяется корреляционный метод в сочетании с привлечением аналогий из районов с хорошо разработанной хронологией. В заключении общие выводы сопоставляются с выводами палеоантропологии и дается краткая реконструкция основных этапов истории тагарских племен на протяжении VII—V вв. до н. э.

Автор ставил себе задачу собрать возможно более полную информацию. В работе используется материал тагарской культуры из раскопок и случайных находок, хранящийся в пятнадцати музеях СССР: Государственном Историческом музее, Музее антропологии МГУ, Государственном Эрмитаже, Музее антропологии и этнографии АН СССР, Минусинском, Абаканском, Ачинском, Красноярском, Иркутском, Томском краеведческих музеях, Музее истории материальной культуры Томского университета, Свердловском, Казанском, Тульском краеведческих музеях и Киевском историческом. Привлечены также тагарские материалы, хранящиеся в Британском музее в Лондоне, в музеях Хельсинки, Вены, Будапешта и Сен-Жерменском, известные автору по публикациям. Всего изучено более 5200 тагарских вещей VII—V вв. до н. э. из комплексов и случайных находок, т. е. подавляющее большинство известных в настоящее время, и 602 вещи предтагарской эпохи. Автору, к сожалению, не удалось использовать некоторые материалы из раскопок последних лет: Р. В. Николаева у станции «Минусинск» (1961 г.) и Красноярской экспедиции, руководимой М. П. Грязновым (1955, 1958, 1960—1963 гг.). В работе сознательно не привлекаются наскальные рисунки ввиду того, что они требуют специального изучения на месте и датировки. Не рассматриваются и погребальные сооружения тагарской культуры, так как сведения о них могут быть в основном почерпнуты из отчетов о раскопках за давние годы и отличаются отсутствием единообразия, так что построенные на них выводы в ряде случаев окажутся недостаточно обоснованными.

В заключение отметим, что в работе применяются некоторые методы статистики: построение корреляционного поля (глава I), критерий статистической значимости различий (главы I, III). Учитываются новейшие данные палеоантропологии и топонимики.

³⁸ Н. Л. Членова, 1963. См. также: Н. Л. Членова, 1964; она же, 1964а.

Тагарское оружие и конский убор
VII—V вв. до н. э.,
их происхождение и развитие.
Тагарские бронзовые зеркала и котлы

Начинать разбор происхождения тагарского оружия следует с установления его относительной и абсолютной хронологии, которая должна служить, по нашему мнению, вообще основой хронологии тагарской культуры, потому что оружие — наиболее быстро развивающийся и меняющийся элемент каждой культуры. Тагарское оружие — один из элементов, связанных со скифской культурой, а следовательно, то звено, которое наиболее надежно соединяет тагарскую культуру с датировкой по греческим вещам и надписям, установленной для скифской культуры Причерноморья.

Вопросами хронологии тагарского оружия занимались Г. Мергарт¹ и в особенности С. В. Киселев, которым составлены таблица взаимовстречаемости тагарских кинжалов и чеканов и сводные таблицы кинжалов, чеканов, втоков и наконечников стрел; для последних приводятся параллели с территории Северного Причерноморья и Поволжья. Весь инвентарь тагарской культуры разбит при этом на три стадии: I) VII—V вв. до н. э., II) V—I вв. до н. э. и III) I в. до н. э.² В настоящее время можно дать более точные даты для тагарского оружия, а на основе этого и для многих других предметов, встреченных в одних с ним комплексах. Этому помогут корреляционные таблицы, а также новые работы по оружию скифов Северного Причерноморья³ и савроматов Поволжья⁴, установившие даты для оружия этих районов с точностью до века, а иногда и до полувека. При известном теперь материале с той же точностью может быть датировано и тагарское оружие.

В главе две корреляционные таблицы. На первой (табл. 1) коррелируются предметы вооружения и ножи, встреченные в одном кургане. За основу для дат взяты наиболее часто встречающиеся в тагарских погребениях кинжалы, чеканы и бронзовые наконечники стрел. Они дают даты и для более редко встречаемых топоров, секир, втоков. Вторая таблица (табл. 2) посвящена хронологической классификации кинжалов из

¹ G. Merhart, 1926, S. 26—39, 120—182.

² С. В. Киселев, 1949, стр. 114—124, 128—166.

³ А. И. Мелюкова, 1950.

⁴ К. Ф. Смирнов, 1961.

случайных находок. В нее включен 481 кинжал, известный автору по музейным собраниям и изданиям. В таблице коррелируются навершие и перекрестье⁵. Для чеканов, секир, боевых топоров, копий корреляция не применялась ввиду сравнительно небольшого числа находок (чеканов мне известно, кроме миниатюрных, 57, секир — 14, боевых топоров — 15, копий — 10).

Тагарские кинжалы

Все найденное в тагарских курганах оружие — бронзовое. Предметы вооружения, изготовленные целиком или частично из железа, пока не найдены. Это характерная особенность тагарской культуры, отличающая ее не только от культур скифов и савроматов, где оружие с VII в. до н. э. изготовляется из железа (за исключением наконечников стрел), но и от таких территориально более близких, как культуры Алтая и Тувы, где железо для оружия широко используется с V в. до н. э., и от культур саков Средней Азии и Казахстана, где также довольно рано (примерно также с V в. до н. э.) появляются бронзово-железные и железные кинжалы. То же в ананьинской культуре. Об одних только массагетах Геродот сообщает, что все их оружие изготовлено из бронзы⁶, но скорее всего эти сведения относятся ко времени до V в. до н. э., когда, по-видимому, и другие народы Средней Азии и Казахстана употребляли только бронзу.

Кинжалы в сочетании с чеканами составляют обычный инвентарь раннетагарских погребений (см. табл. 1). Самыми ранними из кинжалов следует считать те, которые сохраняют наибольшее сходство с предшествующими карасукскими; они сочетаются с наиболее архаическими чеканами и поставлены в начале таблицы (в нижней ее части). За ними следуют те, которые все более и более утрачивают карасукские черты. Классификацию дополняет корреляционная таблица кинжалов из случайных находок, среди которых много форм, не найденных пока в погребениях (табл. 2).

Все тагарские кинжалы — цельнолитые. Они могут быть разделены на две большие группы по форме перекрестья: с «шипами» (или с прямым перекрестьем) и с бабочковидным. У первых перекрестье представляет собой два более или менее плоских выступа, перпендикулярных лезвию, а иногда несколько опущенных книзу (табл. 3, 1—11). У второго типа перекрестье в форме бабочки или сердца, как и у скифских акинаков (табл. 4, 1—4). У обоих типов есть отклонения (табл. 3, 5, 20) и промежуточные формы.

Кинжалы с прямым перекрестьем в Минусинской котловине более древние. Они восходят к карасукским прототипам. У карасукских кинжалов полая внутри ручка, с одной стороны которой щель с несколькими поперечными перемычками (табл. 6, 5—7). Ручки тагарских кинжалов сплошные и гораздо более плоские; но у самых ранних из них на месте прежней щели сохраняется неглубокий узкий желобок, также перехваченный несколькими перемычками (табл. 3, 1, 2). Навершие таких архаических кинжалов бывает либо кольцевым (табл. 3, 1), либо в виде полукольца («арки на кронштейне» — табл. 3, 2, 3), либо в виде шляпки гриба (табл. 3, 4—8). Кольцевое навершие известно у карасукских кинжалов (табл. 6, 5), но у архаических тагарских типа с «шипами» или прямым перекрестьем — крайне редкое явление.

Кинжалы «с аркой на кронштейне» заставляют вспомнить ножи «с аркой на кронштейне» предтагарского времени (баиновского и ильинско-

⁵ Дипломная работа В. В. Волкова «Тагарские кинжалы» (истфак МГУ, 1956 г.), где для классификации кинжалов применялось корреляционное поле, к сожалению, осталась мне неизвестной.

⁶ Геродот, I, 215.

го этапов), которые восходят к карасукским. Третья форма навершия — грибовидная шляпка — самая распространенная у кинжалов с «шипами» (см. табл. 2); она известна и на карасукских кинжалах Минусинской котловины (см. табл. 6, 7) и характерна для многих кинжалов той же или еще более архаической эпохи. У наиболее ранних тагарских кинжалов шляпка еще полая, как у карасукских (табл. 3, 4—6) но постепенно она делается сплошной (табл. 3, 7—8). Затем сплошные шляпки становятся более вытянутыми в длину и узкими, превращаясь в валик со срезанной нижней частью (табл. 3, 8, 10—12). Перекрестье вначале представляет собой плоские выступы — «шипы» (по терминологии М. П. Грязнова), чаще всего прямоугольные, иногда с закругленными концами (табл. 3, 1—5). Та и другая формы известны у карасукских кинжалов (табл. 6, 5—7), только у них «шипы» более короткие; более длинные шипы тагарских кинжалов свидетельствуют о прогрессе этого оружия: сильнее выступающее перекрестье лучше предохраняет руку. Более поздняя форма — утолщение перекрестья в средней части. Оно становится толще ручки, выступает над ней (табл. 3, 6—9, 12). Это черта уже исключительно тагарского времени. Перекрестье такого типа чаще всего сочетается с навершием в виде сплошной шляпки или шляпки-валика (табл. 3, 7, 8, 12).

Среди тагарских кинжалов широко распространены настоящие валиковые навершия. Валик круглый в сечении (табл. 3, 9). Вряд ли все валики ведут происхождение от грибовидных шляпок. Этому противоречит то, что многие кинжалы с валиками (простыми или рассеченными) имеют плоское перекрестье — «шипы» архаического типа, и то, что навершие в форме валика распространено чрезвычайно широко в скифском мире, например в Причерноморье. Скорее всего обе формы — грибовидная шляпка и круглый в сечении валик — какое-то время сосуществовали, что и вызвало смешанную форму — валик со срезанной нижней частью. Валики простые, рассеченные поперечными желобками и оформленные в виде ряда из трех шариков, каждый из которых иногда рассечен еще вертикальным желобком, сбычны для тагарской архаики. Некоторые валики оформлены в виде застежек той формы, что встречается в погребениях VII в. до н. э. (табл. 3, 18, 20); это может служить одним из указаний на дату этой группы кинжалов. Вообще же дата кинжалов с «шипами» определяется их местом в хронологической таблице непосредственно после памятников предтагарского времени и многочисленными аналогиями на территории Евразии, часть из которых приведена на табл. 6 (15—25, 33). В погребениях предтагарского времени их нет, как, впрочем, нет вообще оружия. Они встречены в сочетании с ножами раннетагарского типа, сохраняющими лишь пережитки карасук-тагарских особенностей, или с уже чисто тагарскими ножами (см. табл. 1). Все это указывает на VII в. до н. э. как на время максимального распространения кинжалов с «шипами»; может быть, самые архаические из них заходят еще в VIII в. до н. э. Наиболее же поздние — с валиками-шляпками и с валиками перечисленных выше типов — продолжают существовать еще в начале VI в. до н. э.

Из вещей с отдаленных территорий хорошо обоснованную дату дают сходного типа бронзово-железные кинжалы из Каменноостовского, Березовского и Кисловодского могильников, также VIII—VII вв. до н. э.⁷

Следующую группу образуют кинжалы с перекрестьем, происходящим также от «шипов», но более развитого типа. Оно делается более узким, сами кинжалы — менее массивными. Концы перекрестья иногда загибаются вверх, что совершенно не характерно для архаических кинжалов

⁷ Е. И. Крупнов, 1950, стр. 99—100. В более поздней работе (Е. И. Крупнов, 1960, стр. 209) автор понижает дату этих могильников до VII—VI вв. до н. э.

предыдущей группы и, может быть, свидетельствует о каком-то знакомстве с кинжалами с бабочковидным перекрестьем. Однако как раз тагарские кинжалы этой группы отличаются наибольшей самобытностью и не распространены за пределами Минусинской котловины. Ручки многих из них полые и приспособлены для помещения в них шила-вкладыша, заканчивающегося фигурой животного, чаще всего кабана (табл. 3, 23). У других кинжалов ручка сплошная, но она также заканчивается фигуркой стоящего животного (табл. 3, 24—26). Эта группа имеет явную генетическую связь с предыдущей, корреляция ее с соответствующей группой чеканов и с наконечниками стрел VI в. до н. э. (см. табл. 1) позволяет считать эту дату временем существования данной группы. В этот же период были распространены и ножи со вкладышами или с фигуркой стоящего животного (табл. 37, 22, 23; табл. 23, 1, 5, 9; табл. 28, 14). Другие типы кинжалов не встречаются в курганах; почти все они известны по материалам случайных находок. Один из них скорее всего можно считать «боковой ветвью» кинжалов с «шипами», но у него «шипы» не увеличились (как у других), а почти исчезли, остались лишь небольшие полукруглые выступы, иногда украшенные головами птиц или копытообразным знаком. Наличие таких кинжалов в трехкладах (Верхне-Метляевском в Приангарье⁸, Торгашинском⁹ и Есаульском¹⁰ в Красноярском районе) позволяет датировать их концом VI—V в. до н. э. Этот тип более распространен в Красноярско-Канском районе, но известен и в Минусинской котловине (табл. 3, 27, 28).

Вторая большая группа объединяет кинжалы с бабочковидным, или сердцевидным, перекрестьем. Ручка их часто бывает рубчатой (табл. 4, 1—4) или с одним широким и глубоким желобком (табл. 4, 8) или, наконец, прорезная; некоторые имеют гладкую цельную ручку. Навершие различны: часто встречаются овальные плоские (табл. 4, 1) или валики с утоншающимися концами (табл. 4, 2, 3), кольца (табл. 4, 4) и иногда — в виде пары головок грифонов (табл. 4, 8). В погребениях кинжалы с бабочковидным перекрестьем и перечисленными выше формами ручек не встречаются (за исключением обломка верхней части кинжала из кургана у с. Назаровское)¹¹. Но в тагарских погребениях IV—III вв. до н. э. встречаются их миниатюрные изображения. В курганах V в. до н. э. их как будто еще нет, попадают лишь миниатюрные чеканы (см. табл. 1). Среди позднеатагарских миниатюрных кинжалов нет ни одного, который изображал бы кинжалы с «шипами» или прямым перекрестьем VII—VI вв. до н. э. Можно думать поэтому, что миниатюры изображали современные им кинжалы (что доказывается и находкой обломка такого кинжала в Назаровском кургане в комплексе с миниатюрными). В курганах Тувы кинжалы с бабочковидным перекрестьем и рубчатой ручкой найдены в комплексах V—IV вв. до н. э.¹², что также подтверждает их дату — V—IV, может быть, и III в. до н. э. В скифских курганах Причерноморья кинжалы с бабочковидным перекрестьем и рубчатой ручкой характерны для эпохи архаики — в основном для VI в. до н. э. Однако, как установила А. И. Мелюкова, для них обычен клинок с параллельными краями; у кинжалов же V—IV вв. до н. э. он треугольной формы, резко суживающийся книзу¹³. Такой треугольный клинок характерен для тагарских кинжалов с бабочковидным перекрестьем. Это вновь подтверждает их дату. Не позволяет связывать тагарские кинжалы не-

⁸ Г. А. Максименков, 1960, стр. 34, рис. II, 1.

⁹ Торгашинский клад не издан. КМ, 184.

¹⁰ Р. В. Николаев, 1961, стр. 282, рис. 1—6.

¹¹ Раскопки Д. А. Клеменца, 1888 (ГИМ, 35187, хр. VII 47/1-6).

¹² С. И. Вайнштейн, 1958, табл. IV, 53, 55; Н. Л. Членова, 1961, стр. 148, табл. 1—2.

¹³ А. И. Мелюкова, 1950, стр. 183.

посредственно с архаическими скифскими и то, что тагарские никогда не имеют характерного для скифских брусковидного навершия. Перекрестье также другой формы: не в виде почки¹⁴, а с широко расставленными в стороны «крыльями», чего не бывает у скифских кинжалов.

Тем не менее кинжалы с бабочковидным перекрестьем и рубчатой ручкой очень широко распространены по территории Евразии (Северное Причерноморье, Казахстан, Барабинская степь, Алтай, Тува, Ордос)¹⁵, и тагарские кинжалы Минусинской котловины, несмотря на перечисленные отличия, также входят в этот ареал. Но в Минусинскую котловину они проникли не из Причерноморья, а из какого-то другого района. Имея в виду, что минусинские кинжалы бронзовые, а также широкое распространение подобных форм в Западной Сибири, можно предполагать, что они проникли оттуда, либо из еще более западных областей.

Непосредственно выводить кинжалы с бабочковидным перекрестьем из кинжалов с «шипами», видимо, нельзя, и не только на территории Минусинской котловины, но, видимо, и на какой-либо другой. Перекрестье в форме сердца несколько не лучше защищает руку от поранения, чем прямое; пожалуй, прямое защищает даже лучше. Во всяком случае, средневековые кинжалы и мечи сохраняют прямое перекрестье, тогда как сердцевидное исчезает после скифской эпохи. Появление сердцевидного перекрестья (как и прямого) следует, видимо, объяснять какой-то традицией.

Мы уже говорили, что тагарские кинжалы с «шипами» или с прямым перекрестьем непосредственно восходят к карасукским. Однако карасукские не выработались в Минусинской котловине. Здесь известен ряд андроновских кинжалов достаточно выработанных форм (см. табл. 5), которые можно сопоставить с позднеандоновскими и со срубно-хвалынскими западных районов¹⁶. Как видно из сравнения более ранних и более поздних форм срубно-андоновских кинжалов, развитие их идет таким образом: «шипы» постепенно превращаются в уступ, а ручка — в черенок, заостренный на конце, который всаживался в рукоятку, скорее всего деревянную (табл. 5, 4—6, 8). На западе эта форма непосредственно переходит в железо, не приобретая никаких «шипов» карасукского типа¹⁷. У другой формы позднесрубных и позднеандоновских кинжалов прорезная ручка (кинжалы «сосново-мазинского» типа) с хорошо выработанным сложным перекрестьем совершенно иного типа, которое, конечно, также не могло послужить прототипом «шипов» карасукского типа. Таким образом, представления о том, что имеющиеся на некоторых ножах-кинжалах позднесрубного и позднеандоновского типов выступы или «шипы» превращаются в выступы или «шипы» карасукского типа, а последние — в бабочковидное перекрестье и что эта эволюция вызвана совершенствованием оружия¹⁸, не подтверждаются фактами. Такой линии развития кинжала никогда не существовало. Некоторые указания на то, откуда происходят кинжалы с «шипами», дает табл. 6. Из нее видно, что они

¹⁴ За исключением одного, найденного в Малой Ине (ММ 823). F. R. Martin, 1893. Pl. 21, II.

¹⁵ Н. Л. Членова, 1961, стр. 115, 148, табл. I, 1—7; М. П. Грязнов, 1956, стр. 12, рис. 3, 2—7.

¹⁶ Западноандоновские кинжалы найдены в следующих местах: Малый Койтас (М. П. Грязнов, 1927, стр. 14, рис. 25, 1 — с зачатками «шипов»); Алексеевское поселение (О. А. Кривцова-Гракова, 1948, стр. 96, рис. 20, 1 — кинжал с уступом), литейная форма из Мынчункура (С. С. Черников, 1960, табл. XVI, 2 — кинжал с хорошо заметным уступом); Восточный Казахстан (там же, табл. XII, 4, 2 — кинжалы с хорошо выраженным уступом и черенком). Позднесрубные кинжалы см.: A.-M. Tallgren, 1926, p. 199, fig. 109, 2, 4, 7, 8 — с «шипами» и черенком, с ручкой сосново-мазинского типа; О. А. Кривцова-Гракова, 1955, рис. 12, 7 — раннесрубный кинжал с «шипами» (рис. 34, 1—4 и др. — позднесрубные кинжалы с черенком).

¹⁷ Б. Н. Граков, 1958, стр. 4, рис. 1а.

¹⁸ В. А. Городцов, 1910, стр. 205—206; М. П. Грязнов, 1930; К. Jettmar, 1950.

были распространены очень широко: Ордос, Северный Китай, Забайкалье¹⁹, Тува²⁰, Минусинская котловина, Алтай, район Томска²¹, Казахстан²², Средняя Азия (Ахангеран), Ассирия, Малая Азия (Соли, или Помпейполис), Северный Кавказ²³, Саратовская область²⁴, Пензенская область, Ананьино, лесостепная Украина, Польша, Румыния, Венгрия и Словакия. Даты всех кинжалов на сводной таблице находятся в пределах середины II—начала I тыс. до н. э. Так, минусинские и кинжал неизвестного происхождения из Иркутского музея (табл. 6, 5—7) относятся к карасукской культуре и, видимо, старше VII в. до н. э. (кинжалы VII в. до н. э. см. на табл. 3, 1—8). Кинжалы из Ордоса (табл. 6, 2, 3) по сходству с предыдущими можно датировать так же. Дата меча из Томска (табл. 6, 10) — около VIII в. до н. э. — была обоснована в нашей статье²⁵. У кинжалов с Северного Кавказа, из Ананьино, Пензенской области и с Украины (табл. 6, 12, 15—22, 26, 27) бронзовая ручка и железное лезвие, что само по себе заставляет относить их ко времени не позже VII в. до н. э. Некоторые из них к тому же найдены в комплексах, другие предметы которых подтверждают эту дату²⁶.

Обратим внимание на то, что даже эти поздние кинжалы часто бывают составными: ручка из одного материала (бронза), лезвие — из другого (железо). Интересен найденный в Березовском могильнике на Северном Кавказе (табл. 6, 17) кинжал, на котором отчетливо видно, как лезвие вставляется в ручку. Все это наводит на мысль, что прототипы кинжалов с «шипами» следует искать среди таких, у которых ручка и лезвие изготовлены отдельно. Забегая несколько вперед, укажем сразу кинжал из додинастического Египта (табл. 5, 9), с кремневым лезвием и костяной ручкой, заканчивающейся такой же грибовидной шляпкой, как и у карасукских, северокавказских и украинских. В том месте, где ручка надевается на лезвие, с боков ее спущены вниз выступы-шипы, предохраняющие руку от ранения. Кинжал этот поразительно похож на кинжал из Кобани (табл. 6, 23), но с более выраженными «жальцами» или «шипами», напоминающими скорее «шипы» ордосского (табл. 6, 2) или из Тувы²⁷. Между тем египетский кинжал относится к IV тыс. до н. э. Это типичная форма древнеегипетских кинжалов. Другие изготовлены из бронзы, но ручка их также сделана отдельно и насажена на лезвие, а на вершине напоминает грибовидную шляпку, но более округло. Медные и золотые кинжалы с такой ручкой, насаженной отдельно, типичны для царских могил Ура III тыс. до н. э. Концы ручки иногда подняты вверх, иногда горизонтальны, но всегда несколько вытянуты, чтобы защитить

¹⁹ Озеро Кото-кель (М. П. Грязнов, 1929); Н. Н. Диков, 1958, табл. XXIII, 1, 2, 4.

²⁰ Село Туран, случайные находки (Л. Р. Кызласов, 1958, табл. II, 25, III, 36).

²¹ Меч, помещенный на таблице, издан автором настоящей работы как происходящий из Минусинской котловины (Н. Л. Членова, 1955а) на основании записи в инвентарной книге Томского краеведческого музея. Впоследствии М. П. Грязнов и И. М. Мягков сообщили мне, что меч найден в Лагерном саду близ Томска и запись в инвентарной книге неверна. Пользуюсь случаем исправить ошибку и выразить признательность М. П. Грязнову и И. М. Мягкову. Два кинжала с «шипами» найдены в Томском могильнике на Большом мысу (М. Н. Комарова, 1952, стр. 35, рис. 20, 2, стр. 43, рис. 9).

²² Четыре кинжала происходят из Восточного Казахстана, один — из окрестностей города Степняк в Северном Казахстане (С. С. Черников, 1960, стр. 166, табл. X, 1; XVI, 5, 10). Казахские кинжалы с «шипами» не помещены на нашей табл. 6.

²³ См. кинжалы из-под Кисловодска, изданные у Е. И. Крупнова (1960, табл. VIII, 4 и XXXV, 1, 5).

²⁴ Село Демкино Хвалынского района Саратовской области. Случайная находка (Е. К. Максимов, 1960, стр. 128).

²⁵ Н. Л. Членова, 1955а, стр. 137—138.

²⁶ VIII—VII вв. до н. э. (Е. И. Крупнов, 1950, стр. 99—100; 1956, стр. 263) или VII в. до н. э. (А. А. Иессен, 1951, стр. 107).

²⁷ Л. Р. Кызласов, 1958, табл. II, 25.

руку. Чрезвычайно близки к кинжалам из царских могил Ура бронзовые кинжалы из Луристана. К. Шеффер относит их к III тыс. до н. э.²⁸, другие исследователи склонны относить ко II тыс. до н. э. Наконец, во II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке довольно много бронзовых кинжалов, полая ручка которых отлита отдельно и надета на клинок. Например, несколько кинжалов из Соли в Киликии (Малая Азия — табл. 6, 24). С. Пржеворский датирует их XIII в. до н. э.²⁹, К. Биттель и К. Шеффер — между 2000 и 1750 гг. до н. э.³⁰ Подобный же кинжал известен из Мегиддо в Палестине (дата К. Шеффера — 1200—1600 гг. до н. э.³¹). Наконец, упоминающийся уже бронзовый кинжал из Кобани, столь поразительно напоминающий египетский IV тыс. до н. э., отнесен К. Шеффером к 2000—1600 гг. до н. э. на том основании, что более развитые кинжалы из Талыша датируются 1450—1350 гг. до н. э.³² Кинжалы такого типа, но с более сложными орнаментированными ручками очень распространены на Кавказе³³. Ручки их иногда без «шипов» или со слабо выраженными «шипками» (Кобань). Бронзовый меч с насадной ручкой с прекрасно выраженными «шипками» и грибовидным навершием найден в Микенах (около 1400—1300 гг., табл. 6, 25)³⁴. Бронзовые мечи с ручкой того же типа и с грибовидным навершием широко распространены в Европе в позднем бронзовом веке³⁵. Они со сложной орнаментацией, это вполне обособившийся вид. У всех перечисленных кинжалов и мечей грибовидное навершие, шляпка изготовлена из одного куска с ручкой. Однако форма шляпки наводит на мысль, что должны существовать кинжалы, где и шляпка изготовлена отдельно. Такие кинжалы известны в Газе в Палестине³⁶ (1850—1750 гг. до н. э., по К. Шефферу)³⁷.

На основании приведенных примеров эволюцию кинжалов с «шипками» можно представить следующим образом. Вначале ручка и клинок изготовлялись из разных материалов, ручка была полой и клинок вставлялся в нее. Первоначальными материалами, судя по египетской находке, были кремень и кость. Затем ручку и клинок стали делать из металла (из одного или разных). Наконец, их стали отливать вместе из бронзы. Некоторое время по традиции ручка делалась полой (карасукские и ордосские кинжалы), затем стала сплошной (тагарские кинжалы). Традиция изготовлять ручку полой и из другого материала долго сохранялась и на Западе (полая ручка кинжала из Березовского могильника, бронзово-железные кинжалы Кавказа, Украины и других мест).

Перекрестье формировалось так: вначале это оттянутые в стороны или вниз края полой ручки. Затем, с превращением ручки в плоскую, плоскими стали и эти выступы. Они делаются более длинными и широкими — это диктовалось совершенствованием оружия. Наконец, они превращаются в прямое перекрестье украинских, польских, румынских и прочих кинжалов и мечей предскифской эпохи.

Территория, откуда происходят наиболее древние прототипы кинжалов с «шипками», — Египет и Месопотамия (IV—III тыс. до н. э.). В первой половине II тыс. до н. э. такие кинжалы распространяются шире, по всему Ближнему и Среднему Востоку. Во второй половине II тыс. до н. э. (с XIV—XII вв. до н. э.) они распространяются еще шире на запад (эгейский мир, Греция, Европа), на восток (Казахстан, Сибирь, Ордос)

²⁸ C. Schaeffer, 1948, fig. 263, 5, p. 484—485.

²⁹ S. Przeworsky, 1939, Taf. 1, S. 26, 49.

³⁰ K. Bittel, 1940, S. 183—187; C. Schaeffer, 1948, p. 276—277.

³¹ C. Schaeffer, 1948, fig. 141c, 171, 9.

³² Там же, рис. 300, 1.

³³ J. de Morgan, 1927, p. 308, fig. 313, 1, 2.

³⁴ J. Naue, 1903, Taf. V, 4a, S. 111; A. W. Persson, 1931, Pl. XXII.

³⁵ J. Naue, 1903, Taf. XXVIII, 2, 3; XXXIII, 1 u. a.

³⁶ W. M. Flinders Petrie, 1933, Pl. XIX, 10 a. o.

³⁷ C. Schaeffer, 1948, p. 154.

и на север (Кавказ, Казань). Видимо, в I тыс. до н. э. они уже широко известны в северных степях Восточной Европы (бронзово-железные кинжалы Северного Кавказа, Украины, Польши, Румынии, Венгрии). Возводить эти восточноевропейские кинжалы непосредственно к карасукским³⁸ нет оснований. Относясь к тому же типу, они все же достаточно от него отличаются (табл. 6, ср. 15—22, 26—34 и 5—7). Думается, что эта восточноевропейская группа восходит к каким-то кинжалам типа кобанских и от них — к кинжалам Ближнего Востока. Однако в общем виде теория о родстве карасукских и восточноевропейских кинжалов с «шипами», выдвинутая А. И. Тереножкиным, вполне разделяется автором данной работы³⁹.

На Ближний и Средний Восток как на территорию, откуда такие кинжалы проникли в Минусинскую котловину, указывает еще и следующее обстоятельство. Ручки карасукских кинжалов полые не только у кинжалов с «шипами», но и у других типов. Мы видели, что ручки некоторых из них имеют щель (которая на тагарских превращается в неглубокий желобок). Чем древнее карасукский кинжал, тем эта щель шире; в некоторых случаях остается одна сторона полой ручки, а от другой стороны — только небольшие закраины (табл. 5, 12)⁴⁰. Это наводит на мысль, что в ручку вставлялся какой-то стержень из дерева или другого материала, и заставляет вспомнить так называемые кассетные кинжалы, распространенные на Ближнем Востоке, от эгейского мира до Ирана и Кавказа во II—I тыс. до н. э.⁴¹ Устройство их несколько другое: бронзовая пластина-ручка снабжена закраинами не с одной стороны, как у карасукских кинжалов, а с двух, и в образовавшиеся таким образом «кассеты» вставлены накладки из дерева или кости. Кассетные кинжалы часто имеют прямое перекрестье («шпы») и навершие в виде уплощенного полшара, которые бываю также обведены закраинами (табл. 5, 20, 28)⁴². И вот оказывается, что среди минусинских кинжалов с «шипами» (уже тагарской эпохи) есть экземпляры с плоской ручкой и бортиками, имитирующими закраины и также заходящими на перекрестье (табл. 5, 14, 13). Среди кассетных кинжалов встречаются такие, где закраины вырезаны полукругами (табл. 5, 19). Сравним их, например, с кинжалами VI и V вв. до н. э. из Минусинской котловины, Восточного Казахстана и Узбекистана (табл. 5, 15—18). Ручка здесь сплошная, и закраины превратились в простой орнамент.

Изложенное позволяет думать, что кассетные кинжалы — это боковая ветвь развития ближневосточных кинжалов с полой ручкой и «шипами», о которых шла речь как о прототипах карасукских и предскифских кинжалов с «шипами». По-видимому, мастера изготовлявшие карасукские и среднеазиатские кинжалы скифской эпохи, были знакомы с кассетными. Все это снова указывает на Ближний и Средний Восток как на предполагаемую родину карасукских (а через их посредство и тагарских) кинжалов. Такое направление связей подтверждает и находка на Памире кинжала переднеазиатского типа⁴³.

Перейдем к кинжалам с сердцевидным перекрестьем. В Минусинской

³⁸ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 201.

³⁹ См. также нашу уже упомянутую статью (Н. Л. Членова, 1955а), где сибирским кинжалам приводятся параллели с Кавказа.

⁴⁰ В. В. Радлов, 1891, табл. XI, 9.

⁴¹ Классификацию кассетных кинжалов см.: R. Maxwell-Hyslop, 1946; Th. J. Neek, 1939, p. 8—10. Наиболее ранние датируются 1800—1700 гг. до н. э. (Сирия, Палестина, Египет). В Луристане их расцвет относится к XII в. до н. э.; кассетный кинжал с железным лезвием и бронзовой ручкой найден в некрополе В Тепе Сялка (X—VIII вв. до н. э.); наконец, они известны в 600—500 гг. до н. э. в Вавилоне и в V в. до н. э. в Персеполе (железный кинжал; см. E. F. Schmidt, 1939, fig. 27a).

⁴² См. упомянутый кинжал из некрополя В Тепе Сялка (R. Ghirshman, 1937, t. II, pl. XXVI, 8, 14).

⁴³ Устное сообщение Б. А. Литвинского, 1962 г.

котловине они появляются позже кинжалов с прямым перекрестьем — только в середине VI—V вв. до н. э. Но в Причерноморье они встречаются и в архаических скифских курганах начала VI в. до н. э. Единственный бронзовый кинжал с Украины имеет сердцевидное перекрестье⁴⁴, и среди бронзово-железных, опубликованных А. И. Тереножкиным, один также с сердцевидным перекрестьем (табл. 5, 26). Другой найден в могильнике Фаскау на Северном Кавказе⁴⁵. Это доказывает, что по крайней мере в степях Евразии оба типа — с прямым и с сердцевидным перекрестьем — появились одновременно. Среди древневосточных кинжалов оба эти типа если не появляются одновременно, то, во всяком случае, существуют совместно с глубочайшей древности. Сердцевидное перекрестье образуется, если у полой же ручки, края которой заходят с боков на лезвие (но не имеют «шипов»), сделать вырез в середине нижней части. То-есть, это просто вариант ручек, от которых происходят кинжалы с «шипами». В додинастическом Египте наряду с уже упоминавшимся кремневым (табл. 5, 9) существовали и кинжалы с кремневым клинком в форме хвоста ласточки. Ручки их из кости или золота (очень близкие ручке кинжала, изображенного на табл. 5, 9) имеют полукруглый вырез в нижней части, отчего напоминают сердцевидное перекрестье (табл. 5, 22). Эти кинжалы относятся к IV тыс. до н. э. Несколько позже кремневых кинжалов кинжал из Эль-Амра с серебряным клинком и костяной ручкой, но вырез у него слишком велик, и края ручки заходят на лезвие, как рога (табл. 5, 23); впоследствии этот тип перекрестья развивается в кассетных кинжалах Среднего Востока⁴⁶. Подобные же вырезы в нижней части ручки есть и на кобанском бронзовом⁴⁷ и на многих кинжалах эпохи поздней бронзы из Европы (табл. 5, 24, 25), в этом также можно видеть зачаток сердцевидного перекрестья. «Крылья» перекрестья иногда сильно расходятся в стороны (табл. 5, 25), иногда более узки. Эти варианты продолжают потом существовать и на кинжалах скифского мира.

Для кинжалов с сердцевидным перекрестьем нельзя проследить в деталях все этапы происхождения, так как прототипов их известно значительно меньше, чем для кинжалов с «шипами». Все же можно думать, что ближайшие предки «скифских» кинжалов-акинаков с сердцевидным перекрестьем находят также на Ближнем Востоке, неподалеку от Месопотамии или в Иране. В Средней Азии и Причерноморье они становятся излюбленной формой. Употреблялись они и мидийцами, как это известно по рельефам Персеполя⁴⁸. На Востоке же, в Минусинской котловине, долго продолжали господствовать прежние формы с прямым перекрестьем, хотя, как мы видели, на отдельных кинжалах VI в. до н. э. уже заметно некоторое влияние кинжалов с сердцевидным перекрестьем.

Такова история двух типов тагарских бронзовых кинжалов в Минусинской котловине. Несколько слов о бронзово-железных и железных той же территории. До сих пор ни один из них не найден в кургане. Поэтому датировать их трудно. Те из них, которые копируют «скифские» образцы, по-видимому, следует относить к тагарской эпохе. Общее количество таких железных кинжалов очень невелико: всего 16 штук⁴⁹. Они делятся на две неравные группы. К первой относятся 11 штук, которые явно сле-

⁴⁴ Село Томашевка Киевской области (А. И. Тереножкин, 1954, стр. 103, рис. 11, 5).

⁴⁵ Е. И. Крупнов, 1960, табл. XXX, 3.

⁴⁶ Луристан и Талыш (R. Maxwell-Hyslop, 1946, типы 40, 43, p. 48, 49).

⁴⁷ C. Schaeffer, 1948, fig. 300, 2.

⁴⁸ E. F. Schmidt, 1957, t. I, Pl. 65, A, B.

⁴⁹ Ю. С. Гришин безосновательно отнес к тагарской эпохе также «рогатые», «завитковые» и «дисковые» кинжалы (Ю. С. Гришин, 1960, стр. 182—183). Кинжал последнего типа найден в кладе вещей VII—X вв. н. э., зарытом в насыпь тагарского кургана (Аскировка, раскопки А. Н. Липского, 1949 г., Архив ИА, р-1, д. 763, табл. LXXIX, 2). Кинжалы других перечисленных типов находят точные аналоги в комплексах сарматского времени.

дуют бронзовым тагарским образцам. Это кинжалы с навершием в виде парных головок грифонов. У части из них рубчатая ручка⁵⁰, у некоторых — бабочковидное перекрестье⁵¹. Изготавливать головки грифонов, рубчатые ручки и бабочковидные перекрестья из железа крайне неудобно, вот почему головки скоро приобретают самый схематический вид, ручка перестает быть рубчатой, а перекрестье становится насадным, порой еще сохраняя бабочковидную форму, но иногда уже делаясь прямым⁵², как это обычно бывает у железных кинжалов. Встречаются навершия в виде плоских вытянутых овалов и уплощенных колец — та и другая форма хорошо известны по бронзовым тагарским кинжалам. Перекрестье в одном случае бабочковидное, в другом — даже древней формы — «шпы» и в третьем — прямое, в виде двух головок кабанов с одним общим ухом (табл. 23, 30). Ручки сплошные плоские или с вертикальной прорезью. Если абсолютная дата этих кинжалов неясна, то место их после бронзовых тех же типов, которым они подражают, не вызывает сомнений. Их можно отнести, видимо, к концу тагарской эпохи.

Другая группа железных кинжалов (5 экземпляров) совершенно своеобразных форм, неизвестных среди тагарских бронзовых кинжалов. У одного из них по краям ручки — полоски, состоящие из четырехгранных пирамидок (см. табл. 11, 15). Подобная ручка известна нам лишь на рельефе (V в. до н. э.) из Персеполя⁵³ (табл. 11, 16), и это хорошо согласуется с общей формой кинжала. Второй — с навершием и перекрестьем в виде голов грифонов (табл. 11, 14), снабженных гребнями, чего никогда не бывает на минусинских изображениях (см. ниже, главу II), но что типично для ахеменидского Ирана и классической Греции⁵⁴; у третьего — волотовое навершие, также не характерное для тагарских бронзовых кинжалов (табл. 11, 13). Он очень велик и широк, кинжалы таких размеров не встречаются среди тагарских; форма его бабочковидного перекрестья, половины которого почти полукруглые, также не свойственна тагарским, но типична для кинжалов среднеазиатских⁵⁵ и мидийских, известных по рельефам Персеполя⁵⁶. Дата тех и других V — IV вв. до н. э. Известны еще два железных кинжала с навершиями, а в одном случае и с перекрестьем в виде головок бородатых быков (табл. 36, 6, 7), которые абсолютно чужды тагарскому звериному стилю. Это характернейший мотив ахеменидского искусства (см. главу II). Можно даже думать, что эта небольшая группа кинжалов — импорт из ахеменидского Ирана или из тех частей Средней Азии, которые были тогда иранскими сатрапиями.

Известно еще 15 бронзово-железных кинжалов. Из них четыре с бронзовым клинком и железной ручкой, у прочих клинок железный. У двух из них навершия в виде грифонных голов, а перекрестья — в виде оскаленных волчьих морд⁵⁷ (табл. 11, 9, 10), и они занимают промежуточное положение между бронзовыми тагарскими и железными кинжалами с грифонными головами (см. табл. 2). Перекрестье других иногда бабочко-

⁵⁰ Енисейская губерния (МАЭ, 1705; по рисунку В. В. Волкова); к северу от Минусинска (ГЭ 1125—57); Малая Минуса (КМ 131—166), Минусинский край (АМ, 724).

⁵¹ МАЭ 1705; КМ 131-66; ГЭ 1123-14; ММ 761*.

⁵² ММ 762*; ГЭ 1123-14; ММ 762* и ГЭ 1123-57. Под насадным здесь имеется в виду перекрестье из двух железных пластин, которые накладываются с двух сторон на кинжал (ручка его из одного куска с клинком) и концы их затем соединяются путемковки.

⁵³ E. F. Schmidt, 1939, p. 28, fig. 15.

⁵⁴ G. Azarpay, 1959, p. 326—328.

⁵⁵ O. Dalton, 1908; E. Sarre, E. Herzfeld, 1900, Taf. 65, A—B; Б. А. Литвинский, 1960, стр. 2, рис. 1—18.

⁵⁶ E. F. Schmidt, 1939, Ср. также меч из Чертомлыка иранской работы (И. Толстой, Н. Кондаков, 1889, стр. 145, рис. 122).

⁵⁷ Батени, ГЭ 1343; село Абаканское, ГЭ 1124-16.

видное (табл. 11, 1, 6, 8)⁵⁸, прямое или овальное⁵⁹. Навершие в форме плоского овала, сегмента, прямоугольника или кольца. Ручка еще бывает рубчатой (если она бронзовая), иногда прорезной. Интересно, что некоторые из этих кинжалов по существу изготовлены уже целиком из железа, но их навершие, перекрестье или ручка облиты тонким слоем бронзы. Это удается обнаружить в разрывах оболочки. Железный кинжал пытаются как бы замаскировать под бронзовый. Близкие, а иногда и аналогичные приемы наблюдаются на Восточном Памире⁶⁰ и в Северном Казахстане примерно в ту же эпоху — в IV в. до н. э.⁶¹ Бронзово-железный кинжал найден также в Туве (могильник Саглы, раскопки 1961 г., V—IV вв. до н. э.). Таким образом, появление в Минусинской котловине в V—IV вв. до н. э. бронзово-железных и железных кинжалов, по-видимому, следует рассматривать как результат связей с западными и южными районами (Алтай, Казахстан, Тува), где железное оружие в V в. до н. э. уже прочно вошло в обиход. В Минусинской же котловине железо вытесняет бронзу гораздо медленнее. Все же начало проникновения сюда железного оружия относится еще к тагарской эпохе.

Бронзовые ножи тагарских кинжалов неизвестны. По-видимому, их не изготовляли. В отчетах о раскопках часто встречаются упоминания об обрывках кожаных ножен, но и в этом нельзя быть уверенным после находки в кургане 6 Ужурского могильника. Кинжал здесь был целиком зашит в кожу, футляр плотно облегал лезвие и ручку, а концы прямого перекрестья торчали наружу — для них были оставлены специальные отверстия⁶². Вытащить клинок из этих «ножен» невозможно, не распоров их. Видимо, так сделали сознательно, чтобы покойник не мог вредить живым, или для того, чтобы он не потерял кинжал во время дальней дороги в загробный мир. Можно думать, что обрывки кожи, найденные в других курганах, — также остатки «футляров».

Тагарские кинжалы, как можно судить по нескольким сведениям из дневников раскопок, носили на поясе слева⁶³, реже справа⁶⁴ или спереди⁶⁵ (в последнем случае кинжал подвешивался горизонтально за два ремешка). Все эти сведения относятся к VII—VI вв. до н. э. Способа привязывания кинжала к бедру, характерного для жителей Средней Азии⁶⁶, сарматов Зауралья⁶⁷ и мидийцев⁶⁸, у носителей тагарской культуры не засвидетельствовано; но кинжалы обычных размеров (не миниатюрные) не встречаются в тагарских погребениях позже VI в. до н. э. и таким образом, мы не знаем, как носили их в V—IV вв. до н. э., т. е. в то время, когда появляются кинжалы, близкие сакским и мидийским.

⁵⁸ Тисуль, ГИМ; село Биря, ГИМ; Усть-Ерба, ММ 816 (Д. А. Клеменц, 1886, атлас, табл. IV, рис. 10), дер. Иджа, ММ 1211 * и 3 кинжала — Минусинский край (ММ, без инвентарного номера, МИМК ТГУ, 3176).

⁵⁹ Дер. Иджа, ММ 1211; Минусинский округ, МИМК ТГУ 3175; ГИМ 39168; КМ 11-29 (по рисунку В. Волкова); ММ 1206; ММ, два без инвентарного номера.

⁶⁰ Б. А. Литвинский, 1960, стр. 2, рис. 17, 18.

⁶¹ Северный Казахстан, Айдабуль II (К. А. Акишев, 1959, стр. 20, рис. 15) — бронзовый поясок сверху ручки. Перекрестье кинжала бронзовое и было обложено двумя железными пластинами.

⁶² Н. Л. Членова, отчет за 1955 г. — Архив ИА, ф. 1, д. 1169, альбом, л. 30, рис. 46 и 46-А.

⁶³ Тагарское озеро, курган 33 (А. В. Адрианов, 1902—1924, стр. 45); Тагарский остров курган 2, 1895 г. (там же, стр. 50); Откнин улус, курган 5, могила 2 (В. Г. Карцов, Дневник раскопок близ Откнина улуса. — Архив ОИПК, прил. 10 к акту 6 от 4.XI 1931 г., л. 30).

⁶⁴ Оглахты IV, погребение 6 (Р. В. Николаев, Альбом к отчету за 1957 г. — Архив ИА, д. 1517, табл. XXII, л. 15).

⁶⁵ Узунжол. Раскопки И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова-Красноярского (архив ММ, папка И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова. Отчет., стр. 35—36); Тагарское озеро, курган 32, северная могила (А. В. Адрианов, 1902—1924, стр. 45).

⁶⁶ Саки тиграхауда (персепольские рельефы конца VI—V вв. до н. э.).

⁶⁷ Сапогово Челябинской области (ЗУОЛЕ, т. XXXII, 1912, табл. I—II).

⁶⁸ E. Sarré, E. Herfeld, 1900, Taf. 65, A—B.

Ношение кинжала на поясе также широко распространено в скифском мире: у скифов Причерноморья⁶⁹, у жителей Тувы⁷⁰ и Монголии⁷¹, причем в двух последних районах кинжал часто подвешивался к поясу горизонтально, на двух ремешках, как это прослежено в курганах на Узунжуле и на Тагарском озере в кургане 32.

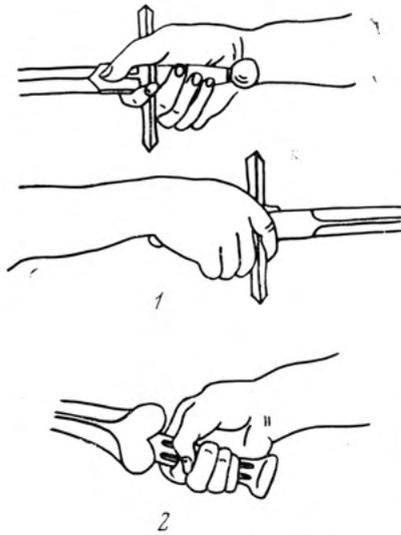

Рис. 1. (по J. F. Haskins, 1952)

Несколько слов о способах держания кинжала и меча. Как выяснил Дж. Хаскинс⁷², было два основных способа. Первый, названный им итальянским, состоит в том, что ручку охватывают тремя пальцами — средним, безымянным и мизинцем, тогда как большой палец лежит поверх перекрестья и самой верхней части клинка, а указательный охватывает перекрестье снизу (см. рис. 1, 1). Этот способ держания мечей и рапир был известен в сасанидском Иране и в других местах. Как видно по рисунку, он возможен только при прямом, достаточно длинном перекрестье, дает прямой или режущий удар, и в соответствии с этим меч или кинжал имеет клинок с параллельными лезвиями. Для некоторого противодействия сильному движению меча вперед меча такого типа часто снабжаются массивным навершием, а ручка привязывается ремешком к запястью⁷³.

Интересно, что все особенности таких мечей, связанные со способом владения ими, характерны и для кинжалов с «шипам», или с прямым перекрестьем: прямое перекрестье, достаточно выступающее уже на карасук-тагарских и предскифских кинжалах и мечах (табл. 3, 1—4; табл. 6, 8, 9, 15, 27), клинок с параллельными лезвиями, характерный именно для этого типа кинжалов (и для раннескифских с сердцевидным перекрестьем); массивное навершие, грибовидное или круглое (табл. 3, 4; табл. 6, 8, 9, 16, 25); наконец, на некоторых карасукских кинжалах петелька под навершием, куда продевался, очевидно, ремешок для подвешивания к поясу, но этим же ремешком могли крепить кинжал к запястью. Все это заставляет подумать о том, что «итальянский» способ держания меча или кинжала мог существовать еще в предскифскую и раннетагарскую эпоху.

При сердцевидном и почковидном перекрестье держать кинжал описанным способом невозможно: указательный палец, не имея достаточной опоры, будет соскальзывать. Здесь применяется «классический» способ: рукоятка зажимается в кулаке (рис. 1, 2), а рука образует с кинжалом или мечом «неудобный угол»⁷⁴. Этот способ применялся греками, римлянами и скифами⁷⁵ и позволял нанести колющий или рубящий удар⁷⁶,

⁶⁹ Н. Г. Елагина, 1959, стр. 188, рис. 2 и др.

⁷⁰ Олений камень у села Суш Пий-Хемского района. Теперь вкопан у здания Тувинского НИИЯЛИ (Кызыл).

⁷¹ Г. П. Сосновский, 1941, стр. 307, рис. 18.

⁷² J. F. Haskins, 1952, p. 258—261.

⁷³ Там же, стр. 261.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ См., например, изображения двух воинов на гребне из Солохи (А. П. Манцев и ч, 1962, табл. 7, 11).

⁷⁶ J. F. Haskins, 1952, p. 261.

что и вызвало, видимо, изменение формы клинка (с V в. до н. э. и в Причерноморье и в Минусинской котловине он делается треугольным) и появление на тагарских кинжалах менее массивных наконечников. «Неудобный угол» между рукой и кинжалом был, очевидно, в самом деле достаточно неудобным, почему сердцевидное перекрестье и выходит так быстро из употребления, и все более поздние кинжалы и мечи делались с прямым перекрестьем.

Чеканы, секиры и проушные боевые топоры

Чеканы, секиры и проушные топоры — близкие друг другу виды оружия, часто у них были одинаковые детали. Их отличия друг от друга сводятся к следующему: чекан — это оружие с суживающимся, заостренным лезвием, или бойком⁷⁷ (табл. 7), лезвие секиры не суживается, а иногда и расширяется (табл. 8, 1—13); проушной боевой топор отличается от секиры тем, что у него нет выступающей втулки (табл. 4, 13—26). Все эти виды, как и кинжалы, относятся к оружию скифского мира, но в отличие от кинжалов-акинаков они менее распространены. Чеканы и секиры широко распространены в Минусинской котловине. Здесь в тагарскую эпоху это очень важное оружие; они известны на Алтае, в Западной Сибири, в Казахстане, широко распространены в ананьинской культуре Прикамья. Что же касается скифских курганов Северного Причерноморья, то там эти виды оружия редки. Чеканов в Причерноморье известно всего несколько штук⁷⁸. Не следует забывать, однако, что секиры или боевые топоры были древним оружием скифов и, может быть, священным, судя по легенде о происхождении скифов, где говорится об упавших с неба предметах — плуге, ярме, секире и чаше⁷⁹. На это же указывает изготовление в Северном Причерноморье бронзовых клевцов-молоточков в форме головы хищной птицы, служивших скорее всего знаком власти⁸⁰. В погребении на Цукурском лимане (VII в. до н. э.) найден бронзовый проушной чекан⁸¹. Может быть, чеканы и секиры в Причерноморье вышли из употребления раньше, чем в других районах скифского мира⁸². Единичные находки секир известны на Северном Кавказе, а также в Венгрии, Чехословакии, Австрии и в других западноевропейских странах.

Достаточно сравнить причерноморские образцы с тагарскими, чтобы убедиться в их глубоком различии. Буквально ни одна из рассмотренных В. А. Ильинской форм скифских чеканов, секир и боевых топоров⁸³ не находит сколько-нибудь точной аналогии в Минусинской котловине. Упомянутый бронзовый чекан с Цукурского лимана проушной, тогда как в Минусинской котловине проушные чеканы — большая редкость, и появляются они там не ранее V в. до н. э. Общи только сами категории оружия, формы же различны. То же можно сказать и о бронзовых секирах из Венгрии, Австрии и Дании, имеющих сходство с некоторыми из скифских⁸⁴.

⁷⁷ Чеканы часто называют клевцами. М. П. Грязнов предложил называть клевцом оружие с загнутым (как клюв) бойком, а чеканом — оружие с прямым бойком (М. П. Грязнов, 1956, стр. 39). Оружия с загнутым бойком (клевцов) в тагарской культуре нет.

⁷⁸ В. А. Іллінська, 1961, стр. 34.

⁷⁹ Геродот, IV, 5—7.

⁸⁰ И. В. Яценко, 1959, стр. 37, табл. III, 3 и стр. 63—64.

⁸¹ С. Прушевская, 1917, стр. 54, рис. 11.

⁸² Из тринадцати известных каменных фигур скифов-воинов из Причерноморья, датированных V—IV вв. до н. э., только у двух изображены секиры, тогда как мечи — у всех, гориты — у одиннадцати (Н. Г. Елагина, 1959, таблица на стр. 195).

⁸³ В. А. Іллінська, 1961.

⁸⁴ W. M. Flinders Petrie, 1917, Pl. XI, 126, 127, 129.

Гораздо более близок тагарским чекан из Перкельского могильника на Северном Кавказе (табл. 10, 9)⁸⁵. У него длинная узкая втулка и ромбический в сечении боек, как у тагарских чеканов; сходство проявляется даже в наличии «палочки» в углу между бойком и втулкой — характерная особенность раннетагарских чеканов. Но в отличие от них северокавказский только наполовину изготовлен из бронзы; боек и обушок — железные. Очень близкий чекан известен из Ананьинского могильника⁸⁶, он отличается только тем, что под бойком помещена головка хищной птицы — характерная особенность и других ананьинских и тагарских чеканов. Другие кавказские чеканы более поздние (VI в. до н. э.), не сходны с тагарскими — один из них близок цукурскому, другой оригинален⁸⁷.

Чеканы и секиры были довольно широко распространены на Памире. Они железные и вряд ли датируются раньше V в. до н. э.⁸⁸; бронзовый чекан из Северного Казахстана более раннего времени (VII—VI или VI в. до н. э.) — проушной, но и те и другие далеки от тагарских⁸⁹.

Полоса сходных с тагарскими чеканов тянется от Минусинской котловины через Алтай и Западную Сибирь в Прикамье. Так, на Алтае в Усть-Кане найден чекан с круглым в сечении бойком и обушком⁹⁰, другой обушковый чекан из того же пункта — с шестигранным бойком⁹¹. Оба они неотличимы от тагарских и могут быть минусинским импортом. Дата их — VII—VI вв. до н. э. Но на Алтае известны чеканы, не имеющие аналогий в Минусинской котловине. Это чекан из Элекмонара очень архаического облика, с длинной втулкой и крестообразным в сечении бойком⁹². Вряд ли он позже VII в. до н. э. Другой чекан с плоским лезвием, чего вообще никогда не бывает у тагарских⁹³.

Сходная с тагарскими секира происходит из Кулундинской степи⁹⁴, она также с архаичным утолщением. То же можно сказать и об архаической секире, происходящей «с Алтая, из Джунгарии или из Кыргызских степей» (табл. 10, 26). Откуда-то с территории Казахстана происходит проушной бронзовый топор с грибовидной шляпкой на обухе, видимо, относящийся к предтагарскому времени⁹⁵. Он напоминает минусинские проушные топоры (ср. табл. 4, 14 и 17), хотя и не идентичен им.

Среди ананьинских чеканов есть почти не отличимые от тагарских, и трудно сказать, импортные они или нет⁹⁶. Другим при значительном сходстве свойственны отличительные черты: пламевидный обушок или в форме головки кабана⁹⁷. Некоторые, секиры и чеканы своеобразны, взять хотя бы знаменитые «пинежские топоры»⁹⁸. Словом, ананьинские чеканы и секиры разнообразны, и большинство типов не может быть выведено из минусинских, в том числе и некоторые архаические.

На Волге известно два бронзовых чекана с ромбическими в сечении бойками и обушками. Они довольно близко напоминают ананьинские и тагарские, но это уже безусловно не тагарский импорт⁹⁹. Скорее всего,

⁸⁵ Е. И. Крупнов, 1960, табл. XXXVI, 4.

⁸⁶ Там же, табл. XXXVI, 5.

⁸⁷ Там же, табл. XXXI, 1 и LXV, 6.

⁸⁸ Б. А. Литвинский, 1960, стр. 2, рис. 1, 19—22, 24.

⁸⁹ М. П. Грязнов, 1956, стр. 14, рис. 4, 1.

⁹⁰ М. П. Грязнов, 1950, стр. 64, рис. 28.

⁹¹ В. М. Флоринский, 1897, стр. 443, рис. 106.

⁹² ГИМ, экспозиция V зала.

⁹³ ГИМ 54746, хр. VII, 47/9в; J. R. Aspelin, 1877, p. 84.

⁹⁴ В. М. Флоринский, 1897, стр. 440, рис. 101.

⁹⁵ «История Казахской ССР», 1957, стр. 33, рис. 2.

⁹⁶ А. В. Збруева, 1952, табл. XXII, 5, 7, 10.

⁹⁷ Там же, табл. XXII, 1, 6.

⁹⁸ Там же, стр. 134, рис. 14.

⁹⁹ Красный Яр, МАЭ 1531/1 (К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 144, рис. 42, 1) и Засечное (А. А. Спицын, 1901, стр. 303, рис. 98). Под бойком чекана была птичья головка, отпиленная находчиком.

они относятся к ананьинской культуре. Последним в ряду сходных с тагарскими (но не идентичных им) назовем уже упоминавшийся бронзово-железный чекан из Перкельского могильника на Северном Кавказе.

Итоги обзора распространения чеканов, секир и боевых топоров в скифское время следующие:

1. Северное Причерноморье и более западные районы, а также Памир дают формы, сильно отличающиеся от тагарских: тагарские чеканы, секиры и боевые топоры не могут быть выведены от скифских, и наоборот.

2. Очень сходные с тагарскими формы чеканов, секир и боевых топоров известны на Алтае, в Западной Сибири, в Прикамье, Поволжье и, наконец, на Северном Кавказе. Однако наряду с ними в каждом из этих районов были другие, достаточно архаичные формы, которые при некотором сходстве с тагарскими не могут быть выведены из тагарских, как и тагарские из них.

Тагарские чеканы были менее распространены, чем кинжалы: их известно 20 в погребениях и 57 из случайных находок (не считая миниатюрных). В погребениях VII—VI вв. до н. э. часто находят их вместе с кинжалами (см. табл. 1). Наиболее ранний чекан из погребения Агаскыр с длинной втулкой, шестигранным бойком и двутавровым в сечении обушком с длинной прорезью; на конце обушка — полая грибовидная шляпка, как наверхие карасукских и предтагарских кинжалов. Очень близкий по форме обушок чекана из Откнина 5 (табл. 1) уже без такой шляпки. Другие ранние чеканы имеют круглый или многогранный обушок. Боек также бывает круглым либо граненым, но никогда не бывает плоским, в отличие от некоторых алтайских и западносибирских чеканов¹⁰⁰ и европейских алебард¹⁰¹. Чеканов известно сравнительно мало, поэтому трудно отделить типы VII в. до н. э. от типов VI в. до н. э. Общая тенденция развития состоит в том, что на протяжении VII—VI вв. до н. э. обушки из многогранных (девяти-, восьми- и семигранных) становятся шести- и четырехгранными. Круглые в сечении обушки очень быстро выходят из употребления, просуществовав как будто только в VII и в начале VI в. до н. э. Угол между бойком и втулкой обычно пустой, иногда в нем отлитая вместе с чеканом «палочка», расположенная по биссектрисе угла (табл. 7, 1, 2, 4, 6). К концу VI в. до н. э. в этом углу помещается головка хищной птицы (табл. 7, 8, 9), и это становится правилом в V в. Какого-либо совершенствования чекана как оружия на протяжении VII—VI вв. до н. э. не происходит. Напротив, с V в. до н. э. большая часть известных нам чеканов из погребений — уменьшенные или миниатюрные, ограниченно пригодные или совершенно не пригодные к употреблению в бою. Второй половине тагарской эпохи вообще свойственно появление миниатюрных бронзовых предметов: чеканов, втоков, кинжалов, ножей, удил, но характерно, что раньше всего стали изготавливать уменьшенные и миниатюрные чеканы (табл. 7, 17—23) — с начала V в. до н. э., а за ними уже кинжалы и еще позже — ножи. Видимо, в это время в Минусинской котловине они начали выходить из употребления.

Итак, в VII—VI вв. до н. э. формы тагарских чеканов уже окончательно сложились. Однако если карасукские кинжалы нам хорошо известны, то карасукских чеканов до нас дошло всего несколько. Первая форма — чекан из Минусинской котловины — была с длинной узкой втулкой, выступающей выше его четырехлопастного лезвия (крестообразного в сечении). Обушок имеет вид плоской петли (табл. 10, 1). Карасукский возраст находки доказывается не только типологически (такие

¹⁰⁰ Алтай (ГИМ, 54746, хр. VII, 47/9 в); деревня Боровая, ниже впадения реки Туры в Тобол (МИМК ТГУ 2767; см. В. М. Флоринский, 1897, стр. 458, рис. 112). Западная Сибирь (ТКМ, экспозиция, без инвентарного номера) и др.

¹⁰¹ G. Lechler, 1938.

не встречаются в тагарских комплексах, а в послетагарское время чеканов нет), но и орнаментом на втулке в виде выпуклых четырехугольников. Чрезвычайно близкий чекан найден в Забайкалье (табл. 10, 2). Он отличается только более узким вытянутым лезвием и отсутствием орнамента. Этим чеканам близки и два северокавказских (табл. 9, 3, 4.) С другой стороны, близкие по форме бойка и обушка орудия распространены в бронзовом веке в Европе (Чехословакия, Германия, Польша — табл. 9, 5—7). Здесь их принято называть алебардами. Лезвие их иногда без поперечной жилки, и тогда оно плоское, а не крестообразное.

Вторая форма чеканов, по-видимому, более поздняя. Втулка почти такая же, как у первых, но обушок — в виде маленькой петельки с грибовидной шляпкой, а лезвие ступенчатое, восьмилопастное в сечении. В углу между втулкой и бойком — петелька. Это излюбленная деталь карасукских кинжалов, ножей и шилев. Один из таких чеканов найден в предгорьях Западных Саян (село Усинское), два — в Томском могильнике и один — в бывшем Тюкалинском уезде Тобольской губ. (табл. 10, 8, 10). Последние дают дату — предтагарское время. Сюда же близок чекан из Иркутского музея, имеющий крестообразный в сечении, но очень массивный боек. Петелька на обушке превращена в подобие птичьей головки (табл. 10, 11). Несмотря на малочисленность чеканов карасукского типа, можно утверждать, что они — прямые предки тагарских: среди раннетагарских чеканов VII—VI вв. до н. э. есть экземпляры со ступенчатым лезвием (табл. 7, 1); такое сечение лезвия встречается как пережиток и позже, в конце VI или даже начале V в. до н. э. (табл. 7, 8, 15). Форма втулки почти не меняется, только она становится короче и меньше выступает вверх над бойком. Больше всего изменяется обушок: он становится гораздо длиннее, но в некоторых случаях сохраняется почти плоский обушок (табл. 7, 1, 3). На одном из тагарских чеканов в углу между бойком и втулкой сохранилась даже петелька, типичная для предтагарского времени (табл. 7, 15). При дальнейшем развитии ступенчатое, лопастное лезвие заменяется граненым, вероятно потому, что граненые чеканы требуют менее сложных форм для отливки, они прочнее и тяжелее. Удлинение обушка и превращение его в граненый вызвано, видимо, также стремлением к совершенствованию оружия, увеличению коэффициента его полезного действия¹⁰². Можно думать, однако, что чеканы с гранеными (в частности, четырехгранными) бойками были изобретены еще в карасукское время, но нам пока неизвестны. На чем основано такое предположение, будет видно из дальнейшего.

Итак, тагарские чеканы происходят от карасукских. Однако мы видим, что чеканы распространены в предскифское и скифское время если не так широко, как кинжалы с «шипами», то все же на достаточно обширной территории: Кавказ, Прикамье, Памир, Северный Казахстан, Западная Сибирь, Алтай. Причем каждая из этих областей имеет свои ранние формы, которые не могут объясняться ни импортом, ни заимствованием от карасукских или раннетагарских. Да и европейские алебарды, очень сходные с карасукскими (табл. 10, 1, 2 и 5—7) нельзя вывести из Сибири или Северного Китая. Здесь, как и в случае с кинжалами с «шипами», можно думать об общем центре происхождения этого оружия. Более того, возможно, что ранние формы чеканов распространялись вместе с кинжалами с «шипами»: на Северном Кавказе и в Прикамье те и другие — бронзово-железные; ранние чеканы найдены в тех же районах (правда, не во всех из них), что и кинжалы с «шипами».

Прежде чем переходить к поискам общего центра происхождения чеканов, следует остановиться немного на китайских чеканах. С. В. Киселев и М. П. Грязнов считают, что сибирские чеканы происходят от

¹⁰² В. П. Левашева, 1959, стр. 53—54.

китайских эпохи Инь¹⁰³. Оба автора расходятся лишь по вопросу о времени появления этого оружия на Енисее и Оби: в карасукское время (С. В. Киселев) или в «послекарасукское», в VII—VI вв. до н. э. (М. П. Грязнов). Однако в иньском Китае бытовали две формы: черешковая с плоским бойком (типа «гэ»), которая решительно преобладает, и с плоским бойком и с внутренним кольцом (типа «sh'ü» — см. табл. 9, 1—13). Черешковая форма («гэ»), как справедливо отмечал С. В. Киселев, восходит к каменным прототипам. Но она никак не могла стать родоначальником европейских чеканов, о которых речь шла выше, так как все они втульчатые, да и формы их бойка и обушка не имеют ничего общего с иньским (ср. табл. 10, 5—7 и табл. 9, 3—13). Форму с внутренним кольцом некоторые исследователи считают заимствованием из Западной Азии¹⁰⁴. Так это или нет, в данном случае несущественно, ибо и от этой формы никак нельзя вывести евразийские чеканы эпохи бронзы и раннего железа, имеющие длинные втулки и крестообразный или ступенчатый в сечении или граненый боек (ср. табл. 9, 2 и табл. 10, 7—9). Все китайские чеканы с эпохи Инь до эпохи Чжаньго делались с плоским бойком. Все они достаточно выдержанных, специализированных форм, не совпадающих с формами рассматриваемых нами чеканов. Наконец, есть как бы промежуточные формы между китайскими и карасукскими: с плоским бойком, с бородкой (что характерно для китайских чеканов), но с длинной втулкой, как у карасукских¹⁰⁵. Эти формы С. В. Киселев считает переходными от китайских чеканов к карасукским, прямым прототипом карасукских¹⁰⁶. М. Лоер, однако, убедительно показал, что это просто форма скрещения китайских и ордосских¹⁰⁷. Ордосские, северные, «варварские» формы следует четко отделять от собственно китайских. Ордосские чеканы (как и кинжалы и ножи), действительно, очень близки монгольским, карасукским, забайкальским, но далеки по стилю от китайских. Однако «северные варвары» жили не только в Ордосе, но и южнее того места, где впоследствии построена Великая Китайская стена. Многочисленные упоминания об этом есть в китайских летописях даже куда более поздних эпох, чем рассматриваемая¹⁰⁸. Веками китайцы боролись с «варварами», вытесняя их на север, но те множество раз возвращались, разбивая китайцев. Сообщениями об этом пестрит история Китая. Не приходится удивляться, что бронзы «северного», ордосского типа находят иногда и значительно южнее Ордоса. Давно уже поднимался вопрос о «северных» бронзах в Аньяне (ножи с головками животных ордосско-карасукского типа и др.). На этот счет существует несколько гипотез: по одной из них бронзы ордосского типа в Аньяне — это повседневные орудия и предметы, а иньского типа — ритуальные (Б. Карлгрен)¹⁰⁹. По другой — они попали туда с севера (М. Лоер)¹¹⁰. Но в любом случае иньские бронзы Аньяна четко отделяются от других, которые близки ордосским. Разнотипность этих двух групп теперь никем не оспаривается. Возвращаясь к вопросу о чеканах и секирах, подчеркнем снова близость карасукских чеканов к некоторым типам ордосских втульчатых чеканов и секир¹¹¹ и отличие их от иньских

¹⁰³ С. В. Киселев, 1949, стр. 74; М. П. Грязнов, 1956, стр. 39.

¹⁰⁴ М. Лоер, 1956, р. 26, 32—33.

¹⁰⁵ См., например, там же, рис. 15, А—В.

¹⁰⁶ С. В. Киселев, 1949, стр. 74 и табл. XI, 8.

¹⁰⁷ М. Лоер, 1956, р. 30—32.

¹⁰⁸ W. Eberhard, 1942; O. Maenchen-Helfen, 1939.

¹⁰⁹ B. Karlgren, 1945.

¹¹⁰ М. Лоер, 1949, р. 127—129, 136.

¹¹¹ В Ордосе есть много форм, неизвестных в Сибири, например, топоры с длинной втулкой и овальным или полулунным лезвием. См. A. Vayson de Pradenne, 1925, fig. 7, 4, 5; М. Лоер, 1956, р. 4, fig. 2, р. 5, fig. 3; р. 6, fig. 4, 5; Чжоу Вэй, 1957 (на китайском языке), табл. 25, 3, 4; С. В. Киселев, 1960, стр. 261, рис. 8, 15.

черешковых и чеканов с внутренним кольцом¹¹². И так как ордосские не восходят к иньским, нужно искать какой-то другой источник происхождения чеканов — ордосских, карасукских и всех остальных. Этот источник легче будет найти, если рассматривать чеканы вместе с родственными им видами оружия — секирами и проушными топорами: все три очень близки между собой; иногда трудно, например, бывает провести границу между проушным топором и секирой. Все три вида развиваются параллельно, и почти каждому виду чекана соответствует такой же вид секиры или проушного топора. Однако в тагарской культуре секира и проушной топор — более редкое оружие, чем чекан. В комплексах они встречаются крайне редко: известно только 2 секиры (см. табл. 8, 5 и табл. 1) и 8 проушных топоров (табл. 4, 18 и табл. 1). Секира из села Батени уникальна. Форма ее говорит о длительном предшествующем развитии, но аналогий пока неизвестно. Секира из Копьева находит параллели в самых ранних из тагарских чеканов VII в. до н. э. Остальные 14 известных мне секир происходят из случайных находок. Секира из села Бейского¹¹³ относится видимо, к карасукской эпохе. На это указывает ее массивность, петелька в углу между втулкой и обушком и грибовидная шляпка на обушке. И лезвие и обушок ее рубчатые. К предтагарскому времени относится секира с петелькой на обушке, как и чеканы из села Усинского, из Томского могильника и др. (табл. 10, 8—11). Близкий ей по виду и, вероятно, по времени секиры на табл. 8 (1, 2). Одна из них еще с крестообразным сечением лезвия. К предтагарскому времени относится, видимо, и секира с закругленным концом лезвия (крестообразного в сечении) и обушком, заканчивающимся круглой грибовидной шляпкой (табл. 8, 4). Другие секиры (табл. 8, 3, 6) уже тагарской эпохи, скорее всего VI в. до н. э.

Тагарские проушные топоры известны всего в семи комплексах, в основном VII—VI вв. до н. э. У топора из кургана у горы Самохвал обушок украшен головками птиц (табл. 4, 18 и табл. 26, 1). Топор из Абаканской управы украшен по обушку рельефными треугольниками¹¹⁴. Прочие топоры из погребений не орнаментированы. Топоры из Оглахтов (курган 6), Абаканской управы (курган 4), Оглахтов (курган 4) и Сыды (курган 2) еще достаточно массивны. Комплексы, где они найдены, позволяют отнести их к VII—VI и VI вв. до н. э. Топоры из комплексов Минусинск (курган 8), Самохвал, 1898 г. (курган 8) и Шалаболино значительно тоньше и легче. Они относятся к концу VI—началу V в. до н. э. (см. табл. 1). Из числа же случайно найденных один, наверное, карасукского времени. Об этом свидетельствуют его необычайно большие, не встречающиеся у тагарских размеры, полукруглый плоский обушок, свойственный, как мы видели, еще карасукским чеканам (стр. 72—28 и табл. 4, 13), и три массивных гребня: два вокруг втулки и третий посередине лезвия. Два других, менее массивных топора с грибовидными шляпками на обушке (табл. 4, 14, 17), относятся, видимо, уже к предтагарскому времени. На это указывают и продольные выемки в лезвии одного из них (табл. 4, 17), как у секиры из Корелки (табл. 8, 1). В тагарскую эпоху такие грибовидные шляпки остаются только на навершиях кинжалов и нескольких ножей, но и эти шляпки никогда уже не бывают полыми внутри, как на данных топорах. На обушках тагарских топоров никогда не бывает грибовидных шляпок¹¹⁵. Топоры из Усинского и улуса

¹¹² С. В. Киселев писал о появлении в конце эпохи Инь большого числа втульчатых орудий, в том числе секир и алебард (С. В. Киселев, 1960, стр. 259). К сожалению, в статье не даны обоснования дат. Приводимые С. В. Киселевым примеры втульчатых секир и алебард — типичные «северные» орудия, выделенные М. Лоером (там же, стр. 261, рис. 8, 14, 15, 18, 21).

¹¹³ ГЭ 5531-185.

¹¹⁴ Абаканская управа, гр. I, курган 4, могила II, раскопки А. В. Адрианова, 1899 г. (ГИМ 39951, хр. 85/22а).

¹¹⁵ Н. Л. Членова, 1960, стр. 224.

Норилкова с двумя петельками на обушке (табл. 4, 22, 23) относятся, видимо, к VI в. до н. э., судя по сходству их с топором из кургана 6 у Самохвала, где подобный же обушок оформлен в виде птичьих голов. Но первые менее массивны, чем самохвальский, и может быть, несколько более поздние. Топор из Монока (табл. 4, 15) по сходству с топором из кургана у Сыды тоже датируется VI в. до н. э. Три топора с вильчатыми выемками на щеках (табл. 4, 20) датируются также VI в. до н. э. Типологически к той же эпохе может быть отнесен топор, изображенный на табл. 4, 19. К концу VI в. до н. э. относится, видимо, топор, обушок которого заканчивается головой грифона, и другой с подобным же устройством обушка, но без грифоньей головы (табл. 4, 24). Дату дает грифонья голова со спиралевидным ухом, появляющаяся в конце VI—V в. до н. э. в Минусинской котловине на многих предметах.

К V в. до н. э. относится небольшой легкий топорик из Шалаболинского клада, датирующийся остальными вещами этого клада (табл. 4, 21 и табл. 1). Таким образом, общая тенденция развития боевого топора в Минусинской котловине заключается в том, что с карасукского времени до V в. до н. э. происходит неуклонное снижение веса топора, уменьшение массивности. Остановимся еще на одной любопытной закономерности. В. П. Левашева¹¹⁶ установила коэффициент полезного действия для разного рода топоров, в том числе и проушных тагарских. Наибольший коэффициент 0,880—0,862 дают топоры с тяжелым обушком и легкой ручкой (табл. 4, 14, 22, 26). Это топоры предтагарского времени и начала тагарской эпохи (VII—начало VI в. до н. э.). У топоров конца VI в. до н. э. (табл. 4, 23, 15, 25) более низкий показатель: 0,810—0,758. Топор с грифоньей головой на обушке (конец VI в. до н. э.) попал в группу топоров с высоким коэффициентом полезного действия, видимо, случайно, так как сходный с ним по устройству обушка (табл. 4, 25) имеет самый низкий коэффициент полезного действия, вычисленный В. П. Левашевой для проушных тагарских топоров—0,758. Далее, у топоров, сходных по виду (табл. 4, 22, 23) и относящихся, по всей вероятности, к одному времени—VI в. до н. э., очень различные показатели—0,862 и 0,810. Это свидетельствует о том, что в VI в. до н. э. в Минусинской котловине при изготовлении боевого топора уже не заботились о коэффициенте его полезного действия. Постепенное уменьшение размеров и веса до такого предела в V в. до н. э., когда топор вряд ли мог служить эффективным боевым оружием (табл. 4, 21), уменьшение коэффициента полезного действия в течение тагарского времени и, по-видимому, полное пренебрежение им уже в VI в. до н. э. говорит о том, что роль топора как боевого оружия, и без того небольшая в тагарской культуре, на протяжении ее все уменьшается. Характерно, что среди миниатюрных орудий второй половины тагарской эпохи совершенно нет проушных топоров¹¹⁷. Что же касается втульчатых секир и чеканов—орудий с заведомо низким коэффициентом полезного действия (как установлено В. П. Левашевой, металлическая втулка утяжеляет ручку и это снижает коэффициент, а они употреблялись со втоками, еще более утяжелявшими ручку), они продолжают существовать до конца тагарской эпохи. Видимо, в изготовлении оружия наряду с тенденцией к совершенствованию его большую роль играла традиция и какие-то другие факторы, не имеющие прямого отношения к боевым качествам.

Итак, боевые проушные топоры, не игравшие, по-видимому, большой роли в тагарскую эпоху, гораздо большее значение имели в предтагарское и карасукское время. Их боевые качества тогда были выше. Подавляющее большинство топоров и секир карасукского и тагарского времени

¹¹⁶ В. П. Левашева, 1959, стр. 45—46.

¹¹⁷ Исключение составляет один топор или, скорее, секира (ММ, 670, Верхний Сузтук, табл. 8, 13).

найден в южной части Минусинской котловины — в бассейне Абакана и Енисея до Тубы (Усинское, Бейское, Монок, Таштып, Норилков улус, Иудино, Тесь, Шалаболино, Тигрицкое, Самохвал, Абаканская управа, станция Минусинск, которая вообще особенно насыщена карасукскими памятниками и была, видимо, более густо, чем другие районы, заселена племенами — носителями карасукской культуры). В этих же районах продолжали главным образом изготавливать топоры и в тагарское время, наверное по традиции, хотя для этой эпохи известно больше исключений: Батени, Копьева, Сыда.

Словом, все указывает на то, что тагарские чеканы, секиры и топоры восходят к карасукской культуре. Можно предполагать, что из того района, откуда происходят чеканы, должны происходить также секиры и проушные топоры, причем там они должны появиться раньше, чем в XIV в. до н. э. (начальная дата карасукской эпохи). Такой район можно назвать — это Двуречье и страны к северу, северо-западу и востоку от него, место древнейшего бытования медных и бронзовых топоров, секир и чеканов. Наиболее интересны для нас секиры и чеканы II тыс. до н. э. Так, у секиры из Тепе Гийяна (Нихавенд, Иран) плоский полукруглый обушок, по форме очень близкий обушкам карасукских чеканов из Усинского и Забайкалья, только в нем есть отверстие (ср. 12 и 1, 2 на табл. 10). На лезвии недалеко от втулки нанесен орнамент — «глазок» из двух концентрических кружков. Вся секира представляет как бы стилизованную голову, втулка — шею, а обушок — гриву; поэтому и «глаз» тут вполне понятен. В Нихавенде и Луристане вообще было принято делать топоры в виде лошади. Известен топор-секира из Луристана с головой лошади под лезвием: луновидное лезвие изображает ее «лебединую» шею, а обушок оформлен в виде пышного конского хвоста¹¹⁸. Так же, по-видимому, голову лошади изображает другая секира из Нихавенда (табл. 9, 25). По пути же к далекой Минусинской котловине эта стилизация была забыта, но отдельные секиры и чеканы сохраняют некоторые черты «лошадиной головы». Так, на одном из тагарских чеканов VI в. до н. э. помещен «глазок» на втулке, недалеко от лезвия, как у секиры из Тепе Гийяна, хотя в самом предмете уже нет никакого сходства с лошадиной головой (табл. 7, 9)¹¹⁹. У другой секиры из Тепе Гийяна обушок в виде двух петель, в одну из которых помещена головка барана (табл. 10, 13). Дериватом этого типа можно считать обушки раннетагарских проушных топоров (табл. 4, 22, 23), где эти петли упростились; а иногда они украшены птичьими головками (табл. 4, 18). Топоры из Тепе Гийяна Э. Герцфельд в ранней работе датировал первой четвертью III тыс. до н. э.¹²⁰ Другие исследователи относят их ко II тыс. до н. э. (Р. Дюссо и А. Годар — к середине II тыс. до н. э., К. Шеффер — к 1900—1700 гг. до н. э.¹²¹). К упомянутым секирам близки секиры из Шахар-Базара в Ассирии (табл. 10, 14) и из Багдадского музея. Обушок их украшен петелькой, очень похожей на петельки чеканов предтагарского времени (табл. 10, 8, 10). У шахар-базарской секиры основание втулки вырезано полукругом, что очень типично для ближневосточных секир; но багдадская — с прямо срезанной втулкой. Обе они датируются 1750—1700 гг. до н. э.¹²² На секире из Луристана (табл. 10, 17) несколько выпуклых колечек, опоясывающих нижнюю часть втулки (как у чеканов карасук-тагарского

¹¹⁸ A. Godard, 1931, Pl. XXIV, 70.

¹¹⁹ Секира с «глазком» известна из Северного Китая (Сюнь-сьен). Здесь она не оформлена в виде лошадиной головы. По надписи на подобной секире находка датируется началом эпохи Чжоу, около 1000 г. до н. э.

¹²⁰ E. Herzfeld, 1929, S. 66—67, Taf. IV.

¹²¹ R. Dussaud, 1930, p. 249; A. Godard, 1931, p. 53; C. Schaeffer, 1948.

¹²² R. Maxwell-Hyslop, 1949, pl. XXXIV, 13, p. 103; C. Schaeffer, 1948, fig. 83, p. 86.

времени — табл. 10, 10), и стерженек с грибовидной шляпкой на обушке. Такие обушки в Минусинской котловине нам неизвестны, но несколько секир с аналогичным обушком найдено в Ордосе. М. Лоер датирует их временем около X в. до н. э.¹²³ Луристанскую секиру С. Пржеворский датирует 1800—1250 гг. до н. э., Р. Максвелл-Гислоп X—VIII вв. до н. э.

Еще один тип секиры — с гребневидными выступами на обушке (табл. 10, 20) — известен в Луристане (1900—1700 вв. до н. э., по К. Шефферу)¹²⁴ и в Нихавенде (XVIII—XVII вв. до н. э., по Р. Дюссо и А. Годару)¹²⁵. Наиболее ранние экземпляры относятся к III тыс. до н. э. (из Ашура, III династии Ура; из Суз — той же эпохи)¹²⁶, из Луристана)¹²⁷. Столь же распространены чеканы с такими же выступами. Наиболее ранние из них восходят к началу III тыс. до н. э. (изображение на цилиндрической печати из Лагаша¹²⁸, из Ура¹²⁹). Развитие здесь идет, по-видимому, так: число зубцов на обушке увеличивается и они сливаются, так что торчат лишь их острые концы (ср. экземпляры III тыс. до н. э. — табл. 10, 15 и II тыс. до н. э. — табл. 10, 16). При дальнейшем развитии получается сплошной рубчатый обушок¹³⁰; именно такой характерен для сибирских секир уже тагарской эпохи¹³¹, и для тагарских чеканов обычных (табл. 7, 15, 16) и в особенности миниатюрных размеров¹³², и для единственной известной уменьшенной тагарской секиры-топора (табл. 8, 13). Рубчики на обушке тут уже чисто декоративные.

В Луристане найдено и оружие, среднее между секирой и чеканом, обушок которого украшен такими же гребневидными отростками, а боек ромбический в сечении, как у многих раннетагарских чеканов (табл. 10, 20). К. Шеффер относит его еще к III тыс. до н. э.

Итак, рассмотрение секир и чеканов с гребневидными отростками на обушке с несомненностью убеждает в том, что родина их — Ближний Восток: Двуречье и окружающие страны, где эти виды оружия известны еще с начала III тыс. до н. э. Во II тыс. до н. э. они распространяются далеко за пределы этих областей и, очевидно, проникают через Афганистан, Синьцзян и Монголию в Северный Китай, где один образец такого оружия найден в Аньяне (табл. 10, 24)¹³³. Сходство этого экземпляра с ближневосточными, в особенности же с одним из Нихавенда, имитирующим голову лошади (табл. 10, 25), не вызывает сомнений. В свете рассматриваемого материала ясно, что приведенная аньянская и другие подобного же типа втульчатые секиры из Северного Китая куда ближе ближневосточным, чем иньским чеканам с черешком и бородкой.

Из других ближневосточных чеканов следует отметить распространенную форму с квадратным в сечении бойком и полукруглым обушком, поперек которого проходит выпуклый рубчик. Такие экземпляры известны из Барсиба и Луристана (табл. 10, 18, 19). Дата их 2300—2100 гг. до н. э. Квадратное сечение бойка типично для тагарских чеканов. Выше

¹²³ M. Loehr, 1956, p. 7—8, pl. XII, № 16.

¹²⁴ C. Schaeffer, 1948, fig. 264, 10.

¹²⁵ R. Dussaud, 1930, p. 249; A. Godard, 1931, p. 53.

¹²⁶ R. Maxwell-Hyslop, 1949, p. 106—107.

¹²⁷ C. Schaeffer, 1948, fig. 263, 4.

¹²⁸ H. Prinz, 1912, S. 16—19, Abb. 2; G. Lechler, 1938, fig. 36.

¹²⁹ R. Maxwell-Hyslop, 1949, p. 104—106.

¹³⁰ Хорошие примеры такого развития приводит Э. Герцфельд (E. Herzfeld, 1941, p. 245) — топоры из Рас-Шамры, Нимруда, Бет Шана, Боказкея XIV—XIII вв. до н. э.

¹³¹ Г. А. Максименков, 1960, стр. 42, рис. X; У. Э. Эрдниев, 1958, стр. 245, рис. 1—6; А. А. Спицын, 1901, стр. 305, рис. 102; Ю. С. Гришин, 1960, стр. 155, рис. 10.

¹³² В. В. Радлов, 1894, табл. XVI, I, 4; С. В. Киселев, 1949, табл. XXIV, 5.

¹³³ В Северном Китае найдены две близкие упомянутой секиры, но лишь с одним небольшим выступом на втулке (M. Loehr, 1956, p. 3, fig. 1, AB).

(стр. 28) высказано предположение, что граненые бойки были уже и у чеканов карасукского времени. Мы видим теперь, что они известны и у чеканов конца III тыс. до н. э. Обушок рассматриваемого вида близок карасукским (см. табл. 10, 1, 2 и 18, 19). Что же касается рубчика поперек обушка, то и такая деталь сохранилась на одном из минусинских проушных топоров¹³⁴.

Отмечалось, что у ранних тагарских чеканов в углу между обушком и бойком помещается литая наклонная «палочка» (табл. 7, 1, 3, 4, 6). Точно такая и на том же месте есть у одной из секир из Луристана¹³⁵. Втулка этой секиры украшена нарезным орнаментом в виде сетки, таким же орнаментом покрыта втулка одного из тагарских чеканов¹³⁶. На обушках тагарских чеканов часто помещено изображение животного, обычно козла (табл. 7, 19—23), но иногда кошачьего (табл. 7, 8), фигуры располагаются перпендикулярно направлению бойка. Фигуры животных есть и на секирах из Луристана, только здесь, как правило, изображается лев¹³⁷.

Наконец, на Ближнем Востоке известен и прототип проушного чекана с ромбическим в сечении лезвием. Такое оружие изображено на стеле Нарамсина, известно и в раннединастический период (первая половина III тыс. до н. э.)¹³⁸. В Минусинской котловине проушные чеканы и секиры очень мало численны. Однако они характерны для Памира¹³⁹, Казахстана¹⁴⁰, Алтая, Тувы и Ордоса скифской эпохи¹⁴¹.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Все основные виды карасукских и раннетагарских втульчатых чеканов, секир и проушных топоров находят прототипы и аналогии на Ближнем Востоке, которые часто восходят к III тыс. до н. э., иногда даже к его началу.

2. Многие мелкие детали карасукских и раннетагарских чеканов, секир и проушных топоров, не имеющие функционального назначения, есть и на соответствующем ближневосточном оружии, как правило, более ранней эпохи: полукруглая форма обушка; проходящий поперек обушка валик; петелька на обушке; «палочка» в углу между втулкой и бойком; обушок в виде выступа, оканчивающийся грибовидной шляпкой; орнаментальный «глазок» вблизи места соединения втулки и лезвия; сетчатый нарезной орнамент на втулке.

3. Иногда эти детали, изолированные и непонятные на карасукском и тагарском оружии, находят объяснение, если обратиться к ближневосточным материалам: «глазок» на тагарском чекане и на северокитайской секире непонятный и лишний, тогда как на нихавендской секире закономерен — вся она изображает голову лошади. Рубчатые обушки сибирских секир и чеканов — это просто орнамент, гребневидные выступы древнейших шумерских чеканов имели, вероятно, функциональное назначение.

4. Больше всего деталей, сходных с деталями сибирских чеканов, клевцов и секир, мы находим в Иране — Луристане и Нихавенде.

5. На Ближнем Востоке известны прототипы едва ли не всех видов чеканов, секир и боевых проушных топоров, распространенных в Евразии в бронзовом и начале железного века. Об этом писали много и давно: В. М. Флиндерс Петри, В. А. Городцов, Г. Чайльд, Г. Леклер, Э. Герц-

¹³⁴ И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908, табл. 1, рис. 4.

¹³⁵ A. Godard, 1931, pl. XXIV, 71.

¹³⁶ Деревня Елань близ Красноярска (В. В. Радлов, 1894, табл. XVII, 1).

¹³⁷ A. Godard, 1931, pl. XXIV, 69, 72.

¹³⁸ R. Maxwell-Hyslop, 1949, p. 105, pl. XXXIV, 15.

¹³⁹ Б. А. Литвинский, 1960, стр. 2, рис. 1, 19—22, 24.

¹⁴⁰ М. П. Грязнов, 1956б, стр. 14, рис. 4, 1.

¹⁴¹ См. об этом: Н. Л. Членова, 1961, стр. 136 и табл. 1, рис. 16—20, 24—27.

Рис. 2 (по М. Лоерг, 1956)

фельд, М. Лоерг¹⁴² и др. В общей форме этот вопрос решается так же и сейчас, новый материал позволяет лишь уточнить пути и время распространения этих форм оружия и особенности развития их на каждой территории. В то время как в Китае металл не известен раньше эпохи Инь, т. е. во II тыс. до н. э., на Ближнем Востоке, в Двуречье и Иране уже в начале III тыс. до н. э. возникли разнообразные формы чеканов, топоров и секир — втульчатых и проушных, а это важнейший признак, что оружие это возникло в металлическую эпоху. Если среди китайских чеканов и секир есть втульчатые, то это говорит лишь о том, что втулка была заимствована из какого-то другого района, ибо в Китае раньше II тыс. до н. э. были только формы каменного оружия, которые не могли дать втулки, а генетическая связь черешка и втулки — вещь невозможная. Втулка — изобретение металлической эпохи, и втульчатые топоры, чеканы и секиры изобретены на Ближнем Востоке. Когда-то, уже во II тыс. до н. э., эти орудия достигли и Ордоса и оттуда проникли в Китай, где изготовлялись свои формы плоских черешковых чеканов, генетически связанные с каменными. Тут и появляются «скрещенные» формы, сочетающие элементы китайских черешковых и западных втульчатых чеканов, как, например, чеканы со втулкой, но и с бородкой иньского типа; они живут долго и в скифскую эпоху и очень перегружены орнаментом также смешанного, «китайско-варварского» типа (так называемый стиль хуай)¹⁴³. Однако возводить карасукские, тагарские и другие сибирские чеканы ни к иньским, ни к этим смешанным формам не приходится, так как они не имеют никаких специфически китайских деталей, не говоря уже об орнаменте. Еще меньше сходства с тагарскими чеканами у северокитайских стиля хуай с их чрезвычайно обильной и вычурной орнаментацией (рис. 2).

Тагарские чеканы восходят к карасукским, а те, в свою очередь, вместе с ордосскими — к каким-то неизвестным нам чеканам и секирам, бытовавшим в Синьцзяне, в Афганистане и связанным с еще более запад-

¹⁴² В. А. Городцов, 1916, стр. 187; W. M. Flinders Petrie, 1917, Pl. XI, p. 12—13; V. G. Childe, 1934; G. Lechler, 1938, p. 39; E. Herzfeld, 1941, p. 126—128; М. Лоерг, 1956, p. 1—33. В двух последних работах детально разбирается сходство ордосских чеканов, секир и боевых топоров с ближневосточными. М. Лоерг приводит почти все те ближневосточные прототипы, которые взяты и нами в данной работе. Привлечение тагарского материала еще более укрепляет эту точку зрения.

¹⁴³ O. Janse, 1934, Pl. LV, 3; М. Лоерг, 1956, Pl. XXXIII, № 80—82.

ными из Луристана и Нихавенда. Предками этих форм были шумерские топоры, секиры и чеканы.

Мы не рассматриваем здесь распространение оружия этого типа из стран Ближнего Востока на север и запад. Все же вероятнее всего, что алебарды бронзового века Европы также ближневосточного происхождения. Это предполагал и Г. Леклер, приводя в качестве прототипа европейских алебард подобное оружие из Ура¹⁴⁴. Бронзовая секира из Гальштата с длинной втулкой и обушком в виде колечка¹⁴⁵, совершенно такого же, как на некоторых северокитайских экземплярах¹⁴⁶, видимо, также ведет происхождение с Ближнего Востока, как и ордосские экземпляры. Ближневосточное происхождение следует, по-видимому, предполагать и для скифских топоров и секир из Причерноморья, к чему склонялся уже М. И. Ростовцев¹⁴⁷.

Осталось рассмотреть тагарские чеканы и секиры V в. до н. э. В это время появляются уменьшенные и миниатюрные чеканы, иногда в одном кургане с чеканами обычных размеров. Дата их появления — V в. до н. э. — не вызывает сомнений, как видно из корреляционной таблицы (табл. 1). Форма чеканов прежняя, с длинными втулками и сечением бойка круглым, ромбическим и шестигранным, которое было свойственно чеканам VI в. до н. э. (табл. 7, 18—22). Известны даже крестовидные в сечении (табл. 7, 23). Обушки плоские, часто рубчатые, которые встречались в предшествующую эпоху (табл. 7, 15, 16), а теперь число чеканов с такими обушками еще возрастает. Очень часто на обушках миниатюрных чеканов помещали фигуры козла или двух козлов (табл. 7, 19—23). В предшествующую эпоху фигурки животных на обушках чеканов и секир встречались, но очень редко (табл. 7, 8; табл. 8, 5).

Миниатюрные чеканы продолжают существовать до конца тагарской эпохи, размеры их все уменьшаются (рассмотрение миниатюрных чеканов IV и III вв. до н. э. уже выходит за рамки этой работы). Чеканы обычных тагарских форм VII—VI вв. до н. э. совершенно выходят из употребления. Вместо них появляются чеканы нового типа: с короткой широкой втулкой, круглым в сечении бойком, круглым или многогранным обушком (бывают 10—12-гранные.). Поперек втулки идет широкий пояс, соединенный с бойком и обушком, и создается впечатление, как будто проушной чекан насажен на втулку (табл. 7, 11—13). В углу между бойком и втулкой помещены головка барана или хищной птицы (табл. 7, 12 и 11). Втулка, всегда короткая в сравнении со втулками чеканов VII—VI вв. до н. э., иногда исчезает совсем, и чекан превращается в проушной¹⁴⁸. Таких чеканов (не миниатюрных) в Минусинской котловине очень мало: известно всего лишь четыре экземпляра. Один из них богато орнаментирован: обушок превращен в фигуру грифона со спиралевидными ушами, на боках помещены еще головки баранов (табл. 7, 13), у другого обушок с орнаментом, не поддающимся расшифровке (табл. 7, 14). Этим чеканам соответствуют и секиры такого же вида, с короткой широкой втулкой (табл. 8, 8) или без втулки; секира по существу перестает отличаться от проушного топора¹⁴⁹. Как правило, чеканы и секиры новых типов бывают обычных размеров. Но известен и уменьшенный чекан с круглым в сечении бойком и поясом вокруг втулки. Обушок его представляет собой сильно стилизованную головку грифона «растительного» типа (табл. 7, 18), которые появляются в Минусинской котловине с V в. до н. э.

¹⁴⁴ G. Lechler, 1938.

¹⁴⁵ W. M. Flinders Petrie, 1917, Pl. XI, 122.

¹⁴⁶ С. В. Киселев, 1960, стр. 261, рис. 8—15.

¹⁴⁷ М. И. Ростовцев, 1925, стр. 347—348.

¹⁴⁸ Село Сабинское (ММ 588).

¹⁴⁹ Деревня Паначева (ММ 608); Минусинский край (ММ).

Эти чеканы нового типа — почти точные копии бронзового чекана из так называемого персепольского сокровища (ср. табл. 7, 11, 12 и табл. 11, 17)¹⁵⁰ и с персепольских рельефов¹⁵¹. У чекана из «сокровища» под бойком — голова барана. Такие же головы и на нескольких тагарских чеканах (табл. 7, 12), но на других в этом месте помещена более обычная для минусинских чеканов головка хищной птицы (табл. 7, 11). На чекане, изображенном на рельефе, — головка утки. Дата рельефов — начало V в. до н. э. (между 491/490 и 486/485 гг. до н. э.)¹⁵², что прекрасно согласуется с датой появления этих чеканов в Минусинской котловине, установленной по комплексам (Малые Копены, колхоз им. Энгельса и Тагарский остров, курган 35), — V в. до н. э. Есть мнение, что оружие «персепольского сокровища» принадлежит мидийской гвардии персидских царей.

В разделе о кинжалах уже упоминалось о нескольких железных кинжалах из Минусинской котловины, обнаруживающих явное ахеменидское влияние. Мы склонны считать их импортом из самого Ирана или из среднеазиатских областей, подвластных Ирану. То же и относительно чеканов нового типа. Такие чеканы, имитирующие проушной, насаженный на короткую втулку, как в Персеполе, в Средней Азии неизвестны. Но проушные чеканы, столь редкие в Минусинской котловине, очень типичны для Алтая, Тувы и даже Ордоса. Все эти области в скифскую эпоху были близки между собой и со многими районами Казахстана и Средней Азии¹⁵³. В Северном Казахстане, как упоминалось, также найден проушной бронзовый чекан, который по общему облику вряд ли может датироваться временем позже VI в. до н. э.¹⁵⁴ Интересно, что у скифов Причерноморья чеканы с проухом, насаженным на втулку, также были — они появляются там в IV в. до н. э., несколько позже, чем в Сибири, изготовлены из железа и от сибирских и персепольского отличаются узкой втулкой и очень длинным тонким бойком¹⁵⁵. Таким образом, весьма вероятно происхождение этого типа чекана из каких-то районов, подвластных ахеменидскому Ирану. В Минусинскую котловину они попали, скорее всего, через Среднюю Азию и Восточный Казахстан.

Если проследить за развитием тагарских чеканов, то создается впечатление, что, достигая в VII—VI вв. до н. э. расцвета, этот вид оружия в V в. до н. э. начал выходить из употребления. Этим, может быть, и объясняется, что в погребениях V в. до н. э. встречаются только миниатюрные чеканы прежних минусинских типов, но они имели, по-видимому, уже не практическое, а ритуальное значение. Положение изменилось, когда сюда попали из западных районов и распространились здесь чеканы нового типа. Нахождение их в тагарских курганах свидетельствует о том, что их употребляли носители тагарской культуры. Вероятно, они и сами стали их изготавливать, судя по тому, что головка барана (как у персепольского чекана) скоро заменяется традиционной для тагарской культуры головкой хищной птицы.

Железных чеканов очень мало. Один из них проушной, другой с короткой широкой втулкой, также «нового типа»¹⁵⁶, третий неизвестного происхождения (табл. 11, 20)¹⁵⁷, он с головкой ушастого грифона на стыке втулки и бойка и также с проухом, надетым на втулку, но в отли-

¹⁵⁰ E. F. Schmidt, 1939, p. 50, fig. 45 — РТА — 1094, p. 49; он же, 1957, Pl. 79, 1.

¹⁵¹ E. F. Schmidt, 1939, fig. 14.

¹⁵² Там же, стр. 33.

¹⁵³ Н. Л. Членова, 1961, стр. 136.

¹⁵⁴ М. П. Грязнов, 1956, стр. 14, рис. 4, 1.

¹⁵⁵ В. А. Іллінська, 1961, стр. 34, рис. 5, 1—3 (Дарьевка, Волковцы и Мелитопольский курган).

¹⁵⁶ F. R. Martin, 1893, Pl. 8, 13; Pl. 8, 12.

¹⁵⁷ ИМ, экспозиция, без инвентарного номера.

чие от минусинских бронзовых чеканов с плоским бойком. Можно судить, следовательно, о том, что в железо переходят только эти новые, «ахеменидские» формы и то немногие. Известны также три проушных железных топора, два из которых украшены оскаленной мордой волка, на втулке третьего помещены изображения каких-то хищников¹⁵⁸. Можно думать, что вся эта группа изделий относится ко второй половине или концу тагарской эпохи. Точнее датировать их трудно.

Чеканы часто находят в погребениях, у пояса или у плеча, чаще с правой стороны¹⁵⁹. Иногда по сохранившемуся тлену дерева или по расстоянию между чеканом и втоком можно определить длину рукоятки — 70—80 см¹⁶⁰. Длина на персепольском рельефе 72 и 78 см, если считать и длину самого чекана¹⁶¹. На скифских каменных бабах, у воина на плите из Ананьинского могильника и на тувинском оленнем камне чеканы также изображены подвешенными к поясу с правой стороны¹⁶².

Втоки

На нижний конец рукоятки чекана или секиры обычно насаживался вток. Бронзовые втоки тагарских чеканов довольно разнообразны по форме, и так как они часто встречаются вместе с чеканом в одном погребении, то их можно довольно точно датировать. В погребениях VII—VI и VI вв. до н. э. они простых форм: конические, параболоидные, конические граненые, конические с поперечным валиком и довольно крупные, в соответствии с размерами чекана (табл. 8). Одним из наиболее ранних следует считать, по-видимому, вток из деревни Быстрая (табл. 8, 23). Он маленький, граненый и, помимо этого, состоит еще как бы из ярусов, расположенных по спирали. Спирали, обвивающие предмет, — прием орнаментации, относящийся еще к карасукской и предтагарской эпохе.

В V в. до н. э. формы втоков несколько меняются: характерно появление на конце пирамидки или плоских лопаток (табл. 8, 25 и табл. 1). В связи с возникновением миниатюрных чеканов появляются и миниатюрные втоки — и прежних простых и новых усложненных форм. То же положение сохраняется и в IV в. до н. э., когда в погребениях известны одни лишь миниатюрные втоки (табл. 1). С чеканами «персепольского» типа, появившимися в Минусинской котловине в V в. до н. э., в двух случаях найдены втоки нового типа и в одном случае чекан был без втока. Можно думать, что к этому времени относится и низкий широкий вток с орнаментом в виде запятой (табл. 8, 24), так как форма его соответствует форме втулки чеканов «персепольского» типа. Очень интересен крупный вток из села Арейского Красноярского округа (табл. 8, 26). У него боковые ручки в виде головок грифонов, что сближает его с неко-

¹⁵⁸ Л. Р. Кызласов, 1948, стр. 83, рис. 40.

¹⁵⁹ Улус Райков (А. Н. Липский, 1956, рис. 52, III); Узунжол (И. Т. Савенков, И. П. Кузнецов. Папка в архиве ММ, л. 36 и рис.); Тагарский остров, курган 2, 1895 г. (А. В. Адрианов, 1902—1924, стр. 50); Тагарское озеро, курганы 32 и 33, 1894 г. (там же, стр. 45); Малые Копены, курган 2 (В. П. Левашева, 1958, стр. 177). С левой стороны чеканы найдены в погребениях: Откин улус, курган 5 (В. Г. Карцов. Отчет за 1930 г., л. 30 и 34. Архив ГЭ); Малые Копены, курган 1 (В. П. Левашева, 1958, стр. 176); колхоз им. Энгельса (А. Н. Липский. Отчет за 1951 г.—Архив ИА, ф. 1, д. 573, л. 72).

¹⁶⁰ В. П. Левашева, 1958, стр. 176, 177 (расстояние между чеканами и втоками — 69 и 70 см, один из них миниатюрный, но ручка его той же длины); А. Н. Липский, 1956, рис. 52, III. Длина ручки чекана — 84 см (считая и длину самого чекана с втулкой), вычисляется на основании чертежа А. Н. Липского, где изображена полоска тлена.

¹⁶¹ По изображению на табл. 121 в работе: Е. F. Schmidt, 1939.

¹⁶² В. А. Гллинська, 1961, стр. 40—41; А. В. Збруева, 1962, стр. 21, рис. 3; С. И. Вайнштейн, 1958, табл. IV.

торыми формами кельтов, ушки которых также превращены в птичьи головки. На нижней части втока сильно стилизованное изображение головки грифона «растительного» типа. Этот вток среди минусинских бронз уникален. Дата его, очевидно, V в. до н. э.: с этого времени на Енисее широко распространяются головки грифонов «растительного» типа.

Среди разнообразных форм тагарских втоков Минусинской котловины очень редко встречаются митровидные формы (табл. 8, 27), в то время как это наиболее типичная форма для Тувы и Алтая¹⁶³. Таким образом, и эта серия предметов отличает Минусинскую котловину от тувинско-алтайской культурной области скифского времени.

В заключение разделов, посвященных тагарским кинжалам, секирам, чеканам и топорам, отметим следующее. Эти виды оружия, по-видимому, древнейшие в тагарской культуре. Они известны еще в погребениях VII в. до н. э., и их много в погребениях конца VII — начала VI в. до н. э. (табл. 1). В течение VI в. до н. э. боевые топоры и секиры, по-видимому, совершенно выходят из употребления, а к концу VI в. до н. э. то же происходит и с чеканами, и они, вероятно, совсем бы исчезли в Минусинской котловине как боевое оружие, если бы не новые формы, принесенные с запада. Ранние типы всех этих видов оружия восходят к карасукским формам — прямое наследие карасукского военного дела. Кинжалы и чеканы часто встречаются в одном и том же погребении (табл. 1). Но в погребениях с кинжалами и чеканами очень редко встречаются и бронзовые наконечники стрел (село Батени, курган 33; VI в. до н. э.), хотя курганы со стрелами и курганы с чеканами и кинжалами бывают иногда в одном и том же могильнике¹⁶⁴. В V в. до н. э. положение как будто меняется: погребений, где кинжалы и чеканы встречаются вместе с бронзовыми наконечниками стрел, больше (Тагарское озеро, курган 35; Аешина, курган 9; колхоз им. 1 Мая). Однако чеканы в этих погребениях миниатюрные и оружием служить не могли, за исключением единственного чекана обычных размеров из Тагарского озера, курган 35 (см. табл. 1). Таким образом, на самом деле картина остается прежней: в погребениях, где оружием служили кинжалы и чеканы, не бывает бронзовых наконечников стрел и наоборот. Кинжалы и чеканы — оружие рукопашного боя, использовавшееся пешими воинами; стрелы — оружие дальнего боя и в скифское время употреблялись главным образом всадниками. Быть может, одной из причин указанного явления служило то, что в одних могилах погребены пешие воины, а в других — всадники. Но, по-видимому, дело не только в этом. Это станет яснее после рассмотрения тагарских бронзовых наконечников стрел.

Тагарские бронзовые наконечники стрел и копий

Стрелы хорошо известны тагарской культуре, но, очевидно, играли меньшую роль в вооружении, чем кинжалы и чеканы. Бронзовых кинжалов из случайных находок в Минусинской котловине известно 506, наконечников стрел — 146. Можно, конечно, это объяснить тем, что на такие мелкие предметы, как стрелы, реже обращали внимание. Но рассмотрим состав погребального инвентаря. Из 60 тагарских курганов с оружием VII—V вв. до н. э. стрелы найдены в 27 погребениях, тогда как кинжалы — в 17, а чеканы (обычные, не миниатюрные) — в 19, однако наибольшее число бронзовых наконечников стрел в погреб-

¹⁶³ См. об этом: Н. Л. Членова, 1961, стр. 136.

¹⁶⁴ В могильнике Копьева в кургане XV найдена секира, в кургане XIII — кинжал и чекан, в кургане XII — бронзовые наконечники стрел.

бении — 16, а обычно 4—5, иногда даже по одному (см. табл. 1). В синхронных скифских и савроматских погребениях нередко в одном погребении находят по 100 и даже по 200 стрел. Это почти равно всем взятым вместе находкам в тагарских погребениях и случайным находкам в Минусинской котловине (219 наконечников)¹⁶⁵. Из этого сопоставления видно, что для носителей тагарской культуры стрелы не играли той роли, что для их западных собратьев.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАГАРСКИХ БРОНЗОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

Железных наконечников стрел, как и другого железного оружия, в тагарских курганах нет. Костяные наконечники достоверно к боевому оружию причислены быть не могут (скорее это охотничье оружие) и здесь не разбираются. Все достоверно боевые тагарские наконечники стрел, и черешковые и втульчатые, — бронзовые. Обычно при классификации наконечники делят прежде всего на втульчатые и черешковые, а затем по форме пера и другим признакам. Однако некоторые соображения заставляют нас отклониться от этого способа. Дело в том, что и черешковые и втульчатые наконечники появляются в тагарской культуре одновременно и существуют совместно на всем ее протяжении, иногда попадаясь в одном погребении. Встречаются наконечники совершенно одинаковых, причем довольно сложных форм, но одни из них черешковые, а другие втульчатые (ср. на табл. 12, 24, 25, и 32). Следовательно, черешковые и втульчатые типы существовали одновременно, и для людей, их изготовлявших, форма (очевидно, традиционная) была значительно важнее, чем способ прикрепления к древку.

По форме пера все тагарские бронзовые наконечники стрел можно разделить на три группы: А) с треугольным пером (табл. 12, 7—44); Б) с листовидным или ромбическим пером (табл. 13, 11—40); В) с пулевидным пером. Иногда эти типы различаются без труда, но существуют формы, которые нелегко отнести к той или к другой группе (табл. 12, 32, 38, 39; табл. 13, 39). Эти смешанные формы относятся уже к концу VI, а чаще к V в. до н. э., тогда как в начале VI в. до н. э. их почти нет. Таким образом, в начале тагарской эпохи существовали два независимых типа: с треугольным пером и с листовидным, и лишь в процессе дальнейшей эволюции вырабатываются промежуточные формы.

Среди тагарских наконечников группы А черешковые обозначены римскими цифрами I—IV (после буквы А), втульчатые — цифрами V—IX; наконечники группы Б бывают только втульчатые. Их типы обозначены римскими цифрами I—XIII; группа В представлена единственным втульчатым типом.

Следующий раздел классификации — число лопастей или граней пера: двулопастные или ромбические в сечении (эти два отдела часто переходят один в другой); трехлопастные; трехгранные. Втульчатые наконечники делятся еще на два подотдела: с выступающей втулкой и со скрытой. Далее, отделы делятся на типы по мелким деталям пера. Особо выделены дотагарские типы наконечников: в их обозначение включена буква z. Выделены также бронзовые наконечники стрел, форма которых явно подражает костяным (табл. 12, верхний ряд); в их обозначение включена буква «к» («костяной»). По форме пера они также разделены на группы А и Б.

¹⁶⁵ По данным ГИМ, ГЭ, МАЭ, АМ, КМ, ММ, МИМК ТГУ, ИМ, СКМ и по изданиям: Д. А. Клеменц, 1886; И. П. Кузнецов-Красноярский, 1908; Е. М. Флоринский, 1888; он же, 1890; он же, 1897; В. В. Радлов, 1894.

Группа А. Наконечники с треугольным пером

Наиболее ранние в группе — крупные наконечники с плоским широким пером (ширина пера внизу 1,7—2,5 см). Их следует отнести к дотагарским, так как в тагарских погребениях таких плоских широких наконечников нет. Делятся на три типа.

Тип А/1з (табл. 12, 1—4) — черешковый, двулопастной (4 экземпляра, случайные находки). Бока треугольного пера сильно округлены. Черешок плоский или круглый вверху и плоский, как бы срезанный внизу. Наконечник с табл. 12, 4 по уплощенности пера относится к этому типу, но по ширине и форме пера может быть отнесен и к древнейшим тагарским стрелам.

Тип А/1зз — черешковый, трехлопастной (1 экземпляр, случайная находка, табл. 12, 5). Бока треугольного пера сильно округлены. Черешок «срезан», на срезах — гравированный орнамент сеткой. Ближайшие аналогии — могильники Бегазы и Алеп-аул в Центральном Казахстане, VIII—VII вв. до н. э.¹⁶⁶

Тип А/V—A/VI — втульчатый, двулопастной (1 экземпляр, случайная находка, табл. 12, б). Перо очень широкое (2,6 см), концы его образуют шипы, сечение пера рельефное, втулки — ромбическое. Аналогии — могильники эпохи гальштат А (XII—X вв. до н. э.)¹⁶⁷.

Тагарские наконечники группы А делятся на девять типов: А/I—A/IV — черешковые (из них А/I — двулопастной, А/II и А/III — трехлопастные, А/IV — трехгранные), А/V—A/IX — втульчатые (из них А/V—A/VII — двулопастные и ромбические в сечении, А/VIII и А/IX — трехлопастные; см. табл. 12). Ввиду того, что наконечники группы А сильно меняются в течение тагарской эпохи, удобнее рассматривать их по векам.

Тип А/I в комплексах VII—VI вв. до н. э. неизвестен, 4 экземпляра их — случайные находки. Изображенные на табл. 12, 7—10 отличаются от типа А/I меньшей шириной пера (1,2—1,4 см внизу) при той же длине его; бока пера теперь редко округлены (только табл. 12, 10); наконечники менее плоские, так как черешок продолжается на перо, или вдоль него идет жилка (перо четырехлопастное — табл. 12, 7, 8). Концы пера иногда превращены в изогнутые шипы. Дата наконечников — VII и VII—начало VI в. до н. э. Основания для даты: 1) сходство типов наконечника табл. 12, 8 с типами втульчатых наконечников (А/VI, табл. 12, 20—22), дата которых обоснована ниже; 2) четырехлопастные наконечники (как на табл. 12, 8, 9) известны лишь в древнейших скифских комплексах — дом D в Кархемеше, Сирия (VII в. до н. э.)¹⁶⁸, в кургане 10 могильника Тамды на Памире (VII—VI вв. до н. э.)¹⁶⁹; 3) наконечник табл. 12, 10 находит точные аналогии в могильнике Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи (VII в. до н. э.)¹⁷⁰ и в Котловском могильнике ананьинской культуры (VI в. до н. э.)¹⁷¹.

Тип А/II в VII—VI вв. до н. э. представлен двумя случайно найденными экземплярами (табл. 12, 11). Форма пера сводчатая, черешок «срезан». Дата определяется: 1) промежуточным положением между

¹⁶⁶ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, 1950, рис. 132, рис. 42, 1; рисунок наконечника из Алеп-аула — П. С. Рыков, 1935, стр. 57, рис. 43; Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан датируют оба памятника VII—VI вв. до н. э. (стр. 136). М. П. Грязнов повышает дату до карасукской эпохи (М. П. Грязнов, 1952, стр. 156—157).

¹⁶⁷ R. Pittioni, 1954, S. 534, Taf. 3.

¹⁶⁸ L. Woolley, 1921, Pl. 22.

¹⁶⁹ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 309, рис. 135. Дата подтверждается находкой стремевидных бронзовых удил со внутренним кольцом в «стремени», бляшкой в виде протома медведя, идентичной протоме медведя на майэмирском ноже, и другими архаическими вещами (там же, стр. 298, рис. 128, 8, 2, 1, 7, 9).

¹⁷⁰ Курган 84. Раскопки О. А. Вишневской, 1963 г. (Хорезмская экспедиция).

¹⁷¹ Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1894 г., МАВГР III, М., 1899, табл. II, 9.

типом А/IIз с более широким пером и экземпляром VI в. до н. э. (табл. 12, 26) с более узким, вытянутым и менее округленным пером; 2) сходством формы пера с формой двулопастного наконечника (табл. 12, 10); 3) аналогиями из Уйгарака в низовьях Сыр-Дарьи¹⁷².

Тип А/III отличается от А/II тем, что перо его не округлено (табл. 12, 12, 13). Всего 3 экземпляра, случайные находки. Концы пера иногда образуют изогнутые зубцы (табл. 12, 13), близкие зубцам наконечников на табл. 12, 8, 20—22, что указывает на дату, как и большая ширина пера наконечника табл. 12, 12, близкая к дотагарским. Черешок круглый или плоский.

Тип А/IV. Известны 10 экземпляров, из них 3 — в комплексах VII—VI вв. до н. э.: 1 — Батени, курган 1; 2 — Райков улус (табл. 12, 14, 16). Перо обычно маленькое, черешок «срезан». Датируется аналогиями: Черновая (Алтай)¹⁷³, Уйгарак (Сыр-Дарья)¹⁷⁴ — VII—VI вв. до н. э. Оба упомянутых тагарских комплекса содержат архаические вещи: кинжал и уникальную секиру (Батени), чекан, «коромыслообразный» предмет и позднекарасукский нож (Райков улус).

Тип А/V (табл. 12, 17—19). Перо ромбическое в сечении, причем средняя грань иногда переходит в короткий мысик, спускающийся на втулку, боковые грани спускаются еще ниже (табл. 12, 18, 19); втулка выступающая, широкая. Известно 6 экземпляров, из них один — в кургане 2 Усть-Ерба (табл. 12, 19), в комплексе с наконечником (табл. 12, 22), который и является датирующим. Аналогии из других районов мне не известны.

Тип А/VI. Перо широкое, плоское в нижней части, ромбическое в верхней; концы его превращены в изогнутые шипы. Втулка выступающая или скрытая, продолжается на перо, вплоть до грани (табл. 12, 20—22). Всего 3 экземпляра, из них один — в комплексе (Усть-Ерба, курган 2; табл. 12, 22). Датируется VII в. до н. э. по аналогии со стрелами из Северного Причерноморья (Малая Цимбалка)¹⁷⁵ и с Нижней Волги (села Делер, Михайловка)¹⁷⁶.

Тип А/VII. Лопаста пера опущены вниз, как шипы, втулка скрыта. Два экземпляра в комплексах (табл. 12, 23 — в кургане 5 Бузунова, где найден вместе с типами Б/II, Б/III, Б/IV и в Батени III могила 2, в комплексе с типами Б/I, Б/II, Б/IV, Б/VII), которые и дают основание для даты VII—VI вв. до н. э. Этот тип напоминает лугавские зажимные копья (табл. 8, 17—21), но здесь настоящая глубокая втулка, так что наконечник втульчатый, а не зажимный. Связь его с упомянутыми копиями возможна, но он может быть и просто вариантом втульчатых двулопастных стрел (ср., например, табл. 12, 30).

Итак, наконечники стрел группы А/VII в VII—VI вв. до н. э. сохраняют многие особенности стрел позднего бронзового века с треугольным пером: иногда сводчатую форму пера, иногда изогнутые концы «жальца», «срезанный» черешок. Типы двулопастных, трехлопастных черешковых и плоских втульчатых стрел прямо восходят к типам позднего бронзового века (см. табл. 12). Головки наконечников VII—VI вв. до н. э. становятся более узкими и менее плоскими. Эта тенденция продолжается и позднее, в тагарскую эпоху.

В VI в. до н. э. некоторые из типов VII—VI вв. до н. э. сохраняются, несколько видоизменяясь, другие исчезают и появляются новые.

Тип А/I в VI в. до н. э. в комплексах неизвестен. Экземпляр на табл. 12, 24 отнесен к VI в. до н. э., так как его перо более развитой

¹⁷² Раскопки О. А. Вишневской, 1963 г., курганы 83, 84 (Хорезмская экспедиция).

¹⁷³ Курган 2 (А. В. Адрианов, 1916, стр. 137, рис. 37).

¹⁷⁴ Раскопки О. А. Вишневской, 1963 г., курган 39 (Хорезмская экспедиция).

¹⁷⁵ Р. Рау, 1929.

¹⁷⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 111, рис. 12, Д, Е, стр. 42.

формы по сравнению с пером типа А/І и втульчатого типа А/VI (VII в. до н. э.) (ср. табл. 12, 24 с 8, 20, 21): нижняя часть пера теперь не плоская, а рельефная, зубцы стали более изогнутыми и узкими, приближаясь к формам V в. до н. э. Экземпляр на табл. 12, 25, с более узкой головкой и менее массивный, относится скорее уже к типу VI — началу V в. до н. э. Близкие аналогии есть в Китае в эпоху Чжаньго (V—III вв. до н. э.)¹⁷⁷. Более далекие можно указать в Кармир-Блуре в Закавказье, VI в. до н. э. (по имеющейся на колчане надписи Аргишти, сына Менуа)¹⁷⁸.

Тип А/II. Известен 1 экземпляр (Кочергино, курган 1; табл. 12, 26), найден в комплексе с наконечниками типов А/IX, Б/VIII и Б/IX, обычных для VI в. до н. э. Другие основания для даты — аналогии: Черновая (Алтай)¹⁷⁹, Тамды (Памир)¹⁸⁰, Кунгайский могильник (Фергана)¹⁸¹, Уйгарак и Тагискен¹⁸² — VII и VI вв. до н. э. По сравнению с экземплярами VIII и VII вв. до н. э. (табл. 12, 5, 11) перо наконечника VI в. до н. э. более узкое при той же высоте, лопасти гораздо меньше выделяются; перо становится более обтекаемым.

Тип А/III представлен 18 экземплярами из случайных находок (табл. 12, 27—29). Перо также более узкое и лопасти менее выдаются по сравнению со стрелами VII—VI вв. до н. э. (ср. табл. 12, 12, 13). Черешок плоский или «срезанный». Многочисленные аналогии в восточной части скифского мира (только восточнее Волги): в Туве (V в. до н. э.)¹⁸³, Северном и Центральном Казахстане (VI—V вв. до н. э.)¹⁸⁴, Семиречье (V—IV вв. до н. э.)¹⁸⁵, Южном Приуралье (конец VI—V в. до н. э.)¹⁸⁶, Нижнем Поволжье (VI—V вв. до н. э.)¹⁸⁷ и Персеполе (первая половина V в. до н. э.)¹⁸⁸ — позволяют датировать их VI—V вв. до н. э. Случайные находки многочисленны в Северном Китае, Монголии, на Алтае, в Сынцзяне, Восточном Казахстане, Зауралье и Южном Приуралье¹⁸⁹. Вариант типа А/III с «зубчиками» в месте перехода граней в лопасти (табл. 12, 29) также распространен в Туве (в комплексе V в. до н. э.), на Алтае и в Восточном Казахстане.

Типы А/IV и А/V в VI в. до н. э. в Минусинской котловине мне не известны.

¹⁷⁷ A. Vayson de Pradenne, 1925, fig. 8, внизу справа; Ли и Цзи, 1949, стр. 56, рис. Е, 4. Благодарю М. В. Воробьева за перевод.

¹⁷⁸ Б. Б. Пиотровский, 1952, т. II, стр. 28, рис. 11 и стр. 78.

¹⁷⁹ Курган 2 (А. В. Адрианов, 1916, стр. 137, рис. 37).

¹⁸⁰ Курган 10 (А. Н. Бернштам, 1952, стр. 309, рис. 135, 6—10, 14).

¹⁸¹ Н. Г. Горбунова, 1961, стр. 192, рис. 8. Автор датирует (стр. 191—192) Кунгайский могильник V—IV вв. до н. э., основываясь на дате, предложенной А. Н. Бернштамом для кургана 10 Тамдинского могильника. В другом ферганском могильнике Ак-Там, который Н. Г. Горбунова считает синхронным Кунгайскому, найдены листовидный и треугольный трехлопастный втульчатые наконечники, характерные также для VII—VI вв. до н. э. (Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1957, стр. 83, рис. 29, 9, 10). Железные украшения в обоих могильниках, как нам кажется, говорят о ранней дате, о том, что этот металл только входит в употребление. В V—IV вв. до н. э. в Казахстане и на Алтае железо уже широко использовалось для изготовления оружия и не употреблялось для украшений.

¹⁸² Уйгарак: курганы 22, 39, 83, 84, раскопки О. А. Вишневской; Тагискен, курган 55, раскопки М. А. Итиной (Хорезмская экспедиция).

¹⁸³ Туран, могила 32, раскопки С. А. Теплоухова, 1929; Н. Л. Членова, 1961, стр. 150, табл. II, 72; Ак-Довурак, курган 18, раскопки С. И. Вайнштейна, 1957 г.—Архив ИА, д. 1438, альбом, табл. XXVII, 2а—д.

¹⁸⁴ Айдабуль II, Канаттас, курган 16, Киик-су, курган 5 (К. А. Акишев, 1959, табл. VI; М. К. Кардыбаев, 1959, стр. 179, рис. 16; стр. 116, рис. 2).

¹⁸⁵ К. А. Акишев, 1959, стр. 210; табл. 1, справа второй ряд снизу.

¹⁸⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 142, рис. 40, 11, 10, 12.

¹⁸⁷ Там же, стр. 142, рис. 40, 1; стр. 65.

¹⁸⁸ E. F. Schmidt, 1957, t. II, Pl. 76, 15, 16.

¹⁸⁹ Чжоу Вэй, 1957, стр. 168, рис. 37, 1; С. В. Киселев, 1947, стр. 364, рис. 3; Н. Н. Диков, 1958, табл. XII, 5, 8; A. Stein, 1928, vol. II, Pl. CXI-059; МАЭ 3211-370 и др. (коллекция Белослюдовых); Ю. П. Аргентовский, 1911, рис. 1; К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 142, рис. 40, 8, 9, 13.

Тип А/VI — два случайно найденных наконечника (табл. 12, 31), менее массивных по сравнению с экземплярами VII в. до н. э. (ср. табл. 12, 20, 21), что и дает основание считать их несколько более поздними. Наконечник на табл. 12, 32 гораздо более развитой и вычурной формы, его лопасти превращены в очень тонкие, изогнутые шипы; перо сходно с типом А/1 (табл. 12, 25); дата — вероятно, VI—V вв. до н. э. — определяется промежуточным положением между наконечником VI в. (табл. 12, 31) и более развитыми V—IV вв. (табл. 12, 38, 39).

Тип А/VII в VI в. до н. э. мне не известен; несколько напоминающий его наконечник с поперечными рубчиками на втулке (табл. 12, 30) имеет точнейшие аналогии в Восточном Казахстане¹⁹⁰, Южном Приуралье¹⁹¹ и Среднем Поволжье¹⁹², дата которых — VI в. до н. э.¹⁹³ Скорее всего, это импортный наконечник.

В VI в. до н. э. появляются втульчатые трехлопастные наконечники — типы А/VIII и А/IX. Тип А/VIII — с выступающей втулкой. Известно 5 экземпляров (случайные находки, табл. 12, 33, 34). Чрезвычайно многочисленные аналогии из Приуралья, Поволжья и Северного Причерноморья датируются VI в. до н. э.¹⁹⁴

Тип А/IX — со скрытой втулкой, включает 17 экземпляров, из них 16 — из трех комплексов (Тагарский остров, курган 33—13 экземпляров; Кочергино, курган 1—2 экземпляра; Саргов II, курган 3—1 экземпляр). В последнем случае такие наконечники найдены в комплексе с типами А/II, Б/VIII и Б/IX, обычными для VI в. до н. э. Аналогии типу А/IX многочисленны в Поволжье и Приуралье (VI в. до н. э.)¹⁹⁵.

Таким образом, в VI в. до н. э. наконечники становятся еще менее плоскими и более узкими и обтекаемыми, чем в VII — начале VI в. до н. э. Появляются новые типы, чрезвычайно сходные со стрелами восточной части скифского мира, в особенности трехлопастные втульчатые и черешковые.

В V в. до н. э. бронзовых стрел в тагарской культуре мало.

Тип А/1 — 1 экземпляр (табл. 12, 37) с еще менее плоской головкой и изогнутыми шипами, чем у экземпляра VI—V вв. до н. э. (табл. 12, 25).

Типы А/III, IV, VI, VII мне не известны.

Тип А/II — 1 экземпляр (табл. 12, 38) с боковыми изогнутыми шипами; перо его напоминает перо втульчатых наконечников V—IV вв. до н. э. (табл. 12, 38, 39 — типа А/VI). Один из этих последних найден в комплексе Думная гора (табл. 12, 40). Он ромбический в сечении, на гранях — треугольные выемки, по-видимому, это дериваты лопастей; от длинных изогнутых шипов сохранились лишь нижние части. Другой экземпляр, где шипы еще сохраняются на всю длину и лопасти чуть-чуть выступают (табл. 12, 38), типологически более ранний. Втулка у двух последних наконечников превращается в скрытую. Очертания пера уже совсем не похожи на треугольник, и трудно сказать, куда правильнее отнести наконечники: к группе А (с треугольной формой пера) или к группе Б (с лавролистной). В группе Б таким наконечникам есть аналогия (табл. 13, 39), подтверждающая их дату.

Тип А/VIII — всего 3 экземпляра, из них один — из кургана 3 могильника Усть-Сыда (табл. 12, 41); перо его по сравнению с наконечниками VI в. до н. э. гораздо короче, а втулка длинная и расширяется книзу; эти

¹⁹⁰ Усть-Каменогорский музей, 1 экземпляр (рисунок любезно предоставлен мне С. В. Зотовой); МАЭ, 3211-369 (1 экземпляр).

¹⁹¹ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 114, рис. 15, В-1; табл. I, В-19.

¹⁹² Село Сорочьи горы бывшей Казанской губернии (А. А. Штукенберг, 1901, табл. II, 15).

¹⁹³ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 42—43.

¹⁹⁴ Там же, табл. II, типы VI-A, VI-B, VI-B.

¹⁹⁵ Там же, тип. X.

особенности придают наконечнику сходство с одной из форм миниатюрных втулок, появляющейся также в V в. до н. э. (Верхний Суэдук, табл. 1). Наконечник из Самодуровки отличается очень крупными размерами (длина его 7—8 см). Такие длинные наконечники найдены в комплексе Айдашинская пещера (близ Ачинска) ¹⁹⁶ V—IV вв. до н. э.

Тип А/IX в V в. до н. э. представлен наконечниками, у которых лопасти пера спускаются ниже втулки. Один вариант — с узким пером, скорее напоминающим трехгранный; в верхней части его, в месте перехода граней в лопасти, есть «зубчики» (табл. 12, 42). Подобные стрелы распространены в Туве, на Алтае, в разных районах Казахстана ¹⁹⁷, в Зауралье ¹⁹⁸, Южном Приуралье и Поволжье ¹⁹⁹, иногда встречаются и в Прикамье ²⁰⁰ и на Дону ²⁰¹. Появляются в конце VI — начале V в. до н. э., более распространены в V в. до н. э. «Зубчики» подобны «зубчикам» на стрелах этого и других типов также из Тувы, Казахстана и Приуралья. Но приведенные аналогии не очень точны. Идентичные стрелы мне не известны. Другой вариант — со скрытой, часто прорезной втулкой (6 экземпляров). Форма пера треугольная (табл. 12, 44) или сводчатая (табл. 12, 43), некоторые очень крупных размеров. Аналогии известны только в Сибири и Монголии. Дата не совсем ясна: близкой формы наконечник, отличающийся закругленными концами лопастей, найден в Дерестуйском могильнике в Забайкалье, в одной из могил которого встречена ханьская монета типа, находившегося в обращении с конца II в. до н. э. по VI в. н. э. ²⁰² Может быть, наконечники этого типа существовали длительный период, и часть их относится еще к тагарской эпохе, другие — более поздние.

Подводим итог разбору тагарских наконечников с пером треугольной формы.

1. Они существуют в Минусинской котловине непрерывно с эпохи бронзы до V в. до н. э., а один из видов (крупные трехлопастные со скрытой прорезной втулкой), по-видимому, и позже.

2. Известны и черешковые и втульчатые формы, иногда почти идентичные во всех остальных деталях.

3. Двулопастная плоская форма — более ранняя и типологически и хронологически: она как будто не встречается позже начала VI в. до н. э.; трехлопастная, изобретенная еще в эпоху поздней бронзы, успешно конкурирует с ней в течение VII—VI вв. до н. э. и побеждает ее к концу VI в. до н. э. Оставшиеся двулопастные стрелы из плоских превращаются в ромбические в сечении. Все это вызвано, очевидно, лучшими боевыми качествами трехгранных, трехлопастных и ромбических в сечении наконечников по сравнению с плоскими: первые устойчивые в полете.

4. Аналогии подавляющему большинству видов наконечников с треугольным пером находятся в культурной области, охватывающей Приуралье, Казахстан, Среднюю Азию, Алтай, Туву и Монголию. За пределами этой области широко распространены лишь трехлопастные втульчатые наконечники с треугольным пером — их много и в Поволжье, и в Северном Причерноморье в конце VI в. до н. э.

¹⁹⁶ Раскопки П. С. Проскурякова, 1897 г. ГИМ, 36855, хр. 85/30-а.

¹⁹⁷ Н. Л. Членова, 1961, стр. 136; табл. II, 66, 67, 69, 70; близ Семипалатинска (А. А. Спицын, 1915, стр. 229, рис. 7, верхний ряд, вторая и четвертая стрелы слева); бывший Акмолинский уезд Тургайской области, Ташкентский исторический музей, № 60/16, 60/9, 60/11, 58/6, 58/5 (по рис. Е. Е. Кузьминой).

¹⁹⁸ Ю. П. Аргентовский, 1911, рис. 4—6.

¹⁹⁹ К. Ф. Смирнов, 1961, табл. V, типы XIV—XX, особенно тип XIV, рис. 11—12.

²⁰⁰ А. В. Збруева, 1952, стр. 89, табл. XIX, 34, 43.

²⁰¹ А. И. Мелюкова, 1950, альбом, табл. III, рис. 8.

²⁰² А. А. Спицын, 1901, рис. 81 и стр. 279, рис. 71.

Группа Б. Наконечники с листовидным и ромбическим пером

В отличие от группы А они в течение тагарской эпохи меняются мало, поэтому можно рассматривать каждый тип в течение всего периода его существования. Наиболее ранние — крупные плоские наконечники (табл. 13, 1—10). Некоторые из них достигают длины 6,5 см (табл. 13, 1) и 7,2 см (табл. 13, 4) и могут быть отнесены к числу «дотагарских», так как ни в одном тагарском комплексе таких крупных наконечников нет. Делятся они на несколько типов.

Тип Б/1з. Наконечники с листовидным, иногда переходящим в ромбическое пером и втулкой средней длины. Среди трех известных мне (табл. 13, 1—3) особо выделяется наконечник с притупленным концом и уплощенной, почти прямоугольной в сечении втулкой (табл. 13, 2). Разновидность типа Б/1з — наконечники с длинной узкой втулкой и длинным узким пером (табл. 13, 4—6). Втулка их в верхней части, как правило, граненая, ромбическая в сечении.

Тип Б/1з. Наконечники со скрытой втулкой (табл. 13, 8—10). Форма пера близка к ромбической, втулка также ромбическая в сечении. Все это архаические признаки.

Тип Б/1. Двулопастный наконечник с выступающей втулкой. Найден в комплексах Бузунова, курган 6—1 экземпляр; Батени III, могила 21—3 экземпляра (VII—VI вв. до н. э.); Оглахты, курган 4—2 экземпляра; Абаканская управа, курган 4, 1892 г.—1 экземпляр; Изыкчуль, курган 8—2 экземпляра (VI в. до н. э.—табл. 14, 21, 29—31). В случайных находках известно еще 25 штук из Минусинской котловины (табл. 13, 11, 20). Они несколько различаются по форме пера и втулки. Перо бывает лавролистное (табл. 13, 20) либо суживающееся в верхней части (табл. 13, 11), либо ромбическое (табл. 13, 13), или не совсем правильной формы (табл. 13, 21). Втулка иногда бывает граненой либо круглой в сечении, с продольным «швом» (табл. 13, 11), либо просто круглой. Длина втулки обычно меньше $\frac{1}{4}$ общей длины, и лишь у одного лавролистного наконечника она достигает $\frac{1}{3}$ общей длины. На перо его — две косо поставленные выпуклые полосы. Эта особенность часто встречается на савроматских наконечниках. Подобные из Причерноморья П. Рау относит к «доскифскому» периоду, вероятно, к VII в. до н. э.²⁰³ Наконечники, отличающиеся более крупными размерами (табл. 13, 11, 12), может быть, также относятся еще к VII в. до н. э. Острожнее датировать их VII—VI вв. до н. э.

Тип Б/1-bis отличается от предыдущего сильно выступающими продольными «швами» на втулке (так что он как бы четырехлопастной). Мне известно 4 экземпляра, один с выпуклым орнаментом в виде «елочки» на перо (табл. 13, 14). Точно такой же орнамент на плоском листовидном шипастом наконечнике из Малой Цимбалки в Северном Причерноморье (VII в. до н. э.)²⁰⁴. Крестообразное сечение пера, как уже было сказано, встречается у древнейших наконечников стрел скифского типа VII в. до н. э., бывает и у минусинских стрел типа А, которые также отнесены к VII в. до н. э. (стр. 41).

Тип Б/II. Двулопастный наконечник со скрытой втулкой. Встречен в комплексах: Батени III, могила 21—1 экземпляр; Кара-Кургэн 2—1 экземпляр; Бузунова, курган 5—2 экземпляра; курган 6—3 экземпляра (VII—VI вв. до н. э.); Копьева, курган 12—1 экземпляр; Оглахты 4—2 экземпляра; Подгорное озеро, курган 1—1 экземпляр; Горькое озеро, курган 8—1 экземпляр; Галактионова, курган 8—1 экземпляр; Кара-Кургэн, курган 4—1 экземпляр, VI в. до н. э. и Аешина, курган 9—1 экземпляр V в. до н. э.—табл. 13, 35; табл. 14, 3, 4, 22; см. также

²⁰³ P. Raу, 1929, Taf. XIV, 2-K; Taf. XIV, 3-E.

²⁰⁴ А. И. Мелюкова, 1950, табл. 1, рис. 9; P. Raу, 1929.

табл. 1. Известны 5 экземпляров из случайных находок (табл. 13, 22), причем среди них есть более архаические: с пером, форма которого приближается к ромбической (2 экземпляра), может быть, относящиеся еще к концу VII в. до н. э. Типы Б/І и Б/ІІ распространены по всей территории скифского мира в Европе и в Азии. Эта форма — одна из самых распространенных в Северном Причерноморье в VII—V вв. до н. э.²⁰⁵ (наибольшее число, как и в Минусинской котловине, приходится на VI в. до н. э.). Она обычна в Поволжье и Приуралье, достигает Монголии и Северного Китая, но чем дальше на восток, тем меньше процент подобных наконечников стрел из общего числа относящихся к VII—VI вв. до н. э. Их уже немного на Алтае, еще меньше, по-видимому, в Туве и Монголии, в Северном Китае и в Маньчжурии встречаются лишь единицы.

Тип Б/ІІІ. Наконечники со скрытой втулкой, с узким пером, ромбическим в сечении (табл. 13, 23, 24). Встречены в комплексах Бузунова, курган 5—1 экземпляр; курган 6—4 экземпляра (VII—VI вв. до н. э.), Минусинск 8—4 экземпляра; Галактионово — 1 экземпляр; Горькое озеро, курган 8—1 экземпляр; Подгорное озеро, курган 1—2 экземпляра; Копьева XII — 1 экземпляр; с наконечниками стрел Б/І, Б/ІІ, Б/ІV, типичными для VI в. до н. э., 6 экземпляров — случайные находки.

Тип Б/ІV. Плоский двулопастной наконечник с шипом у основания втулки (табл. 13, 16, 17, 25, 26). Втулка скрыта или выступает. Найден в комплексах: Бузунова 5—1 экземпляр; Батени III, могила 21—2 экземпляра (VII—VI вв. до н. э.); Оглахты 4—1 экземпляр (VI в. до н. э.). Кроме того, известны экземпляры и из случайных находок, три из них крупные и имеют форму, приближающуюся к ромбической, что считается архаическим признаком (табл. 13, 16, 17). Другие три с листовидным пером небольших размеров относятся, вероятно, уже к VI в. до н. э. (табл. 13, 25, 26). Этот тип, как и предыдущие два, характернейший скифский, чрезвычайно распространен в Причерноморье и Поволжье в VII—VI вв. до н. э., известен также в Малой Азии (Кархемиш, Гозлу-Куле), в Мосуле, близ Тегерана и в других местах²⁰⁶. На Ближнем Востоке этот тип характерен более для VII в. до н. э. В Средней Азии, Казахстане, на Алтае он также известен и достигает Монголии. Датированные экземпляры в этих районах тоже относятся к VII—VI вв. до н. э. Из могильника Бегазы в Центральном Казахстане происходит один из наиболее ранних наконечников этого типа. М. П. Грязнов датирует его VIII в. до н. э.²⁰⁷ Однако уже в Восточном Казахстане этот тип редок, а еще восточнее — чрезвычайно редок. Вероятно, вариантом типа Б/ІV следует считать двулопастной наконечник с листовидным пером, горизонтально срезанным в нижней части, со скрытой втулкой и шипом у ее основания (Узун-Оба, курган 1; табл. 1), известный мне по рисунку С. В. Киселева.

Тип Б/V. Листовидный двулопастной плоский наконечник, одна лопасть которого заточена в шип. В Минусинской котловине 1 экземпляр найден в комплексе (Бузунова, курган 6) VII—VI вв. до н. э. (табл. 1). Известна и одна случайная находка у горы Изых (табл. 13, 18). В Причерноморье встречается несколько реже предыдущих, но обычно в самых архаических погребениях (VII—начала VI в. до н. э.)²⁰⁸; в Поволжье редок²⁰⁹; в Казахстане и Сибири он чрезвычайно редок; совсем не известен в Восточном Туркестане, Туве, Монголии, Забайкалье и Северном

²⁰⁵ Б. Н. Граков, 1930, стр. 72, рис. 1 (первый слева); P. Ra u, 1929, Taf. I, 1 A, B; 2 B; Taf. XIII, 1 K, L и др.; К. Ф. Смирнов, 1961, табл. 1.

²⁰⁶ См. T. Sulimirsky, 1954, p. 296.

²⁰⁷ М. П. Грязнов, 1952, стр. 155—158.

²⁰⁸ Б. Н. Граков, 1930, стр. 72, рис. 1 — второй справа; P. Ra u, 1929, Taf. II, 1 A, B, C; А. И. Мелюкова, 1950, табл. II, рис. 1 б, 9 и, к.

²⁰⁹ P. Ra u, 1929, Taf. XVIII, 1 C; К. Ф. Смирнов, 1961, табл. 1, тип VI, стр. 42.

Китае, в то время как «скифские» листовидные втульчатые наконечники без шипа и с шипом (Б/І — Б/ІV) там известны; Б. Н. Граков считает, что типы с шипами на нижней части лопасти — это усовершенствование наконечников Б/ІV с шипом у основания втулки и возникли они вследствие стремления мастеров упростить процесс их изготовления²¹⁰. Это весьма вероятно. Но изобретение это не получило широкого распространения: стрелы типа Б/У распространены в основном в Причерноморье, в Поволжье, обычные же шипастые — на значительно более широкой территории. Более ограничено и время бытования стрел типа Б/У по сравнению с типом Б/ІV, который продолжает существовать и в V в. до н. э.²¹¹

Тип Б/УІ. Наконечник со скрытой втулкой и таким же шипом, как у типа Б/У, но ромбическим в сечении; на гранях — выемки (табл. 13, 27, 28). 1 экземпляр найден в комплексе (Горькое озеро, курган 8, УІ в. до н. э.), другой — из случайных находок (табл. 13, 27). В западных районах такой тип мне не известен.

Тип Б/УІІ. Плоский втульчатый наконечник; обе лопасти продолжаютсЯ ниже втулки и заменяют шипы. Найден в комплексе Батени ІІІ, могила 21—1 экземпляр УІІ—УІ вв. до н. э. (см. табл. 1). Среди случайных находок такие не известны, однако этот тип находит параллели в костяных наконечниках в комплексе также УІІ—УІ вв. до н. э. (Бузунова 4—табл. 1; Батени ІІІ, могила 21, табл. 14, 76). Он очень близок к типу А/УІІ, отличающемуся только тем, что форма его пера не листовидная, а треугольная. За пределами Минусинской котловины не известен.

Тип Б/УІІІ. Трехлопастной наконечник с листовидным пером и выступающей короткой втулкой. В Минусинской котловине мне известны 2 экземпляра: 1 найден в комплексе (Кочергино, курган 1, УІ в. до н. э.—табл. 13, 30 и табл. 1), другой, бракованный,—случайная находка.

Тип Б/ІХ. Трехлопастной наконечник с листовидным пером и скрытой втулкой. Известен 1 экземпляр из комплекса (Кочергино, курган 1) и 3—случайные находки (табл. 13, 31, 32).

Типы Б/УІІІ и Б/ІХ широко распространены в скифском мире, однако значительно реже встречаются, чем плоские двулопастные. Трехлопастные листовидные с выступающей втулкой известны в Северном Причерноморье и Поволжье с УІІ в. до н. э.²¹², но у тех втулка длиннее (она достигает половины общей длины). Наконечники с короткой втулкой, по-видимому, и в Причерноморье появляются позже — они обнаружены в комплексах конца УІ—У в. до н. э.²¹³ Они известны также на Кавказе («могилы между Кедабеком, Қала-Кентом и Қара-Мурадом»²¹⁴, в Кармир-Блуре²¹⁵, в Муси-ери²¹⁶, УІІ—УІ вв. до н. э.), в Иране (Саккыз, первая половина УІІ в. до н. э.), Сузы, УІІ—У вв. до н. э.²¹⁷, Персеполь — У в. до н. э.²¹⁸ в Туркмении²¹⁹, в Узбекистане²²⁰, Таджикистане²²¹. Наконечники с несколько более выступающей

²¹⁰ Б. Н. Граков, 1930, стр. 84.

²¹¹ К. Ф. Смирнов, 1961, табл. 1—17.

²¹² А. И. Мелюкова, 1950, табл. ІІ, рис. 6 б; 9 о; К. Ф. Смирнов, 1961, табл. ІІ, тип. 1.

²¹³ А. И. Мелюкова, 1950, табл. ІІІ рис. 3 к.

²¹⁴ Могила 48 (А. Ивановский, 1911, табл. УІІІ, 35, 36).

²¹⁵ Б. Б. Пиотровский, 1950, т. І, стр. 86, рис. 55; он же, 1952, т. ІІ, стр. 28, рис. 11.

²¹⁶ J. de Morgan, 1925, t. I, p. 100, fig. 58.

²¹⁷ R. Ghirshman, 1954, Pl. XLIV, XLIII; p. 65, Pl. XXIV, 4.

²¹⁸ E. F. Schmidt, 1939, fig. 28 a; он же, 1957, vol. II, Pl. 76 297, 298.

²¹⁹ В. М. Массон, 1959, стр. 46, рис. 12; стр. 201, табл. XXXIV, 9, 12, 15.

²²⁰ М. М. Дьяконов, 1953, стр. 281, рис. 19, 1; Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1957, стр. 83, рис. 29, 9.

²²¹ О находке таких наконечников Б. А. Литвинским в Кайрак-кумах см.: К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 45.

втулкой найдены в Западном Афганистане (Нади-Али, с VIII в. до н. э.)²²², известны в единичных случаях в Белуджистане к северо-востоку от Джамалабада²²³, в западной части Внутренней Монголии²²⁴ и даже в Южной Маньчжурии²²⁵, но в последних очень редки. В VII в. до н. э. они многочисленны на Ближнем и Среднем Востоке (Ашур, Кархемиш, Деве Уйюк, Гозлу-Куле, Нейраб, Самария²²⁶). Почти все исследователи приходят к выводу, что форма эта «восточная». Рассмотренные здесь материалы позволяют уточнить это понятие.

Наибольшее распространение эта форма получила на Среднем Востоке — в Иране, земледельческих районах Средней Азии и Афганистана²²⁷. Т. Сулимирский вслед за В. Флиндерс Петри предполагает, что она была изобретена для пробивания металлического или кожаного панциря, характерного для воинов Западной и Средней Азии, а в тех районах где панцирь появился позже (например, в Северном Причерноморье), и стрелы эти появились позже²²⁸. С этим трудно согласиться: мы видели, что трехлопастные же наконечники, но с треугольной формой пера распространены и в других районах, где, по-видимому, не было никаких панцирей, и существуют там также с VII в. до н. э. Области распространения трехлопастных наконечников с треугольным пером и с листовидным пером не совпадают, они лишь частично накладываются друг на друга. Это заставляет предполагать, что при изготовлении наконечников стрел на той и на другой территории следовали определенной традиции, придавая особое значение именно форме пера — листовидной или треугольной. Трехлопастные стрелы были изобретены, вероятно, не для того, чтобы пробивать панцирь, а потому, что они более устойчивы в полете, или, как предполагает Б. Н. Граков, потому, что их быстрее заготавливать, чем двулопастные²²⁹. Можно предполагать поэтому, что такая забота о совершенстве стрелы или о скорости ее изготовления должна возникнуть в первую очередь там, где этот вид оружия был особенно важен — у конных лучников. И действительно, трехлопастные наконечники преобладают в Казахстане, на Алтае, в Туве, у мидийцев; их много у скифов Причерноморья. А попадая в Минусинскую котловину, где стрелы вообще не играли большой роли, трехлопастные наконечники не вытеснили другие, менее совершенные, плоские. Трехлопастные наконечники с листовидной формой пера проникали в Минусинскую котловину скорее всего из Казахстана.

Тип Б/Х. Листовидный двулопастный плоский наконечник с коротким шипом у основания пера и длинной втулкой. В Минусинской котловине найден в комплексах V в. до н. э. дважды: в кургане у поселка колхоза им. 1 Мая Аскызского района и в Аешиной, курган 9 (табл. 13, 36, 37). Известно еще 5 экземпляров из случайных находок²³⁰ (табл. 13, 29, 33, 34). О том, что шипы не обломались, а специально отливались такими короткими, говорит находка одного наконечника, у которого не убран лишний металл, залившийся между втулкой и черешком (табл. 13, 29); нижний конец шипа здесь отчетливо виден. Может быть, некоторые экземпляры этого типа появляются еще в VI в. до н. э.: у них перо ромбической формы или со срезами верхней части. Это — архаические при-

²²² R. Chirshman, 1939, Pl. V, Pl. III.

²²³ A. Stein, 1937, Pl. X, Bij. 22, p. 142.

²²⁴ B. Sommarström, 1956, Pt. I, p. 40, fig. 9, 5.

²²⁵ Y. Harada, K. Komai, 1931, fig. 6, 7, fig. 7, 14, 18.

²²⁶ T. Sulimirsky, 1954, p. 296—297.

²²⁷ О персидском происхождении этой формы стрел см.: К. Ф. Смирнов, 1960, стр. 44—45.

²²⁸ T. Sulimirsky, 1954, p. 311.

²²⁹ Б. Н. Граков, 1930, стр. 84.

²³⁰ ММ 7423 (Белоярское); ММ 7419 (Игрыш?); МИМК ТГУ 2934; номер неясен.

знаки (табл. 13, 29, 33). В западной части скифского мира этого типа нет; у некоторых шип также помещен у основания пера, но он длинный и продолжается ниже втулки (дата их — VII—VI вв. до н. э.). На востоке тип Б/Х известен в Монголии²³¹ и Китае²³². Преемственность типа Б/Х от наконечников обычных листовидных и ромбических с шипом у основания втулки не вызывает сомнений.

Тип Б/ХI. Втульчатый наконечник с пером, ромбическим по форме и в сечении. У основания пера — короткий шип (как у предыдущего). На гранях — треугольные выемки. Единственный известный мне экземпляр — случайная находка (табл. 13, 38). Дата — скорее V в. до н. э.

Тип Б/ХII. Наконечник с пером, ромбическим в сечении, и скрытой втулкой, на каждой грани — треугольные выемки, у основания пера — шип. Известен в единственном экземпляре (Кызыл-куль, табл. 13, 39), V в. до н. э. Близок по облику к предыдущему и к типу с двумя шипами (А/VI), также V в. до н. э. Является потомком типа Б/VI. Аналогий в других районах нет.

Тип Б/ХIII. Наконечник с пером, ромбическим по форме и в сечении, со скрытой втулкой. И на верхних и на нижних частях граней — выемки, отделенные друг от друга выпуклыми поясками (табл. 13, 40). В Минусинской котловине найден 1 экземпляр. Аналогичные известны в Восточном Казахстане²³³. Наконечник Б/ХIII как сходный с типами Б/ХI и Б/ХII должен датироваться V в. до н. э.

Наконечники типов Б/ХI, Б/ХII и А/VI втульчатые, с треугольными выемками на гранях, сходны с более поздними «ханскими» близкой формы — бронзовыми втульчатыми, но во втулку обычно вставлен железный черешок. Распространены они довольно широко: в Восточном Казахстане, Синьцзяне, между Хотаном и Лоб-нором, в Монгольской Народной Республике, Внутренней Монголии, в бассейне Хуанхэ²³⁴ и в Маньчжурии²³⁵. В Минусинской котловине найдена только одна такая «ханская» стрела с железным черешком²³⁶. Эпоха Хань начинается с III в. до н. э., но некоторые из таких стрел еще с бронзовым черешком могут быть и несколько старше. В. В. Волков сравнивает их с наконечниками близкого типа из кургана у Вавилово в Восточном Казахстане, V—IV вв. до н. э.²³⁷ Это, по-видимому, и есть поздний предел распространения наконечников типа А/VI (табл. 13, 39) и Б/ХI—Б/ХII.

Из рассмотренных наконечников (Б/Х — Б/ХIII) типологически наиболее ранние — с плоским ромбовидным пером (табл. 13, 37), наиболее поздние — листовидные с вытянутым шиловидным острием (табл. 13, 36). Такое острие характерно для стрел самых различных форм конца V—IV в. до н. э.: трехлопастных «кулайского» типа²³⁸, некоторых костяных наконечников из Минусинской котловины (табл. 14, 64) и других мест.

Подведем итоги рассмотрения тагарских наконечников группы Б.

²³¹ С. В. Киселев, 1947, стр. 364, рис. 3 (верхний ряд, второй справа и нижний ряд, четвертый справа); В. В. Волков, 1962, стр. 19, рис. 3, 2.

²³² Чжоу Вэй, 1957, стр. 168, рис. 37, 3.

²³³ МАЭ 3211-725, 3211-727, 3211-760.

²³⁴ МАЭ 3211-276, 825, 827 (Восточный Казахстан); A. Stein, 1928, vol. II, Pl. XXIII, с. XCIV-012, L. J. 01, с. XCIV-011, L. G. 011; Pl. CXI—Jul. 0.33; vol. III, Pl. XLVII, XLIV, XXII (Синьцзян); С. В. Киселев, 1947, стр. 364; рис. 3 г; В. В. Волков, 1962, стр. 23, рис. 4, 10, 12 (МНР); В. Sommarström, 1956, Pt. I, Pl. 4, 1—5, Pl. 33, 1; Pt. II, 1958, p. 245, fig. 118, 1, 2. (Внутренняя Монголия); Чжоу Вэй, 1957, табл. 47, 12—15 (Хуанхэ). Благодарю Н. Н. Терехову за перевод.

²³⁵ J. Nagada, K. Komai, 1931, vol. II, fig. 6, 1, 23; fig. 7, 2—6, 10—12; В. Я. Толмачев, 1929, табл. II, сверху справа.

²³⁶ МИМК ТГУ, 6272-15, деревня Иудино.

²³⁷ В. В. Волков, 1962, стр. 23.

²³⁸ И. М. Мягков, 1921.

1. Они существуют в Минусинской котловине с эпохи бронзы до V в. до н. э. Позже их нет, как и во всем остальном скифском мире.

2. Известны только втульчатые, черешковых форм нет.

3. Трехлопастные наконечники с листовидным пером очень редки в Минусинской котловине.

4. Плоская двулопастная форма наиболее характерна для VII—VI вв. до н. э.; в V в. до н. э. из всех многочисленных разновидностей плоских листовидных наконечников сохраняется лишь одна — с длинной выступающей втулкой и коротким шипом у основания пера. Прочие двулопастные — с шипами и без шипов — превращаются в ромбические в сечении еще в VI в. до н. э. и окончательно вытесняют плоские в V в. до н. э. Причина превращения плоских стрел в граненые та же, что и для стрел группы А.

5. Аналогии подавляющему большинству наконечников группы В находятся и в Европе и в Азии. В Средней Азии встречаются стрелы обеих групп (А и В). Трехлопастные листовидные наиболее характерны для сравнительно небольшой территории, охватывающей Ближний Восток, Иран и южные районы Средней Азии.

Наконечник группы В известен в Минусинской котловине в единственном экземпляре (Узун-Оба, курган 2 — табл. 1). Несмотря на совершенную форму, тип этот очень редок и в Причерноморье и в Минусинской котловине. Это еще одно доказательство того, что в выборе формы наконечника стрелы традиции брала верх над боевыми качествами. Прототип этой формы известен в андроновской культуре (костяной)²³⁹.

Остается рассмотреть еще любопытную серию стрел нескольких различных форм группы А/К и Б/К. Объединяет их то, что они явно подражают костяным. Из них 19 — с внутренней втулкой, ромбические и шестигранные в сечении (Минусинск, курган 8—16 экземпляров, VI в. до н. э.; Тагарское озеро, курган 35, начало V в. до н. э. — 1 экземпляр и 2 — случайные находки — табл. 12, 49, 50), 1 — с выступающей втулкой, 3 — черешковые (табл. 12, 45), как на многих костяных наконечниках (ср., например, табл. 1, 1, 2)²⁴⁰. Все они явно местные, показывают многообразие форм и большое значение костяных наконечников стрел в этом районе. Бронзовые наконечники, подражающие костяным, составляют всего $9,1 \pm 1,9\%$ тагарских стрел, т. е. 7,2—11%, в то время как стрелы группы А составляют $42 \pm 3,3\%$ (от 37,7 до 45,3%), а стрелы группы В — $48,4 \pm 3,4\%$ (от 45 до 51,8%) всех тагарских бронзовых стрел — самые многочисленные.

В начале раздела уже говорилось о незначительной роли бронзовых стрел в тагарском вооружении. Однако эта роль несколько менялась на протяжении тагарской эпохи. Если в VII—начале VI в. до н. э. из 22 могил с оружием было всего 5 могил со стрелами ($22,7 \pm 8,9\%$), то в VI в. до н. э. из 24 могил с оружием уже 15 могил со стрелами ($62,5 \pm 9,9\%$, т. е. от 52,6 до 72,4%). Применяя критерий статистической значимости различий $t = \frac{D}{mD}$, находим, что разница равна 3,0, т. е. существенна. В V в. до н. э. значение бронзовых стрел снова падает. Правда, погребений со стрелами еще 7 из 14 ($50 \pm 13,3\%$, т. е. от 36,7 до 63,3%), но зато количество стрел в могилах резко убывает. Если в погребениях VII—VI вв. до н. э. приходится в среднем по четыре стрелы на могилу (а в отдельных могилах встречается восемь-девять стрел) и столько же в среднем и в VI в. до н. э. (но в отдельных могилах найдено 13 и 16 стрел), то в V в. до н. э. приходится лишь по одной стреле на могилу, и лишь в одной могиле найдены две бронзовые стрелы.

²³⁹ Поселение Ирмень I. Раскопки М. П. Грязнова, 1952 г., ГЭ.

²⁴⁰ Такие же есть и на территории Украины в чернолесское время (см. А. И. Тереножкин, 1961, стр. 95, рис. 66, 2).

13 стрел — это оружие, одна же стрела оружием служить, конечно, не могла. Примечательно, что ни в погребениях, ни в числе случайных находок в Минусинской котловине нет узких трехлопастных наконечников со скрытой втулкой, типичных для скифов и сарматов V—IV вв. до н. э. и распространенных также в Казахстане, в то время как синхронные тагарские кинжалы сходны с западными типами и число их примерно равно числу кинжалов VII—VI вв. до н. э. (см. табл. 2).

Обратимся к происхождению тагарских наконечников. Обе основные группы (А и Б), наконечники с треугольным и с листовидным пером, появились еще в доскифское время. Чтобы определить время и место возникновения этих прототипов, рассмотрим эти наконечники бронзового века. Удобнее это сделать в ретроспективном порядке — от более поздних к более ранним. Сведения о находках стрел бронзового века сведены в таблицы.

Рассмотрение таблиц показывает, что наиболее поздние из наконечников бронзового века с треугольным пером — трехлопастные черешковые. Они локализируются в Средней Азии и Центральном Казахстане и связаны с культурами бегазинского типа и с южнотуркменской культурой (Изат-кули). Они и являются непосредственными предками трехлопастных черешковых наконечников скифской эпохи, распространенных в восточной части скифского мира. Раньше их появляются двулопастные с граненым или округлым в сечении черешком, продолжающимся и на перо в виде толстого валика; черешок часто с упором, а концы пера образуют опускающиеся книзу жальца, чтобы наконечник труднее было извлечь из раны. Эти наконечники распространены очень широко — от Китая до Западной Европы. Наиболее насыщены ими три района: 1) Ордос — Монголия — Маньчжурия; 2) Луристан — Закавказье — Малая Азия — Эгейский мир; 3) территория гальштатской культуры начиная с эпохи бронзы. В других районах они встречаются единично (Минусинская котловина, Казахстан, Западная Европа). Распространение этого вида наконечников совпадает в основном с ареалом кинжалов с «шипями» и грибовидным навершием, но стрел значительно больше. Несмотря на все колебания дат (в таблицах специально даны даты разных исследователей), время появления наконечников этого типа определяется довольно четко: XV—XII вв. до н. э. Раньше всего они появляются, как будто, в Малой Азии (Алишар).

В еще более раннюю эпоху распространены плоские бронзовые и медные наконечники простых очертаний с коротким, плоским черешком. Их ареал значительно уже, чем предыдущих. Плоских медных или бронзовых стрел нет ни в Китае, ни в Маньчжурии, ни в Монголии, ни в Центральной Европе. Основная их область — эгейский мир, Малая Азия, Кавказ, Иран. Появляются они во второй половине III тыс. до н. э. и продолжают существовать до конца бронзового века наряду с более поздним типом с выделенным длинным черешком. Есть все основания думать, что эти плоские наконечники — прямые предки двулопастных рельефных с выделенным черешком. В свою очередь форма плоских наконечников с треугольным пером и черешком, вероятно, восходит к форме медного копья еще периода Убейд²⁴¹. С. Пшеворский предполагает, что эти плоские наконечники восходят к обсидиановым III тыс. до н. э. (Телль-Брак, Северный Ирак)²⁴². Есть и более древние каменные наконечники подобной формы — например, кремневые из Ниневи, IV тыс. до н. э.²⁴³

Таким образом, основная линия развития бронзовых наконечников с треугольным пером такова. Вначале появляются плоские с треугольным

²⁴¹ L. Wooley, 1930, Pl. XLVII, b.

²⁴² S. Przeworsky, 1939, S. 58.

²⁴³ R. Thompson, D. Litt, M. E. L. Mallowan, 1933, Pl. LXVIII, 19.

Группа А. Трехлопастные доскифские наконечники с черешком

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
1	Район Красноярска, случайная находка	VIII—VII вв. до н. э.	Табл. 12, 5
2	Бегазы (Центральный Казахстан), могильник	VIII—VII вв. до н. э.	М. П. Грязнов, 1952, стр. 155, рис. 16
3	Алеп-аул (Центральный Казахстан), могильник	VIII—VII вв. до н. э.	П. С. Рыков, 1935, стр. 57, рис. 43
4	Изат-кули (Южная Туркмения), поселение	Конец II—первая треть I тыс. до н. э.	В. М. Массон, 1956, стр. 401

Таблица II

Группа А. Двуплостные доскифские наконечники с треугольным пером и дополнительным шипом на черешке или втулке

№ п/п	Способ скрепления наконечника с древком	Местонахождение	Дата	Источник
1	Черешковый	Дендра (Греция). Камерная могила 2	Позднеминойский III-а период (XIV в. до н. э. см. Н. Müller-Karpe, 1959)	A. W. Persson, 1931, p. 105, fig. 80
2	»	Фивы, могильник	То же	G. Sjöflund, 1939, p. 162
3	»	Микены, поселение	То же	Там же
4	Черешковые и втульчатые	Долани (Венгрия), случайные находки	?	J. Hampel, 1890, Pl. XXVIII, 1, 2, 4
5	Черешковый и втульчатый	Швейцария, могильники	1300—900 гг. до н. э. (Дешелетт)	J. Décheletie, 1924, p. 233, fig. 71, 9, 10
6	Втульчатые	Австрия, могильники	XIII—XII вв. до н. э.	R. Pittioni, 1954, Abb. 299, 478
7	Черешковые	Италия, террамары	«Не более древние, чем 1250—750 гг. до н. э.» (Сэфлунд)	G. Sjöflund, 1939, tav. 55. 10, 11, p. 162

Таблица III

Группа А. Двуплостные доскифские рельефные наконечники с выделенным черешком и упором

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
1	Аньян (Китай), городище	XIII—XII вв. до н. э. (эпоха Инь)	Ли Цзи, 1949, стр. 56, рис. 39, а, в; Чжоу Вэй, 1957, табл. 16, III, 3
2	Окрестности Аньяна, случайная находка	XIII—X вв. до н. э.	Там же, стр. 160; Chêng Te-k'uei, 1962, fig. 38, 8
3	Лиу-чиа-туан (Южная Маньчжурия), могильник	Комплекс второй половины II тыс. до н. э.	K. Hamada, S. Mizuno, 1938, vol. VI, fig. 10
4	Хуншаньхоу (Южная Маньчжурия), могильник	Комплекс карасукского типа	Там же
5	Там же, поселение	Комплекс карасукского типа	Там же, fig. 24, 21
6	Китай, случайная находка	Инь или Чжоу	A. Vayson de Pradene, 1925, fig. 8, нижний ряд, вторая справа

Таблица III (продолжение)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
7	Маньчжурия, случайные находки	То же	В. Я. Толмачев, 1929, табл. II
8	Г. Ю-лин-фу (Маньчжурия), случайная находка	»	Там же
9	Близ Мукдена (Маньчжурия), случайная находка	»	Свердловский краеведческий музей, инв. № 12344, хр. 4-IV-5, колл. В. Я. Толмачева
10	Монголия (точнее неизвестно)	Аналогична анянской эпохи Чжоу	A. Vayson de Pradenpe, 1925, fig. 8, внизу справа
11	Монголия (точнее неизвестно)	Аналогичные анянской эпохи Чжоу	В. В. Волков, 1962, стр. 23, рис. 4, 1
12	Минусинский край, случайная находка	?	МИМК ТГУ, 5810
13	Курорт «Аул» (Восточный Казахстан), поселение	Начало I тыс. до н. э. (?)	Б. А. Белослюдов, А. Г. Максимова, 1951, табл. 1
14	Тепе Сналк (Иран), некрополь А, могильник III, IV	XII—XI вв. до н. э. (Гиршман); 1400—1250 гг. до н. э. (К. Шеффер)	R. Ghirshman, 1937, t. II, Pl. XXXIX, p. 453, 24, 46; C. Schaeffer, 1948, p. 470, fig. 260
15	Там же, некрополь В	IX — начало VIII в. до н. э. (Р. Гиршман); 1460—1100 гг. до н. э. (К. Шеффер)	R. Ghirshman, 1937, Pl. XCII, 21, p. 95; C. Schaeffer, 1948, p. 473
16	Луристан (Иран), случайная находка		ГЭ, 18669
17	Луристан, случайная находка	1450—1200 гг. до н. э.	A. Godard, 1931, Pl. XIII, 34
18	Ага-Эвлар (Тальш, Закавказье), могильник	1450—1200 гг. до н. э. (К. Шеффер); XII в. до н. э. см. S. Przeworsky, 1939	J. de Morgan, 1896, p. 313, fig. 604—621; p. 329, fig. 812
19	Намин (Тальш), могильник	То же	Там же, стр. 266, рис. 355
20	Вери (Тальш), могильник	»	J. de Morgan, 1927, t. III, p. 206, fig. 202, 11
21	Шейтан-таг, могильник	VII в. до н. э.	J. de Morgan, 1896, p. 100, fig. 57
22	Так-Килиси (Грузия), могильник	VIII—VII вв. до н. э. (см. К. Х. Кушнарера, 1951)	Б. А. Куфтин, 1941, стр. 55, рис. 52
23	Село Куци Цалкинского района, могильник	То же	Там же, стр. 75, рис. 84, 4, 5
24	Дабла-Гоми (Грузия), могильник	»	Там же, стр. 75, рис. 85, 6
25	Деревня Арчадзор (Нагорный Карабах), могильник	IX—VIII вв. до н. э. (К. Х. Кушнарера)	К. Х. Кушнарера, 1951, стр. 87
26	Ходжалинский могильник	VIII—VII вв. до н. э.	Там же, стр. 155
27	Муганская степь, могильник	То же	Там же, стр. 256
28	Мингечаур, могильник	XIII—VIII вв. до н. э.	Г. М. Асланов, Р. М. Вандов, Г. И. Ионе, 1959, табл. XV, 10, 12, 15
29	«Могилы между Кедабеком, Калакентом и Кара-Мурдом» (Азербайджан)	IX—VIII и VIII—VII вв. до н. э.	А. А. Ивановский, 1914, табл. VIII, 27, 32, 34; табл. XV, 27, 29
30	Гозлу-Куле (Малая Азия), городище	1460—1225 гг. до н. э. (Х. Гольдман)	H. Goldman, 1956, vol II, Text, Pl. 427 79—83, p. 6

Таблица III (окончание)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
31	Аладжа Уйюк (Малая Азия), городище	1460—1225 гг. до н. э.	H. Goldman, 1956
32	Алишар (Малая Азия), городище	Слой II, 1900—1600 гг. до н. э. (К. Шеффер)	E. F. Schmidt, 1932—1933, Pt. I, Pl. I b 2151; C. Schaeffer, 1948, p. 327, fig. 195
33	Троя (Малая Азия), городище	«Позже VI слоя» (XIII—XII вв., С. Пшеворский); XIV—XII вв. (К. Шеффер) XIV—X вв. (К. Бледжен); 1200—700 гг. (Т. Боссерт)	S. Przeworsky, 1939, p. 60; H. Schmidt, 1902, № 6534
34	Богазкей (Малая Азия), городище	Слой III, 1390—1350 гг. (К. Шеффер); XIII в. (С. Пшеворский)	C. Schaeffer, 1948, fig. 183, 27, p. 308; S. Przeworsky, 1939, p. 60
35	Египет XIX династии, могильники	1342—1206 гг. до н. э.	S. Przeworsky, 1939, p. 60
36	Крит, случайные находки	?	J. Boardman, 1961, p. 29, fig. 11, 119, 125
37	Лесбос, могильник	XII в. до н. э.	G. Säflund, 1939, tav.
38	Террамары (Италия)	XIII в. до н. э.	Там же, стр. 162
39	Франция, могильники	Бронзовый век	J. Dechelette, 1924, fig. 31, 12, 16
40	Швейцария	1250—700 гг. до н. э. (Г. Сэфлунд)	
41	Территория гальштатской культуры, могильники		H. Müller-Karpe, 1959, Taf. 208, 7, 9

Таблица IV

Группа А. Двулопастные доскифские плоские наконечники с черешком, без упора

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
1	Талыш (Юго-Западный Прикаспий), могильники	XV—XIII вв. до н. э. (К. Шеффер)	J. de Morgan, 1927, fig. 272
2	Тепе Гавра VI (Северное Двуречье), поселение	Эпоха ранней бронзы	V. M. Christian, 1946 taf. 322, 4
3	Троя II—V, городище	Вторая половина III тыс. до н. э.—середина II тыс. до н. э.	S. Przeworsky, 1939, p. 58
4	Кадикой (Малая Азия)	Вторая половина III тыс. до н. э.	Там же
5	Кносс (Крит), поселение	Обломок глиняной печати с изображением стрелы, рубеж III—II тыс. до н. э.	A. Evans, 1921, p. 168, fig. 119, d

пером и иногда с опущенными вниз концами-жальцами и с плоским же черешком, прототипом которых служили медные черешковые копья также с треугольным пером с опущенными вниз жальцами и каменные наконечники стрел подобной же формы, наиболее ранние экземпляры, которых находят в Двуречье. В дальнейшем плоские медные и бронзовые наконечники превращаются в наконечники с выпуклой средней частью пера и округлым в сечении черешком. В ходе дальнейшего развития они становятся все менее плоскими, сечение их приближается

к ромбу, а очертания пера усложняются; опущенные вниз его концы превращаются в более длинные, изогнутые и острые шипы, которые становятся важнейшей частью, так как назначение стрелы — нанести как можно более тяжелую рану, размеры которой сильно увеличивают зубцы при попытке извлечь стрелу. Дальнейшая эволюция приводит к появлению наряду с двулопастными наконечниками трехлопастных, более устойчивых в полете, что достигается простой заменой двустворчатой литейной формы трехстворчатой. Одновременно происходит уменьшение размеров наконечника, вероятно, в связи с появлением лука небольших размеров, что, вероятно, связано с преимущественным употреблением лука всадниками в скифское время и в эпоху, непосредственно предшествующую ему.

Втульчатые наконечники стрел с треугольным пером стоят, по-видимому, в стороне от основной линии развития. Они встречаются в Малой Азии (где появляются позже черешковых той же формы)²⁴⁴ и распространены в бронзовом веке в Европе. В Причерноморье в доскифское время их нет. В других местах они единичны, например в Минусинской котловине (табл. 12, 6). Можно сказать, что они характерны для западной части ареала наконечников типа А. В скифскую эпоху положение меняется: втульчатые двулопастные наконечники с треугольным пером известны не только в Гальштате, но и на Памире; встречались в Минусинской котловине (табл. 12, 20—23, 30) и изредка — в древнейших скифских курганах Причерноморья (например, Малая Цимбалка) и на территории савроматов. Словом, они распространяются на тех территориях, где существуют и втульчатые листовидные (типа Б) и черешковые треугольной формы (типа А). Но в целом втульчатые двулопастные наконечники с треугольным пером мало характерны для скифской эпохи: в начале ее везде решительно господствуют листовидные. Совсем иначе обстоит дело с трехлопастными втульчатыми наконечниками с треугольным пером. Появившись в конце VI в. до н. э., они вытесняют почти все другие формы стрел в Поволжье и Причерноморье и распространяются на восток — в Среднюю Азию, Казахстан, Сибирь, Монголию. Можно предположить, что они зарождаются где-то на границе между областями с преобладанием листовидных втульчатых типа Б (запад) и областями с преобладанием черешковых трехлопастных типа А с треугольным пером (восток), может быть, на территории савроматов, и оттуда уже распространяются на запад и восток. Распространение этой формы стрел на запад можно объяснить их высокими боевыми качествами: они устойчивы в полете и в то же время более обтекаемы, чем трехлопастные листовидные, бытовавшие в Причерноморье в предшествующую эпоху. Однако по сравнению со стрелами подобной формы, но с черешком, которые ранее были распространены на востоке, они вряд ли имеют преимущество в боевых качествах. В технике изготовления они проигрывают, так как черешок отлить легче, чем втулку, а прочие детали у них одинаковы. Проникновение этих втульчатых стрел на восток объясняется какими-то другими причинами, скорее всего переселением массы людей, использовавших такие наконечники, с запада на восток. Как увидим далее, такое предположение подтверждается и фактами проникновения западных вещей на восток (предметы конского убора, украшенные в зверином стиле) в то же самое время — в конце VI—V в. до н. э.

Кроме того, что у развитых форм (тип А) нижние концы пера часто бывают превращены в шипы, иногда на нижней части черешка или втулки бывает еще дополнительный шип. Такие наконечники были распространены в эгейском мире и в Европе в конце бронзового века и в

²⁴⁴ S. Przeworsky, 1939, p. 60.

гальштатскую эпоху, в целом — в XIV—VIII вв. до н. э. (см. табл. II, стр. 53); появляются они позже обычных с выделенным черешком и могут рассматриваться как дальнейшее совершенствование стрел, наносящих рваные раны. Появление дополнительных шипов на наконечниках именно этого типа, где и концы пера стремились превратить в шипы, может рассматриваться как результат внутреннего развития самого типа, а не как результат заимствования из каких-то других форм. Типологически наиболее ранние черешковые экземпляры происходят из эгейского мира, где есть и стрелы с раздвоенным в виде хвоста ласточки черешком, который таким образом тоже превращен в два шипа (табл. II). Более восточные экземпляры с дополнительным шипом мне неизвестны, но можно ожидать встретить их и в Малой Азии, культура которой в этот период близка культуре эгейского мира.

Наконечники типа А впервые появляются в Минусинской котловине, по-видимому, в карасукское время. Известны и черешковые формы, двух- и трехлопастные, и втульчатая двулопастная (см. табл. 12, 1—6). Все они из случайных находок, и трудно сказать, какая форма появилась раньше. Дата — карасукское время — определяется на основании их типологического сходства с подобными же стрелами Евразии. Местное их происхождение исключено: здесь нет ни одного из тех прототипов, которые рассматривались выше. По-видимому, стрелы эти принесены в карасукское время в Минусинскую котловину из более западных районов.

Тагарские наконечники стрел типа А (двулопастные и трехлопастные, втульчатые и черешковые), конечно, восходят к прототипам бронзовой эпохи, карасукского времени, но трудно утверждать категорически, что они произошли именно от наконечников карасукской культуры Минусинской котловины. Трехлопастные черешковые тагарские почти не отличимы от наконечников с Алтая и из Казахстана; не исключено поэтому их вторичное проникновение в Минусинскую котловину в VII—VI вв. до н. э. из Казахстана. Для втульчатых двулопастных наконечников таких точных аналогий из Казахстана не известно.

Теперь рассмотрим прототипы листовидных наконечников (группы Б). Рассмотрение таблиц V—VII показывает, что наиболее поздние — трехлопастные (табл. V) и двулопастные стрелы с шипом на втулке (табл. VI). В доскифское время их очень мало. Наиболее ранняя дата появления тех и других — X в. до н. э. Гораздо раньше появляются простые двулопастные с листовидным пером, без шипа на втулке (табл. VII). Во II тыс. до н. э. они уже достаточно многочисленны. Очень много их в андроновских комплексах (13 пунктов), встречаются они и в Средней Азии (тазабагъябская культура, могильник Вуадиль в Фергане). Появляются они в начале андроновской эпохи (при всей условности нынешних датировок андроновской культуры можно утверждать, что она возникла около середины II тыс. до н. э. или несколько позже) и доживают до скифской. Давно уже высказывалась мысль, что именно эти «степные» стрелы эпохи бронзы и были родоначальниками скифских, а сами эти наконечники заимствуют форму бронзовых копий, также распространенных в степной полосе СССР в конце II — начале I тыс. до н. э.²⁴⁵ При этом часто забывают, что наконечники стрел скифского типа найдены и далеко за пределами наших степей, на Ближнем Востоке. Находки эти связывали обычно со скифским вторжением. Однако накапливается все больше фактов, которые не могут быть объяснены только так. Находка литейной формы для отливки наконечников в доме D в Кархемише (Сирия) показала, что стрелы эти изготовляли не

²⁴⁵ Р. Рау, 1929; А. И. Мелюкова, 1950, стр. 97—98, 249 и альбом, табл. I; К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 38—39.

Таблица V

Группа Б. Трехлопастные втульчатые наконечники стрел с листовидным пером (доскифские)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источники
1	Алишар (Малая Азия), городище	Слой IV; не позже X в. до н. э.	E. F. Schmidt, 1932—1933, p. 66, 265, fig. 348, a. 780.
2	Троя VII-в (Малая Азия), городище	Не позже 900 г. до н. э.	Там же; S. Przeworsky, 1939, S. 61
3	Джерар (Южная Палестина), городище	Здания XXII и XXIII династий (X—IX вв. до н. э.)	W. M. Flinders Petrie, 1928, Pl. XXIX, 12, 13; p. 15, 17
4	Телль Рифаат (Ирак), городище	IX—VII вв. до н. э.	S. Williams, 1961, Pl. XLO-4
5	Нади Али (Афганистан), городище	В слое с VIII в. до н. э.	R. Ghirshman, 1939, Pl. V

Таблица VI

Группа Б. Двулопастные втульчатые наконечники с листовидным пером и шипом на втулке (доскифские)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
1	Джерар (южная Палестина), городище	XXII династия (X в. до н. э.)	W. M. Flinders Petrie, 1928
2	Бегазы (Центральный Казахстан), могильник	VIII в. до н. э.	М. П. Грязнов, 1952, стр. 155, рис. 16, 3 (ограда 2)

Таблица VII

Группа Б. Двулопастные втульчатые наконечники с листовидным или ромбическим пером (доскифские)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
1	Монголия, случайные находки	Эпоха бронзы	В. В. Волков, 1962, стр. 19, рис. 3, 3, 6
2	Афраз Гуль хан (Синьцзян), случайная находка	То же	A. Stein, 1928, vol. II, Pl. XXIII, L. I. 05.
3	Пустыня у озера Лобнор (Северный Тибет)	То же	Там же, с. ССХIV 010
4	Минусинская котловина, случайные находки	То же	Табл. 13, 1—10
5	Малокрасноярка (Восточный Казахстан), поселение	XIII—VIII вв. до н. э., андроновская культура	С. С. Черников, 1960, стр. 162; стр. 231, табл. XXXVI, 2—6, 11—13
6	Мечеть (Восточный Казахстан), поселение	Андроновская культура	С. С. Черников, 1949, стр. 52, рис. 3
7	Чердоик (Восточный Казахстан), горные выработки	Андроновская культура (?)	С. С. Черников, 1960, стр. 258, табл. LXV, 3
8	Село Григорьевка (Восточный Казахстан), находки в обрыве берега	Андроновская культура, федоровский этап (по А. Г. Максимовой — алакульский)	Е. И. Агеева, А. Г. Максимова, 1959, стр. 57, 43; письмо автору от А. Г. Максимовой от 17. XI 1959 г.
9	Восточный Казахстан, случайные находки	Эпоха бронзы	МАЭ, 3211-722

Т а б л и ц а VII (продолжение)

№ п/п	Местонахождение	Дата	Источник
10	Аул Канай (Восточный Казахстан), поселение	XIV—XI вв. до н. э., андроновская культура	А. Г. Максимова, 1959, стр. 91, 98
11	Атасу (Восточный Казахстан), могильник, ограда 4	Андроновская культура	К. А. Акишев, 1953, альбом к канд. дисс., табл. I, V-3, 5, 6
12	Дандыбай (Центральный Казахстан), могильник, курган 11	VIII—VII вв. до н. э., «карасукское время»	М. П. Грязнов, 1952, стр. 134, рис. 3, 1, 2
13	Биырек-коль (Северный Казахстан), могильник, ограда 23	Андроновская культура, федоровский этап	А. М. Оразбаев, 1958, стр. 245 и табл. IV, 17
14	Елизаветинский прииск (Северный Казахстан)	Андроновская культура, замараевский этап (А. М. Оразбаев)	Там же, стр. 274
15	Омск, стоянка	Андроновская культура, алакульский этап	Н. Л. Членова, 1955, стр. 41, рис. 3, 6—8
16	Алексеевское поселение (Кустанайская область)	X—VIII вв. до н. э., андроновская культура	О. А. Кривцова-Гракова, 1948, стр. 108, рис. 33, 1
17	Садчиковское поселение (Кустанайская область)	То же	О. А. Кривцова-Гракова, 1951, стр. 167, рис. 17, 2
18	Курган у деревни Сосновка (Челябинская область)	Андроновская культура	СКМ, экспозиция, раскопки Н. К. Минко, 1907 г., К. В. Сальников, 1951, стр. 129, рис. 14, 11
19	Смолино (Челябинская область), курган 7	Андроновская культура, федоровский этап	Раскопки Н. К. Минко, 1909 г.; К. В. Сальников, 1951, стр. 101
20	Увак (Оренбургская область), могильник, курган 15	Андроновская культура, алакульский этап	Раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1960 (Архив ИА, р-1, № 2227-а, л. 22, рис. 86)
21	Вуадиль (Фергана), могильник, погребение 218	X—VIII вв. до н. э. (по Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбуновой)	Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1957, стр. 133, рис. 4
22	Бричмулла (близ Ташкента), клад бронзовых вещей	Рубеж II—I тыс. до н. э., андроновская культура (по А. И. Тереножкину)	А. И. Тереножкин, 1962, стр. 281, рис. 2, 1—4
23	Село Ангар (Ташкентская область), случайная находка	?	Ташкентский исторический музей, № 64, 65
24	Бала-Ишем (Верхний Узбой), стоянка	Конец II—начало I тыс. до н. э. (по М. А. Итиной)	М. А. Итина, 1958, стр. 301
25	Яз-депе I (Туркмения), поселение	VII—V вв. до н. э. (по В. М. Массону, 1956); VIII—VII вв. (по В. М. Массону, 1959)	В. М. Массон, 1956, стр. 65 и рис. 24; он же, 1959, стр. 48
26	Анау IV (Туркмения), поселение	VII—IV вв. до н. э. (по В. М. Массону)	В. М. Массон, 1956, стр. 401, 421, 438
27	Изат-Кули (Туркмения) поселение	Вторая половина II тыс. до н. э.—первая треть I тыс. до н. э. (по В. М. Массону)	Там же
28	Мадау-депе (Туркмения), поселение	То же	Там же
29	Достанг (Астраханская область), случайная находка	Эпоха бронзы (?)	Астраханский музей, рис. К. Ф. Смирнова
30	Сускан I (Куйбышевская область), поселение	Конец II—начало I тыс. до н. э. (по Н. Я. Мерперту)	Н. Я. Мерперт, 1954, стр. 120

Таблица VII (окончание)

№ п/п	Месторождение	Дата	Источник
31	Куйбышев (Поволжье), случайная находка	?	О. А. Кривцова-Гракова, 1955, стр. 61, рис. 14, 14
32	Гора Бештау (Северный Кавказ), клад	VIII в, может быть, начало VII в. до н. э. (по А. А. Иессену)	А. А. Иессен, 1954, стр. 120, 124—125
33	Станица Некрасовская на реке Лабэ (Северный Кавказ), клад	То же	Там же
34	Станица Чернышевская на Дону, клад	То же	Там же
35	Новочеркасский клад	То же	Там же
36	Кумкале (Малая Азия), поселение	IX в. до н. э. (по С. Пшевворскому)	S. Przeworsky, 1939, Taf. XVIII, 3, S. 60
37	Троя VII (Малая Азия), городище	1300—950 гг. до н. э. (по К. Blegen, 1936—1937 и К. Bittel, 1940) 1250—700 гг. (по Т. Bossert, 1942); 1350—1100 гг. (по С. Schaeffer, 1948)	Там же
38	Джерар (южная Палестина), городище	Последняя треть III тыс. до н. э. (по В. Флиндерс Петри); 1850—1750 гг. до н. э. (по С. Schaeffer, 1948)	W. M. Flinders Petrie, 1928, Pl. XXIII
39	Газа (Южная Палестина), могильник, могила 303	То же	W. M. Flinders Petrie, 1933, Pl. XIX, 9
40	Рас-Шамра, или Угарит (Сирия), городище	2100—1900 гг. до н. э. (по К. Шефферу)	C. Schaeffer, 1948, fig. 56, 4, 5, 7
41	Мохлос, могильник, могила XIX	Около 2000 г. до н. э. (по Р. Сигеру)	R. B. Seager, 1912, fig. 45

нападавшие скифы, а жители города²⁴⁶. Взятие Кархемиша скифами относится к 604 г. до н. э., и тут допустимо предположение, что жители Кархемиша заимствовали эту форму от скифов. Но на Ближнем Востоке есть наконечники стрел, очень близкие скифским, изготовленные задолго до появления скифов на исторической арене. Это наконечники листовидные, двулопастные (с шипом на втулке и без шипа) и трехлопастные с короткой втулкой, найденные в Джераре (южная Палестина) в зданиях X в. до н. э. (см. табл. V—VII); трехлопастные втульчатые наконечники с листовидным пером найдены в Малой Азии — в Трое VII и в Алишаре — не позже X—IX в. до н. э. (см. табл. V), и наконец, известно довольно много стрел, чрезвычайно близких андроновским втульчатым двулопастным, с листовидным пером. Появляются они на рубеже III и II тыс. до н. э. (Рас-Шамра в Сирии, Мохлос, Газа в южной Палестине, 1850—1750 гг. — наиболее поздняя дата для этого погребения) и существуют вплоть до IX в. до н. э. (Джерар, Троя VII, Кумкале в Малой Азии, см. табл. VII). Наконечники эти, как и большинство андроновских, крупнее, чем скифские. Некоторые по величине скорее напоминают дротики, их длина 5—7 см (Газа, 1 экземпляр из Рас-Шамры). Есть и андроновские той же величины (Атасу, Увак, Чердолак).

Форма ближневосточных наконечников стрел восходит к форме листовидных втульчатых копий, появившихся на Ближнем Востоке также

²⁴⁶ Б. А. Куфтин, 1941, стр. 43.

с рубежа III и II тыс.²⁴⁷, причем наиболее ранние из них опять-таки из Сирии, Палестины и Ливана (Угарит, Катна, Шагар-Базар, Библ). На территории СССР втульчатые копья появляются лишь около середины II тыс. до н. э.²⁴⁸ Если считать родоначальниками листовидных скифских стрел наконечники «степной» бронзы, то появление шипа на втулке необъяснимо: шипов нет ни на втульчатых копьях, ни на листовидных втульчатых стрелах степной бронзы; можно бы предположить, что они изобретены скифами около VII в. до н. э. Но как тогда объяснить существование таких стрел в Джераре уже в X в. до н. э.? Форма эта слишком специфична, чтобы предположить конвергентное, независимое изобретение ее в Палестине и в Северном Причерноморье. Но на Ближнем Востоке были распространены стрелы с треугольным пером, концы которого превращены в жальца, а на некоторых из них еще дополнительный шип на черешке или втулке. Время бытования их — XIII — VIII вв. до н. э., родина — по-видимому, эгейский мир; можно предполагать, что они были распространены и в Малой Азии. В этом случае сиро-палестинские листовидные втульчатые наконечники были бы в ближайшем соседстве с треугольными шипастыми стрелами Малой Азии и Северной Месопотамии, и мастера вполне могли заимствовать у своих соседей шип как ценное изобретение, улучшающее боевые качества стрелы. Известны и другие промежуточные формы между листовидными и треугольными шипастыми, происходящие из Малой Азии: это черешковая стрела с листовидным пером, но с двумя шипами у его основания, напоминающими превращенные в шипы концы треугольного пера²⁴⁹, и втульчатая стрела с двумя шипами, расположенными по обе стороны пера; листовидные втульчатые наконечники с шипом и черешком, вставленным во втулку (Кархемиш в Сирии — VII в. до н. э.²⁵⁰; Керкенес-даг в Малой Азии²⁵¹; Саккыз в Курдистане — начало VII в. до н. э.)²⁵².

Быть может, некоторые архаические листовидные скифские стрелы, у которых одна лопасть заточена в шип (табл. 13, 18) следует также рассматривать как промежуточную форму между листовидными и треугольными? В свою очередь, листовидные втульчатые наконечники также повлияли на треугольные, которые заимствовали втулку. Втульчатые наконечники с треугольным пером появляются в Малой Азии позже черешковых — в конце хеттской эпохи²⁵³ и отсюда уже проникают в Европу, где они распространены в бронзовом веке и в гальштате.

С территории Ближнего Востока листовидные втульчатые наконечники стрел, по-видимому, и попадают в наши степи уже в середине II тыс. до н. э., может быть, через Среднюю Азию. На это указывает тот факт, что большинство листовидных наконечников бронзового века связано с андроновской культурой (табл. VII). Наконечников из памятников срубной культуры несравненно меньше, и западнее Поволжья их нет (табл. VII). Наконечники с Северного Кавказа, Прикубанья и Дона относятся к довольно позднему времени — VIII в. до н. э. (табл. VII). Кроме того, в Средней Азии эти наконечники бронзового века есть и в памятниках других культур: Вуадиль, Бричмулла, на Узбое, в памятниках Южной Туркмении. Вызывает некоторое недоумение то, что авторы раскопок среднеазиатских памятников для датировки этих стрел привлекают северные аналогии, вплоть до Алексеевки,

²⁴⁷ Сводку о находках втульчатых копий см.: Б. А. Куфтин, 1941, стр. 96—97; С. Schaeffer, 1948, p. 13, 76, 78, 83, 86, 154 и др.

²⁴⁸ Б. А. Куфтин, 1941; Б. Г. Тихонов, 1960, стр. 26.

²⁴⁹ S. Przeworsky, 1939, Taf. XX, 7, S. 60.

²⁵⁰ T. Sulimirsky, 1954, fig. 3, верхний левый наконечник.

²⁵¹ S. Przeworsky, 1939, Taf. X, 8g.

²⁵² R. Ghirshman, 1954, Pl. XXIV, пятая стрела справа.

²⁵³ S. Przeworsky, 1939, S. 60.

Садчиковки и Омской стоянки²⁵⁴, хотя совершенно ясно, что в этом, как и в подавляющем большинстве других случаев, датировка должна вестись с юга на север. Могильник Вуадиль, например, датируется X—VIII вв. до н. э. (как Алексеевка!), а Мадау-депе и Изат-кули автор раскопок В. М. Массон с чрезвычайной осторожностью датирует «первой третью I тыс. до н. э. с заглуплением во вторую половину II тыс. до н. э.»²⁵⁵ Между тем именно Южная Туркмения и была, по-видимому, районом, через который ближневосточные листовидные втульчатые наконечники проникали в Среднюю Азию и казахстанские степи. И если в последних они появляются уже в середине II тыс. до н. э., то и в Туркмении они должны бы быть в это, если не в еще более раннее время. Таким образом, первое проникновение втульчатых двулопастных наконечников в наши степи относится к середине II тыс. до н. э., и они доживают до скифского времени. Весьма возможно, что они и были предками скифских втульчатых наконечников с листовидным пером и без шипа. Наконечники с шипами и листовидные трехлопастные проникли в степи уже вторично около VII в. до н. э. также с Ближнего Востока.

Другая теория происхождения скифских трехлопастных стрел с листовидным пером принадлежит Т. Сулимирскому. Разделяя известное мнение, что двулопастные втульчатые стрелы с листовидным пером являются «миниатюрами копий и дротиков»²⁵⁶, он считает, что трехлопастные листовидные втульчатые наконечники происходят как от листовидных двулопастных втульчатых, так и от тяжелых наконечников с ребром в середине. Местом происхождения трехлопастных втульчатых наконечников с листовидным пером он считает Кавказ, так как, по его мнению, там есть наиболее ранние их экземпляры — начала VII или даже VIII в. до н. э.²⁵⁷ С этим трудно согласиться, так как, во-первых, есть и более ранние (табл. V), которые Т. Сулимирский игнорирует, считая аргюг, что все стрелы «скифского» типа с Ближнего Востока связаны со скифским вторжением, и потому не могут быть раньше VII в. до н. э. Во-вторых, непонятно, каким образом наконечники с ребрами на обеих сторонах пера могут послужить прототипами трехлопастных. От них могли бы произойти в лучшем случае четырехлопастные. Логичнее предположить, что трехлопастные наконечники происходят при замене двустворчатой литейной формы трехстворчатой (где на каждой створке вырезается обычный двулопастной наконечник)²⁵⁸.

На территорию Средней Азии в бронзовом веке проникали и наконечники с треугольным пером; они связаны там с культурами «типа Бегазы» (или, хотя это и неудачный термин, с культурами так называемого карасукского круга). Памятники типа Бегазы очень смешаны: в керамике Дандыбая и Сангуыра отчетливо видны андроновские черты. Втульчатые листовидные наконечники в Бегазах и Дандыбае также можно рассматривать как андроновский компонент. Территория Средней Азии — область, где в силу смешения культур андроновского и карасукского круга сосуществовали наконечники стрел обоих типов — А и Б, т. е. листовидные втульчатые и треугольные черешковые. Позже, в VII—VI вв. до н. э., те же два типа сосуществуют и в других областях — Алтай, Тува, Монголия, Минусинская котловина, но в первых трех преобладают треугольные черешковые, а в последней — втульчатые листовидные. Те дотагарские листовидные втульчатые наконечники, ко-

²⁵⁴ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1957, стр. 133.

²⁵⁵ В. М. Массон, 1956, стр. 438.

²⁵⁶ Т. Sulimirsky, 1954, p. 310.

²⁵⁷ Там же, стр. 308—310.

²⁵⁸ См. рисунок литейной формы из Мосула (H. N. Coghlan, 1952, № 245, fig. 1). Таково же мнение Б. Б. Пиотровского (1959, стр. 239).

торы рассматривались в начале раздела (Б/Із, Б/ІІз), могли проникнуть в Минусинскую котловину как с андроновской, так и с карасукской культурой. Эти втульчатые листовидные дотагарские наконечники вполне могли послужить основой для развития соответствующих тагарских. Подобные же наконечники с шипом на втулке и трехлопастные могли проникнуть в Минусинскую котловину позже, в VII—VI вв. до н. э., из Казахстана или Средней Азии вместе с трехлопастными черешковыми с треугольным пером, с которыми они найдены в одной могиле (Кочергино, курган 1). Такое сочетание черешковых и втульчатых наконечников характерно для районов Средней Азии и Казахстана. Преобладание листовидных втульчатых наконечников в тагарской культуре допустимо рассматривать как андроновский компонент. В конце раздела о чеканах и боевых топорах мы уже обращали внимание на то, что обычно в погребениях с кинжалами и чеканами нет стрел и, напротив, в погребениях со стрелами нет чеканов и кинжалов. Быть может, со стрелами хоронили представителей семей, ведущих происхождение от андроновцев, а с кинжалами и чеканами — людей, происходящих от карасукцев или лугавцев, ибо чеканы по происхождению связываются, как будто, с карасукским кругом культур.

* * *

Тагарские воины носили стрелы, вероятно, в колчане. К сожалению, могилы, где найдены стрелы, описаны очень суммарно, и трудно судить о местоположении этих находок. В 1962 г. в могиле 7 кургана 8 у села Изыкчуль нами были найдены 2 бронзовых листовидных и 11 костяных наконечников стрел, лежавших кучкой, остриями в одну сторону, вероятно, в колчане, но от него ничего не сохранилось. Стрелы лежали, по-видимому, в ногах погребенных, но могила была ограблена, и вряд ли колчан сохранил первоначальное положение.

Тагарские колчаны подвешивались к поясу с помощью бронзовых крючков (табл. 15, 17—20). К сожалению, ни один из них не найден в комплексе. Крючки эти круглые в сечении, в верхней части их отверстие для ремешка, который привязывался к поясу²⁵⁹. У одного из них в верхней части муфта (табл. 15, 17), другой (табл. 15, 19) плоский в сечении, в верхней расширенной части — петелька; третий (табл. 15, 20) — с заклепкой. Один крючок оформлен в виде головки горного козла²⁶⁰. Тагарская принадлежность находок определяется аналогиями с других территорий.

Наиболее близкие аналогии крючкам с отверстием — бронзовые крючки с Алтая²⁶¹ и из Тувы²⁶², все они не раньше V в. до н. э. Крючок с муфтой, оформленный в виде головы горного козла, найден в Кок-Эль в Туве²⁶³. Он очень близок упомянутому тагарскому. На крючке из Потехиной (табл. 15, 17) также изображена сильно стилизованная голова горного козла, что ясно при сравнении его с крючком из Кок-Эля. Два железных крючка, один из них с петелькой на расширенной верхней части, найдены в савроматском Ново-Кумакском могильнике²⁶⁴, петелька помещена вдоль крючка, а у тагарского — поперек. Бронзовый крючок

²⁵⁹ Байкалова (ММ 9305), Бейское (ММ 9299), Верхняя Коя (ММ 9300), Шошина (ММ 9298), Никольское (ГЭ 1293/39), Иудино (ГЭ 5531-1372).

²⁶⁰ Сабинское (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. X, 2).

²⁶¹ Вавилова, Арагол (С. В. Киселев, 1949, табл. XXIX, 3; С. И. Руденко, 1960, табл. XXII, 2).

²⁶² С. И. Вайнштейн, 1955, стр. 84, рис. 3—5 (Казылган) и раскопки А. Д. Грача, 1961, Архив ИА, р-1, 2382-а, рис. 58, 1, 2 (Саглы).

²⁶³ С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, 1960, стр. 193, табл. 1—9.

²⁶⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 109, рис. 10, 3, 11.

с петелькой на обратной стороне найден в могильнике Луань-Пин в Ордосе (IV—III в. до н. э.)²⁶⁵. Наконец, известны крючки с заклепкой: бронзовый (Тува)²⁶⁶ и железные (Оренбургская обл.)²⁶⁷. Вообще крючки для колчанов характерны для восточной части скифского мира (Тува, Алтай, Приуралье, Прикарье²⁶⁸, Средняя Азия²⁶⁹). В Минусинской котловине их мало, и относятся они, по-видимому, к тем предметам, которые были принесены сюда в V в. до н. э. с Алтая или из Восточного Казахстана.

В месте соединения ремня с поясом помещалась пряжка в виде плоской прямоугольной муфты с прорезями в каждой из сторон. Назначение этих пряжек, многочисленных в Минусинской котловине (табл. 15, 15, 16) среди случайных находок, стало ясно после находки в курганах 13 и 18 могильника Саглы в Туве (V в. до н. э.)²⁷⁰. Минусинские пряжки иногда украшены парными фигурами львов с вывернутой задней частью (табл. 31, 33, 34), выполненных в так называемом алтайском стиле (см. главу II). Подобная же пряжка с фигурой кабана найдена в Ордосе²⁷¹, а в могильнике Кадырбай III в Семиречье (IV в. до н. э.) встречена такая же, но с изображением сцены нападения тигра на оленя²⁷².

* * *

Тагарских луков не найдено. Мы можем судить об их форме по миниатюрной бронзовой подвеске, изображающей лук в налучье (табл. 15, 1). Подобная подвеска и подвески в виде лука со стрелой известны в ананьинской культуре²⁷³ и в савроматском кургане²⁷⁴. Интересно, что точно такие же подвески, луки со стрелой или без стрелы, сохранялись еще в XIX в. в costume алтайских шаманов²⁷⁵. Лук в таком же налучье изображен на оленном камне в Туве²⁷⁶ и на каменных бабах и бляхах скифского времени в Причерноморье²⁷⁷. Во всех случаях лук висит на поясе с левой стороны. Можно предполагать, что и тагарские воины носили его слева. Форма налучья тагарского лука, судя по бронзовой подвеске, ближе всего изображению на тувинском оленном камне. Тагарский лук был, по-видимому, небольшим, судя по длине наконечников стрел, как правило, еще меньших, чем скифские²⁷⁸. Длина тагарского лука 0,6—0,8 м — как скифского и савроматского или меньше. Сохранились бронзовые наконечники, надевавшиеся на концы лука (табл. 15, 2, 4—8; табл. 30, 25), украшенные головками грифонов и баранов в «минусинском» стиле VII и VI вв. до н. э. и копытообразным значком, характерным более для вещей V в. до н. э. Все эти вещи также из числа случайных находок. На одном из упомянутых ананьинских лучков-подвесок изображен наконечник с головкой грифона. Такой же на луке скифской каменной бабы из Терновки²⁷⁹. Наконечники в виде головок уток или

²⁶⁵ Т. Ж. Агне, 1933.

²⁶⁶ Туран, раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г., могила 32; ГЭ, 5131—27.

²⁶⁷ Аландское (К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 109, рис. 10, 4, 6).

²⁶⁸ Там же, стр. 35; М. П. Завитухина, 1961, стр. 97, 99.

²⁶⁹ Кроме перечисленных в указанных работах, см. также бронзовый крючок из Дальверзина (М. Е. Массон, 1953, рис. 2 б).

²⁷⁰ Раскопки А. Д. Грача, 1961 г., архив ИА, р-1, д. 2382а, л. 27, рис. 59, 1—3.

²⁷¹ А. Салтопу, 1933, Pl. XI, 5.

²⁷² Археологическая карта Казахстана, реестр, табл. VIII, 107.

²⁷³ А. В. Збруева, 1952, стр. 89, табл. XIX, 19; табл. IX, 7 и XIX, 20.

²⁷⁴ В. Гаков, 1929, р. 176, 177, fig. 11.

²⁷⁵ А. В. Анохин, 1924, стр. 35, рис. 2; стр. 20, рис. 15, 16.

²⁷⁶ Н. Л. Членова, 1962, стр. 31, рис. 6, 2.

²⁷⁷ А. И. Мелюкова, 1952, стр. 126, рис. 39; Н. Г. Елагина, 1959, стр. 193, рис. 8, 1, 2; стр. 194, рис. 2, стр. 188, рис. 2.

²⁷⁸ Э. Ленц, 1905, стр. 68; Б. Н. Граков, 1930, стр. 76.

²⁷⁹ Н. Г. Елагина, 1958, стр. 193, рис. 8, 1; стр. 192, рис. 7.

львов часты на луках ассирийских и ахеменидских рельефов начиная с VII в. до н. э.²⁸⁰ Пара подобных бронзовых наконечников лука (по-видимому, ассирийских) с головками уток на концах найдена в Минет-эль-Бейде в Сирии²⁸¹. Вокруг нижнего конца втулки у них сделаны точно такие желобки для привязывания к луку, как и на минусинских с головками грифонов.

В Минусинской котловине обнаружено 10 бронзовых наперстков, предохраняющих большой палец от ранения тетивой при стрельбе из лука (табл. 15, 9—14). Их обычная форма — ложечка с перемычкой на вогнутой стороне. Наперсток из села Тесинского (табл. 15, 14) закрывает конец пальца целиком, в нем сделано лишь отверстие для ногтя. В верхней части устроен зубчик для лучшего захвата тетивы. Тагарская дата наперстков доказывается находкой аналогичного предмета в комплексе Лысая гора (около IV в. до н. э.)²⁸². Судя по форме наперстка из села Тесинского, он надевался на большой палец. А это, в свою очередь, помогает установить способ натягивания лука. Большой палец подвергается сильному удару при натягивании тетивы так называемым монгольским способом, при котором пальцы складываются «кукишем», и тетиву натягивает согнутый большой палец, а указательный и иногда средний только помогают ему (рис. 3)²⁸³. Стрела при этом помещается всегда вправо от лука. Как установил по древним изображениям Морз, этот способ употребляли персы и скифы²⁸⁴.

После того как стрела пущена, тетива отскакивает обратно и может поранить левую руку, держащую лук. Поэтому у многих народов существовали особые браслеты или накладки на левую руку. У савроматов были особые бронзовые пластины с выпуклостями, нашивавшиеся на левый рукав у запястья²⁸⁵. У носителей тагарской культуры не было ни таких пластин, ни массивных браслетов. Очевидно, у них существовал иной способ защиты левой руки, может быть, подобный японскому — поворот лука в руке после каждого выстрела, ослабляющий удар тетивы²⁸⁶.

Бронзовые копья

В Минусинской котловине найдено несколько бронзовых копий. Все это случайные находки, и датировка их может быть предположительной. Копья с листовидным пером и втулкой в большинстве культур относятся к бронзовому веку. Однако они известны в большереченской культуре (Томский могильник, Большой мыс и Ближние Елбаны VII)

Рис. 3 (по Д. Н. Анучину, 1887)

²⁸⁰ Ниневия, дворец Синнахериба; Ниневия, дворец Ашурбанипала (R. D. Baggett, 1960, Pl. 53, 60, 63, 84, 88, 92, 97, 100); Персеполь, дворец Ксеркса (А. С. Стрелков, 1926, табл. V, 1).

²⁸¹ C. Schaeffer, 1932, Pl. IX, 2.

²⁸² Раскопки С. К. Кузнецова, 1891—1892 гг. (ГЭ 1125-49).

²⁸³ Д. Н. Анучин, 1887, стр. 371, 372.

²⁸⁴ Morze, 1885.

²⁸⁵ К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 36, 108, рис. 9, 3, 4. То же назначение К. Ф. Смирнов предполагает для бляхи из Котловского могильника ананьинской культуры (А. В. Збруева, 1952, табл. XVII, 5).

²⁸⁶ Д. Н. Анучин, 1887, стр. 367.

VII—VI вв. до н. э.²⁸⁷ Копье на табл. 8, 15 наиболее близко по пропорциям большереченским, и можно предположить, что оно раннетагарское, хотя это не достоверно. Копье из Боготола (табл. 8, 22) трехлопастное, со скрытой втулкой и концами пера, опущенными ниже втулки, — очень редкая форма. Мне известна лишь одна аналогия ему — из Забайкалья²⁸⁸, также случайная находка. Форма копья очень близка формам наконечников стрел А/IX, которые мы датировали временем начиная с V в. до н. э. и позже. Предположительно и копье может быть отнесено к этому времени.

Наиболее любопытная форма копий — двулопастная, с неглубокой скрытой втулкой и очень длинными, опускающимися вниз концами пера. Мне известно 8 экземпляров (табл. 8, 17—21), все случайные находки. Они близко напоминают наконечники стрел, бронзовые (табл. 12, 23, табл. 13, 19) и костяные, относящиеся к VI в. до н. э. Однако в 1962 г. такое копье было найдено экспедицией М. П. Грязнова в землянке с лугавской керамикой и относится, следовательно, к карасукскому времени. Можно утверждать с уверенностью, что для тагарской культуры копья не характерны.

Конский убор

Второй компонент «скифской триады» — конский убор. Предметы конского убора скифского типа есть и в Минусинской котловине в тагарское время. Но их нет в погребениях. Исключения: костяной трехдырчатый псалий в могильнике Гришкин Лог (табл. 22, 13а) и половинка костяных удила с одним внешним кольцом — улус Сагай²⁸⁹. Полное отсутствие конских захоронений и предметов конского убора в погребениях — характерная особенность тагарской культуры, отличающая ее от синхронных культур Алтая, Тувы, Казахстана, низовьев Сыр-Дарьи, Поволжья и Причерноморья. По-видимому, верховой конь не играл большой роли в жизни тагарских племен, и они, во всяком случае, не были кочевыми, как племена майэмирской культуры, Казахстана и других перечисленных районов. Однако бронзовых предметов конского убора из случайных находок в Минусинской котловине довольно много. Среди них удила, псалии, различные бляшки, обоймы и т. д.

Удила, характерные для тагарской культуры, двусоставные. Основные типы их: с двойными кольцами, стремевидными концами и круглыми концами. К наиболее ранним (табл. 16, 1—5) принадлежат удила с двойными кольцами, расположенными в плоскостях, перпендикулярных друг другу (табл. 16, 2, 3). Внутреннее кольцо круглое, большого диаметра, предназначено для псалия, который, судя по диаметру кольца, был очень толстым, вероятно роговым. Такие толстые роговые псалии известны в комплексах раннескифского и доскифского времени²⁹⁰. Наружное кольцо

²⁸⁷ М. Н. Комарова, 1952, стр. 31, рис. 17, 15; стр. 37, рис. 21, 8; М. П. Грязнов, 1956, табл. XVII, 1, 2.

²⁸⁸ Читинский музей. 977.

²⁸⁹ Раскопки В. Г. Карцова, 1958 г., курган 2.— Архив ИА, р.-1, № 1708, табл. 12.

²⁹⁰ Роговые псалии эпохи бронзы, округлые в сечении, известны, например, в Венгрии 1400—1100 гг. до н. э., в срубно-андроновское время в Поволжье, в Средней Азии на поселении Чуст (рубеж II—I тыс. до н. э.), в чернолесскую эпоху на Украине (VIII — первая половина VII в. до н. э.) и в других местах. Сводку см.: К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 54, рис. 5; стр. 61—62, 64—67. В Сибири роговой псалий найден на поселении Ирмень I в Новосибирской области (ирменская культура, карасукское время; издан: К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 65, рис. 12, 3). Роговые трехдырчатые псалии архаического скифского времени известны в Молдавии, в Крыму и Приднепровье (там же, стр. 66—67). В Сибири они известны в VII—VI вв. до н. э. в майэмирской культуре (Усть-Кулом — М. П. Грязнов, 1947, стр. 3—4, 10), в большереченской культуре (М. П. Грязнов, 1956, табл. XI, 9, 10, табл. XXI, 23 и стр. 66, 74) и в еще более позднее время — в плиточной могиле у горы Тапхар в Забайкалье (Г. П. Соснов-

прямоугольное, предназначено для повода. У других удил, найденных вместе с псалями, вместо наружного кольца грибовидная шляпка, продеваемая в среднее отверстие псаля (табл. 16, 22А). Наконец, у третьих — двойные наружные кольца (табл. 16, 1—2). Все эти экземпляры должны быть отнесены к еще предтагарскому времени: последние из перечисленных — на основании прямых аналогий на Северном Кавказе, в Северном Причерноморье, в Грузии, Воронежской области, в Поволжье²⁹¹, два других — на основании того, что они более архаичные, чем хорошо известные удила скифского времени и найденные с ними псалии. Удил, которые упомянуты в начале раздела (табл. 16, 1—3), в комплексах скифского времени нет. Очевидно, они относятся к доскифскому времени. Аналогий удилам с грибовидными шляпками вместо наружных колец мне не известно; найденные же с ними псалии — широко известного типа. Подобные есть на Северном Кавказе, в Причерноморье, в Венгрии и в других местах и датируются предскифским временем²⁹². Удила с круглыми кольцами и «веревочным» орнаментом (табл. 16, 4, 5) распространены в Венгрии и на Кавказе (тип II по А. А. Иессену, табл. 17, 41). А. А. Иессен датирует их VII в. до н. э.²⁹³ Встречаются они и без орнамента на стержнях²⁹⁴. Н. В. Анфимов комплекс с такими удилами, где одна пара с литым орнаментом, а другая без него, датирует VIII — первой половиной VII в. до н. э.²⁹⁵ Литейная форма для отливки «обмотанных» удил найдена в Хорезме (табл. 17, 48). В Минусинской котловине есть и другая пара, где одно звено орнаментировано выпуклой веревочкой, а другое — нет (табл. 17, 5); на третьей паре поперек одного из стержней два оборота «веревочки», а вокруг другого — только один²⁹⁶. Помимо этих аналогий, на их дату указывает и сам орнамент в виде обвивающей стержень «веревочки»: это излюбленный орнамент карасукской эпохи и предтагарского времени. На тагарских предметах он чрезвычайно редок. Вообще удила с выпуклым орнаментом на стержнях «строгие», архаические.

Следующая форма удил — также с двойными кольцами, из которых внутреннее круглое большое, а наружное трапециевидное (табл. 16, 7). Предыдущие формы удил — большая редкость для Минусинской котловины (все они уникальны), но данный тип уже многочислен: мне известно 17 экземпляров. Аналогии с других территорий пока не известны, а все минусинские — случайные находки. На их сравнительно раннюю дату указывает большой диаметр внутренних колец — по-видимому, они также употреблялись с роговыми псалями (как и показанные на табл. 16, 3). Эти удила сближаются с тагарскими со стремевидными концами и внутренним кольцом и могут, по-видимому, рассматриваться в качестве их прототипа. Высказанное соображение и многочисленность находок²⁹⁷ позволяют думать, что этот тип относится уже к тагарскому времени, к самому его началу (VII — начало VI в. до н. э.), когда еще были в употреблении роговые псалии.

ский, 1941, стр. 304, рис. 15, 1) и в мастерской бийского этапа, V—III вв. до н. э. (М. П. Грязнов, 1956, табл. XXIV, II и стр. 89).

²⁹¹ Тип I по А. А. Иессену, который он датирует VIII — серединой VII в. до н. э. (А. А. Иессен, 1953, рис. 2/1, 4—9 и стр. 102—104; он же, 1954, рис. 10, 12, 14 и стр. 127). См. также подобные удила из Поволжья (К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 43, 5).

²⁹² См. сноску 334 на стр. 72. Подробнее о таких псалях см. ниже, стр. 72.

²⁹³ А. А. Иессен, 1953, стр. 70—79, 102 («вторая половина или конец VII в. до н. э.»); он же, 1954, стр. 127 («первая половина VII в. до н. э.»).

²⁹⁴ А. А. Иессен, 1953, стр. 71, рис. 12, 1, 2.

²⁹⁵ Н. В. Анфимов, 1961, табл. III, 4, 5 и стр. 119.

²⁹⁶ Свиньина (ММ, 4680).

²⁹⁷ Тагарские бронзовые вещи очень многочисленны, их в несколько раз больше, чем всех бронзовых вещей предыдущих эпох; серия одинаковых предметов карасукской культуры или предтагарского времени насчитывает обычно несколько предметов, тагарские исчисляются десятками и сотнями.

С введением в обиход бронзовых псалий с более тонкими стержнями, диаметр внутреннего кольца удил уменьшается, а наружное приобретает форму либо овала, либо трапеции (табл. 16, 9 — правая, 10 — левая половинка удил). От этих форм уже один шаг к удилам со стремевидными концами с внутренним кольцом (табл. 16, 11). О том, что они в целом синхронны, свидетельствуют находки (табл. 16, 9 и 10): половинка некоторых удил еще с двойным кольцом, а другая — со стремевидным концом и внутренним кольцом. Удила со стремевидными концами и с внутренним кольцом очень многочисленны в Минусинской котловине (известно 83 экземпляра)²⁹⁸ и включают несколько вариантов (см., например, табл. 16, 6, 8, 10 и 11). Их местное производство доказывается находкой литейного брака: отлилась только часть удил — стремевидный конец²⁹⁹.

Интересен экземпляр с почти круглыми кольцами и с внутренним колечком (табл. 16, 12). Стремевидные удила с внутренним колечком, кроме Минусинской котловины, известны на Алтае, Иртыше близ Омска³⁰⁰, в Казахстане, Средней Азии и Венгрии. На Алтае они встречаются в майэмирских памятниках (VII—VI вв. до н. э.³⁰¹), в Казахстане — в сакских той же эпохи (табл. 17, 42, 43). Особенно интересно, что в Казахстане найдены стремевидные удила, на стержнях которых орнамент из двух рядов выпуклых квадратиков — излюбленный орнамент карасукской культуры, не встречающийся на тагарских вещах (табл. 17, 40). Можно думать поэтому, что эти удила относятся еще к доскифскому времени. Такие удила, но без орнамента, найдены на Памире, в могильнике Тамды, весь инвентарь которого чрезвычайно схож с инвентарем майэмирской культуры и должен датироваться, по нашему мнению, VII—VI вв. до н. э. (табл. 17, 44). Наконец, в Венгрии известны удила, одна половинка которых представляет тип, промежуточный между типом с двойными кольцами и типом со стремевидными концами с внутренним колечком³⁰². На стержнях — орнамент в виде выпуклой опоясывающей их «веревочки» — архаический признак. Авторы публикации С. Галлус и Т. Хорват относят эти удила к типу I—II, дата которого — гальштат В³⁰³, т. е. X—VIII вв. до н. э. (точнее, конец этого периода, VIII в. до н. э.).

В Минусинской котловине найден один экземпляр со стремевидными концами, где внутри «стремени» помещена прямая перегородка³⁰⁴. Этот вариант более близок простым стремевидным удилам.

Следующая форма — удила с простыми стремевидными концами — гораздо малочисленнее предыдущей (30 экземпляров)³⁰⁵, но включает много вариантов. Один — со «стремени» округлыми, где перекладина как бы зажата между их боковыми частями (табл. 16, 13), у других она специально не выделяется (табл. 16, 15), у третьих «стремени» почти треугольные, с очень крупными отверстиями (табл. 16, 14), у четвертых, напротив, очень маленькие «стремени» особой формы³⁰⁶, у пятых они почти квадратные³⁰⁷. Синхронность или, по крайней мере, совместное бытование их на протяжении какого-то времени с удилами предыдущего типа (с внутренними кольцами) доказывается находкой упоминавшегося уже удил из Венгрии. Одна половинка их заканчивается простым «стре-

²⁹⁸ По данным ММ (46), МИМК ТГУ (5), МАЭ (3), ГИМ (8), АМ (3), ИМ (11), Казанского музея (5) и музея в Хельсинки (2) (А. М. Tallgren, 1917).

²⁹⁹ Лугавское (ГИМ, 36228, хр. 18/2).

³⁰⁰ М. П. Грязнов, 1956, стр. 12, рис. 3, 12 (случайная находка).

³⁰¹ М. П. Грязнов, 1947, стр. 10, рис. 3—8.

³⁰² S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. LI, 10.

³⁰³ Там же, стр. 51.

³⁰⁴ Деревня Аешка (ММ 4910).

³⁰⁵ По данным ММ (26 экземпляров), МИМК ТГУ (1), АМ (1), ГИМ (1), ИМ (1).

³⁰⁶ Деревня Иудина (ММ 4691).

³⁰⁷ И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908, табл. III, 6.

менем», другая — формой, промежуточной между двойным кольцом и стремением с внутренним колечком³⁰⁸.

Аналогии удилам со стремевидными концами многочисленны, ареал их значительно шире, чем ареал предыдущих форм (табл. 16, 47): Алтай (майэмирская культура)³⁰⁹, могильник Джувантобе (Алма-Атинская область)³¹⁰, озеро Иссык-куль (табл. 17, 47), на среднем Иртыше (случайная находка)³¹¹, в Узбекистане (случайная находка)³¹², в могильниках Уйгарак и Тагискен в низовьях Сыр-Дарьи³¹³, в Южном Приуралье (в кургане и случайная находка), несколько находок из савроматских курганов в Поволжье³¹⁴, в Прикамье (4 экземпляра в могильнике, 2 случайных)³¹⁵, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье (70 экземпляров)³¹⁶, в Венгрии³¹⁷. Дата этих удил в Причерноморье, по А. А. Иессену, — вторая половина VII—VI в. до н. э.³¹⁸ В последнее время А. И. Тереножкин предложил для ряда памятников, содержащих такие удила (Камышеваха, Малая Цимбалка и др.) дату VIII — первая половина VII в. до н. э.³¹⁹ М. П. Грязнов датирует майэмирские удила VII—VI вв. до н. э.; ту же дату для могильника Джувантобе принимает А. Г. Максимова.

Наиболее интересны удила из кургана 37 могильника Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи (раскопки О. А. Вишневской, 1961 г.), орнаментированные двумя рядами выпуклых четырехугольников, как и на упоминавшихся удилах из Восточного Казахстана. Этот орнамент характерен для карасукской культуры и позднее в Минусинской котловине не встречается. Если и предположить для района Сыр-Дарьи переживание этого орнамента в более позднюю эпоху, то, во всяком случае, это древнейшая форма из известных сейчас удила со стремевидными концами. Чрезвычайно архаический инвентарь большинства курганов Уйгарака не позволяет датировать эти удила позже VII в. до н. э.

Вопроса о происхождении стремевидных удила уже касался А. А. Иессен. Он предлагал два возможных пути развития, ведущих к этой форме: либо путем видоизменения круглых колец, либо от двукольчатых удила. А. А. Иессен обратил внимание на большое количество находок стремевидных удила в Сибири и как будто склонялся к мысли о происхождении этой формы на востоке³²⁰. Разбор минусинских форм и привлечение среднеазиатского и казахстанского материала теперь позволяют выбрать второй путь из предложенных А. А. Иессеном. По-видимому, наиболее ранняя форма — удила с двойными внешними кольцами, расположенными либо в одной плоскости, либо в двух взаимноперпендикулярных (табл. 16, 1, 2). Затем внешнее кольцо уменьшается, превращаясь в узкую прямоугольную петлю, более удобную для продевания повода (табл. 16, 3, 7). В связи с распространением бронзовых псалий и вытеснением ими роговых уменьшается внутреннее кольцо; получаются удила со стремевидными концами с небольшим внутренним колечком (табл. 16, 6, 8—11). Наконец, внутреннее колечко исчезает, остается один лишь стремевидный конец (табл. 16,

³⁰⁸ S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. LI, 10.

³⁰⁹ М. П. Грязнов, 1947, стр. 10, рис. 3, 7, 9.

³¹⁰ А. Г. Максимова, 1960, стр. 61, рис. 11, 8.

³¹¹ М. П. Грязнов, 1956, стр. 12, рис. 3, 13.

³¹² А. Г. Максимова, 1960, стр. 62.

³¹³ Раскопки О. А. Вишневской и М. А. Итиной, 1961—1962 гг. (Хорезмская экспедиция).

³¹⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 79.

³¹⁵ А.-М. Tallgren, 1916, p. 112, fig. 78.

³¹⁶ А. А. Иессен, 1953.

³¹⁷ S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl XLVI, 6. При датировке (стр. 51) авторы везде имеют в виду конец периода гальштат В, т. е. VIII в. до н. э.

³¹⁸ А. А. Иессен, 1953, стр. 102.

³¹⁹ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 187, 189.

³²⁰ А. А. Иессен, 1953, стр. 165.

13—15). Эта схема объясняет происхождение стремевидных удил, исходя из совершенствования уздечки, в то время как простое преобразование кольца псаля из круглого в стремевидное трудно объяснить чем-либо иным, кроме прихоти мастера. Указанная схема — типологическая, но не строго хронологическая: при появлении новых форм старые не сразу выходили из употребления, сосуществуя некоторое время. Этим объясняются и те факты, когда одна половинка удила относится к одному типу, а другая — к другому (например, упомянутые венгерские удила).

Все экземпляры, иллюстрирующие эту схему, имеются в восточных областях и, по-видимому, не характерны для западных (Причерноморье и Северный Кавказ). Это подтверждает мнение А. А. Иессена о восточном происхождении стремевидных удил. Но родина их не Минусинская котловина и, вероятно, вообще не Сибирь, несмотря на столь большое число находок. Благодаря большому числу находок можно довольно уверенно утверждать, что самых ранних (по времени, а не по типу) форм не было в Минусинской котловине. Ни на одном из 113 найденных здесь удил (с внутренним колечком или без него) нет карасукского орнамента из выпуклых квадратиков. Но он есть на удилах из Средней Азии и Казахстана, где с каждым годом накапливается все больше и больше находок стремевидных удил и ранних и поздних типов. В низовьях Сыр-Дарьи даже конечная форма — удила с простыми стремевидными концами — еще несет карасукский орнамент и, следовательно, более ранние формы должны были возникнуть еще раньше VII или даже VIII в. до н. э. Весьма вероятно, впрочем, что развитие это шло довольно быстро: орнамент из выпуклых квадратиков есть и на многих удилах с двойными круглыми кольцами, которые, по-видимому, были первичной формой³²¹. Минусинская котловина, где кочевого скотоводства не было и верховая езда не играла большой роли, по крайней мере вплоть до начала нашей эры, если не до тюркской эпохи, вряд ли могла быть законодателем в развитии конского убора. Другое дело Средняя Азия и Казахстан — области, которые наряду с Луристаном были прославлены в древнем мире на протяжении веков своими замечательными конями. Где же, как не здесь, и развиваться и совершенствоваться конскому убору! Наконец, если Средняя Азия была родиной стремевидных удил, понятно и то, что удила с двойными внешними кольцами появляются на Северном Кавказе раньше, чем на Украине, на что обратил внимание А. А. Иессен³²², и что эта первичная форма довольно часта на Северном Кавказе и весьма редка в Сибири. В районах южнее Средней Азии стремевидных удил как будто нет.

Последняя форма тагарских бронзовых удил — с круглыми внешними кольцами. В Минусинской котловине их очень много: мне известно 102 экземпляра³²³. Все они найдены случайно. К тагарской эпохе они относятся на основании того, что аналогичные обнаружены на Алтае в курганах пазырыкского этапа (по М. П. Грязнову), т. е. V—IV вв. до н. э. М. П. Грязновым сделан отсюда вывод о том, что эти удила — более поздние, чем со стремевидными концами³²⁴. Это справедливо по отношению к Алтаю, но в Минусинской котловине дело обстояло, по-видимому, иначе. Раннее появление здесь удил с простыми внешними кольцами доказывается несколькими фактами. Во-первых, находками удил такой формы с орнаментом в виде «веревочки» еще предтагарского времени (см. стр. 67). Во-вторых, находкой в кургане VII—VI вв. до н. э. одного звена та-

³²¹ А. А. Иессен, 1953, стр. 59, рис. 4, 2; стр. 61, рис. 6; стр. 60, рис. 5; стр. 66, рис. 9, 1; стр. 67, рис. 10.

³²² Там же, 1953, стр. 104, 109.

³²³ По данным ММ (85 экземпляров), МИМК ТГУ (4), ТКМ (1), МАЭ (2), ГИМ (3), ИМ (1), Казанского музея (2), Свердловского краеведческого музея (1), Тульского музея (1) и музея в Хельсинки (2).

³²⁴ М. П. Грязнов, 1947.

ких удила, изготовленных из кости (см. стр. 66). Трудно сказать, употреблялись ли они в практической жизни или изготовлены специально для погребения. Но если и так, они подражали удилам, уже существовавшим в то время. Встречаются «смешанные» удила, одно звено которых оканчивается круглым колыцом, а другое — двумя внешними кольцами, из которых внутреннее — круглое, большое, а наружное — прямоугольное³²⁵. Этот последний тип, как уже говорилось, употреблялся, очевидно, еще с роговыми псалями и датируется VII — началом VI в. до н. э.

Таким образом, одноколычатые удила появляются в Минусинской котловине не позже, чем удила со стремевидными концами, а, скорее всего, даже раньше их. О том, как долго они существовали здесь, прямых данных нет, так как они не найдены в поздних тагарских комплексах. Однако выскажем несколько косвенных соображений. Первое: такие удила из бронзы найдены в комплексах V — IV вв. до н. э. в соседних областях — на Алтае, в Туве, Казахстане³²⁶. Второе: находка половинки бронзовых миниатюрных удила в кургане «за поскотиной» у села Большой Барандат³²⁷. Дата кургана — сколо III в. до н. э.³²⁸ Миниатюрные бронзовые удила в курганы клались редко, но среди случайных находок из Минусинской котловины они известны³²⁹. В начале таштыкской эпохи — во II в. до н. э. — в погребения клались уже железные миниатюрные удила³³⁰. Можно предположить, что в Минусинской котловине бронзовые одноколычатые удила существовали на протяжении всей тагарской эпохи, до III — II вв. до н. э.

Бронзовые одноколычатые удила в скифскую эпоху распространены очень широко. Кроме упомянутых уже территорий — Алтая, Тувы и Казахстана, где они известны с V в. до н. э., такие удила найдены в низовьях Сыр-Дарьи в комплексах V и VI вв. до н. э.³³¹, в Иране (Сиалк, некрополь В, могила 15—IX—VIII вв. до н. э.) и Теле Гийян (табл. 17, 49), на Ближнем Востоке — на западном побережье Малой Азии и в Микенах — 1400—1250 гг. до н. э., наконец, уже упоминавшиеся из Венгрии IX—VIII вв. до н. э. и с Кавказа — VIII—VII вв. до н. э. Наиболее ранние из них, как мы видели, ближневосточные и иранские. Стержни некоторых из них как бы сплетены жгутом (табл. 17, 52). Вероятно, в этом сказалось воспоминание об удилах, сплетенных еще из прутьев или ремней³³². По-видимому, отсюда и происходит орнамент в виде обвивающей веревочки на венгерских, кавказских, среднеазиатских и минусинских удилах, но «веревочка» обвивает стержень уже не сплошь, а с промежутками, превратившись в орнамент, столь распространенный в карасукскую эпоху. С территории Ближнего и Среднего Востока одноколычатые удила и распространились, по-видимому, в IX—VIII вв. до н. э. на запад (Кавказ, Венгрия) и на восток (Средняя Азия, Минусинская котловина). Мнение о том, что и сибирские и кавказские удила восходят к иранским типа Сиалка, уже высказывал К. Ф. Смирнов³³³. Проникли ли они в Минусинскую котловину через территорию Средней Азии или с юга, через Монголию и Туву, — пока трудно сказать.

Тагарские псалям довольно разнообразны. Роговых, круглых в сечении в Минусинской котловине не найдено. Но они, вероятно, существо-

³²⁵ Деревня Иджа (ММ 4581).

³²⁶ См. об этом: Н. Л. Членова, 1961, стр. 138 и табл. II, 14—18.

³²⁷ Раскопки Г. О. Оссовского, 1898 г. (ГИМ, 36518, экспозиция V зала). С. В. Киселев (1949 г., стр. 163) ошибочно указал, что эти удила происходят из Большого кургана на реке Уйбате, раскопанного Д. А. Клеменцом.

³²⁸ Обоснование даты см.: Н. Л. Членова, 1962а, стр. 169.

³²⁹ См., например, ММ 10004; ММ 10005.

³³⁰ С. В. Киселев, 1949, стр. 240.

³³¹ Уйгарак, раскопки О. А. Вишневской, 1961 г., курганы 16 и 166.

³³² Н. P o t r a t z, 1942, S. 5, Abb. 2; S. 7, Abb. 5; S. 9, Abb. 11.

³³³ К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 79.

вали, судя по рассмотренным удилам с кольцами большого диаметра (табл. 16, 3, 7). Уже упоминался костяной плоский трехдырчатый псалий из могильника Гришкин Лог (табл. 22, 13а).

Самые ранние бронзовые минусинские псалии слабодуговидной формы, оба конца их увенчаны круглыми шляпками, в стержне три отверстия, края которых выступают в виде трубочек (табл. 16, 21). Такие псалии широко распространены на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, в предскифскую³³⁴ и архаическую скифскую эпоху (VIII—VI вв. до н. э.), в большом количестве известны в Венгрии в X—VIII вв. до н. э.³³⁵ Уже говорилось, что такие псалии в Минусинской котловине найдены вместе с удилами с грибовидными шляпками на концах (табл. 16, 22А) и должны датироваться, очевидно, VIII—VII вв. до н. э. Подобный же, но гораздо более вогнутый дуговидный псалий найден у гор Оглахты (табл. 16, 24); концы его с круглыми выпуклыми шляпками, в средней части — петелька. Подобной формы псалии, но не с петелькой, а гвоздевидным выступом в средней части, известны на Алтае (табл. 17, 55) в майэмирское время и в низовьях Сыр-Дарьи, где найдены вместе с удилами со стремеvidными концами³³⁶. Дата их — VII—VI вв. до н. э., и так же следует датировать, по-видимому, и псалий с Оглахтов. Другой вариант — почти прямой стержень, шляпка только с одной стороны; все три отверстия в виде трубочек (табл. 16, 22, 20).

Наконец, последний вариант этой группы — стержень, слегка изогнутый S-образно; верхнее и нижнее отверстия оформлены в виде цилиндрических трубочек, среднее — простое отверстие продолговатой формы; шляпка только на одном конце, она прикрывает одну из трубочек (табл. 16, 17—19, 26). На шляпке в одном случае помещен орнамент из выпуклых точек, характерный для карасукской культуры; быть может, этот псалий самый архаический в данной группе (табл. 16, 26). Псалии со шляпками на концах и стержнями, изогнутыми в виде буквы S, в отличие от других вариантов этой группы за пределами Минусинской котловины как будто неизвестны. По-видимому, это просто вариант слабоизогнутых и прямых псалий с тремя отверстиями-трубочками и шляпками на концах, и он должен датироваться также в пределах VIII—VII вв. до н. э.

Формы этих псалий наводят на мысль, что первоначально ими могли служить кости животных. Например, слабо изогнутые S-образные псалии со шляпками на одном конце напоминают плечевую кость небльшого животного: зайца, лисицы (в том числе и корсака), соболя, кошки-манула³³⁷; шляпка может имитировать головку плеча, а нижняя трубочка — нижний эпифиз. Впоследствии шляпки могли помещать симметрично на обоих концах. Что дуговидно изогнутые бронзовые псалии подражают форме рога, ясно из сравнения их с перечисленными роговыми псалиями, столь широко распространенными. Псалии из целых трубчатых костей пока не известны, но они могут быть найдены, тем более что сделанные из трубчатых костей, расколотых вдоль, известны в бронзовой эпохе³³⁸. Известны ассирийские псалии из бронзы, но точно воспроизводящие

³³⁴ Тип IIIa по А. А. Иессен, 1953, стр. 53, рис. 3, 2, 4, 5; стр. 56, табл. I, стр. 97, табл. 2, стр. 102. А. А. Иессен отмечает, что для VI в. до н. э. этот тип уже пережиток.

³³⁵ S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. XXX, 3, 5, XIV, 4, 5, XLVII, 1, 3, L, 3, pp. 50—51 (тип I—II). Авторы склонны появление бронзовых удил и псалий в Венгрии относить к концу эпохи гальштат В, т. е. к VIII в. до н. э.

³³⁶ Уйгарак, раскопки О. А. Вишневской, 1962 г. (Хорезмская экспедиция).

³³⁷ Ср. псалии на нашей табл. 16, 17—19 с плечевыми костями перечисленных животных в атласе В. Громовой, 1950, табл. 49, 1; 53, 2, 55, 3, 59, 3), размеры костей которых ближе других подходят к размерам псалий. Животные эти водятся в южных районах Казахстана, на Алтае, в Туве, а некоторые (заяц, лисица, соболь) и в Минусинской котловине.

³³⁸ К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 48, рис. 1; стр. 49, рис. 2.

форму рога³³⁹. Поэтому нет ничего невероятного и в том, что из бронзы отливали и псалии, воспроизводящие форму костей, в том числе и плечевых. Излюбленное украшение карасукской эпохи — круглая выпуклая шляпка — пришлось здесь очень кстати, она имитирует головку плечевой кости.

К несколько более позднему времени относятся, по-видимому, трехдырчатые псалии уже без шляпок. Конец одного из них оформлен в виде конского копыта, другой конец обломан (табл. 16, 27). В арханческих памятниках Причерноморья (первой половины VI в. до н. э.) хорошо известны костяные трехдырчатые псалии, заканчивающиеся с одной стороны копытом, с другой — головкой барана или барано-грифона³⁴⁰. Так же следует датировать, видимо, упомянутый выше псалий. Быть может, и он заканчивался с другой стороны головкой барана. На Алтае найден псалий с тремя отверстиями и головкой барана, изображенной в фас³⁴¹. Может быть, к концу VI в. до н. э. или, скорее, уже к V в. до н. э. относятся два трехдырчатых псалия. Один подпрямоугольный в сечении, дугообразно изогнутый, на обоих концах — головки грифонов «алтайского» стиля, появляющиеся в Минусинской котловине в V в. до н. э. (табл. 16, 30). Правда, трехдырчатые псалии в V в. до н. э. исчезают. Быть может, это один из позднейших трехдырчатых экземпляров. Другой — плоский, также дугообразно изогнутый, один конец его превращен в прорезной завиток — обычная стилизация головы грифона (табл. 16, 31).

Более поздние тагарские псалии — двудырчатые. По форме они делятся на дугообразные, прямые и S-образные (табл. 16; 32—36). Наиболее типичны дуговидные с шарообразными утолщениями на концах или с престо утолщенными концами (табл. 16, 32—34). Появляются они, по-видимому, в V в. до н. э. В комплексе такой псалий найден далеко за пределами Минусинской котловины, в кладе (кургане?) у села Бурбино, V в. до н. э.³⁴² Вариант таких псалий с сильно загнутыми внутрь концами найден в Минусинской котловине (табл. 16, 37). Известен и двудырчатый псалий с прямым стержнем, где загнут лишь один конец. Эта форма, обычная в Причерноморье еще для трехдырчатых, арханческих, в Красноярском крае чрезвычайно редка: единственный экземпляр — табл. 16, 38.

Довольно часто встречаются в Минусинской котловине дуговидные псалии, концы которых украшены волчьими головами с оскаленной пастью или головами птиц с сильно вытянутым клювом и ухом-завитком (табл. 16, 39—42, табл. 34, 35). Чрезвычайно близкие, с такими же волчьими мордами, отлитыми из бронзы (в то время как середина псалия железная), найдены К. Ф. Смирновым в 1960 г. в кургане 6 могильника Пятимары I Оренбургской области (V в. до н. э.). Известно и несколько экземпляров двудырчатых псалий, стержень которых изогнут в виде буквы S. Они очень характерны для всего скифского мира: для скифов Причерноморья, савроматов Поволжья и Приуралья, населения Алтая и Тувы³⁴³. В Минусинской котловине их мало — мне известно всего 7 экземпляров (табл. 16, 36). Здесь преобладают дуговидно изогнутые. S-образные псалии можно рассматривать как результат западного влияния: концы одного из них украшены головами грифонов «растительного» типа, которые также относятся к «алтайскому» стилю³⁴⁴, а другой псалий —

³³⁹ К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 67.

³⁴⁰ См., например, Аксютинцы, курган 2; село Поповка, курган 18 и др. (Смела III, табл. VII, 2, 5, табл. VIII, 5).

³⁴¹ Деревня Телеутская Чемальского района (ГИМ, 38160, экспозиция V зала).

³⁴² ТКМ, находка 1958 г. (Пышкино-Троицкий район Томской области).

³⁴³ Н. Л. Членова, 1961, стр. 138 и табл. II, 19—21.

³⁴⁴ ММ, экспозиция.

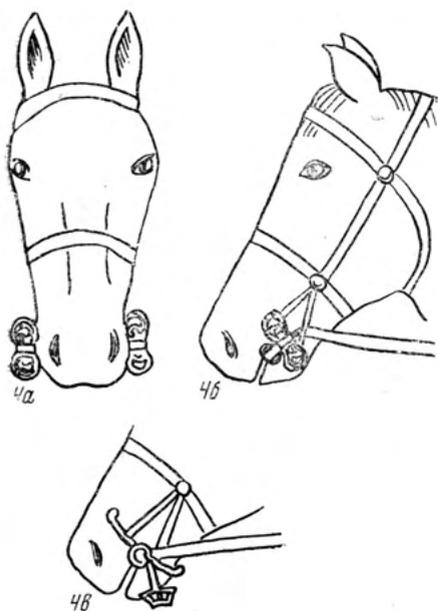

Рис. 4

круглое отверстие для продевания стержня удила (табл. 17, 46, 53), а у тагарских — цилиндрическая трубочка, открытая сверху и снизу. По мнению К. Ф. Смирнова, видевшего наши материалы, эти псалии прикреплялись к удилам так, как показано на рисунке 4а, при этом шипы не касаются морды. Но при натягивании повода псалий поворачивается, прижимается к щеке лошади, а шипы колют ее (рис. 4б). Для того чтобы шипы не поранили лошадь, они притуплены (как и у большинства луристанских удили).

Тагарский возраст некоторых из этих псалий доказывается украшающими их изображениями: на трех помещены головки грифона в «западном» стиле (табл. 16, 44, 46), характерные для конца VI—V в. до н. э., и завитки, а на четвертом — только завитки (табл. 16, 47), но тесная связь его с только что рассмотренными не подлежит сомнению. Другой псалий (табл. 16, 48) украшен парными головками птиц в «минусинском» стиле, характерном для VI и V вв. до н. э. Наконец, есть и неорнаментированные псалии в форме двойного топора (табл. 16, рис. 45), иногда с закругленными «лезвиями»³⁴⁷. Последняя форма очень близка форме псалий на табл. 16, 46, 47, и можно предположить, что они датируются так же. Аналогии этим псалиям мы находим на Ближнем и Среднем Востоке и в Монголии. Наиболее ранние из них относятся к 1500 г. до н. э. — Газа в Палестине (табл. 17, 53), другие из Милета, Малой Азии и Микен — 1400—1250 гг. до н. э. (табл. 17, 50, 52). Подобные псалии с шипами есть и в Египте (XVIII династия; табл. 17, 51) и в Луристане, иногда также с шипами на внутренней стороне (табл. 17, 45). Дата их IX—VIII вв. до н. э.³⁴⁸ В Двуречье бытовали и пластинчатые псалии в форме двойной секиры. Они известны, например, на рельефе Ашурназирпала (первая половина IX в. до н. э.)³⁴⁹. Подобной же формы псалии из Луристана (иног-

железный³⁴⁵. Железных псалий, как и вообще железных вещей, в тагарских комплексах неизвестно. Вероятно, он импортный: на Алтае, в Казахстане, в Приуралье, в Туве железные псалии такой формы в этот период обычны.

Наконец, следует рассмотреть еще одну чрезвычайно своеобразную группу тагарских псалий. Это ажурные предметы разнообразных геометрических форм с шипами на внутренней стороне (табл. 16, 44—50). В сибирских музеях они числятся обычно как «гребенки для расчесывания шерсти». Ф. Мартин предположительно считает их конскими скребницами³⁴⁶. Действительное их назначение становится ясным при сопоставлении с луристанскими, ближневосточными и монгольской находками: это псалии (см. табл. 17, 45, 46, 50—54). Они отличаются от ближневосточных и луристанских тем, что у тех посредине

³⁴⁵ А.-М. Tallgren, 1917, Pl. VII, 35.

³⁴⁶ F. R. Martin, 1893, Pl. 32.

³⁴⁷ А.-М. Tallgren, 1917.

³⁴⁸ Н. А. Potratz, 1942, S. 181, 183.

³⁴⁹ Н. А. Potratz, 1941, Abb. 12—13.

да с головкой козла на «лезвии секиры» — табл. 17, 46). Г. Потратц относит их ко времени около 800 г. до н. э.³⁵⁰ Они прорезные, иногда с шипами на обратной стороне и по форме ближе других рассматриваемым тагарским. В более позднее время такие пластинчатые псалии с шипами на внутренней стороне на Среднем Востоке как будто неизвестны. Г. Потратц специально отметил, что тип пластинчатых псалий «в послелуристанское время совершенно теряется. Персы едва ли переняли их»³⁵¹. Однако такой псалии с шипами найден в Монголии (табл. 17, 54). Его форма, очень близкая форме стремевидных концов удил с внутренним колечком, позволяет датировать его VII—VI вв. до н. э. Некоторые тагарские псалии с шипами хорошо датируются V в. до н. э. Так как с ними связаны изображения зверей «алтайского» стиля, можно предполагать, что такие псалии еще бытовали в эту эпоху в Средней Азии, Казахстане или на Алтае, хотя пока они там не обнаружены.

Некоторые из тагарских «загадочных предметов с зубцами» снабжены ручкой с отверстием в нижнем конце. Предметы эти явно относятся к той же категории вещей, что и рассмотренные выше и трактованные нами как псалии, однако прикрепляться как псалии не могли. К. Ф. Смирнов высказал предположение, что это трензеля, которые прикреплялись ремешком, продетым в отверстие ручки, к кольцам удил и кололи подбородок коня (см. рис. 4в). Формы трензелей различны: треугольник, крест, буква Т, трапеция и т. д. (табл. 16, 49). Один из них оформлен в виде двух голов волков, мордами в разные стороны (табл. 16, 50). Это зубастое животное очень подходит для украшения «зубастых» (шипастых) трензелей. Волчья голова появляется в тагарском искусстве с V в. до н. э. и относится также к числу изображений зверей «западного» или «алтайского» стиля. Можно думать, что и другие трензеля, очень сходные с этими по форме, датируются временем около V в. до н. э. Вероятно, трензелями служили и узкий дугообразный шипастый предмет, концы которого украшены головками птиц в «минусинском» стиле, характерном для тагарского искусства как VI, так и V в. до н. э., и шипастые предметы различных форм, без ручек³⁵².

Итак, тагарские псалии могут быть разделены на две группы: в форме стержней и пластинчатые, снабженные шипами на внутренней стороне. В том, что тагарские пластинчатые псалии восходят к луристанским через посредство какой-то территории между Ираном и Сибирью (скорее всего Средней Азии и Казахстана), сомневаться почти не приходится. Более сложен вопрос о происхождении стержневых псалий Минусинской котловины и о сходстве их с псалиями Кавказа и Европы. Где возникла эта форма? Наиболее ранние из них трехдырчатые, причем не с простыми дырками, а с цилиндрическими трубочками, иногда довольно длинными. Такие для предскифской эпохи известны в Венгрии, на Кавказе, в Причерноморье (табл. 17, 58, 59). Трубочки довольно неудобны, проще продевать ремешок через простое отверстие; и действительно, более поздние псалии уже без трубочек. Почему же вначале возникла столь неудобная форма? Дело становится более ясным, если обратиться к псалиям со сплошными цилиндрическими выступами для крепления ремня, очень похожими на цилиндрические трубочки кавказских и венгерских экземпляров. Один из них, бронзовый, с двумя выступами, заканчивающимися шляпками, найден в Поволжье (табл. 17, 60), конец его — в виде ложечки. А. А. Иессен относит его к VIII — середине VII в. до н. э.³⁵³ Известны роговые псалии из андроновского могильника Алакуль в Курган-

³⁵⁰ Н. А. Potratz, 1942, S. 171, Abb. 1.

³⁵¹ Н. А. Potratz, 1941, S. 231.

³⁵² А.-М. Tallgren, 1917, p. 52, fig. 52.

³⁵³ А. А. Иессен, 1953, стр. 95—96, 98, 102.

ской области и из Венгрии, имеющие колесовидные расширения с цилиндрическими выступами. В данном случае выступы очень короткие, без отверстий и являются уже пережитком. Между тем дата этих находок — XIV—XII вв. до н. э.³⁵⁴ Следовательно, псалии, где выступы имеют практическое назначение, должны были появиться раньше. Они были широко распространены (Приуралье, Поволжье, Венгрия). Именно от таких псалий с цилиндрическими выступами и заимствована, очевидно, форма трехдырчатых с цилиндрическими трубочками, где «неудобные» трубочки делались просто по традиции, как подражание сплошным цилиндрическим выступам. Возможно, что на превращение сплошных выступов в трубочкаты повлияли широко распространенные в эту эпоху роговые псалии: в силу естественных размеров рога эти выступы были очень короткими и крепить к ним ремень было неудобно, что и заставляло сделать в них отверстия (как, например, на псалии из Сусканского поселения в Поволжье третьей четверти II—начала I тыс. до н. э.³⁵⁵). Псалии с трубочками и их дальнейшее развитие — далеко не единственный пример, когда вначале появляется «неудобная», нерациональная традиционная форма, которая лишь постепенно заменяется более простой и рациональной: вспомним полые ручки карасукских кинжалов, лишь постепенно заменяющиеся сплошными, нерациональные ложноставные карасукские ножи, постепенно заменяющиеся простыми изогнутыми и т. п.

Место возникновения псалий с трубочками пока трудно определить. Все же примем во внимание и находки дуговидных бронзовых псалий, оба конца которых снабжены отверстиями, а в середине — такой же выступ со шляпкой, как те, о которых шла речь выше. Такие псалии найдены на Алтае (табл. 17, 55) и в могильнике Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи³⁵⁶ и датируются скорее всего VII в. до н. э. Таким образом, в Средней Азии и на Алтае шишечки на псалиях и довольно крупные, к которым непосредственно прикреплялся один из ремней, доживают до VII в. до н. э., сосуществуя с дырками (табл. 17, 56, 57). Можно предположить, что этот способ крепления псалия сохранялся так долго на той территории, где он был наиболее распространен. Судя и по другим приведенным выше примерам, в Средней Азии и Казахстане сосуществовали оба типа крепления и здесь мог возникнуть тип трехдырчатого псалия с цилиндрическими трубочками, но, может быть, это произошло и в более южных районах. Отсюда псалии с трубочками и распространялись, очевидно, на запад, вплоть до Венгрии, и на восток, до Минусинской котловины. В дальнейшем они видоизменились: трубочки превратились в простые отверстия. Этому снова способствовало, очевидно, изготствление псалий из кости и рога.

Тагарские обоймы для перекрестья ремней — двоякого рода: или это трубочки, которые перекрещиваются под прямым углом (табл. 17, 22, 23), или два кружка, соединенные четырьмя столбиками (табл. 17, 37). И тех и других в Минусинской котловине довольно мало. Крестовидных трубочек мне известно всего три. Эти предметы широко распространены в Евразии, в особенности в гальштатское время в Европе; в Венгрии найдены в комплексах с удилами и псалиями периода гальштат С, т. е. VII—VI вв. до н. э.³⁵⁷ В гальштате появляются в VIII в. до н. э.³⁵⁸ Они есть и на Северном Кавказе, в долинах рек Чегем и Баксан³⁵⁹. На

³⁵⁴ К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 61, рис. 9, 1; стр. 62, рис. 10, 1—3; стр. 63.

³⁵⁵ Там же, стр. 61, рис. 9, 2; стр. 63—64.

³⁵⁶ Раскопки О. А. Вишневецкой, 1962 г.

³⁵⁷ S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. LII, 2—4; LIX, 2—5, IX, 8.

³⁵⁸ O. Janse, 1932, p. 192.

³⁵⁹ Там же, табл. 1, 3—6, стр. 192; рис. 1, стр. 200; рис. 8, стр. 203, рис. 10; Chéng Tê - K' u n, 1962, vol. II, p. 210, fig. 52, 1.

востоке они в большом числе встречаются в Китае³⁶⁰, причем только с орнаментом эпохи Инь и раннего Чжоу, почему Р. Гейне-Гельдерн предлагает датировать их временем до IX в. до н. э.³⁶¹ Известны они также в Тибете³⁶², Монголии и Ордосе³⁶³, причем у некоторых из северокайтских, ордосских и монгольских трубочек в центре круглое отверстие или выпуклость³⁶⁴, как у минусинских. Вопрос о дате минусинских трубочек неясен. Такие трубочки встречаются не только в доскифскую эпоху, но известны и в архаических скифских памятниках (Венгрия и Причерноморье, в последнем районе очень редки). Дата их там — начало VI в. до н. э.³⁶⁵ И, наконец, такая трубочка найдена в могильнике Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи (по-видимому, VII в. до н. э.)³⁶⁶. Отдельные экземпляры существуют, по-видимому, и в V в. до н. э., судя по изображенному на одном из них барану в «алтайском» стиле³⁶⁷. Трудно сказать поэтому, относятся ли минусинские крестообразные трубочки к предтагарскому или раннетагарскому времени.

Изучавшие крестообразные трубочки О. Йенс и Р. Гейне-Гельдерн отметили, что с течением времени длина их уменьшается³⁶⁸, т. е. происходит процесс, аналогичный тому, который мы видели и на трехдырчатых псалях. Наконец, трубочки совсем исчезают и остается обойма для перекрестья ремней — кубик, полый внутри, в четырех боках которого прорезаны круглые отверстия (рудименты трубочек), а верхняя крышка — простая выпуклая бляшка (рудимент выпуклости в центре крестообразной трубочки, табл. 17, 27). Переходных форм к таким обоймам много. Известны предметы с трубочками очень коротенькими, еле заметными (Монголия, Северный Китай)³⁶⁹, преемственность видна и в орнаменте: часто они украшались четырехлучевым солярным знаком (например, трубочка из Уйгарака); тот же орнамент част на предскифских псалях³⁷⁰, этот знак переходит и на обоймы для перекрестья ремней (табл. 17, 39)³⁷¹. На процесс укорочения трубочек повлияло, по-видимому, и существование в доскифскую эпоху в степях Евразии костяных бляшек в виде толстых дисков с выпуклой верхней стороной (наверное, естественная головка кости). В боках их прорезывались круглые или овальные отверстия для ремня; бляшки служили украшением узды (VIII — первая половина VII в. до н. э.)³⁷². Впоследствии в таких бляшках стали делать отверстия крест-накрест и употреблять как обоймы для перекрестья. По-видимому, в этот период типы бронзовых и костяных обойм и бляшек для узды влияли друг на друга.

В некоторых местах бронзовые обоймы-кубики существуют очень долго³⁷³. Дальнейшая эволюция обойм для перекрестья ремней состоит в том, что круглые отверстия в боках заменяются прямоугольными, и обойма превращается в два кружка, соединенных четырьмя столбиками. Такие обоймы распространены повсеместно в скифском мире, в памятниках VI, V вв. до н. э. и более поздних (Минусинская котловина, Тува, Ордос,

³⁶⁰ S. Gallus, T. Horvath, 1939.

³⁶¹ R. Heine-Geldern, 1951, S. 230.

³⁶² G. Tucci, 1935, p. 114, 188, fig. 11.

³⁶³ O. Janse, 1932, Pl. I, 1, 2; III, 1—3; AO, B Series, vol. I, Pl. XI, 10.

³⁶⁴ O. Janse, 1932, p. 203, fig. 10; AO, B. Series, vol. I, Pl. XI, 10.

³⁶⁵ Гуляй-город, курганный могильник II, курган СССР XIX (А. Бобринский, 1887, I, табл. VIII, 4).

³⁶⁶ Раскопки О. А. Вишневецкой, 1962 г. (Хорезмская экспедиция).

³⁶⁷ O. Janse, 1932, Pl. III, 3a.

³⁶⁸ Там же, стр. 191; R. Heine-Geldern, 1951, S. 230.

³⁶⁹ O. Janse, 1932, p. 205, fig. 11; AO, B Series, vol. I, Pl. XI, 10.

³⁷⁰ См., например: А. А. Иессен, 1953, стр. 87, рис. 24 (Жаботин).

³⁷¹ Малая Идра (ММ, 8811); могильник Тамды на Восточном Памире (А. Н. Бернштам, 1952, стр. 298, рис. 128, 9).

³⁷² К. Ф. Смирнов, 1961а, стр. 69, рис. 13, 6—11, стр. 70, 66.

³⁷³ Лысая гора на реке Яе, V—IV вв. до н. э. (ГЭ, 1125-96).

Казахстан³⁷⁴, Приуралье, Средняя Азия³⁷⁵). На Северном Кавказе они известны с середины VII в. до н. э.³⁷⁶ Часто нижний кружок представляет собой прорезное кольцо или прорезной квадратик меньшего размера, чем верхняя крышка (табл. 17, 27). В Минусинской котловине такие появляются уже в V в. до н. э. (судя по такому же креплению блях с изображениями животных в «алтайском» стиле) и продолжают существовать и в таштыкской культуре: такая обойма найдена в Большом Тесинском кургане³⁷⁷. В более западных районах они появляются с началом скифской эпохи (Казахстан)³⁷⁸ или даже в доскифское время (Венгрия)³⁷⁹. Наиболее ранние обоймы такого рода найдены в некрополе В Тепе Сялка и Тепе Гийяне (1200—1100 гг. до н. э., по К. Шефферу, или 1000—800 гг. до н. э., по Р. Гиршману)³⁸⁰. Они точная копия тагарской обоймы (табл. 17, 27). В Минусинской котловине эти обоймы украшены изображениями разных животных: грифонов, ослов (табл. 34, 13, табл. 34, 4), оленя³⁸¹ в «алтайском» стиле. По всей вероятности, все эти обоймы импортные или изготовлены по западным прототипам, где им известны точнейшие аналогии³⁸².

Из других принадлежностей уздечки известны пронизки в форме буквы В, служившие для продевания раздвоенного ремня (табл. 17, 24—26). Так как двоение ремня характерно в основном для узды начиная с V в. до н. э. (раньше применялось троение), то такова и дата пронизок. Точно такие найдены на Алтае, в Туве и в Алма-Ате³⁸³ в комплексах V—IV вв. до н. э. Близкой формы пронизки — в виде цифры 8 — известны в савроматских погребениях V в. до н. э.³⁸⁴ и в Отснконском кладе в верховьях р. Лены³⁸⁵ того же или несколько более позднего времени.

Известно несколько налобников, обычно это бляхи в виде головки грифона с петлей на обратной стороне (табл. 17, 28, табл. 26, 31) и один наносник (табл. 17, 38), почти точная копия наносника из савроматского погребения в Мечет-Сае на реке Илек (V в. до н. э.)³⁸⁶. Наносником служила, вероятно, и объемная головка грифона, выполненная также в «западном» стиле (табл. 26, 26), судя по аналогии из другого савроматского погребения (Алебастрова гора)³⁸⁷.

Подвески в виде просверленных клыков кабана широко распространены как украшения уздечки в Туве, на Алтае, в Северном Причерноморье³⁸⁸. Найдены они в Персеполе³⁸⁹. В Минусинской котловине известны бронзовые подражания таким кабаньим клыкам (табл. 17, 29, 30). Уздечной подвеской служили и бронзовые костыльки — стерженек с колечком наверху (табл. 17, 35, 36), находящие многочисленные аналогии на Алтае, в Туве, Казахстане³⁹⁰, или такие стерженьки, верхняя часть

³⁷⁴ См., например: Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 35—40 и др.

³⁷⁵ К. Ф. Смирнов, 1961а, рис. 50, 5; 55, 5 (Уйгарак, 1962 г.).

³⁷⁶ А. А. Иессен, 1954, стр. 118, рис. 7.

³⁷⁷ А.-М. Tallgren, 1922.

³⁷⁸ Джувантобе, VII—VI вв. до н. э. (А. Г. Максимова, 1960, стр. 61, рис. 11—12).

³⁷⁹ S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. II, 4, 6; Pl. I, 3, Pl. LIV, 8, 9.

³⁸⁰ C. Schaeffer, 1948; R. Ghirshman, 1937.

³⁸¹ В. М. Флоринский, 1897, стр. 549, рис. 1.

³⁸² Мечет-Сай на реке Илек (К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 55, 1, 2).

³⁸³ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 31, 32, 34.

³⁸⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 54.

³⁸⁵ ГЭ 1132-22.

³⁸⁶ К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 55, 8; 44, 5.

³⁸⁷ Там же, рис. 44, 6.

³⁸⁸ Н. Л. Членова, 1961, стр. 189; К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 92.

³⁸⁹ E. F. Schmidt, 1957, vol. II, Pl. 79, 3—5.

³⁹⁰ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 45—48. Кроме указанных, см. еще происходящие с Алтая (ГИМ 54746, хр. 83/86) два экземпляра из Туэты, курган 11 (раскопки С. В. Киселева, 1937 г., ГИМ 79601/238), из Тисуля Кемеровской области (ГИМ 38160, хр. 69/60 б) и др.

которых оформлена в виде плоской фигурки животного или птицы, с петелькой на обратной стороне (табл. 17, 32—34, табл. 24, 22).

Упомянем и единственную находку в Минусинской котловине — овальную обойму с кнопкой наверху, также принадлежность сбури. Такие же хорошо известны на Алтае в майэмирскую эпоху и в Казахстане (тоже VII—VI вв. до н. э.)³⁹¹.

Бронзовые предметы в форме воронки (табл. 17, 7—10) обычно называют ворворками для кисти под шеей лошади. Действительно, кисти с ворворками хорошо известны по ассирийским и персидским рельефам. Однако было и другое их назначение: они служили для крепления ремня на затылке лошади; так, найдены эти ворворки в савроматских погребениях у села Молчановки и Блюменфельд³⁹². Подобные же ворворки широко распространены во всей восточной части скифского мира — в Туве, на Алтае, в Казахстане³⁹³, а также и в Причерноморье (начало VI в. до н. э.)³⁹⁴. Такая же ворворка найдена в городище Султан-Тепе в Малой Азии, где она датируется концом VII в. до н. э. и может быть связана со скифскими стрелами того же слоя³⁹⁵. На некоторых из тагарских ворворок по краю расположен орнамент в виде ямок, крестиков или косых насечек³⁹⁶. Всю эту группу неорнаментированных и бедно украшенных ворворок пока нельзя датировать точнее, чем просто тагарской эпохой.

Но есть другая группа этих предметов, богато украшенных в зверином стиле (табл. 17, 11—16, табл. 36, 8). Как правило, на них изображены звери кошачьей породы, идущие или вывернутые в виде буквы S. На одной ворворке изображены бараны-аргали, также с перекрученным телом. Изображения эти относятся к так называемому алтайскому стилю (V—IV вв. до н. э.) и, таким образом, датируют эти находки. Употреблялись ли они для скрепления ремня на затылке, или для кистей, или еще как-нибудь — пока неясно. Найдено и значительное число блях с петельками и штифтами (или с тем и другим) на обороте, несомненно, относящихся к конскому убору, но точное положение которых пока неизвестно (табл. 17, 1—6).

Наконец, последние из известных нам предметов тагарского конского убора — это пряжки, подпружные и от чумбура. Как установил К. Ф. Смирнов при раскопках савроматских погребений в Оренбургской области, маленькие пряжки без крючка употреблялись для продевания чумбура³⁹⁷, более крупные со шпеньком или нсиком — для застегивания подпруги. Такие же пряжки для чумбура и подпружные известны в погребениях скифского времени в Туве, на Алтае, в Восточном и Центральном Казахстане и в низовьях Сыр-Дарьи³⁹⁸. По-видимому, во всех этих местах они появляются в VII—VI вв. до н. э. По аналогии с савроматскими и другими, и тагарские небольшие пряжки без шпенька можно считать пряжками для чумбура (табл. 17, 21), а со шпеньком или с крючком — подпружными (табл. 17, 20). Впрочем, некоторые из них могли быть поясными.

³⁹¹ М. П. Грязнов, 1947, стр. 11, рис. 4, 3; С. И. Руденко, 1960, табл. XIX, 4; М. К. Кадырбаев, 1962, стр. 76, табл. II, 6, 11—13; А. Г. Максимова, 1960, стр. 61, рис. 11, 10, 11.

³⁹² К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 146, рис. 44, 3, 4.

³⁹³ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 41, 43, 44.

³⁹⁴ Например, Емчиха (см. Б. Рабизович, 1936, рис. 8а).

³⁹⁵ S. L. L. о u d, 1954, fig. 6—8, p. 107.

³⁹⁶ Деревня Янова (ММ 7031); Большая Иня (ММ 7033); Минусинский край (МИМК ТГУ 6272-322).

³⁹⁷ К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 55, 4, рис. 44, 5 (Мечет-Сай, курган 2, погребение 2); Пятимары, курганы 6, 8 (раскопки К. Ф. Смирнова).

³⁹⁸ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 25—28; М. П. Грязнов, 1947, стр. 11, рис. 4, 9; А. Г. Максимова, 1956, стр. 254, табл. 1—6; М. К. Кадырбаев, 1962, табл. 1, рис. 3, 6; табл. 11, рис. 4, 9, 17; Уйгарак, раскопки О. А. Вишневской, 1961—1962 гг.

По наблюдениям М. П. Завитухиной, в ранних памятниках VII—VI вв. до н. э. встречаются лишь подпружные пряжки с крючком, загнутым внутрь кольца. Они бытуют и позднее, но наряду с ними примерно в V в. до н. э. появляются пряжки с крючком, обращенным не внутрь, а наружу. Эта форма знаменует изобретение более целесообразного способа крепления подпруги. Первоначально язычок был коротким и широким, типа кнопки (как в кургане Башадар II), а затем становится более тонким и острым³⁹⁹. Однако, например, в Казахстане (могильник Тасмола Павлодарской области)⁴⁰⁰ и в Средней Азии (могильник Уйгарак⁴⁰¹) пряжки с коротким шпеньком-кнопкой появляются еще в VII—VI вв. до н. э. Поэтому пряжку с таким же шпеньком, найденную в Минусинской котловине⁴⁰², следует датировать VII—V вв. до н. э. Пряжки с длинным тонким язычком-«носиком» (табл. 17, 20) появляются, по-видимому, в V—IV вв. до н. э. и существуют до таштыкской эпохи, где встречаются поясные пряжки близкой формы⁴⁰³. Дата их появления устанавливается на основе находок нескольких таких пряжек, где кольцо и приемник образованы двумя головками горных козлов, волков с оскаленной пастью или украшены головками хищных птиц (табл. 17, 17—19). Эти изображения выполнены в так называемом алтайском стиле. Пряжке с головками козлов, изданной С. А. Теплоуховым, есть полная аналогия в кладе (кургане?) у села Бурбино Томской области (V в. до н. э.). Еще одна пряжка этого типа из Красноярского округа образована двумя фигурками животных с длинными оскаленными мордами; вероятно, это волки⁴⁰⁴. Пряжка без орнамента, с язычком того же типа найдена в могильнике Тисуль I Кемеровской области (IV в. до н. э.)⁴⁰⁵.

Пряжки для чумбура, без язычка, неорнаментированные (табл. 17, 21), пока трудно датировать точнее, чем VII—VI вв. до н. э. Можно датировать лишь такую же, без язычка, но украшенную в зверином, на этот раз «минусинском» стиле, VI в. до н. э.⁴⁰⁶ Пряжки, украшенные в зверином стиле, в частности двумя головками козлов, появляются в Средней Азии еще в VII—VI вв. до н. э., судя по находке в могильнике Уйгарак⁴⁰⁷. Быть может, и они попали в Сибирь из Средней Азии.

Таким образом, хотя конский убор представлен в Тагарской культуре куда беднее, чем во многих других частях скифского мира, он все же служит ценным источником для темы происхождения и истории тагарских племен. По-видимому, в VII—VI вв. до н. э. верховая езда была распространена в Минусинской котловине меньше, чем в V—III вв. до н. э. Можно думать, что большая часть тагарского войска была в это время пешей, а конница не играла такой большой роли, как у скифов Причерноморья, савроматов Поволжья и Приуралья и других районов.

Все же по сравнению с концом карасукской эпохи, когда в Минусинской котловине появились первые бронзовые удила и псалии, в VII—VI вв. до н. э. сделан гигантский шаг вперед. Позднекарасукских удил известно всего несколько пар; удила же VII—VI вв. до н. э. — 130 экземпляров⁴⁰⁸. Одно это говорит о тех изменениях, которые произошли в хозяйстве и быте населения Минусинской котловины.

³⁹⁹ М. П. Завитухина, 1961, стр. 103, 106

⁴⁰⁰ М. К. Кадырбаев, 1962, табл. II, 17, табл. I, 3.

⁴⁰¹ Курган 66 (раскопки О. А. Вишневской, 1961 г.).

⁴⁰² Деревня Иудина (F. R. Martini, 1893, Pl. 31, 20).

⁴⁰³ Изыхский чаа-тас, склеп 2 (Л. Р. Кызласов, 1960, стр. 37, рис. 7—12).

⁴⁰⁴ ГЭ 5531-1323.

⁴⁰⁵ Раскопки Г. О. Оссовского, 1895 г. (ГИМ 35177/12, хр. VII 47/8 в.). Установлено по описи ИАК. У С. В. Киселева (1949, стр. 243, сноска 157) и Л. Р. Кызласова (1960, стр. 39) ошибочно указано, что эта пряжка из «кургана за поскотиной» у села Барандат.

⁴⁰⁶ Минусинский округ. Издана: Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 51.

⁴⁰⁷ Курган 66. Раскопки О. А. Вишневской, 1961 г. (Хорезмская экспедиция).

⁴⁰⁸ См. стр. 67 и 68 (по типам: 17+83+30 экземпляров).

Второй вывод: тагарские удила в VII—VI вв. до н. э. либо общескифских форм (со стремевидными концами), либо специфических (со стремевидными концами с маленьким внутренним колечком), распространенных в Казахстане и Средней Азии, причем, насколько можно судить по довольно малому пока материалу, наибольшее сходство эти специфические формы обнаруживают с удилами из Центрального Казахстана. В Центральном Казахстане находят аналогии и многие другие вещи тагарской культуры VII—VI вв. до н. э.: некоторые предметы, оформленные в зверином стиле, некоторые формы керамики. Если же учесть, что и общескифская форма удил со стремевидными концами была распространена и в Центральном Казахстане, и в Средней Азии и что она, по-видимому, и происходит откуда-то с территории Средней Азии, то можно сделать вывод, что конский убор тагарской культуры VII—VI вв. до н. э., вероятно, занесен из Казахстана или Средней Азии, и это служит одним из доказательств контакта между этими областями в тот период.

В V—IV вв. до н. э. в Минусинской котловине появляется конский убор другого типа — богато украшенный бляхами, обоймами, подвесками, налобниками, пряжками, выполненными в зверином стиле «алтайского» типа. Богатое украшение его изображениями зверей и самый факт, что большинство предметов тагарского конского убора относится к V—IV вв. до н. э., говорит о том, что конь стал играть значительно большую роль и в жизни тагарских племен в целом и в военном деле в первую очередь. В этот период направление связей несколько изменяется и, указывает на Алтай, Западную Сибирь и Восточный Казахстан. Но этот вопрос еще будет рассмотрен подробнее.

Тагарские бронзовые зеркала

Бронзовые зеркала — также «общескифская» категория вещей тагарской культуры. П. Рейнеке сравнивал китайские зеркала эпохи Хань, дисковидные, с толстой круглой петлей в центре, с сибирскими дисковидными с петельками и с кнопкой, на четырех ножках и с аналогичными скифскими зеркалами. Совпадение в формах он объяснял импортом из Китая в Сибирь, где их копировали, а оттуда они проникали дальше, в Европу⁴⁰⁹. Но приводимые самим же П. Рейнеке даты скифских зеркал — VI—V вв. до н. э.⁴¹⁰, тогда как эпоха Хань начинается в конце III в. до н. э. Н. М. Ядринцев относит зеркала к числу предметов, проникших к скифам с востока, и приводит в качестве аналогий зеркала из алтайских курганов⁴¹¹. В. А. Городцов отмечает, что тагарские зеркала «по форме ближе всего к китайским... но прототипы их следует искать в очагах главной культурной базы (т. е. Древнего Востока.— Н. Ч.), где они выступили на сцену очень рано и едва ли не ранее самого возникновения восточноазиатских металлических культур»⁴¹². Более поздние авторы либо отрицают близкое сходство тагарских зеркал со скифскими (Б. Рабинович)⁴¹³, либо признают (М. П. Грязнов)⁴¹⁴, но не ставят вопроса о его причинах.

Тагарские зеркала бронзовые, дисковидные, различаются только формой ручки и степенью массивности. Их классификация разработана

⁴⁰⁹ P. Reineke, 1897, S. 143—145, 157.

⁴¹⁰ Там же, стр. 144

⁴¹¹ ТАС VIII, т. IV. М., 1897, стр. 176.

⁴¹² В. А. Городцов, 1910, стр. 208.

⁴¹³ Б. Рабинович, 1936, стр. 87—88.

⁴¹⁴ М. П. Грязнов, 1947, стр. 10, где автор датирует алтайские зеркала причерноморскими аналогиями.

С. В. Киселевым. Он делит их на дужковые, кнопковые и медалевидные⁴¹⁵. Наша классификация по существу от нее не отличается, только более дробная. Зеркала делятся на три типа с выделением вариантов: тип I — с петелькой на обороте («дужковые зеркала» С. В. Киселева) и вариант IA — с петелькой в виде стоящего зверя или звериных голов; тип II — с кнопкой на четырех ножках («кнопковые зеркала» С. В. Киселева) и вариант IIA (с орнаментом — двойной петлей или подобными и с фигурой зверя). По размерам тип II делится на группы II/1 — II/4. Тип III — медалевидный, ручка помещена сбоку и в ней — отверстие, и вариант IIIA — ручка оформлена в виде фигуры стоящего животного или двух головок животных.

Тип I — наиболее характерный тип тагарских зеркал (известно 435, из них найдено в могилах 158, в кладе из села Шалаболина — 5 и случайных находок 272)⁴¹⁶. Хронологические различия таковы: наиболее ранние (VII и конца VII — начала VI в. до н. э.) очень массивны: толщина 2—3 мм (VII в.) и 1—2 мм (VI в.), диаметр 8—10 см; в VI в. до н. э., когда зеркал больше (так как памятников VI в. гораздо больше, чем VII в.), встречаются зеркала и 11 см диаметром⁴¹⁷. Петельки обычно в форме низкой буквы П, дуговидные петельки редки (в VII в. — всего 1 из 7, табл. 21, 1; в VII—VI вв. — 3 из 15, в памятниках VI в. — 8 из 24). На обратной стороне одного из зеркал (табл. 21, 1) изображен выпуклый крест; на обороте другого — три выпуклых креста⁴¹⁸. Кресты не встречаются среди тагарских орнаментов, они характерны для карасукской и других культур «карасукского» круга. Некоторые архаические зеркала с петелькой VII в. до н. э. имеют высокий бортик («закраинные зеркала», по С. В. Киселеву). В двух случаях зеркала с бортиками и без них найдены вместе (в одном кургане)⁴¹⁹. Изредка бортики на зеркалах не вертикальные, а наклонены наружу (Узун-Оба, курган 6), пережитком их можно считать утолщенный и скошенный наружу край на некоторых зеркалах VII—VI вв. до н. э.⁴²⁰

В памятниках VI в. до н. э. в Минусинской котловине зеркала с бортиком не встречены, но, вероятно, они существовали, судя по зеркалу с бортиком типа II (с кнопкой на четырех ножках) уже конца VI в. до н. э. (табл. 27, 12).

В V в. до н. э. зеркала типа I утоньшаются (редко более 1 мм в середине, а к краям тоньше); края острые в отличие от тупых, толстых краев архаических зеркал. Уменьшается и диаметр: обычно он не превышает 6—8 см, а многие — 5 см и только в памятниках начала V в. до н. э. встречаются еще более крупные⁴²¹, с тупыми краями. Есть среди зеркал V в. до н. э. выпукло-вогнутые, вогнута сторона с петелькой⁴²². Меняется форма петельки: теперь обычны дугообразные (14 экземпляров, тогда как в форме П — лишь 6; в других случаях ручки не сохранились или не изображены в профиль), появляются петельки в форме треугольников с

⁴¹⁵ С. В. Киселев, 1949, стр. 127, табл. 3.

⁴¹⁶ По данным ММ, КМ, ГИМ, ГЭ и по изданиям: Г. Ф. Миллер, 1937, рис. 26; F. Martin, 1893; A.-M. Tallgren, 1917.

⁴¹⁷ 10,8 см в Усть-Тесь, курган 2, погребение 1, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ 10991); Усть-Сыда, курган 1, погребение 1, раскопки С. В. Киселева, 1929 г. (ММ 11469).

⁴¹⁸ Иджа (A.-M. Tallgren, 1917, Pl. VIII, 3).

⁴¹⁹ Узун-Оба, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1895 г. ГИМ 36517/13 и 14, хр. VII 47/66; Откин улус, курган 5, раскопки В. Г. Карцова, 1930 г.

⁴²⁰ Самохвал, курган 5, могила II, раскопки А. В. Адрианова, 1898 г. (ГИМ 40211).
⁴²¹ 10 см — Шалаболинский клад (ММ 11923); 10,5 см — Кочергино, курган 4, погребение 5, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ 11177); 8,6 см — Усть-Тесь, курган 1, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ 10970).

⁴²² Тагарское озеро, курган 35, погребение 1, раскопки А. В. Адрианова, 1894 г. (ГИМ 34578, хр. А 17/9а), начало V в. до н. э.

небольшим отверстием⁴²³. Эта форма делается частой в V—IV и IV вв. до н. э.⁴²⁴ Зеркала V—IV и IV вв. до н. э. еще миниатюрнее (диаметром 4,5—5 см), но по-прежнему часты в погребениях и продолжают существовать и в III в. до н. э.— до конца тагарской культуры.

Многочисленные аналогии зеркалам типа I есть и на востоке и на западе скифского мира: на Алтае, в майэмирских памятниках (VII—VI вв. до н. э., все с вертикальными бортиками)⁴²⁵, в Томском могильнике на Большом мысу (та же дата; без бортиков)⁴²⁶, в могильниках Тасмола и Большое Чебачье озеро в Северном Казахстане (VII—VI вв. до н. э.; с бортиками)⁴²⁷, в низовьях Сыр-Дарьи (Уйгарак, VIII—VII вв. до н. э.; с бортиками)⁴²⁸, в Ананьинском могильнике (VII—VI вв. до н. э.; с бортиком)⁴²⁹; довольно много их в Причерноморье в скифских курганах VI в. до н. э. (Сквира⁴³⁰, Поповка, курган 6 и курган Роменского уезда⁴³¹; курган Перепетовка⁴³²; Герасимовка, курган 2⁴³³; все эти зеркала с вертикальными бортиками). Таким образом, подавляющее большинство зеркал с петелькой VI в. до н. э. из западных районов — с вертикальными бортиками. Диаметр их обычно 10—12 см и они массивны, что соответствует размерам тагарских зеркал типа I в VII—VI вв. до н. э. и подтверждает их дату. В V—IV вв. до н. э. зеркала с петелькой продолжают существовать почти исключительно в восточной части скифского мира: 2 экземпляра из Отонконского клада в верховьях Лены (V—IV вв. до н. э.; диаметр 13 и 11 см, толщина 1,5—2 мм, без бортиков, с небольшими тонкими петельками)⁴³⁴; 2 — с жертвенного места Лысая гора Томской области (IV в. до н. э., диаметр 6 и 8 см, толщина — около 1 мм, ручки треугольные, как у поздних тагарских без бортиков)⁴³⁵; 1 — из кургана А-17 у горы Казылган в Туве (V в. до н. э., бортик скошен наружу)⁴³⁶; 6 — из городища Басандайка под Томском (V—IV вв. до н. э.; без бортиков, тонкие, формы петельки очень напоминают позднеатагарские)⁴³⁷; 1 — из клада у села Бурбино Томской области (V в. до н. э., без бортика, диаметр 8,5 см, толщиной 1,5 мм)⁴³⁸; 2 — из могильника Жолкудук в Северо-Восточном Казахстане (V—IV вв. до н. э., без бортиков)⁴³⁹; 1 — из могильника Айдабуль II (V—IV вв. до н. э.; без бортика)⁴⁴⁰ и 1 — из кургана 4 могильника Джаркимбай-булак на Тяньшане (около V в. до н. э.; без бортика, с высокой П-образной петелькой)⁴⁴¹; 3 — из Зуевского ананьинского могильника (IV в. до н. э.; с бортиками, диаметры их — 9, 10 и 13 см)⁴⁴². В Причерноморье зеркала

⁴²³ Малые Копены, раскопки В. П. Левашевой и З. К. Глусской, 1939 г. (КМ, ящик 371); Аешина, курган 9, могила 1, раскопки С. И. Руденко, 1920 г. (МИМК ТГУ, 6317/9-13).

⁴²⁴ Малая Иня, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1896 г. (ГИМ, 40210, хр. VII 47/19а); Тесь, Большой курган, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ГЭ, 1252-84, 87); Са-рагаш, могила 42, раскопки С. А. Теплоухова, 1923 (ГЭ, 4131-230, 231).

⁴²⁵ М. П. Грязнов, 1947, стр. 11, рис. 4, 10—12.

⁴²⁶ М. Н. Комарова, 1952, стр. 31, рис. 17, 4, 6, 17, 21; стр. 37, рис. 21, 4, 15; стр. 39, рис. 22, 1, 30; стр. 43, рис. 1, 7, 30.

⁴²⁷ М. К. Кадырбаев, 1962, табл. 1—4; М. П. Грязнов, 1956, рис. 3, 12, 13.

⁴²⁸ Раскопки О. А. Вишневской, 1962 г. (Хорезмская экспедиция).

⁴²⁹ ГИМ, экспозиция V зала; J. Aspelin, fig. 293, 324, 326, 468.

⁴³⁰ P. Reipcke, 1897, S. 144, Abb. 3.

⁴³¹ Смела III, 1901, табл. XXIV, 19, стр. 72.

⁴³² П. Д. Либеров, 1954, табл. 1—68.

⁴³³ В. А. Ильинская, 1954, стр. 181, табл. IV.

⁴³⁴ ГЭ 1132-1, 2; А. П. Окладников, 1955, т. I, стр. 160, рис. 50.

⁴³⁵ ГЭ 1125-1, 2.

⁴³⁶ С. И. Вайнштейн, 1955, стр. 84, рис. 3—4.

⁴³⁷ Сб. «Басандайка», табл. II, 11, 13—17.

⁴³⁸ ТКМ, Находка 1958 г.

⁴³⁹ Е. И. Агеева, А. И. Максимова, 1959, табл. 1, 56, 57.

⁴⁴⁰ К. А. Акишев, 1959, стр. 30, табл. VI.

⁴⁴¹ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 39, рис. 17, 4.

⁴⁴² А. В. Збруева, 1952, стр. 87; стр. 37, табл. IV, 9.

этого типа позже VI в. до н. э.— большая редкость. Все же в кургане 400 у Журовки встречено такое зеркало с бортиком⁴⁴³.

Вариант IA — зеркала, у которых петельку заменяет уплощенная скульптурная фигурка кабана, а иногда две кабаньи головы, повернутые в разные стороны (см. табл. 23, 12, 13). На одном зеркале на месте ручки помещены четыре горных козла, головами в разные стороны (табл. 24, 6). Эти зеркала по стилю фигурок датируются VI в. до н. э. (см. главу III). Аналогия последнему есть на городище Басандайка (V—IV вв. до н. э.)⁴⁴⁴, но фигурки гораздо схематичнее, передние и задние ноги внизу сходятся углом. Они аналогичны фигурке из могилы 41 у села Сарагаш (V—IV вв. до н. э.), отломанной от зеркала или клевца⁴⁴⁵. Зооморфные петельки тагарских зеркал не переходят в V в. до н. э.

Тип II — с кнопкой на четырех ножках. Только одно зеркало этого типа достоверно найдено в кургане (Частоостровское, IV—III вв. до н. э., табл. 21, 7). Подобное же, но с кнопкой на трех ножках, встречено В. В. Радловым в каком-то из курганов в 1863 г. (табл. 21, 6), вероятно, на реке Июсе, где могила содержала 22 скелета⁴⁴⁶.

Судя по этому и по навершию с козлами в минусинском стиле и блестяще-олению⁴⁴⁷ (III группа минусинских оленей)⁴⁴⁸ из той же могилы, дата кургана — V в. или V—IV вв. до н. э. В Иркутском музее хранятся два зеркала типа II, якобы «из курганов Минусинского округа»⁴⁴⁹, однако нет уверенности, что это не случайные находки. Те же зеркала из Малой Ини, Барандата, Назаровского и Ачинска, которые в сводной таблице С. В. Киселева значатся как кнопковые⁴⁵⁰, в действительности относятся к другому типу, где на двух ножках укреплен прямоугольный планка. О них речь будет ниже. Одно зеркало типа II найдено в Есаульском кладе под Красноярском (V—IV вв. до н. э.)⁴⁵¹.

В случайных находках из Минусинской котловины известно 60 зеркал II типа⁴⁵². Наиболее распространен вариант с круглой неорнаментированной кнопкой (28 экземпляров из 65, т. е. $43 \pm 6,1\%$). Часты кнопки со спиральным орнаментом (Минусинский край, Большой Телек, Саянское, Означенное)⁴⁵³ и близким к нему: в виде двойной петли (деревня Биря, Енисейская губерния, деревня Кулун)⁴⁵⁴, в виде буквы S (Ирба, Таштып)⁴⁵⁵ и свастики из трех закругленных лучей (Алтайская, Малая Иня, Минусинский край, Тесинское)⁴⁵⁶ или из многих лучей⁴⁵⁷. Другие типы орнаментов: простая ямка в центре кнопки (р. Абакан), значок в виде копыта (село Абаканское)⁴⁵⁸, прямые врезанные линии, радиально расходящиеся из центра⁴⁵⁹, наконец, несколько неотчетливых криволинейных орнаментов. На одном из зеркал кнопка украшена деградирован-

⁴⁴³ П. Д. Либеров, 1954, табл. 1—95.

⁴⁴⁴ Сб. «Басандайка», табл. 11, 9.

⁴⁴⁵ Раскопки С. А. Теплоухова, 1923 г. (ГЭ 4131-114).

⁴⁴⁶ В. В. Радлов, 1895, стр. 198.

⁴⁴⁷ Там же, стр. 167; J. Aspelin, 1877, p. 68, fig. 307, 308.

⁴⁴⁸ Н. Л. Членова, 1962, табл. 1, 7 и стр. 171—172.

⁴⁴⁹ ИМ, 491/7, 491/8.

⁴⁵⁰ С. В. Киселев, 1949, стр. 127, табл. 3.

⁴⁵¹ Р. В. Николаев, 1961, стр. 282, рис. 1, 25; стр. 283.

⁴⁵² По данным ГИМ, ММ, КМ, АчМ, АМ, ИМ, ТКМ, МИМК, ТГУ и по изданиям: А.-М. Tallgren, 1917; F. R. Martin, 1893, S. Gallus, T. Horvath, 1939, Pl. XXXVII, 4, Pl. LXXXVI, 1.

⁴⁵³ Инвентарные номера соответственно: ММ 4619; 4621; 4622; 4607.

⁴⁵⁴ Изданы: Н. Л. Членова, 1961, стр. 150, табл. II, 2, 3.

⁴⁵⁵ Инвентарные номера соответственно: ММ 4608, 4615.

⁴⁵⁶ Инвентарные номера соответственно: ММ 4611, 4632; ГИМ 36238, хр. 85/17а. См. табл. 21, 4.

⁴⁵⁷ Минусинский край (ГИМ 78605, хр. А. 7/18а).

⁴⁵⁸ ММ 4616.

⁴⁵⁹ Село Белый Яр, ММ 4647. См. табл. 21, 10.

ной фигурой свернувшегося зверя (табл. 27, 12), на другом та же фигурка еще более деградировала, а в центре ее помещен копытообразный знак (табл. 27, 13). Еще два зеркала украшены неотчетливыми фигурками, может быть, также восходящими к изображениям свернувшихся зверей (табл. 27, 14). У трех зеркал — квадратная кнопка с большим отверстием неправильной формы: это скорее не кнопка, а рамка; два из них с высоким бортиком⁴⁶⁰. И, наконец, на одном очень крупном зеркале (диаметром 17,3 см) кнопка заменена рельефной фигуркой лежащего хищника из породы кошачьих; она укреплена на четырех высоких ножках (табл. 21, 8). По-видимому, подобное же зеркало из находок Палласа упоминает В. В. Радлов; кнопку там заменяла фигурка барана⁴⁶¹.

Выделяется группа II А (29 экземпляров диаметром 14—12 см); столь крупных в типе I нет; любопытно, что толщина их стандартна — 5 мм, края скошены наружу (за одним исключением)⁴⁶², как у зеркал VII—VI вв. до н. э. в группе I. Высота кнопок 2,5—4 см. Ножки стоят не вертикально, а несколько наклонены и образуют четырехгранную усеченную пирамиду. Кнопка, как правило, полушарная, но встречаются две уплощенные круглые и одна конусовидная. Орнаментированных кнопок 13: из них на шести — трехлучевая свастика, на двух — спиральный орнамент, одна из них — с каким-то тройным, одна — с ямкой в центре, на одной — косой крест, три врезанных овала и какой-то неотчетливый орнамент. Все зеркала этой группы без бортика. В комплексах ни в Минусинской котловине, ни за ее пределами таких зеркал нет. Орнамент, который оказался почти на половине всех как-либо украшенных кнопок, — трехлучевая свастика — известен, например, в иньском Китае (не позже XI в. до н. э.)⁴⁶³, на лужицкой керамике гальштатской эпохи⁴⁶⁴, но его нет в карасукской культуре Минусинской котловины; раннетагарской культуре он тоже не свойствен.

Вторая группа зеркал с кнопкой (группа II/2) включает 37 экземпляров (один из них в комплексе). Диаметр 11—9 см (преобладает около 10 см), толщина — 2, изредка 3 мм. Лишь у одного зеркала — скошенный наружу край, остальные с вертикальными или закругленными краями. У двух зеркал — вертикальные бортики. Высота кнопок 1,5—2 см, лишь у двух — 2,5 см. Ножки лишь у четырех зеркал (с наибольшим диаметром — все по 11 см), поставлены наклонно, у всех остальных — вертикально. Формы кнопок многообразны: полушаровидные и конические. Характерно появление прямоугольных кнопок (4 экземпляра, из которых 2 — с неправильной формы отверстием в центре). Орнаментировано 20 кнопок, из них только две — трехлучевой свастикой, три — двойной петлей, две S-видным орнаментом, шесть — спиралью, одна — радиально расходящимися прямыми лучами, одна — 12-лучевой свастикой, одна — копытообразным значком и четыре — фигурой свернувшегося зверя. Если считать группу II/1 более ранней, то можно предположить, что орнаменты в виде двойной петли и буквы S (а, может быть, и спиральный) как бы заместители забывавшегося уже к этому времени орнамента в виде трехлучевой свастики. Лишь одно зеркало этой группы найдено в тагарском комплексе, но и то за пределами Минусинской котловины — в Есаульском кладе под Красноярском (диаметр 11 см, кнопка подквадратной формы).

Аналоги группы II/2 есть в комплексах соседних районов. Массивное зеркало диаметром 10 см и толщиной 5 мм, с вертикальным бортиком

⁴⁶⁰ Беллык (ГИМ 33833, хр. 85/10а); Колмакова (F. R. Martin, 1893, Pl. 27, 9) деревня Анаш (A.-M. Tallgren, 1917, Pl. VIII, 2).

⁴⁶¹ В. В. Радлов, 1895, стр. 167.

⁴⁶² Село Бея (МИМК, ТГУ, 2920).

⁴⁶³ Chên g Tê - K'un, vol. II, 1962, Pl. XXV e.

⁴⁶⁴ J. Kostrzewski, 1914, str. 74, ryc. 221.

и конической кнопкой найдено в кургане 48 могильника Кок-эль в Туве ⁴⁶⁵ (V в. до н. э.). Другое зеркало, с орнаментом в виде двойной петли на кнопке, найдено также в Туве (V в. до н. э.) ⁴⁶⁶. Диаметр его 8 см, толщина 5 мм. Четыре зеркала (диаметры их 11,5; 11; 9,5 и 8,7 см, толщина от 3 до 5,5 мм) найдены в кладе из села Бурбино Томской области V в. до н. э. Кнопка одного из них с концентрическими кружками, а у другого (диаметр 8,7 см) в форме прямоугольника с вдавленными длинными сторонами. Деградирующая фигурка свернувшегося зверя на одном из зеркал должна относиться также к V в. до н. э.; другая, менее деградирующая (табл. 27, 12) — скорее всего к VI в. до н. э. Это зеркало с вертикальным бортиком. Копытообразные значки характерны для тагарских бронз VI и V вв. до н. э. Наконец, размеры зеркал рассматриваемой группы ближе всего размерам зеркал I типа (с петелькой) — VI и начала V в. до н. э. Все вместе взятое позволяет датировать группу II/2 VI и V вв. до н. э.

Группа II/3 включает всего два зеркала ⁴⁶⁷. Диаметр их 9—8,6 см, толщина 2,5—1 мм. Кнопки неправильно округлой, несколько вытянутой формы, плоские. У зеркала из раскопок В. В. Радлова (предположительно из кургана на реке Июсе) кнопка на трех ножках. Оба подобны самому маленькому зеркалу из клады у села Бурбино V в. до н. э. ⁴⁶⁸ Зеркало диаметром 7,5 см, но массивное (толщина 2 мм) и с высокой кнопкой (высотой 2,4 см), на трех ножках, поставленных даже несколько наклонно, как у более ранних зеркал, найдено в Айдашинской пещере близ Ачинска (V—IV вв. до н. э.) ⁴⁶⁹.

Наконец, группа II/4 состоит из зеркал еще меньших — 8—5,5 см и толщиной 1 мм; в ней 3 экземпляра, из них — 2 случайные находки ⁴⁷⁰, а третий — из кургана 1 у села Частоостровского ⁴⁷¹. Кнопка округлая или квадратная, высотой 0,6—0,9 см. Группу II/4 датирует зеркало из кургана у Частоостровского (III в. до н. э.). Размеры его больше, чем у большинства зеркал типа I из того же самого кургана, но в поздних тагарских курганах изредка встречаются и крупные зеркала (например, в кургане у села Назаровского, где большинство зеркал диаметром 4,5—5 см, два достигают 12,6 и 11 см). Близко зеркалам типа II уникальное зеркальце с круглой кнопкой на одной ножке (по терминологии С. В. Киселева, «гвоздковое») из «кургана за поскотиной» у села Большой Барандат, III в. до н. э. Аналогий мне неизвестно.

Зеркала типа I (с петелькой) и типа II (с кнопкой) играли совершенно разную роль в тагарской культуре. Тип I — обычная деталь тагарского погребального инвентаря; он очень устойчив и бытует на протяжении всей тагарской эпохи. Тип II обнаружен только в трех курганах V—III вв. до н. э. Орнамент группы II/1 в виде трехлучевой свастики чужд тагарской культуре. И по размерам эти зеркала гораздо крупнее и массивнее раннетагарских с петелькой. Дату для группы II/1 дают зеркала из Европейской части СССР. Они найдены в Причерноморье (Келермес, Глинище, Герасимовка, Бобрицы, Аксютинцы), в ананьинском могильнике Пустая Морквашка и на Северном Кавказе, в могильнике Чеснокгора под Пятигорском ⁴⁷² — все VI в. до н. э. Размеры их близки тагарским группы II/1: диаметр 14 см, высота кнопки 2 см, но она укреплена

⁴⁶⁵ Раскопки С. И. Вайнштейна, 1959 г. (архив ИА, р-1, д. 1958, стр. 78).

⁴⁶⁶ Раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г. Издано: Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 1.

⁴⁶⁷ Худоногова Красноярского района (МИМК ТГУ, без номера, в экспозиции): из раскопок В. В. Радлова в 1863 г. в Минусинском крае — р. Июс (ГИМ, хр. 85/п 24а, № 35).

⁴⁶⁸ МИМК ТГУ.

⁴⁶⁹ Раскопки П. С. Проскуракова, 1897 г. (ГИМ 36895, № 6).

⁴⁷⁰ Долина р. Абакан (ИМ-521-9); Большая Иня (ММ 4629).

⁴⁷¹ Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г. (ГИМ 42359, экспозиция V зала).

⁴⁷² Б. З. Рабинович, 1936, стр. 82, 84—88, 90.

не на четырех, а на двух ножках, и по краю зеркала идет бортик. Как мы видели, в группе II/1 бортика нет, он появляется позже, в группе II/2. Исходя из приведенных аналогий, группу II/1 можно датировать VII—VI вв. до н. э.⁴⁷³ Отсутствие зеркал типа II/1 в тагарских погребальных комплексах и их отличия по размерам и орнаменту от тагарских позволяет думать, что эти зеркала — импортные или изготовлены по импортным образцам. Поступали они не из Причерноморья, так как отличаются от причерноморских числом ножек, отсутствием бортика, орнаментом в виде свастики, а, по-видимому, из какого-то другого района, более близкого к Минусинской котловине. В этой связи интересна находка зеркала типа II/1 диаметром 13 см в Бийском округе на Алтае⁴⁷⁴. В Казахстане и Средней Азии подобных пока неизвестно.

В VI в. до н. э. на тагарских зеркалах типа II изредка появляется бортик, а кнопки украшаются изображением свернувшегося зверя. Может быть, зеркала группы II/2 — это вторичное проникновение с запада, и этим объясняется запоздалое появление бортика, столь свойственного зеркалам Алтая, Казахстана и Средней Азии. Вспомним, что в этот период в тагарские погребения зеркала с кнопкой все еще не кладут. Однако местные мастера начинают их осваивать: размеры зеркал типа II приближаются к размерам типичных тагарских типа I. С конца V до III в. до н. э. зеркала с кнопкой иногда кладут в погребения, но очень редко (на десятки зеркал с петелькой до нас дошло только два с кнопкой, найденных в курганах). Таким образом, эта форма зеркал на всем протяжении тагарской эпохи оставалась довольно чуждой тагарской культуре.

На одном зеркале кнопку заменяет фигурка кошачьего хищника, укрепленная на двух, а не на четырех ножках. Диаметр зеркала 6,3 см и толщина около 1 мм соответствуют V—IV вв. до н. э. Мотив стоящего хищника кошачьей породы появляется в тагарском зверином стиле в конце VI — начале V в. до н. э.; на нашем зеркале фигурка несколько деградировала. В связи с этим зеркалом рассмотрим еще одну группу — промежуточную между типами I и II. Это зеркало с ручкой из двух столбиков, поверх которых укреплена прямоугольная или неправильной формы пластинка, обычно узкая. Зеркала этой группы найдены в памятниках: Георгиевская гора, курган 7, погребение II; Самохвал, курган 8; зеркало из раскопок А. В. Адрианова в 1899 г. у Абаканской управы, номер кургана неизвестен (VI в. до н. э., по-видимому, вторая его половина)⁴⁷⁵, Малая Иня, курган 1, погребение I; курган 6, погребение I; курган 3, погребение II (V—IV вв. до н. э.)⁴⁷⁶, Частоостровское, курган 1⁴⁷⁷, Лепешки, могила 16⁴⁷⁸, Назаровское⁴⁷⁹ (III в. до н. э.) и некоторое количество из случайных находок. Эти зеркала существуют со второй половины VI в. до н. э. до конца тагарской эпохи — именно в тот период, когда тагарские мастера осваивали производство зеркал с кнопками. Можно думать, что здесь произошло своеобразное скрещение двух видов: с П-образной петелькой (которые особенно типичны для VII—VI вв. до н. э., но в некотором количестве бытовали до конца тагарской эпохи) и типа с кнопкой на четырех ножках.

⁴⁷³ Такое же зеркало из Сусловского могильника в Поволжье Б. З. Рабинович считает архаизирующим, как многие сарматские предметы (там же, стр. 86) и не принимает в расчет при датировке зеркал этого типа.

⁴⁷⁴ В. М. Флоринский, 1888, стр. 72, № 1286.

⁴⁷⁵ Раскопки С. В. Киселева, 1932 г. (ГИМ, хр. VII 47/86); раскопки А. В. Адрианова, 1894 г. (ГИМ, хр. 85/226, оп. 760/№ 35; ГИМ 39152, хр. 59/316, оп. 763/1).

⁴⁷⁶ Раскопки А. В. Адрианова, 1896 г. (ГИМ 40210, хр. 32/1, № 13; ГИМ 40210, хр. VII 47/19а).

⁴⁷⁷ Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г. (ГИМ 42359, хр. VII 47/4в, № 27, 33).

⁴⁷⁸ Раскопки С. А. Теплоухова, 1925 г. (ГЭ 4327/160).

⁴⁷⁹ Раскопки Д. А. Клеменца, 1888 г. (ГИМ 35187, хр. VII 47/3в — 4 зеркала)

Тип III — медалевидный, также чрезвычайно редко встречается в тагарских курганах: Тисуль I (Кемеровская область⁴⁸⁰, V—IV вв. до н. э.), «курган за поскотиной» у села Большой Барандат (там же)⁴⁸¹ и Назаровское (южнее Ачинска) — III в. до н. э. — все за пределами Минусинской котловины; речки, на которых они расположены, — притоки Чулыма, т. е. входят в систему Оби, а не Енисея. Случайных находок из Минусинской котловины очень мало (табл. 21, 16) — 6 экземпляров. Если даже добавить медалевидные привески с зооморфными ручками (табл. 34, 46) — также, по-видимому, зеркала, то и тогда общее число их будет лишь 16, тогда как зеркал с петелькой из случайных находок 269. Зеркала типа III характерны для многих соседних районов: Алтая (VII—VI вв. до н. э.)⁴⁸², Тувы, Восточного и Северного Казахстана⁴⁸³ (есть V—IV вв. до н. э.), Монголии⁴⁸⁴. Судя по тому, что медалевидные зеркала встречаются в памятниках окрестностей Минусинской котловины не ранее V в. до н. э., можно ставить в один ряд появление их и котлов савроматско-семиреченского типа, «алтайского» звериного стиля в тагарском искусстве и савромато-алтайского конского убора. Это подтверждает и «алтайский» звериный стиль на медалевидных зеркалах (табл. 34, 46). Аналогии: зеркало в Туве, из могилы 54 у села Туран, V в. до н. э.⁴⁸⁵, пряжка с очень близкими парными головками козлов в низовьях Сыр-Дарьи в могильнике Уйгарак⁴⁸⁶; на Алтае найдены медалевидные зеркала с ручками в виде кабана и головок хищных птиц⁴⁸⁷. Интересно, что на другие тагарские зеркала изображения животных в «алтайском» стиле не переходят: все зеркала типа I A украшены в «минусинском» стиле VI в. до н. э., а позже просто исчезают. Отметим полное отсутствие в Минусинской котловине зеркал с боковой ручкой, столь характерных для скифских и сарматских памятников и распространенных в самых разных районах, например в Средней Азии, в скифскую эпоху и раньше.

Рассмотрим происхождение тагарских зеркал.

Наиболее распространен тип I — с петелькой. Он известен и в дотагарских памятниках — лугавских (улус Федоров) и карасукских (Аскыз, Подкунский, Тесь, Усть-Тесь, Быстрая, Тукай)⁴⁸⁸. Могильник у улуса Федорова относится к самому началу карасукской эпохи, и, таким образом, в Минусинской котловине эти зеркала существуют с начала карасукской эпохи. Можно бы ограничиться утверждением, что тагарские зеркала с петелькой на обороте происходят от карасукских, но возникает вопрос: откуда появились такие же зеркала в Причерноморье, на Алтае, в Казахстане и Киргизии? Не попали же они во все эти области из Минусинской котловины? Они слишком характерны для всех этих культур, в то время как других типично тагарских вещей там нет. Надо выяснить поэтому, где бытовали такие зеркала в доскифское время. Они есть в каменных ящиках могильника Хуншаньхоу в Маньчжурии⁴⁸⁹, в Китае

⁴⁸⁰ Раскопки Г. О. Оссовского, 1895 г. (ГИМ, 35177, хр. VII 47/8в).

⁴⁸¹ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г. (ГИМ 36518, оп. 78, экспозиция V зала).

⁴⁸² Майэмир (А. В. Андрианов, 1916, стр. 37, рис. 19).

⁴⁸³ Н. Л. Членова, 1961, стр. 142—143.

⁴⁸⁴ Случайная находка (сообщение В. В. Волкова).

⁴⁸⁵ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, рис. 5 (раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г.).

⁴⁸⁶ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, 1963, стр. 51, рис. 22

справа.

⁴⁸⁷ ГИМ, экспозиция V зала.

⁴⁸⁸ Соответственно: могила I (И. П. Кузнецов-Красноярский, 1907, табл. IV, 5); могильник 3, могила 3, ограда в — раскопки В. П. Левашевой, 1930 г. (ГЭ 250-9); могила 6, погребение I — раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ 10962); могила 10 — раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ 10948); могила 6 — раскопки В. П. Левашевой, 1930 г. (ГЭ 248-47); ГИМ 64145.

⁴⁸⁹ N. E g a m i, S. M i z u n o, 1938, Pl. XXII; VII, 4; XI, I.

(Инь и Чжоу)⁴⁹⁰, в андроновских могильниках: Ближние Елбаны XIV (Северный Алтай)⁴⁹¹, Томский могильник (Малый мыс)⁴⁹², Атасу (Центральный Казахстан), Каракудук (Семиречье)⁴⁹³. Зеркала с петелькой, найдены в Киргизии в кладе у села Садовое (четырёхугольное, вторая половина II тыс. до н. э.)⁴⁹⁴, в андроновском могильнике Боровое (Северный Казахстан)⁴⁹⁵, Сангуыр (Центральный Казахстан, VIII—VII вв. до н. э.)⁴⁹⁶. Они были в Польше в эпоху средней и поздней бронзы⁴⁹⁷. Таким образом, зеркала с петелькой на обороте появляются не раньше середины II тыс. до н. э. Китайские зеркала должны быть исключены из числа возможных предков: все они с очень сложным и богатым орнаментом, в то время как любой орнамент на «степных» зеркалах того времени — чрезвычайная редкость; если бы эти зеркала происходили из Китая, орнамент не мог бы так бесследно исчезнуть.

Теоретически можно предположить, что родиной зеркал должен быть район, где они появляются раньше всего и где формы их достаточно многообразны. Наиболее ранние зеркала известны в следующих местах: Ур, царские гробницы (первая половина III тыс. до н. э.)⁴⁹⁸, Геоксюр (Южная Туркмения) — IV тыс. до н. э.⁴⁹⁹, Гиссар III (Северный Иран) — II тыс. до н. э.⁵⁰⁰ Зеркала из Ура — дисковидные, с боковой ручкой. Такие же есть и в Гиссаре III, но здесь вместе с ними были и простые дисковидные, без ручки, диаметром 20 см. Зеркало из Геоксура дисковидное, без ручки, с бортиком по краю, диаметром 15,2 см. Таким образом, возможной родиной зеркал оказывается Двуречье и Северный Иран: здесь они появляются раньше всего и нескольких типов: простые дисковидные, с боковой ручкой, с бортиком. Наиболее многочисленны и долговечны в этих местах зеркала с боковой ручкой; в позднее время ручка украшается фигуркой человека и т. п.⁵⁰¹ Зеркала с боковой ручкой очень рано проникают в Среднюю Азию (клады из Киргизии: Садовое, Сукулукский клад — вторая половина II тыс. до н. э.)⁵⁰², литейные формы с Дальверзинского и Чустского поселений в Фергане (конец II — начало I тыс. до н. э.)⁵⁰³ и доживают до скифского времени (Кокчетав)⁵⁰⁴. Они распространились также на запад, например в Грецию. К скифам Причерноморья они могли попасть как из Средней Азии, так и из Греции. Но восточнее Казахстана их как будто нет, если не считать зеркала с небольшим боковым черешком из второго Пазырыкского кургана⁵⁰⁵. Скорее всего, вариантом их были медалевидные зеркала, у которых боковая ручка превращена в петельку. Они ближе всего зеркалам с боковой ручкой, в которой бывает отверстие (например, Хурвин в Иране, могильник 29Б на р. Или в Казахстане). Зеркала из Жол-Кудука в Ка-

⁴⁹⁰ Эпоха Инь: Хоуцзяжуань (Chêng Tê-K'up, 1962, p. 172, fig. 40); эпоха Чжоу и Чжаньго (Г. Г. Стратанович, 1961, стр. 50, рис. 2), VIII в. до н. э. A. Bulling, 1960, Pl. 2, 6, 7; он же, 1955, p. 21, fig. 2; S. Umetahara, 1955, p. 244, fig. 3; p. 215, fig. 4.

⁴⁹¹ М. П. Грязнов, 1956, табл. III, 3.

⁴⁹² М. Н. Комарова, 1952, стр. 18, рис. 8, 4.

⁴⁹³ АКА, табл. VI, 31; табл. VIII, 28.

⁴⁹⁴ А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, 1956, стр. 41, рис. 5.

⁴⁹⁵ А. М. Оразбаев, 1958, стр. 290, табл. VIII, 17.

⁴⁹⁶ Раскопки А. Х. Маргулана, 1955 г.

⁴⁹⁷ J. Kostrzewski, 1914, стр. 45, рис. 127; стр. 62, рис. 189; W. Szafranski, 1955, Tabl. XXXVI, 491, 492.

⁴⁹⁸ L. Wooley, 1934, Pl. 230, U 11453, U. 11484. См. табл. 21, 11.

⁴⁹⁹ Раскопки В. И. Сариниди, 1963 г.

⁵⁰⁰ E. F. Schmidt, 1937, Pl. VII, H. 3192, H. 4872.

⁵⁰¹ Сналк В (R. Ghirshman, 1937, vol. II), Хурвина (L. Vanden-Berghe, 1958, pl. 157).

⁵⁰² А. Н. Бернштам, 1941, табл. I, внизу. См. табл. 21, 11.

⁵⁰³ Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 68—69, табл. XX, 4, 5.

⁵⁰⁴ М. П. Грязнов, 1956, стр. 12, рис. 3, 8; АКА, табл. VIII, 85.

⁵⁰⁵ С. И. Руденко, 1953, стр. 143, рис. 84.

захстане с коротким прямоугольным боковым выступом и отвертнем в нем⁵⁰⁶ и из села Вавилово с несколько более длинным выступом-ручкой с фигурными прорезями в нем⁵⁰⁷ (табл. 21, 14, 15) — промежуточная форма между зеркалами с боковой ручкой и медалевидными. Похоже, что эта промежуточная форма, как и медалевидные зеркала, возникла в районе Восточного Казахстана или Алтая, так как для других районов они не характерны и отсюда проникают в Минусинскую котловину, в Туву, Монголию и Ордос.

Зеркала с петелькой на обороте свойственны культурам «карасукского круга» и андроновским памятникам Казахстана и Алтая. По-видимому, это творчество степных племен второй половины II тыс. до н. э. под влиянием ранних североиранских дисковидных зеркал без бортика, к которым была приделана петелька по образцу полушаровидных бляшек-пуговиц — излюбленного украшения культур «карасукского круга». Местом изобретения этих зеркал была, скорее всего, Средняя Азия, откуда они быстро распространились по степной полосе в бронзовом веке. Зеркала с бортиком по краю и петелькой известны в Средней Азии (Уйгарак)⁵⁰⁸ и также могут рассматриваться как обработка зеркала с бортиком геоксюрского типа, сказавшаяся в том, что обратную сторону снабдили петелькой для привязывания ремешка. Ношение на поясе различных предметов — излюбленный обычай степных народов начиная с эпохи бронзы. По-видимому, уже в «обработанном» виде, т. е. с петелькой, эти зеркала с бортиком распространились из Средней Азии в Причерноморье (в скифских памятниках зеркала с петелькой на обороте все снабжены бортиками и все довольно крупных размеров).

В Минусинскую котловину зеркала с петелькой проникли еще с карасукской культурой; многие тагарские зеркала — их прямые потомки, так как унаследовали от карасукских небольшой диаметр, выпукло-вогнутую форму в некоторых случаях; трапециевидную и дуговидную форму петельки — как у карасукских зеркал и полушаровидных бляшек; орнамент из косых крестов, характерных для карасукской орнаментики. Зеркала же большего размера, с бортиком и с тупыми краями, с П-образной петелькой, вероятно, проникли в Минусинскую котловину из Средней Азии в VII в. до н. э., так как они найдены в комплексах VII в. до н. э. Преобладали в тагарской культуре, однако зеркала без бортиков. Иногда петелька у них зооморфная, в «минусинском» стиле. Однако сам принцип помещения на обратной стороне зеркала скульптурной фигуры животного вряд ли изобретен тагарцами. Дело в том, что в Иране и на Ближнем Востоке распространены были бронзовые или каменные крышки сосудов со скульптурной фигуркой животного наверху. Крышка из стеатита с фигуркой стоящего кабана из Северного Ирана (III—II тыс. до н. э., табл. 32, 1) очень похожа на тагарское зеркало. Вспомним, что на тагарских зеркалах в VI в. до н. э. помещались почти исключительно кабаны. О сходстве самой фигурки кабана на крышке с тагарскими фигурками см. в главе III. Э. Герцфельд сравнивал крышку из Тюренгтепе с крышкой с Мохлоса (раннеминойский II период). Однако, на мохлосской помещено какое-то другое животное⁵⁰⁹. В Северном Иране эти крышки бытовали и позже. Так, в Тепе, Гиссаре (1500—1200 гг. до н. э.) найдена медная крышка (блюдо?), диаметром 25 см, с высоким бортиком по краю, на дне которой помещено скульптурное изображение лежащего льва⁵¹⁰ в той же позе, как и хищник на упомянутом, очень крупном тагарском зеркале из села Никольского (диаметр 17,3 см), только

⁵⁰⁶ Е. И. Агеева, А. Г. Максимова, 1959, табл. 1, 58.

⁵⁰⁷ С. В. Киселев, 1949, табл. XXIX, 9 (район Семипалатинска).

⁵⁰⁸ Раскопки О. А. Вишневской, 1962 г.

⁵⁰⁹ E. Herzfeld, 1941, p. 121, fig. 235.

⁵¹⁰ M. Rogers Warren, 1938, p. 157; vol. IV, p. 22-D.

тут фигурка приподнята на четырех подставках (вариант зеркал с кнопкой на четырех ножках). Это зеркало намного превосходит по размерам другие тагарские зеркала. Поза животных ближе всего изображениям, выполненным в алтайском и ахеменидском стиле (см. главу III).

Можно думать, что «степные», «варварские» народы, знакомые с подобными крышками или блюдами Ирана, перенесли с них скульптуры зверей на свои зеркала, так как это вполне соответствовало их обычаю так украшать различные предметы. При этом они не изменили ни видов зверей, ни даже поз, в которых они изображались на далеком юго-западе, лишь чуть-чуть изменив стиль. При этом предположении более понятен бортик на многих тагарских, сакских и скифских зеркалах, где он совсем не нужен; на крышках и блюдах его практический смысл очевиден. Бортик на зеркалах изготовляли, видимо, по традиции. Это не противоречит и распространенному мнению, что первоначально зеркалами служили плоские блюда, в которые наливалась вода.

Происхождение тагарских зеркал с кнопками остается неясным. Для них пока нет прототипов. Но и они больше всего напоминают крышки⁵¹¹. Распространение этих зеркал в Минусинской котловине, в Причерноморье, на Северном Кавказе и в Поволжье позволяет предполагать и здесь какой-то общий источник. Они не распространялись из Минусинской котловины в Причерноморье или обратно: на западе всегда две ножки, на востоке — четыре, изредка три. Изображенные на кнопках свернувшиеся хищники — мотив, проникший в тагарское искусство из более западных районов в VI в. до н. э. Сама кнопка по форме близка грибовидным навершиям кинжалов, ножей, шильев и других предметов карасукской и родственных ей культур эпохи бронзы. Таким образом, можно думать, что зеркала эти появились в эпоху бронзы где-то между Минусинской котловиной и Причерноморьем, может быть, в Средней Азии, где существовали в нескольких вариантах — на двух, трех и четырех ножках, и отсюда распространились на запад и на восток. Ранний «восточный» вариант (с кнопкой на четырех ножках, большого диаметра — 13 см), к западу от Минусинской котловины известен, например, в Бийском округе (см. выше, стр. 87). Из более западных районов такие зеркала пока неизвестны. Наконец, в V в. до н. э. вместе с рядом других вещей в Минусинскую котловину проникли медалевидные зеркала со своей родины — Восточного Казахстана или Алтая.

Несколько слов о способе ношения зеркал людьми тагарской культуры. Прежде всего, это отнюдь не предметы женского туалета. В VII—VI вв. до н. э. из 21 случая, когда можно было установить пол погребенного, 16 — мужчины⁵¹². В V в. до н. э. распространяются коллективные погребения и, как правило, невозможно установить, какому из погребенных принадлежит какой инвентарь. Во всяком случае, в первой половине тагарской эпохи с зеркалами хоронили по преимуществу мужчин. К сожалению, автор не располагает аналогичными данными о погребениях скифов, сарматов и других современников носителей тагарской культуры, поэтому трудно сказать, особенность ли это тагарской культуры или общий обычай «скифского мира». В шестнадцати случаях в петельку зеркала был продет кожаный ремешок, и в одном — шерстяной плетёный шнурок⁵¹³. Ими зеркала, очевидно, прикреплялись к поясу. Там, где это можно установить, они находились возле тазовых костей или возле нижних ребер. Так же носили зеркала и люди из Северо-Восточного

⁵¹¹ Ср. описание такого зеркала (В. М. Флоринский, 1888, стр. 72); «№ 1286. Круглая пластинка (крышка?) из красной меди диаметром 13 см, с ручкой наверху, состоящей из четырех вертикальных столбиков, накрытых круглой бляшкой (вроде табурета)».

⁵¹² Благодарю В. П. Алексеева за сведения относительно пола погребенных.

⁵¹³ Назаровское, раскопки Д. А. Клеменца, 1888 г. (ГИМ 35187, хр. VII 47/2в).

Казахстана⁵¹⁴ и Горного Алтая⁵¹⁵. В скифских же погребениях зеркала с петелькой на обороте находят у кисти руки⁵¹⁶, а люди лугавской и карасукской культуры носили их на груди⁵¹⁷.

Тагарские бронзовые котлы

К числу «общескифских» предметов тагарской культуры относятся и бронзовые котлы в форме открытого кубка на высоком поддоне, как и котлы «скифского» типа из других районов Евразии.

Бронзовые «скифские» котлы уже давно привлекали исследователей. Еще в 1897 г. П. Рейнеке сравнивал их с китайскими бронзовыми сосудами середины II тыс. до н. э. и на основании того, что последние значительно древнее скифских, считал, что от китайских сосудов происходят сибирские бронзовые котлы, которые затем попали в Причерноморье⁵¹⁸. Одновременно с П. Рейнеке Н. М. Ядринцев выступил с мнением, что причерноморские «скифские» котлы восточного, точнее, сибирского происхождения⁵¹⁹. Доклад Н. М. Ядринцева имеет для нас большую ценность вследствие лучшей информации его о сибирских древностях. В 1910 г. о сибирских бронзовых котлах писал В. А. Городцов: «В южную Россию одноногие котлы (т. е. котлы на поддонах.— Н. Ч.) впервые попадают вместе со скифами приблизительно в VIII в. до н. э., а кончают свое существование с нашествием готов в III в. н. э.»⁵²⁰. Одновременно он отмечает обе основные формы котлов: на поддоне и на трех ножках — в Египте, Месопотамии и Туране еще в эпоху бронзы, в то время как в евразийских степях они относятся к железной эпохе. Китайские бронзовые сосуды В. А. Городцов не ставит в связь со скифо-сибирскими котлами. Раздел о котлах подтверждает общий вывод В. А. Городцова о том, что «сибирская культура поры бронзовых орудий, несомненно, возникает под влиянием среднеазиатской, а развивается под сложным влиянием среднеазиатской и китайской культур»⁵²¹. Ко времени выхода книги В. А. Городцова не было известно еще в евразийских степях котлов VIII в. до н. э.; они найдены значительно позже. Э. Миннз, согласно своей концепции о происхождении скифской культуры из Сибири, считал родиной скифских котлов Минусинскую котловину, так как только здесь были глиняные вазы того же типа, что и котлы, а, следовательно, последние подражают этой керамической форме⁵²². А. М. Талльгрэн считал, что родина сибирских котлов — скорее всего Средняя Азия, в Китае нельзя искать их родину: китайские сосуды не похожи на скифские⁵²³. Г. П. Сосновский, повторив выводы В. А. Городцова о распространении и датировке котлов в евразийских степях, предположил, что сибирские котлы древнее южнорусских⁵²⁴. Е. Ю. Спасская пришла к выводу, что бронзовые котлы — изобретение кочевников степей, так как очень удобны при кочевом быте⁵²⁵.

Остановимся здесь лишь на точке зрения Э. Миннза, явно устаревшей. Согласно современной хронологии Минусинской котловины, котловидные

⁵¹⁴ Тасмола, курган 19 (М. К. Кадырбаев, 1962, стр. 74, рис. 3).

⁵¹⁵ Солонечный белок, курган 3 (А. В. Адрианов, 1916, стр. 28).

⁵¹⁶ Хутор Поповка I, курган 6; Смела III, 1901, стр. 72.

⁵¹⁷ Улус Федоров, могила 11 (А. Н. Липский, 1963, стр. 87, табл. 14, 1); Тесь, могила 6, погребение 1 (С. В. Киселев, 1929, стр. 79); Аскыз, могила I (И. П. Кузнецов - Красноярский, 1907, стр. 6).

⁵¹⁸ P. Reinecke, 1897.

⁵¹⁹ Н. М. Ядринцев, 1897, стр. 176—177.

⁵²⁰ В. А. Городцов, 1910, стр. 207.

⁵²¹ Там же, стр. 197.

⁵²² E. H. Minns, 1913, p. 80, 246.

⁵²³ A. M. Tallgren, 1917, p. 59.

⁵²⁴ Г. П. Сосновский, 1923, стр. 18.

⁵²⁵ Е. Ю. Спасская, 1956, стр. 157.

керамические сосуды с ручками характерны для конца тагарской и таштыкской культуры, и приводимый Э. Миннзом в качестве аналогии бронзовому котлу керамический сосуд — таштыкский. На всем протяжении тагарской эпохи бытуют керамические кубки на поддонах, но без ручек, но даже и они характерны главным образом для второй половины тагарской эпохи (см. ниже, гл. IV). Таким образом, керамические «котлы» с ручками подражают бронзовым, а не наоборот, как полагал Э. Миннз. Однако точка зрения Э. Миннза оказала большое влияние на исследователей, датировавших тагарские бронзовые котлы. С. А. Теплоухов поместил их во второй этап минусинской курганной (т. е. тагарской) культуры⁵²⁶, а М. П. Грязнов считал, что они появляются в последних веках до нашей эры или на рубеже нашей эры⁵²⁷.

Все бронзовые тагарские котлы можно разбить на две большие группы по форме подставки, в соответствии с классификацией Е. Ю. Спаской: тип А — на полом коническом поддоне и тип В — без поддона или на трех ножках. К типу А относятся открытые полушаровидные или яйцевидные чаши без горла, с кольцевидными или дуговидными вертикальными ручками, прикрепленными на верхнем краю сосуда (табл. 18, 1—17). К типу В — чаши округлые, не шаровидные, а сплюснутые, так что ширина сосуда превышает высоту. У них невысокая шейка, вертикальная или расширенная вверх, ручки горизонтальные и помещены на тулове, а не у верхнего края (табл. 19, 1, 2).

Тип А делится на две разновидности: А/1 — без носика, А/II и А/III — с носиком. Первая — наиболее многочисленная (89 экземпляров)⁵²⁸. Ручки бывают кольцевидные, подковообразные или в виде фигурок стоящих животных (табл. 18, 1—12, табл. 33, 6). Кольцевидные прикреплены либо так, что все кольцо возвышается над краем котла (табл. 18, 3—5), либо так, что верхняя половина кольца возвышается над краем, а нижняя прикреплена к тулову (табл. 18, 1, 2). В обоих случаях, по мнению Ю. С. Гришина, формы для ручек изготовлялись отдельно⁵²⁹. Из трех котлов с кольчатыми ручками, целиком возвышающимися над краем (группа А I/4), два — с высоким яйцевидным туловом, очень напоминающим форму тагарских глиняных банок. Вдоль верхнего края расположен орнамент из трех или четырех рядов выпуклых поясков, имитирующий желобчатый на тагарской керамике (табл. 18, 3, 4). На тулове одного из сосудов — две дополнительные вертикальные петельки. Поддоны обычно низкие, конические, сильно расширенные книзу. Эти котлы — по-видимому, тагарская обработка котлов «скифского» типа в духе местной баночной керамики. Точных аналогий им в других районах скифского мира неизвестно. Третий котел по форме приближается к полушару. В верхней трети его — рельефный поясок. Поддон необычайно высокий, конический, но сравнительно слабо расширен (табл. 18, 5). По форме больше всего он напоминает керамические кубки из Дандыбая в Центральном Казахстане, VIII—VII вв. до н. э. (у тагарских керамических кубков VII—VI вв. до н. э. поддоны гораздо ниже).

Группа котлов А I/1 с кольчатыми ручками, у которых нижняя половина кольца укреплена на тулове, более многочисленна (19 экземпляров). Кольцо-ручка обычно украшено одним-двумя концентрическими желобками (табл. 18, 1, 2) и иногда одним или тремя грибовидными выступами (табл. 18, 1, 2). Форма тулова полуяйцевидная или близкая к полушару. В верхней части его бывает два выпуклых кольцевых пояска, иногда с косыми насечками, имитирующими шнур (табл. 18, 1). На котле из Шалаболинского клада поверх таких «шнуров» еще выпуклые стрело-

⁵²⁶ С. А. Теплоухов, 1929, стр. 53, табл. I, рис. 79.

⁵²⁷ М. П. Грязнов, 1933, стр. 45.

⁵²⁸ По данным ГИМ, ММ, ИМ и коллекции И. П. Товостина в Хельсинки.

⁵²⁹ Ю. С. Гришин, 1960, стр. 167—170.

видные фигуры (табл. 18, 1). Поддоны высокие, конические, сильно расширенные книзу. Один из котлов этой группы очень напоминает тагарский керамический сосуд: у него высокое вытянутое тулово, бортик утолщен и скошен наружу, а вверху тулова — три ряда выпуклых поясков.

Группа А I/2 (22 экземпляра) с ручками в виде незамкнутого кольца или подковообразными. Происхождение ее от предыдущей вне сомнений. Некоторые ручки образуют почти замкнутое кольцо с небольшим разрывом в нижней части (табл. 18, 6); у других разрыв значительнее; у третьих ручки сразу изготовлялись в форме подковы (табл. 18, 8). Они также, как правило, украшены концентрическими желобками и часто снабжены одним или тремя гвоздевидными выступами. Форма тулова такая же, как у котлов группы А I/1, и они часто украшались «шнуром» или просто выпуклыми поясками, но поддоны меньше расширены книзу, приближаясь к цилиндрическим.

Следующая группа (А I/3) восходит к предыдущей. Ручки подковообразные или дуговидные; концы их укреплены иногда на тулове котла, а иногда на верхнем краю. Ручки уже без орнамента из концентрических желобков, и только на двух из 13 экземпляров по одному гвоздевидному выступу. Часто на тулове сохраняются рельефные пояски, но само оно делается более шаровидным. Поддон узкий, низкий, почти цилиндрический (табл. 18, 10, 12).

В группе А I выделяется еще подгруппа А I/5 (3 экземпляра) с ручками в виде стоящих животных: козлов (табл. 18, 9), лошадей (табл. 33, 6), оленей⁵³⁰. Они прикреплены по-разному; те, что в виде козлов и лошадей, имеют длинные выступы — продолжения ног, которые и прикреплены к верхней части тулова котла; поэтому такие котлы можно сопоставлять с котлами, у которых так же крепились подковообразные и дуговидные ручки. Не противоречит этому сопоставлению и форма тулова и поддона. Ручка же в виде оленя укреплялась на краю котла, и ее можно сопоставить с более поздними дуговидными ручками, крепившимися так же.

Как уже говорилось, все тагарские котлы — случайные находки. Клад из четырех котлов из окрестностей Шалаболина⁵³¹ также не содержал других вещей. Поэтому при решении вопросов датировки должны использоваться аналогии. Датировка котлов «скифского» типа из Минусинской котловины только концом тагарской эпохи (С. А. Теплоухов, М. П. Грязнов) нуждается в пересмотре. При сравнении тагарских котлов с находками из более западных районов выявляются чрезвычайно сходные, иногда тождественные детали, исключаящие хронологический разрыв в три-четыре столетия. Так, котлы с кольцевыми ручками, возвышающимися над краем наполовину (группа А I/1; табл. 18, 1, 2), аналогичны найденным на Бештау на Северном Кавказе (один — в прекрасно датированном комплексе VIII «и, может быть, начала VII в. до н. э.»⁵³²). Сходство проявляется и в наличии двух концентрических желобков, гвоздевидного выступа на ручке и в форме тулова и поддона (табл. 20, 1). Подобные же котлы найдены в Поднепровье и в Волгоградской области⁵³³. Котел другой формы, но с такими же кольцевыми ручками с двумя желобками найден в поселке Тюячи в Фергане; его справедливо сравнивали с северокавказскими⁵³⁴. Котел с кольцевыми ручками с тремя гвоздевидными выступами найден на Красногоркинском селище на реке Чулыме⁵³⁵. Есть все основания считать, что и ми-

⁵³⁰ Н. Л. Членова, 1962, табл. V, рис. 7.

⁵³¹ В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон, 1952.

⁵³² А. А. Иессен, 1954, рис. 13, 15; стр. 124—127.

⁵³³ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 204; В. А. Филиппченко, 1962, стр. 277, рис. 1—3.

⁵³⁴ Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 164.

⁵³⁵ А. П. Дульзон, 1953, стр. 222, рис. 24; он же, 1956, стр. 134—135.

нусинские котлы с кольцевыми ручками с желобками появились в VIII—начале VII в. до н. э. Бытовать они могли и несколько позднее, особенно когда служили предметами культа. Так, один из них найден в Шалаболинском кладе, другие котлы которого принадлежат к несколько более поздним типам. На корпусе котла есть заплата — свидетельство долговременного употребления⁵³⁶.

Рассматриваемый вариант, безусловно, должен быть очень близок по времени котлам с кольцевой ручкой без желобков, но также с грибовидными выступами⁵³⁷. Аналогии им известны в Северном и Восточном Казахстане⁵³⁸. Но они, как и минусинские, — случайные находки. На раннюю дату этой формы (VII—VI вв. до н. э.) указывает ее положение между предыдущей группой и последующей с подковообразными ручками с выступами, которые появляются в начале VI в. до н. э. Раннетагарским временем (до начала VI в. до н. э.) датируются также котлы группы А 1/4 (табл. 18, 3—5): во всех более поздних группах ручки уже подковообразные или дуговидные, и форма одного из таких котлов напоминает кубок из Дандыбая VIII—VII вв. до н. э. Аналогичный котел найден в Восточном Казахстане, в районе Усть-Каменогорска⁵³⁹. Относящийся к этой же группе тагарский котел с дополнительными вертикальными ушками на корпусе также заставляет вспомнить Казахстан и Киргизию: котлам оттуда очень свойственны такие ушки⁵⁴⁰. Таким образом, эта группа отчетливо вызывает в памяти казахстанские аналогии; но тип подвергся и достаточно сильной минусинской обработке, что сказалось и в изменении формы корпуса, ставшего близким тагарским банкам, и в перемещении орнамента из выпуклых поясков (который вообще-то свойствен котлам многих районов скифского мира) к верхнему краю, так что он теперь имитирует желобки тагарской керамики. Тип тагарской баночной желобчатой керамики сложился еще на ильинском этапе предтагарского времени (около IX—VIII вв. до н. э.). Это не противоречит предположению о появлении котлов данного типа в VIII—VII вв. до н. э.

Дата группы А 1/2 определяется тесной связью ее и происхождением от группы с кольцевыми ручками. Поскольку кольцо-ручка неподвижно приделано к корпусу, надобность именно в кольцевой форме быстро исчезает, и ручка превращается в подковообразную. Известны многочисленные аналогичные скифские котлы начала VI в. до н. э. (Мартоноша и др.). Сходство распространяется и на форму тулова и поддона, и на форму ручек, часто украшенных гвоздевидными выступами⁵⁴¹. Для архаических скифских котлов типичен орнамент в виде рельефных зигзаговых линий⁵⁴², он есть и на некоторых минусинских⁵⁴³. Но характерны и отличия: так, поддоны скифских котлов сверху и внизу часто украшены одним-двумя рядами горизонтальных выпуклых «шнуров», чего никогда не бывает на минусинских; напротив, петля из «шнура», украшающего корпус минусинских котлов, никогда не встречается на скифских⁵⁴⁴. Выступы на ручках тагарских котлов — с грибовидными шляпками, столь излюбленными в Минусинской котловине в карасукскую и раннетагарскую эпоху, а на скифских концы выступов закруглены или плоские. Котлы такого типа известны и с территории савроматов,

⁵³⁶ В. П. Левашева. Э. Р. Рыгдылон, 1952, стр. 132—133.

⁵³⁷ Например, ММ 10089, 10059, 10061, 10095.

⁵³⁸ Е. Ю. Спасская, 1958, стр. 190.

⁵³⁹ Е. Ю. Спасская, 1956, табл. 1—25.

⁵⁴⁰ См. обе указанные работы Е. Ю. Спасской (1956, 1958).

⁵⁴¹ Б. А. Шрамко, 1953; Э. И. Дьямант, 1962, стр. 203, 204.

⁵⁴² А. П. Манцевич, 1961, стр. 146; рис. 5; стр. 147, рис. 6, 7.

⁵⁴³ Д. А. Клеменц, 1886, атлас, табл. XIII, рис. 4, а также в экспозиции ИМ.

⁵⁴⁴ Б. А. Шрамко, 1953.

но из случайных находок. Выступы их заканчиваются плоскими круглыми шляпками. Любопытно, что у сарматов в Причерноморье такой тип котлов с подковообразными ручками с гвоздевидными выступами сохранился необычайно долго — до I—II вв. н. э., когда на востоке давно уже господствовали котлы гуннского типа. На эту архаичность сарматских котлов обратил внимание Б. А. Шрамко, указавший и отличие их от скифских: шляпки на выступах не выпуклые, грибовидные, а напротив, с небольшими воронкообразными углублениями⁵⁴⁵. Укажем и другое отличие: корпус этих сарматских котлов приближается к сферическому. Эта форма повсеместно распространилась со второй половины скифской эпохи, в то время как корпус ранних котлов — полусферический или рюмковидный. Эти сарматские котлы, реминисценции скифских, не могут приниматься во внимание при датировке тагарских, которые по всем деталям сближаются с ранними скифскими.

Датировать тагарские котлы группы А I/2 помогают и некоторые другие данные. В Ассирии в IX—VII вв. до н. э. распространены серьги в виде подковки или полумесяца с гвоздевидными выступами, в точности напоминающие ручки котлов⁵⁴⁶. В Ассирии так изображали символ Луны. С другой стороны, кольцо с тремя полукруглыми выступами — обычное навершие ножей конца карасукской культуры (табл. 20, 15, 16)⁵⁴⁷, но сейчас трудно назвать их абсолютную дату; возможно, что это также VIII в. до н. э. Любопытно, что на многих карасукских ножах такое навершие сочетается с двумя-тремя рядами помещенного на ручке выпуклого орнамента, имитации шнура⁵⁴⁸. Можно думать, что в IX—VII вв. до н. э. на Среднем Востоке и в Сибири широко распространяется «мода» на новый тип украшения — кольца и полукольца с торчащими из него гвоздевидными выступами. Эта фигура первоначально была ассирийским символом Луны, но затем ее стали применять просто в качестве формы серег и украшений различных предметов — ножей, шильев, ручек котлов. Осмыслился ли этот знак как символ Луны и в евразийских степях или значение его было здесь забыто — трудно сказать. Как известно, это далеко не единственный символ небесного светила, попавший с Древнего Востока в евразийские степи: вспомним свастику и т. д.

Котлы группы А I/2 очень широко распространены по Сибири. Один из них обнаружен в Туруханске, в низовьях Енисея⁵⁴⁹. Такой же с выступом на ручке и с двумя рядами шнурового орнамента, образующего под одной из ручек две петли, найден в окрестностях Канска⁵⁵⁰; у котла, найденного близ Киренска бывшей Иркутской губернии, дуговидные ручки с тремя гвоздевидными выступами, а на тулове три ряда шнурового орнамента⁵⁵¹. В Прибайкалье, в деревне Шукиной на Ангаре, найден архаический котел с кольцевыми ручками (без желобков) с тремя гвоздевидными выступами⁵⁵². На скалах Прибайкалья изображены красной краской котлы с выступами на ручках⁵⁵³. Котел с орнаментом в виде зигзаговой полосы между двумя горизонтальными линиями близ верхнего

⁵⁴⁵ Б. А. Шрамко, 1953.

⁵⁴⁶ См., например, ассирийский рельеф из Хорсабада конца VIII в. до н. э. (К. R. Maxwell-Hyslop, 1956, p. 152, fig. 2); рельеф из дворца Ашурназирпала II в Нимруде, первая половина IX в. до н. э. (R. D. Barnett, 1950, Abb. 16, серьги в ушах второго человека слева) и серьги с рельефов Ниневии VII в. до н. э. (P. E. Votta, E. Flandin, 1849, pl. 161, e. a.).

⁵⁴⁷ М. Д. Хлобыстина, 1962, стр. 19, табл. 1; стр. 20, табл. 2 (группа VI).

⁵⁴⁸ Минусинский край (ГИМ, хр. 21/3); деревня Городок (ММ 1375); Абакан, погребение 15 (А. Н. Липский, 1956а, стр. 133, табл. 9, рис. 3).

⁵⁴⁹ Vêla Pôsta, 1905, S. 531, Abb. 297.

⁵⁵⁰ Кан М. № 580. Высота котла 28,5 см.

⁵⁵¹ Б. Э. Петри, 1922, стр. 22; Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших, 1959, стр. 255, рис. 1, 1.

⁵⁵² Там же, рис. 1, 2.

⁵⁵³ Там же, стр. 258.

края найден у Курмы в Прибайкалье⁵⁵⁴; орнамент этот архаический, и находка должна быть отнесена к началу тагарской эпохи. Архаический котел с подковообразной ручкой с желобком и гвоздевидным выступом, с двумя рядами шнурового орнамента по тулову обнаружен в верховьях реки Мархи в Якутии⁵⁵⁵. У всех этих восточносибирских находок отмечены основные характерные признаки котлов тагарских, и происходят они, скорее всего, из Минусинской котловины, к чему уже давно склонялись исследователи⁵⁵⁶.

Сложнее с котлами, найденными к западу от Минусинской котловины. Некоторые из них относятся к типу с подковообразными ручками с гвоздевидными выступами и несколькими рядами шнурового орнамента по тулову. Три таких котла найдены на Алтае у деревни Тулитинки, один — в деревне Колотовской Томской губернии⁵⁵⁷, один — в Тобольске⁵⁵⁸, один в неизвестном месте (видимо, в Западной Сибири; хранится в Тобольском музее⁵⁵⁹), два — в кургане у деревни Ключевской Курганского округа (в комплексе с котлом другого типа, о котором будет сказано ниже)⁵⁶⁰; дата курганной группы — V в. до н. э.; наконец, один котел — в кургане у села Замараева близ Шадринска. В лесную полосу, в Тобольскую и Томскую области, несомненно, котлы попали из более южных районов, однако необязательно из Минусинской котловины. Неминусинское происхождение их подтверждается совместным нахождением их с котлами, ближе всего стоящими к казахстанским и сарматским. Эти неминусинские западносибирские котлы рассмотрим ниже.

К сожалению, о форме многих «скифских» котлов из Западной Сибири у автора нет сведений. Известно, что один обнаружен в Кулундинской степи⁵⁶¹, обломки другого — в Кузнецком округе⁵⁶², девять котлов — в Томской области (два — на горе Кулайка, один — на реке Бокчар⁵⁶³, один — в устье реки Чижапки, притока Васюгана⁵⁶⁴, один — у деревни Митрофановки (Чулым)⁵⁶⁵, обломок котла — на Шаманском мысе, два у села Старый Васюган⁵⁶⁶, один — в Белом Яру на Чульме)⁵⁶⁷. Еще несколько котлов неизвестного происхождения хранится в МИМК ТГУ⁵⁶⁸; три найдены в курганах Ишимского округа⁵⁶⁹.

Котлы с зооморфными ручками стоят несколько в стороне от основной линии развития тагарских котлов. Дата их определяется на основании стиля, в котором изображены животные, и аналогий из других районов. Ручки в виде козлов (табл. 18, 9) выполнены в типичном «минусинском» стиле VI в. до н. э. (см. гл. III). Типичны они и для архаических скифских котлов (Келермес⁵⁷⁰, первая четверть VI в. до н. э., что подтверждает дату). Ручки в виде лошадей (табл. 33, 6) по стилю также датируются VI в. до н. э. Два таких котла случайно найдены в

⁵⁵⁴ Н. Н. Агапитов, 1881, стр. 18.

⁵⁵⁵ А. П. Окладников, т. I, 1955, стр. 176, рис. 59, 2.

⁵⁵⁶ Г. П. Сосновский, 1923, стр. 18; А. П. Окладников, т. I, 1955, стр. 177.

⁵⁵⁷ В. Флоринский, 1888, стр. 80 (№ 1483), стр. 81 (№ 1486, 1487) и стр. 80 (№ 1484).

⁵⁵⁸ В. И. Мошинская, 1953, стр. 202, рис. 5.

⁵⁵⁹ *Béla Pösta*, 1905, Bd. IV, S. 536—537, Abb. 300, 300a.

⁵⁶⁰ Н. А. Лыткин, 1890, стр. 12, № 606, 608.

⁵⁶¹ В. Флоринский, 1890, стр. 377, № 4954.

⁵⁶² В. М. Флоринский, 1888, стр. 72, № 1284.

⁵⁶³ И. М. Мягков, 1929, стр. 80.

⁵⁶⁴ А. Ф. Плотников, 1901, стр. 192.

⁵⁶⁵ А. П. Дульзон, 1956, стр. 149.

⁵⁶⁶ Там же, стр. 213.

⁵⁶⁷ Р. А. Ураев, 1956, стр. 332, № 614.

⁵⁶⁸ Инвентарная книга МИМК ТГУ. № 5, находки № 6158/5, 6160/7, 6163/10 и 6190.

⁵⁶⁹ В. П. Левашева, 1928, стр. 193, 195.

⁵⁷⁰ Г. И. Боровка, 1922, стр. 195; А. П. Манцевич, 1961, стр. 146, рис. 5; стр. 147, рис. 7, 8.

Западной Сибири; один в деревне Кольвань в Томской области⁵⁷¹; ручка в виде коня от другого из них найдена в бывшем Барнаульском округе⁵⁷². Кольванский котел очень близок тагарскому. Ручка в виде оленя датируется по стилю изображения оленя V—IV вв. до н. э.⁵⁷³

Группа котлов (А I/3) с дуговидными ручками, без грибовидных отростков (табл. 18, 10—12, 18) генетически связана с группой А I/2, довольно широко распространенной в степях Евразии, и трудно сказать, происходит ли группа А I/3 от местного минусинского варианта или варианта с какой-либо другой территории. Скорее, они местного, минусинского происхождения. Один из котлов еще орнаментирован «шнуром» на тулове, поддоны их конические (табл. 18, 10). Вероятно, они наиболее ранние в группе. У самых поздних форма тулова более близка цилиндрической или шаровидной, орнаментального шнура нет, поддон цилиндрический, низкий (табл. 18, 12). Этот последний тип очень близок сарматским котлам, например котлу из кургана В4 на Торгуне, Нижнее Поволжье⁵⁷⁴ (рубеж IV и III вв. до н. э.). Это, по-видимому, нижняя дата группы. Она, вероятно, существовала в течение V—IV вв. до н. э. Концы ручек некоторых котлов загибаются вверх (табл. 18, 18) и в одном случае сочетаются с почти шаровидной формой тулова⁵⁷⁵, характерной для скифских и савроматских котлов IV в. до н. э. (например из Чертомлыка)⁵⁷⁶, котлов из Казахстана и Киргизии того же времени⁵⁷⁷. Наконец, у одного из минусинских котлов концы ручек образуют развилки, закрученные и загнутые вверх, что сближает его с котлом из Нижнеудинска, найденным с другим, украшенным арочным орнаментом уже гуннского типа⁵⁷⁸. Не исключено, что данный котел относится к III в. до н. э.

Группа А I/3 сближается с котлами Восточного Казахстана по форме корпуса, поддона и особенностей веревочного орнамента⁵⁷⁹. В отличие от орнамента архаических тагарских котлов, где «шнур» как бы сложен вдвое и под одной из ручек образует одну или две петли, здесь петель нет, но хорошо видны узлы; иногда шнуры пересекаются. Это характерно для котлов Казахстана, в особенности Семиречья, на что обратила внимание Е. Ю. Спасская, предположившая, что первоначально шнуром связывали модель, оттиски его получались случайно и лишь позже он стал применяться специально для орнаментирования. Некоторые из описанных котлов, найденных в Минусинской котловине, могут быть просто импортом из Казахстана, другие подражают им. Кроме того, эти минусинские котлы (А I/3) по форме тулова и ручек ближе всего к минусинским типа В, имеющим уже все казахстанские и савроматские особенности.

Тип А II — Котлы с полусферическим туловом и открытым носиком-сливом (5 экземпляров)⁵⁸⁰. На тулове обычно шнуровой орнамент архаического типа (шнурок «сложен вдвое», концы образуют петли). Ручки помещены на верхнем краю сосуда, они в виде незамкнутого кольца (табл. 18, 16) или дугообразные. Все ручки без желобков и гвоздевид-

⁵⁷¹ И. М. Мягков, 1929, стр. 80, рис. 2.

⁵⁷² В. М. Флоринский, 1888, стр. 72, № 1290. У Е. Ю. Спасской (1956) ошибочно указано, что ручка происходит из Семиреченской области.

⁵⁷³ Н. Л. Членова, 1962, стр. 203, табл. V, 7; стр. 186, 193, 175.

⁵⁷⁴ P. Ra u, 1927, S. 35, Abb. 46.

⁵⁷⁵ ММ 10060.

⁵⁷⁶ А. П. Манцев и ч, 1961, стр. 146, рис. 4; Б. А. Шрамко, 1953.

⁵⁷⁷ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 43—44; Е. Ю. Спасская, 1956, стр. 167.

⁵⁷⁸ Э. Р. Рыгдылов, П. П. Хороших, 1959, стр. 256, рис. 3, 2.

⁵⁷⁹ ГИМ, экспозиция V зала; деревня Тагашет (ММ 10084).

⁵⁸⁰ Кроме упоминавшихся уже котлов из Ачинского округа, Шалаболина и Салбы, еще котел, хранящийся в ГИМ (№ 47068) и из коллекции И. П. Товостина в Хельсинках (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. XII, 25; fig. 62, 3).

ных выступов. В двух случаях они оригинальной формы: дуга, укрепленная на тулове горизонтально, а к середине ее сверху или снизу прикреплена еще одна полудуга, перпендикулярно к первой (табл. 18, 13, 14). Поддон конический. По форме ручек котлы с открытым сливом делятся на две группы: два котла (А II/1) с трехстержневыми ручками. Аналогий с других территорий нет, и единственное основание для их датировки — находка одного из них в Шалаболинском кладе, три остальных котла которого — с кольцевыми архаическими ручками — датируются VIII в. до н. э., не позже VII в. до н. э. Дата группы А II/2 (с обычными ручками, в виде незамкнутого кольца или дуговидными) определяется на основании сходства формы их полусферического корпуса, конического поддона и шнурового архаического орнамента с этими же деталями группы А I/1 и А I/2; но эти детали встречаются еще и на ранних экземплярах группы А I/3. Подковообразные ручки без гвоздевидных выступов характерны для группы А I/2, а дуговидные без выступов — для А I/3. Сочетание деталей, характерных для поздних экземпляров группы А I/2 и для ранних группы А I/3, позволяет датировать рассматриваемую группу А II/2 VI—V вв. до н. э.

Тип А III (1 экз.). Корпус его полусферический; носик закрытый, в виде дуговидной трубочки. Ручки из трех стержней. Кроме того, у котла еще два вертикальных ушка, одно спереди под носиком, другое сзади. На тулове орнамент — два ряда «шнура». Поддон конический (табл. 18, 17). Явные признаки сходства с котлами А II/1 дают дату VIII—VII вв. до н. э. Быть может, такие котлы бытовали и позже, но пока нет данных для такого утверждения. Котлы с носиками (АII и АIII) не находят параллелей в Причерноморье. Многие их детали — форма тулова, орнамент (сложенный шнур), вертикальные ручки — типично тагарские, почему они и включены в тип А, объединяющий наиболее характерные тагарские котлы. Но другие детали — носики, открытые и закрытые; вертикальные ушки на тулове; горизонтальные ручки (правда, с дополнением в виде вертикальной ручки, не встречающейся больше нигде) — указывают на казахстанское влияние. Котлы с закрытыми изогнутыми носиками и с горизонтальными ручками, один на поддоне, другой без поддона, найдены у села Алексеевки и у поселка Талгар Алма-Атинской области⁵⁸¹. Котел очень близкой формы, но с открытым носиком, с двумя боковыми горизонтальными ручками и вертикальным ушком сзади, хранится в Алма-Атинском музее⁵⁸², котел с открытым носиком-сливом найден на реке Бала-Чилек в Восточно-Казахстанской области⁵⁸³. Небольшой котелок со сферическим туловом, сплюснутым сверху, без поддона, с длинной боковой ручкой и длинным открытым носиком, найден у Новоалексеевского могильника на реке Или⁵⁸⁴. Котелки такой формы встречаются и в Поволжье в сарматскую эпоху⁵⁸⁵.

У котлов типа А при всем их сходстве со скифскими из Причерноморья и Средней Азии свои отличия, типичные только для Минусинской котловины, позволяющие выделить их в особую группу. Они появляются в VIII в. до н. э., причем самые ранние чрезвычайно сходны с котлами с Северного Кавказа, и далее развиваются на месте, испытывая, однако, влияние Казахстана; тем не менее общий вид их остается местным, тагарским. Так продолжалось, видимо, до V—IV вв. до н. э., когда котлы вдруг теряют тагарский облик, меняют формы, пропорции и орнамент и становятся столь похожими на котлы из области савроматов, что труд-

⁵⁸¹ Е. Ю. Спасская, 1956, табл. I, 23; она же, 1958, стр. 182, № 31.

⁵⁸² А. Н. Бернштам, 1952, рис. 21, нижний ряд, в середине.

⁵⁸³ АКА, стр. 364, № 279.

⁵⁸⁴ И. И. Копылов, 1958, стр. 172, табл. III, 2.

⁵⁸⁵ Село Салтово Самарской губернии (ГИМ 44831); село Рахинка Астраханской губернии (А. А. Спицын, 1915, стр. 232 и рис. 18 на стр. 233).

но сказать, импорт ли это или подражание. Еще яснее это при рассмотрении типа В.

Тип В включает всего четыре котла, но они неидентичны, поэтому удобнее описать каждый отдельно. Тулово котла на табл. 19, 1 приближается к сферическому, есть небольшая стоячая шейка. Поддона нет. Петлевидные ручки прикреплены к верхней трети тулова наклонно. Часть стенки вокруг ручек обведена выпуклым пояском. Второй котел (табл. 19, 2) в форме шара, сильно сплюснутого сверху и также с невысокой шейкой. Ручки — горизонтальные петли — укреплены на середине высоты тулова. Поддон маленький, кольцевой. Третий котел небольшой, также в форме сплюснутого шара, с невысокой шейкой, но она не вертикальна, а развернута наружу. Дно выпуклое, на трех изогнутых ножках, нижние концы их обломаны (табл. 19, 3). Четвертый котел той же формы, но более крупный (табл. 19, 4). В нижней части три ножки, концы их обломаны. На венчике — обломки вертикальных ручек. Котлы типа В объединяет форма корпуса в виде сплющенного сверху шара: высота его значительно меньше диаметра верхнего края, что совершенно не типично для тагарских, но характерно для котлов поволжско-уральской области сарматов, казахстанских (особенно из Семиречья) и из Киргизии. Есть такой котел и на Алтае (Пазырык)⁵⁸⁶. Для котлов типа В характерна невысокая, стоящая вертикально или развернутая наружу шейка, как и для найденных в Семиречье и поволжско-уральском районе. Горизонтальные или косо поставленные на корпусе ручки не характерны для тагарских, но типичны для казахстанских и киргизских, особенно семиреченских котлов, где эта форма ручек почти единственная. Горизонтальные ручки встречаются также и на котелках из Поволжья савроматской эпохи. Наконец, котлы без поддона или с очень низким кольцевым поддоном также абсолютно нетипичны для тагарской культуры, но характерны для Семиречья и Поволжья (ср. на табл. 19, 1, 2 и 5—7).

Котелок на табл. 19, 2 близок по форме найденному в Рахинке бывшей Астраханской губернии, отличающемуся только наличием носика (V в. до н. э., по К. Ф. Смирнову). Видимо, так же датируется и минусинский котелок. Котелок-курильница из Пазырыка датируется концом V—VI в. до н. э. Тагарский котел (табл. 19, 1) по своей сферической форме сближается с тагарскими группы А I/3, которые мы датировали V—IV вв. до н. э. Другая сближающая черта — литейный шов вокруг ручки. Это позволяет считать началом бытования котлов типа В V—IV вв. до н. э. Конец их бытования, видимо, III в. до н. э., судя по тому, что на одном котелке такой формы уже гуннский арочный орнамент. Поздние экземпляры группы А I/3 тоже сближаются с котлами, украшенными арочным и волнистым орнаментом, характерным для гуннской эпохи. Котлы А I/3 и В существуют с V до III в. до н. э., но в то время как котлы А I/3 можно еще считать тагарскими, испытывающими сильное влияние Семиречья или Киргизии, группа В уже не имеет ничего общего с тагарскими и может быть условно названа савромато-сакской. Импорт ли это или котлы изготовлялись в Минусинской котловине по импортным образцам? Трудно сказать. Здесь может помочь сравнительный анализ бронзы минусинских котлов всех типов.

Особо следует остановиться на минусинских котлах на трех ножках. На огромном пространстве скифского мира трехногие котлы найдены главным образом в Семиречье (табл. 19, 8, 10, 11) — 13 котлов⁵⁸⁷, а за его пределами один в Монголии (табл. 19, 9)⁵⁸⁸ и один цилиндрической

⁵⁸⁶ С. И. Руденко, 1953, табл. XXIV, 2, стр. 333.

⁵⁸⁷ По сводке Е. Ю. Спасской (Е. Ю. Спасская, 1958, стр. 189).

⁵⁸⁸ С. В. Киселев, 1947, стр. 336, рис. 46.

формы — в Фергане (табл. 19, 12). Почти нет сомнения в семиреченском происхождении этих минусинских котлов. Форма корпуса их ближе всего напоминает семиреченские, причем многие семиреченские трехногие котлы, несомненно, старше минусинских, судя по головкам и фигуркам горных козлов в еще архаическом зверином стиле. Дата трехногого котла из Ферганы (VIII в. до н. э.) уже приводилась выше. Таким образом, эта форма минусинских котлов, появившаяся в V—IV вв. до н. э., — еще одно яркое доказательство самых тесных связей Минусинской котловины с сако-сарматским миром в тот период. Трехногие котлы крайне редки в Минусинской котловине. Вот почему сошлемся на источник, который нами почти не используется, — на писаницы. На большой оглактинской писанице среди многих других есть и изображение котла на трех коленчатых ножках. Это изображение известно мне лишь по рисунку Г. Спасского⁵⁸⁹. В позднейших более точных рисунках И. Т. Савенкова и на эстампажах А. В. Адрианова эта часть писаницы не воспроизведена. Однако при сравнении соседних фигур писаницы, изображенных Г. Спасским, И. Т. Савенковым и А. В. Адриановым, обнаруживается, что рисунки Г. Спасского не очень искажают изображения, они только схематичнее. Несомненно, на писанице изображен и котел на трех ножках. Корпус его показан высоким и узким, расширяющимся вверх, но пропорциям как раз вряд ли можно доверять. Интереснее то, что корпус заштрихован «сеткой» — эту деталь вряд ли придумал Г. Спасский. Орнамент в виде выпуклой «сетки» известен на скифских котлах как зачала VI в. до н. э. (Келермес), так и IV в. до н. э. (Чертомык)⁵⁹⁰.

Таковы формы котлов Минусинской котловины в тагарскую эпоху. Основная масса их связана с котлами других районов Сибири и Причерноморья, и только с V в. до н. э. сюда проникают котлы сако-савроматского типа, скорее всего из Семиречья и Восточного Казахстана. Чем же объясняется сходство архаических тагарских котлов с причерноморскими и с Северного Кавказа? Проникли ли они в Минусинскую котловину из Причерноморья или, наоборот, изобретены в Минусинской котловине и отсюда распространились в Причерноморье? Большое число архаических котлов с кольцевыми желобчатыми ручками VIII в. до н. э. найдено в Минусинской котловине (в Северном Причерноморье пока найден только один), и их эволюционный ряд, рассмотренный выше (группы А I/1, А I/2, А I/3), с деталями, восходящими к начальной группе VIII в. до н. э. и отличающимися от деталей синхронных котлов Причерноморья, делают первое предположение маловероятным. Другие архаические тагарские котлы — с носиками (типы А II и А III) — вообще отсутствуют в Причерноморье. Однако и для обратного предположения — что котлы изобретены в Минусинской котловине и отсюда проникли в Причерноморье — мало оснований. Глиняные сосуды с носиками ни в тагарскую, ни в предшествующие эпохи в Минусинской котловине не известны; глиняные котлы на ножках появляются в тагарской культуре в комплексах VII—VI вв. до н. э., более характерны они для VI в. до н. э., но и тогда составляют лишь 8% сосудов, а котлы появляются уже в VIII в. до н. э. В то же время котлы, за редким исключением, совершенно не сходны с основным типом тагарской керамики — баночными сосудами.

Теоретически можно предположить, что местом изобретения котлов должен быть район, где они появляются в VIII в. до н. э. и где основная масса керамики тех же, что и они, форм. Такой район определится, если картографировать древнейшие медные и бронзовые котлы. Это, во-первых, Урарту, где их очень много (судя по находкам и по изображениям

⁵⁸⁹ Г. Спасский, 1857, табл. IV, «Аглактинские начертания», плита 3.

⁵⁹⁰ А. П. Манцевич, 1961, стр. 147, рис. 8; стр. 146, рис. 4; стр. 148, рис. 10.

на рельефах), самых различных форм: на поддонах и без поддонов, ставившихся на таганы. На ассирийских рельефах, на бронзовой обивке Балаватских ворот часты изображения ассирийских воинов, уносящих вместе с другой добычей бронзовые котлы из урартских храмов (табл. 20, 9). По краю котла часто помещали скульптурные головы грифонов или быков; напомним, что по краю архаических котлов скифского мира также часто помещены скульптуры животных, обычно целые фигуры, и чаще всего козлов. Ручки урартских котлов — это кольца на краю котла, укрепленные на особой пластинке (иногда оформленной в виде головы быка или птицы с женским лицом), прикреплявшейся к стенке (табл. 20, 7). Эта деталь особенно интересна в связи с тем, что древнейшие ручки котлов скифского типа кольцевые, на особой пластинке, прикреплявшейся к модели котла, о чем свидетельствует литейный шов, окружающий ручку-кольцо. Но на урартских кольцах укреплены в муфтах и свободно поворачиваются, а на скифских они приделаны «намертво». Ясно, что кольцевая форма ручки пережиточна и в процессе эволюции ненужная нижняя часть кольца утрачивается; остаются подковообразные ручки. И, конечно, модели скифских котлов можно было изготавливать сразу с ручками, но по традиции модель для ручек на особой пластинке продолжали приделывать к модели корпуса.

Очень интересен и тот факт, что урартские таганы делались трехногими, и концы ножек часто оформлялись в виде копыт животных или лап хищников (табл. 20, 8)⁵⁹¹. Следовательно, постройка котла на три ножки, оформленные часто как ноги животных, — не только местная семиреченская черта, а имеет древние традиции, видимо, столь же древние, как и само изобретение котлов, ибо таган или три ножки, прикрепленные к корпусу котла, — хорошая опора сосуду в костре. Вспомним, что три ножки были и у котла из Ферганы VIII в. до н. э. При появлении в евразийских степях в VIII в. до н. э. котлы насчитывали по крайней мере две исконые формы: на поддонах и на трех ножках. Добавим, что на Древнем Востоке (Египет, Вавилон, Урарту) в виде ног животных оформлялись и ножки мебели — столов, кроватей и стульев, ножки-подставки светильников⁵⁹². Таким образом, на Древнем Востоке эта деталь была традиционной, тогда как в скифском мире такая традиция не известна. Это еще одно косвенное указание на страны Древнего Востока как на возможное место происхождения котлов скифского типа.

Самая поздняя возможная дата урартских котлов — конец VIII в. до н. э. К этому времени государство Урарту заканчивает существование. Но считать урартские котлы прямыми предками скифских невозможно. Для этого первые слитком специализированы, форма их явно выработана в результате длительного предшествующего развития и, кроме того, многие пережиточные детали скифских котлов не связываются с урартскими. Родство их со скифскими примерно такое, как касетных кинжалов с карасукскими с полый ручкой. Со скифскими у них много общих черт: примерно одинаковая форма корпуса (хоть и не точно такая), конический поддон (хоть и более высокий, чем у скифских), ручки в виде колец (пережитки которых есть на самых ранних скифских котлах), наконец, трехногие таганы, ножки которых заканчиваются копытами, как иногда у трехногих семиреченских котлов. Все это говорит о родстве, восходящем к каким-то общим прототипам, причем урартские котлы в некоторых отношениях стоят ближе к этим прототипам (на это указывает, например, устройство ручки).

⁵⁹¹ См. также на рельефе, изображающем штурм урартской крепости Мусасира (G. Perrot, Ch. Chipiez, 1884, t. II, p. 410, fig. 190).

⁵⁹² Г. Картер, 1959, табл. 36 А, 44 (вверху), 47, 48, 50, 51, 130 А, Б; Б. Б. Пиотровский, 1959, стр. 179, рис. 179, 42; R. D. Barnett, 1950, pl. 39; C. F. Lehmann-Haupt, 1931, Bd. II, H. 2, S. 483.

Другой район распространения древних бронзовых сосудов — Иран. Во многих могилах некрополя В Тепе Сиалк найдены котлы, очень близкие савроматским, — полусферические, с двумя дуговидными вертикальными ручками на верхнем краю тулова, без поддона (табл. 20, 4)⁵⁹³. Дата их — 1000—800 гг. до н. э. по Р. Гиршману и 1250—1000 гг. до н. э. по К. Шефферу. Бронзовый кубок на коническом поддоне, высотой, по-видимому, 20 см, найден в Талль-и-Шугха, в провинции Фарс (табл. 20, 11)⁵⁹⁴. Корпус его несколько суживается вверх. Культуру Талль-и-Шугха Л. Ванденберге датирует 2000—1000 гг. до н. э.⁵⁹⁵ Бронзовые сосуды в Иране изготовляли еще с начала II тыс. до н. э.: обломки их найдены в слое Тепе Гиссар III и в Тепе Гийяне⁵⁹⁶. Интересно, что Иран — территория, где есть все керамические формы, которые могут быть прототипами бронзовых котлов: кубки на ножках, сферические сосуды без поддонов, многочисленные сосуды с носиками, даже триподы (ср. на табл. 19, 9 и табл. 20, 12, 14). Форма корпуса кубков самая различная: полусферическая, почти сферическая, закрытая, с невысокой шейкой и, наконец, суживающаяся вверх, как у сосуда из Талль-и-Шугха. Перечисленные формы типичны для памятников с серой керамикой II тыс. до н. э. в Северном, Западном и даже Центральном Иране, а появляются они еще с начала III тыс. до н. э. (Тепе Гиссар, Шах-Тепе, Сиалк III и др.)⁵⁹⁷. Чрезвычайно типичны для иранской керамики II тыс. до н. э. скульптурные и рельефные фигурки и головы животных на плечиках и на краю сосудов и вертикальные ручки в виде животных⁵⁹⁸. Нередко фигуры животных — баранов, лошадей — помещали и на плечах бронзовых иранских сосудов и в качестве их ручек⁵⁹⁹. Для решения вопроса о происхождении котлов на трех ножках интересна сделанная из битума вазочка на трех ножках (Сузы, начало II тыс. до н. э.). Концы ножек оформлены в виде протом горных козлов, припавших на передние ноги (табл. 19, 15), чрезвычайно сходных с протомами козлов, украшающих ножки двух семиреченских котлов (табл. 19, 11)⁶⁰⁰.

Таким образом, Иран — одна из наиболее вероятных территорий, которые могут быть прародиной котлов скифского типа. Единственное, что не найдено здесь, — это ручки-кольца, свободно висящие в муфтах. Возможно, что иранские металлические сосуды связаны с традицией, вос-

⁵⁹³ R. Ghirshman, 1937, Pl. LXV, S. 857 (могила 38), Pl. LVII, 828в (могила 15), Pl. LIX, 653 (могила 21).

⁵⁹⁴ L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. 55b.

⁵⁹⁵ Там же, стр. 43—44, 89.

⁵⁹⁶ E. F. Schmidt, 1937; E. E. Herzfeld, 1941, Pl. XXV.

⁵⁹⁷ Ср., например, кубки на поддонах: Сиалк, некрополи А и В (С. Schaeffer, 1948, fig. 258, 14), Сиалк III (L. Vanden-Berghe, 1958, p. 130, fig. 39), Тепе Гийян I (С. Schaeffer, 1948, fig. 242, 29), Тальш (там же, рис. 235, 28); Тепе Гиссар II В, кубки открытые (E. F. Schmidt, 1937, Pl. XXV, Н 4767) и закрытые (там же, Pl. XV, Н 4177, Н 4179)—2350—2300 гг. по К. Шефферу (1948, табл. VIII), и открытые кубки из Астрабада (Тюрент-Тепе) — SPA, vol. IV, Pl. 13, с (2500—1500 гг. до н. э.). Сферические сосуды без поддонов в Шах-Тепе (Т. J. Arne, 1945, Pl. XXIII, S. 948; Pl. XXIV, S. 21). Сосуды с носиком — в Сиалк В (С. Schaeffer, 1948, fig. 255, 73; L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. 145), в могильнике Гасанлу в Северном Иране (L. Vanden-Berghe, 1958) в могильнике Шандар в Северном Иране (там же, табл. 158d — начало I тыс. до н. э.) и др. Триподы см. из Сиалк, некрополь А (С. Schaeffer, 1948, fig. 260, 6, 14, 51, 52), из Тепе Гийяна (L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. III-B — первая половина II тыс. до н. э. по К. Шефферу) и многие другие.

⁵⁹⁸ См., например, сосуды из могильника Хурвин в Северном Иране (II тыс. до н. э., L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. 155d, e), в Тепе Гийяне I (там же, табл. 115-а), в Сиалк В (там же, табл. 165-а, стр. 166), в Северном Иране (E. E. Herzfeld, 1941, Pl. XXIII), в могильнике Гасанлу в Северном Иране (L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. 145-с, d) и др.

⁵⁹⁹ Например, бараны на плечах бронзовой вазы из Хорассана (E. E. Herzfeld, 1941, Pl. XXV), ручка бронзового сосуда из Луристана (O. Maenchen-Helfen, 1958, Pl. 6—8) и др.

⁶⁰⁰ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 45, рис. 20, внизу слева; Е. Ю. Спасская, 1958, табл. I, 12, 13

ходящей к древнему Шумеру. В царских могилах Ура III тыс. до н. э. найдены металлические — серебряные, золотые и медные — сосуды самых различных форм, в том числе полусферические вазы на конических поддонах или без них, напоминающие по форме скифские котлы⁶⁰¹, и цилиндрические сосуды, из которых один на четырех ножках, заканчивающихся копытцами (табл. 19, 16).

Третий район древних медных котлов — это район крито-микенской культуры. Особо отметим котлы-триподы. Наиболее ранний из них — кованый. Он найден в IV шахтной гробнице в Микенах⁶⁰² (около 1600 г. до н. э.). У него две горизонтальные ручки, одна вертикальная и небольшой носик-слив. Несколько более поздний трипод происходит из Кносса (позднеминойский II период). Общий вид его очень напоминает семиреченские котлы (табл. 19, 14), только кносский не литой, а кованый. Близкой формы триподы, также кованые, найдены в камерной гробнице № 2 и в кенотафе в Дендре в Арголиде (дата А. В. Перссона — «несомненно раньше 1200 г. до н. э.»)⁶⁰³. Ручки поздних триподов в Греции (800—750 гг. до н. э.) особенно интересны: они плоские кольцевые, украшены зигзагами или несколькими концентрическими желобками⁶⁰⁴ и очень близки кольцевым ручкам древнейших «доскифских» котлов VIII в. до н. э. с Кавказа, из Ферганы и Сибири (ср. табл. 18 и табл. 20, 1—3). На верхней части ручки-кольца или на краю котла часто помещали фигурку стоящего животного: лошади, льва, птицы или человека⁶⁰⁵, как у архаических скифских котлов⁶⁰⁶. Ручки к греческим триподам крепились с помощью пластины и муфты, как и ручки урартских триподов⁶⁰⁷. У наиболее ранних нет муфты, но у них под кольцевыми ручками были еще вертикальные ушки (табл. 20, 5)⁶⁰⁸ («вскоре после 1000 г. до н. э.»)⁶⁰⁹. Такие ушки, вертикальные и горизонтальные, были и на «скифских» котлах, архаических и более поздних (табл. 19, 5, 8) на всей территории их распространения⁶¹⁰. Часто они помещаются также под вертикальными ручками. В особенности таких много на территории Казахстана и Киргизии. В эгейском мире известны триподы и с цилиндрической формой корпуса, сразу заставляющей вспомнить форму трипода из Ферганы (табл. 19, 12, 13). Ручки их в виде горизонтальных петель расположены у верхнего края.

Из триподов Эллады и эгейского мира наиболее сходны со среднеазиатскими и семиреченскими триподы Кносса и Дендры (еще позднеминойского II периода). С. Бентон пришел к выводу, что эта форма не может быть непосредственно выведена из микенских, с прямыми ножками и горизонтальными ручками, «здесь должны быть другие предки», один из них — азиатский (из Терми)⁶¹¹. На более поздних греческих триподах проявляется явное урартское влияние: накладные головки бычков, муфты для прикрепления ручек-колец, наконец, ножки греческих триподов конца VIII—VII в. до н. э. часто оканчиваются львиными лапами, как у урартских. Урартский котел на трехногом тагане найден в Олим-

⁶⁰¹ L. Woolley, 1934, vol. II, 239, 98, 100.

⁶⁰² A. Evans, 1928, vol. II, p. 72; p. 634, fig. 398, p. 623.

⁶⁰³ A. W. Persson, 1931, pl. XXX; p. 101, fig. 75; p. 116.

⁶⁰⁴ W. Lamb, 1929, p. 45, fig. 5a, b, c; S. Benton, 1938, Pl. 13 a; он же, 1938a, p. 87, fig. 6 a; A. Furtwängler, 1880, Taf. 1—3.

⁶⁰⁵ S. Benton, 1938, Pl. 13 b, c, d; S. Benton, 1938a, Pl. 18, 19; 1, 2; 21, 4—6; 24, 3, 4; 20.

⁶⁰⁶ А. П. Манцевич, 1961, стр. 147, рис. 6.

⁶⁰⁷ W. A. Lamb, 1929; A. Furtwängler, 1880, S. Benton, 1938a, pl. 13 a.

⁶⁰⁸ S. Benton, 1938a, p. 77, fig. 1—2; S. Benton, 1938, p. 64, fig. 14 a, b.

⁶⁰⁹ S. Benton, 1938a, p. 112, 113.

⁶¹⁰ Архаический котел с дополнительными ушками из Причерноморья найден в комплексе с греческой вазой первой половины VI в. до н. э. (Э. И. Дьямант, 1962).

⁶¹¹ S. Benton, 1938a, p. 75.

пии. Скорее всего, сходство котлов скифского мира с критскими и греческими триподами происходит за счет тех черт критских и греческих триподов, которые имеют восточное происхождение. Вопрос о том, происходили ли плоские кольцевые ручки «доскифских» котлов VIII в. до н. э. непосредственно из греческого мира или из других, более восточных районов, пока не может быть решен окончательно.

Стоит напомнить и о находке медного котла в Грузии (курган XV могильника Триалети, около середины II тыс. до н. э.). У него полушаровидный корпус и конический поддон; к верхнему краю приделаны два небольших дуговидных ушка с помощью пластин — по тому же принципу, что и на более поздних урартских котлах. В ушки продета медная дужка (табл. 20, 10), как это бывает и у урартских (табл. 20, 9)⁶¹². Вообще сходство триалетского с более поздними урартскими котлами очень велико, и его, вероятно, надо считать одним из их предков; к тому же они найдены на близких территориях.

Все это позволяет думать, что прародиной бронзовых котлов «скифского» и «предскифского» типа были районы Северного Ирана, Южного Прикаспия, отчасти Закавказья и Малой Азии. Отсюда котлы распространялись на запад, в эгейский мир, и на север и северо-восток, в евразийские степи. Довольно рано котлы (и вообще бронзовые сосуды) проникли в Среднюю Азию. Кроме упоминавшегося уже котла из Ферганы можно назвать бронзовый сосуд из Хакского клада (Фергана) первой половины II тыс. до н. э.⁶¹³, находящий многочисленные параллели в эгейском мире.

На ручках многих крито-микенских бронзовых сосудов делали (Кносс, Дендра)⁶¹⁴ высокий гвоздевидный выступ. А. Эванс считал, что он имел практическое назначение: за него снимали горячий котел с огня⁶¹⁵. Как пережиток, эти выступы встречаются на ручках керамических сосудов II—I тыс. до н. э., распространенных очень широко. На иранской керамике они также часты. На ручках бронзовых сосудов эти выступы очень коротки и не могут иметь практического назначения, они приобрели декоративный и, может быть, ритуальный характер; происходит, по-видимому, смешение с обычаем украшать серьги и другие вещи в форме кольца тремя выступами, — символами бога Луны (см. выше, стр. 96): ручки начинают украшать не одним, а тремя выступами. Характерно, что в Иране ручки с тремя выступами появляются и на керамике, причем достаточно рано (табл. 20, 13) — самое позднее около 800 г. до н. э.⁶¹⁶ Однако гвоздевидные выступы на сосудах вызывают в памяти и другой круг аналогий — бронзовые сосуды Китая эпохи Инь (XIII—XI вв. до н. э.). Среди них много различных триподов: полусферических, в форме вымени, и еще более сложных. У некоторых из них (типа цзюе и ся)⁶¹⁷ по одному или чаще по два высоких гвоздевидных выступа на бортике. Подобные выступы — любимое украшение бронзовых предметов и в степных культурах II и I тыс. до н. э. (вспомним шилья, кинжалы, ножи, псалии карасукские и культур карасукского круга, северокавказские и гальштатские, а также раннетагарские). Вопрос о том, проникли ли эти выступы из Китая в степи или из степей в Китай, — это часть общей проблемы о взаимоотношениях Китая с «варварскими» культурами и о происхождении китайской бронзы. По всей вероятности, нельзя отрицать связей Китая со странами Среднего и

⁶¹² Б. А. Куфтин, 1941, табл. LXXXVII (стр. 409).

⁶¹³ Ю. А. Заднепровский, 1962, табл. XXXII, 1; стр. 54—55.

⁶¹⁴ A. Evans, 1928, vol. II, pt. 2, p. 634, fig. 398 c, d; A. W. Persson, 1931, p. 95, fig. 68, pl. XXXI, справа, средний ряд и др.

⁶¹⁵ A. Evans, 1928, p. 635—636.

⁶¹⁶ L. Vanden-Berghe, 1958, Pl. 159 a, p. 124.

⁶¹⁷ Li Chi, 1957, Pl. XLVI—XLVIII.

Ближнего Востока во II тыс. до н. э., и появление в Китае триподов, особенно с полусферическим туловом и вертикальными ручками, может быть одним из проявлений этих связей. Но считать вслед за П. Рейнеке китайские триподы прямыми предками «скифских» котлов невозможно: они, как и урартские, слишком специализированных форм, и ни одна из них не совпадает со скифскими формами; их богатый иньский геометрический орнамент был бы как-то отображен на «скифских» котлах, если бы они действительно были их потомками; детали урартских котлов, которые позволяют считать их предками «скифских» — кольцевые ручки, оформление ножек в виде звериных ног — отсутствуют в Китае; нет среди иньских сосудов других форм скифских котлов — на поддонах и без них, ставившихся на таганы, тогда как на Ближнем Востоке есть все эти формы; нет на иньских сосудах изображений животных, столь типичных для скифских и ближневосточных, следовательно, китайские бронзовые сосуды гораздо дальше от скифских, чем ближневосточные, хотя, вероятно, и имеют с ними какое-то косвенное далекое родство.

В вопросе о происхождении «скифских» котлов нельзя не коснуться и «киммерийских» кованых котлов из Поволжья и Причерноморья. Их принято включать в число «киммерийских» бронз со времени работы В. А. Городцова⁶¹⁸. Некоторые из них⁶¹⁹ вытянутые, шейка плавно переходит в крутые плечи, поддон конический, ручки дуговидные, прикреплены вертикально к верхнему краю. На шейке и плечах — выпуклый орнамент в виде зигзага и точек, встречающийся во многих культурах конца эпохи бронзы. Форма достаточно своеобразна и отлична от распространенных на других территориях. О. А. Кривцова-Гракова считает, что формы этих бронзовых котлов и керамических сосудов срубной культуры влияли друг на друга⁶²⁰. Считать эти котлы предками скифских невозможно, так как формы их достаточно различны, а происходят они с одной территории; внезапное изменение формы требует объяснения.

У некоторых котлов, склепанных из отдельных полос, полушаровидный корпус и вертикальные дуговидные ручки; они с поддоном и без поддона⁶²¹. Эти по форме очень близки скифским и савроматским. О. А. Кривцова-Гракова датирует их «в среднем IX—VIII вв. до н. э.»⁶²² и считает прямыми предками скифских литых котлов. Дата вполне согласуется с датой некоторых минусинских литых котлов (табл. 18, 15, 16), также VIII в. до н. э., которые довольно близки клепаным из Причерноморья по форме ручек. Однако с утверждением, что кованые котлы являются предками скифских литых, согласиться нельзя. Во-первых, кованые котлы распространены только на Западе и неизвестны нигде восточнее Волги, где обнаружено достаточно много литых котлов VIII в. до н. э. бештаугорского типа, детали которых (кольцевые желобчатые ручки, отсутствие шейки) не позволяют выводить их от упомянутых кованых. Эти литые котлы были, по-видимому, прямыми предками тагарских и скифских котлов. Во-вторых, чтобы изменить ковку на литье в столь сложном деле, как изготовление котлов (одна из наиболее сложных отливок в то время), требовались какие-то важные причины; между тем литые котлы ничем не совершеннее кованых. Кельты Западной Европы пользовались в основном коваными, и современные медные котлы кочевых народов, у которых они наиболее употребительны, кованые. Поэто-

⁶¹⁸ В. А. Городцов, 1928.

⁶¹⁹ Там же, стр. 54, рис. 8; стр. 57, рис. 24; В. В. Гольмстен, 1929, стр. 126, рис. 46; О. А. Кривцова - Гракова, 1955, стр. 43, рис. 10, 9.

⁶²⁰ Там же, стр. 44—25.

⁶²¹ Там же, стр. 135, рис. 31, 1, 2; стр. 133, 135; В. А. Филипченко, 1962, стр. 277, рис. 1, 1.

⁶²² О. А. Кривцова - Гракова, 1955, стр. 130.

му изменениековки на литье котлов в степях Причерноморья скорее следует относить за счет изменения традиции, культурного влияния, чем за счет совершенствования техники. В конечном счете далекими предками скифских литых котлов были действительно кованные (типа, например, кносского трипода), на что указывает техника прикрепления ручек, но к моменту проникновения их в Причерноморье этот этап был давно уже пройден: в Иране и Закавказье изготовление литых котлов было освоено еще во II тыс. до н. э., а в начале I тыс. до н. э. они достигли высокого совершенства и с VIII—VII вв. до н. э. распространяются в самых разных странах. Есть все основания думать, что отсюда они проникли и в степи Евразии, в том числе и в Причерноморье. В Западной Европе в то же самое время были широко распространены кованные сосуды, в том числе и котлы⁶²³. Можно думать поэтому, что проникновение в Причерноморье кованных котлов — одно из проявлений взаимодействия с гальштатской культурой, хорошо прослеженное по другим категориям вещей. Кованные сосуды в доскифскую эпоху были широко распространены и на Кавказе (Жемталинский клад и пр.)⁶²⁴. Проникновение типично кавказских кованных сосудов в Причерноморье в предскифскую эпоху показано А. А. Иессеном⁶²⁵. Формы же изменялись, видимо, уже на месте, и «киммерийские» горшкообразные сосуды — следствие влияния керамических форм срубной культуры, а кованные котлы «скифского» типа — результат взаимодействия кованных сосудов гальштатского или кавказского типов и существовавших уже в это время в Причерноморье литых котлов бештаугорского типа.

В Минусинской котловине и других районах Сибири за отсутствием вблизи территорий, где были бы распространены кованные сосуды, никаких кованных котлов «скифского» или «предскифского» типа и не появилось, а с VIII в. до н. э. существуют литые котлы. Уже говорилось о том, что наиболее вероятной родиной котлов были области южного Прикаспия и Закавказья. Остается проследить пути их проникновения в Минусинскую котловину. Лежащая между этими областями территория Средней Азии и Казахстана изучена неравномерно. Из Средней Азии известно всего несколько котлов, из них достоверно архаический — один, из поселка Тюячи в Фергане. Однако он сочетает в себе признаки, указывающие как на его происхождение из юго-западных районов, так и на связь с «доскифскими» и архаическими «скифскими» котлами евразийских степей. Его можно считать одним из промежуточных звеньев между предполагаемой родиной котлов и евразийскими степями (в том числе и Сибири). Другие среднеазиатские котлы (два из Ферганы⁶²⁶ и один из Каракумов, в 200 км от города Казалинска на Сыр-Дарье)⁶²⁷ достоверно нельзя считать архаическими; можно лишь утверждать, что они относятся к скифской эпохе. Напомним о четырех бронзовых котелках, найденных на Восточном Памире⁶²⁸, далеких по форме от тагарских, но подтверждающих, что в Средней Азии можно ожидать находок значительного числа бронзовых котлов разнообразных форм. Семиреченские котлы к проблеме происхождения архаических тагарских имеют, по видимому, также только косвенное отношение, поскольку у тех и других лишь несколько общих признаков. Вертикальные подковообразные ручки с гвоздевидными выступами — характернейшая деталь раннетагарских котлов — отсутствует в Семиречье, но известна на севере, северо-

⁶²³ С. F. C. Hawkes, M. A. Smith, 1957.

⁶²⁴ Е. И. Крупно б, табл. I, II, V, стр. 22—28, 32.

⁶²⁵ А. И. Иессен, 1947, стр. 42—43.

⁶²⁶ Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 320, табл. XXIII, 1, 2.

⁶²⁷ Béla Pósta, 1905, Bd. IV, Fig. 292; ОАК за 1894 г., стр. 42; АКА, стр. 368, № 364.

⁶²⁸ Б. А. Литвинский, М. А. Бубнова, 1962, стр. 33.

западе и востоке Казахстана⁶²⁹. Можно предположить поэтому, что архаические котлы проникли из Средней Азии в Сибирь через Северный и Восточный Казахстан. На всем пространстве между Ферганой и Северным Казахстаном пока не найдено архаических котлов, за исключением единственного — из поселка Текели Талды-Курганской обл., с вертикальными подковообразными ручками с гвоздевидными выступами. В Северном и Восточном Казахстане обнаружены котлы с ручками двух видов: на верхнем краю — две дуговидные с тремя гвоздевидными отростками и два вертикальных ушка на тулове (три котла — в селе Карагай Кокчетавской, по другим сведениям — Акмолинской области)⁶³⁰ с такими же ручками и ушками. Нет полной уверенности, что котлы эти архаические, но на ручках одного из них желобчатый орнамент, а гвоздевидные выступы неотличимы от тагарских. У котла из Тобольского музея, происходящего «из Сибири или Средней Азии» (скорее всего с территории Северного Казахстана), подковообразные ручки с желобком и тремя гвоздевидными выступами, а по тулову — орнамент в виде сложенной веревочки⁶³¹; котел абсолютно неотличим от тагарских и от котла из Тобольска⁶³² (см. выше, стр. 97). Можно предположить, что тобольский котел попал на север также откуда-то с юга, может быть по Ишиму. Уже упоминавшиеся котлы из деревни Ключевской Курганского округа с ручками в виде незамкнутых колец и гвоздевидным выступом наверху найдены вместе с котлом на поддоне и с одной ручкой-ушком у верхнего края⁶³³. Из Сургутского округа происходит котел без ручек, а только с двумя вертикальными ушками у края⁶³⁴. В Чердоёке Восточно-Казахстанской области найден котел с двумя дуговидными ручками, украшенными тремя гвоздевидными выступами, и с двумя ушками, а в Усть-Каменогорске — с кольцевыми ручками, целиком возвышающимися над краем⁶³⁵, ближайшая аналогия минусинским А I/4, которые мы датировали предтагарским временем — около VIII в. до н. э.

Таким образом, Северный Казахстан и Западная Сибирь (бассейны Иртыша, Ишима и Тобола) — территория, где обычно устойчивое сочетание дуговидных ручек с гвоздевидными выступами и вертикальных ушек на тулове или близ верхнего края. К востоку и западу от этого района такие сочетания — исключение. Вертикальные ушки типичны для среднеазиатских и казахстанских котлов и свидетельствуют о южном происхождении североказахстанских и западносибирских котлов. С территории Северного и Восточного Казахстана и Западной Сибири, скорее всего, и могли впервые проникнуть в Минусинскую котловину бронзовые котлы, где они подверглись местной обработке и приобрели несколько особый вид, отличающий их от котлов других районов скифского мира. Точнее определить прародину тагарских котлов не удастся вследствие небольшого пока числа находок в Северном и Восточном Казахстане. Некоторые особенности минусинских котлов типа А I, сходные с керамикой бегазинского типа, указывают, может быть, на Центральный Казахстан как на такую прародину, но из этого района пока неизвестны бронзовые котлы.

В V—IV вв. до н. э. в Минусинскую котловину проникают котлы, чрезвычайно похожие на семиреченские и киргизские и, по-видимому, происходящие из этого района.

⁶²⁹ Е. Ю. Спасская, 1956, стр. 158.

⁶³⁰ АКА, стр. 352, № 40.

⁶³¹ *Béla Pósta*, 1905, S. 538, Abb. 301; S. 532.

⁶³² А. Heikel, 1894, Pl. XIV, 5.

⁶³³ Там же.

⁶³⁴ Н. А. Лыткин, 1890, стр. 12, № 609. Благодарю В. И. Мошинскую за любезно предоставленную фотографию этого котла.

⁶³⁵ Е. Ю. Спасская, 1956, табл. I, 24 и 25.

Такова история тагарских бронзовых котлов, насколько ее можно восстановить в настоящее время. В ней пока еще очень много пробелов.

Заканчивая раздел, отметим, что в некоторых районах котлы «скифского» типа существовали чрезвычайно долго. Так, в Иране при раскопках городища Тахт-и-Сулейман бронзовый сферический котел с маленькой шейкой, тремя короткими ножками и горизонтальными ручками на тулове, очень близкий по типу семиреченским и прочим казахстанским скифской эпохи, найден в прекрасно датированном слое XIII в. н. э.; котел служил для приготовления глазури⁶³⁶. А в Дагестане, как сообщил мне В. И. Марковин, он видел бронзовые литые котлы на трех ножках или на поддонах, с полусферическим корпусом и двумя дуговидными вертикальными ручками, украшенными даже тремя выступами, как типичные скифские котлы. Дагестанские женщины варят в них пищу⁶³⁷. Может быть, не случайно эти котлы уцелели в районах их, так сказать, исконого производства — в Иране и на Северном Кавказе, где, как мы видели, существуют наиболее архаические формы.

Рассмотренные в главе категории предметов — оружие, конский убор, котлы и зеркала — подтверждают, что тагарская культура входила в число культур скифского мира. Формы многих из этих предметов распространены по всей территории скифского мира: кинжалы с сердцевиным перекрестьем; листовидные двулопастные втульчатые наконечники стрел с шипом и без шипа; удила со стремевидными и круглыми внешними кольцами, трех- и двудырчатые S-образные псалии, конические ворворки и другие части сбруи; основная часть котлов; зеркала с петелькой на обороте и с кнопкой на ножках. Детальное рассмотрение этих предметов показало, что формы их не тождественны скифским, а лишь сходны с ними, и сходство это не может объясняться непосредственными контактами Минусинской котловины и Причерноморья, это следствие распространения вещей в обе указанные области из третьей, которой предположительно мы считаем Среднюю Азию и Казахстан. В тагарской культуре есть также вещи, непосредственно восходящие к вещам карасукской и родственных ей культур — кинжалы с «шипами» или прямым перекрестьем; чеканы, секиры и боевые топоры; стрелы с треугольным пером, двух- и трехлопастные. Близкое сходство этих раннетагарских и карасукских вещей с такими же вещами на обширной территории Евразии и наличие прототипов для большинства из них на Среднем и Ближнем Востоке позволяют предполагать первоначальное появление этих форм на Ближнем и Среднем Востоке, откуда они распространялись в разных направлениях, в том числе с карасукской культурой — в Минусинскую котловину. Многие предметы тагарской культуры имеют ярко выраженный местный облик, карасукская основа их уже плохо различима, на них лежит печать местного развития в условиях длительной изоляции (вкладышевые кинжалы, многие формы чеканов и наконечников стрел).

В конце VI—V вв. до н. э. в Минусинской котловине появилось большое количество предметов, почти тождественных вещам из Восточного Казахстана (железные кинжалы, облитые бронзой; предметы конского убора, богато украшенного в «алтайском» зверином стиле, котлы семиреченского типа, медалевидные зеркала). Вещи эти частично могут быть импортом, частично изготовлены по импортным образцам. Они мало изменены тагарскими мастерами. Эта категория вещей, по-видимому, принесена пришельцами из Восточного Казахстана.

⁶³⁶ K. Nauman, W. Kleiss, C. Nylander, L. Gezelius, H. Ochler, 1963, S. 657—658, Abb. 12.

⁶³⁷ Благодарю В. И. Марковина за сообщение и схематический рисунок.

Глава вторая

Звериный стиль в тагарской культуре VII—V вв. до н. э. и его происхождение

Звериный стиль — преобладающий стиль искусства скифской эпохи, характеризующийся изображениями животных в определенной позе и с помощью особых приемов. Он чрезвычайно широко распространен: от Средней Европы до Маньчжурии и Китая, преимущественно в степных и горных районах. Естественно, что при этом территория его распространения разделяется на районы или провинции, каждой из них присущи некоторые черты, свойственные только ей или только нескольким соседним провинциям. Но все эти провинции — районы господства одного и того же стиля, им свойственно не только большое количество общих мотивов, но и изображения с одинаковыми деталями. Проблеме этого сходства посвящена большая литература. Перечислим основные теории и выделим наиболее перспективные. Теории разделяются на две группы: одни исходят из того, что сходство это произошло конвергентно, на основе общих социально-экономических условий¹, другие — из того, что сходство в стиле во всех провинциях объясняется общим происхождением из одного центра. Первая группа теорий по существу снимает вопрос о сходстве, объясняя лишь, почему изображаются звери: таков уровень развития религиозных представлений. Но и тут исключений, пожалуй, не меньше, чем правил: в странах Древнего Востока был другой социально-экономический уровень, чем в евразийских степях, и все же в искусстве Древнего Востока изображения зверей занимают очень важное место, а многие мотивы и детали очень сходны с мотивами и деталями евразийского звериного стиля. Более того, многие черты звериного стиля сохраняются и в средневековье. С другой стороны, у ирокезов Америки, стоявших на том же социально-экономическом уровне, что и скифы, в искусстве нет никаких черт евразийского звериного стиля.

Вторая группа теорий делится на несколько, соответственно различным предполагаемым центрам происхождения звериного стиля. Одни из исследователей считают, что звериный стиль Причерноморья восходит к ионийскому, а из Причерноморья попадает в Сибирь (А. Фуртвенглер,

¹ И. И. Мещанинов, 1932, стр. 7, 9, 12; В. В. Гольмстен, 1933, стр. 101—112, 123—124; М. И. Артамонов, С. А. Жебелев, 1939, стр. 243—244.

Б. Фармаковский, С. Прушевская) ². Сейчас нет исследователей, возводящих скифский звериный стиль к ионийскому, но вторая часть теории — о проникновении звериного стиля в Сибирь из Причерноморья путем торговли и распространения кочевых форм быта — имеет последователей (Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова). Эта теория не объясняет, однако, существования в Сибири карасукского звериного стиля. Другие исследователи полагали, что звериный стиль, напротив, попадает из Сибири в Причерноморье (Э. Миннз). Теория Э. Миннза, высказанная в 1913 г., не подтвердилась после разработки хронологии сибирских древностей. Вряд ли также можно видеть генетическое родство звериного стиля Причерноморья именно с карасукским стилем Южной Сибири (Э. Миннз, 1930), хотя невозможно отрицать сходство звериного стиля разных частей скифского мира со звериным стилем второй половины II тыс. до н. э., также широко распространенным. Третьи исследователи полагали, что «скифский» звериный стиль Причерноморья и Южной Сибири произошел из общего центра. Одни из них таким центром считали северные области Восточной Европы или Азии (Г. Боровка, И. Стржиговский, Д. Н. Эдинг, Э. Миннз, 1942) ³. У этих теорий недостаток в том, что рассматривается возникновение скифского звериного стиля в отрыве от происхождения скифского оружия и конского убора, в то время как он неразрывно с ними связан. Кроме того, в скифской культуре нет никаких следов связи с северными таежными районами, и было бы странно, если бы оттуда был воспринят один только звериный стиль. Другие считают источником происхождения евразийского звериного стиля горные районы к северу, северо-западу и северо-востоку от Месопотамии (М. И. Ростовцев, К. Хентце, А. М. Талльгрэн, Э. Герцфельд, Б. Цунода и др.) ⁴.

Таким образом, общность социально-экономических условий в применении к вопросу о происхождении звериного стиля объясняет лишь, почему искусство данного общества предпочитает изображениям людей изображения животных, но не объясняет, почему этих животных изображают так, а не иначе. Стилистические особенности тут могут объясняться только близкими религиозными представлениями и общими традициями в искусстве. Отсюда следует, что теории о едином центре происхождения звериного стиля более перспективны. Общее решение, по-видимому, должны иметь вопросы о происхождении звериного стиля и скифского оружия и конского убора, с которыми звериный стиль столь тесно связан. Вопрос о сходстве звериного стиля Причерноморья и Минусинской котловины и вопрос о сходстве звериного стиля Минусинской котловины в тагарское и предшествующее ему карасукское время должны также иметь общее решение.

Предполагаемый источник скифского, или евразийского, звериного стиля должен быть одновременно источником карасукского звериного стиля и других близких ему и источником происхождения скифского оружия и конского убора. Он скорее всего должен находиться где-то между Причерноморьем и Минусинской котловиной, и звериный стиль в нем должен появиться раньше скифской эпохи и не позже времени, соответствующего началу карасукской культуры, т. е. XIV в. до н. э.

² Б. Фармаковский, 1914, стр. 34—37; С. Прушевская, 1917, стр. 53; A. Furtwängler, 1883.

³ Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, 1954, стр. 92—95; E. H. Minns, 1913; он же, 1930; G. Bоровка, 1928; J. Strzygowski, 1930; он же, 1935, S. 169—170; E. H. Minns, 1942, p. 55—58; Д. Н. Эдинг, 1940.

⁴ М. Ростовцев, 1913, стр. 183—184; он же, 1918, стр. 44—45; он же, 1925, стр. 302—303, 339—340; M. Rostovtzeff, 1929, p. 68; C. Hentze, 1930, H. 3—4, S. 163; A.-M. Tallgren, 1933, v. 4, fasc. 2—3, p. 261—262; E. Herzfeld, 1941; B. Tsunoda, 1954, p. 9—11 (на японском языке).

Тагарское оружие и конский убор украшены в зверином стиле точно так же, как и в других провинциях его распространения. Он и характеризует в основном тагарское искусство.

Автор вполне разделяет точку зрения М. П. Грязнова, что для каждой территории следует изучать иконографию каждого образа, проследить его историю⁵ и определять вид животного по наиболее ранним типам изображений, так как позднейшая стилизация может изменить образ до неузнаваемости. Это положение полностью применимо и к Минусинской котловине. Рассмотрение образов тагарского звериного стиля по сериям позволяет заключить, что количество изображаемых зверей очень невелико и каждый из них дается в одной-двух строго определенных канонических позах. Эти позы к тому же часто общи для нескольких различных животных. С течением времени каждый образ несколько видоизменяется — отчасти за счет деградации, отчасти за счет новых культурных влияний (как правило, последнее обстоятельство гораздо сильнее первого; в тех случаях, когда образ не подвергся каким-то новым влияниям извне, он существует почти без изменений очень длительный срок — два-три века).

Изучение звериного стиля тагарской культуры велось в следующем порядке. В каждой выявленной серии образов, например стоящий кабан, свернувшийся зверь и т. п., нами выделялись датированные экземпляры, встреченные в курганах с оружием или изображенные на таких образцах оружия из случайных находок, которые могут быть датированы аналогиями из курганов или корреляционным методом (см. главу I). Эти экземпляры давали основу хронологии для серии. Часто два или несколько разных образов зверей помещались на одном предмете или находились в одном кургане, что давало дополнительные хронологические данные. Место недатированных экземпляров серии между датированными определялось по типологическому принципу. Аналогии из других областей, в особенности отдаленных, для датировки применялись лишь в исключительных случаях ввиду того, что изображение определенного зверя в определенной позе может существовать очень долго. Рассмотрение велось параллельно по двум линиям: 1) образ животного в течение всего периода существования образа (например, голова грифона с VII по IV в. до н. э.) и 2) образы животных в течение сравнительно короткого срока — обычно одного века (для Минусинской котловины более дробная хронология пока не очень надежна). Например, стоящий кабан, стоящий козел, голова грифона и др. в VI в. до н. э., голова барана, идущий лев или тигр, голова грифона в V в. до н. э. и т. п. Первая линия позволила установить срок бытования одного образа на данной территории, его связь с определенными категориями вещей, изменения и причины этих изменений и, наконец, в некоторых случаях смысл, значение и возникновение образа. Вторая линия позволила установить сочетание определенных образов в данную эпоху, общий стиль эпохи, его характерные черты и время существования, его постепенные или внезапные изменения и их причины, а по мере возможности — происхождение этого стиля. Для более компактного изложения материала развитие каждого отдельного образа дано в сводных таблицах А — М и таблицах рисунков, а разбор стилистических особенностей данной эпохи — в форме описания и также таблиц рисунков.

Для тагарской эпохи обычны изображения: голова грифона или хищной птицы; целая фигура или голова кабана или козла; баран — обычно только голова; лошадь; тигр или лев; благородный олень; волк — чаще только голова; осел; птица отряда тетеревиных или фазаньих. Редко изображались: лось, сайга, неопределимый хищник, верблюд, всего не

⁵ М. П. Грязнов, 1941а, стр. 308—309.

более пятнадцати животных. Отсутствуют: бык, медведь, северный олень, заяц и др. Все изображаемые животные — дикие. Исключение составляет только одно изображение верблюда со всадником да несколько наскальных рисунков с оседланными и взнузданными лошадьми.

Звериный стиль VII—начала VI в. до н. э.

В переходный карасук-тагарский период ни в одном из 35 могильников нет ни одного предмета, украшенного в зверином стиле, а среди случайных находок только две вещи: нож с фигурой стоящего животного и фигура стоящей лошади (табл. 22, 2, 4). То же положение сохраняется и в VII в. до н. э. Образцы звериного стиля VII (или самого начала VI в. до н. э.) могут быть выделены из случайных находок лишь типологически — как более архаичные по сравнению с многочисленными известными предметами VI в. до н. э., а также на основании некоторых аналогий с других территорий. Лишь два предмета — трехдырчатый костяной псалий с концами в виде головок животных и уникальная секира с протомами кабанов найдены в погребениях (табл. 22, 13а, табл. 8, 5). Среди образцов, выделенных для VII в., и круглая скульптура, и рельеф. Первая представлена навершием в виде головы грифона (табл. 22, 5), двумя навершиями в виде козлов на колокольчиках (табл. 22, 6, 7), стоящим кабаном на шиле-вкладыше кинжала (табл. 22, 8) и протомами кабанов на обухе уникальной секиры (табл. 8, 5), двумя головами баранов или грифонов на шиле-вкладыше (табл. 22, 11) и, наконец, головкой животного на ноже (табл. 22, 3). В рельефе даны головки грифонов на вкладышевых и иногда на простых ножах (табл. 22, 9—12).

Навершие в виде головы грифона не находит аналогий в комплексах Минусинской котловины. Подобные известны с других территорий (Ордос, Причерноморье). Ордосские экземпляры — из случайных находок, однако один, опубликованный А. Сальмони (табл. 30, 27), чрезвычайно сходен с головой грифона на навершии ордосского кинжала, по типу относящегося к VIII—VII вв. до н. э. (кинжал с «шипами» типа, еще очень близкого карасукскому)⁶. Причерноморские экземпляры также указывают на раннюю дату. Это костяные полые головки грифонов из Темир-горы (VII в. до н. э.) и кургана 3 у Серогоз (начало VI в. до н. э.), голова грифона с полым шариком под ней из бывшего Роменского уезда Киевской губернии⁷ (начало VI в. до н. э.). Все эти ранние головки грифонов характеризуются некоторыми общими чертами: изображением глаз в виде концентрических кружков или сквозных отверстий, отсутствием восковицы на клюве, клюв часто раскрыт или, по крайней мере, намечены обе его половинки; вся головка и особенно клюв часто бывают подняты вверх; отсутствуют уши, хохолок и какие бы то ни было дополнения, характеризующие фантастическую птицу. Словом, на данном этапе эти головки даже трудно назвать грифонными, это просто головки хищной птицы. В предскифское время подобные изображения головок хищных птиц в евразийских степях пока не известны.

Навершие в виде козлов на колокольчиках в Минусинской котловине достаточно распространены. Большая часть их относится к VI в. до н. э. Два из них, по-видимому идентичных (от второго сохранилась только головка), могут быть отнесены и к более раннему времени: они архаичнее по стилю и ближе к карасукскому навершию (табл. 29, 41). Глаза и ноздри сквозные, это чуть выступающие полые трубочки; на карасукском эти трубочки видны еще отчетливее. На обоих экземплярах даны

⁶ М. Лоегг, 1949, р. 34.

⁷ G. Воговка, 1928, pl. 32-A; раскопки Ф. Брауна, 1898 г. (ИАК 19, стр. 85, рис. 6). А. А. Бобринский, т. III, табл. XVII, рис. 5.

оба рога; фигура округлая. В более позднее время изображается один рог и фигурка становится уплощенной. В отличие от карасукского, где изображены четыре ноги, на разбираемом экземпляре показаны лишь две. Тело карасукского козла покое. Это прорезной бубенчик, в котором помещен шарик. Один из рассматриваемых нами экземпляров VII в. (табл. 22, 7) цельнолитый, но другой (табл. 22, 6) был, по-видимому, полым, судя по сохранившейся голове и шее.

Довольно близко рассматриваемым минусинским фигуркам навершие из Ордоса (табл. 29, 43), которое еще ближе к упомянутому карасукскому. Здесь также изображены уши в виде ложечек, отсутствующие на минусинском экземпляре; даны четыре ноги, а хвост задран вверх (на минусинском экземпляре хвост короче и торчит горизонтально). Тело ордосского козла покое. Другой ордосский экземпляр с полым прорезным туловищем-бубенчиком, скорее всего, карасукского времени (табл. 29, 45).

Для фигурки стоящего кабана на шиле-вкладыше кинжала не известны карасукские прототипы. К VII — началу VI в. до н. э. ее можно отнести по месту, занимаемому кинжалом в корреляционной таблице (табл. 2). Фигура отличается архаичными чертами: она пустотелая, округлая, глаза в виде концентрических сквозных кружков, изображены четыре ноги и два уха.

Протомы двух кабанов на обушке секиры (табл. 8, 5) датируются погребальным комплексом, где она найдена. Кабаны изображены в другой манере, чем на вкладыше. Они высокорослы, морды чуть приподняты от земли, пасти открыты. Фигурка уплощенная. Глаза сквозные (в теле еще три круглых отверстия). Прототипы таких фигурок мне неизвестны. Кабаны в той же манере, с открытой пастью, но более схематичные, изображены на двух архаических бронзовых ножах, форма которых близка еще форме ножей переходного карасук-тагарского времени. По-видимому, они относятся к VII в. до н. э.⁸ Сюда же относятся две схематические фигурки козлов со слившимися мордами на костяном гребешке. В отличие от других рога даны у них не дугой, упирающейся в спину, а в виде длинных, чуть изогнутых стержней, расположенных параллельно спине (табл. 28, 16).

Еще одна круглая скульптура, которую можно отнести к рассматриваемому времени, это две головки на шиле-вкладыше ножа (табл. 22, 11), напоминающие одновременно баранов и грифонов. Такие вкладышевые ножи известны в комплексах VI в. до н. э. Массивность ножа, широкое лезвие и хорошо заметный перелом между лезвием и ручкой позволяют отнести его к началу VI в. до н. э. или даже к концу VII в. до н. э. Подобные головки баранов, напоминающих грифонов, известны в довольно большом числе в начале VI в. до н. э. в Причерноморье и на Кавказе — Аксютинцы и Поповка, Келермес, Кармир-Блур (см. табл. 30, 6—9, 15). Обычно они изготовлялись из кости или рога, но иногда и из бронзы (могильник у села Будки)⁹.

По-видимому, в VII в. до н. э. появляется в тагарской культуре рельефное изображение головки хищной птицы. Головки чрезвычайно простые, с загнутым клювом, глаз обозначен круглой ямкой. Это едва ли не самый распространенный мотив в тагарском зверином стиле. Очень часто их помещали на ножах там, где ручка переходит в лезвие. Один из ножей (табл. 22, 12) грибовидной шляпкой и формой лезвия сильно напоминает еще карасукские и должен относиться к VII в. до н. э. К этому

⁸ С. Частоостровское (ГЭ 5531—933) и Минусинский край (ММ 4037).

⁹ А. А. Бобринский, т. III, табл. VII, 5 (Аксютинцы, курган 2), табл. VIII, 5 (Поповка, курган 8); А. А. Иессен, 1954, стр. 114, рис. 2 (верхний ряд первый слева и нижний ряд второй слева, Келермес); Б. Б. Пировский, 1949, стр. 188 (Кармир-Блур); Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, вып. VI, табл. I, № 433

же или чуть более позднему времени относятся два вкладышевых ножа, очень массивных, с резко заметным уступом между ручкой и лезвием (табл. 22, 9, 10). К этому же времени относятся плоские схематические головки животных или птиц на концах костяного двудырчатого псаля (табл. 22, 13а). Подобные неопределенные головки на концах костяных псалий встречаются и в Причерноморье (VI в. до н. э.)¹⁰.

Таковы немногие дошедшие до нас образцы тагарского звериного стиля VII — начала VI в. до н. э. Бросается в глаза их необычайно малое число по сравнению с громадным количеством предметов VI в. до н. э., украшенных в зверином стиле. Если иметь в виду, что вообще предметов VII — начала VI в. до н. э. известно много, и в комплексах и случайных находок, то следует сделать вывод о сравнительно слабом распространении звериного стиля в самом начале тагарской эпохи. Это подтверждается и тем, что для всего предтагарского периода (X — начало VII в. до н. э.) нам известно лишь несколько предметов, украшенных в зверином стиле. Лишь к VI в. до н. э. относится его быстрый и бурный расцвет.

Небольшое число известных нам образцов VII — начал VI в. до н. э. позволяет лишь констатировать определенные мотивы звериного стиля, но не позволяет делать вывод об отсутствии в это время многих других мотивов и о появлении их в более позднее время, тем более что многие предметы VI в. до н. э. обнаруживают явную связь со звериным стилем еще карасукской эпохи.

Поэтому вопрос о происхождении ряда мотивов и приемов изображения в раннетагарском искусстве правильнее поставить после рассмотрения образцов VI в. до н. э. Пока мы вправе отметить, что уже в самом начале тагарской эпохи существуют изображения голов животных и птиц, протом и целых фигур стоящих животных. Эти архаические изображения отличаются простотой форм и массивностью. Изображения VI в. до н. э. всегда мельче и тоньше. Для круглой скульптуры была характерна пустотелость. В дальнейшем в тагарской культуре Минусинской котловины она встречается все реже. Характерно изображение глаз и ноздрей в виде сквозных круглых отверстий. В дальнейшем они все чаще превращаются в неглубокие круглые ямки. Важно отметить изображение у животного четырех ног, двух ушей и двух рогов (у козлов). В дальнейшем обычно изображались две ноги (передняя и задняя), одно ухо и один рог.

Звериный стиль VI в. до н. э.

Датировка предметов, выполненных в зверином стиле VI в. до н. э., не будет обосновываться здесь так подробно, как для VII и начала VI в. до н. э. Большое число аналогичных предметов делают такой разбор излишним. Датировка предметов VI в. до н. э., украшенных в зверином стиле, обоснована в прилагаемых таблицах А—М (см. стр. 145—165). Она устанавливается на основе находки предметов данной серии в комплексах Минусинской котловины или на другой территории, сочетания на одном и том же предмете нескольких мотивов, один из которых известен в комплексах, и на основе самых точных аналогий с других территорий. Если других оснований, кроме последнего, нет, то датировка предмета остается всегда несколько неопределенной. Также нет необходимости подробно описывать здесь каждый мотив: все они приведены в таблицах. Можно перейти к характеристике основных групп изображений и особенностей их стиля.

¹⁰ Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, вып. III, табл. X.

Стиль первой такой группы можно условно назвать минусинским. Она является непосредственным развитием стиля VII в. до н. э. Эта группа объединяет следующие мотивы.

А. Круглая скульптура

I. Целая фигура животного: 1) стоящие животные (кабан, козел, баран, лошадь, кошачий хищник; 2) животные, стоящие на кончиках копыт (кабан, лось); 3) лежащие животные с подогнутыми ногами (баран, козел, косуля). II. Двойные протомы и двойные головы животных: 1) кабан; 2) козел; 3) баран; 4) лошадь; 5) кошачий хищник. III. Одинарные головы: 1) хищная птица.

Б. Рельеф.

I. Целая фигура животного: 1) стоящие (козел, кошачий хищник), 2) стоящие на кончиках копыт (кабан); 3) лежащие свернувшиеся кошачьи хищники II. Голова: 1) хищная птица.

Скульптурные фигурки стоящих кабанов в VI в. до н. э. еще часто бывают достаточно объемными, а многие и пустотелыми (табл. 23, 1—4). Все они даны с четырьмя ногами, часто показаны оба уха¹¹, которые обычно полукруглые. Глаза уже не бывают сквозными¹², а обозначены круглыми ямками, обведенными рельефным кантиком. Копыта обычно показывались выпуклыми полосками, клыки — в виде такой же выпуклой полосы вокруг морды, а хвост — коротким торчащим выступом. Этот тип фигурки кабана наиболее устойчив и сохраняется еще в V в. до н. э., делаясь постепенно все более плоским, утрачивая детали. Наряду с ним существуют и другие, иногда в общем очень близкие описанному (табл. 23, 7—9). Они отличаются только более высокими ногами и чуть большей реалистичностью. Но есть и совсем иного типа фигуры (на шиле и на зеркале, табл. 23, 10, 11). Ноги здесь очень высокие, морда направлена не вертикально вниз, а немного вперед и вниз, горб изображен пояском через спину, пасть открыта и иногда зубаста (табл. 23, 11). Животное это — нечто среднее между кабаном и волком. Тип этот редкий и в дальнейшем не сохраняется.

Стоящие козлы VI в. до н. э. нескольких разновидностей. Фигурка козла на колокольчике бытует в течение всего VI в. до н. э. Более ранними следует, очевидно, признать фигурки, сохраняющие еще пустотелость, две пары ног, оба рога и торчащее вверх узкое ухо; но глаза и ноздри уже не сквозные, а в виде круглых ямок, обведенных выпуклым колечком. Морды короткие, без перехвата, направлены вперед и лишь слегка вниз (табл. 24, 2). Позже их фигурка козла (на табл. 28, 27) уже не пустотелая, лишь со сквозными отверстиями на лопатках и бедрах и с одной парой ног (одной задней и одной передней), но еще с обоими рогами. Ухо изображено в виде полукруга. Наконец, еще позже пара козлов на колокольчиках из кургана у горы Самохвал и подобные же фигурки из деревни Кривой и коллекции И. П. Товостина¹³: они стоят не просто на колокольчике, а на плоском стержне, который в него вставляется. Эти фигурки значительно более плоские и строго профильные, изображены две ноги и один рог. На ногах иногда показаны копыта такими же выпуклыми полосками, как у кабанов. Морды более длинные, с перехватом посередине, сильнее опущены вниз и напоминают лосиные. Ухо в одном случае изображено в виде тупоугольного треугольника вершиной вниз, как у бляшек-олений V в. до н. э. Упомянем две сильно уплощенные фигурки козлов с лосеобразными мордами, еще сильнее напоминающие оленьков и относящиеся, очевидно, уже к V в. до н. э. (табл. 24, 10, 11).

¹¹ Минусинский край (AM 255-2); Кавказское (MM 3827).

¹² Исключение — AM 255-2.

¹³ MM 9207; ГЭ 3975-309.

К первой половине VI в. до н. э. относятся, по-видимому, четыре фигурки козлов на зеркале из Минусинского округа (табл. 24, 6), еще с парой рогов и достаточно объемные. К ним близки два козла на навершии ножа (табл. 24, 8), также с парой рогов и даже со сквозными глазами, но не пустотелые и с одной парой ног. Козел на ручке ножа (табл. 24, 7) уплощенностью, опущенной мордой и наличием копыт-полосок напоминает козлов на колокольчиках из Самохвала. Безусловно, к VI в. до н. э. относятся фигурки на шильях-вкладышах (табл. 28, 21, табл. 24, 9). К VI в. до н. э. относится, очевидно, и бронзовый котел с двумя ручками в виде фигурок козлов из Минусинского округа (табл. 24, 1). Фигурки строго профильны, не округлы, а с острыми гранями, что встречается иногда на предметах раннего звериного стиля из Причерноморья и из Саккыза, но не известно более ни на одном предмете из Минусинской котловины.

Несмотря на вариации в изображениях козлов «минусинского» типа, всем им свойственны общие черты: рога крутой дугой упираются в шею; у более ранних дуга эта довольно велика, впоследствии уменьшается; рога покрыты рубчиками, передающими фактуру; никогда не изображается борода и очень редко (только на ранних экземплярах) уши.

Значительно реже, чем фигурки кабанов и козлов, встречаются в раннетагарском искусстве изображения баранов и соответственно меньше стоящих баранов. Это четыре фигурки на шиле-вкладыше из Минусинского уезда (табл. 28, 20), баран на саблевидном ножичке (Самохвал, табл. 28, 18) и отдельная небольшая фигурка барана (табл. 28, 22).

Изображения лошадей в VI в. до н. э. немногочисленны. С уверенностью к этому времени можно отнести котел с двумя ручками в виде стоящих лошадей из села Тигрицкого (табл. 28, 28). Лошадь изображена в характерном минусинском стиле: голова опущена вниз, ухо полукруглое, глаз — кружочек, хвост — короткий торчащий выступ (табл. 25, 1). Две фигурки стоящих лошадей помещены на навершиях ножей, но относятся они, может быть, уже к началу V в. до н. э., судя по сходству с лошадкой из Малой Ини и другими изображениями V в. до н. э. (табл. 25, 20, 21).

К концу VI или началу V в. до н. э. относятся, видимо, и фигурки стоящих хищников (барсов?) на ножах того же типа, что и только что упоминавшиеся с лошадьми (табл. 37, 24). В первом случае хвост и лапы хищника даны в виде колечек, у зверя изображены оба уха; вторая фигурка отлита не так чисто, и детали разобрать невозможно, но ясно, что изображения сходны. Видимо, того же времени плоская фигурка стоящего хищника на обушке чекана (табл. 28, 25); о поздней дате ее свидетельствует зубастая пасть, что не свойственно изображениям VI в. до н. э.

К описанной группе очень близки фигурки животных, стоящих на кончиках копыт, «на пуантах». В Минусинской котловине они характерны для VI в. до н. э., по-видимому, исчезают в самом начале V в. до н. э. Как правило, животных помещали на навершии ножа или кинжала так, что ноги их свешиваются на ручку. Это кабаны и лоси (табл. 28, 12, 14, 15). К этой же группе очень близки и «сидящие» животные, у которых ноги также спущены на ручку: кабан (Калы) и какое-то неопределенное животное (Красноярский уезд)¹⁴ (табл. 28, 13).

Животные с подогнутыми ногами в тагарском искусстве VI в. до н. э. очень редки. Это баран с повернутой назад головой и рогами в виде спиралей, помещенный на вкладыше ножа (табл. 28, 19), и козел.

¹⁴ ГЭ 5544-23, ММ 831; КМ 211-486 (по рисунку В. В. Волкова).

Может быть, к этому же времени относится и несколько уплощенная фигурка косули (табл. 28, 23), ухо которой полукруглое, как у очень многих зверей VI в. до н. э., но не исключено, что эта фигурка и моложе.

В тагарском искусстве VI в. до н. э. нередки сдвоенные протомы или головы животных: сдвоенные головы кабанов мордами в разные стороны, с одним общим ухом, помещенные на шиле-вкладыше (табл. 23, 14); глаза их даны круглыми ямками, обведенными выпуклым колечком, морды опоясаны выпуклыми кантиками. Сдвоенные головы кабанов часто замещают ручку зеркала (табл. 23, 13). Известны сдвоенные протомы козлов на шиле-вкладыше (Минусинский край, табл. 24, 9), несколько менее массивные, чем целые фигурки козлов, а также сдвоенные головки баранов на уздечной подвеске с прорезным шариком (табл. 28, 7) и протомы лошадей на навершиях кинжалов и ножа (табл. 25, 15, 16) VI—V вв. до н. э.

Одинарные скульптурные головы животных в VI в. до н. э. очень редки. Это очень уплощенные головки баранов на навершиях и перекрестьях кинжалов (табл. 28, 5, 6) и столь же уплощенные лошадиные на головных ножичках (табл. 28, 1, 2). Зато очень часты головки хищной птицы. Эти ранние скульптурки очень просты: шарик с круглым глазом, иногда сквозным, и клюв в виде короткой дужки. Ни ушей, ни круглой выпуклости в нижней части головы, ни восковицы не изображали. Головки эти украшают в основном оружие: чеканы и секиры (см. табл. А на стр. 145—146, а также табл. 7, 8, 9). На чеканах они довольно плоские и всегда помещаются в углу, который боек образует со втулкой; на секирах — по две головки на обушке, клювами друг к другу. Они несколько отличаются от обычного типа: клювы открыты, как у птичьих голов VII в. н. э. По-видимому, более архаическому виду оружия соответствует и более архаическая форма птичьей головки. Кроме того, птичья головка есть и на нескольких ножах, которые могут быть отнесены к VI в. до н. э., может быть, к его концу (табл. 28, 8).

Рельефы в VI в. до н. э. довольно редки. Это, например, козлы на ажурных навершиях (табл. 24, 4, 5), сохраняющие все особенности изображений козлов VI в., выполненных в круглой скульптуре; вероятно, их просто отлили в половинке формы, предназначенной для изготовления скульптуры. Затем стоящие кошачьи хищники с кольчатыми лапами (ножны ножа — табл. 28, 24), неизвестные в круглой скульптуре VI в. до н. э. в Минусинской котловине, но хорошо известные и в Причерноморье, и в Ордосе (табл. 29, 38, 39). Есть в рельефе и животные, стоящие на кончиках копыт: кабан на крючке для подвешивания кинжала (Малая Минуса — табл. 23, 15). Наиболее многочисленна серия хищников семейства кошачьих, свернувшихся кольцом — мотив, чрезвычайно распространенный в скифском мире от Причерноморья до Ордоса. В Минусинской котловине он появляется в VI в. до н. э. и вряд ли в самом его начале. Два подобных изображения найдены в комплексах VI в. до н. э. (табл. 27, 2, 8).

По сравнительной таблице распространения этого мотива (табл. 27, 23—41) мы видим, что наиболее ранними образцами следует считать те, у которых ухо, глаз, ноздря и хвост изображены колечками, расположенными друг за другом по внешнему краю кружка-бляхи (т. е. так, что морда касается кончика хвоста, в центре бляхи — круглое отверстие; лапы расположены параллельно туловищу и направлены вперед, концы их оформлены также в виде колечек и помещены друг против друга, по краям центрального отверстия). Так выглядят эти бляхи в наиболее древних скифских курганах Причерноморья (Темир-гора, Келермес — VII — начало VI в. до н. э., табл. 27, 23, 24).

Ни на одной минусинской бляхе ухо не обозначается уже кружочком, а в виде полукруга, что типично для тагарского искусства VI в. до н. э.,

но прочие архаические детали сохраняются. Наиболее ранние, по-видимому, бляшки помещены на табл. 27, 1—5. К ним же, очевидно, относится изображение зверя, свернутого полукольцом, на шиле-вкладыше (табл. 27, 18). У более поздних изображений морда сильнее вытянута, с открытой пастью; теперь только глаза, лапы и хвост даются кольчатыми. Один из этих экземпляров украшен выпуклыми спиралями на лопатке и бедре (табл. 27, 10), что чрезвычайно редко в тагарском зверином стиле и известно еще лишь на костяном изображении свернувшегося льва из тагарского кургана V в. до н. э. (табл. 27, 21). Изображения свернувшихся зверей в тагарском искусстве быстро вырождаются: туловища их необычайно худеют, но поза остается той же (табл. 27, 11, 12). Это происходит в течение VI в. до н. э., судя по такому «исхудавшему» зверю на тагарском зеркале «с кнопкой на четырех ножках» и с закраинами (табл. 27, 12), характерном в основном для VI в. до н. э. Но изображение на другом подобном же зеркале относится уже к V в. до н. э. (табл. 27, 13), судя по тому, что здесь на теле свернувшегося зверя вписано «копыто» — знак, который более распространен в V в. до н. э. Очевидно, к VI в. до н. э. относятся «полусогнутый» зверь (табл. 27, 16) и другой сильно стилизованный из Минусинского округа¹⁵. Началом V в. до н. э. датируется, очевидно, и свернувшийся кольцом зверь, лапы которого снабжены когтями (табл. 27, 15).

Выполнены в рельефе и головы птиц. Иногда их помещают по несколько на обухах плоских ножей (табл. 28, 9, 10). Они очень напоминают подобные же голочки, выполненные в круглой скульптуре. Помещали такую головку и на вкладышевых ножах, на уступе между ручкой и лезвием (табл. 28, 19, см. также табл. А на стр. 145—146). Такие же птичьи головы изображались врезанной линией на вкладышевых ножках, а иногда и на других (табл. 37, 17, 32). Некоторые из них с выступающим вверх из головы глазом (табл. 26, 19). Такие головки свойственны и искусству Северного Причерноморья VI в. до н. э. (табл. 30, 15), известны в Саккызе в Курдистане.

Рассмотрение технических приемов тагарского искусства VI в. до н. э. показывает строгое единство трактовки образов. Изображение головки животного в деталях не отличается от головы фигурки того же животного и его протомы, а животное, показанное в рельефе, — от того же образа в круглой скульптуре и от выполненного врезанной линией. Рассмотренные технические приемы свойственны господствующему в VI в. до н. э. направлению тагарского искусства, которое мы условно назвали минусинским. Наибольшее число изображений выполнено в круглой скульптуре, и она явно преобладала в минусинском искусстве VI в. до н. э. Рельеф распространен гораздо меньше и ограничен всего несколькими мотивами; еще более скромное место занимает техника врезанных линий. Следующая особенность тагарского звериного стиля VI в. до н. э., тесно связанная с преобладанием круглой скульптуры, заключается в том, что он применялся почти исключительно для украшения оружия и некоторых культовых предметов (котлы, зеркала). Почти все известные нам псалии, ворворки, подвески к уздечке, украшенные в зверином стиле, относятся уже к V в. до н. э., как и основная масса наременных блях конского убора, требовавших рельефа. Исключением составляют только бляшки в виде свернувшегося зверя, быть может, относящиеся к конскому убору VI в. до н. э. В целом же конский убор VII—VI вв. до н. э. в Минусинской котловине не относится к предметам звериного стиля.

Отметим, что оружие не просто полагалось украшать какими-нибудь фигурами животных, но каждый вид его требовал более или менее опре-

¹⁵ ММ 9255.

деленного животного. Так, чеканы украшали исключительно головками хищных птиц (помещавшимися в углу между бойком и втулкой), как и чеканы с других территорий (Нижнее Приобье, Урал, Прикамье¹⁶), причем здесь эти головки помещаются не только под бойком, но иногда и на верхней части втулки. В последнем положении они переходят и на нижеобские и ананьинские секиры¹⁷. Наконец, в скифских курганах Причерноморья известны бронзовые боевые молоточки, острый конец которых оформлен в виде головы и клюва хищной птицы¹⁸. Совершенно очевидно, что этот род оружия ассоциировался с хищной птицей. Да и самое слово «клевец» (подобное чекану оружие, существовавшее в Московском государстве)¹⁹ происходит от слова «клевать», пробивать клювом. В этой же связи интересно отметить, что в северо-западной Монголии, где в фольклоре сохранилось очень много архаического, Г. Н. Потаниным записана сказка о птице хардига-шибо (коршуне), которая «в прежнее время получила от неба силу и власть пробивать черепа у людей и есть их мозг»²⁰.

Клевец, или чекан, служил, как известно, для пробивания черепов. Может быть, хищная птица, головка которой помещается на тагарских чеканах,— это именно коршун. Головки хищных птиц на перекрестьях кинжалов (табл. 3, 28), на уступах ножей, между ручкой и лезвием связаны, быть может, с назначением перекрестья и ножа защищать, охранять руку от поранения²¹. А грифоны, в том числе и птицеголовые, мыслились всегда как стража и охрана, и эта их функция едва ли не важнейшая, начиная со времени их появления у хеттов²².

Кабан изображался главным образом на навершиях кинжалов и ножей, и это связано, может быть, с уподоблением этого оружия и наносимых им ран действию кабаньих клыков. Иногда кабана замещает хищник семейства кошачьих, скорее всего барс. Другие животные на оружии VI в. до н. э. попадались довольно редко.

Таким образом, с усилением роли оружия в тагарскую эпоху наряду с возникновением обычая хоронить с оружием в религиозных верованиях носителей тагарской культуры зарождается еще и другая новая черта: тесная связь определенного рода оружия с определенным зооморфным божеством — хищным животным или птицей и выдвигание этих новых божеств на первое место. Как мы видели, кабан и хищная птица — наиболее часто изображаемые в VI в. до н. э. Вероятно, это явление начинается еще в VII в. до н. э., но малое число образцов, относящихся к этой эпохе, не позволяет настаивать на этом. Продолжают существовать и старые зооморфные божества, принесенные еще племенами карасукской культуры, — козел, баран, лось, однако вследствие своей «мирной» природы они редко служат для украшения оружия, и в эту военную эпоху, видимо, отходят на второй план.

Теперь остановимся на особенностях «минусинского» стиля VII—VI вв. до н. э. (табл. 28). Он характерен не только унификацией в изоб-

¹⁶ В. Н. Чернецов, 1953, стр. 123, табл. I, 1; А. В. Збруева, 1952, стр. 105, табл. XXII, 1, 4, 5, 7, 9.

¹⁷ В. Н. Чернецов, 1953, стр. 151, табл. X, 1, 2; А. В. Збруева, 1952, стр. 134, рис. 14; стр. 176, табл. XXXII, 2.

¹⁸ Село Пастырское Чигиринского уезда Киевской губернии (Б. Н. и В. И. Ханенко, 1907, вып. VI, табл. IV, 428), низовья Днестра (И. В. Яценко, 1959, стр. 37, табл. III, 3).

¹⁹ П. И. Саввантов, 1896, стр. 197 и атлас, № 65—68.

²⁰ Г. Н. Потанин, 1883, стр. 556.

²¹ По-французски перекрестье кинжала или меча так и называется «garde» («охрана»).

²² См. об этом, например, в диссертации Н. Н. Погребовой «Грифон и его изображение в искусстве Северного Причерноморья в эпоху греческой колонизации» (архив ИА, арх. 364, стр. 2—8 и др.).

ражении данного животного и отдельных частей его тела, но и унификацией в изображении частей тела самых различных животных. Уже не раз подчеркивалось, что для «минусинского» стиля VII—VI вв. до н. э. характерна трактовка глаз и ноздрей в виде сквозных круглых отверстий, обведенных кружками (у кабанов, козлов, лошадей, хищных птиц, кошачьих хищников), а уха — в виде полукруга (у кабанов, лошадей, козули и кошачьих хищников). Двойные выпуклые кантики применяются для изображения копыт у кабанов и козлов и клыков у кабанов. Хвост дается в виде короткого торчащего выступа не только у козлов, но и у кабанов и лошадей, несмотря на то, что у последних хвост длинный. Тело животных моделировано условно: бедро в виде полушара, лопатка — выпуклым сегментом, их разделяет неширокий желобок. Голова — обычно шарик, к которому прибавлены различные детали, чтобы добиться нужного сходства: клюв в виде дужки у птицы; подобная же, но более толстая дужка изображает длинную, горбоносую морду барана; опущенная вниз пирамидка — рыло кабана.

Итак, изображение самых различных животных в тагарском искусстве VII—VI вв. до н. э. осуществлялось с помощью небольшого числа деталей-штампов в комбинации с такими же деталями-штампами, которые употреблялись для передачи отличительных черт. Набор поз тоже был небольшой: так, например, как правило, животные стоят, опустив голову вертикально вниз. Эта поза, обычная для кабана, переносится и на лошадь, и даже козла пытаются изображать с опущенной вниз головой. Благодаря единообразию поз и деталей изображений животных раннее тагарское искусство производит впечатление удивительно однородного и единообразного, что заставляет думать, что оно восходит к какому-то одному источнику, без каких-либо существенных дополнительных влияний.

Таким источником было карасукское искусство. Нам известно немного его образцов. По-видимому, изображения зверей в карасукской культуре занимали гораздо меньшее место, нежели в тагарской. Вещи в зверином стиле, чрезвычайно близкие вещам карасукской культуры, известны не только в Минусинском котловине, но и из других районов — Монголии, Забайкалья, Ордоса. Ввиду небольшого количества материала из Минусинской котловины для суждения о карасукском зверином стиле могут быть использованы и предметы с перечисленных выше территорий. Но даже небольшое число дошедших до нас изображений зверей карасукской эпохи позволяет установить, что многие сюжеты и детали раннетагарского искусства непосредственно восходят к карасукским. Излюбленными животными карасукских мастеров были козел, баран, лось и бык. Изображались и отдельно головы их и целые фигуры. Те и другие обычно увенчивали ножи и кинжалы, но иногда помещались и на их ручке. Головки козлов известны нам в нескольких различных трактовках (табл. 29, 1, 5). Из них наиболее близка раннетагарской трактовка головок козлов из Ордоса (табл. 29, 5): у них такая же дуга рогов и очень похоже изображение морды. Фигурка стоящего козла на другом китайском ноже (табл. 29, 25) отличается от тагарских разве что большим схематизмом.

Головки баранов также известны в нескольких трактовках. Одну из них — с длинной узкой горбатой мордой и маленькими завитками рогов — мы отмечали на ряде раннетагарских головок (ср. табл. 29, 11 с табл. 28, 18, 20). Другую, где морда изображена также узкой и горбатой, а завитки рогов круглые и заходят на морду животного, мы видим на карасукском ноже (табл. 29, 10). В тагарском искусстве эта же трактовка представлена на двух кинжалах VI в. до н. э., только головки становятся более плоскими, как и большинство тагарских изображений по сравнению с карасукскими (ср. табл. 29, 10 с табл. 28, 5).

Фигурки лосей в карасукском искусстве пока неизвестны. Головки лосей изображались с рогами²³ или без рогов. Последние на ордосских и аньянских ножах карасукского времени очень близки головкам лосей на навершиях раннетагарских ножей (ср. табл. 29, 6, 8 и табл. 28, 14, 15). Фигурки двух стоящих животных, обращенных друг к другу, со слившимися мордами, выполненные чрезвычайно схематично, представлены в раннетагарском искусстве резьбой по кости (табл. 28, 16). По рогам можно установить, что это козлы. Подобные же фигурки — на навершии карасукского бронзового ножа из Иркутского музея (табл. 29, 26).

Все упомянутые изображения животных в карасукском искусстве выполнены в круглой скульптуре. Она, как и в раннетагарской культуре, — преобладающий вид искусства. Для карасукского искусства в еще большей мере, чем для раннетагарского, характерно изображение глаз и ноздрей животных в виде сквозных круглых отверстий, обведенных иногда кантиками (головка козла на шиле — табл. 29, 1; головка лося на ноже²⁴; головки барана и козла на кинжале из Забайкалья²⁵ и Ордоса²⁶ и др.). Но иногда и в карасукском искусстве глаза уже не сквозные, а в виде круглых ямок (голова барана на ноже²⁷ и др.). Туловище, как правило, стилизовано, часто состоит из шариков и цилиндров (Ордос)²⁸, как и в раннетагарском искусстве. Для карасукской скульптуры в еще гораздо большей степени, чем для тагарской, характерна пустотелость — например, фигурка барана на карасукском ноже из Ордоса, фигурки козлов на навершиях (табл. 29, 25, 41, 43, 45).

В раннетагарском искусстве с самого начала использовалась и очень уплощенная скульптура, которая, правда, первоначально не играет заметной роли, но в течение VI в. тенденция к уплощению фигурок все возрастает. Однако начало этого явления наблюдается уже в карасукском искусстве: известны совсем плоские головка барана на ноже из с. Тесь²⁹ и головка непонятого животного на кинжале из окрестностей Канска³⁰. Изредка встречаются в карасукском искусстве и фигурки животных, выполненные в рельефе, обычно на ручках ножей, например у китайского ножа с навершием в виде стоящего барана (табл. 29, 25а) и на других ордосских ножах.

Головки, как и в тагарском искусстве, — это шарик, к которому добавлены дужки или другие детали, придающие сходство с мордой нужного животного (головка козла на шиле из Ладейского погребения, табл. 29, 1; головки рогатых лосей, барана из Читинского музея). Изображаются обычно два уха и два рога, причем рога иногда выполнены в рельефе (на ножах с головками козла и лося из Минусинской котловины³¹), что характерно и для раннетагарского искусства. В том случае, когда фигурка животного изображена целиком, показывают все четыре ноги, также в рельефе (табл. 29, 42, 43, 45), что типично, как мы видели, и для наиболее ранних тагарских изображений.

Надо учитывать, однако, и другое. Предметы, оканчивающиеся головками различных животных, известны не только в тагарском и карасукском искусстве, но и в искусстве ряда синхронных тагарской культур евразийских степей и некоторых других территорий. Так, ножи с голова-

²³ Марьясова (ММ 1320).

²⁴ Там же.

²⁵ Река Онон, вблизи села Усть-Тулутай (Чит. М., 905. По рис. С. В. Зотовой).

²⁶ V. Griessmaier, 1936, № 86, 87; Хаттин-сум, Чахар. В. Karlgren, 1945, Pl. 37—227.

²⁷ Топанов улус (ММ 12522)

²⁸ J. G. Andersson, 1933, Pl. VII, 2; A. Salmony, 1933, Pl. VI, 192.

²⁹ Минусинская котловина, река Туба (КМ, 131-621).

³⁰ Кан М. без номера, 1913 г., коллекция А. Н. Шафрыгина.

³¹ М. П. Грязнов, 1929, рис. 6 и 7.

ми хищников кошачьей породы известны в VI в. до н. э. в Северном Причерноморье (табл. 29, 12) и Восточном Казахстане³² (на последнем изображена и передняя лапа животного). Конские головки, очень близкие украшающим тагарские ножи, известны на костяных псалях из Причерноморья, также VI в. до н. э. (табл. 29, 15). В Минусинской котловине ножи с такими головками бытуют в конце VI—V в. до н. э. (ср. табл. 29, 7—10 и табл. 29, 15). Нож с головкой свиньи найден на Алтае (табл. 29, 16). По форме лезвия он относится, скорее всего, к VII в. до н. э. Тагарскому ножу с головкой хищной птицы (табл. 28, 8) соответствуют причерноморские (по-видимому, конец VI — начало V в. до н. э.) и из района Самарканда и Ордоса (табл. 29, 18—20). Еще В. А. Городцов приводил в качестве аналогий некоторым тагарским ножам с головками лошадей и волков (уже V в. до н. э.) ассирийские предметы с барельефов дворца Ашурназирпала, украшенные головками животных³³. Ряд головок хищных птиц, помещенных по краю какого-нибудь предмета, встречается не только в Минусинской котловине, но и в Северном Причерноморье³⁴, на Алтае³⁵ и в Ордосе (табл. 29, 22). Распространенным в тагарском искусстве изображениям зверей кошачьей породы с кольчатыми лапами (табл. 28, 24) соответствуют такие же из Северного Причерноморья, Алтая и Ордоса (табл. 29, 38—40).

Точных аналогий перечисленным вещам в карасукском искусстве неизвестно, но такое сходство изображений зверей на столь удаленных друг от друга территориях (сходство, которому, впрочем, далеко до тождества) заставляет думать о том, что и эти причерноморские и среднеазиатские изображения восходят к какому-то искусству, близкому по стилю карасукскому. Мы видели, что и прототипы минусинского стиля находились не только в карасукском искусстве Минусинской котловины, но и в родственных ему искусствах Забайкалья и Ордоса. Можно думать, что и на юго-запад от Минусинской котловины существовала область, где были развиты подобные же стили.

Таким образом, очень многие особенности тагарского искусства VII—VI вв. до н. э. непосредственно исходят из карасукского. Однако не все раннетагарские изображения зверей восходят непременно к карасукскому искусству Минусинской котловины; часть их может найти прототипы в подобном карасукскому искусстве более западных районов, откуда могли произойти казахстанские и среднеазиатские изображения животных скифской эпохи, которые уже и тогда могли проникнуть в Минусинскую котловину.

Проблема происхождения «минусинского» звериного стиля

Генетическая связь тагарского звериного стиля с карасукским установлена С. А. Теплоуховым, Э. Минном и С. В. Киселевым³⁶. Разбор особенностей раннетагарского искусства потребовал более подробного рассмотрения этого вопроса с привлечением новых материалов.

Выше был сделан вывод, что поскольку тагарский звериный стиль сходен и со скифским в Причерноморье (и в других районах скифского

³² Село Славянка, раскопки С. С. Черникова (АКА, реестр, табл. IX, окончание, рис. 179, бронзовый нож).

³³ В. А. Городцов, 1916, рис. 61, 63, 59, 64 и стр. 89—93.

³⁴ Сильно стилизованные головки по краю выступа ножен мельгуновского меча (А. А. Спицын, 1901, стр. 277, рис. 66).

³⁵ Майэмирская степь (МАЭ 2406-45).

³⁶ С. А. Теплоухов, 1929, стр. 48; Е. Н. Миннс, 1930, р. 6; С. В. Киселев, 1949, стр. 134, 136.

мира), и с карасукским, то предполагаемый источник скифского звериного стиля должен быть источником и карасукского. Такой источник находится в горных районах к западу, северо-западу и северо-востоку от Месопотамии, о чем писали М. И. Ростовцев, А. М. Талльгрэн, К. Хентце, Э. Герцфельд и Б. Сунода. Это искусство хеттов, бронзы Луристана и Мазандерана, печати типа Керкук (митаннийские). Территория их распространения обширна — от Кипра, Сирии и Палестины до Луристана. Время бытования этих близких между собой стилей — в основном вторая половина II тыс. до н. э. Сходство с искусством евразийским не вызывает сомнений. Некоторые мотивы встречены в большом количестве как в Причерноморье и Сибири (и далее до Монголии, Ордоса, Маньчжурии), так и в искусстве указанных ближневосточных районов.

Примеры «сквозных» мотивов, встречающихся на всей рассматриваемой территории, приведены на табл. 30—32. Это изображения птиц, например странные головы барано-грифонов, распространенные в архаических скифских курганах начала VI в. до н. э., в Урарту, а также в Минусинской котловине (VI в. до н. э.). Еще Э. Герцфельд высказал остроумное предположение, что парные головы хищных птиц на перекрестьях ордосских кинжалов, украшенные концентрическим орнаментом, восходят к головкам львов из Луристана (табл. 30, 1—5)³⁷. Существование в евразийском зверином стиле головок барано-грифонов полностью подтверждает это предположение: головки львов типа луристанских не были поняты в скифском мире, и верхняя челюсть открытой пасти льва была осмыслена иногда как рог барана, иногда как восковица хищной птицы. Разделка головок хищных птиц концентрическими бороздками в Причерноморье и Ордосе (табл. 30, 14, 15), несомненно, восходит к тем же головкам львов из Луристана (табл. 30, 2—5). При этом ухо льва, нередко изображаемое в виде кружочка (табл. 30, 3), порой воспринимается в искусстве скифского мира как глаз птицы, выступающий из головы вверх (табл. 30, 14). А иногда уши сохраняются на головках хищных птиц в искусстве скифского мира — таково, видимо, происхождение «ушастых грифонов» (табл. 30, 16—21). Тот факт, что головки львов в скифском мире осмысляются как головки хищных птиц, говорит о том, что здесь существовал, видимо, культ хищной птицы. В VII в. до н. э. головки хищных птиц уже весьма развиты (Саккыз, Темир-гора³⁸, Минусинский край, Ордос — табл. 30, 25—27). Самый же облик этой птичьей головки восходит, по-видимому, все к тем же странам Ближнего Востока, где он известен в глиптике хеттов и митаннийцев (табл. 30, рис. 22—23).

Отдельно изображенные головы птиц или животных на ближневосточных печатях обозначали, по-видимому, жертвы. Иногда давалась вся птица с распростертыми крыльями и повернутой вбок головой (значительно реже — голова в фас). В скифском мире эти фигурки известны уже в архаических курганах (Литой курган, табл. 30, 32). Известны они и в предшествующее время — с середины II тыс. до н. э. — в восточных районах Евразии (Маньчжурия, изредка даже Китай эпохи Инь, табл. 30, 33—35). Все они восходят к гербу города Лагаша и изображениям на керамике эпохи Сузы I — Сузы II, IV тыс. до н. э. (табл. 30, 28—30). Разновидностью «распростертых» птиц следует считать те, у которых показаны перья полосками на крыльях и чешуйками на груди. В степях Евразии они появляются сравнительно поздно, в V—IV вв. до н. э. (При-

³⁷ E. Herzfeld, 1941, p. 173; луристанские навершия типа, изображенного на нашей табл. 30, 4, датируются временем около XII в. до н. э. (S. Przeworsky, 1938, p. 253, fig. 52, p. 250—251, клад из Маку). Наиболее поздние навершия такого типа относятся ко времени ранее конца VII в. до н. э. (R. Dussaud, 1938, p. 277).

³⁸ См., например, A. Godard, 1951, p. 242, fig. 1; G. Bogovka, 1928, Pl. 32-A.

черноморье, Тува, Алтай — табл. 30, 38—40), но в Малой Азии известны уже в эпоху архаики (Эфес, табл. 30, 37). Может быть, это специально иранская разновидность, судя по неожиданному сходству птицы из Тепе Гийяна времени Сузы I — Сузы II с птицей из Башадар (ср. на табл. 30, рис. 36 и 40).

Остановимся на сравнении изображений копытных животных (табл. 32). Фигурки стоящего кабана с наклонно поставленными ногами из Центрального и Восточного Казахстана, Минусинской котловины и Ордоса (табл. 32, 1—7) весьма сходны между собой, несмотря на разницу в материале (камень, кость, бронза, золото) и способе изготовления (скульптура, рельеф, силуэт, вырезанный из золотого листка). Они восходят к изображениям из Астрабада на стеатитовой крышке сосуда (табл. 32, 1) III—II тыс. до н. э. Предмет из Эфеса относится к VII—VI вв. до н. э. (табл. 32, 2). В Причерноморье изображения кабанов в этой позе неизвестны. В евразийском зверином стиле нередко копытных животных изображали стоящими на кончиках копыт, «на пуантах» (Кавказ, довольно редко — Северное Причерноморье, далее — Восточный Казахстан, Алтай, Тува, Минусинская котловина — табл. 32, 12, 4, 13—15). Все эти изображения относятся к скифскому времени. Но в той же позе копытные изображались на печатях VIII—VII вв. до н. э. на Ближнем Востоке (табл. 32, 8), и эта традиция восходит еще к эпохе Джемдет-Наср, т. е. к концу IV тыс. до н. э. (табл. 32, 9). Характерно, что в данном случае на «скифских» предметах часто изображаются все четыре ноги животного (табл. 32, 11, 13), как и на древневосточных печатях (табл. 32, 8, 9), хотя для скифского искусства обычна строго профильная постановка, при которой видны только две ноги. Часто изображали в евразийском искусстве скифского времени отдельно ноги животных, обычно задние (Причерноморье, Южный Урал, Ордос — табл. 32, 17—20). Они также восходят к ближневосточным печатям конца II тыс. до н. э. (табл. 32, 16). Отдельные ноги животных на печатях, как и отдельные головы, скорее всего изображают жертвы.

Чрезвычайно многочисленны в искусстве скифского мира фигуры козлов с подогнутыми ногами. Они распространены повсеместно во многих разновидностях (Курдистан, Памир, Алтай, Минусинская котловина, Ордос — табл. 32, 23—28). Но такие же изображения многочисленны в бронзах Луристана (II и начало I тыс. до н. э. — табл. 32, 21) и на печатях типа Керкук середины II тыс. до н. э. (табл. 32, 22). Причем на печатях эта поза объясняется всей композицией: козлы с подогнутыми ногами обычно даны по бокам священного дерева, они как бы поклоняются ему. На Ближнем Востоке эти изображения уходят в глубокую древность, они многочисленны в III тыс. до н. э. Существует и разновидность — козлы с подогнутыми ногами, но голова повернута назад. Встречены они только в западной части скифского мира, в Северном Причерноморье, где очень многочисленны, особенно в архаических курганах (табл. 32, 33, 34), но изображений козлов с подогнутыми ногами и головой, направленной вперед, в Причерноморье нет. Напротив, в восточных частях скифского мира не найдены изображения козлов с подогнутыми ногами и головой, повернутой назад. Но на Ближнем Востоке есть и эта разновидность. Она многочисленна, в частности на печатях типа Керкук (табл. 32, 29—31), где эта поза связана с композицией: голова повернута назад обычно тогда, когда на козла нападает сзади хищник (табл. 32, 29) или когда на его спину поставил ногу какой-нибудь бог или герой.

В искусстве скифского мира нередки изображения головы животного в фас: иногда хищника из породы кошачьих, а иногда животного с длинной вытянутой мордой и стоячими ушами, которое считают лошадью. Они распространены почти повсеместно: Северный Кавказ, Причерно-

морье, Тува, Минусинская котловина (где они редки) и Ордос (очень многочисленны — табл. 32, 37—44). Есть они и на Ближнем Востоке (табл. 32, 35—36). Дата в данном случае неизвестна, но подобные изображения голов быков в фас известны еще в IV—III тыс. до н. э.³⁹, и нет сомнения, что и рассматриваемые головки происходят из того же источника.

Наконец, в евразийском искусстве изредка встречаются изображения сильно вытянутых животных: лошадь (Ордос, табл. 32, 47) или какое-то непонятное животное — не то хищник, не то копытное (Причерноморье, табл. 32, 46). Подобные сильно вытянутые животные — лошади, козлы и хищники — чрезвычайно типичны для искусства Луристана (табл. 32, 45 и табл. 30, 1)⁴⁰.

Из хищников наиболее часты в скифском искусстве лев или барс. Изображают хищника в нескольких строго определенных позах, связанных между собой, они кажутся условными и странными в искусстве скифского мира, но становятся понятны, как только мы вновь обратимся к искусству Древнего Востока. В искусстве Сибири начиная с V в. до н. э. часто, а в Причерноморье изредка (обычно в Прикубанье) встречаются фигуры льва или барса с перекрученным туловищем (табл. 31, 7—9, 33, 34). Обычно их называют «животные с вывихнутой задней частью», однако правильнее сказать, что вывернута передняя часть туловища: иногда только голова и шея, но чаще и вся прилегающая часть туловища с передней лапой; животное показывают при этом с оскаленной пастью. Эта поза находит объяснение в многочисленных произведениях из Двуречья и Ирана, где представлена борьба героя со львом или двумя львами. В вавилонском искусстве это Гильгамеш (табл. 31, 1, 2), а в ассирийском — так называемый Мардук-Гильгамеш (табл. 31, 4), в ахеменидском — также какой-то герой (табл. 31, 5). Как правило, герой держит льва вниз головой и собирается убить его, а лев, вывертываясь, открыв пасть, пытается укунить героя. Все здесь ясно и закономерно. Реже встречаются сцены, где животное стоит на задних лапах и, вывернув переднюю часть туловища, также пытается укунить нападающего героя (табл. 31, 4). Интересно, что уже в искусстве Древнего Востока встречаются изображения не только целых сцен, но и отдельных львов в этой позе (ср., например, топор из Хамадана, табл. 31, 6⁴¹ с изображением на ассирийской печати — табл. 31, 4). Но все эти месопотамские и иранские изображения «вывернутых» львов довольно далеки от скифских и сибирских по стилю. Гораздо ближе, как и в других случаях, львы из Луристана, которых также держит какой-то герой (табл. 31, 3). Как и в скифском зверином стиле, изображения луританских львов строго профильные: показаны две — задняя и передняя — лапы, да и поворот туловища ближе напоминает скифских и сибирских львов. Иногда в скифском зверином стиле при перекрученном таким же способом туловище задняя лапа перегибается вперед так, что касается морды (Причерноморье, табл. 31, 10), или назад так, что касается загривка (Ордос, табл. 31, 11); в обоих случаях тело животного, помимо того, что перекручено, еще и свернуто в кольцо. Близость этой позы к предыдущей очевидна.

Среди ближневосточных изображений героя, держащего двух львов, встречаются иногда и такие, где задние ноги львов приподняты кверху,

³⁹ E. Herzfeld, 1941, fig. 125.

⁴⁰ E. Herzfeld, p. 169, fig. 284. В упомянутой работе лошади сопоставляются со львами; но в луританском искусстве имеются и фигурки лошадей, вытянутые так же, как в Ордосе (см. нашу табл. 32, 45, 47).

⁴¹ M. Rostovtzeff, 1922, Pl. XI, 6. Максвелл-Гислоп в классификации ближневосточных топоров (1949, Pl. XXXVI, 9, p. 103, 104) не дает даты для этого топора, относя его к типу 14, время которого конец I — конец II тыс. до н. э.

а туловище полусогнуто. Еще С. Прушевская⁴² справедливо сравнивала одну из таких сцен (Кидония на Крите, табл. 31, 12) со скифскими изображениями львов или пантер в геральдической позе табл. 31, 31, 13). Находка из Литого кургана носит явные следы ассирийского или урартского стиля. Но есть подобные изображения и в чисто евразийском зверином стиле из Причерноморья (табл. 31, 14) и из Ордоса (табл. 31, 15, 16). Иногда дается не пара, а лишь один полусогнутый зверь (Минусинская котловина — табл. 31, 17; Ордос — табл. 31, 18); задние лапы его в этом случае подобраны к животу. Эта поза уже совсем близка позе евразийских свернувшихся зверей, зверь лишь сильнее свернут — не полукольцом, а полным кольцом. Эти изображения распространены повсеместно в скифском мире (табл. 31, 19—23; табл. 27, 1—41). Но полусогнутых зверей (табл. 31, 13—16) можно не только свернуть сильнее, но и, напротив, разогнуть. Тогда получится (табл. 31, 24—28) известная поза «животного на корточках», или «скребущего животного», и действительно часто хищник изображается лапами вниз, он как бы припадает к земле или сидит на корточках. Но иногда он помещался вертикально: подобранные лапы направлены вбок, а зад — вниз. Мы приводим случаи (табл. 31, 24—28), где животные в этой позе достоверно помещены на предметах вертикально. Иногда их — пара, и они сохраняют геральдическую позу (табл. 31, 25, 27). Но достаточно часты и одиночные звери (табл. 31, 26, 28; табл. 29, 38, 40). Для одиночных «скорченных» зверей есть прототипы в луристанских бронзах (табл. 31, 24). В евразийском зверином стиле этот мотив появляется уже в карасукскую эпоху (ручка ножа карасукского типа из Монголии, табл. 31, 36).

Итак, все рассмотренные позы хищников кошачьей породы очень близки между собой, и между ними много переходных. Надо думать, что и эти позы, и переходные между ними существовали уже в искусстве Древнего Востока, так как для большинства рассмотренных мы находим древневосточные прототипы. В евразийское искусство если не все эти позы, то некоторые проникают, по-видимому, с карасукского времени.

Остается рассмотреть простейшую разновидность изображений львов — стоящих вытянуто на задних ногах, в геральдической позе. Эта поза известна в степях Евразии, в Причерноморье (табл. 31, 31, 32), в Сибири (табл. 31, 35). И для нее также можно найти достаточное число ближневосточных прототипов, начиная с глубокой древности и кончая луристанскими бронзами (табл. 30, 1; табл. 31, 29, 30). В Минусинской котловине стоящие львы или барсы в геральдической позе неизвестны, есть лишь звери с перекрученным телом; но в остальных деталях последние близко напоминают причерноморские образцы (ср. табл. 31, 31 и 33, 32 и 34), что еще раз показывает близость всех рассмотренных хищников.

Наконец, можно показать на нескольких примерах близость изображений животных Древнего Востока и отдельных районов скифского мира. Для территории Южной Сибири это сходство начинается, как уже говорилось, со времен карасукской культуры, в основном синхронной бронзам Луристана, печатям Керкук и хеттской глиптике и рельефам. Шило с головкой козла из карасукского погребения в окрестностях Красноярска поразительно сходно с целой серией луристанских шильев (табл. 33, 1—3). То же продолжается в тагарское (скифское) время. Фигурка лошади, служащая ручкой тагарского котла, и в целом и в деталях очень близка луристанским изображениям лошадей, одна из которых также служит ручкой сосуда, другая — наконечником точильного камня (табл. 33, 4—6). Сходство проявляется и в такой, например, детали, как изображение уха в виде полукруга.

⁴² С. Прушевская, 1917, стр. 49—53; A. J. Evans, 1901, v. XXI, p. 163, fig. 43.

Сдвоенным протомам лошадей, известным в тагарском искусстве (табл. 25, 15, 16), также есть аналогии в Луристане, где протомы очень распространены, в том числе и протомы лошадей (табл. 29, 27, 28). Животные со сливающимися мордами, известные в тагарском (табл. 28, 16; табл. 31, 33, 34) и карасукском искусстве (табл. 29, 26), очень характерны и для печатей типа Керкук (табл. 29, 31). Тагарское кольцо от сбруи с изображением пары головок животных, из раскрытых пастей которых как бы выходит это кольцо (табл. 33, 8), — почти двойник кольца из Луристана (табл. 33, 7). Навершие кинжала в виде фигуры стоящего животного, ноги которого спускаются на ручку, типично и для ранней тагарской эпохи, и для Луристана (табл. 33, 9 и 10). Выше для многих сюжетов луристанских бронз и митаннийской и хеттской глиптики также приводились шумерские прототипы. Не следует ли считать родоначальником евразийского звериного стиля искусство Шумера? Такую теорию выдвигал, например, В. Христиан⁴³. Однако нужно четко разграничивать сюжеты и стиль. Если древневосточные сюжеты проникают в евразийское искусство II тыс. до н. э. и скифской эпохи, то стили совершенно различны. Евразийский звериный стиль характеризуется определенными приемами, на которых останавливались подробно Г. Боровка⁴⁴ и Э. Герцфельд⁴⁵. Напомним вкратце некоторые его характерные черты: сквозные глаза и ноздри, часто обведенные концентрическими кружками, изображение туловища в виде шариков и цилиндров и т. д. Э. Герцфельд убедительно доказал, что техника эта восходит к технике изготовления печатей типа Керкук из мягкого камня — стеатита, где широко применялось сверло и другие инструменты, с помощью которых получались круглые и цилиндрические ямки и сквозные отверстия. Эти приемы были перенесены потом в бронзу и характеризуют более всего звериный стиль Луристана и Ордоса, а также Сибири в карасукское время. Сейчас можно говорить с уверенностью, что применение сверла при изготовлении печатей и отсюда — упомянутые особенности в изображении туловищ, голов, глаз и ноздрей животных — на Ближнем Востоке известны еще в эпоху Джемдет-Наср (конец IV тыс. до н. э.)⁴⁶. Другая особенность искусства Джемдет-Наср, также родившаяся при обработке стеатита, — изображение тела животного в виде слегка выпуклых поверхностей бедра и лопатки, разделенных неглубоким желобком,⁴⁷ — также сохраняется в зверином стиле Евразии не только во II, но и в I тыс. до н. э.⁴⁸ Г. Боровка, по-видимому, переоценивал значение дерева и кости как первоначальных материалов для изделий в зверином стиле. Вероятно, основную роль здесь играл стеатит.

Поскольку характернейшие приемы звериного стиля зарождаются на Ближнем Востоке еще в конце IV тыс. до н. э., ясно, что карасукский звериный стиль и другие близкие ему могут восходить к искусству Керкук и Луристана, но не наоборот: ни в Сибири, ни в других частях степей Евразии в IV—III тыс. до н. э. нет ничего подобного стилю Джемдет-Наср. Однако ни в Вавилоне, ни в Луристане, ни в митаннийском искусстве звери почти не изображаются одни, они только спутники антропоморфных богов и героев. В искусстве скифов Причерноморья и на Алтае антропоморфные изображения довольно редки, а в Минусинской

⁴³ V. M. Christian, 1937, Bd. II.

⁴⁴ G. Borovka, 1928.

⁴⁵ E. Herzfeld, 1941, p. 161—166.

⁴⁶ См., например, W. H. Ward, 1910, pl. XXXII; H. Frankfort, 1939, Pl. VII. f, g, h, j, k; VI, c; D. J. Wiseman, 1958, Pl. 5 и др. О влиянии стиля Джемдет-Наср на искусство Сирии, Анатолии и Ирана см. в указанной работе Франкфорта, стр. 232.

⁴⁷ На печатях — см., например: D. J. Wiseman, 1959, Pl. 6, а также фигурку лежащего кабана из стеатита (L. Woolley, 1930, № 4, XLII).

⁴⁸ Ср. многочисленные фигурки кабанов на навершиях тагарских ножей VI в. до н. э.

котловине и других частях скифского мира их почти нет. Если думать, что искусство степей Евразии восходит к искусству Ближнего Востока, возникает вопрос: куда же исчезли антропоморфные боги? Вот эта часть проблемы может объясняться разным уровнем социально-экономических отношений в странах Древнего Востока и в евразийских степях. Более низкий уровень их у народов степей обусловил и более низкий уровень религиозных представлений. Антропоморфизация божества только началась здесь, и у скифов Причерноморья этому, несомненно, способствовало влияние греческих колоний⁴⁹, а в Пазырыке на Алтае — ахеменидского Ирана⁵⁰. В Минусинской же котловине, которой не достигало ни одно из этих влияний, антропоморфных изображений нет. То же и в других районах скифского мира. Там господствуют зооморфные божества. Происхождение их восходит, по-видимому, к тотемам; но в рассматриваемую эпоху они, видимо, давно уже переросли в общеплеменные и межплеменные божества⁵¹. При этом особенно широко распространились изображения тех животных, которые были первоначально тотемами скифских родов: оленя, хищной птицы, хотя в искусстве Древнего Востока они не играли большой роли. Поза их заимствована из изображений древнего Востока, но им придают несвойственное древневосточным прототипам выражение стремительности и мощи.

Итак, раннетагарский «минусинский» звериный стиль Южной Сибири (VII—VI вв. до н. э.) прямо восходит к искусству карасукской или родственной ей культуры. Те, в свою очередь, близки искусству Луристана и Керкука, но, видимо, восходят к ним не непосредственно, а через почти неизвестное нам искусство Афганистана, Синьцзяна и Монголии. В двух последних районах есть карасукские вещи из случайных находок, в том числе и предметы в зверином стиле⁵². На западе в то же время к бронзам Луристана и печатям Керкука близко искусство кобанской культуры Кавказа⁵³. Непосредственные связи этих районов доказываются, в частности, находкой на Северном Кавказе печати стиля Керкук⁵⁴. Булавка из Кобани с изображением трех баранов очень близка к тагарским шильям с изображениями групп баранов и козлов (ср. табл. 29, 13 и табл. 28, 20, 21), а рога тагарских баранов «минусинского» стиля (табл. 28, 19, 20), изображаемые иногда в виде спиралей, заставляют вспомнить рога кобанских баранов (табл. 29, 13); эта манера на Ближнем Востоке восходит еще к III тыс. до н. э. (табл. 29, 28).

Вряд ли можно говорить лишь о культурном влиянии Древнего Востока через культуры типа митаннийской и луристанской на культуры типа кобанской и карасукской Синьцзяна, Монголии и Сибири. Вероятно, здесь имело место и передвижение значительных масс населения.

На своей родине стиль Керкук в сильно упрощенном и огрубленном виде дожил до позднеассирийской эпохи⁵⁵. К этому же времени относится и клад из Саккыза, или Зивие, с предметами уже давно сложившего скифского звериного стиля. Несомненно, между этими двумя стилями и на этой территории должен был существовать по крайней мере один промежуточный этап, пока неизвестный. К этому же времени относится и проникновение скифов в Причерноморье, где они появились с уже развитым звериным стилем, который восходит, как и стиль «скиф-

⁴⁹ Б. Н. Граков, 1950, стр. 15—16; Л. А. Ельницкий, 1960, стр. 52; М. И. Артамонов, 1961, стр. 82.

⁵⁰ С. И. Руденко, 1952, стр. 64—81; М. П. Грязнов, 1959, стр. 138—142.

⁵¹ См., например: Д. Фрэзер, 1925, стр. 34—35 и А. Золотарев, 1934, стр. 4.

⁵² С. В. Киселев, 1947, стр. 359, рис. 2 г; он же, 1960, стр. 261, рис. 8, 56.

⁵³ См. об этом: Ф. Нансаг, 1934, 1; он же, 1934а, S. 32—33.

⁵⁴ ОАК за 1882—1883 гг., стр. 60.

⁵⁵ См., например: В. Parker, 1955, Pl. XVI, 1, p. 104; D. J. Wiseman, 1958, fig. 54, 59, 60, 76, 79, 80; Н. Н. v. d. Osten, 1957, fig. 327—331.

ских» предметов Саккыза, к упоминавшемуся неизвестному промежуточному этапу, но сохраняет еще многие черты искусства Керкук и Луристана, что было показано выше. Территория, с которой скифы проникли в Причерноморье, большинством исследователей помещается в Средней Азии. Пока трудно предполагать, находилась ли эта территория ближе к западной или восточной части Средней Азии ввиду уже упоминавшейся неизученности Афганистана и Синьцзяна, но все же как будто больше шансов за то, что она находилась в западной части, ближе к горным окрестностям Месопотамии, к Луристану и, может быть, Мазандерану. Этим могут объясняться и чисто ассирийские и урартские мотивы в архаическом скифском искусстве. Связи сложившегося скифского стиля с урартским и ассирийским продолжают и впоследствии, что засвидетельствовано, например, раскопками Тейшебаини и данными письменных источников о 28-летнем пребывании скифов на Ближнем Востоке. Отсюда появление новых мотивов в скифском искусстве. Но ассирийское искусство, подвергнувшееся в свое время влиянию стиля Керкук⁵⁶, в свою очередь оказало сильное влияние на искусство ахеменидского Ирана. И в дальнейшем уже это ахеменидское искусство влияет и на Причерноморье, и на Среднюю Азию, и на Сибирь, сильнее на Западную Сибирь и Алтай и во много раз слабее и уже не непосредственно — на Минусинскую котловину. Примеры влияния ахеменидского искусства на Причерноморье — ритоны с головами козлов из Семибратних курганов, рукоятка меча из Чертомлыка и др. — приводились еще М. И. Ростовцевым⁵⁷ и общеизвестны. Многочисленные примеры влияния ахеменидского искусства на пазырыкский Алтай приведены у Г. Азарпей⁵⁸. Таким образом, общие черты в зверином стиле Причерноморья и Южной Сибири объясняются на раннем этапе общностью происхождения с одной и той же территории — Северной Месопотамии и Ирана. Накоплению и вторичному появлению сходных признаков в зверином стиле обеих рассматриваемых частей скифского мира немало способствовало и то, что последовательно влияющие на них культуры Ближнего Востока были во многом преемственно связаны между собой (Луристан и Керкук — с Ассирией, Ассирия — с ахеменидским Ираном).

«Западный» стиль VI в. до н. э.

В VI в. до н. э. число изображений животных, известных в искусстве Минусинской котловины, но не относящихся к «минусинскому» стилю, крайне незначительно. Достоверно VI в. до н. э. рельефное изображение козла на проушном топоре (табл. 24, 21). Козел показан скачущим, как будто собираясь бодаться, голова его опущена, рога в виде короткой дуги, отнюдь не упирающейся в шею, как это всегда бывает у фигурок козлов «минусинского» стиля. Траптовка морды, уха, ног и всей фигуры также сильно отличается значительно большим реализмом. Здесь нет набора стилизованных деталей, характерных для минусинского стиля VI в. до н. э. Известно еще несколько изображений козлов не «минусинского» стиля, но несходных и с упомянутым козлом. Они даны рельефом на ручках двух ножей, увенчанных изображениями хищника семейства кошачьих «на короточках»⁵⁹. На обратной стороне ручек в одном случае помещены олени, в другом — кабаны. Все эти животные изображены стоящими на кончиках копыт, «на пуантах», и

⁵⁶ G. Contenau, 1926, p. 36, 41; он же, 1922, p. 165.

⁵⁷ M. Rostovtzeff, 1929, p. 29—30.

⁵⁸ G. Azarpay, 1959.

⁵⁹ С. Городок. ММ; Минусинский край. АМ.

все по стилю несколько отличаются от «минусинского»⁶⁰. Подобный же нож найден в Северной Туве (село Туран)⁶¹. Дата этих ножей, по-видимому, VI в. до н. э. Наконец, известен еще костылек-подвеска от сбруи, увенчанный рельефной фигуркой стоящего козла, повернувшего голову назад (табл. 24, 22), может быть, VI в. до н. э.

Сказать что-либо определенное о происхождении этого «чужеродного» стиля трудно, находок слишком мало; все же они имеют некоторое сходство с изображениями, известными в культуре саков Средней Азии, Тувы и Ордоса. О сходстве в материальной культуре этих районов вообще и об изображениях козлов в частности подробно уже говорилось⁶². Этот приток «чуждых» тагарскому искусству изображений, незначительный в VI в. до н. э., чрезвычайно возрастает в V в. до н. э.

Звериный стиль V в. до н. э.

В зверином стиле V в. до н. э., как и в предыдущем веке, сохраняются оба направления: «минусинский» и «чужеродный». Продолжают изображаться почти все виды животных «минусинского» стиля VI в. до н. э., и лишь несколько изменяется их численное взаимоотношение. По-прежнему самый частый мотив — голова хищной птицы в круглой скульптуре и в рельефе. Ее продолжают помещать под бойком чеканов (табл. 7, 11). Даже новый, появившийся в это время в Минусинской котловине тип чекана и секиры с короткой толстой втулкой и с головкой барана под бойком, имеющий поразительное сходство с мидийскими чеканами из Персеполя⁶³, не удерживает долго головки барана, она замещается традиционной головкой хищной птицы (табл. 7, 11, 13). По-видимому, в этот период появляются в инвентаре тагарской культуры кельты с двумя ушками в виде головок хищной птицы (табл. 26, 15, 16).

В V в. до н. э. возникают некоторые новые черты. Так, головки, служащие ушками кельтов, часто делаются с очень вытянутыми клювами (табл. 26, 15—17). Такие же птичьи головки с длинными клювами, иногда карикатурно длинными, появляются на навершиях ножей, расширяющихся вверх, некоторые из них с прорезной ажурной ручкой (табл. 26, 11, 11а, 12, 12а и табл. А на стр. 147). В эту же эпоху широко распространяется изображение двух птичьих головок, обращенных либо друг к другу, либо в разные стороны. Последние делали обычно на навершиях ножей (табл. 26, 19—21). Здесь также новые черты по сравнению с изображением птичьей головки в VI в. до н. э.; иногда конец клюва загибается слишком сильно и превращается в колечко (табл. 26, 19—22), иногда появляется восковица, которую в более раннюю эпоху в Минусинской котловине не изображали. Восковица дается в виде сегмента, прямая нижняя сторона которого резкой чертой отделяет нижнюю загнутую часть клюва⁶⁴. Такая трактовка ее чрезвычайно напоминает трактовку лап с когтями у хищных животных, распространенную в скифском мире очень широко (см., например, табл. 27, 26) и привнесенную в искусство Минусинской котловины также в V в. до н. э. Видимо, эта черта проникла вместе со многими другими мотивами с запада. Как долго продолжают существовать кельты и ножи с

⁶⁰ Известен еще нож того же типа из Минусинской котловины (с. Усть-Абаканское), где изображены лишь олени на одной стороне ручки (ГЭ, 5531-976). Об отличии оленей этого типа от обычных тагарских изображений оленя см.: Н. Л. Членова, 1962.

⁶¹ ГЭ 5130-2.

⁶² Н. Л. Членова, 1961, стр. 133—151, особенно стр. 141 и табл. II, 61—65.

⁶³ См. выше, стр. 37.

⁶⁴ Легостаева (ММ 3900); Табат (ММ, 3906) и многие другие.

птичьими головками — сказать трудно. Несомненно, они существуют и в IV в. до н. э., а может быть, и позже, но из-за отсутствия их в комплексах это трудно утверждать. В V же в. до н. э. появляются и двойные птичьи головки с одним общим глазом, обычно они направлены в разные стороны (табл. 26, 13, 14). Но известен нож, где две головки направлены клювами друг к другу, а общий глаз между ними превратился в простое кольцо (табл. 39, 37). Птичьи головы с одним глазом известны в искусстве скифского мира. В Причерноморье они образуют перекрестье акинака еще в VI в. до н. э.⁶⁵ По-видимому, этот мотив также проник с запада и получил в некоторых случаях оформление в «минусинском» стиле, распространившись отсюда и в некоторые другие места Сибири, например в Прибайкалье (Верхне-Метляевский клад)⁶⁶. Наконец, встречаются в этот период и птичьи головки, сгруппированные по три и по шесть. Обычно они украшают ручки ножей и часто составляют элемент прорезного узора ручки, столь излюбленного в эту эпоху⁶⁷. У головок, сгруппированных по три, также чрезмерно удлиненные клювы⁶⁸. Продолжают помещать рельефные птичьи головки и на перекрестьях ножей и кинжалов. Они сохраняют часто свойственный еще таким фигуркам VI в. до н. э. глаз, выступающий из головы вверх, но становятся все менее выпуклыми, и чаще рельефное изображение заменяется нарезным (табл. 28, 19).

Сохраняются в V в. до н. э. и стоящие кабаны. Ножи с таким кабаном найдены в комплексах V в. до н. э. (Копьева⁶⁹, Батени «у пристани»⁷⁰, Ягуны⁷¹, Шалаболинский клад⁷²). Фигурки кабанов претерпели мало изменений, в V в. до н. э. они стали более плоскими (часто такой же толщины, как и ручка ножа) и сделаны более небрежно. Детали часто различаются с трудом. Ноги становятся все более короткими, и постепенно сквозные отверстия, разделяющие их, исчезают. В некоторых случаях морды изображены очень узкими и тонкими, они напоминают скорее птичьи клювы (табл. 23, 27). В конце концов образуется горбатая приземистая фигурка, в которой уже трудно узнать какое-либо определенное животное. Число таких ножей V в. до н. э. сравнительно невелико, а на ножи новых форм изображения стоящих кабанов не переходят. Вряд ли их продолжали изображать в IV в. до н. э. Продолжают встречаться и парные кабаньи головы на перекрестьях кинжалов (табл. 23, 29). У некоторых одно общее ухо, как и у головок VI в. до н. э. на шиле-вкладыше (ср. на табл. 23, 14 и 29), но в общем вид их сильно отличен от прежних; по-другому даны клыки, глаза и вся морда. Скорее они похожи на западные изображения, например на головы идущих кабанов на предметах из Причерноморья, на круглой золотой бляхе из Западной Сибири⁷³, на головы кабанов из Второго Башадарского кургана на Алтае⁷⁴ и пр. Видимо, и здесь не обошлось без западного влияния. Интересно, что кинжал, абсолютно идентичный кинжалу с кабаньими головами из Каменки, найден в кладе (кургане?) у села Бурбино Томской области⁷⁵. Кинжалы с двойными кабаньими головами, хоть и немногочисленные в Минусинской котловине, доживают

⁶⁵ Каневский уезд Киевской губернии (Б. Н. и В. И. Ханенко, вып. II, 1899, табл. III, 51).

⁶⁶ Г. А. Максименко, 1960, табл. II, 1.

⁶⁷ Минусинский край (ММ 3651); там же (ГЭ 1126-32).

⁶⁸ Потехина (ММ 30761); Юдина (МИМК ТГУ, 6272-498).

⁶⁹ S. Roudenko, 1930, fig. 10, 5, 6.

⁷⁰ С. А. Теплоухов, раскопки 1924 г. (ГЭ, 4316/7).

⁷¹ А. И. Мартынов, раскопки 1959 г. (архив ИА, д. 1977 б, л. 9, курган 1).

⁷² ММ 11920.

⁷³ Г. Воговка, 1928.

⁷⁴ С. И. Руденко, 1952, стр. 172, рис. 87, б, в.

⁷⁵ ТКМ.

здесь до эпохи железа. Известен железный кинжал с головками того же типа и также с общим ухом (табл. 23, 30). Скорее всего, он относится к самому концу тагарской эпохи.

Фигурки стоящих козлов, выполненные в «минусинском» стиле, многочисленны в VI в. до н. э., часто встречаются и в V в. Они помещаются только на другие предметы. Козлы на колокольчиках-навершиях почти выходят из употребления. Видимо, к V в. до н. э. можно отнести лишь одно навершие с чрезвычайно испорченной фигуркой (табл. 24, 10), которое можно датировать на основании близкого сходства с фигуркой козла на обушке уменьшенного чекана из кургана в Большой Ничке (табл. 24, 11). Сохраняются в V в. до н. э. стоящие козлы на ажурных котловидных навершиях (Ягуня)⁷⁶. Немногочисленны стоящие козлы и на навершиях ножей прежнего типа. Они известны в комплексах (Верхний Суэтук, случайная раскопка кургана; Копьева)⁷⁷ и в случайных находках (табл. 24, 13). Переходят они на появляющиеся в это время ножи с большими кольцами, козел помещается в этом кольце (табл. 24, 14, 15 и табл. В на стр. 151). Они сохраняют прежний «минусинский» вид VI в. до н. э., незначительно изменяясь, как и фигурки стоящих кабанов: дуга рогов уменьшается, исчезают ноздри (они есть лишь на нескольких ранних экземплярах), вся фигура становится более плоской и схематичной. Наиболее ранние экземпляры сохраняют еще рубчики на рогах и выделенные рельефом бедро и лопатку; постепенно эти детали исчезают. Появляются отдельные подвески, изображающие стоящего козла в круге, иногда состоящие из трех колечек (табл. 24, 16—19 и табл. В). Датировать их находка такой подвески в кургане V в. до н. э. (табл. 24, 16). Подобная же подвеска с жертвенного места Лысая гора на реке Яе может быть уже IV в. до н. э.⁷⁸ К V в. до н. э. относятся, очевидно, и сильно уплощенные фигурки козлов, морды которых несколько напоминают лосиные (табл. 24, 20).

Новые предметы, где начинают помещать изображения стоящих козлов, — это уменьшенные и миниатюрные чеканы, появляющиеся в Минусинской котловине с V в. до н. э. Фигуры помещаются на обушке, иногда поодиночке, но чаще парами, друг за другом или головами в разные стороны. Такие чеканы в Минусинской котловине достаточно многочисленны (табл. 7, 19—23). Некоторые из украшающих их фигур совершенно того же типа, как и козлы в кольцах⁷⁹, другие более схематичны. Встречены они в комплексах V в. до н. э. (Большая Ничка, Батени «у пристани», Ягуня)⁸⁰, но есть и относящиеся уже к IV в. до н. э. когда, по-видимому, были особенно распространены двойные протомы козлов; головы их повернуты в разные стороны. Датироваться они по сходству с фигурой из комплекса Сарагаш, могила 41 и подобной же протомой с жертвенного места Лысая гора на реке Яе⁸¹. Протомы и целые фигуры козлов чрезвычайно близкого типа в это время широко распространяются по Сибири: они известны в Басандайке под Томском и на реке Чадобе⁸².

Как бы продолжением раннетагарских костяных ножицков с головками лошадей можно считать такие же бронзовые ножи, появившиеся, видимо, еще в конце VI в. до н. э. и продолжающие существовать в V в. до н. э. Наиболее ранним из них следует считать нож из комп-

⁷⁶ Раскопки А. И. Мартынова, 1959 г. (архив ИА, ф. Р-1, д. 1977-6, л. 7, курган 1).

⁷⁷ ММ 9549; С. R o u d e n k o, 1930, fig. 10, 3 (курган 10) и ММ 4062.

⁷⁸ ГЭ 1125-7.

⁷⁹ Калы (А.-М. T a l l g r e n), 1917, Pl. VI, 9.

⁸⁰ ГЭ 4316/1-1; раскопки А. И. Мартынова, 1959 г. (архив ИА, ф. Р-1, д. 1977-6, л. 7, 9).

⁸¹ С. А. Т е п л о у х о в, 1923 г. (ГЭ 4131-114, 1125-6).

⁸² Сб. «Басандайка», табл. 11, 9; 10, 3; КМ 65/7.

лекса «Разъезд Чартыков» (табл. 25, 8), скорее всего еще конца VI в. до н. э. Ножи из кургана Кызыл-куль I и другие, уже из случайных находок, относятся к V в. до н. э. (табл. 25, 7, 9, 10). Некоторые из таких головок стилизованы под лосиные, что наблюдается и при развитии изображений оленя (V—IV вв. до н. э.)⁸³. В одном случае на ноже изображено животное целиком, в позе «с подогнутыми ногами», и здесь оно гораздо больше напоминает лося, чем лошадь, можно даже сказать, какого лося: одну из известных костяных неолитических фигур с Базаихи (ср. на табл. 25, 10а и 11). Сходство проявляется в невероятной длинной и тонкой шее и в почти прямоугольном туловище. Абсолютную дату базайских погребений трудно назвать точно, но ясно, что хронологический разрыв между базайскими лосями и лосеобразным животным на тагарском ноже измеряется веками. Это единственный пример сходства тагарского изображения с таежным неолитическим. Сама трактовка фигурки лошади-лося на ноже отклоняется от обычных тагарских изображений животных, всегда более округлых, особенно в ранний период. Поэтому даже данный случай не может быть использован для подтверждения теорий Г. Боровки, Д. Н. Эдинга и Э. Миннза⁸⁴ о северном, таежном происхождении скифо-сибирского звериного стиля. Но он указывает на сохранение традиций неолитического искусства вплоть до V в. до н. э. в районах, расположенных скорее всего где-то на границе леса и степи, и на то, что эти неолитические традиции могли в некоторых случаях оказывать влияние на тагарское искусство. Создается впечатление, что это влияние начинает проявляться не с начала, а с середины тагарской эпохи, примерно с V в. до н. э., на что, кроме лосеобразного животного на тагарском ноже, указывают и изображения некоторых оленей с подогнутыми ногами V—IV вв. до н. э., которым также приданы черты лося.

В V в. до н. э. продолжает еще существовать и мотив свернувшегося хищника. Он сильно деградирует. Зверь теперь свернут не кольцом, а составляет половину кольца тагарских ножей (табл. 27, 20, 19). Тело его «худеет», что вообще типично для вырождающегося звериного стиля, но глаз, хвост, а иногда и лапы и морда изображены по-прежнему колечками (в одном случае лапы даны без колец, а морда — в виде треугольника). Вырождение мотива ясно, он становится очень редок и вряд ли продолжает существовать в IV в. до н. э.

Как видим, некоторые мотивы «минусинского» стиля, появившиеся еще в VII—VI вв. до н. э., продолжают использоваться и в V в. до н. э., но изображения делаются более схематичными, небрежными, теряются первоначальные пропорции, и в них все труднее узнать определенного зверя. Круглая скульптура, характерная для искусства VII—VI вв. до н. э., делается более уплощенной; чаще применяется рельеф. Прежние образы, по-видимому, постепенно теряют значение и забываются. Одни мотивы исчезают (бараны, барано-грифоны), другие становятся очень редки (свернувшиеся хищники кошачьей породы). Этому, несомненно, должны быть причины. Некоторые тагарские мотивы распространяются в таежных районах: птичьи головки с длинным тонким клювом в качестве ручек кельтов в районе Красноярска, Канска и даже Иркутска; двойные протомы козлов в окрестностях Томска и на Чадобце. Наблюдается и обратное явление — влияние тайги на тагарское искусство V в. до н. э. (стилизация лошадей и благородных оленей под лосей в древней, неолитической манере). Все это свидетельствует об усиливающихся связях тагарской культуры с окружающими таежными районами. К этому же кругу фактов относится, по-видимому, и распространение гравиро-

⁸³ См. об этом: Н. Л. Членова, 1962.

⁸⁴ Г. Воговка, 1928; Д. Н. Эдинг, 1940, стр. 76—87; E. H. Minns, 1942.

ванных изображений животных и рыб на тагарских предметах — мотив, отличный от обычных для тагарского звериного стиля. Им необходимо посвятить специальную работу. Все эти явления начинаются с V в. до н. э. и продолжаются, видимо, довольно долго. Следствием этих связей следует считать, с одной стороны, возникновение в таежной полосе Западной Сибири так называемой кулайской культуры с ее своеобразным звериным стилем, в сложении которого тагарской культуре принадлежит видная роль. С другой же стороны, наблюдается как бы некоторое растворение тагарской культуры в таежной среде; это должно было гибельно сказаться на зверином стиле, не свойственном этой среде. Так и произошло. Новых мотивов не возникало, качество старых постепенно снижалось, хотя число их в V в. до н. э. еще довольно велико.

Но была и вторая причина упадка старого «минусинского» звериного стиля: появление в V в. до н. э. в Минусинской котловине большого количества совершенно новых мотивов, отчетливо связывающихся с западными районами. В отличие от местного «минусинского» этот стиль условно можно назвать «алтайским».

«Алтайский» стиль

В V в. до н. э. в тагарском искусстве Минусинской котловины происходят большие перемены. Хотя набор животных меняется мало (появляется лишь несколько новых видов), но изображаются они совсем по-иному. Эти изменения никак не могут объясняться внутренним развитием «минусинского» стиля. Например, барана изображали в Минусинской котловине еще в карасукскую эпоху; это животное известно и на предметах «минусинского» звериного стиля. Постепенно в течение VI в. до н. э. число изображений барана уменьшается. Но в V в. до н. э. вновь появляются головки барана, однако совершенно другие. Прежде изображались бараны с узкой, длинной, горбатой мордой и небольшими рогами, иногда закрученными в спирали. В. И. Цалкин обратил мое внимание на то, что горбатая морда — признак домашнего барана. У новых баранов, о которых сейчас идет речь, морда прямая, а рога большие и тяжелые (табл. 34, 29). По мнению В. И. Цалкина, это алтайский дикий горный баран-аргали. По-другому теперь даются рога: раньше кольца на них не делали или показывали тонкими выпуклыми жгутиками (табл. 28, 5), теперь кольца широкие, а разделяющие их бороздки узкие. Головки исполняются в рельефе. Это сбруйная бляха, на обратной стороне которой шпеньки для укрепления на ремне. Чрезвычайно близкие, почти аналогичные изображения бараньих голов многочисленны в Горном Алтае (Пазырык I и II⁸⁵, Башадар II⁸⁶, см. табл. 34, 31; ср. также на табл. 34, 28—30 с 31). Они и дают дату для минусинских блях — V—IV вв. до н. э. Очень близкие головы баранов найдены в Туве (табл. 34, 32) и относятся к тому же времени⁸⁷. Подобная же трактовка известна и в Ордосе (табл. 34, 33). Некоторые из минусинских блях изображают ту же голову, но несколько иначе; рога более тонкие, а морда — чуть с горбинкой⁸⁸. Это явная обработка пришлого мотива в минусинском духе. Такая же голова известна и из Красноярского района (табл. 34, 29) и с Обь-Енисейского канала⁸⁹. Есть ос-

⁸⁵ С. И. Руденко, 1953, XXXVI, 3; XXXIV, 2; XXXVII, XCIII, 1; XLVI, 1; он же, 1960, рис. 140, б, е, з, л.

⁸⁶ С. И. Руденко, 1960, табл. I, 4, 5, CXVI, 2, 21.

⁸⁷ См. также изображения бараньих голов на пряжке из курганов 34—35 у села Туран (раскопки С. А. Теплоухова, 1927 г.; Н. Л. Членова, 1961, стр. 150, табл. II, 4).

⁸⁸ Деревня Иудина (ММ 9234).

⁸⁹ В. М. Флоринский, 1897, стр. 549, рис. 125, 3.

нования утверждать, что мотив этот — алтайский: во-первых, изображается голова алтайского горного барана; во-вторых, на это же указывает находка на Алтае бронзового ножа с головой животного, сочетающей черты барана и козла⁹⁰ и трактованной совершенно так же (табл. 34, 44). Нож относится, видимо, еще к майэмирской эпохе (VII—VI вв. до н. э.). С Алтая этот мотив мог распространяться в разных направлениях, в том числе и в Минусинскую котловину. Однако перечисленные находки в Минусинской котловине вряд ли могут рассматриваться как импорт. По крайней мере часть их, обработанная в минусинском духе, показывает, что они производились на месте. О том же можно судить и по целой фигурке барана, голова которого трактована как на упомянутых бляхах, туловище же скорее в минусинском стиле (табл. 34, 28). Такие же головы имеются на тагарском кинжале (табл. 4, 12); наконец, целая серия ножей V—VI вв. до н. э. типично минусинской формы украшена подобными же головками. Можно проследить и постепенную деградацию этого мотива до полной неузнаваемости (табл. 34, 39—43). На одном из ножей (табл. 34, 41a) голова барана изображена с оскаленной пастью; подобные же известны и из Ордоса⁹¹, может быть, это уже влияние искусства Минусинской котловины, и, во всяком случае, это искажение первоначального мотива. Бараны с подогнутыми ногами и головами, трактованными в еще чисто алтайском, «башадарском» духе, изображены на бронзовой ворворке великолепной работы, происходящей из Минусинской котловины (табл. D, стр. 156).

Другая группа зверей, выполненных в «алтайском» стиле и появившихся в это время, — идущие хищники (тигры и барсы), держащие в пасти голову горного барана (той трактовки, которая только что рассматривалась, табл. 35, 1). Чрезвычайно близкие фигуры тигров также известны на Алтае, на знаменитом саркофаге-колоде из Башадар (табл. 35, 5). Под ногами тигров лежат бараны и лоси, головы которых находятся в пасти хищников. Трактовка фигур тигров и все детали их настолько похожи на изображения с минусинских блях, что родство их не подлежит сомнению. У тигров из Башадар лапы показаны с выпущенными когтями, чего нет на минусинских бляхах. Но и такая разновидность изображения встречена в Минусинской котловине — это рисунок на одном из камней тагарского кургана у улуса Морозова (табл. 35, 2). К сожалению, курган этот, который мог бы дать дату для этой группы изображений, не был раскопан. Датировать снова приходится алтайскими аналогиями V—IV вв. до н. э. У некоторых из рассматриваемых блях сделано круглое отверстие в лопатке тигра; о возможном происхождении этих отверстий и о том, что подобные бляхи в Луристане служили псалями, уже говорилось в главе II. На одной бляхе в пасти барса нет головы барана (табл. 17, 1). Бляхи из Красноярского района (с устья Кемчуга) и из Бейского⁹² изображают животное, похожее уже не столько на тигра или барса, сколько на волка. Известна подобная же бляха и с Ангары (табл. 35, 3). Но более распространены они в бассейне Оби (табл. 35, 4): Быстрианское, Кумуртук⁹³, Семипалатинская область — на этой бляхе голова животного в пасти барса превратилась в неопределенный предмет (табл. 35, 6.); наконец, такая бляха найдена в Новосибирской области (табл. 35, 7), но здесь хищник снабжен рогами, на бедре его помещена спираль, а голова животного в его пасти совершенно деградировала. Автор раскопок Т. Н. Троицкая датирует могильник IV—III вв. до н. э.⁹⁴, что

⁹⁰ По заключению В. И. Цалкина.

⁹¹ A. Salmony, 1933, Pl. IX, 12.

⁹² A.-M. Tallgren, 1917, Pl. IX, 16.

⁹³ В. Н. Подторацкая, 1961, стр. 84; С. В. Киселев, 1949, табл. XXX, 8.

⁹⁴ Отчет Т. Н. Троицкой за 1959 г. (архив ИА, р-1, № 2214, стр. 42).

еще раз подтверждает дату наших, несомненно, более ранних блях (V—IV вв. до н. э.). Все эти находки указывают на западное происхождение минусинских блях. На ордосской подобной же бляхе, ближе всего напоминающей тигров из Башадар, изображена вся туша барана, перекинутая через спину тигра (табл. 35, 8); бляха, по-видимому, довольно ранняя, судя по тому, что изображение не успело деградировать. Наконец, в сильно измененном виде этот мотив достигает ханьского Китая, где представлен в бронзе и нефрите (табл. 35, 9)⁹⁵. Нефритовая фигура идущего тигра, попирающего дракона, голову которого он держит в пасти, является символом Запада⁹⁶. Дальнейшая судьба этого мотива на севере Сибири также интересна: он продолжает свою жизнь в так называемом скифо-пермском искусстве.

Появляются в Минусинской котловине в это же время и головы хищных птиц, совершенно отличные от выполненных в «минусинском» стиле. Их можно разделить на две группы. К первой относятся головки, выполненные чаще в круглой скульптуре, но иногда и в рельефе. В отличие от головок «минусинского» стиля они снабжены ушами, иногда оформленными в виде спиралей, а на клюве часто изображается восковица (табл. 26, 24—30). Такие парные головки украшают наверхия кинжалов. Аналогии им приведены на табл. 30, 18, 20, 21. Бляшки, составленные из двух пар таких головок, разбирались в другой нашей работе⁹⁷. Происходят эти ушастые головки, по-видимому, от неправильно понятых в скифском мире парных головок львов типа луристанского (см. стр. 124). Судя по тому, что большинство аналогий таким головкам в скифскую эпоху находится в районах к западу от Минусинской котловины, они также проникли в эту область с запада. Некоторые из головок этой группы имеют очень длинные клювы (табл. 26, 30; табл. 34, 35). Иногда они украшают крючки для подвешивания колчана. Противоположная сторона крючка часто украшена оскаленной пастью хищника (табл. 34, 36). Чрезвычайно близкая аналогия ему — крючок из Туэкты на Алтае V в. до н. э. (табл. 34, 38). Вообще это сочетание головки птицы с длинным, загнутым клювом на одном конце крючка или клыка и оскаленной пасти хищника — на противоположном конце предмета характерно для савроматского мира⁹⁸, тесно связанного, как известно, с Казахстаном и Алтаем. Крючки с такой же головкой птицы известны и в гораздо более западных районах — в Божигане на Северном Кавказе⁹⁹, в Мастюгине Воронежской области,¹⁰⁰ в Причерноморье (табл. 34, 37).

Другая группа появляющихся в это время птичьих голов — сильно стилизованные и напоминающие скорее растительный орнамент; глаз часто превращен в полукруглую выпуклость, иногда обозначен спиралью (табл. 26, 32—38). Это обычно бляхи от конского убора. Одна из блях сделана в виде сдвоенных птичьих головок (табл. 26, 34); иногда головки бывают повернуты — одна вниз, другая вверх клювом и разделены полой трубочкой (это так называемые бабочковидные бляхи, табл. 34, 16). Они очень распространены в Минусинской котловине, известны и бронзовые и железные. К какому времени относятся последние — трудно сказать, может быть, к концу тагарской эпохи. На одной из блях этого рода в верхней части помещен рельеф — морда кошачьего хищника в фас, с оскаленными зубами и торчащими в сто-

⁹⁵ S. H. Hansford, 1958.

⁹⁶ Издавший бляху О. Сирен пишет: «Этот стиль не китайский, а распространен на Западе в Иране или на обширной территории от Урала до Монголии» (O. Sîrén, 1929, Pl. 23 A).

⁹⁷ Н. Л. Членова, 1961, табл. III, рис. 1, 4 и стр. 139.

⁹⁸ В. Гаков, 1928, fig. 43.

⁹⁹ Е. И. Крупнов, 1950, стр. 97, рис. 26, 18, 19.

¹⁰⁰ А. В. Збруева, 1952, табл. XXXI, 8.

роны ушами (табл. 34, 10). На некоторых бляхах острый, загнутый вниз выступ, изображающий клюв, заменен полукруглым (табл. 34, 15). Все эти разновидности птичьих голов «растительного» типа находят точнейшие аналогии в более западных районах; особенно многочисленны они на Алтае. Сходство тут доходит до тождества (ср. табл. 34, 10, 13—17 и 19—26; см. также табл. А на стр. 148—149). Такие головы распространены не только на Алтае, но и в Новосибирской области (IV—III вв. до н. э., табл. 34, 23), в Алма-Ате (клад VII—V вв. до н. э.)¹⁰¹, на Памире (табл. 34, 25) и в Причерноморье, в кургане конца V—начала IV в. до н. э., где та же схема, но меньше «растительных» черт (табл. 34, 18). Подобная бляха найдена в Монголии¹⁰². Самое поразительное, что изображения таких птичьих голов дожили в Монголии до наших дней—это тамги, которыми клеймят лошадей. Первоначальное значение изображения забыто, и оно осмысливается теперь как раковина, которую несколько напоминает¹⁰³. Большинство аналогий находится все же на западе. Разновидность головок без острого клюва известна, например, у савроматов (Оренбургская область). Здесь они изображались на уздечных бляхах из бронзы¹⁰⁴ и на золотых оковках деревянного сосуда¹⁰⁵. Такие же оковки из золота и серебра известны и из Туэкты и из Башадар на Алтае¹⁰⁶. Бабочковидные бляшки находят многочисленные аналогии на Алтае, в Туве, а на востоке—в Чуно-Ангаре¹⁰⁷. Сходство этих бляшек с другими, украшенными так же расположенными головками птиц «первой группы» (со спиралевидными ушами), не подлежит сомнению (ср. табл. 26, 24 и табл. 34, 16). Мотивы—«растительная» птичья голова и голова со спиралевидными ушами и длинным клювом также тесно связаны друг с другом. Известны, например, костяные двудырчатые псалии, один конец оформлен в виде головы птицы с длинным клювом, а другой—в виде «растительной». Такой псалий происходит с Алтая¹⁰⁸, другой, идентичный ему,—с Северного Кавказа¹⁰⁹ и представляет, несомненно, импорт из более восточных районов. Указанные разновидности птичьих голов украшают не только предметы конской упряжки, но и такие исконно минусинские бронзовые предметы, как кельты, чеканы (табл. 26, 32, 33, 35) и ножи. Обычно такой орнамент называют растительным, но и в этом случае, присмотревшись, мы ясно различаем головки грифона, одну (табл. 26, 37, 38) или две (одна как бы вырастает из другой¹¹⁰—табл. 26, 36). Это доказывает, что, попав в Минусинскую котловину, такие головки вполне «прижились», вошли как составная часть в тагарский звериный стиль. Кельты и чеканы с таким орнаментом за пределами Минусинской котловины не распространены.

К разобранному выше типу близки бляшки в виде спирали с загнутым клювом (табл. 34, 12) и плоские подвески в форме клюва, сплошь в сквозных круглых дырочках (табл. 34, 11). Точнейшие аналогии первым есть в Горном Алтае (табл. 34, 20). Плоские головки грифонов, правда несколько другой формы, но с такими же сквозными дырочка-

¹⁰¹ А. Г. Максимова, 1956, стр. 254, табл. 1, 8, и стр. 255.

¹⁰² С. В. Киселев, 1947, стр. 367, рис. 5 Д.

¹⁰³ Г. Сухебатор, 1960, таблица, рис. 65, 66 и стр. 17.

¹⁰⁴ К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 55, 1, 2.

¹⁰⁵ Пятимары I, курган 9, раскопки К. Ф. Смирнова 1960 г. Благодарю К. Ф. Смирнова за любезно предоставленные мне рисунки.

¹⁰⁶ С. И. Руденко, 1960, стр. 87, рис. 50; табл. XI, 2, 10; стр. 117—118, рис. 66—68.

¹⁰⁷ См. об этом: Н. Л. Членова, 1961, табл. III, 5—8 и стр. 139; В. Н. Полторацкая, 1961, стр. 85, рис. 2, 7—9 и стр. 86.

¹⁰⁸ ГИМ, экспозиция V зала.

¹⁰⁹ Е. И. Крупнов, 1961, табл. XIV, 9.

¹¹⁰ Этот сюжет известен и в Прикубанье (станция Воронежская); см. альбом к кандидатской диссертации Н. Н. Погребовой (архив ИА, Н-Арх. 364, рис. 15—17).

ми, также известны в Горном Алтае (табл. 34, 21) и могут служить в качестве аналогии и для датировки минусинских. Надо отметить и стилизованные изображения грифонов с гребнем (табл. 26, 39); этот вид, столь частый на Алтае, в Минусинской котловине чрезвычайно редок. На одном бронзовом ноже типа V—IV вв. до н. э. изображены головки, напоминающие грифонов с гребнями или петушков такого типа, как в Пазырыке (табл. 26, 40).

Наконец, к группе «алтайского» стиля относятся звери, которых не изображали прежде в тагарском искусстве Минусинской котловины: олень, волк, сайга, верблюд, осел, фантастические звери. Бляшки в виде оленя с подогнутыми ногами и закинутыми на спину рогами — один из типичнейших сюжетов скифского звериного стиля — в Минусинской котловине появляются лишь в V в. до н. э. и существуют до конца тагарской эпохи. Известны и другие разновидности: стоящий олень и оленья голова с рогами, направленными вверх. Особенно многочисленны изображения оленей с подогнутыми ногами, встречающиеся во многих тагарских курганах V, IV и даже III вв. до н. э. и во множестве случайных находок. С V в. до н. э. эти изображения делаются как бы символом тагарской культуры. В течение V—IV вв. до н. э. они видоизменяются, приобретая некоторые черты минусинского стиля, а затем начинают деградировать и вырождаются. Этому сюжету посвящена наша специальная работа¹¹¹. Ограничимся лишь самым кратким ее изложением. Первый тип — олень с подогнутыми ногами — распространен в скифское время в Прикубанье, Северном Причерноморье, Воронежской области, есть несколько находок в Центральной Европе (Венгрия, Болгария), в Курдистане (Иран), на Памире, в Восточном Казахстане, в Минусинской котловине, в некоторых районах Западной Сибири (бассейн Чулыма, на Томи и Тоболе), в Туве, Монголии, Забайкалье и Ордосе. В доскифскую эпоху изображения в такой позе неизвестны. Второй тип — стоящий олень — более распространен в восточных районах (Алтай, Минусинская котловина, Тува, Ордос) и на Северном Кавказе. Изображения оленьих голов есть на западе и на востоке, но преобладают на востоке. Подобные изображения в доскифскую эпоху неизвестны. Хронология появления в разных районах разных типов изображений и стилистические сопоставления их указывают на территорию Средней Азии (от Северного Ирана до оз. Зайсан) как на возможный центр происхождения большинства широко распространенных типов. Кроме того, на каждой территории были свои локальные типы.

В странах Древнего Востока изображения благородных оленей встречаются очень редко. Все же несколько их известно на печатях типа Керкук, где олени даны с подогнутыми ногами по бокам священного дерева, как бы поклоняются ему¹¹². Этот мотив и был, по-видимому, занесен в Среднюю Азию, где стал очень популярным ввиду того, что олень, по-видимому, был тотемом какого-то скифского рода, а потом мог стать эмблемой племени или союза племен. В. И. Абаев показал, что самоназвание скифов «сака» восходит к скифскому слову «сака» (олень), восстанавливаемому на основе нескольких скифских имен и племенных названий и осетинского слова «sag» (олень), и что олень был тотемом скифов, давшем название племени¹¹³. Очень вероятно, что изображения оленей, столь распространенные в скифскую эпоху, тотемического происхождения. Их назначение — украшение оружия (щитов, ножей, мечей, рукоятей топоров, чеканов, ножей), конского убора или наверший знамен и предметов, связанных с культом (зеркала, чаши), — не противоречит

¹¹¹ Н. Л. Членова, 1962; N. Tchlenova, 1963.

¹¹² W. H. Ward, 1910, p. 332, № 1084; H. Frankfort, 1939, p. 276, fig. 90.

¹¹³ В. И. Абаев, 1949, стр. 37, 179, 198.

этому. Считалось, что изображение тотема обеспечит его покровительство в битвах и культовых церемониях.

В послескифскую эпоху изображения оленей исчезают со всей рассматриваемой территории. У сарматов они очень редки; в памятниках усуней, в таштыкской культуре и у гуннов их тоже нет. Изображения благородных оленей исчезают так же внезапно, как и появляются, хотя сами олени продолжают жить на этой территории до наших дней. Итак, распространенные во многих районах Евразии изображения благородных оленей в определенных, строго выдержанных позах появляются в скифское время и исчезают к концу его. Они могут быть связаны со скифо-сакской общностью и, по-видимому, восходят к тотему саков. Предположение о Средней Азии как центре распространения изображений «скифских» оленей подтверждают данные о возникновении скифо-сакской общности где-то на территории Средней Азии.

Изображения волков также не были известны в Минусинской котловине до V в. до н. э., когда появилась серия бронзовых ножей, украшенных волчьими головами с оскаленными зубами (табл. 34, 48); уши часто показаны в виде спирали, коренные зубы — в виде полукругов. Такие изображения известны в Горном Алтае (табл. 34, 50). Некоторые из тагарских ножей этого типа заканчиваются кольцом, которое как бы держит в раскрытой пасти волк¹¹⁴. Один из ножей заканчивается оскаленной мордой и передней лапой волка (табл. 34, 45); на другом — лишь схема этой композиции¹¹⁵. Очень близкая аналогия ей есть опять-таки в Горном Алтае (табл. 34, 49). Вообще же изображение головы и передней лапы животного, не типичное для тагарского искусства (приведенные выше примеры единственные), очень характерно для сако-савроматского круга, где встречается еще с VII—VI в. до н. э. (Солонечный белок на Алтае¹¹⁶, Тамды на Памире¹¹⁷, Калиновский могильник в Поволжье¹¹⁸). Оскаленные волчьи морды помещали и на двудырчатых псалиях Минусинской котловины (табл. 16, 39—42). Чрезвычайно близкие псалии найдены в могильнике I Пятимары V—IV вв. до н. э.¹¹⁹ Волчьи головы появляются на перекрестьях тагарских кинжалов¹²⁰. Парные головы украшают медалевидное зеркало: в пасти волки держат головы баранов, такие же, какие мы видели в пасти идущих тигров (табл. 34, 46). Это еще раз подтверждает тесную связь всех перечисленных мотивов, единство их происхождения.

Наконец, известна и целая фигура волка (табл. 34, 47), в позе «на корточках» или «скребущего хищника». Надо сказать, что хотя изображения волков и появились в Минусинской котловине в довольно большом количестве, они, по-видимому, продержались тут недолго, не успев деградировать, как это было, например, с изображениями оленей. На некоторых экземплярах верхняя губа волка закручена спиралью, но так же изображали их и в западных районах (например, на знаменитых ананьинских секирах). Интересно сравнить с этими секирами два железных проушных чекана. Обушок одного из них украшен такой мордой, а на втулке зверь в позе «на корточках» с оскаленной пастью (табл. 11, 19)¹²¹, второй чекан без изображений на втулке, и пасть волка здесь дана иначе¹²². Оба они отличаются по форме от основной массы

¹¹⁴ Барнаульская заимка (ММ 3971), Байкалова (ММ 3967), Минусинский край (ММ 3936), Жеблахты (ММ 3965).

¹¹⁵ Шунеры (ММ 2827).

¹¹⁶ М. П. Грязнов, 1947, стр. 12, рис. 5, 4.

¹¹⁷ А. Н. Бернштам, 1962, стр. 298, рис. 128, 2.

¹¹⁸ В. П. Шилов, 1959, рис. 38, 13.

¹¹⁹ Раскопки К. Ф. Смирнова, 1960 г., курган 8.

¹²⁰ Андропова (КМ 118—119); Биря (ММ 919).

¹²¹ Большая Иня (ММ 6801 по инвентарной книге «Железные предметы»).

¹²² С. В. Киселев, 1949, табл. XXIV, 9.

чеканов Минусинской котловины; вполне возможно, что они импортные. Области, где изображения волков чрезвычайно распространены, — это Алтай¹²³ и территория савроматов от Приуралья до Поволжья¹²⁴. Как сообщил мне К. Ф. Смирнов, волк — самый частый мотив в зверином стиле савроматов. Часты изображения волков (иногда многоголовых) в Западной Сибири (известны по золотой коллекции Петра I) и в области ананьинской культуры. Словом, это все та же сако-савроматская территория. В. И. Абаев на основании изучения осетинского языка и фольклора пришел к выводу, что волк наряду с оленем был одним из тотемов сакских племен¹²⁵. Оба изображения попали в Минусинскую котловину примерно в одно время, но изображения волка заняли в тагарской культуре более скромное место.

Изображения лошадей встречались в тагарском искусстве VI в. до н. э., но редко. В V в. до н. э. они появляются в Минусинской котловине сразу в довольно значительном числе. Несмотря на стилизацию, можно заметить, что изображались две различные породы. Лошади одной породы невысоки, приземисты и напоминают «монголок» (табл. 25, 21—24; табл. 34, 1, 2). Такие изображения распространены, кроме Минусинской котловины, в Туве и в большом числе в Ордосе (табл. 34, 8, 9)¹²⁶. Три таких экземпляра известны в Томской области¹²⁷ (табл. 34, 5, 6). Та же порода представлена, видимо, на некоторых горноалтайских предметах¹²⁸. И этот образ тесно связан с другими мотивами рассматриваемой группы украшений, на что указывает бляха, где такая лошадка стоит на грифоньей голове «растительного» типа¹²⁹. Близки изображениям таких лошадок местной породы другие фигурки. Сходство проявляется в трактовке морды, гривки, во всех деталях, только уши значительно длиннее; может быть, это фигурки ослов (табл. 34, 3, 4). В Ордосе фигуры ослов довольно многочисленны. В более западных районах они неизвестны.

Другая группа куда более интересна. Изображена породистая лошадка с «лебединой» шей и небольшой головой (табл. 25, 4, 5), с высокими стройными ногами (табл. 25, 17, 19). Особенно важно, что лошади этой породы помещались иногда на писаницах Минусинской котловины, например на Оглахтах (табл. 25, 17)¹³⁰. Тело их часто бывает покрыто орнаментом — сеткой, точками, зигзагами. В нескольких случаях на крупе — колесо со спицами или солнечный знак. Изображения эти хорошо датируются: такая же лошадка — на кельте V в. до н. э. (табл. 25, 18). Известны ножи V в. до н. э. с головками лошадей, причем ручки ножей покрыты такими же орнаментами, как туловище коней на оглахтинских писаницах. Все это позволяет привлекать эти изображения как вполне датированные материалы. И. Т. Савенков и К. В. Вяткина отмечали, что на крупе таких лошадей изображен солнечный знак. К. В. Вяткина высказала мысль, что это — «небесные кони» Ферганы или Тохаристана, о которых сообщают китайские источники, и что появление таких коней на Оглахтах свидетельствует о ранних связях Минусинской котловины со Средней Азией¹³¹. Автор настоящей работы полностью разделяет это мнение.

¹²³ С. И. Руденко, 1952, стр. 164, рис. 80 б; стр. 222, рис. 125б; он же, 1953, стр. 211, рис. 127, табл. II, 2, табл. XXXII, 5.

¹²⁴ В. Граков, 1928, fig. 18, 19, 26, 38, 43; К. Ф. Смирнов, 1961, рис. 51, 14, 52, 1, 6, 10, 53, 1, 4 и др.

¹²⁵ В. И. Абаев, 1949, стр. 187—201.

¹²⁶ Н. Л. Членова, 1961, табл. III, 14, 17; J. G. Andersson, 1932, Pl. XX, 1, 5; V. Griessmaier, 1936, fig. 62; A. Salmony, 1933, Pl. X, 2, 5.

¹²⁷ Лысая гора на реке Яе (ГЭ-1125).

¹²⁸ С. И. Руденко, 1960, стр. 277, рис. 142 г, е.

¹²⁹ Лысая гора на реке Яе (ГЭ-1125)

¹³⁰ См., например: К. В. Вяткина, 1961, стр. 193, рис. 1, 2.

¹³¹ Там же, стр. 194.

В Пазырыкских курганах и в Шибе на Алтае похоронены были лошади двух пород: местной степной и среднеазиатской¹³². М. П. Грязнов подвергает сомнению заключение В. О. Витта о том, что эти породистые лошади выведены в условиях Горного Алтая, и приводит факт находки их в качестве одного из доказательств связей Горного Алтая со Средней Азией¹³³. Из китайских источников известно, как высоко ценились среднеазиатские лошади в ханьском Китае: для того чтобы добыть их, велись войны. Вероятнее всего, и в Минусинской котловине два типа изображений лошадей, о которых шла речь, соответствовали двум породам: лошадь степного типа, существовавшая на Алтае, в Монголии и в других местах, и среднеазиатская. По данным Геродота, массагеты приносили лошадей в жертву солнцу. О культе коня в Средней Азии и о связи его с культом солнца и неба написано довольно много¹³⁴. Надо думать, что изображенные на крупах некоторых коней с оглахтинских писаниц знаки действительно солярные.

Широкое распространение в V в. до н. э. в Минусинской котловине изображений лошадей, в особенности же среднеазиатской породы, вновь указывает на связь с более западными районами и со Средней Азией в это время. На одном рисунке оглахтинской писаницы двух оседланных коней держит под уздцы обнаженный человек в очень высоком остром колпаке¹³⁵. Скифов и саков (как и киммерийцев) обычно изображают в головных уборах, напоминающих колпаки. Но столь высокий острый колпак обычен для среднеазиатских саков: он прежде всего заставляет вспомнить саков тиграхауда Бехистунской надписи. Известно еще несколько достоверно тагарских изображений людей на писаницах, но таких колпаков у них как будто нет, за исключением всадников на Потрошиловской писанице, дата которых может быть и несколько более поздней¹³⁶. На эти же связи указывает появление в тагарском искусстве этой эпохи не свойственных ему единичных, но довольно характерных мотивов. Это несколько изображений сайги и головок сайги (табл. 36, 2, 3, 5), очень часто встречающихся в искусстве Алтая, Тувы и Ордоса¹³⁷, головы бородатых бычков, явно похожих на ахеменидских (табл. 36, 6, 7), а также изображения скорченного барана и схематичной головы барана в фас на ноже V в. до н. э.; точных аналогий, как для предыдущих сюжетов, мы не находим, но все же оба зверя заставляют вспомнить «алтайский» стиль¹³⁸. Сюда же относится уникальная сбруйная бляха, изображающая человека верхом на двугорбом верблюде (табл. 36, 4). Аналогичные изображения мне не известны нигде, но трактовка глаза верблюда и его морды позволяют и тут предположить V—IV вв. до н. э. Изображения верблюдов в эту эпоху есть в Казахстане, Приуралье и в Ордосе. Однако ордосские сильно отличаются по стилю¹³⁹. Наиболее сходна с нашей бронзовая бляха с верблюдом, найденная в Актюбинске¹⁴⁰. Более стилизованы грызущиеся верблюды на бронзовой бляхе из могильника I Пятимары¹⁴¹. На верблюде минусинской бляхи сидит человек в короткой куртке и плотно охватывающем голову колпачке, более низком, чем

¹³² В. О. Витт, 1937, стр. 24—26; он же, 1952, стр. 171—205.

¹³³ М. П. Грязнов, 1959, стр. 138.

¹³⁴ См., например: С. П. Толстов, 1948, стр. 303—304; А. Н. Бернштам, 1948; он же, 1952, стр. 222—226; Б. А. Литвинский, 1960, стр. 6—7; он же, 1961, стр. 43; К. В. Вяткина, 1961, и др.

¹³⁵ К. В. Вяткина, 1961, стр. 193, рис. 1.

¹³⁶ И. Т. Савенков, 1900, табл. V, 1; VII. Рисунки довольно неточные.

¹³⁷ Н. Л. Членова, 1961, табл. II, 52, 55 и стр. 141, 142.

¹³⁸ Ср. изображения скорченных баранов из второго Туэктинского кургана (С. И. Руденко, 1960, стр. 158, рис. 102).

¹³⁹ Ср., например, изданные у: J. G. Andersson, 1932, Pl. XXI, 8, 10.

¹⁴⁰ АКА, реестр, табл. II, 68.

¹⁴¹ Найдена К. Ф. Смирновым в 1960 г., курган 8.

головной убор человека, держащего под уздцы огластинских коней. Расовую принадлежность человека определить трудно, но обращает на себя внимание отсутствие бороды и усов и слабо выдающийся нос. Может быть, художник хотел подчеркнуть монголоидные черты этого человека, появившиеся тогда у населения Алтая, Тувы, Восточного Казахстана, Тянь-Шаня и Алая и почти совершенно отсутствующие у тагарского населения Минусинской котловины. Тогда перед нами изображение представителя второго народа, пришедшего в это время в Минусинскую котловину.

Наконец, к разбираемому кругу украшенных предметов относятся две ворворки с фантастическими львами или тиграми (табл. 36, 8). К этому же времени в Минусинской котловине появляются изображения птичек, тело которых представляет собой прорезной бубенчик (табл. 34, 37), а если фигурка плоская — заштриховано полосами (табл. 34, 38, 39). Голова их всегда повернута назад, клюв касается спины. Некоторые из них изображены на тагарских ножах V в. до н. э., подобный же нож найден и на Северном Алтае (табл. 34, без №). Такие фигурки известны и на жертвенном месте Лысая гора в Томской области (табл. 34, 40), большая часть предметов которого относится к V—VI вв. до н. э., и в Басандайке. В Горном Алтае и Казахстане такие изображения не встречались, но подобная птичка, без штриховки, найдена в низовьях Сыр-Дарьи¹⁴².

Рассмотрев сюжеты «алтайского» стиля в тагарском искусстве, можно подвести некоторые итоги. Все эти изображения относятся к одной группе, на это указывает не только их совместное нахождение в одном комплексе на Алтае, не только сочетание их друг с другом на одном и том же предмете, но и многие общие черты, трактовка деталей. Так, ухо зверя или птицы часто бывает в виде спирали, будь то грифон, баран, тигр или волк; лапы хищников всегда когтистые в отличие от кольчатых лап зверей «минусинского» стиля. Глаз часто обозначается выпуклой точкой, обведенной рельефным кантиком. У хищных птиц нередко показана восковица на клюве. Этому искусству свойственны изображения тел животных с вывернутой задней частью; характерны головы животных в пасти хищников, изображение головы и передней лапы животного — всего этого не знало тагарское искусство VII—VI вв. до н. э. Несмотря на стилизацию, животные «алтайского» стиля гораздо более близки натуре, чем состоящие из шариков, цилиндров и полукругов тела животных «минусинского» стиля VII—VI вв. до н. э., застывшие в неподвижных позах; животные «алтайского» стиля несравненно более живы и динамичны. И самая стилизация идет по иному пути. С развитием минусинские фигурки становятся все более геометричны, тогда как в «алтайском» стиле животные имеют тенденцию к превращению в подобие растительного орнамента (вспомним «растительные» бараньи и грифоньи головы; на Алтае эта тенденция выражена еще сильнее). Восходя к тому же или к очень близким древнейшим источникам — к искусству стран Ближнего и Среднего Востока, эти два стиля, «минусинский» и «алтайский», долгое время развивались на разных территориях, изолированно друг от друга, что и привело к такому их различию.

Большая часть зверей «алтайского» стиля в Минусинской котловине украшает конский убор и медалевидные зеркала. Предметы конского убора не встречаются в тагарских погребениях; все они из случайных находок. При столь сильном сходстве их с алтайскими и из некоторых других более западных районов, естественно, возникает вопрос: каковы доказательства, что эти вещи в самом деле относятся к тагарской культуре? Может быть, это просто импорт — вещи, которые могли исполь-

¹⁴² Уйгарак, курган 83, раскопки О. А. Вишневской, 1962 г.

зовать носители тагарской культуры, но не изготовляли сами? Или, если вещи эти попали в Минусинскую котловину вместе с людьми, которые их принесли, то, может быть, люди эти принесли с собой и всю свою культуру, отличную от тагарской? На последний вопрос можно с уверенностью ответить отрицательно. Никаких курганов, подобных Пазырыкским или восточноказахстанским, в Минусинской котловине нет. Импортное оружие в этот период исчисляется единицами. Отсутствует керамика, свойственная алтайскому и сакским районам. Всю территорию котловины занимает однородная тагарская культура. Принесен был только конский убор (и скорее всего вместе с лошадьми, как это было показано выше). Возможно, что некоторые предметы и были привозными, но на других мы видели черты обработки их в «минусинском» стиле — эти предметы изготовлялись на месте по импортным образцам. Но самое важное — это то, что изображения в «алтайском» стиле появляются на типично минусинских предметах: кельтах, миниатюрных чеканах, которые не распространяются за пределы Минусинской котловины; ножи с «растительными» головами встречаются в тагарских курганах. Наконец, идущий барс «алтайского» стиля выбит на одном из угловых камней тагарского кургана (см. стр. 136). Все это доказывает, что «алтайский» стиль был воспринят тагарской культурой. Оба стиля — вырождающийся «минусинский» и «алтайский» — существовали в Минусинской котловине в V—IV вв. до н. э. параллельно. Интересно, что они почти совершенно не смешивались. Предметов, на которых бы сочетались изображения зверей двух стилей, почти нет — разве только вток из Красноярского района, украшенный головками грифонов того и другого стиля (табл. 8, 26). Это определенно указывает на какую-то изоляцию «алтайского» стиля и, возможно, на немногочисленность людей, принесших с собой образцы вещей этого стиля.

Рассмотрев изображения, выполненные в тагарском зверином стиле VII—V вв. до н. э., можно сделать вывод, что основная их часть относится к так называемому минусинскому, который генетически связан с карасукским звериным стилем, но приобрел в результате развития в условиях длительной изоляции своеобразный вид, позволяющий отличать его от всех других разновидностей звериного стиля Евразии этой эпохи. Карасукский, в свою очередь, родственен и был генетически связан со звериным стилем более южных и западных районов, из которых наиболее западными были Луристан, область распространения печатей Керкук и хеттских.

В V в. до н. э. добавляется новая струя «алтайского» стиля, широко распространенного в пределах савроматской, сакских, алтайской и тувинской культур и заходящего в Монголию и Ордос. В этих областях он возникает раньше V в. до н. э., по-видимому, с VII в. до н. э. Происхождение этого стиля, чуждого тагарской культуре до V в. до н. э., в работе не рассматривается. Самые глубокие его корни уходят также в искусство Древнего Востока, как это было показано выше (стр. 123—130 и табл. 30—31). Условия, в которых он распространялся и развивался в течение многих веков и которые сделали его столь своеобразным и отличным от «минусинского» стиля, требуют специального изучения, что далеко выходит за рамки настоящей работы.

**СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ ПРЕДМЕТОВ ТАГАРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ
VII—V ВВ. ДО Н. Э. И ИХ ДАТИРОВКА**

А. ГОЛОВА ГРИФОНА ИЛИ ХИЩНОЙ ПТИЦЫ

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
I. Ранний тип («минусинского» стиля): головка птицы без уха и восковицы, рельефное изображение				
1	Навершие — головка птицы (табл. 22, 5*; ММ 711, 713) — 3 экз.	Скифские аналоги (Темир-гора, Серогозы, курган 3; Роменский уезд)	VII — начало VI в. до н. э.	—
2	Головка на уступе ножа (табл. 22, 12) — 1 экз.	Тип ножа	VII в. до н. э.	—
3	Подобные головки на вкладышевых ножах (табл. 22, 9—11)	То же	VII — начало VI в. до н. э.	Две головки барано-грифонов на шиле-вкладыше
4	Плоские головки на концах костяного псаля с тремя отверстиями (табл. 22, 13а) — 1 экз.	Комплекс Гришкин Лог I, курган 13; скифские аналоги («Древности Приднепровья», III, табл. XLVIII)	VII — начало VI в. до н. э.	—
5	Рельефные головки на спинке ножа (табл. 28, 9, 10) — 2 экз.	Тип ножа; аналоги — ножны мельгуновского меча; шлем из Самарканда (СА, № 4, 1958, стр. 123); ручка ножа с озера Иссык-куль (МИА, 26, стр. 35, рис. 14, 1)	VII — VI вв. до н. э.	—
6	Головки барано-грифонов на шиле-вкладыше (табл. 22, 11) — 1 экз.	Аналоги: Келермес; Кармир-блур; Поповка, курган 8; Аксютинцы, курган 2 (Смела III, табл. VIII, 5, VII, 5); Западная Подолия (МИА, 64, стр. 44, рис. 8, 3)	VII — начало VI в. до н. э.	Головка хищной птицы на уступе ножа между ручкой и лезвием (на том же предмете)
7	Головки птиц на бронзовых ножнах ножа (табл. 28, 24)	Тип вставляющегося ножа; аналоги — см. № 5	VII — VI вв. до н. э.	Хищники с кольчатыми лапами (на том же предмете)
8	Две головки с открытым клювом на обушке топора (табл. 26, 1) и секиры (табл. 8, 9)	Комплекс Самохвал, курган 6, 1898 г. (где найден топор); тип грифона с открытым клювом	VII — VI вв. до н. э.	—
9	Головка под бойком чекана (табл. 7, 9)	Комплекс Тагарское озеро, курган 33	Начало VI в. до н. э.	Кружок «глазок» на том же чекане; бляшка в виде свернувшегося хищника и стоящий кабан на шиле-вкладыше кинжала из того же кургана
10	Скульптурная головка под бойком чекана (Батени 3) и чекана из ИМ	Комплекс Батени 3, могила 21	VI в. до н. э.	Кабан, стоящий на кончиках копыт (кинжал из той же могилы)
11	Головка под бойком чекана (табл. 7, 8)	Тип чекана	VI в. до н. э.	Стоящий хищник с кольчатыми лапами и сегментовидным ухом на обушке того же чекана

* Там, где ссылка на рисунки дана без указания источников, см. таблицы рисунков в настоящей работе.

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
12	Головки на уступе ножей, между ручкой и лезвием (табл. 37, 16, 17, 21—23, 29, 30, 32; табл. 23, 1, 5, 6, 17—19, 23—26), а также перечисленные в главе III (100 экз.)	Комплексы: Кочергино, курган 6; Откнин улус, курган II, могила 1; Сыда, курган 5; Тесь, курган 4, могила 2; Абаканская управа, группа 1, курган 2; Самохвал, курган 3; Кривинское, курган 1, могила 2; классы ножей I/1, I/2, I/3, I/4	VI в. до н. э.	Стоящий кабан на шиле-вкладыше или в качестве навершия, баран с подогнутыми ногами на шиле-вкладыше (табл. 28, 19)
13	Головка-навершие ножа (табл. 28, 8) — 2 экз.	Комплекс Георгиевская гора; типы ножей (I/5; II/5)	VI в. до н. э.	Головка хищной птицы на уступе того же ножа
14	Головка на уступе ножа между ручкой и лезвием (МИА, 115, стр. табл. IV, 6) — 3 экз.	Тип ножа (I/6)	VI в. до н. э.	Четыре горных козла друг под другом на ручке ножа; четыре оленя, помещены там же; пять кабанов, помещены там же; «скребущий хищник» кошачьей породы в качестве навершия
15	Головка, гравированная на лезвии ножа (табл. 26, 5)	Тип ножа (II/2)	VI в. до н. э.	—
16	Скульптурная головка под бойком чекана (табл. 7, 11)	Комплексы: Тагарское озеро, курган 35; Малые Копены, курган 2; Кызылкуль, курган 1	V в. до н. э.	Олень с подогнутыми ногами; головка хищной птицы на миниатюрном чекане (Тагарское озеро, курган 35); головка грифона на уступе ножа (Малые Копены, курган 2); нож с лошадиной головкой, из бронзы (табл. 25, 7), то же из кости (табл. 25, 6); костяные головки лошади (табл. 25, 4, 5) — все из Кызылкуля, курган 1
17	Гравированные парные головки на слабо выраженном перекрестье кинжала (табл. 28, 19; табл. 3, 28; МАР, 5, 1891, табл. XI, 4)	Комплекс Верхне-Метляевский клад	Конец VI—V в. до н. э.	Двуглавые лошади в качестве навершия тех же кинжалов (табл. 25, 15, 16), две геральдические прорезные птички с повернутыми назад головами (МАР, 5, 1891, табл. XI, 4)
18	Парные скульптурные головки на обушке топора (табл. 26, 1)	Сходство типа топора с топором с грифоном (табл. 4, 25); сходство головок с головками на ножнах (табл. 4, 7)	Конец VI—V в. до н. э.	—
19	Бляшка (сбруйная?) в форме плоской головки хищной птицы, село Анаш (табл. 26, 7) — 1 экз.	Скифские аналоги	VI—V вв. до н. э. ?	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основания для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
20	На месте уступа на ножах гравированные головки (табл. 26, 8; ГИМ 33839; МАЭ 252-34; МИМК ТГУ 6272-486; ГИМ 45439 и др.)—9 экз.	Комплексы: Шалаболинский клад: Немир, курган, впускное погребение; Малые Копены, курган 2; Колхоз им. 1 Мая	V в. до н. э.	Копытообразный значок на месте уступа (на обороте—птичья головка); навершия в виде: стоящего козла в кольце (2 ножа); головки лошади; стоящего зверя с кольчатыми лапами; стоящих кабанов; двух бронзовых головок лошадей (Шалаболинский клад)
21	Головка с чрезмерно длинным клювом — навершие ножа с прорезной ажурной ручкой (табл. 26, 11, 12, а также МИМК ТГУ 2866, ММ 3857, ГИМ 39165, ГЭ 5531-941; 1123-2681)—21 экз.	Тип ножа (I/19)	Начиная с конца VI в. до н. э., V в. может быть, IV в. до н. э.	Головка птицы на месте уступа между ручкой и лезвием
22	Две головки с восковицей, обращенные в разные стороны, — навершие ножа с прорезной ручкой (32 экз.)	Комплекс Лысая гора на реке Яе; класс ножа (I/20a)	V—IV вв. до н. э.	—
23	Три головки с чрезмерно вытянутыми клювами, образующие верхнюю часть ножа (2 экз.)	Класс ножа (I/21)	V—IV вв. до н. э.	—

II. Головка западного, или «алтайского» стиля: с ухом в виде спирали, шариком под клювом, обычно без восковицы, с желобком вдоль клюва

1	Фигурка грифона в качестве обушка чекана (табл. 7, 13)—1 экз.	Тип чекана, известного в комплексах: Персеполь; колхоз им. Энгельса в Минусинской котловине	V в. до н. э.	Баранья головка типа Башадар; баранья головка под бойком чекана, скульптурная
2	Головки-концы трехдырчатого псаляя, Большой Хабук (табл. 16, 30)—1 экз.	Тип псаляя	Конец VI в. до н. э. (?)	—
3	Две головки на прорезном пластинчатом псаляе с шипами (табл. 16, 44, 46)—4 экз.	Стиль, сочетание со спиральными завитками; сходство с головками на кинжале (табл. 16, 8)	V в. до н. э.	—
4	Две головки на ременной бляхе, село Анаш (табл. 26, 24)—1 экз. (табл. 26, 34)—1 экз.	Клад из села Бирюльское на Верхней Лене	V—IV вв. до н. э.	—
5	Головка на обушке секиры (табл. 4, 24)—1 экз.	Тип секиры	V в. до н. э.	—
6	Головка на бляхе-налобнике (табл. 17, 28) и ГЭ 5531-1359—2 экз.	Головка «растительного типа» на том же налобнике	То же	Грифонья головка «растительного» типа
7	Четыре головки (две пары, обращенные друг к другу) на ременной бляхе (табл. 26, 25)—1 экз.	Комплекс Казылган, курган А-17 (Тува)	V—IV вв. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
8	Парные головки, обращенные друг к другу, — навершия кинжалов, четыре разновидности (табл. 4, 8—10)—38 экз.	Тип кинжалов	V—IV вв. до н. э.	Подобные же грифоньи головки; грифоньи головки с намеченной восковицей; волчьих головы; пара стоящих кабанов. Все эти изображения на перекрестье
9	Голова, вырезанная на ручке ножа (табл. 26, 23)—2 экз.	Тип ножа II/1a	Конец VI—V в. до н. э. (?)	—
10	Головка грифона в кольце в качестве навершия ножа (ММ 3923)—1 экз.	То же	V—IV вв. до н. э.	—
11	Головки с сильно вытянутыми клювами—концы псалий (табл. 34, 35)—2 экз.	Комплексы Пятимары, курган 6	V в. до н. э.	—
12	Поясной крючок с такой же головкой, как № 11 (табл. 34, 36)—1 экз.	Комплекс Туэкта, курган 6	Конец VI—V в. до н. э.	Головка хищника с оскаленной пастью на другом конце крючка
13	Подобный же крючок, как № 12 (ММ 9297)—1 экз.	То же	То же	Головка хищника с оскаленной пастью и закрученным в спираль ухом (табл. 34, 36б)
14	Фигура так называемого гуся с распростертыми крыльями и головкой того же типа, как № 12 (ММ 9288, 9289)—2 экз.	Сходство головок с подобными же № 11, 12	V—IV вв. до н. э.	—

III. Голова западного, или «салтайского» стиля «растительного» типа

1	«Растительная» головка грифона с клювом—бляха для перекрестья ремней (табл. 34, 13; А.-М. Талльгрэн, 1917, табл. X, 23)—5 экз.	Комплексы: II Башадарский курган (горный Алтай)	V в. до н. э. (по С. И. Руденко—середина VI в. до н. э.)	—
2	Подобная же бляха, без клюва (табл. 34, 15)—1 экз.	То же	То же	—
3	Две «растительные» головки с клювами—бляха для перекрестья ремней (табл. 26, 34)—1 экз.	Сходство с подобными бляхами с одной головкой (№ 1, 2)	V в. до н. э.	—
4	Головка-бляшка или обойма со шпеньком на обороте (ММ 8413 и др.)—6 экз.	То же	То же	Копытообразный значок на шпеньке
5	Такая же головка—бляха от упряжи, с трубочкой вверху (табл. 34, 17)—1 экз.	Комплексы: I Туэктинский курган и II Башадарский курган	V в. до н. э. (по С. И. Руденко—середина VI в. до н. э.)	—
6	Подобная же головка без клюва (А.-М. Талльгрэн, 1917, табл. X, 11)—2 экз.	Сходство с № 1—5	V в. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
7	Головки-концы дудырчатого псалия (табл. 34, 14) — 1 экз.	Псалии из I Туэктинского кургана; псалии из Нимфея (Крым; см. ОАК за 1877 г., стр. 231)	V в. до н. э. (по С. И. Руденко—середина VI в. до н. э.)	—
8	Две головки с клювами на обойме от упряжи (табл. 26, 24) — 1 экз.	Сходство с № 1—6	V—IV вв. до н. э.	—
9	Подобные же головки без клювов на обоймах (табл. 34, 16) (ММ 8432, 8426, 8425, 8429) — 14 экз. бронзовых и 1 железный	Комплексы: 1) Казылган, курган А-6 (Тува) — 1 экз.; 2) Березовка, курган № 15 (Алтай)—3 экз.	То же	—
10	Головка с клювом на сбруйной бляхе (табл. 34, 10)	Комплексы: I Туэктинский курган; II Туэктинский курган	V в. до н. э. (по С. И. Руденко—середина VI в. до н. э.)	Оскаленная морда кошачьего хищника в фас
11	Налобник—головка без клюва (табл. 26, 31) — 1 экз.		V в. до н. э.	Головка и тип «алтайского» стиля (см. табл. А, раздел II, № 6)
12	Плоская головка с клювом—обушок уменьшенного чекана (табл. 26, 35) — 1 экз.	Тип чекана: сходство с № 1—11	То же	—
13	Головка без клюва на кельте (табл. 26, 33) — 1 экз.	Серебряные украшения деревянного сосуда из I Туэктинского кургана; золотое украшение из кургана 9 Пятимары I	»	—
14	Плоская головка в качестве навершия ножа (ММ 3819) — 1 экз.	Тип ножа (класс 1/22). Сходство изображений с № 1—13, 15	»	—
15	Две подобные же головки одна над другой, в качестве навершия ножа (табл. 26, 36) — 3 экз.	То же	»	—
16	Головка в виде растительного тройного завитка—навершия ножа (табл. 26, 37, 38; ММ 3814) — 4 экз.	Тип ножа: сходство с № 15	V—IV вв. до н. э.	—
17	Головка без клюва на втоке (табл. 8, 26) — 1 экз.	Сходство с 1—16; сходство с кельтами, имеющими уши в виде птиц	V—IV вв. до н. э.	Две птичьи головки «минусинского» типа в качестве ушек втока
18	Бляха-головка с носиком (табл. 34, 12) — 2 экз.	II Башадарский курган	V в. до н. э. (по С. И. Руденко—середина VI в. до н. э.)	—
19	Головка с клювом и сквозными круглыми отверстиями (табл. 34, 11; ММ 8494; ГЭ 5531-1425) — 3 экз.	I Башадарский курган	Вторая половина IV или начало III в. до н. э. (по С. И. Руденко)	—
20	Три головки в виде свастики на ворворке (ГЭ 5531-1346)—1 экз.	Сходство с № 1—19; принадлежность к типу ворворок, орнаментированных в «алтайском» стиле	V—IV вв. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
21	Грифоны-петушки на ручке ножа (табл. 26, 40) — 1 экз.	Тип ножа (класс 1/21). Подобные же головки из II и I Пазырыкских курганов	V—IV вв. до н. э. (вторая половина V в. до н. э., по С. И. Руденко, 1960)	
22	Две парные головки с гребешками, обращенные друг к другу, по бокам обоймы (табл. 26, 39) — 1 экз.	Сходство с навершиями кинжалов (табл. А, раздел II, № 8); сходство с обоймами (№ 4, 8 данного раздела)	V—IV вв. до н. э.	
В. ФИГУРА СТОЯЩЕГО КОЗЛА				
I. «Минусинский» тип: тело из шариков и полушарий, рога упираются в шею, бороды нет, голова не опущена				
1	Стоящий козел с полой головой на навершии-колокольчике (табл. 22, 6, 7) — 2 экз.	Большая архаичность по сравнению с колокольчиками VI в. до н. э.; сходство с полой фигуркой козла из Иркутского музея (табл. 29, 41)	VII в. до н. э.	—
2	Стоящие козлы на колокольчиках, сплошные (табл. 28, 27, табл. 24, 2, 3; а также ГЭ 1124-9; 1124-1; Самохвал, курган 1) — 5 экз.	Комплекс Самохвал, курган 1, 1898 г.	VI в. до н. э.	Четыре плоские фигурки козла на котловидном навершии в том же кургане
3	Четыре фигурки спинами друг к другу на зеркале (табл. 24, 6) — 1 экз.	Сходство с № 2, 4 данного раздела	То же	—
4	Фигурка с опущенной головой на навершии ножа (табл. 24, 7) — 1 экз.	Тип ножа (подкласс II/66); сходство с козлом на колокольчике из Самохвала, курган 1	»	—
5	Рельефные фигурки на котловидных навершиях (табл. 24, 4, 5); также: Г. Ф. Миллер, 1937, рис. 6) — 5 экз.	Комплекс Самохвал, курган 1, 1898 г.	»	Стоящие козлы на колокольчиках (2 экз.) в том же кургане
6	Две фигурки в качестве ручек бронзового котла (табл. 24, 1) — 1 экз.	Тип котла (А I/2) ручки котлов в виде козлов из Келермеса; сходство «ребра», проходящего вдоль тела козла, с «ребрами» на телах животных архаического скифского стиля (олень из станицы Костромской и др.)	»	—
7	Три фигурки на шиле-вкладыше ножа или кинжала (табл. 28, 21) — 1 экз.	Типы вкладышевых кинжалов и ножей (класс I/1)	»	—
8	Две фигурки, обращенные головами в разные стороны, на навершии ножа (табл. 24, 8) — 1 экз.	Сходство с № 3; класс ножа (II/66)	»	—
9	Две протомы козлов на шиле-вкладыше вкладышевого ножа (табл. 24, 9) — 1 экз.	Класс ножа (I/1)	Конец VI в. до н. э.	Копытообразный значок на месте перехода ручки в лезвие

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
10	Два козла, обращенные мордами друг к другу, на костяном гребешке (табл. 28, 16)	Комплекс Кара-Кургэн, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895 г.	VI в. до н. э.	—
11	Бронзовая фигурка козла с подогнутыми ногами (табл. 32, 26)	Устройство могильного сооружения (Абаканская управа, курган 5, могила II)	То же	—
12	Стоящие козлы на колокольчиках (ММ 9207, ММ 9169; ГЭ 1123—75)—3 экз.	Сходство с фигуркой из Самохвала (№ 2 данного раздела), но козлы № 12 — более уплощенные; сходство с оленями группы I—II	VI—V вв. до н. э.	—
13	Фигурка козла на обушке клевица из Большой Нички (ММ 9563), табл. 24, 11) — 1 экз.	Тип клевица (миниатюрного)	V в. до н. э.	Олени группы II (по: Н. Л. Членова, 1962а) в том же кургане
14	Стоящий козел на колокольчике (ГЭ 1135/5) — 1 экз.	Сходство с фигуркой № 13	То же	—
15	Фигурки козлов на колокольчике (ГЭ 3975-309) и на обушках миниатюрных клевцов из Батени «у пристани» и Батени III, могила 23 — 3 экз.	Комплексы Батени «у пристани» и Батени III	V—IV вв. до н. э.	Олень группы III А в кургане Батени III; олени III группы в кургане «Батени, у пристани»; нож с фигурой кабана (там же)
16	Стоящий козел — навершие ножа (табл. 39, 15; табл. 24, 12, 13; А-М Tallgren, 1917, табл. IV, 14) — 4 экз.	Комплексы Копьева, курган X; Саргов улус, группа II, курган I; Верхний Суэтук	V в. до н. э.	Нож со стоящим кабаном (Копьева, курган X); нож с копытообразным значком (там же); олень II группы (Верхний Суэтук); нож с «растительной» головкой грифона (там же)
17	Стоящий козел в кольце—навершие ножа (ММ 3926, 12850, 3716, 4366, 3928; ГЭ 1293-28, 1123-21; ГИМ, коллекция Щукина; АМ; табл. 24, 14, 15) — всего 12 экз.	Класс ножа (I/9); сходство с № 18	То же	—
18	Стоящий козел в кольце-подвеске (колхоз им. 1 Мая; ММ 9217, 2909, 8487, 9214, 9215; ГЭ 5531-4420; МИМК ТГУ 6272, 3396; табл. 24, 16, 17, 19) — 10 экз.	Комплексы: колхоз им. 1 Мая; Лысая гора на р. Яе	»	Нож с копытообразным значком на уступе; лошадиные головки на концах коромыслообразного предмета (курган у колхоза им. 1 Мая)
19	Три подобных же кольца, соединенных вместе (табл. 24, 19) — 1 экз.	Сходство № 17, 18	»	—
20	Головки козлов на рогах оленей (МИА, 115, стр. 197, табл. I, 27, 28) — 2 экз.	Тип оленя (X группа)	»	Олень X группы
21	Три головки козлов на концах трехлучевой свастики—бронзовой бляшки (табл. 24, 26) — 1 экз.	Комплекс Лысая гора на р. Яе	IV в. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
22	Две фигурки стоящих козлов, головами в разные стороны, на обушке чекана (ММ 632, 635, 636, 640; А.-М. Tallgren, 1917, pl.VI, 9) — 5 экз.	Тип чеканов; сходство с № 24; подобная композиция без чекана из комплекса Лысяя гора; зеркало из городища Басандайка	V—IV вв. до н. э. (скорее IV в. до н. э.)	—
23	Подобные же две фигурки (головами в одну сторону) на обушке чекана (табл. 7, 22) — 1 экз.	Тип чекана; сходство с № 22, 24	V—IV вв. до н. э.	—
24	Фигурка козла, уплощенная, может быть, обломанный обушок чекана (Сарагаш, могила 41, ГЭ 4131-114) — 1 экз.	Комплекс Сарагаш	IV в. до н. э.	Олени типов VI и VIc; конские головки на концах коромыслообразного предмета (в могиле 41 у деревни Сарагаш)
25	Одианрные, очень схематичные фигурки козлов на обушках миниатюрных чеканов (ММ 463, 638; ГЭ 1670-8; А.-М. Tallgren, 1917, табл. VI, 7); табл. 7, 21, 23)	Типы чеканов, комплекс Ягуня, курган 1. Традиция восходит к чеканам из комплексов Батени III, могила 23 и Батени «у пристани»	V—IV вв. до н. э.	—
26	Две протомы козлов, соединенные спинами, в качестве обушка миниатюрного чекана (табл. 7, 19) — 1 экз.	Тип чекана; сходство с чеканами № 23—25, 27	V—IV вв., скорее IV в. до н. э.	—
27	Два козла с подогнутыми ногами, мордами друг к другу, на обушке чекана (ГЭ 1296-80) — 1 экз.	Тип чекана; сходство с чеканами № 23—26	То же	—

II. «Западный» тип: тело менее схематично, голова опущена вертикально вниз, рога большие и упираются в спину, а не в шею или вообще не упираются

1	Рельефная фигурка козла на щеке топора (табл. 24, 21) — 1 экз.	Тип топора	VII—VI вв. до н. э.	—
2	Фигурка на обушке уменьшенного чекана (табл. 7, 20); подобная же фигурка на бляшке (ГЭ 1123-76) — всего 2 экз.	Тип этого чекана; бляшка датируется подобной бляшкой из комплекса Лысяя гора; золотые изображения козла из кургана 126(32) у села Туран (Тува), раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г.	V в. до н. э.	—
3	Бляшка в виде фигурки козла (АМ 252—21) — 1 экз.		То же	—
4	Фигурки козлов на сбруйной подвеске (ММ 9224) — 1 экз.		»	—
5	Головка козла на медальонном зеркале (табл. 24, 27) — 1 экз.	Принадлежность к группе медальонных зеркал, украшенных изображениями животных	»	—

III. Особые типы

1	Козел с подогнутыми ногами — бляшка (курган 3 у поселка Вознесенского) (табл. 24, 20) — 1 экз.	Комплекс кургана 3 у поселка Вознесенского на реке Убненке	V в. до н. э.	—
---	--	--	---------------	---

С. ИЗОБРАЖЕНИЕ КАБАНА

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
1. «Минусинский» тип: стоящая фигурка, тело из геометрических фигур, голова опущена вертикально вниз, ухо сегментовидное, хвост — короткий выступ				
1	Навершие шила-вкладыша в кинжал (табл. 22, 8) — 1 экз.	Тип кинжала; большая архаичность фигурки сравнительно с фигурками VI в. до н. э.	VII—VI вв. до н. э.	—
2	Полая фигурка на навершии шила-вкладыша в кинжал (табл. 23, 2) — 1 экз.	Комплекс Тагарский остров, курган 33	VI в. до н. э.	Свернувшийся кошачий хищник на подвеске-пуговице; головка грифона на чекане (из того же кургана)
3	Навершие шилев-вкладышей в кинжалы или ножи. Фигурки полые (табл. 23, 3, 4 и КМ 516; ММ 3850, ММ 3854) — 5 экз.	Сходство с № 2; типы кинжалов и ножей: табл. 3, 22; табл. 23, 2; класс ножей (I/1)	То же	—
4	Навершие шилев-вкладышей в нож и кинжалы. Фигурки полые — 3 экз.	Тип кинжалов и ножа	»	—
5	Навершие шилев-вкладышей в ножи. Фигурки сплошные (СКМ, 8936) — 1 экз.	Класс ножа (I/1)	»	—
6	Навершие ножей и кинжалов. Фигурка сплошная. Ноги спущены на ручку (табл. 32, 5, 6; табл. 28, 12, 13 и ММ 4035, 4039; ГЭ 4580-56) — 7 экз.	Подобный нож с фигурой лосихи из комплекса Подгорное озеро, курган 1, могила 3 (С. А. Теплоухов, 1930); кинжал с подобной фигуркой из могилы 21 кургана III могильника Батени	»	—
7	Навершие ножа или кинжала. Фигурка сплошная, целиком помещена на вершине ручки (табл. 23, 6, 8, 9 и ГЭ 1123-16, 1296-42, 4156-51, 5531-926, 930; ММ 4037, 3930, 3994, 3953, 4040, 4041, 4042; ГИМ 54416, V зал; МИМК ТГУ 3270, 6272-554, 555 и др.; КМ 131-809) — всего 70 экз.	Сходство с подобными же фигурками на вкладышах (№ 4, 5 этого раздела); типы ножей и кинжалов; комплексы Сыда, курган 5; Тесь, курган 4; Абаканская управа, группа I, курган 2	»	Головка хищной птицы у перехода ручки в клинок
8	Подобные же, но более схематичные, горбатые фигурки (табл. 23, 17—23 и ММ 3938, 4026, 11920) — 10 экз.	Деградация мотива; комплекс Шалоболинский клад	VI—V и V вв. до н. э.	Головка хищной птицы у перехода ручки в клинок. «Загадочный предмет» с конскими головками на концах (в Шалоболинском кладе)
9	Фигурка — вариант № 7, но без ушей, плоская, с длинным рылом (навершие кинжала; табл. 23, 7) — 1 экз.	Комплекс Самохвал, курган 4, могила 1	VI в. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
10	Плоская фигурка с ухом-кружочком — навершие крючка для кинжала (табл. 23, 15) — 1 экз.	Сходство с № 4—7, 9	VI в. до н. э.	—
11	Фигурка с длинными ногами и рылом; бедра и лопатка не намечены (ручка зеркала — табл. 23, 12 а) — 1 экз.	Размеры и тип зеркала; принадлежность фигурки к «минусинскому» стилю	»	—
12	Фигурки, подобные № 9, но более плоские, утратившие детали (табл. 23, 24—27 и ММ, 4006, 4010; ГЭ 1296-43 и др.) — 17 экз.	Комплексы Батени «у пристани»; Копьева, курган X	V в. до н. э.	Головки хищной птицы у перехода ручки в клинок (на тех же ножах). Бляшки-олени групп IIIA и VB (по: Н. Л. Членова, 1962a) и схематическая фигурка козла на обушке уменьшенного чека-на (Батени «у пристани»). Фигурка стоящего козла — навершие ножа (Копьева, X)
13	Две головки, обращенные в разные стороны, с клыками — ручка зеркала (табл. 23, 13) — 1 экз.	Сходство головок с головами фигурок кабанов предыдущих номеров данного раздела; тип зеркала	VI в. до н. э.	—
14	Две соединенные головки, обращенные мордами в разные стороны, — навершие шила-вкладыша (табл. 23, 14) — 1 экз.	Тип шила-вкладыша	То же	—
15	Сильно уплощенная фигурка (табл. 23, 16a)	Сходство с № 7	»	—

II. Особые типы: стоящие фигурки, или протомы, высокорослые, с длинными ногами, голова несколько приподнята от земли, пасть открыта

1	Две протомы, обращенные мордами в разные стороны, — обушок секиры (табл. 8, 5) — 1 экз.	Комплекс Батени I, могила 17	VII—VI вв. до н. э.	—
2	Фигурки — навершия ножей (табл. 22, 1 и ГЭ 5531-933) — 2 экз.	Тип ножа	VII в. до н. э.	—
3	Фигурка с горбом и открытой пастью с зубами (кабан?) — ручка зеркала (табл. 23, 11) — 1 экз.	Тип зеркала	VI в. до н. э.	—
4	Фигурка с длинными ногами (кабан?) — навершие шила (табл. 23, 10)	Массивность шила	То же	—

III. «Алтайский» тип

1	Уплощенная фигурка с высокими ногами; рыло превращено в подобие листа — ручка зеркала (табл. 23, 28) — 1 экз.	Тип медалевидного зеркала	V—IV вв. до н. э.	—
---	---	---------------------------	-------------------	---

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
2	Две головы мордами в разные стороны с одним общим ухом и обозначенными клыками—перекрестье кинжала (табл. 23, 29) — 1 экз.	Комплекс: клад из села Бурбино Томской области; близость к изображениям у савроматов (Блюменфельд, А-12)	V в. до н. э.	Протомы двух неопределимых животных на навершии кинжала
3	Подобные же более упрощенные головы — перекрестье железного кинжала (табл. 23, 30) — 1 экз.	Тип кинжала	IV—III вв. до н. э.	—

D. ИЗОБРАЖЕНИЯ БАРАНОВ (ФИГУРЫ, ГОЛОВКИ)

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

I. «Минусинский» тип: морда узкая и горбатая, рога небольшие, глаза в виде ямок с ободком

1	Головки барано-грифонов на шиле-вкладыше ножа (см. табл. А, раздел I, № 6)	См. табл. А, раздел I, № 6	VII—VI вв. до н. э.	—
2	Головка барана на наконечнике лука (табл. 15, 4, 5) — 2 экз.	Принадлежность к «минусинскому» стилю	VI в. до н. э.	—
3	Парные головки мордами вверх—навершие кинжала (табл. 28, 5, 6) — 2 экз.	Тип кинжала	То же	Такие же головки — перекрестье кинжала
4	Фигурка с подогнутыми ногами на шиле-вкладыше ножа (табл. 28, 19) — 1 экз.	Класс ножа (I/1)	»	Головка хищной птицы на уступе между ручкой и лезвием
5	Четыре фигурки на шиле-вкладыше (табл. 28, 20) — 1 экз.	Тип шила-вкладыша; сходство с фигуркой на привеске (№ 6 данного раздела)	»	—
6	Фигурка на саблевидном ножичке (табл. 28, 18) — 1 экз.	Комплекс Самохвал, курган 8	»	—
7	Объемная полая внутри фигурка (табл. 28, 22) — 1 экз.	Сходство с подобными полыми фигурками кабанов (см. табл. С, раздел I, № 2—4)	»	—

II. Бараньи головы. «Алтайский» тип: морда в профиль, короткая, тупая; большие толстые рога с поперечными кольцами образуют рамку вокруг головы; ухо в виде спирали

1	Рельефная голова — уздечная бляха (табл. 34, 29, 30) — 6 экз.	Аналоги с Алтая: курганы Башадар II. Пазырык I и II и из Тувы: Туран, раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г. ГЭ 5131-2	V—IV вв. до н. э.	—
2	Две рельефные бараньи головы—перекрестье кинжала (табл. 4, 12) — 1 экз.	Тип кинжала; аналоги с № 1	V в. до н. э. (?)	Подобная же голова барана, но в фас, на навершии кинжала

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
3	Две рельефные фигуры барана с перекрученным телом и две головы барана между ними (на ворворке). Минусинский край (ГЭ 3975-343) — 1 экз.	Аналогии из кургана Башадар II	V—VI вв. до н. э.	—
4	Рельефные головы на вершней ножей (табл. 34, 39—43) — 5 экз.	Тип ножа (класс I/18)	V и IV вв. до н. э. (до конца IV в. до н. э. ?)	Схематичная голова оленя на ручке одного из ножей (табл. 34, 41)
5	«Растительные» головы барана—навершия ножей, произошедшие от № 4 (табл. 39, 39) — 9 экз.	Тип ножа (класс I/23)	V—IV вв. до н. э.	Схематичная голова оленя на ручках четырех ножей
6	Полая фигурка стоящего горного барана; промежуточная между «минусинским» и «алтайским» стилем (табл. 34, 28) — 1 экз.	Сходство с фигурками баранов и козлов «минусинского» стиля и головами горных баранов «алтайского» стиля	Конец VI—V в. до н. э.	—
7	Рельефная фигурка барана, свернувшегося в клубок,—наременная бляха (Минусинский край. АМ) — 1 экз.	Сходство с подобными позами баранов с горного Алтая (Башадар; Туэкта 2)	V в. до н. э.	Копытообразный значок
8	Голова барана в фас на ручке ножа (АМ 255-6) — 1 экз.	Класс ножа (II/22)	То же	—
9	Головки барана под крыльями грифона на обушке чекана (табл. 7, 13)	Тип чекана	»	—

III. «Минусинский» тип. Бараньи головы

1	Скульптурная головка под бойком чекана (табл. 7, 12) — 2 экз.	Аналогичный чекан из Персеполя (табл. 11)	V в. до н. э.	—
---	---	---	---------------	---

E. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОСЯ

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

«Минусинский» тип: стоящая фигурка без рогов, с ушами

1	Фигурка—навершие ножа (табл. 28, 15) — 1 экз.	Тип ножа, более массивного, чем ножи VI в. до н. э.	VII—VI вв. до н. э.	—
2	Фигурка, стоящая на кончиках копыт, — навершие ножа (табл. 28, 14) — 1 экз.	Комплекс Подгорное озеро, курган 1, могила 3 (раскопки С. А. Теплоухова, 1930 г.)	VI в. до н. э.	—

F. НЕОПРЕДЕЛИМОЕ КОПЫТНОЕ (КОСУЛЯ?)

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
«Минусинский» тип: ухо в виде полукруга				
1	Головка — навершие бронзового саблевидного ножичка (табл. 28,3) — 1 экз.	Сходство с подобными привесками из комплексов VI в. до н. э. (см. табл. D, раздел I, № 6 и др.)	VI в. до н. э.	—
2	Фигурка с подогнутыми ногами, уплощенная (табл. 28,23) — 1 экз.	Принадлежность к «минусинскому» стилю	VI—V вв. до н. э.	—

G. ИЗОБРАЖЕНИЯ ЛОШАДИ (ФИГУРКИ, ГОЛОВКИ И ПРОТОМЫ)

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

I. «Минусинский» стиль. Высокопородная лошадь с высокой шеей и ногами; хвост — короткий выступ или длинный и тонкий; ухо в виде полукруга; гривы, как правило, нет

1	Стоящая фигурка с полным туловищем и длинным хвостом (табл. 22, 4) — 1 экз.	Большая архаичность сравнительно с тагарской скульптурой; сходство с фигуркой лося из Томского могильника (Большой Мыс)	VIII—VII вв. до н. э.	—
2	Стоящая фигурка — ручка котла, табл. 25,1 (2 ручки)	Скифские аналогии: зооморфные ручки котлов из Келермеса; сходство деталей с деталями фигурок тагарских козлов и кабанов «минусинского» стиля VI в. до н. э.	VI в. до н. э.	—
3	Костяная головка — навершие саблевидного ножичка (табл. 25,2) — 1 экз.	Комплекс Усть-Тесь, курган 2	То же	—
4	Костяная головка с вытянутой мордой и приложенными ушами — навершие саблевидного ножичка (табл. 25,3) — 1 экз.	Комплекс Усть-Ерба, курган 2	»	—
5	Рельефная головка — навершие бронзового ножа (табл. 25,8) — 1 экз.	Комплекс Чартыков улус: подобные головки на скифских костяных псалях VI в. до н. э. («Древности Приднепровья», II, табл. I, 530, 531)	»	—
6	Подобная головка (табл. 25,7) — 1 экз.	Комплекс Кызыл-куль, курган 1	V в. до н. э. (начало)	Костяная скульптурная головка лошади (№ 8 этого раздела); головка лошади, рельефная костяная (табл. 25, 4); головка лошади, плоская, костяная, — навершие ножичка (табл. 25,6); головка хищной птицы на перекрестье ножа из кургана 1 Кызыл-куля

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
7	Подобные головки на ножах из случайных находок (табл. 25, 9—10) — 8 экз.	Комплексы Чартыков и Кызыл-куль	VI—V вв. до н. э.	—
8	Костяная скульптурная головка (табл. 25, 5) — 1 экз.	Комплекс Кызыл-куль, курган 1	V в. до н. э.	См. № 6
9	Головка рельефная — навершие костяного ножа (табл. 25, 6) — 1 экз.	То же	Начало V в. до н. э.	То же
10	Две протомы лошадей головами в разные стороны — навершие кинжала (табл. 25, 15, 16; ГИМ 49439-11; ГЭ 5531-274, 1136-73, 5531-276, 3970) — 5 экз.	Тип кинжала	Конец VI—V в. до н. э.	Головки хищных птиц на месте перекрестья (на двух экземплярах)
11	Изображение лошади с короткой гривой, хвостом колечком и колесом на крупе (вырезано на кельте) (табл. 25, 18) — 1 экз.	Тип кельта	V в. до н. э.	—
12	Подобное же изображение, выбитое на скале Оглахты (табл. 25, 17)	Сходство с № 11	То же	—
13	Фигурка скульптурная в кольце — навершии ножа (табл. 25, 19) — 1 экз.	Тип ножа; комплекс Лысая гора	»	—
14	Головка на «загадочных предметах» (табл. 25, 12—14; КМ 24-8; АМ без номера; АМ 241; С. В. Киселев, 1928, табл. III, 156, 157; ГИМ 40214, 38209) — 9 экз.	Комплексы: Саргов II, курган, 2; Есинская МТС, 1956 г.; Шалаболинский клад; колхоз им. 1 Мая; Большой Тесинский курган; Абаканская управа, курган 2; 1899 г.	»	Фигурка козла в кружке — подвеска, 1 экз.; копытообразный значок на ноже; олени групп II, III А (МИА 115); фигурка стоящего кабана — навершие ножа; головка хищной птицы на перекрестье того же ножа
15	Подобные же головки (ГЭ 4131-218; ГИМ)	Комплексы: Сарагаш, могила 42; Малая Иня, курган 1, могила 1	V—IV вв. до н. э.	Олени VI и VI с групп; олени I—II групп
16	Подобные же головки	Комплекс Большой Барандат, курган «за پوستиной»	III в. до н. э.	Олень I группы

II. «Алтайский» тип: лошадь-«монголка» — низкорослая, с большой головой, грива в виде валика на спине, уши стоячие, хвост с кисточкой или пышный

1	Стоящая рельефная лошадка — бляха и ворворка (табл. 25, 21, 22; табл. 34, 2) — 3 экз.	Комплексы: Малая Иня, курган 3; Лысая гора: Успенское, курган 2 (Тува)	V—IV вв. до н. э.	Олень I группы
2	Рельефная лошадка с подогнутыми ногами — бляха (табл. 25, 23, 24; табл. 34, 1; ММ 9102; МИМК ТГУ 6272-214; ГЭ 5531-1397) — 3 экз.	Аналогии из Лысой горы; сходство с № 1	То же	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
3	Скульптурная фигурка стоящей лошади — навершие бронзовой трубки с кольцами (ММ, 703) — 1 экз.	Комплекс Аскировка (раскопки А. Н. Липского, 1949 г.) с подобным же предметом, без лошадки; сходство фигурки с бляхами (№ 1 данного раздела)	V—IV вв. до н. э.	—
4	Скульптурная фигурка — навершие ножа (табл. 25, 20)	Сходство с ножами, увенчанными фигурками других животных (главным образом VI в. до н. э.); сходство с лошадиными № 1 и 3 данного раздела)	VI—V вв. до н. э.	—

Н. ИЗОБРАЖЕНИЯ КОШАЧЬЕГО ХИЩНИКА

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

I. «Минусинский» стиль: хищник, свернутый кольцом

1	Плоско-выпуклая бляха — свернувшийся хищник. Морда касается хвоста. Ухо полукруглое, лапы кольчатые (табл. 27, 1—3, 5—7) — 6 экз.	Комплекс Тагарское озеро, курган 33; аналогии с Алтая (Майэмир), Восточного Казахстана (Чиликты), Причерноморья (Темир-гора, Келермес)	VI в. до н. э.	Головка хищной птицы под бойком чекана; стоящий кабан на шиле-вкладыше, оба из комплекса Тагарское озеро, курган 33
2	Подобное изображение — навершие бронзового шила-вкладыша (табл. 27, 8) — 1 экз.	Комплекс Тагарское озеро, курган 32	То же	—
3	Подобное изображение на бронзовой обойме (?) (табл. 27, 4) — 1 экз.	—	»	—
4	Подобное изображение на бляхе; лопатка и бедро украшены центрическими фигурами (табл. 27, 10) — 1 экз.	Сходство с № 1—3; спирали на бедре и лопатке — признак «алтайского» стиля V в. до н. э.	Конец VI в. н. э. (?)	—
5	Подобная бляха; детали изображения выполнены небрежно (табл. 27, 9) — 1 экз.	Типологически: деградацией мотива по сравнению с № 1—4 этого раздела	VI—V вв. до н. э. (?)	—
6	Подобное же изображение, но с сильно «исхудавшим» телом на кнопке зеркала (табл. 27, 12) — 1 экз.	Тип зеркала с бортиком; деградация мотива	Конец VI в. до н. э. (?)	—
7	Бляха с подобным же «исхудавшим» изображением (табл. 27, 11) — 1 экз.	См. № 6	То же	—
8	Подобные изображения на кнопках зеркал, еще более «исхудавшие» и деградировавшие (табл. 27, 13, 14, а также ИМ 431/7; ММ 4631) — 4 экз.	Тип зеркала; дальнейшая деградация мотива	V в. до н. э.	Копытообразный значок на одной из кнопок

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
9	Бляха в виде свернувшегося зверя; на лопатке и бедрах спирали; лапы когтистые; морда сильно вытянута (табл. 27, 15) — 1 экз.	Деградация первоначального мотива; сходство со зверями с когтистыми лапами (Симферополь, Семибратние курганы и Ананьино)	V в. до н. э.	—
10	Зверь, согнутый полукольцом, — бляха (табл. 27, 16) — 1 экз.	Сходство с № 1—5	VI в. до н. э.	—
11	Зверь, согнутый полукольцом, — навершие шила-вкладыша (табл. 27, 18) — 1 экз.	Тип шила-вкладыша в ножи класса I/1 и кинжалы VI в. до н. э.	То же	—
12	Полусогнутый «исхудававший» зверь, часть кольца — навершие ножа (табл. 27, 20) — 1 экз.	Подкласс ножа I/256, близкий подклассу I/25а; деградация мотива	V в. до н. э.	—
13	Подобный зверь — навершие ножа (табл. 27, 19) — 1 экз.	См. № 12	То же	—
14	Полусогнутый зверь с вывернутым туловищем — бляха (табл. 27, 17) — 1 экз.	Деградация мотива	Конец VI в. до н. э.	—

II. «Минусинский» стиль: стоящий хищник с кольчатыми глазами, ноздрями и лапами

1	Пять рельефных изображений на прорезных ножнах ножа (табл. 28, 24) — 1 экз.	Аналогии из Причерноморья (Ульский аул; ольвийские зеркала), с Алтая (навершие костяной майэмирской булавки); сходство с № 1—3; расположение по краю ножен птичьих головок, как на тагарских ножах VI в. до н. э.	VI в. до н. э.	Пять птичьих головок по краю ножа
2	Скульптурная фигурка — навершие ножа (табл. 37, 24 и ММ 3937) — 2 экз.	Сходство с круглой скульптурой «минусинского» стиля VI в. до н. э.; с подобной фигуркой V в. до н. э. (см. № 2, раздел IV)	Конец VI — начало V в. до н. э.	—
3	Подобные рельефные бляшки с парой петелек на спинах — сбруйные бляхи? (табл. 17, 5, 6; ММ 9262 и два — ММ, без номера) — 5 экз.	Деградация мотива № 2 и сходство с № 2, 5 данного раздела	V в. до н. э.	—
4	Подобная уплощенная фигурка на обушке чекана — пасть зубастая (табл. 7, 8) — 1 экз.	Тип чекана; оформление уха, ноздрей, лап в «минусинском» стиле; зубастая пасть (признак V в. до н. э.)	Конец VI — начало V в. до н. э.	—
5	Подобное рельефное изображение — кнопка зеркала (ММ 9598) — 1 экз.	Тип зеркала (см. главу II); деградация мотива	V—IV вв. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

III. «Минусинский» стиль: хищник «на корточках» («скребущий»)

1	Скульптурная фигурка хищника с кольчатыми лапами — навершие ножа (МАР 3,1888, табл. III, 23; ММ; АМ) — 3 экз.	Тип ножа; дата животных, стоящих «на кончиках копыт» на ручке ножа, — VI в. до н. э.	VI в. до н. э.	Головка хищной птицы на уступе ножа; четыре оленья на ручке ножа; четыре кабана на ручке ножа; четыре козла на ручке ножа
2	Такой же зверь с лапами с пальцами — навершие кинжала (F. R. Marti n, 1893, pl. 22,8) — 1 экз.	Тип кинжала	V в. до н. э.	Два хищника на перекрестье кинжала

IV. «Алтайский» стиль. Идущий кошачий хищник: лапы когтистые, ухо в виде запятой или спирали, пасть зубастая; в пасти часто голова аргали

1	Рельефное изображение хищника с головой аргали в пасти — сбруйная бляха (табл. 17,3; табл. 35,1) — 3 экз.	Подобные изображения на колоде из Башадара (Алтай); подобные бляхи с Алтая (Березовка, Быстрианское); голова аргали в профиль (см. табл. D, раздел II)	V—VI вв. до н. э.	Голова аргали в профиль
2	Подобное изображение без головы барана (табл. 17,1) — 1 экз.	То же	То же	—
3	Изображение, напоминающее волка (табл. 17,2), — 2 экз.	»	»	Голова аргали в профиль
4	Пара хищников, идущих друг за другом (на ворворке) (табл. 17,11 — 16) — 6 экз.	Сходство с № 1—3	»	—

V. «Алтайский» стиль: кошачьи хищники с вывернутым телом

1	Два хищника с оскаленной пастью, мордами друг к другу — рельеф на поясной обойме (табл. 31,33 и КМ) — 2 экз.	Подобные обоймы (без хищников) из курганов Алтая (Вавилово), Тувы (Саглы)	V в. до н. э.	—
2	Подобная бляха с «исхудавшими» телами хищников (табл. 31,34) — 1 экз.	Деградация мотива	V—IV вв. до н. э.	—
3	Одиночный хищник с вывернутым телом, без признаков деградации (рельефная бляха; табл. 31,9)	Сходство с № 1	V в. до н. э.	—

VI. «Алтайский» стиль: морда хищника в фас

1	Оскаленная рельефная морда на сбруйной бляхе (табл. 34,10) — 1 экз.	Аналогичная бляха из Башадара	V в. до н. э.	«Растительная» голова грифона на той же бляхе
---	---	-------------------------------	---------------	---

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

VII. «Минусинско-алтайский» стиль

1	Рельефная фигура тигра с птичьими головками на хвосте и на носу — сбруйная бляха (ММ 9106), см. рис. на обложке	Полукруглое ухо, сквозные глаза, массивность — признаки VI в. до н. э.	VI—V вв. до н. э.	Птичьи головки на хвосте и на носу на той же бляхе
2	Стоящий хищник — рельефная фигурка — навершие костылька от сбруи (табл. 17,34); лопатка и бедро выделены	Сходство с хищниками № 2,5 раздела II этой таблицы	То же	—

VIII. Алтайско-ахеменидский стиль: лежащий хищник

1	Бронзовая рельефная фигурка со скульптурной головкой — кнопка зеркала (АМ 249-1, табл. 21,8) — 1 экз.	Близкая фигурка стоящего хищника из кургана Кумуртук (Алтай)	V в. до н. э.	—
2	Костяная скульптурно-рельефная накладка — изображение льва с гривой, на бедре — спираль (табл. 27,21) — 1 экз.	Комплекс «Железнодорожная казарма» (раскопки А. М. Липского, 1953 г.)	То же	—
3	Подобные костяные накладки, на каждой по две фигурки львов (табл. 27,22 и ММ 402) — 2 экз.	Сходство с № 2	»	—

I. ИЗОБРАЖЕНИЕ ВОЛКА

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

I. «Алтайский» стиль. Голова волка

1	Вытянутые оскаленные морды — сильно уплощенная скульптура, концы псалий (табл. 16,39 — 42) — 4 экз.	Аналогичные псалии из Приуралья (Пятимары I, курган 8)	V в. до н. э.	—
2	Две рельефные головы на перекрестье кинжала (табл. 4,9 и ММ 919) — 2 экз.	Тип кинжала	То же	Две головки ушастых грифонов на навершие кинжала
3	Две ажурные головы на трензеле (табл. 16,50) — 1 экз.	Принадлежность к шпастым псалиям и трензелям V в. до н. э.	»	—
	Сдвоенные уплощенные скульптурные головы волков, держащих в пасти головы аргали, — ручка зеркала (табл. 34,46) — 1 экз.	Сходство с № 1; сходство мотива с тиграми, держащими в пасти голову аргали; принадлежность к типу медалевидных зеркал	V—IV вв. до н. э.	Головки баранов — аргали в пасти волков
5	Оскаленная волчья морда — навершие ножа (табл. 34,48) — 15 экз.	Принадлежность волчьих голов к «алтайскому» стилю; сходство с № 1 — 4; аналогичные изображения савроматов (Пятимары I; Бережновка II)	V в. до н. э.	—

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
6	Оскаленная волчья морда, упирающаяся в кольцо, — навершие ножа (ММ 3936, 3867, 3971, 3965 и др.) — 7 экз.	То же	V в. до н. э.	—
7	Уп্লощенная скульптурная голова волка с закрученной верхней губой (на крючке от колчана) (табл. 34, 36б, в) — 1 экз.	Аналогичная подвеска из Тузукты (Алтай); подобная композиция из Блюменфельда, курган А-12 (савроматы)	То же	Такая же головка
8	Сдвоенные головы волков на подпругной пряжке (табл. 17, 17) — 1 экз.	Сходство с подобными пряжками с козлами и грифонами или их головами (см. табл. В и А)	»	—

II. «Алтайский» стиль. Голова и передняя лапа волка

1	Рельефная голова и передняя лапа волка — навершие ножа (табл. 34, 45) — 1 экз.	Аналогичные изображения с Алтая (Пазырык)	V—IV вв. до н. э.	—
2	То же на ноже, очень схематично (ММ 2827) — 1 экз.	То же	То же	—

III. «Алтайский» стиль. Фигурка вслка «на короточках»

1	Рельефная фигурка — сбруйная бляха (табл. 34, 47)	Бликие изображения у савроматов (Суслы, курган 5; Золотушинское)	V в. до н. э.	—
---	---	--	---------------	---

J. ИЗОБРАЖЕНИЕ СТОЯЩЕГО ОСЛА ИЛИ КУЛАНА

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
1	Рельефная сбруйная бляха — осел или кулан (табл. 17, 4; табл. 34, 3 и ГИМ) — 3 экз.	Сходство с такими же фигурками лошадей-монголов («алтайский» стиль)	V—IV вв. до н. э.	—
2	Бляха от перекрестья ремней; фигурка стоит на круглой бляшке (табл. 34, 4 и КМ, 596) — 2 экз.	Сходство с фигурками лошадей-монголов; аналогичное устройство бляхи с «растительными» грифонами (табл. А, раздел III, № 1—3)	То же	—

K. ПТИЦА, ПОВЕРНУВШАЯ ГОЛОВУ НАЗАД. «АЛТАЙСКИЙ» СТИЛЬ

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

I. Птица с телом без полос

1	Скульптурная фигурка в кольце — навершии шила-вкладыша (ГЭ 1293-31) — 1 экз.	Тип шила-вкладыша	Конец VI в. до н. э.	—
---	--	-------------------	----------------------	---

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
2	Скульптурная фигурка-подвеска (А.-М. Таггареп, 1917 и ММ 9165, 9174) — 3 экз.	Сходство с подобными прорезными фигурками	Тагарская эпоха	—
3	Рельефная бляха с петелькой на обороте (ММ 8412, 9256) — 2 экз.	Сходство с птицами раздела II данной таблицы	V—IV вв. до н. э.	—
4	Костылек-подвеска с рельефной фигуркой птицы (ММ 9828) — 1 экз.	То же	То же	—

II. Полосатая птица

1	Плоская прорезная фигурка — навершие ножа (табл. 34, 39) — 1 экз.	Тип ножа	V в. до н. э.	—
2	Две прорезные фигурки — навершие кинжала (МАР 5, табл. XI, 4) — 1 экз.	То же	Конец VI—V вв. до н. э.	Две головки хищной птицы на перекрестье
3	Прорезная фигурка в кольцо — навершие ножа — 1 экз.	»	V в. до н. э.	—
4	Врезанное изображение на ноже (МИА, № 115, табл. V, 10) — 1 экз.	»	То же	Олень с подогнутыми ногами и рогами вверх на ручке того же ножа
5	Схематическое изображение того же мотива — 1 экз.	»	»	—
6	Плоская бляха с выпуклыми полосами (табл. 34, 38; ММ 9182) — 2 экз.	Аналогия из комплекса Лысая гора на р. Яе	V—IV вв. до н. э.	—
7	Скульптурная полая внутри фигурка с прорезным туловищем (табл. 34, 37; ММ 9176; ГЭ 1669-2 и др.) — 4 экз.	Аналогия из комплекса Басандайка	То же	—

L. РЕДКИЕ МОТИВЫ В ТАГАРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

№ п/п	Предметы, их число, инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
-------	---	-------------------------	------	--

«Алтайский» стиль

1	Верблюд со всадником — рельефная сбруйная бляха (табл. 36, 4) — 1 экз.	Подобные изображения у савроматов (Пятимары I)	V в. до н. э.	—
2	Скульптурная головка сайги (табл. 36, 2, 3) — 2 экз.	Изображения из Тувы (Туран) и горного Алтая	То же	—
3	Две бегущие сайги (рельеф на ручке кинжала) (табл. 36, 5) — 1 экз.	То же	»	—

Окончание

№ п/п	Предметы, их инв. номер и где изданы	Основание для датировки	Дата	Другие тагарские мотивы, сочетающиеся с данным
4	Пара оленей с вывернутым телом — рельеф на перекрестье кинжала (табл. 36,9) — 1 экз.	Тип кинжала	V в. до н. э.	—
5	Неопределенный хищник, скорее кошачьей породы (табл. 36,8,10) — 2 экз.	Тип ворворки	То же	—

М. АХЕМЕНИДСКИЕ МОТИВЫ

1	Головки бородатых быков на навершии и перекрестье железного кинжала (табл. 36,6,7) — 2 экз.	Капители дворца в Персеполе; ахеменидская малая пластика; кинжал из Чертомлыка	V—IV вв. до н. э.	—
---	---	--	-------------------	---

Тагарские бронзовые ножи. Тагарская керамика

К числу предметов, отличающих тагарскую культуру от других культур «скифского круга», относятся бронзовые ножи, керамика и личные украшения очень специфических типов, составляющих ее своеобразие. Они свойственны либо одной тагарской, либо нескольким культурам восточной части скифского мира, тогда как в других «скифских» культурах таких форм нет; ножи, керамика и украшения там уже другие.

Тагарские бронзовые ножи

Ножи — самая распространенная категория тагарских вещей и обычная принадлежность погребального инвентаря. Только в комплексах VII—V вв. до н. э. мне известен 221 нож. Но найденные в комплексах составляют менее десятой части общего количества тагарских ножей. Из случайных находок происходит еще 2359 экземпляров¹. Все ножи — бронзовые. Железных с бронзовой рукояткой известно два: один с волотовым навершием, отсутствующим у тагарских ножей²; тагарская принадлежность его сомнительна: он, может быть, импортный или относится уже к таштыкской эпохе. Второму — с навершием в виде небольшого кольца³ — также нет точных аналогий среди тагарских. Форма его ближе всего к бронзовым ножам из Тувы (V в. до н. э.)⁴ и с Тянь-

¹ По данным ГИМ, МА, МГУ, ГЭ, ММ, АМ, КМ, АчМ и МИМК ТГУ. Кроме ножей из перечисленных музеев, учтены также ножи из ИМ, ТКМ, СКМ, Казанского, Тульского краеведческих музеев, МАЭ и Киевского исторического музея, а также из Национального музея в Хельсинки, музея в Стокгольме, Сен-Жерменского музея в Париже, коллекции Д. Вэйла, известные автору по публикациям (А.-М. Tallgren, 1917; 1922; F. R. Martin, 1897; O. Janse, 1935). Ножи из случайных находок, хранящиеся в ГЭ, учтены автором лишь частично (изданы: В. В. Радлов, 1888 и ножи вкладышевые с навершиями в виде фигур животных, с пряжковидными навершиями и частично — с каплевидным отверстием в ручке).

² Минусинский округ. Кулен у П. И. Товостина (ММ 11967).

³ ГИМ, без номера, экспозиция V зала.

⁴ Озен-Ала-Белиг, курган 5 (С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, 1960, стр. 193, табл. 1—8).

Шаня (по-видимому, то же время)⁵; можно думать, что и этот нож импортный (табл. 11, 18).

Датировка тагарских ножей не представляет особых затруднений. Одни типы ножей найдены в комплексах и датируются оружием (табл. 1), другие — на основании сходства их деталей с деталями кинжалов, третьи — по типологическому принципу. Эти многочисленные ножи довольно стандартны по форме, и число их типов невелико. Все ножи, существовавшие на всем протяжении тагарской эпохи, можно объединить в два больших раздела: I) с выделенной ручкой и II) без выделенной ручки. Удобнее всего их рассматривать по периодам: VII—VI вв. до н. э. и V—IV вв. до н. э., ибо классы ножей в эти эпохи различны.

НОЖИ VII—VI вв. до н. э.

Раздел I. Ножи с уступом между лезвием и ручкой, который бывает и довольно значительным, и еле заметным. На уступе часто помещается голова хищной птицы или копытообразный значок. Этот тип ножей найден в семи комплексах. Кроме того, среди случайных находок известно 150 экземпляров.

Ножи раздела I делятся на ножи с полый ручкой (вкладышевые — класс I/1) (табл. 37, 13, 14) и со сплошной, причем первых значительно меньше, чем вторых: в комплексах VII—VI вв. до н. э. такой нож (Усть-Ерба)⁶ и из случайных находок — еще 63. Из них ножи с сильно выделяющимся уступом — наиболее длинные и массивные, а вдоль одной из широких сторон ручки проходит ребро⁷. Эти детали позволяют считать такие ножи наиболее архаичными. Находка такого ножа в могильнике Усть-Ерба с достаточно архаическим инвентарем (наконечники стрел VII—VI вв. до н. э. и очень массивный прямой нож, напоминающий карасукский)⁸ подтверждает это предположение. Самые массивные относятся, скорее всего, к VII в. до н. э. У некоторых из них уступ ничем не украшен⁹, у других — головкой хищной птицы. По-видимому, этот мотив в VII—начале VI в. до н. э. только еще входил в обиход: на одном из таких архаических ножей у головки птицы клюв оказался загнутым вверх, а не вниз¹⁰.

У несколько более поздних ножей уступ выражен слабее, а ручка полая лишь в верхней части; они короче и менее массивны, чем ранее описанные. Эти ножи находками в комплексах Кочергино¹¹ и Откнин улус¹² (табл. 37, 18) датируются VI в. до н. э. К VI в. до н. э. относится большинство вкладышевых ножей. Второе указание на их дату дает сходство с деталями (вкладышевых кинжалов, которые, как уже говорилось (стр. 16), в основном тоже относятся к VI в. до н. э. и лишь самые архаические из них — к VII в. до н. э. В большинстве случаев на уступах вкладышевых ножей (или на месте уступа, когда он еле заметен) помещалась головка птицы (54 экземпляра), реже — копытообразный значок (6 экземпляров), появление которого относится скорее всего к первой половине VI в. до н. э. (судя по типам ножей), но

⁵ Аламышик, курган 44 (А. Н. Бернштам, 1952, стр. 31, рис. 12, 1). Ю. С. Гришин ошибочно отнес к тагарской культуре железные ножи с кольцом, с крюком и с черешком (Ю. С. Гришин, 1960, стр. 181—182). В действительности эти ножи найдены лишь в курганах III—II вв. до н. э., относящихся уже к таштыкской культуре (Кызыл-куль, курган 8, Большой курган и др.).

⁶ Курган 3, погребение II, раскопки С. В. Киселева, 1931 г. (ГИМ, хр. VII/47/16 в.).

⁷ Минусинский край (ММ 3826); с. Покровка Каптеревской волости (КМ 131-569); Кугунек (ГИМ 33832/40, хр. 85/19а); Тея (ММ 3872).

⁸ Там же (ГИМ, хр. VII/47/12 в), номер кургана неизвестен.

⁹ Упомянутый нож из Усть-Ербы и из Минусинского края (ММ 3826).

¹⁰ Долина р. Тесь (МИМК ТГУ 2583).

¹¹ Раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ, 11184), курган 6.

¹² Курган II, погребение 1. Раскопки Г. Мергарта, 1920 г. (КМ 122-637).

в это время он еще очень редок. В течение VI в. вкладышевые ножи становятся все короче и тоньше, уступ почти исчезает, полость в ручке делается все менее глубокой; головка грифона из рельефной становится плоской, обведенной желобком. Образцом может служить нож из Кривинского¹³ — все еще VI в. до н. э., по-видимому, вторая половина века. Наконец, полость в ручке исчезает; пережиток ее — сквозное отверстие в уже сплошной ручке (например, Самохвал¹⁴, VI в. до н. э., табл. 37, 21). Ручка некоторых из этих последних лишена навершия и заканчивается плоской площадкой.

Класс I/2¹⁵, несомненно, восходит к предыдущему. Однако некоторые ножи с уступом и сплошной ручкой появились, по-видимому, параллельно со вкладышевыми. Один из них с узкой шляпкой-валиком и схематической головкой грифона на перекрестье¹⁶ относится, по аналогии с кинжалами с такими навершиями и по массивности, к первой половине VI в. до н. э.

Класс I/3 — ножи с навершием в виде простого валика — 8 экземпляров (табл. 37, 30—32; табл. 26, 4). Появились они, видимо, вследствие взаимовлияния раннетагарских ножей с такими же валиками, но без уступа (раздел II — табл. 37, 40, табл. 37, 33) и вкладышевых ножей. У шести экземпляров на уступе или на месте прежнего уступа — головка грифона (табл. 37, 30, 32), как правило, плоская; у седьмого — копытообразный значок (табл. 37, 31). Дата этих ножей на основании сходства их наверший-валиков с валиками тагарских кинжалов и на основании их типологических связей с перечисленными группами определяется как VI в. до н. э., скорее его вторая половина.

Класс I/4 — ножи с головой птицы или копытообразным значком или без украшения на месте перекрестья и с навершием в виде фигурки стоящего кабана (табл. 37, 22, 23; табл. 23, 1, 5, 17—19). Это очень распространенный в тагарской культуре класс ножей. Мне известно 73 экземпляра, относящихся к VI в. до н. э. Генетически ножи этого класса связаны со вкладышевыми (в ручки которых вкладывались шилья с фигуркой стоящего кабана) и с ножами без уступа (класс II), увенчанными также стоящей фигуркой животного.

Подкласс I/4а — ножи с головкой грифона на месте уступа — включает 3 экземпляра из погребений (Сыда, табл. 37, 23; Тесь, табл. 37, 22; Абаканская управа) и 39 из случайных находок (VI в. до н. э.)¹⁷.

Ножей с копытообразным значком на месте перекрестья (подкласс I/4б) известно 23 экземпляра из случайных находок (VI в. до н. э.)¹⁸. Ножей без значка на уступе (I/4в) известно 8 экземпляров, все из случайных находок¹⁹. Ножи этого подкласса происходят либо из района Красноярска и северной части Минусинской котловины²⁰ и отличаются поэтому некоторым своеобразием, либо относятся уже к концу VI в. до н. э., когда орнамент беднеет, пропадает, и исчезновение значка на уступе может объясняться этим. Об изменениях, которые претерпевают фигурки стоящих кабанов на протяжении VI—V вв. до н. э., уже говорилось в главе III, где обоснованы даты некоторых ножей.

¹³ Раскопки С. В. Киселева, 1928 г., курган 1, могила 2.

¹⁴ Раскопки А. В. Адрианова, 1898 г. (ГИМ 40211, хр. А 17/13 а, курган 3).

¹⁵ Например, деревня Анаш (ГЭ 4156-61); село Барзат (ГИМ 33832/40, хр. 85/19а); Минусинский край (ММ 1990); деревня Уты (ГИМ 33839, хр. 85/11а); деревня Биря (ММ 198).

¹⁶ Минусинский или Енисейский уезд (МИМК ТГУ, 3278).

¹⁷ По данным ГИМ, ГЭ, ММ, МИМК ТГУ и по изданиям: В. М. Флоринский, 1897, табл. XXI, 6; В. В. Радлов, 1888, табл. IV, 7, 9—11; А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV 13, 15; 1922, Pl. II, 9; O. J an se, 1935, Pl. VI, 2.

¹⁸ По данным ГИМ, ГЭ, ММ.

¹⁹ По данным ГИМ, ГЭ, ММ, КМ.

²⁰ Частоостровское (ГЭ 5531-933); Торгашино (КМ 345, ящик 257); деревня Янова (ГИМ 30228, хр. 85/29а).

Класс I/5 — с навершием в виде плоской головки хищной птицы и с подобной же головкой или копытообразным значком на месте прежнего уступа (табл. 26, 9). Известны 3 экземпляра²¹ (случайные находки). По сходству с ножами классов I/3 и I/4 и по стилю изображения головок дата их — скорее VI в. до н. э., но, может быть, и V в. до н. э.

Класс I/6 — ножи с навершием в виде «скребушего» хищника кошачьей породы, с уступом между ручкой и лезвием. На ручке изображены стоящие друг под другом животные (в одном случае — четыре горных козла, а на обороте — четыре оленя; в другом — четыре козла, а на обороте — пять кабанов; в третьем — четыре оленя, на обороте изображений нет). Мне известны три таких ножа из Минусинской котловины²² и один из Северной Тувы²³. Манера, в которой изображены животные на ручках, отличается от «минусинского» звериного стиля, о чем уже говорилось. Происхождение таких ножей неясно. Дата их — скорее всего VI в. до н. э.²⁴ Это подтверждается и массивностью, и тем, что один из них (из деревни Городок) — с довольно значительным уступом между ручкой и лезвием.

Класс I/7 — ножи с навершием в виде полого прорезного бубенчика. Известны 3 экземпляра (табл. 37, 15). Нож из Шушенского — с подпрямоугольной в сечении сплошной ручкой, его форма совершенно аналогична другим, происходящим от ножей с уступом. Предположительно можно датировать его VI в. до н. э., такова же, вероятно, дата и других ножей этого класса.

Происхождение ножей раздела I довольно ясно: ножи с уступом и лезвием, приближающимся к вытянутому прямоугольному треугольнику, — типичная карасукская форма (группы II и VIII, по М. Д. Хлобыстиной)²⁵. Довольно близки им и карасукские ножи с коротким шипом, в особенности поздние (группы V и VI)²⁶. В тагарскую эпоху этот уступ или шип остался, обычно на нем стали изображать головку хищной птицы или копытообразный значок; впрочем, у некоторых ножей уступ оставался неукрашенным. Ножи с полый ручкой в карасукскую эпоху встречаются с самого раннего времени²⁷ (группа I, по М. Д. Хлобыстиной), хотя и очень редки. Полая ручка была и у карасукских кинжалов. В тагарскую эпоху в эту полость в ручке стали вкладывать шило. Ножи, очень похожие на тагарские вкладышевые, найдены в Китае (эпоха Чжоу)²⁸. Уступ у них подобен тагарскому и, по-видимому, также полая ручка. К сожалению, дата их слишком неопределенна. Они значительно массивнее и длиннее и, может быть, древнее тагарских и позволяют надеяться на подобные находки и в других районах, где распространены бронзы, близкие карасукским.

Другие детали тагарских ножей раздела I также указывают на их происхождение от карасукских. Узкая плоская шляпка-валик на тагарском ноже со сплошной ручкой — синтез грибовидных шляпок и круглого в сечении валика (см. выше, глава I). Фигурка стоящего зверя — навершие некоторых тагарских ножей с уступом — происходит от подобных же фигурок карасукской эпохи. Прорезные бубенчики служили навершиями карасукских и ордосских кинжалов (см. табл. 6, 6) и очень характерны для других бронзовых изделий карасукского круга: ножей из

²¹ Быскар (ММ 4033); Сыда (ГЭ 5531—921); Ижюль (ММ 3986).

²² Городок (ММ); Минусинский край (АМ); с. Усть-Абаканское (ГЭ 5531-976).

²³ Н. Л. Членова, 1962, табл. IV, 6.

²⁴ Там же, стр. 187—189.

²⁵ М. Д. Хлобыстина, 1962, стр. 9, рис. 2, 1—8; стр. 16, рис. 6, 6, 7; стр. 19, табл. 7.

²⁶ Там же, стр. 14, рис. 5, 2, 4.

²⁷ Бея (ММ 1373).

²⁸ С. В. Киселев, 1960, стр. 261, рис. 8, 29, 30.

Ордоса и соседних районов²⁹; загадочных предметов, карасукских³⁰ и из Аньяна³¹ и др. У некоторых позднекарасукских ножей ручка приобретает двускатное сечение³². Эта деталь сохранилась на древнейших тагарских вкладышевых ножах.

Наконец, ручка тагарских ножей раздела I часто орнаментирована: вертикальным рядом (или двумя рядами) вдавленных мелких треугольников, выпуклых квадратов или витым «шнурком». Эти орнаменты типичны для карасукских ножей, в особенности второй половины и конца карасукской эпохи³³. Таким образом, очень многие детали раннетагарских ножей раздела I обнаруживают карасукское происхождение. Однако другие детали (головки хищных птиц и копытообразные значки на уступах) не карасукские. Эти мотивы появляются лишь в тагарскую эпоху. Такие же головки характерны и для ножей раздела II (без выделенной ручки), с карасукскими не связанными. Отметим далее вырезанную полукруглыми фестонами ручку одного из ножей с уступом, украшенным головкой птицы³⁴; эти фестоны, как увидим ниже, также встречаются на тагарских ножах без уступа.

Итак, ножи раздела I происходят от карасукских и имеют некоторую инородную примесь. Они не просто копируют карасукские: форма их, пропорции, отделка свидетельствуют о длительной обработке в тагарской среде, что и придает им такой своеобразный облик.

Раздел II (без выделенной ручки). Ножи этого раздела появляются в тагарской культуре с VII в. до н. э. Наиболее простые по форме из них (подкласс II/1a) — прямые, плоские, очень длинные (до 37,5 см) и широкие (2—2,5 см), с закругленным верхним концом, без отверстий в ручке. Подкласс этот очень малочислен: всего 7 ножей из случайных находок³⁵. Датируются они по вырезанным на двух из них головкам грифона с ухом «алтайского» стиля, по-видимому, концом VI в. до н. э.³⁶ Однако эта форма ножа могла появиться в Минусинской котловине и гораздо раньше. На это указывает существование в раннетагарском комплексе VII—VI вв. до н. э. ножа той же формы, но обычных размеров — длиной 19 см, шириной 2 см (Бузунова)³⁷. Такой же нож, но меньших размеров, найден в могилнике Сыда (конец VI в. до н. э.)³⁸ и еще три подобных ножа — из случайных находок³⁹. Ножи эти можно объединить в подкласс II/1б.

Классу II/1 близко родственны ножи класса II/2 — той же формы (иногда приближающиеся по форме к сегменту, с выпуклой полукруглой спинкой и прямым лезвием), с отверстиями в верхней части ручки, круглыми или овальными и каплевидными (по терминологии С. В. Киселева, — дырчатые и петельные). Ножи с овальным и каплевидным отверстием (или несколькими) в ручке объединим в подкласс II/2а; ножи с одним или несколькими круглыми отверстиями — в подкласс II/2б. Обе группы

²⁹ В. Karlgren, 1945, Pl. 31, 173; 36, 216, 217; М. Loehr, 1956, Pl. XXXVI, 89 (этот нож, кстати, с полой прорезной ручкой); Аешки в Минусинской котловине, ММ 1358).

³⁰ Таштып (ММ 9375).

³¹ В. Karlgren, 1945, Pl. 32, 186a; W. Watson, 1960, Pl. 48.

³² Например, Марьясово (ГИМ 55226, хр. 59/34a); Енисейская губерния (ГЭ 5531-405).

³³ М. Д. Хлобыстина, 1962, стр. 14, рис. 1—3; Быстрая (ММ 1249); Нижний Абакан (ГЭ 1123-32); Бейское (ГЭ 5531-383); Копены (ММ 1141) и др.

³⁴ Минусинский край (ММ 1990).

³⁵ Минусинский край (ММ 3693, ММ 694, ИМ 516-10; А 546/60; ТКМ, без номера); Биря (КМ 118-95); Вислеговая (ГИМ 33832/40, см. в этой книге табл. 38, 31, табл. 26, 23; хр. 85/19a); Алексеевка (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. V, 1).

³⁶ Минусинский край (ММ 3693, 694).

³⁷ Курган 5, раскопки С. И. Руденко, 1920 г. (МИМК ТГУ 7-135).

³⁸ Курган 3, погребение II, раскопки С. В. Киселева, 1929 г. (ММ 11580).

³⁹ Минусинский край (ГИМ 49439, хр. 85/66); Коя (КМ 131-65); Минусинский край (МИМК ТГУ 6672-504).

очень близки друг к другу; иногда отверстие бывает неопределенной формы, и тогда возникает затруднение, к какому подклассу отнести нож.

Подкласс II/2а представлен в комплексе VII в. до н. э. (Узун-Оба, табл. 38, 11) вариантом с длинной прорезью в ручке; в десяти комплексах VII—VI вв. до н. э.⁴⁰ найдено 11 ножей; в двадцати комплексах VI в. до н. э.⁴¹—25 ножей. Всего в комплексах VII—VI вв. до н. э. найдено 37 ножей, из случайных находок известно еще 73 ножа, из них 10 — с двумя и тремя каплевидными отверстиями; 4 — с одним каплевидным и одним или несколькими круглыми ямками и 59 — с одним каплевидным отверстием. Последняя форма продолжает существовать и в начале V в. до н. э. Наиболее архаичные ножи отличаются массивностью, сильно выпуклой спинкой и очень длинным отверстием в ручке. Поздние ножи — более узкие и тонкие.

Подкласс II/2б — ножи с круглыми отверстиями — представлены в двух комплексах VII в. до н. э. (Узун-Оба, курган 6 и Откнин улус, курган 5), всего 9 экземпляров; в пяти комплексах VII—VI вв. до н. э.⁴² найдено 8 ножей и в девятнадцати комплексах VI в. до н. э.⁴³ 20 экземпляров, т. е. всего 37 экземпляров. Ножей с двумя и тремя отверстиями — семь, остальные — с одним. Последние продолжают бытовать и в V в. до н. э., лишь незначительно изменяясь. Ножей из случайных находок — 196, из них с двумя и тремя отверстиями — 33, с одним — 163, но в это число могли попасть и некоторые ножи V в. до н. э., так как они почти не отличаются от ножей VI в. до н. э. Ручка одного из ножей VII в. н. э. (Откнин улус) увенчивается как бы развилкой (табл. 38, 4). Другие тагарские ножи с такой развилкой мне не известны.

Класс II/3 по форме близок предыдущему. Нож из Минусинского края⁴⁴ той же формы, но с вырезкой в лезвии, отделяющей его от ручки; двумя подобными же вырезками с двух сторон ручки выделена «головка» ножа, как бы наверху. Мне известен только один нож этой формы.

Сюда же можно причислить шесть ножей с подобным же образом выделенной «головкой», но в ней нет отверстия; ручка не отделена от лезвия. Один найден в кургане VII—VI вв. до н. э. (Сыда)⁴⁵, прочие пять — случайные находки⁴⁶. Такой же ножик, но костяной, встречен в

⁴⁰ Бузунова, курганы 4, 5 и 6. Быстрая, курган 2 (раскопки В. Г. Карцова, 1930 г.); Откнин улус, курган 7; Райков улус; Сыда, курган 6; Тагарский остров, курганы 1 и 3 (раскопки А. В. Адрианова, 1895 г.); Шира, 1908 г.

⁴¹ Анаш; Батени III, курган 21; Биря, курган 1; Копьева, курган XI; Кочергино, курганы 4, 7; Кривинское, курган 2; станция Минусинск; улус Мохов; Новоселово (раскопки А. В. Адрианова, 1890 г.); Норилков улус; Оглахты, курганы 4, 6; Сарагагинское озеро; Сыда, курганы 1, 7, 10; Тагарское озеро, курган 32; Усть-Тесь, курган 2; упомянутые в работе С. В. Киселева петельные ножи из курганов: Кривинское, курган 4, могила I; Кочергино, курган 2, могила II; Кочергино, курган 3, могила I; Тесь курган 4, могила II; Тагарское озеро, Большой курган; Узун-Оба, курганы 5, 6; Самохвал, курган 10; Тагарский остров, курган 2; Быстринское (раскопки Клеменца), в ММ и ГИМ мною не обнаружены и не включены в данную сводку.

⁴² Бузунова, курган 6; Батени, курган 5, могила 17; Саган, курган 2; Ужур, курган 2, ограда А (раскопки В. Г. Карцова, 1929); Усть-Ерба, курган 2.

⁴³ Абаканская управа, 1898 г., курган 3; Абаканская управа, 1899 г., группа I, курган 1; Галактоново; Георгиевская гора, курган 7; Кочергино, курган 6 (таблица 38, 26 и 9); Откнин улус, курган II, раскопки Г. Мергарта 1920 г.; табл. 30, 23; Саргов улус, группа II, курган I; Самохвал, курган 8; Сыда, курганы 2, 3; Тагарский остров, курган 33; Тесь, курган 4; Усть-Абаканское; Усть-Сыда, курганы 1, 3 и 5; Усть-Тесь, курган 2. Упомянутые в работе: С. В. Киселев, 1928, стр. 85, 120, 123. однодырчатые ножи из курганов: Кочергино, курган 1, могила II, курган 2, могила III; Малая Иня, курган 5, могила II; Малая Иня, курган 6, могила I, II; Малая Иня, курган 1, могила II; Малая Иня, курган 2, могила I; Верхний Суэтук, курганы — в ММ и ГИМ отсутствуют и не значатся в инвентарных книгах и описях, почему и не включены в нашу сводку.

⁴⁴ КМ, 19-7.

⁴⁵ Курган 6, раскопки С. В. Киселева, 1929 г. (ММ 1168).

⁴⁶ Иржи (ММ 10229); с. Муринское (ГИМ 55226, хр. 59/35а); бывшая Новоселовская волость, Новоселово; Шушенское (В. В. Радлов, 1888, табл. 1, 17, 18).

кургане 2 на Тагарском острове (VII—VI вв. до н. э.). Класс этот продолжает бытовать, по-видимому, в течение всей тагарской эпохи, хотя он очень редок: такой нож найден в кургане у Частоостровского (III в. до н. э.)⁴⁷.

Класс II/4 составляют ножи той же формы, что и II/2, но дополнительно украшенные головками хищных птиц вдоль спинки. Два ножа из случайных находок (табл. 28, 9, 10), у одного из них ручка с другого бока вырезана волнистыми фестонами, в которых можно видеть также деградировавшие птичьи головы. Оба ножа по форме и пропорциям могут быть отнесены к VII—VI вв. до н. э.

Класс II/5 — два ножа той же формы, но с навершием в виде плоской головки хищной птицы. Один найден в кургане (Георгиевская гора у села Тесь)⁴⁸ VI в. до н. э., другой — случайная находка у села Сагайское (табл. 28, 8).

Класс II/6 — ножи той же формы, с навершием в виде фигурки стоящего животного, может быть подразделен на два подкласса: подкласс II/6а (ноги животного спускаются на ручку и изображены в рельефе) и подкласс II/6б (вся фигурка — круглая скульптура — помещена на вершине ручки). Подкласс II/6а — 6 ножей. Один найден в комплексе VI в. до н. э. (Подгорное озеро, табл. 28, 14); на нем изображен лось, стоящий на кончиках копыт; остальные пять — случайные находки. На одном — лосиха (табл. 28, 15), на трех — кабаны и еще на одном — какое-то очень схематично изображенное животное с раскрытой пастью. На основании комплекса из Подгорного озера и комплексов с подобными же навершиями кинжалов подкласс датируется VI в. до н. э. В главе III мы говорили о том, что животные, стоящие на кончиках копыт, изображались обычно в VI в. до н. э., в начале века фигурки на навершиях ножей и кинжалов были объемными и тщательно выполненными, а к концу века и в V в. они делаются уплощенными, небрежно изготовленными. Фигурки на ножах подкласса II/6а достаточно объемны и изготовлены тщательно, что также указывает на их раннюю дату. Подкласс II/6б — 7 ножей из случайных находок. На одном кабан (табл. 23, 9), на одном — горный козел (табл. 24, 7), на одном — два козла головами в разные стороны (табл. 24, 8), на двух — хищник из породы кошачьих (табл. 37, 24) и на двух — лошади (табл. 25, 20)⁴⁹. В трех последних случаях по форме ножа и по особенностям изображения животных находки относятся скорее к концу VI — началу V в. до н. э.

Класс II/7 — ножи с навершием в виде прорезной пальметки. Мне известно 2 экземпляра⁵⁰. Первый очень массивен, приближается к ножам VII в. до н. э.; второй — несколько деградировавший экземпляр, по-видимому, более поздний. К дате этих ножей еще придется вернуться.

Класс II/8. Нож с навершием в виде головки горного козла. Известен мне в единственном экземпляре⁵¹. Судя по форме ножа, изогнутого почти как серп и напоминающего карасукские, по массивности и по очень архаичной головке козла (даже глаза его изображены сквозными) он должен относиться к самому началу тагарской эпохи, к VII в. до н. э., если еще не к дотагарскому времени.

Класс II/9. Ножи с навершием в виде лошадиной головки — 8 экземпляров (табл. 25, 7—10), из них два в комплексах (разъезд Чартыков, табл. 25, 8) — VI в. до н. э.; Кызыл-куль (табл. 25, 7) — начало V в.

⁴⁷ Курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1902 г. (ГИМ 52359, № 53, хр. VII 47/4 б).

⁴⁸ Курган 7, погребение II, раскопки С. В. Киселева, 1932 г. (ГИМ, хр. VII 47/86).

⁴⁹ А также MM, без номера. Фигура лошади-«монголки» с низко опущенной головой.

⁵⁰ Иудина (Д. А. Клеменц, 1886, атлас, табл. VI, 15; В. В. Радлов, 1888, табл. VI, 10); Бузунова (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 8).

⁵¹ Табат (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 8).

до н. э., остальные — случайные находки. По-видимому, этот класс ножей относится к концу VI — началу V в. до н. э. Изображения лошадей на этих ножах рассматривались в главе III.

Класс II/10 — ножи «с аркой на кронштейне», производные от таких ножей предтагарского времени. В тагарскую эпоху очень малочисленны. Известно 7—8 экземпляров VII—VI вв. до н. э.⁵² Тем не менее они продолжают существовать еще в V в. до н. э., где также очень малочисленны.

Класс II/11 — ножи с кольцом в ручке. Очень близки предыдущим; как и у них, ширина кольца лишь чуть-чуть больше ширины ручки; так же как у ножей «с аркой на кронштейне», над верхним концом ручки возвышается лишь половина кольца, но у них есть и нижняя половина кольца, помещенная в верхней части уже самой ручки (табл. 37, 3—7). Толщина кольца обычно значительно больше толщины ручки. Известна их разновидность — ножи, где нижняя часть кольца срезана углом (табл. 37, 2). Эту разновидность, может быть, можно выделить в особый подкласс. Восемь ножей класса II/11 найдены в комплексах⁵³ и девять ножей случайно (табл. 37, 5)⁵⁴. Дата определяется, во-первых, отсутствием их в чрезвычайно многочисленных комплексах с оружием VI в. до н. э.; во-вторых, — величиной и массивностью, превосходящими тагарские ножи VI в. до н. э.; в-третьих, чрезвычайной близостью к предтагарским «с аркой на кронштейне» и позднекарасукским с кольцом. Ножи менее массивные и более приближающиеся к тагарским пропорциям отнесены к VII—VI вв. до н. э., более массивные — к VII в. до н. э. По-видимому, время бытования ножей этого класса — VII и начало VI в. до н. э., затем они исчезают.

Класс II/12 — ножи с крышевидным навершием, 2 экземпляра, оба из комплексов VII в. до н. э. (Откнин улус, табл. 37, 1; Узунжол)⁵⁵, в комплексах VI в. их нет. Они также очень близки ножам «с аркой на кронштейне», среди которых еще в предтагарское время изредка встречались такие, где «арка» почти превращается в треугольник.

Класс II/13 — ножи с подковообразным навершием; они происходят от ножей класса II/11. Нижняя часть кольца постепенно атрофировалась, кольцо превратилось в подкову (табл. 37, 9—12). Два ножа известны из комплексов VII—VI вв. до н. э. (Кара-кургэн, Усть-Ерба — табл. 37, 9, 10) и три — из комплексов VI в. до н. э. (Кривинское, Тесь — табл. 37, 11, 12). В случайных находках — один нож. Постепенно подковообразное навершие делается все более плоским, превращаясь в еле заметное утолщение, огибающее сверху каплевидное отверстие в ручке, т. е. этот вид почти смыкается с ножами класса II/2а. Мне известен один такой нож из комплекса VII—VI вв. до н. э. (Тагарский остров)⁵⁶ и один — случайная находка⁵⁷. По-видимому, эта разновидность возникла, когда мастера были хорошо знакомы и с ножами с подковообразным навершием, и с ножами подкласса II/2а (с каплевидными отверстиями в ручке), причем

⁵² См. И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908, табл. X, 7.

⁵³ Быстрая, курган 2, 1930 г. (табл. 37, 3); Бузунова, курган 3 (табл. 37, 6); Самохвал, 1896 г., курган 4, VII в. до н. э.; Саргов улус, группа I, курган 12, VII в. до н. э.; Страшной Лог, курган 1, VII—VI вв. до н. э. (табл. 37, 4); Сыда; курган 3, VII—VI вв. до н. э. (табл. 37, 7); Откнин улус, курган 7, раскопки В. Г. Карцова, 1930 г., VII—VI вв. до н. э. (табл. 37, 2). Кольцо этого последнего ножа внизу срезано углом; Ужур, 1929 г., курган 2, VII—VI вв. до н. э. (раскопки В. Г. Карцова, АМ, архив, «Материалы по учету памятников материальной культуры», арх. 184, рис. 14, 1).

⁵⁴ См. также: Светлолобова (ГИМ 33832/40, хр. 85/5а и ГЭ 5531-438); Янова (ГЭ 5531-437); Улазы (ГИМ 36228, хр. 85/16а); с. Батени (ГЭ 4156-4), Ничка (КМ 131-90); Кривая (ГЭ 5531-439); с. Означенное (МАЭ 4085-78).

⁵⁵ Раскопки И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова-Красноярского, 1884 г. (ИМ 7491-1). См. отчет в папке И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова в архиве ММ, табл. 1, рис. 9.

⁵⁶ Курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126-1.

⁵⁷ С. Детлово, КМ 131-830.

ножи класса II/13 в это время уже начинали выходить из употребления.

Класс II/14 — ножи с навершием в виде маленького колечка, расположенного перпендикулярно плоскости ножа. Это чрезвычайно редкий тип. Известно всего три экземпляра: один из комплекса VI в. до н. э. (Изыкчуль)⁵⁸ и два — случайные находки (табл. 37, 34, 35)⁵⁹.

Класс II/15 — ножи с грибовидной шляпкой. Известны только в случайных находках (11 экземпляров, табл. 37, 25—29)⁶⁰, из них один (деревня Иудина) может относиться еще к дотагарскому времени, так как шляпка его полая внутри (напомним, что кинжалы с такой полой шляпкой — архаические) и, кроме того, лезвие его с коленчатым изгибом, напоминающим изгиб карасукских и дотагарских ножей. У прочих сплошная шляпка, как у кинжалов VI в. до н. э., и форма лезвия не отличается от других ножей класса II. В ручке под навершием у всех каплевидные отверстия (ср. ножи II/2а). Все это позволяет датировать ножи VI в. до н. э. Последний из перечисленных ножей — слегка коленчатой формы, и ручка его чуть расширяется вверх, что свойственно ножам V в. до н. э.; может быть, он относится уже к началу V в. до н. э. Ножи этого класса продолжают бытовать и в V в. до н. э.

Класс II/16 — ножи с валиком; делятся на два подкласса: II/16а — с простым валиком и II/16б — с рубчатым. Подкласс II/16а: один нож найден в комплексе VII—VI вв. до н. э. (Орак Л, табл. 37, 8) и три — из случайных находок (табл. 37, 33)⁶¹. Подкласс II/16б: четыре ножа из случайных находок. У всех на ручке — ушко для подвешивания к поясу⁶². По форме и пропорциям лезвия они могут быть отнесены к VI в. до н. э., если не к V. Такие ножи, но значительно более массивные, существуют еще в дотагарское время (табл. 37, 38, 39). Тогда же бытуют и ножи с простыми валиками, судя по массивному ножу из деревни Яновой (табл. 37, 40).

Класс II/17. Ножи с ложной шляпкой. Обычные ножи без выделенной ручки, но последующей ковкой в верхней части их изготовлено утолщение, которому придан вид грубой шляпки. Мне известно всего 2 экземпляра⁶³; дата их неопределенна; они могут относиться и к тагарскому, и к дотагарскому времени, так как довольно массивны.

Рассмотрев ножи раздела II (без выделенной ручки), мы можем разделить их на ножи с навершием (II/3, 4, 5, 6а, 7, 8, 11, 13) и без навершия (II/1, 2). Бросается в глаза, что ножей с навершием значительно меньше, чем без навершия: их всего 89 из 435 (считая и найденные в комплексах и случайные находки), т. е. $20,4 \pm 1,9\%$ (от 18,5 до 22,3%). Следует сделать вывод, что ножам без выделенной ручки не свойственно навершие. В то же время из 157 ножей класса I только 4 без навершия, да и те просто выродившиеся экземпляры типов с навершием. Ножи с навершием в классе I составляют $97,4 \pm 1,2\%$ (от 96,2 до 98,6%). Критерий статистической реальности различий между ножами с навершием раздела I и раздела II (по формуле $t = \frac{D}{m(D)}$ равен 34—36, тогда как ему достаточно превышать 3, чтобы различие было реальным. Здесь различие очень велико.

Второй вывод касается ножей раздела II — без навершия. Им не свой-

⁵⁸ Курган 8, раскопки Н. Л. Членовой, 1962.

⁵⁹ Минусинский край (ГИМ 78649, хр. 34/3 и Тульский музей, 9/12).

⁶⁰ Иудина, МИМК ТГУ 2893; Минусинский край, ММ 4265; Лугавское, ММ 11937; Жегалка, ММ 2241; Минусинский край, МИМК ТГУ 6272-484; Янова, ГЭ 5531-433; Табат, ГЭ 5531-422; Минусинский край, ГИМ 78649, хр. 34/3; Кочергино, КМ 49-3; Минусинский край, И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908, табл. X, 9.

⁶¹ Таштып (ММ 2307); Минусинский край (ММ 2154; Киевский исторический музей, по рис. М. А. Дэвлет).

⁶² Самодуровка (ММ 3233); Верхняя Коя (ММ 3235); Лееостаево; Усть-Абаканское (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 3, 4).

⁶³ Малая Минуса (КМ 131-173); Минусинский край (КМ 111-40).

ствен орнамент на ручке: из 435 ножей только у 20, т. е. $4,6 \pm 1\%$ (от 3,6 до 5,6%), ручка орнаментирована, тогда как у ножей раздела I из 157 орнамент на ручке в 108 случаях, т. е. $68,7 \pm 3,7\%$ (от 65 до 72,4%). Критерий статистической реальности различий в данном случае равен 16,8, т. е. различия также очень велики. Таким образом, разделы I и II ранне-тагарских ножей глубоко различны: первому из них свойствен уступ между ручкой и лезвием, навершие и орнамент на ручке; для второго эти особенности не характерны. Выше (стр. 169—170) было сказано, что все эти особенности ножей раздела I — карасукского происхождения. Можно предполагать поэтому, что ножи раздела II — другого, не карасукского происхождения. Это предположение подкрепляется и следующие соображениями: 1) в карасукских комплексах не встречаются ножи без выделенной ручки и навершия; 2) ножи раздела II, чрезвычайно простые по форме, невозможно производить от карасукских — сложных, выработанных форм. Те и другие, к тому же, появляются в тагарской культуре одновременно, с VII в. до н. э., и вместе бытуют на протяжении VII—V вв. до н. э., иногда встречаются в одном и том же комплексе.

Ножи без выделенной ручки очень распространены в районах к западу от Минусинской котловины: в Казахстане, Средней Азии, Зауралье. Длинные широкие бронзовые ножи класса II/I известны в скифских памятниках Причерноморья⁶⁴ VI—V вв. до н. э., но в это время они были уже ритуальными. Следовательно, в качестве бытовой эта форма должна была возникнуть раньше. Такой же длинный широкий нож, но с узким каплевидным отверстием в верхней части, найден в могильнике Тагискен, в низовьях Сыр-Дарьи⁶⁵ (VII—VI вв. до н. э.). Такие же ножи из случайных находок многочисленны в Казахстане и Средней Азии (мне известно пять ножей из Казахстана⁶⁶ и пять из Средней Азии⁶⁷ — табл. 38, 37, 38—40). Бронзовые ножи меньших размеров (длиной 15—20 см) той же формы, с закругленным верхним концом, довольно часто встречаются в Казахстане и Киргизии в погребениях сакского времени; некоторые из них с отверстием в верхней части ручки, у других его нет. Мне известны следующие находки из комплексов: Джувантобе (Семиречье) — VII—VI вв. до н. э. (табл. 38, 46, 47); Леонтьевка на Иртыше (IV—II вв. до н. э.)⁶⁸, Семипалатинск⁶⁹ (видимо, сакское время); Айри-тан на Таласе⁷⁰ (сакское время); Каргалинский могильник в Алма-Атинской области⁷¹ (VIII—VI вв., по А. Н. Бернштаму, но, по-видимому, для даты VIII в. до н. э. нет оснований); Джергетал (Тянь-Шань), сакское время. В последнем случае форма бронзового ножа несколько отличается от тагарской. Таким образом, бронзовые ножи, чрезвычайно близкие тагарским раздела II, весьма характерны для синхронных им памятников сакского Восточного Казахстана, Семиречья, Северной Киргизии, Сыр-Дарьи. Можно думать, что они будут найдены и в других районах Казахстана и Средней Азии. Причем, судя по находке в могильнике у Леонтьевки, та-

⁶⁴ Старшая могила; Берестяги, курган 5; Аджиголь, курган 19; Частые курганы, курган 8 (см. И. В. Яценко, 1959, стр. 48).

⁶⁵ Раскопки М. А. Итиной, 1962 г., курган 40.

⁶⁶ Центральный музей Казахстана (Алма-Ата): Дж. Арх., м. 170/60 и 1431 (2 ножа); Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 205, прим. 5.

⁶⁷ Кишлак Долон (М. Е. Массон, 1953, стр. 12 и рис. 2а); 1 нож из Музея народов СССР в Узбекистане (Ташкент), по рис. Т. Г. Оболдуевой; Ташкентский канал (архив Института ИИА АН Узб. ССР, д. 177, по рис. М. А. Итиной); Большой Чуйский канал — 2 ножа (музей г. Фрунзе, по рис. М. А. Итиной и Е. Е. Кузьминой). Благодарю Т. Г. Оболдуеву, М. А. Итину и Е. Е. Кузьмину за любезное предоставление рисунков.

⁶⁸ Ф. Х. Арсланова, 1962, табл. VII, 9.

⁶⁹ В. В. Радлов, 1895, стр. 159.

⁷⁰ Н. Heikel, 1928.

⁷¹ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 33; он же, 1941, стр. 24—25.

кие ножи доживают до весьма позднего времени. Случайные находки их в Средней Азии и Казахстане также весьма многочисленны. На запад от Минусинской котловины они известны в селе Тисуль Кемеровской области и деревне Вилкова в Кулундинской степи⁷²; многих в Восточном Казахстане⁷³ (табл. 38, 47), в том числе на Калбинском хребте⁷⁴ и близ Семипалатинска⁷⁵; на Большом Чуйском канале в Киргизии⁷⁶ (табл. 38, 41); в Узбекистане на Большом Ферганском⁷⁷ и Ташкентском⁷⁸ каналах, в селе Ангар Ташкентской области⁷⁹. Недавно хорошая сводка среднеазиатских бронзовых однолезвийных ножей сделана Б. А. Литвинским⁸⁰. Исследователи справедливо сравнивали эти ножи с тагарскими⁸¹. Б. А. Литвинский заметил, однако, что это сходство не может датировать среднеазиатские ножи, так как в Туркмении были такие уже в культуре Намазга VI, и, может быть, среднеазиатские ножи восходят к ним⁸². Полностью соглашаясь с этим выводом, отметим только, что бронзовые ножи без выделенной рукоятки, со скругленным концом (иногда с отверстием в нем) широко распространены в культурах бронзового века Средней Азии, Западной Сибири и более западных районов; достоверно относятся к эпохе бронзы ножи из комплексов села Кант в Киргизии⁸³; кургана у села Сосновского близ Челябинска (андроновская культура, табл. 38, 33), из Верхнекизыльского клада близ Магнитогорска и с селища Баланбаш близ Стерлитамака (вторая половина II тыс. до н. э.)⁸⁴, из кургана у Аткарска⁸⁵ (срубная культура), из Чустского поселения в Фергане (табл. 38, 36); из Намазга VI (середина — вторая половина II тыс. до н. э.)⁸⁶; Анау III (табл. 38, 32). Нож из Анау по форме тождествен тагарским подкласса II/2 (с одним круглым отверстием в ручке).

На той же территории Средней Азии и Казахстана в бронзовую эпоху были распространены другие ножи — плоские, с прямой спинкой и небольшим уступом между ручкой и лезвием; в ручке часто бывает прорезь каплевидной формы, иногда во всю длину ручки, иногда короткая (табл. 38, 34, 35, 44). К западу от Минусинской котловины они известны мне на Северном Алтае⁸⁷, на Иткульском заводе близ Бийска⁸⁸, у поселения Малокрасноярка (андроновская культура, табл. 38, 34), в Восточном Казахстане (случайные находки)⁸⁹; в деревне Вилкова в Кулундинской степи⁹⁰, в Алексеевском поселении на Тоболе⁹¹ (андроновская культура); в Малом Касаргуле в Южном Зауралье⁹²; в поселении Яз-депе I (конец II — начало I тыс. до н. э.)⁹³. У некоторых из этих ножей

⁷² Собрание Гуляева, ГИМ 38160, хр. 85/3а, хр. 69/60б.

⁷³ МАЭ 3211-560, 388, 352 (коллекция Белослюдовых); М. П. Грязнов, 1930, рис. 3—10.

⁷⁴ С. С. Черников, 1949, табл. XII, 5.

⁷⁵ Uifalvy de Mesö-Kövesd, 1880, Pl. XII; А. А. Слицын, 1915, стр. 228, рис. 6.

⁷⁶ Музей города Фрунзе, по рис. Е. Е. Кузьминой.

⁷⁷ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 343, табл. 47, 3.

⁷⁸ Там же, табл. 46, 3.

⁷⁹ А. И. Тереножкин, 1940, стр. 31.

⁸⁰ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 202—205.

⁸¹ А. И. Тереножкин, 1940, стр. 31—32; А. Г. Максимова, 1960, стр. 64.

⁸² Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 207.

⁸³ А. Н. Бернштам, 1950, табл. XXXV, 1.

⁸⁴ К. В. Сальников, 1962, рис. 2, 1—5 (в особенности 2, 4, 5) и рис. 2, 9.

⁸⁵ О. А. Кривцова - Гракова, 1955, стр. 53, рис. 12, 12, курган 27.

⁸⁶ В. М. Массон, 1959, стр. 99, рис. 33, внизу крайний левый.

⁸⁷ Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского, ф. 42, д. 88, л. 9.

⁸⁸ ГИМ 38160, хр. 85/39а (собрание Гуляева).

⁸⁹ А. Г. Максимова, 1959, табл. XXIII, 5.

⁹⁰ О. А. Кривцова - Гракова, 1948, стр. 95, рис. 27, 2.

⁹¹ Там же, рис. 27, 1.

⁹² К. В. Сальников, 1951, стр. 129, рис. 14, 6.

⁹³ В. М. Массон, 1959, стр. 259, табл. XXXIII, 11.

клинок значительно шире ручек, у других — только немного шире. Рассмотрение ножей обоих приведенных списков — без выделенной ручки и со слегка выделенной — показывает, что они очень близки; между ними есть много промежуточных форм, и некоторые экземпляры трудно отнести с точностью к той или другой группе.

Широкое распространение той и другой формы в Средней Азии и Казахстане в эпоху бронзы позволяет думать, что именно эта территория и была прародиной тагарских ножей, с которой они проникли в Сибирь. Путь проникновения ножей обоих типов в Сибирь подтверждается находками их на Томи, в Томском могильнике (на Малом и Большом мысу) и в лесном Алтае, где они бытуют наряду с более аморфными пластинчатыми ножами в эпоху поздней бронзы и во время, соответствующее архаичному тагарскому⁹⁴ (табл. 38, 45). Найденный в Томском могильнике на Большом мысу нож (табл. 38, 48), совершенно не отличающийся от тагарских, относится к тагарскому или предтагарскому времени. Экземпляры с каплевидной прорезью в ручке, иногда очень длинной (табл. 38, 35, 36), иногда короткой (табл. 38, 44), могут быть сопоставлены с тагарскими ножами подкласса II/2а, из которых самые архаичные иногда бывают с длинной прорезью в ручке (табл. 38, 27, 11, 18). Уместно отметить, что ни у одного из архаических ножей с уступом и без уступа, происходящих с территории Средней Азии и Казахстана, нет орнамента на ручке; этим ножам также не свойственны навершия, за одним исключением, о котором еще будет сказано.

Таким образом, происхождение тагарских ножей раздела II представляется нам как синтез ножей без выделенной ручки, распространенных на очень широкой территории Средней Азии, Казахстана и Зауралья в эпоху бронзы, и плоских ножей со слабо выделенной ручкой, с прорезью в ней, распространенных в основном в Северном и Восточном Казахстане и свойственных более всего западноандроновской культуре. Наиболее ранние в цепи этих ножей — экземпляры из Анау III и Намазга VI, наиболее поздние — из бассейна Томи и следующие за ними тагарские. Так, подтверждается высказанное Б. А. Литвинским предположение о продвижении южнотуркменского типа ножей на север и восток⁹⁵. Что касается скифских длинных ритуальных бронзовых ножей из Причерноморья, то они, скорее всего, также восходят к среднеазиатским, хотя бы к ножу того типа, что найден в могильнике Тагискен.

Среди среднеазиатских бронзовых ножей есть группа с навершием в виде плоского кружка — так называемые ножи чустского типа. Они найдены в Чусте⁹⁶, в Дальверзине⁹⁷ (Фергана), в Чуйской долине⁹⁸ (везде относятся к эпохе поздней бронзы), на Северном Алтае, на Большой Речке (VII—VI вв. до н. э.)⁹⁹ и среди случайных находок¹⁰⁰. Они могут быть сопоставлены с тагарскими ножами (класса II/3), у которых выделена «головка». Особенно близок им нож из Чуйской долины и алтайские. Б. А. Литвинский предположил, что это навершие возникло под влиянием карасукских наверший в форме кольца или полукольца. С этим предположением можно согласиться, но трудно сказать, какое именно из наверший карасукского типа «упростили» среднеазиатские мастера.

⁹⁴ М. Н. Комарова, 1952, стр. 18, рис. 8, 11; стр. 41, рис. 23, 2, 18; М. П. Грязнов, 1956, стр. 31, рис. 7, 26, табл. V, 25; табл. XVI, 7; табл. XVIII, 32.

⁹⁵ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 207.

⁹⁶ В. И. Спришевский, 1957, стр. 48, рис. 12, 6.

⁹⁷ Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 34, рис. 11; стр. 268, табл. XXI, 9, 12; табл. XXIII, 1.

⁹⁸ А. Н. Бернштам, 1950, табл. XXXVII, 1.

⁹⁹ М. П. Грязнов, 1952, табл. XVIII, 28.

¹⁰⁰ ГИМ 38160, хр. 85/39а, собрание Гуляева; село Угреново (Бийский музей, Л 4/834, № 50). Нож известен мне по рис. С. В. Зотовой, которой приношу большую благодарность.

В Минусинской котловине такие ножи могли бы возникнуть и конвергентно, как упрощение собственных ножей карасукского типа. Но слишком большое сходство их наверх с наверхшими из Чуйской долины и из Угренева на Алтае (где «наверхшие» образовано двумя боковыми вырезками в ручке) заставляет склоняться скорее к тому, что и эти тагарские ножи нужно выводить от западных. Более дальняя аналогия известна в Забайкалье ¹⁰¹.

Ножи, украшенные вдоль спинки головками хищных птиц, обращенных клювами вниз, не имеют абсолютно точных среднеазиатских аналогов; все же самая точная из всех возможных — это нож из Турбата близ Ташкента, украшенный очень близкой по трактовке барельефной головкой хищной птицы на спинке ножа, также клювом вниз (табл. 29, 18), только здесь головка одна. У внутренней стороны ручки одного из тагарских ножей с головками птиц — волнистый край (табл. 28, 10). Такой же край и у ручки ножа из бывшего Ойротского музея (Горный Алтай), по форме и пропорциям относящегося скорее к концу бронзовой эпохи ¹⁰², и у ручки ножа с озера Иссык-куль, который А. Н. Бернштам справедливо сравнивает с майэмирским (дата его, по-видимому, VII—VI вв. до н. э.) ¹⁰³. Вообще край волнистый или из полукруглых фестонов — любимое украшение алтайских, казахстанских и среднеазиатских предметов сакской эпохи, на что уже обратила внимание Е. Е. Кузьмина ¹⁰⁴, и эта деталь также указывает на казахстанско-среднеазиатское происхождение ножа. Вещам тагарской культуры волнистый край не свойствен. Наверхшие тагарского ножа в форме прорезной пальметки (класс II/7) в свое время уже привлекло внимание В. А. Городцова, который писал по этому поводу: «Откуда явилось такое украшение? Пальм ни в Сибири, ни в Средней Азии нет, поэтому в этих местностях самостоятельно пальмовый орнамент возникнуть никоим образом не мог, но пальмы в изобилии растут в Месопотамии, где и искусство насыщено их изображениями, то вполне реалистичными, то стилизованными и доведенными до тех условных очертаний, какие приданы рукоятке сибирского ножа. Одного факта присутствия в сибирском искусстве бронзовой эпохи пальметы уже достаточно для доказательства влияния южного, и именно месопотамского искусства на сибирское, а вместе и для опровержения установившегося неправильного взгляда на самостоятельность последнего, будто бы бравшего мотивы украшений местных предметов только исключительно из окружающей природы» ¹⁰⁵. К сказанному В. А. Городцовым следует добавить лишь, что сейчас можно уточнить время, когда месопотамское искусство влияло на тагарское. Стилизованные пальметки, очень напоминающие наверхшия тагарских ножей, украшают стены ассирийских дворцов: дворца Ашурназирпала в Нимруде (середина IX в. до н. э.) ¹⁰⁶ и Синахериба в Ниневии (начало VII в. до н. э.) ¹⁰⁷. В начале VII в. до н. э. этот орнамент получает в Ассирии наибольшее распространение и, по-видимому, к этому времени и относится его влияние на тагарское искусство. По форме и массивности тагарского ножа из деревни Иудиной мы относим его примерно к тому же времени. Второй нож, менее массивный и относящийся скорее к VI в. до н. э., обнаруживает уже признаки деградации мотива пальметок, который в V в. до н. э. забывается, смыкаясь с обычными прорезными орнаментами. Пути про-

¹⁰¹ Н. Н. Диков, 1958, табл. XXIX, 61.

¹⁰² Архив ЛОИА, архив Г. П. Сосновского (ф. 42, д. 288), л. 7.

¹⁰³ А. Н. Бернштам, 1952, стр. 35, рис. 14, 1.

¹⁰⁴ Е. Е. Кузьмина, 1958, стр. 123.

¹⁰⁵ В. А. Городцов, 1916, стр. 213.

¹⁰⁶ G. Perrot, Ch. Chipiez, 1884, t. II, p. 64, fig. 8; R. D. Barnett, 1960, Taf. 2, 3, 6, 7.

¹⁰⁷ G. Perrot, Ch. Chipiez, 1884, t. II, p. 321, pl. 43; p. 322, fig. 139, 140, № 775; fig. 445; R. D. Barnett, 1960, Taf. 120.

никновения мотива пальметки в Минусинскую котловину пока не могут быть прослежены. Это довольно редкий мотив.

Навершия в виде фигурок стоящих животных обычны для ножей с уступом между ручкой и лезвием (класс I), для раздела II они мало характерны, и может быть, появление их следует объяснить влиянием ножей класса I. Однако для группы ножей, где животные изображены со спускающимися на ручку ногами, мы проводили западные аналогии, вплоть до Месопотамии рубежа IV—III вв. до н. э. (стр. 128 и табл. 29, 23). Добавим, что некоторые звери, стоящие на кончиках копыт, характерны для алтайского, тувинского и среднеазиатского искусства VI в. до н. э.¹⁰⁸, в последние годы число таких архаических изображений из Средней Азии увеличилось¹⁰⁹, и, таким образом, пути и время проникновения этого мотива из Месопотамии через Среднюю Азию теперь уже довольно ясны. В карасукском искусстве Минусинской котловины его нет, и, по-видимому, он попал в тагарское искусство из Средней Азии или Казахстана уже в VI в. до н. э.

Тагарские ножи с навершием в виде лошадиной головки (класс II/9) В. А. Городцов сопоставлял с навершием ассирийского кинжала на рельефе дворца Ашурназирпала (IX в. до н. э.)¹¹⁰. Однако в данном случае стилистическое сходство незначительно. Головки, напоминающие лошадиные, увенчивают и некоторые бронзовые ножи «северного» типа из Аньяна (табл. 29, 6—8). В тагарскую эпоху лошадиные головки известны на костяных головных ножичках, форма и орнамент которых сильно напоминают карасукские (табл. 25, 2, 3); следовательно, здесь речь скорее идет о сохранении карасукских традиций.

Ножи с кольцом в ручке (класс II/11), безусловно, связываются с позднекарасукскими ножами и родственными им с огромной территории — от Ордоса до Восточной Европы. Отметим, что абсолютно тождественный тагарским нож с кольцом в ручке найден в селе Акутиха на Алтае¹¹¹, а наиболее близкий прототип происходит из местности Карчига в Восточном Казахстане¹¹², так что не исключено, что и эта форма ножа изобретена не в Минусинской котловине, а в Казахстане.

В итоге получается, что из раздела II (ножи с невыделенной ручкой) классы II/1, II/2 (без навершия) — среднеазиатского происхождения, как и некоторые из ножей с навершием (классы II/3, II/4, II/5, II/6а, II/7, II/11, II/13). Все эти ножи (их 42) — некарасукского происхождения. У семи из них есть черты карасукские: изогнутое лезвие (табл. 38, 30); сетчатый нарезной орнамент на ручке (табл. 38, 29), но эти исключения (7 ножей из 367, т. е. 1,9%) только подтверждают общее правило — отсутствие связи тагарских ножей упомянутых классов с карасукскими. Исключения эти объясняются, вероятнее всего, влиянием других тагарских ножей, происходящих от карасукских (в основном раздела I).

Следует упомянуть небольшую группу ножей с каплевидным отверстием в ручке (сближающихся с классом II/2), которая богато украшена узором из мелких вдавленных треугольников и другими карасукскими орнаментами. Мне известны 8 таких ножей¹¹³, почти все они из Красно-

¹⁰⁸ См. главу II и Н. Л. Членова, 1962, стр. 187—188; N. Tchlenova, 1962, p. 6 et pl. II.

¹⁰⁹ См., например, изображение оленя, стоящего на кончиках копыт, из могильника Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи (VII—VI вв. до н. э., раскопки О. А. Вишневской, 1962 г.) и наскальные рисунки с Таласа в Киргизии, по стилю относящиеся к тому же времени (В. С. Гапоненко, 1963, стр. 105, рис. 4 т, стр. 106).

¹¹⁰ В. А. Городцов, 1916, стр. 214.

¹¹¹ Бийский музей, № 54, А 2/834. Благодарю С. В. Зотову за рисунок ножа.

¹¹² С. С. Черников, 1960, стр. 206, табл. LXVII, 4.

¹¹³ Деревня Елань у Красноярска; окрестности Канска (МАР, 3, табл. III, 12, 13); Минусинский или Енисейский округ (МИМК ТГУ, 3284); там же (ИМ А 546/5); Тарайка (Канский музей, 1011); Канский округ и Кан-Перевоз (там же, без номера); Минусинский округ (И. П. Кузнецов-Красноярский, 1908, табл. X, 6).

ярского и Канского районов, где влияние карасукской культуры было значительно сильнее, чем в Минусинских степях. Можно согласиться с Г. А. Максименковым, относящим их к особому лесостепному красноярско-канскому варианту тагарской культуры¹¹⁴. Что же касается классов II/8, II/10, II/12, II/14, II/15, II/16 и, может быть, II/66 и II/9, то их навершия — явно карасукского происхождения (см. на табл. 37, 37—40). Установить, прямое ли это переживание карасукских традиций или косвенное — через посредство ножей раздела I, происходящих от карасукских, — пока невозможно.

Общее число ножей классов II/8, II/10, II/12, II/14, II/15, II/16, II/66 и других с карасукскими чертами составляет 59 экземпляров (т. е. $11,5 \pm 1,5\%$), а некарасукского происхождения — 375, т. е. в шесть с лишним раз больше. Если же учесть все тагарские ножи VII—VI вв. до н. э., происходящие от карасукских (обоих разделов, I и II), то и тогда их процент от общего числа тагарских ножей составит всего $34,3 \pm 1,9\%$ (от 32,4 до 36,2%). Вывод: большинство тагарских ножей VII—VI вв. до н. э. не карасукского, а среднеазиатского происхождения, в некоторых случаях они восходят к ножам эпохи бронзы, в других — к ножам сакского времени.

ТАГАРСКИЕ НОЖИ V и V—IV вв. до н. э.

В V в. до н. э. существовали оба раздела ножей, бытовавших ранее, т. е. с выделенной ручкой и без нее. По некоторым причинам (появление массы новых ножей раздела I) описание удобнее начинать с раздела II.

Класс II/1 (без отверстия в ручке) в V в. до н. э. отсутствует. Продолжают бытовать оба подкласса II/2: с каплевидными и круглыми отверстиями.

Подкласс II/2а (с каплевидными отверстиями в ручке) представлен в шести комплексах¹¹⁵ 15 ножами. Из них у ножа из Шалаболина в ручке два овальных отверстия, на ноже из Теси ниже каплевидного есть еще круглое отверстие, как на ножах VII—VI вв. до н. э., но сам нож короче и уже их; 7 ножей (из Аешиной, из Копьевой, два из Малой Ини, курган 4, и три из Шалаболина) по форме и по прорези не отличаются от ножей VII—VI вв. до н. э.; что же касается остальных (два — из кургана 4, один — из кургана 3 у Малой Ини, три — из Шалаболина), то форма прорези у них меняется: она делается более широкой, верхний конец ножа приобретает вид петли. Такие ножи появляются впервые в комплексах V в. до н. э. и наиболее характерны для этого и более позднего времени, тогда как форма с более узкой прорезью выходит из употребления. Ножом новой формы, с петлевидной ручкой, среди случайных находок насчитывается 506. Однако среди них могут быть и более поздние, чем V в. до н. э. Ножи эти довольно массивны, а иногда бывают длинны, но более узки, чем ножи VII—VI вв. н. э. В таком виде они продолжают бытовать и в IV и иногда даже в III в. до н. э. (Частоостровское)¹¹⁶. Все ножи этого подкласса, как и в более раннее время, не орнаментированы. Новые ножи подкласса II/2а — с петлевидным концом — находят многочисленные аналогии во всей восточной части скифского мира: на Алтае, в Туве, в Монголии, в Канской котловине¹¹⁷. Не исключено, что появление их в Минусинской котловине связано с влиянием этой группы районов.

¹¹⁴ Г. А. Максименков, 1961, стр. 397, рис. 2, 7.

¹¹⁵ Аешина, курган 9, табл. 39, 2; Копьева, курган 10; Малая Иня, курганы 3 и 4; Тесь, курган 2; Шалаболинский клад.

¹¹⁶ Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г., курган 1 (ГИМ 42359, № 50, 52, хр. VII 47/46).

¹¹⁷ См. Н. Л. Членова, 1961, стр. 137 и табл. I, 28, 29, 31—33, 44—46.

Подкласс II/26 — с круглыми отверстиями в ручке. Представлен в одиннадцати комплексах V и V—IV вв. до н. э.¹¹⁸ 12 экземпляров; из них у трех ножей по два и три отверстия (Есь, Усть-Тесь, Шалаболинский клад), у остальных — по одному. Первые ничем не отличаются от более ранних, VII—VI вв. до н. э.; ножи с одним отверстием отличаются от более ранних столь незначительно, что уловить это можно лишь после некоторой тренировки: они более узки и несколько менее массивны, более прямые, спинка не бывает горбатой, отверстия меньшего размера, верхний конец часто менее закруглен, скорее подпрямоугольной формы. У двух ножей (Малая Иня и Самохвал) верхний конец не скруглен, а прямоугольный.

За пределами Минусинской котловины такие ножи известны мне в тагарских курганах у с. Вознесенского на р. Убиенке (курганы 1—4)¹¹⁹ и у д. Ягуня (курганы 1, 3)¹²⁰ — всего 11 экземпляров. Оба пункта — в северо-восточной части Кемеровской области, на границе с Красноярским краем, на речках, относящихся к системе Чулыма. У этих ножей по одному отверстию в ручке, и отличаются они теми же особенностями, что и ножи из Минусинской котловины. Из случайных находок в Минусинской котловине известны 25 ножей (и, может быть, несколько отнесенных к VII—VI вв. до н. э. в действительности датируются V в. до н. э.), из которых только у одного в ручке два отверстия¹²¹ и один с таким же прямоугольным верхним концом, как из Малой Ини (курган 3) и Самохвала. Бросается в глаза, что число ножей с несколькими отверстиями в ручке в V в. до н. э. резко убывает; остаются ножи с одним отверстием, да и те в комплексах занимают теперь второстепенное место и в течение V в. до н. э. выходят из употребления.

Подкласс II/2в — новый вид, широко распространенный лишь с V в. до н. э., — ножи с широким каплевидным или даже округлым отверстием в ручке, от которого отходит вниз узкий желобок (табл. 39, 40). Они очень близки новому варианту (подкласс II/2а) с петлевидной ручкой. Некоторые ножи даже трудно отнести определенно к тому или другому из этих подклассов. Для VI в. до н. э. такой нож мне известен только в одном комплексе — Кочергино (табл. 38, 19). В комплексах V в. до н. э. их тоже мало: два из раскопок В. В. Радлова 1863 г., но точно не известно, откуда (Июс?)¹²²; третий — в оригинальном комплексе, хранящемся в Томском университете¹²³. В случайных находках еще 123 ножа. Конечно, среди них могут быть и более поздние. Все известные ножи этого подкласса не украшены, за единственным исключением (табл. 39, 40). Этот нож украшен стилизованным изображением рогов сайги. Уже говорилось, что изображения сайги очень редки в тагарском искусстве, мотив этот относится к «алтайскому» стилю V—IV вв. до н. э.

Классы II/3 и II/4 в V в. до н. э. отсутствуют.

Класс II/5, с навершием в виде птичьей головки, в V в. до н. э. отсутствует. Многочисленные ножи с птичьими головками V в. до н. э. и, вероятно, более позднего времени должны быть отнесены к разделу I.

Класс II/6 с навершием в виде стоящего животного. В V в. до н. э. известны лишь два таких ножа в комплексах (Батени «у пристани» —

¹¹⁸ Думная гора, курган 2; Батени «у пристани» — табл. 39, 6; Белый Яр; Есь; Кочергино, курган 3; Кызыл-куль — табл. 39, 5; Малая Иня, курган 3; Самохвал, курган 9, могила 1; Усть-Сыда, курган 3; Усть-Тесь, курган 1; Шалаболинский клад.

¹¹⁹ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г. ГИМ 36518, № 129, 255, 256, хр. VII 47/26, VII 47/19в; 38209, № 166, 170, без номера, хр. 69/596.

¹²⁰ Раскопки А. И. Мартынова, 1959 г. (архив ИА, р-1, 1977, б. лл. 7—9, 11).

¹²¹ Деревня Янова (ГИМ 30228, оп. 743/3, хр. 85/29а).

¹²² ГИМ, хр. 85/24а, № 3626, 3630.

¹²³ МИМК ТГУ, 2859-2862. В комплексе нож указанного подкласса, нож с кольцом и упором (подкласс II/18) и два шила с кольцами. Все предметы собраны на кольце из бронзовой проволоки, завязанной узлом и покрытой благородной патиной, такой же, как и вещи. Место находки неизвестно.

табл. 39, 10 и Копьева)¹²⁴, оба увенчаны фигурками кабанов. Остальные с такими навершиями относятся к разделу I.

Классы II/7, II/8, II/11—II/17 в V в. до н. э. отсутствуют. О классе II/9 с навершием в виде лошадиной головки уже говорилось, что он «пограничный» между VI и V в. до н. э.

Класс II/10, «с аркой на кронштейне», в V в. до н. э. представлен несколькими немногочисленными вариантами. Первый вариант — I экземпляр (Саргов улус — табл. 39, 16). По форме он очень напоминает древние ножи «с аркой на кронштейне», но гораздо тоньше и уже их. Более распространен другой вариант, где «кронштейн» исчезает, остается только «арка», обычно меньшая по ширине, чем верхняя часть ручки, что и создает иллюзию «арки на кронштейне». Лишь у нескольких экземпляров ручка везде равномерной ширины, у большинства же ножей она расширяется кверху, что типично для самых разных ножей V—IV вв. до н. э. (Малая Иня, курганы 2 и 3), продолжающих существовать и позже, в III в. до н. э. (Большой Барандат)¹²⁵, без видимых изменений. Известны и железные ножи той же формы¹²⁶. В этом подклассе 69 ножей из случайных находок. Все без орнамента. В V в. до н. э. появляется несколько новых подклассов ножей.

Класс II/18 — с кольцом и «упором». Навершие — в виде кольца (реже — овального), под которым «упор» — подставка (термин заимствован от детали наконечника черешковой стрелы). Встречены два ножа в двух комплексах V в. до н. э. (Июс¹²⁷, комплекс из МИМК ТГУ¹²⁸). Случайных находок — 65. Все без орнамента, за двумя исключениями. В одном случае ручка украшена нарезной сеткой¹²⁹, в другом — вертикальным рядом мелких треугольников¹³⁰. Из более поздних комплексов такие ножи неизвестны. Однако, вероятно, они существовали и позднее, судя по тому, что этот тип известен в железе¹³¹, как и другие ножи упомянутых здесь классов.

Класс II/19 — с большим кольцом, обычно овальным, реже круглым, без упора. Кольцо треугольное в сечении. Обнаружены три ножа в трех комплексах (Тагарское озеро — табл. 39, 18; Торгашинский клад V в. до н. э.¹³², Коркино, V—IV вв. до н. э.)¹³³. За пределами Минусинской котловины два ножа найдены в кургане II у поселка Вознесенского на реке Убиенке (V в. до н. э.)¹³⁴. Из случайных находок в Минусинской котловине известно 174 ножа, из них у 16 на ручках — орнамент. Ножи различной величины, от уменьшенных до очень длинных; разного диаметра бывает и кольцо — от 1,2 до 5 см. Орнаменты в большинстве геометрические, карасукского типа: вертикальный ряд мелких треугольников (7 ножей) или вертикальная, косо заштрихованная полоска (3 ножа). У трех ножей — спиральный выпуклый обвивающий ручку орнамент (карасукского происхождения). На одном небольшом ноже помещены два ромба, один в другом¹³⁵, на другом, также небольшом, — орнамент из вертикального ряда квадратных ямок¹³⁶, наконец, еще на одном — оригиналь-

¹²⁴ Курган 7 (S. Roudenkо, 1930, fig. 10, 5).

¹²⁵ «Курган за лоскутиной», раскопки Г. Оссовского, 1896 г. (ГИМ 36518, № 26, хр. V 99/5в).

¹²⁶ Минусинск (В. В. Радлов, 1888, табл. VI, 21).

¹²⁷ Там же, табл. I, 33.

¹²⁸ См. выше, стр. 181, сноска 123.

¹²⁹ МИМК ТГУ 6271-11. Минусинский или Енисейский округ. По рисунку М. В. Косарева.

¹³⁰ Деревня Замятина, к северу от Красноярска (В. В. Радлов, 1888, табл. II, 10).

¹³¹ Красноярск (там же, табл. VI, 25).

¹³² КМ 184-2.

¹³³ Раскопки Р. В. Николаева, курган II, 1957 г., по рисунку Р. В. Николаева.

¹³⁴ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г. (ГИМ 38209, № 168, 169, хр. 69/59а).

¹³⁵ Минусинский или Енисейский округ (МИМК ТГУ 3217).

¹³⁶ Кривинское (КМ 131-37).

ный узор, прямолинейный и криволинейный, напоминающий вышивку¹³⁷.

Класс II/20 — единственный экземпляр — прямой нож с большим кольцом типа II/19, но в кольце помещена голова грифона с круглым ухом типичного «алтайского» стиля (V—IV вв. до н. э.)¹³⁸.

Класс II/21 — с пряжковидным кольцом (формы колец идентичны известным таштыкским бронзовым пряжкам)¹³⁹. Найдены два экземпляра в комплексах V—IV вв. до н. э. (Думная гора¹⁴⁰, Малая Иня). Этот тип известен и позже, в комплексах IV в. до н. э. (Сарагаш)¹⁴¹ и III в. до н. э. (Большой Барандат)¹⁴² и, следовательно, позднейшие из них могут быть синхронны таштыкским пряжкам. Появление ножей этого типа именно в V в. до н. э. не установлено; достоверно лишь их существование с IV в. до н. э. В случайных находках 22 ножа без орнамента.

Класс II/22 — с расширяющейся вверх ручкой, с закругленным концом, в котором одно отверстие круглое, прямоугольное или дуговидное. В 8 комплексах (3 — из раскопок Радлова; Батени; Копьева; Коркино; Малая Иня, курганы 4 и 5 — V—IV вв. до н. э.)¹⁴³ — всего 15 экз. Ножи сильно варьируют по ширине и длине. Они бытуют до конца тагарской культуры: такая же форма известна и в железе¹⁴⁴. Но, может быть, это импорт. Случайных находок — 76 экземпляров. Из них орнаментировано 32, т. е. $40 \pm 5,6\%$. Самый частый орнамент — окружающая отверстие спираль (12 ножей). Два ножа украшены кружком с точкой в центре, на девяти — копытообразные или подковообразные значки, на двух — орнамент из S-образных завитков и волют, на одном — из треугольников, вершины которых закручены в спираль, — типичный алтайский мотив¹⁴⁵; на двух — следы какого-то непонятного узора и на шести — животные в «алтайском» стиле: на одном — олень с рогами, направленными вверх, и над ним птица с полосатой штриховкой; на трех — олени головы; на одном — схематически изображенная птица с полосатой штриховкой и на одном — вырезанная фигура оленя с подогнутыми ногами, так, что туловище, ноги и часть шеи на одной стороне ручки, а другая часть шеи и голова с рогами — на обороте¹⁴⁶. Все орнаменты — «алтайские»; геометрических карасукского происхождения нет.

Класс II/23 — с навершием в виде волчьей головы. Все из случайных находок, делятся на подкласс II/23a — с простой волчьей головой, 15 экземпляров (табл. 34, 48) и II/23б — с навершием в виде волчьей морды, упирающейся в кольцо, овальное или круглое, — 7 экземпляров, из них на одном изображение крайне схематичное¹⁴⁷. Мы уже говорили, что изображения волков проникают в Минусинскую котловину в V в. до н. э. как один из мотивов «алтайского» звериного стиля. Всем волчьим головкам на ручках ножей присущи характерные особенности этого стиля. Ножи — прямые, дополнительный орнамент отсутствует. Похожий нож найден в Забайкалье¹⁴⁸, но на нем морда волка обращена пастью не вверх, а вниз, так что клинок как бы выходит из пасти.

Класс II/24 — ножи с навершием в виде волчьей головы и передней

¹³⁷ Деревня Казанцева (ММ 1855).

¹³⁸ Подкамешек (ММ 3923).

¹³⁹ См. Л. Р. Кызласов, 1960, стр. 37, рис. 7, 10, 12.

¹⁴⁰ Раскопки А. В. Адрианова, 1895 г., курган 2 (G. Merhart, 1926a, Taf. IV—V, 7).

¹⁴¹ Раскопки С. А. Теплоухова, 1923 г., могила 42 (ГЭ 4131-208).

¹⁴² Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г. (ГИМ 36518, № 24, экспозиция V зала).

¹⁴³ Раскопки В. В. Радлова, 1868 г. (ГИМ, хр. 85/24а, № 50, 3633 и без номера); Батени, курган III, могила 23; Копьева, курган X (S. Roudenko, 1930, рис. 10, 4); Коркино, курган II, КМ.

¹⁴⁴ Устье Аскыза (В. В. Радлов, 1888, табл. VI, 7).

¹⁴⁵ С. И. Руденко, 1952, стр. 95, рис. 38; он же, 1953, табл. LXIX, 5.

¹⁴⁶ Н. Л. Членова, 1962, стр. 203, табл. V, 10—12, 15; А.-М. Tallgren, 1922, Pl. II, 1; ММ 773.

¹⁴⁷ Жеблахты (ММ, 3965).

¹⁴⁸ Н. Н. Диков, 1958, табл. XXIX, 71.

лапы. Два ножа, случайные находки (табл. 34, 45). Орнамент одного из них очень схематичен¹⁴⁹. Изображение головы и передней части животного — типичная особенность «алтайского» стиля, чуждая «минусинско-му». Оба ножа относятся, скорее всего, к V в. до н. э.

Класс II/25 — с навершием в виде рельефной головы алтайского горного барана-аргали¹⁵⁰.

Раздел I в V в. до н. э. представлен и старыми формами, известными еще в VII—VI вв. до н. э., и новыми. Классов I/1, I/2, I/3 больше нет.

Класс I/4а, б, в — с навершием в виде фигурки стоящего кабана и головкой птицы или копытообразным значком на месте прежнего уступа — известен в двух комплексах V в. до н. э.: Копьева, курган X, 2 экземпляра с копытообразным значком (I/4б)¹⁵¹ и обломок ножа с птичьей головкой (I/4а), т. е. всего 3 экземпляра. За пределами Минусинской котловины — в кургане 1 могильника Ягуня¹⁵². В более поздних комплексах их нет; по-видимому, они исчезают в V в. до н. э. Среди случайных находок — 21 экземпляр, из них 12 подкласса I/4а (с птичьей головкой) и 2 с копытообразными значками (I/4б); 7 экземпляров подкласса I/4в (без значка на месте уступа). Ножи V в. до н. э. отличаются от более ранних меньшими размерами (средняя длина ножа VII—VI вв. до н. э. 17—16 см, а в V в. до н. э. она снижается до 12—11 см), меньшей массивностью; фигурки кабанов вырождаются по тем же законам, что и фигурки «минусинского» звериного стиля. Другая особенность в V в. до н. э.: почти все ножи подкласса I/4 — с орнаментированной ручкой; из 24 экземпляров (из комплексов и случайных находок) орнаментировано 23. Самый частый орнамент — вертикальный ряд мелких вдавленных треугольников (10 экземпляров), иногда их два ряда (2 экземпляра), иногда ручка сплошь орнаментирована вписанными один в другой треугольниками, обращенными вершинами в разные стороны (3 экземпляра), иногда — сеткой (2 экземпляра). В первом случае на ручке витой «шнурок». Самый бедный орнамент — вертикальный узкий желобок вдоль ручки (6 экземпляров). Все орнаменты — карасукского происхождения. Ни один не имеет ничего общего с «алтайскими» орнаментами, которые украшают ручки многих ножей новых типов, появившихся в V в. до н. э. Классы I/5, I/6 и I/7 в V в. до н. э. отсутствуют.

Появляется много новых классов.

Класс I/8 — ножи с навершием в виде стоящего горного козла, данного в «минусинском» стиле. Найдены в трех комплексах V в. до н. э. (Верхний Суэдук, табл. 24, 12; Копьева, Саргов улус — табл. 39, 15). Кроме того, известны две случайные находки (табл. 24, 13)¹⁵³. Из пяти три орнаментированы: а) рядом мелких треугольников; б) вертикальной лентой с косыми выпуклыми насечками; в) простым вертикальным узким желобком. И здесь, как в классе I/4, все орнаменты — карасукского происхождения. На уступе между ручкой и лезвием значков нет.

Класс I/9 — с навершием в виде кольца, иногда овала, диаметром 2—2,5 см, в котором помещен такой же горный козел, как на ножах класса I/8 (табл. 24, 14, 15). Все 12 экземпляров из случайных находок. Отнесены к V в. до н. э. на основании сходства их с ножами классов I/8 и I/10 из комплексов. Кроме того, в комплексе V в. до н. э. (Колхоз им. 1 Мая) найдено украшение-подвеска: такое же кольцо, в котором помещен козел (табл. 24, 16).

Класс I/9 может быть разбит на три подкласса: с копытообразным значком на месте уступа (подкласс I/9б — 5 экземпляров), с головкой

¹⁴⁹ Шунеры (ММ 2827).

¹⁵⁰ A.-M. Tallgren, 1922, Pl. II, 12.

¹⁵¹ S. Roudenko, 1930, fig. 10, 6, 14.

¹⁵² Раскопки А. И. Мартынова, 1959 г. (архив ИА, р-1, 19776; л. 9).

¹⁵³ См. также нож из села Новоселово (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 4).

птицы (подкласс I/9а — 4 экземпляра) и без значка (подкласс I/9в — 3 экземпляра). Все орнаментированы: один нож — рядом мелких вдавленных треугольников, один — вертикальным рядом нарезных заштрихованных треугольников; два — вертикальной, косо заштрихованной лентой, один — рядом мелких выпуклых четырехугольников, остальные — узким вертикальным желобком. Снова все орнаменты — карасукского происхождения.

Класс I/10 — с навершием в виде кольца той же формы, что в классе I/9, но без фигурки козла. Три ножа из трех комплексов V и V—IV вв. до н. э. (Коркино, Кызыл-куль; Колхоз им. 1 Мая¹⁵⁴).

Случайных находок — 131, из них 35 относится к подклассу I/10а (с головой птицы на месте уступа), 53 — к подклассу I/10б (с копытообразным значком) и 43 — к подклассу I/10в (без значка на уступе). 93 ножа орнаментированы. Самый частый орнамент — простой узкий желобок (51 экземпляр), затем — вертикальная косо заштрихованная полоска (14); — ряд мелких вдавленных треугольников (9) или два ряда мелких треугольников (2), ряд нарезных треугольников (2), двойной зигзаг (2), два или три узких желобка (4), широкий желобок и ряд выпуклых квадратиков (1), ряд вдавленных треугольников и ряд выпуклых квадратиков (2), нарезная сетка по всей ручке и вертикальный желобок (1), нарезная «лесенка» (1), несколько нарезных ромбов, заштрихованных сеткой (1), ряд горизонтальных вдавленных треугольников под кольцом (2), нарезная «елочка» (1). Все орнаменты — карасукского происхождения.

На ножах этого класса наблюдаются и другие следы карасукского происхождения: чуть хвостатые лезвия (два случая, см. табл. 39, 24), выступающие серповидные лезвия на ножах из Минусинского округа и из музея ТГУ. Аналогии известны в тагарских комплексах за пределами Минусинской котловины (Убиенка — 4 экземпляра, из них два — с копытообразным значком, V в. до н. э.)¹⁵⁵ и в числе случайных находок (бывшая Томская губерния)¹⁵⁶. Один из ножей найден далеко на западе, под Казанью, на Малмыжской стоянке ананьинской культуры¹⁵⁷, скорее всего он импортный. В большом числе найдены они и на востоке: 6 ножей — в окрестностях Канска¹⁵⁸, один — в Верхне-Метляевском кладе в Прибайкалье (I—IV вв. до н. э.)¹⁵⁹, один — в бассейне Чикоя в Забайкалье¹⁶⁰. Весьма вероятно, что и эти ножи — импортные из Красноярского края.

Класс I/11 — с сильно вытянутой вверх «аркой на кронштейне». Известен лишь в одном комплексе V—IV вв. до н. э. (Тагарский остров, 1894)¹⁶¹. Среди случайных находок еще семь ножей¹⁶². Из них у некоторых заметны признаки, сближающие их с ножами классов I/9 и I/10: «упор» под аркой, орнамент в виде косо заштрихованной полосы (Сыда). Другие могут быть более ранними, VI в. до н. э. (нож из Иркутского музея; из деревни Детлово) — у них нет «упора» и они более массивны. Среди ножей предтагарского времени два были с такой вытянутой аркой. Возможно, что эта форма существовала в Минусинской котловине с предтагарского времени до V—IV вв. до н. э. непрерывно.

¹⁵⁴ Раскопки А. Н. Липского, 1952 г. (АМ).

¹⁵⁵ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г., курган II (ГИМ, 38209, № 167—169, 171).

¹⁵⁶ ГИМ 17555, оп. 64, хр. 103/556.

¹⁵⁷ А. Х. Халиков, 1960, стр. 150, рис. 75, 3. Автор ошибочно отнес его к «карасукскому типу», что повлекло за собой и неправильную дату стоянки.

¹⁵⁸ Канский район; Кан-Перевоз; Канск (Канский музей).

¹⁵⁹ Г. А. Максименков, 1960, стр. 34, приложение II, 6.

¹⁶⁰ Н. Н. Диков, 1958, табл. XXIX, 68.

¹⁶¹ Раскопки А. В. Адрианова, курган 42.

¹⁶² Черемушка (МАЭ 1298-9); Сыда (ММ 1389, 3314); Метихова (ММ 3320); Самодуровка (ММ 3316); Детлово (ММ 3313); неизвестного происхождения (ИМ 516-7).

Важная новость второй половины тагарской эпохи (V—III вв. до н. э.) — появление новых классов коленчатых ножей, у которых ручка как бы сломана под тупым углом к лезвию. У большинства из них между ручкой и лезвием имеется уступ. В отличие от старых тагарских ножей с уступом (VII—V вв. до н. э.) на нем теперь не бывает значка, за редчайшими исключениями. Коленчатость напоминает карасукские ножи, но спутать их невозможно. Другая особенность этих ножей — расширенная кверху ручка.

Класс I/12 — коленчатый, с трапецевидной ручкой, которая обычно не только расширяется кверху, но делается и более тонкой в верхней части, где обычно одно, реже несколько круглых отверстий, иногда отверстие в форме узкого прямоугольника, иногда в виде большого треугольника, но есть ножи и без отверстий. Этот класс представлен в тринадцати комплексах (32 ножа) ¹⁶³. Он продолжает существовать и позже, в IV и III вв. до н. э. (Сарагаш ¹⁶⁴, Большой Барандат ¹⁶⁵). В случайных находках известно 129 ножей. Степень коленчатости у них самая различная; иногда ручка и клинок образуют почти развернутый угол (180°). Орнамента нет, за исключением часто встречающегося геометрического, гравированного уже после отливки. Единственное исключение — нож из села Субботина (табл. 26, 40), на нем изображены сильно стилизованные головки грифонов с гребнями или петухов. Орнамент сразу заставляет вспомнить пазырыкские изображения ¹⁶⁶. За пределами Минусинской котловины ножи I/12 известны в тагарских курганах северо-восточной части Кемеровской области (Ягуня, Вознесенское) ¹⁶⁷, из случайных находок в том же районе (Большой Барандат) ¹⁶⁸, в Северном ¹⁶⁹ и горном Алтае, в насыпи Большого кургана Катанды II ¹⁷⁰ и, наконец, два таких ножа в коллекции Белослюдовых ¹⁷¹, но происходят ли они из Восточного Казахстана, как остальные вещи коллекции, или из Минусинской котловины — неизвестно ¹⁷². На востоке такой нож найден в Верхне-Метляевском кладе ¹⁷³.

Класс I/13 — нож той же формы, но с ажурной ручкой (табл. 39, 35, 36). Обычно вырезаны узкие прямоугольники или треугольники, и ручка имеет вид решетки. Иногда в верхней части ручки — ажурное колечко для ремешка (Саргов улус, табл. 39, 14). В одном случае дан сложный ажурный рисунок, где показаны две птичьи головки ¹⁷⁴. Найдено два экземпляра в двух комплексах V в. до н. э. (Есь, раскопки В. В. Радлова ¹⁷⁵ и Саргов улус). В случайных находках — 41 нож. У некоторых ручка расширена довольно слабо. Такой нож, с прорезной, слабо расширенной

¹⁶³ Батени, курган III, могила 23; Батени «у пристани»; колхоз им. 1 Мая; Есаульский клад (V в. до н. э.); Малая Иня, курганы 1—3, табл. 39, 19; Саргов улус, группа II, курган 1, табл. 39, 17 (V—VI вв. до н. э.) и курган 2 (V в. до н. э.); Саргов улус, группа I, курган 2; Думная гора, курганы 1 и 4; Тесь, Большой курган — раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (V—IV вв. до н. э.).

¹⁶⁴ Раскопки С. А. Теплоухова, 1923 г. (ГЭ 4131/209, 212, 215, 235 — могила 42).

¹⁶⁵ Раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г., «курган за поскотиной» (ГИМ 36518, № 18).

¹⁶⁶ С. И. Руденко, 1960, стр. 263, рис. 135, особенно 135, 3.

¹⁶⁷ Раскопки А. И. Мартынова, 1959 г., курган 1 (два ножа) (архив ИА, р-1, 19776, л. 9); раскопки Г. О. Оссовского, 1896 г., курган I (ГИМ 36518, оп. 126, 127, без номера, хр. VII 47/26); курган II (ГИМ 38209, оп. 164, 165, 158, 163, 159, хр. 69/596).

¹⁶⁸ ГИМ, 36518, оп. 7, хр. 85/38а.

¹⁶⁹ Тальменское Барнаульского округа (ГИМ 38150, хр. 85/39а).

¹⁷⁰ «Московский Публичный и Румянцевский музеи. Каталог отделения древностей». М., 1905, стр. 151, № 3413. Нож утерян, но на планшете сохранился его контур.

¹⁷¹ МАЭ 3211-929, 3211-932.

¹⁷² В более ранней своей работе (Н. Л. Членова, 1961, стр. 137) я утверждала, что таких ножей нет за пределами Минусинской котловины. Пользуюсь случаем исправить эту ошибку — следствие неполной информации.

¹⁷³ Г. А. Максимова, 1960, стр. 34, приложение II, 5.

¹⁷⁴ Минусинский край (ММ 3651).

¹⁷⁵ В. В. Радлов, 1888, табл. II, 27.

ручкой и с дополнительным орнаментом из ряда вдавленных мелких треугольников известен мне из комплекса VII—VI вв. до н. э. (Подгорное озеро — раскопки М. П. Грязнова, 1963 г.). Вероятнее всего, ножи с прорезной ручкой существовали в Минусинской котловине и в первую половину тагарской эпохи, но были мало распространены. В V в. до н. э. ажурными стали делать и ручки ножей новых типов, неизвестных здесь до этой поры. Аналогии из других районов мне не известны.

Класс I/14 — коленчатый с грибовидной шляпкой (табл. 39, 30). Ручка расширяется вверх. В верхней ее части — треугольный выступ (как у некоторых ножей класса I/12), сверху прикрытый шляпкой миндалевидной формы. В комплексах они не найдены. Известно 6 экземпляров из случайных находок¹⁷⁶, из них 2 (Енисейская губерния и Минусинский округ) с орнаментом на ручке — вертикальная, косо заштрихованная полоска, а на ноже из Енисейской губернии, кроме того, еще выделен короткий «шип», подобный шипу позднекарасукских ножей, украшенный значком в виде спирали. Ножи этого класса несколько не похожи ни формой шляпки, ни ручки, ни общей коленчатой формой на прямые или слегка изогнутые ножи без уступа и не могут быть выведены из этого класса (II/15). В том и другом случае сохраняется одна и та же древняя карасукская традиция, но пути ее сохранения — разные. Один из ножей с ручкой, в которой сделаны вертикальные прорезы и которая прикрыта сверху шляпкой, занимает промежуточное положение между классами I/13 и I/14. Может быть, это крайняя степень вырождения нашествия в виде пальметки (класса II/7), уже забытой к тому времени. Дата ножей класса I/14 — V в. до н. э. — определяется их сходством с ножами классов I/12 и I/13. Аналогии из других районов мне неизвестны.

Класс I/15. Коленчатые ножи с расширяющейся вверх ручкой; конец ее срезан тупым углом (табл. 39, 12, 23). В верхней части ручки — отверстие в виде треугольника или узкой щели; иногда отверстия нет. Представлен в трех комплексах V—IV вв. до н. э. (Батени, курган III, могила 23, Малая Иня, курганы I—II — табл. 39, 12) пятью экземплярами. В случайных находках — 42 экземпляра. Большинство ножей — слабо коленчатые, иногда почти прямые. Орнамент на ручках редок: мне известны лишь два ножа с орнаментом — один с копытообразным значком в верхней части ручки¹⁷⁷, другой — с двумя «глазами» (табл. 39, 12). Ручки ножей украшены многочисленными сквозными круглыми отверстиями¹⁷⁸. Ножи этого класса продолжают бытовать и в более позднее время, в IV—III вв. до н. э. (Частоостровское)¹⁷⁹.

Класс I/16. Коленчатые ножи (иногда просто с уступом) с расширяющейся кверху ручкой, конец которой закруглен. Наименее изогнутые из них очень близки прямым ножам с расширенной и закругленной ручкой (класс II/22), которые, возможно, были просто вариантами класса I/16. Представлен класс I/16 в трех комплексах (Батени «у пристани», табл. 39, 7 — V в. до н. э.; Саргов улус, табл. 39, 14a — V в. до н. э.; Малая Иня, табл. 39, 21 — V—IV вв. до н. э.) — тремя экземплярами и 45 случайных находок, из последних орнаментировано 26. На четырнадцати ножах изображены животные в «алтайском» стиле: на двух — волки¹⁸⁰, на семи — головы оленей с рогами, поднятыми вверх, на одном — стилизованная рельефная головка горного барана в фас¹⁸¹, на одном — несколько

¹⁷⁶ Енисейская губерния (ГЭ 1180-19); Минусинский округ (ИМ 516-44 А, 546/82); Сон (ММ 3625); Черемушка (ГИМ 33832/40, хр. 85/56); Табат (КМ 131-623); Таскина Красноярского округа (ГЭ 5531-428).

¹⁷⁷ КМ 131-611.

¹⁷⁸ Самодуровка (ММ 1228); Тея (ММ 3129); Узунжол (ММ 3407).

¹⁷⁹ Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г., курганы 1, 2 (ГИМ 42359, № 44, 45).

¹⁸⁰ Деревня Пойлова (ММ 3776); деревня Саянская (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 23).

¹⁸¹ Шунеры (ММ 3963, передано в АМ, 255-6).

ко прорезных птичьих голов, на одном — стилизованные птичьи головы (?) ¹⁸², на одном — непонятное животное ¹⁸³, на одном — сложный прорезной и гравированный орнамент, изображающий птичьи головы ¹⁸⁴. На других: копытообразные значки — три ножа (табл. 39, 27); двойные спирали — один (табл. 39, 28); треугольники с загнутой вершиной — один; зигзаги и волнистые линии — один, три вертикальные желобка — один; кольцевая спираль, окружающая отверстие — два; непонятный орнамент — один; прорезные спиральные фигуры — два ножа. Эти орнаменты также относятся к числу «алтайских».

Класс I/17. Коленчатые ножи той же формы, что и предыдущие, но с прорезной ажурной ручкой; обычно в петле-прорези — одна или несколько горизонтальных перекладин (табл. 39, 8, 33). Представлен в четырех комплексах (Шалаболинский клад и Батени «у пристани» — V в. до н. э., табл. 39, 8; клад из деревни Зыковой ¹⁸⁵ — V—IV вв. до н. э.; Малая Иня, курган 2, табл. 39, 13 — V—IV вв. до н. э.) — семью экземплярами. Такие ножи продолжают бытовать и в более позднее время (Частоостровское, IV—III вв. до н. э.) ¹⁸⁶. Из случайных находок известны 12 ножей. За пределами Минусинской котловины такой нож найден у села Большой Барандат (современная Кемеровская область ¹⁸⁷) и в Кузнецком округе ¹⁸⁸; на востоке — в Канске и в Забайкалье ¹⁸⁹. У некоторых прорезных ножей с такими перекладинами ручка почти не расширяется вверх, а «перекладины» образуют вертикальный зигзаг. Возможно, что эти ножи появились раньше коленчатых судя по той же находке в могильнике у Подгорного озера, о которой шла речь выше. Может быть, в ножах класса I/17 наблюдается тот же синтез двух групп (прямых ножей с прорезной ручкой и коленчатых с расширяющейся вверх ручкой), как и у ножей класса I/13.

К ножам класса I/17 очень близок нож с навершием в виде прорезной фигурки птички, повернувшей голову назад (табл. 34, 39). Близкая аналогия ей есть на Алтае, но там ручка не ажурная (табл. 34, 41).

Класс I/18. Ножи той же формы, но закругленный конец ручки превращен в голову горного барана (табл. 34, 40—43) ¹⁹⁰. Найдено четыре таких ножа. На одном изображена еще и схематическая голова оленя, рога которого обращены к лезвию. Прототипом ножей этого класса, может быть, является нож, изображенный на табл. 34, 39, так как там голова барана более реалистическая. Форма ножа и алтайские аналогии изображению головы горного барана позволяют датировать этот класс V—IV вв. до н. э.

Класс I/19. Ножи той же формы, с округленным концом и ажурной прорезной ручкой, с навершием в виде скульптурной головки хищной птицы «минусинского» стиля, со сквозным глазом. У птицы, как правило, чрезмерно вытянутый клюв; на некоторых экземплярах дана восковица, что характерно уже для «алтайского» стиля. В комплексах такие ножи мне неизвестны. В случайных находках — 21 нож. Можно проследить их эволюцию: некоторые совсем прямые, приближаются по форме и пропорциям к ножам VI в. до н. э. без выделенной ручки, у птицы клюв — обычной длины, и вообще изображение почти ничем не отличается от аналогичных многочисленных головок VI в. до н. э. «Перекладины» в сквозной ручке образуют решетку (табл. 26, 10), вертикальный

¹⁸² ГЭ 1126-32; деревня Иудина (ММ 3774).

¹⁸³ ГЭ 3975-91.

¹⁸⁴ Потрошилово (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. IV, 11).

¹⁸⁵ Ю. С. Гришин, 1960, стр. 177.

¹⁸⁶ Раскопки А. В. Адрианова, 1902 г., курган I (ГИМ 42359, № 54, хр. VII 47/46).

¹⁸⁷ ГИМ, 36518, хр. 85/38а.

¹⁸⁸ МИМК ТГУ, 1247. По рисунку М. Ф. Косарева.

¹⁸⁹ Канский музей, без номера, экспозиция; Н. Н. Диков, 1958, табл. XXIX, 67.

¹⁹⁰ Рисунки помещены в порядке деградации изображений.

зигзаг либо короткие горизонтальные перемычки¹⁹¹. Постепенно нож делается коленчатым, ручка расширяется вверх, а клюв птицы увеличивается (табл. 26, 12). Эти ножи бытуют во второй половине тагарской эпохи, но точнее дату указать трудно. Аналогии навершию (треугольный вырез в ручке и поверх него — головка хищной птицы) известны в Ордосе, но форма ножей — не коленчатая: один хвостатый, другой прямой, с уступом между ручкой и лезвием. Ножи с ажурной ручкой в Ордосе также как будто неизвестны. На сходство ордосских ножей с некоторыми из тагарских обращал уже внимание Д. Г. Андерссон¹⁹².

Класс I/20 — ножи с прорезной, ажурной, а иногда и со сплошной ручкой и навершием в виде двух головок хищных птиц, обращенных в разные стороны. В тагарских комплексах Минусинской котловины они неизвестны, но один нож найден на жертвенном месте Лысая гора в Томской области, где основная масса вещей относится к IV—II вв. до н. э.¹⁹³ Почти все ножи этого класса коленчатые, но иногда ручка и лезвие образуют развернутый угол (180°). Из случайных находок в Минусинской котловине известны 32 ножа (табл. 26, 19—22). Описанные ножи относятся к подклассу I/20a. Отличительная их особенность — изображение восковицы на клюве (типологически более ранние — табл. 26, 20, 21). Позднее загнутый клюв превращается в сквозное отверстие, а вся голова — в два колючка, соединенных перемычкой (табл. 26, 22). Есть вариант, где изображены две головки с одним общим глазом. Известно 6 экземпляров этого подкласса (табл. 26, 13, 14, табл. 39, 37, 38)¹⁹⁴. Нож из села Сабинского (табл. 39, 38) показывает крайнюю степень схематизации этого мотива: три колючка, соединенных перемычками. Мастер, изготовлявший нож, изображенный на табл. 39, 37, по ошибке обратил головки птиц друг к другу, а между ними вставил колючко — «общий глаз». Дата этих ножей — вероятно, V—IV вв. до н. э., но, может быть, они существовали еще и в III в. до н. э.

Класс I/21 — ножи с расширяющей вверх ручкой с закругленным концом, превращенным в три птичьих головки с чрезмерно вытянутыми клювами. Известны два ножа¹⁹⁵ из случайных находок. Датируются, по-видимому, как и другие ножи этой формы, V—IV вв. до н. э.

Класс I/22. Ножи коленчатые или прямые, с расширяющейся вверх ручкой, превращенной в одну или несколько головок грифонов «растительного» типа (табл. 26, 36—38). Один нож найден в комплексе (Верхний Суэдук, V в. до н. э.)¹⁹⁶, 22 — случайные находки. Дата определяется также и многочисленными параллелями изображению голов грифонов из курганов горного Алтая и других мест (см. табл. А, глава II). Одним из прототипов таких головок служит навершие ножа из Минусинского края¹⁹⁷, еще достаточно реалистическое. Прочие превращаются уже в растительный орнамент.

Класс I/23 — ножи с навершиями, похожими на предыдущие, но произошедшими от изображений головы алтайского горного барана (табл. 39, 39), что ясно, если сопоставить их с навершиями класса I/18. Известно девять ножей из случайных находок. Голова барана здесь превратилась в подобие растительного орнамента. На четырех экземпля-

¹⁹¹ Шушенское (МИМК ТГУ, 6272-426).

¹⁹² J. G. Andersson, 1932, Pl. II, 1, p. 227; D. Carter, 1958, Pl. 20e.

¹⁹³ Раскопки С. К. Кузнецова, 1892 г. (ГЭ 1125-98).

¹⁹⁴ См. также нож из Сабинского (ГЭ 1126-297) и из села Жеблахты (F. R. Martin, 1893, Pl. 19, 3).

¹⁹⁵ Деревня Потехина (F. R. Martin, 1893, Pl. 17, 15); деревня Иудина (МИМК ТГУ 6272-498; А.-М. Tallgren, 1922, Pl. II, 14).

¹⁹⁶ «Медные предметы, добытые из курганов у деревни Верхний Суэдук» (ММ 9541).

¹⁹⁷ ММ 3977, по рисунку Э. А. Новгородовой.

рах¹⁹⁸ сохранились схематические изображения рогов оленя, направленные к лезвию; вспомним, что на некоторых ножах класса I/18 изображалась, кроме бараньей, еще и оленья голова. Перед нами два пути деградации мотива головы горного барана. Один заключается в том, что животное «худеет» и теряет характерные черты (класс I/18); это путь вырождения «минусинского» звериного стиля. Второй путь — животное превращается в растительный орнамент; это путь вырождения «алтайского» звериного стиля, не известный в Минусинской котловине. Исходя из этого, можно предполагать, что ножи класса I/23 — либо импортные, либо изготовлены по импортным образцам. Точно такой нож найден в Кузнецком округе¹⁹⁹. Аналогичная схема известна на концах подпружных ремней из I Туэктинского кургана²⁰⁰. По всем этим данным, ножи этого класса должны датироваться V в. до н. э. и, может быть, следующим веком.

Класс I/24 — прямые ножи с навершием в виде двух головок горных козлов, в одном случае, может быть, горных баранов, у которых один общий рог (табл. 24, 30, 31). Известны три ножа²⁰¹. Стиль изображений — типичный алтайский. Мы уже сравнивали их с изображениями на тувинских и других пряжках, где дан тот же мотив. Дата ножей — скорее всего V в. до н. э.

Класс I/25 — коленчатые ножи с большими круглыми или овальными кольцами (диаметр колец 3,5—6 см), без «упора». Ножи часто бывают очень длинными — до 28 см. Класс этот делится на четыре подкласса.

Подкласс I/25a — ножи с простым кольцом. Известны в пяти комплексах (Думная гора, V—IV вв. до н. э.²⁰²; Малая Иня, курган 5, V—IV вв. до н. э.; Торгашинский клад, V в. до н. э.; Зыковский клад²⁰³, V—IV вв. до н. э.; Есаульский клад, V—IV вв. до н. э.)²⁰⁴ — 8 экземпляров. В случайных находках 101 нож. Все они без орнамента на ручке, за исключением гравированного после отливки геометрического. У одного из ножей хвостатое лезвие древнего карасукского типа²⁰⁵.

Подкласс I/25b — с кольцом, наполовину образованным согнутой фигурой кошачьего хищника (табл. 27, 19, 20), 2 экземпляра. По-видимому, не позже V в. до н. э.

Подкласс I/25в — с кольцом, в котором помещена фигурка животного или птицы, 2 экземпляра: один с фигуркой лошади (табл. 25, 19), другой — с птицей того же типа, как на одном из ножей I/17²⁰⁶, для которого уже приводились аналогии. Аналогии фигурке лошади приводились в главе III. Дата, по-видимому, — V—IV вв. до н. э.

Подкласс I/25г — с двумя перемычками в кольце, расположенными крест-накрест (табл. 39, 26), 3 экземпляра²⁰⁷. Дата, по-видимому, в пределах общей даты ножей этого класса.

В целом ножи этого класса хотя и появляются в V в. до н. э., по-видимому, распространены более в IV в. до н. э., а может быть и позже, но для более поздней даты пока нет оснований. Их можно считать прямыми потомками ножей класса I/10, столь распространенных в V в. до н. э., испытавшими и влияние коленчатых. Они находят многочисленные

¹⁹⁶ Минусинский край (КМ 1136-10 и без номера, коробка 60); там же (ММ 3938); O. J a n s e, 1935, Pl. VI, 3.

¹⁹⁹ МИМК ТГУ, 1245, по рисунку М. Ф. Косарева.

²⁰⁰ С. И. Руденко, 1960, стр. 135, рис. 83, в особенности рис. 83а.

²⁰¹ Кроме табл. 24, 30, 31, еще нож из деревни Саянской (ММ, без номера).

²⁰² Раскопки А. В. Адрианова, 1895 г., курган 2 (G. M e r h a r t, 1926a, Taf. IV—V, 1).

²⁰³ КМ 184-2 (3 экземпляра). См. Ю. С. Гришин, 1960, стр. 176.

²⁰⁴ Р. В. Николаев, 1961, стр. 282, рис. 1—5.

²⁰⁵ Иржи (ММ 3319).

²⁰⁶ Тигрицкое (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. V, 3).

²⁰⁷ Кроме упомянутого, еще из ММ, экспозиция и Белоярское (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. V, 2).

аналогии за пределами Минусинской котловины: в Верхне-Метляевском кладе в Прибайкалье (2 экземпляра), в долине р. Хилок в Забайкалье, в бывшем Тюкалинском уезде Тобольской губернии²⁰⁸.

Класс I/26—с небольшим овальным кольцом (диаметр 1,9—2,5 см) и упором; ручка от лезвия отделяется уступом. Вариант ножей того же типа, но с прямым лезвием, без уступа (класс II/18). В комплексах не известны; в случайных находках—11 ножей, один из них—миниатюрный²⁰⁹. Дата—V—IV вв. до н. э.—определяется сходством с ножами класса II/18.

Класс I/27—с кольцом в форме пряжки. Вариант ножей класса II/21. В комплексах не обнаружены. Дата—V—III вв. до н. э. (скорее IV—III вв. до н. э.) определяется на основании сходства с ножами класса II/21. В случайных находках—15 экземпляров с кольцами разных типов, но все они совпадают с формой таштыкских пряжек. Ручки без орнамента. За пределами Минусинской котловины ножи этого класса известны в окрестностях села Большой Барандат²¹⁰, на жертвенном месте Лысая гора (V—II вв. до н. э.)²¹¹, в Канске²¹².

Таковы основные виды ножей V в. до н. э. Изучение их позволяет сделать следующие выводы. В течение этого века продолжают существовать некоторые старые классы: I/4, II/2, II/6, II/10; остальные, известные в VII—VI вв. до н. э., исчезают, но в других типах сохраняются их детали. Появляются новые классы, не известные раньше V в. до н. э. (I/8, I/11, II/19). Ножи обоих больших разделов, I и II,—дериваты ножей VII—VI вв. до н. э. и новых, сохраняющих их традиции, часто украшены геометрическим орнаментом карасукского происхождения (за исключением класса II/2a андроновского происхождения). Процент ножей с карасукскими орнаментами на ручках в V в. до н. э. не изменяется по сравнению с VII—VI вв. до н. э.: он равен $73,7 \pm 3,2$, т. е. от 70,5 до 75,9% (ранее он был $68,7 \pm 3,7$, т. е. от 65 до 72,4%; в обоих случаях процент вычисляется от ножей раздела I, с уступом между ручкой и лезвием). Ножи, продолжающие древние тагарские традиции, составляют в V—IV вв. до н. э. очень важную долю: 793 ножа из общего числа 1998, т. е. $39,7 \pm 1,1$ % (от 38,6 до 40,8%). Древние же карасукские орнаменты составляют еще большую долю в орнаментах ручек ножей V—IV вв. до н. э.: 156 из 211 (общее число орнаментированных ручек ножей V—IV вв. до н. э. обоих разделов, I и II), т. е. $73,9 \pm 3,5$ %—от 70,4 до 77,4%.

В V—IV вв. до н. э. в Минусинской котловине появляется много новых классов ножей (I/12—I/27, II/21—II/25), отличающихся некоторыми общими особенностями: коленчатой формой, расширением ручки вверх, навершиями в «алтайском» зверином стиле. В тех случаях, когда ручки их орнаментированы, орнамент этот тоже «алтайский» (55 из 211 всех орнаментированных ножей V—IV вв. до н. э., т. е. $26,1 \pm 3$ %). Орнамент карасукского происхождения на ножах «новых» типов встречается всего на двух из 787 (здесь не принимаются в расчет ножи с геометрическим орнаментом, гравированным после отливки, так как его могли наносить владельцы ножей, и он может не иметь никакого отношения к первоначальному замыслу мастера). Этих «новых» ножей 787 из 1998; они составляют $39,3 \pm 1,1$ % (от 38,2 до 40,4%) всех находок V—IV вв. до н. э. Многое в происхождении «новых» ножей ясно: их связь с более западными районами—Алтаем и др. Об этом свидетельствуют

²⁰⁸ Г. А. Максименков, 1958, стр. 43; Н. Н. Днков, 1958, табл. XXIX, 70; ГИМ 39096, хр. 85/346 (Тобольская губерния).

²⁰⁹ Анаш (ММ 1123).

²¹⁰ ГИМ, хр. 85/38а.

²¹¹ Раскопки С. К. Кузнецова, 1892 г. (ГЭ 1125-29, 35)—2 экземпляра.

²¹² Канский музей, без номера, с этикеткой.

и их орнамент и тот факт, что многие из них распространены на Алтае и далее на запад. Однако есть и другие характерные черты, говорящие о каком-то возрождении древних карасукских традиций: коленчатая форма; хвостатые лезвия; грибовидные шляпки (класс I/14); прорезная ажурная ручка, характерная для многих классов (I/13, I/17, I/19, I/20). Прорезные ажурные ручки известны и на некоторых типичных карасукских ножах²¹³ и подобных им из Ордоса²¹⁴. Для тагарских ножей VII—VI вв. до н. э. они не характерны, как и другие перечисленные выше особенности. Большое кольцо с крестообразными перемычками (класс I/25г) имеет точный прототип: такое же кольцо с перемычками — навершие ножа позднекарасукского типа из Ордоса²¹⁵. Совершенно ясно, что ножи V в. до н. э. по сравнению с ножами VII—VI вв. до н. э. демонстрируют усиление карасукских признаков (так, коленчатые составляют $33,6 \pm 1\%$, т. е. треть всех ножей V—IV вв. до н. э.). Причины этого «карасукского ренессанса» пока загадочны. Может быть, он связан с карасукскими традициями не минусинских степей, а каких-то других районов.

Изучение тагарских ножей показывает, что при всем их своеобразии и специфике они служат ценным источником по истории тагарских племен и позволяют подтвердить те важные выводы об основных этапах тагарской истории, которые были сделаны выше на основании изучения тагарского оружия, конского убора и других категорий вещей.

Керамика

В большинстве культур керамика — это самые массовые находки; в тагарской же культуре многочисленнее бронзовые ножи, но значение керамики в решении вопроса о происхождении тагарской культуры очень велико: наряду с личными украшениями это наиболее надежный указатель этнической принадлежности культуры, каким располагает археология. Вопрос о происхождении основных форм тагарской керамики уже рассматривался в работе о предтагарских памятниках²¹⁶.

Основная форма тагарской керамики — баночный сосуд — произошла от параболоидных сосудов, характерных для лугавской культуры, путем уплощения дна, в чем сказывается влияние андроновской культуры. Выработка тагарского баночного сосуда — следствие длительного контакта лугавских и андроновских племен. Круглодонные сосудики со сдавленным верхом, изредка встречающиеся в раннетагарских курганах, появляются еще в предтагарское время и происходят от карасукских.

Орнаменты тагарской керамики также складываются еще в предтагарское время и делятся на две основные группы: «лесные», ведущие происхождение от лугавских (лугавская культура имеет смешанное — лесное и афанасьевское происхождение) и «степные», происходящие от андроновских орнаментов. К «лесным» орнаментам относятся: ряды из наклонно поставленных оттисков четырехгранной палочки-штампа, простой или с гребенчатой нарезкой; ромбы, составленные из таких же оттисков; трезубчатый штамп; выпуклости, выдавленные изнутри («жемчужник»). К «степным» орнаментам относятся: широкие желобки (шириной 1 см и более), от одного до шести (изредка — и более), в верхней части сосуда; узкие желобки (шириной 2—3 мм), нанесен-

²¹³ Например, на ножах из Детловой, с реки Ои (А.-М. Tallgren, 1917, Pl. V, 11, 12); Минусинский край (И. П. Кузнецов-Красноярский, 1908, табл. IX, 9, 10).

²¹⁴ J. G. Andersson, 1932, Pl. II, 5.

²¹⁵ Там же, табл. II, 3.

²¹⁶ Н. Л. Членова, 1963.

ные палочкой; нарезная елочка или вертикальные зигзаги вдоль верхнего края сосуда. Аналогии этим орнаментам имеются во всех районах андроновской культуры; широкие желобки особенно характерны для андроновских памятников Центрального Казахстана (Карасай, Был-кылдак, Сангуыр), но встречены и на андроновской керамике Минусинской котловины (Ужур).

«Степным» и «лесным» орнаментам соответствуют «степные» и «лесные» профили верхнего края сосуда. К «степным» относятся утолщенный бортик, косо срезанный наружу и скругленный и такой же бортик без утолщения. У «лесных» — горизонтально срезанный край, иногда с наплывами различной формы на внутренней стороне.

В предтагарское время керамика со «степными» и «лесными» орнаментами и профилями верхнего края располагалась на разных территориях: «степная» в основном в степи по левобережью Енисея, «лесная» — по лесным окраинам Минусинской котловины, в лесостепи и в районах древних и современных сосновых боров.

Рассмотрим формы раннетагарской керамики, которые явно восходят к предшествующей эпохе, но не встречены в предтагарских памятниках, очевидно, вследствие их малочисленности сравнительно с раннетагарскими. Далее необходимо будет рассмотреть, как развиваются формы и орнамент на протяжении VII—V вв. до н. э.

Керамика из комплексов с оружием датируется непосредственно оружием, из комплексов с бронзовыми ножами датируется ножами; наконец, типологическое изучение показывает определенные устойчивые различия между керамикой VII—VI вв. до н. э. и более поздней — V в. до н. э., так что комплексы, содержащие только керамику, могут быть отнесены с достаточной достоверностью либо к VII—VI, либо к V в. до н. э. По отдельному сосуду, а иногда и по комплексу из нескольких сосудов очень трудно определить, относится он к VII или VI в. до н. э. Во всех сомнительных случаях керамика отнесена к VI в. до н. э., так как курганы этого времени гораздо многочисленнее, чем в VII в. до н. э.

КЕРАМИКА VII в. до н. э.

Из девяти сосудов, целых и в обломках, относящихся к VII в. до н. э., семь банок²¹⁷, один — плоская, сделанная из нижней части банки, и один — горшок с плоским дном, сильно раздутыми боками и низкой шейкой²¹⁸. Банки по форме, пропорциям, тесту и обработке поверхности почти не отличаются от банок предтагарского времени. У четырех из пяти целых сосудов, найденных в курганах достоверно VII в. до н. э., диаметр верхнего края равен высоте сосуда, а диаметр дна равен половине этой величины. У пятого сосуда высота меньше диаметра верхнего края, что характерно для банок еще предтагарского времени, и сам сосуд с очень широким желобком (2 см ширины) относится к типу, известному на ильинском этапе предтагарского времени (табл. 40, 1); в «настоящих» тагарских памятниках таких широких желобков нет. У седьмого сосуда²¹⁹ диаметр верхнего края больше высоты, а дно значительно меньше половины высоты. У одного из баночных сосудов верхний край срезан наискось (один бок выше другого). Такие кособокие баночные сосуды известны еще на лугавском этапе и в предтагарское время. Эта черта очень характерна для тагарской керамики VII — начала VI в. до н. э. и встречается на протяжении VI в. до н. э. на сосудах

²¹⁷ Откнин улус, курганы 5 и 3; Узунжол; Самохвал, 1896 г., курган 4.

²¹⁸ Там же (плоская); Откнин улус, курган 5 (горшок).

²¹⁹ Ужур, 1955 г., курган 6, могила 5.

разных форм. У другой банки (Узунжул) ²²⁰ имеется маленький кольцеобразный поддон — большая редкость для тагарской керамики VII—VI вв. до н. э. Цвет сосудов черный, поверхность лощеная, выделка очень хорошая.

Орнаменты банок VII в. до н. э. — те же, что и в предтагарское время. Это широкие (до 1 см) желобки, от одного до четырех, в верхней части сосуда, в одном случае ниже их — четыре группы каплевидных ямок, образующих треугольники вершинами вниз. «Лесные» орнаменты в керамике этой группы не попадались — вероятно, случайно. Верхний край скошен наружу и скруглен; такой обрез обычно сочетается с желобчатым орнаментом и на тагарских и на предтагарских сосудах. Горшок с раздутыми боками и низким горлом очень близок по типу к сосуду Ильинского этапа предтагарского времени (табл. 41, 16). Дно немного шире горла. Самая широкая часть приходится на участок от половины до двух третей высоты. Верхний край скошен наружу и скруглен; это перешло, по-видимому, с баночной керамики на другие формы. У сосуда Ильинского этапа из Кара-сука еще нет такого обреза края.

КЕРАМИКА КОНЦА VII — НАЧАЛА VI в. до н. э.

Эта группа гораздо многочисленнее предыдущей: 97 целых сосудов и обломки еще 38, происходящих из курганов и 4 сосуда из случайных находок ²²¹. Из всех них — банок целых и в обломках 94, т. е. $67 \pm 3,9\%$. Кроме того, встречено еще 15 плошек, сделанных из нижних частей банок, и 30 сосудов иных форм. Таким образом, доля небаночной керамики в памятниках конца VII — начала VI в. до н. э. еще очень велика: 22%; впоследствии она значительно уменьшается. Пропорции баночных сосудов те же, что и в VII в. до н. э. Из 43 сосудов, поддающихся изменению, 20 — строго тагарских пропорций: диаметр верхнего края равен высоте, а диаметр дна — половине этой величины. Есть некоторые отклонения: у трех сосудов диаметр верхнего края равен высоте, но дно меньше ее половины, в четырех случаях диаметр верхнего края равен высоте, а дно, напротив, больше половины. Всего баночных сосудов, где диаметр верхнего края равен высоте, — 27, т. е. больше двух третей общего числа. По-видимому, эти пропорции в тагарскую эпоху стремились соблюдать. Реже встречаются сосуды, где высота больше диаметра верхнего края, — их шесть; у четырех из них при этом дно в два раза меньше диаметра края, а у других двух — больше. Наконец, у десяти банок диаметр верхнего края больше высоты, дно у них самой разной величины. Низких банок, где диаметр верхнего края больше высоты, на Ильинском этапе было еще около 50%. На следующем, Кокоревском, этапе процент банок с тагарскими пропорциями повышается — из-за небольшого числа погребений «низких» банок тут не оказалось. Но о том, что эта закономерность существует, и низкие банки постепенно выходят из употребления, свидетельствуют приведенные цифры: в курганах конца VII — начала VI в. до н. э. процент их снижается вдвое. Надо отметить, что отклонения от тагарских пропорций незначительны: так, в группу, где высота больше диаметра верхнего края, отнесены сосуды, высота которых больше диаметра на 2—2,5 см. «Низкие» банки также мало отличаются от тагарских; в предтагарское время пропорции их отклонялись сильнее. Следует сделать вывод, что сосуды в тагарскую эпоху изготовлялись по мерке: размеры сходятся сантиметр в сантиметр; редко допускались незначительные отклонения. Господствующей

²²⁰ ММ, архив, папка И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова, табл. II, рис. 3.

²²¹ Помещены в данную хронологическую группу на основании того, что однотипные известны в комплексах только конца VII — начала VI в. до н. э.

формой в конце VII — начале VI в. до н. э. была банка с диаметром верхнего края, равным высоте. Старая традиция выделять более приземистые банки постепенно изживалась, а когда их все же изготовляли, их пропорции уже незначительно отклонялись от тагарских.

По-прежнему встречаются банки, у которых верхний край срезан наискось (сосуд с одного бока выше, чем с другого, см. табл. 43, 2); таких в рассматриваемой группе четыре. Банок на поддонах нет. Тесто и обжиг сосудов такие же, как и в предыдущей группе, цвет черный. Орнамент — прежний, двух типов. «Степной» представлен широкими желобками вдоль верхнего края сосуда (табл. 43, 2) или рядом каплевидных ямок, «лесной» — жемчужником и гребенчатым орнаментом (табл. 44, 2). Многие сосуды без орнамента. В двух случаях еще встречаются очень широкие желобки, по 2 см шириной (табл. 40, 1). Желобчатый орнамент в одном случае дополнен группой из трех ямок, образующих косоугольный треугольник (табл. 43, 4), в другом — ниже желобка идет ряд мелких оттисков треугольного штампа и в третьем — такие же оттиски помещены в верхнем из желобков (табл. 43, 3). Каплевидные ямки или располагаются равномерно в верхней части сосуда (табл. 43, 7), или группами по три (табл. 45, 4). Иногда такими же группами расположены косые черточки, процарапанные уже после обжига (табл. 45, 15).

«Лесной» орнамент — жемчужник — разделяется косыми оттисками гребенчатого штампа (табл. 40, 12) или глубокими каплевидными ямками. Иногда он дополнен несколькими рядами гребенчатого штампа и зубчатыми оттисками треугольного штампа (табл. 45, 1—4).

«Степной» и «лесной» орнаменты в эту пору иногда еще соответствуют своим зонам распространения. Так, в могильниках Страшной лог, Усть-Ерба, Камышта, Шира (1908 г.), Подгорное озеро, Откнин улус, Мельничный лог и Гришкин лог, расположенных в степи, на сосудах только «степной» орнамент; примеров могильников с чисто «лесными» орнаментами в данной группе нет, но они встретятся в последующей. Но в это время многие могильники уже «смешанные». В них встречаются сосуды и со «степным» и с «лесным» орнаментом. Эти могильники расположены обычно на самом Енисее, в местах, удобных для переправ: Тагарский остров, Быстрая, Бузунова, но иногда и в стороне от них (Саргов улус).

Форма бортика по-прежнему соответствует орнаменту: у сосудов с желобчатым орнаментом он скошен наружу и округлен; у сосудов с жемчужником и гребенчатым орнаментом — прямо срезанный край, иногда с наплывом на внутренней стороне. Сосуды без орнамента делались либо с тем, либо с другим бортиком. По-видимому, обеднение и исчезновение орнамента происходило параллельно и в группе керамики «степной», и в «лесной». Есть могильники, где еще и в это время у всех сосудов «лесные» бортики: это Самохвал с неорнаментированными сосудами. Уже в предтагарское время Самохвал²²² входил в группу «лесных» могильников. Таким он сохраняется и в конце VII — начале VI в. до н. э. и далее на протяжении VI в. до н. э. В других могильниках, где сосуды украшены и «лесными» и «степными» орнаментами, бортики также бывают двух видов — «лесные» и «степные». В очень редких случаях бывает сочетание двух разных компонентов: «степного» скошенного наружу и скругленного бортика, и «лесного» орнамента жемчужника (Тагарский остров, 1895 г., табл. 45, 8).

Наблюдаемые в предтагарское время довольно четкие границы между «лесной» и «степной» керамикой в конце VII — начале VI в. до н. э. начинают стираться: в одних и тех же могильниках, иногда и в одной

²²² Раскопки А. В. Адрианова, 1898 г., курган 9, могила II.

могиле оказываются сосуды с «лесными» и «степными» элементами. Эта нивелировка и составляет существенный признак формирования на всей территории Минусинской котловины из элементов разного этнического происхождения единой тагарской культуры, очень однородной, в которой локальные варианты могут быть выделены лишь по отдельным разрозненным признакам, но не по целым группам признаков. Причем процесс этот происходит как постепенное увеличение и распространение степных, а не лесных элементов: степные элементы проникают в лесные могильники.

Отметим небольшой сосудик (табл. 40, 6) почти баночный и даже тагарских пропорций (диаметр верхнего края равен высоте), но с круглым дном. Украшен он «лесным» орнаментом — полосами гребенчатого штампа, обрез верхнего края прямой, с напыльвом на внутренней стороне — тоже «лесной». Мы уже говорили о формировании баночного сосуда тагарского типа из двух элементов: андроновского баночного и лугавского параболического, с круглым дном. Указанный сосуд — пережиток древних параболических сосудов в могильнике с исключительно баночной керамикой и бронзовыми вещами конца VII — начала VI вв. до н. э. Пропорции его, черный цвет, лощение — все уже тагарского облика.

Из других сосудов самые многочисленные — горшки (9 экземпляров) с сильно раздутыми боками и низкой шейкой (табл. 41, 10, 12—17). Этот тип встречался уже в VII в. до н. э. Дно их обычно той же ширины, что и горло, иногда чуть шире; самая широкая часть приходится на две трети высоты сосуда, реже на середину. Дно, как правило, плохо уплощено, и сосуды не очень устойчивы. Один из них (табл. 41, 14) с косо срезанным краем. Все сосуды прекрасно лощены, включая и внутреннюю часть горла. Цвет их иногда черный (Страшной лог, Батени, Откнин улус), но если для банок данной эпохи это единственный цвет, то горшкообразные часто бывают и другими: коричневыми (Бузунова, Сыда) или красноватыми, морковно-красными или розоватыми, иногда с черными пятнами (Ужур, Батени). Красноватый цвет поверхности и в изломе, получаемый, по данным А. А. Гавриловой, при длительном обжиге в окислительной среде²²³, обычен для раннетагарских небаночных сосудов. Орнамент шести сосудов-горшков — широкие горизонтальные желобки тагарского типа, числом от одного до девяти, в наиболее широкой части тулова. В одном случае желобками покрыта вся верхняя половина, от горла до середины; в другом этот орнамент был дополнен четырьмя арками из желобков, помещенными выше опоясывающих, по плечикам сосуда (табл. 41, 13). На одном сосуде орнамент состоит из четырех групп крестообразно расположенных округлых ямок (табл. 40, 10), на другом — из нарезной «елочки» (табл. 41, 17). Один сосуд без орнамента (табл. 41, 12). Бортик бывает иногда скошен наружу и скруглен, как и у баночных сосудов (Батени — оба сосуда; Откнин улус; Страшной лог). Таким образом и тут происходит нивелировка, оформление различных сосудов в едином тагарском стиле.

К разобранной группе близка другая — округлые небольшие сосудики с низким горлом и небольшим поддоном. Мне известны три таких сосуда из курганов конца VII — начала VI в. до н. э. и один — случайная находка (табл. 41, 1, 2). Все они украшены наклепными шишечками-сосочками, которые не встречаются больше ни на каких других сосудах тагарской культуры, прекрасно обожжены и лощены. Три из них оранжеватого цвета, один (озеро Шира) — черного. Они очень напоминают сосудик предтагарского времени из кургана В на Тагарском острове той же формы, близкого желтовато-красноватого цвета, с такими же

²²³ А. А. Гаврилова, 1957, стр. 265.

налепными сосочками с добавлением налепных же спиралей. Бортик рассматриваемых сосудов просто отогнут, а не скошен наружу, как у многих тагарских. Особая форма — округлый розовый сосуд с плоским дном, небольшой шейкой и с желобком в наиболее широкой части (табл. 41, 9). И еще один розовый округлый сосуд с широкими желобками в верхней части (табл. 41, 11). У него была одна налепная ручка, верхняя часть ее отбита, и о форме ее судить трудно, так как это единственный известный мне сосуд такого рода. Далее, округлый сосуд с двумя плоскими подтреугольными, вертикально поставленными ручками, в середине которых по круглому отверстию. Сосуды с такими ручками не известны в карасукской культуре Минусинской котловины, однако они встречаются в памятниках дандыбаевского типа в Центральном Казахстане, у которых много черт, сближающих их с карасукскими.

Далее отметим баночный сосуд из Новоселова с небольшим перехватом у горла и дна, как это бывает у андроновских банок. По профилю он очень близок андроновским. К этой форме близки еще два сосуда с более значительным перехватом у дна (табл. 41, 3, 4), которые начинаются от середины равномерно суживаются вверх. Оба они розовые, с черными пятнами. И, наконец, последняя форма — горшковидный маленький острореберный сосудик из Страшного лога. Такой же сосуд найден в могиле 4 (13) у Подгорного озера близ села Батени (табл. 41, 5, 6). Форма этих сосудов настолько близка андроновским, что примеров можно и не приводить. Поддоны также известны в достаточном количестве на андроновских сосудах из западных областей (Бугылы I²²⁴, Ельшибек²²⁵, в Центральном Казахстане, а также в Алексеевском поселении²²⁶). Наши сосудики отличаются от андроновских лишь небольшими размерами и розовым цветом. Розовый и красноватый цвет характерен для многих тагарских сосудов редких, необычных форм; в более раннее время такой цвет сосудов в Минусинской котловине не встречается.

Сосуд из кургана 15 в Копьева (табл. 42, 5), не похожий по форме ни на один тагарский, очень высокий, узкий, с крутыми плечами и невысоким горлом. Бортик отогнут наружу и округлен, как у обычных тагарских, по верхней части тулова идет десять типично тагарских желобков.

Открытые кубки на довольно высоком коническом поддоне, черные, лощеные найдены в могильнике Батени (табл. 41, 7, 8) — 2 экземпляра. Они украшены в верхней части обычными желобками. Эта форма продолжает бытовать и в VI в. до н. э.

Группа сосудов конца VII — начала VI в. до н. э. включает и плоские, изготовленные из нижней части банки, иногда довольно высокие — около половины высоты банки, иногда совсем низкие. Появляясь еще в предтагарское время (с Ильинского этапа), они становятся характернейшей принадлежностью тагарской культуры. Часто края их обиты неровно, небрежно, но иногда очень тщательно²²⁷, а порой край даже срезан. Отметим плоску, край которой срезан наискось (табл. 40, 14), как и у целых банок и на горшке с раздутыми боками. Это доказывает, что край намеренно срезался косо.

КЕРАМИКА VI в. до н. э.

Это самая многочисленная группа, так как тагарские курганы VI в. до н. э. — наиболее распространенные в Минусинской котловине. По отношению к сосудам конца VII — начала VI в. до н. э. особых изменений

²²⁴ Раскопки А. Х. Маргулана, 1952 г., курган IV, погребения 3 и 4.

²²⁵ То же, 1957 г., ограда 73, могила 2.

²²⁶ О. А. Кривцова-Гракова, 1948, стр. 140, рис. 63, 1—3 и стр. 131, рис. 54, 9.

²²⁷ Саргов улус, группа II, курган 4; Бузунова, курган 6, могила 2.

в формах и орнаменте не происходит, но соотношение различных групп сосудов несколько иное. Из 230 сосудов 172 — банки, целые и в обломках; 40 плошек, сделанных из нижней части банок, а сосудов всех других форм — только 18. Значит, баночная керамика теперь составляет $75 \pm 2,8\%$, а если прибавить сюда и плошки, то даже $92 \pm 3,2\%$. Эти цифры достаточно достоверны, так как получены на большом материале. В комплексах конца VII — начала VI в. до н. э. банки составляли $67 \pm 3,9\%$, а считая плошки $78 \pm 3,5\%$. Получается, что число баночных сосудов увеличилось на 6,9—9,2% — как будто и не значительно. Но зато баночная керамика теперь составляет всего 8% вместо 22%, ее доля уменьшилась почти втрое. Возрастает процент плошек с $10 \pm 2,5$ до $17 \pm 2,4$. Критерий статистической значимости различий в процентах баночной керамики в памятниках конца VII — начала VI в. и в памятниках VI в. до н. э. равен 3. Поскольку он равен 3, замеченная разница в составе керамики этих двух периодов является реальной. Таким образом, почти вся керамика VI в. до н. э. состоит из банок и плошек, изготовленных из старых банок. Небаночная керамика в VI в. до н. э. может считаться только пережитком. Ею перестали интересоваться, продолжая лишь изредка вырабатывать по традиции ее прежние формы.

Банки сохраняют те же пропорции, что и ранее. По-прежнему больше всего таких, у которых диаметр верхнего края равен высоте: их 67 из 113 сосудов, поддающихся измерению. Из этих 67 у 35 диаметр дна равен половине диаметра верхнего края, у 15 — дно меньше, а у 17 — больше этой величины. У 31 банки диаметр верхнего края больше высоты сосуда. Стало быть, банки, у которых диаметр верхнего края равен высоте, более чем вдвое превышают их число. То же соотношение было и в конце VII — начале VI в. до н. э. Наконец, у 15 банок диаметр верхнего края меньше высоты. Продолжают встречаться банки с косо срезанным краем, у которых один бок выше другого; но их меньше, чем в предшествующий период: 4 из 113 (две из могильника Кривинское и две — из могильника Изыкчуль). Тесто и обжиг сосудов не изменились. Цвет черный.

Сохраняются и оба типа орнаментов, но, по-видимому, вследствие большего числа раскопанных могильников орнамент разнообразнее. Среди «степных» по-прежнему самый обычный — желобчатый. Число желобков в одном случае — не менее 11 (нижняя часть этого сосуда не сохранилась) (табл. 43, 1). Иногда он дополнен другими узорами, помещенными ниже: двумя рядами нарезных горизонтально расположенных зигзагов (табл. 43, 13), рядом косых насечек, группами ямок (табл. 43, 4, 5), арочным орнаментом, где арочки также из узких желобков (табл. 43, 12) и в одном случае ниже желобков помещена сложная композиция из зигзагов (табл. 43, 14). Другой тип «степного» орнамента — нарезная «елочка» (табл. 43, 11).

«Лесной» орнамент — иногда просто жемчужник (19 сосудов), но чаще с какими-нибудь дополнениями: «жемчужины» разделяются ямками, округлыми (станция Минусинск, Самохвал) или каплевидными (Тесь), ниже «жемчужин» бывает несколько рядов овальных или каплевидных ямок (Кочергино) или два ряда штампа-скобочки (станция Минусинск, Кочергино, табл. 44, 5, 6). Иногда ниже «жемчужин» — нарезные линии (Кочергино, Тесь) или несколько рядов небрежных кривых желобков (Усть-Тесь). На некоторых сосудах, кроме жемчужника, есть оттиски лугавского «палочного» штампа, простого или гребенчатого, иногда эти оттиски образуют ромбы (Кочергино, табл. 44, 4). Иногда жемчужины разделены полосами гребенчатого штампа (Кривинское — табл. 40, 12, Тесь). Некоторые сосуды украшены узорами из гребенчатого штампа без жемчужника (табл. 44, 3), иногда в сочетании с круглыми ямками (Усть-Сыда). Ряд круглых ямок вдоль верхнего края,

вероятнее всего, тоже «лесной» орнамент (табл. 44, 10). Образцы «лесных» орнаментов изображены на табл. 44. Очень интересна банка, в верхней части которой предельно схематично изображена повторяющаяся сцена: два рогатых животных (скорее всего быки) по обе стороны какого-то столбика с заостренным верхом (может быть, жертвенника или древа жизни); в одном случае столбик замещен какой-то фигурой, может быть мордой зверя в фас (табл. 44, 15). Все фигуры составлены из круглых ямок. Ничего подобного мы не знаем больше в тагарском искусстве. Изображения эти чрезвычайно далеки и от обычного тагарского звериного стиля, известного в бронзе и кости, и от наскальных рисунков. Те и другие при всей их стилизованности все же реалистичны настолько, что позволяют во многих случаях определить, какое животное изображено: кабан, козел и т. д. Здесь же туловища животных — просто прямоугольники, составленные из ямок. С одного конца торчит развилка — рога. Мотив рогатых животных по обе стороны жертвенника или священного дерева столь распространен в искусстве Древнего Востока, что примеров можно не приводить. Известен он и в архаических скифских курганах Причерноморья (козлы у священного дерева на ножнах мельгуновского меча). Но нигде никогда этот сюжет не был дан столь схематично. Вряд ли дело тут только в том, что сцена помещена на глиняном сосуде, хотя и это обстоятельство, несомненно, играет роль. Скорее всего, эта находка показывает, как потомки «лесных» лугавских племен воспринимали и перерабатывали доходившие до них образцы древневосточного и скифо-сарматского звериного стиля, превращая их почти в орнамент.

В VI в. до н. э. в некоторых могильниках еще встречаются сосуды только со «степным» или только с «лесным» орнаментом. В числе «степных» могильников Усть-Абаканское, Горькое озеро, Подгорное озеро, Перевозинское. Асочаков улус, разъезд Чартыков, а среди «лесных» — по-прежнему Самохвал, затем Кочергино и Тесь. Но многие могильники смешанные, там на керамике орнаменты и «лесные» и «степные»: Сыда, Усть-Сыда, Быстрая, Тагарский остров, Сарагашинское озеро, станция Минусинск, Кривинское, Усть-Тесь (могильники, где найдены лишь единичные сосуды, мы здесь не приводим). Из перечисленных Тагарский остров был «смешанным» уже в конце предтагарского времени (Кокоревский этап). Сведения о районе Кривинского (и станции Минусинск, расположенной севернее Кривинского) относятся к более раннему времени — раньше X в. до н. э. В то время тут был карасукский могильник с двумя лугавскими (т. е. лесными) курганами. Теперь же в каждом кургане Кривинского могильника встречены сосуды и с «лесным» и со «степным» орнаментом. На сосудах из могильника у станции Минусинск преобладают, видимо, «лесные» орнаменты²²⁸, но встречен и интересный сосуд с желобками и арками «степного» типа. Могильник у Быстрой на байновском этапе предтагарского времени был лесным. В конце VII — начале VI в. он делается «смешанным» и остается им на протяжении VI в. до н. э. Создается впечатление, что в прежние районы распространения «лесной» керамики постепенно все более и более проникают «степные» элементы. Если учесть, как незначительны по площади были эти «лесные» островки в Минусинских степях и в какой близости находились друг от друга «лесные» и «степные» могильники в карасукское и предтагарское время, то проникновению «степных» элементов в районы «лесной» керамики удивляться не приходится. Удивительно как раз другое: как медленно совершается это проникновение, как стойко удерживают «лесные» районы характерные особенности своей керами-

²²⁸ Сведения фрагментарны, они получены из экспозиции АМ. С остальным материалом из раскопок А. Н. Липского на станции Минусинск ознакомиться не удалось.

ки. Видимо, дело здесь совсем не в географических препятствиях, а в обособленности отдельных этнических групп населения. Обратное явление — проникновение «лесных» элементов в «степные» могильники — наблюдается гораздо реже, но и такие случаи есть: например, появление двух сосудов с жемчужником в Откнином улусе, где еще с IX—VIII вв. до н. э. существовал чисто «степной» могильник, оставаясь таким еще в конце VII — начале VI в. до н. э. Словом, слияние двух типов керамики в единую тагарскую в VI в. до н. э. окончательно завершено, и процесс этот может рассматриваться в основном как расширение ареала «степной» керамики, распространение ее на прежние «лесные» территории. Бывает даже, что «лесные» и «степные» элементы орнамента встречаются на одном и том же сосуде: гребенчатый штамп сочетается со штампованными зубчатыми треугольниками андроновского типа (табл. 45, 1—3); жемчужник — с горизонтальными нарезными зигзагами (табл. 45, 5, 6); может быть, к VI в. до н. э., если не к концу VII, относится фрагмент крупного баночного сосуда (диаметром 37 см), украшенного широкими желобками, поверх которых помещен ряд больших «жемчужин» (табл. 45, 7); то же сочетание встречено на другом сосуде (табл. 45, 8). Заметим, однако, что такое сочетание «степных» и «лесных» элементов встречается иногда уже на некоторых позднеандроновских сосудах (Алексеевское и Садчиковское) и характерно для ирменской культуры (ср. на табл. 45, 1—4 с 10, 12, а 5, 6 — с 9, 13). Быть может, и в Минусинской котловине уже в андроновскую эпоху в некоторых районах наблюдается такое слияние «степных» и «лесных» типов орнамента. В частности, можно предположить такое явление на правобережье Енисея, на Сыде и отчасти на Тубе, откуда и происходит большинство тагарских сосудов со «смешанными» орнаментами (Усть-Сыда, Сыда, Кочергино, Тесь). В этом районе теперь, действительно, открыты андроновские памятники (экспедицией М. П. Грязнова, 1962 г.); к сожалению, их материал остался мне неизвестен. Форма бортика, как и прежде, соответствует орнаменту. Появляются сосуды со скругленным и загнутым внутрь краем (табл. 40, 17). Они становятся самым распространенным типом в V в. до н. э.

Небаночные сосуды в VI в. до н. э. очень малочисленны. Как и прежде, они типичны для «степных» могильников. Но теперь из этого правила есть и исключения: они встречены, например, в «лесных» могильниках Сыда и Усть-Тесь, причем в последнем подавляющее большинство банок — как раз «лесные». Из прежних форм сохраняются округлые горшки с низким горлом (табл. 42, 6), кубки, у одного из которых очень высокий поддон (табл. 42, 11). Встречен остросеберный сосудик, верхний край которого также срезан наискось; в отличие от остросеберных сосудиков VII—VI вв. до н. э., он без поддона и более приземист (табл. 42, 3). В числе находок — круглодонный сосудик со сдавленным верхом (табл. 42, 1). Такие встречались в дотагарское время. Отсутствие их в могильниках конца VII — начала VI в. до н. э., по-видимому, — случайность.

Дважды встречены округлые розовые сосудики с невысокими шейками и поддонами. Один из них (табл. 42, 7) опоясан в самой широкой части желобком; тулово другого (табл. 42, 9) сплошь украшено широкими вертикальными желобками-каннелюрами, чрезвычайно редкими на тагарской керамике. Мне известен только еще один сосудик (табл. 42, 10), тоже на поддоне и, может быть, подобной же формы (верхняя часть его не сохранилась), орнаментированный вертикальными, но более узкими желобками. Найден маленький округлый сосуд с отогнутой наружу шейкой, очень похожий на карасукский, но со вмятым дном. Это какой-то пережиток карасукской керамики (табл. 42, 2).

Многие старые формы исчезли: остросеберные стройные сосудики на поддонах; банки андроновского профиля; сосуды с подтреугольными

налепными ручками: округлые сосуды на невысоких поддонах с налепами-«сосочками»; банки с одним очень широким желобком (около 2 см) у верхнего края, т. е. те сосуды, которые обычно имели розовый цвет благодаря обжигу в окислительной среде. Таким образом, формы и цвет тагарской керамики в VI в. до н. э., по сравнению с VII — началом VI в. до н. э., делаются гораздо однообразнее: число розовых сосудов очень сокращается; почти все сосуды теперь черные и темно-серые. Но говорить о резком обеднении орнамента в VI в. до н. э. нельзя. Он еще достаточно разнообразен, и число орнаментированных сосудов еще велико (107 сосудов с орнаментом из 168 целых и в обломках, по которым это можно установить, т. е. 63,6%), хотя по сравнению с керамикой предтагарского времени замечается обеднение «лесных» орнаментов.

Среди плоских продолжают встречаться сосуды с косо срезанным или обитым краем — 4 (табл. 40, 14), из них у двух край именно срезан, т. е. «кособокость» — следствие сознательного изготовления. В одном случае плоска изготовлена из нижней части не банки, а какого-то круглодонного сосуда²²⁹, а в двух — из боковых стенок сосудов, так что плоски тоже получились круглодонными (табл. 40, 15, 16).

Такова керамика VII и VI вв. до н. э. Необходимо рассмотреть происхождение некоторых форм, характерных для этого периода и неизвестных в более ранних памятниках. Черный лощеный сферический сосуд с невысокой шейкой, с нарезкой «елочкой» по плечикам (из детского погребения в кургане 1 Откнина улуса, раскопанного Г. Мергартом) по форме напоминает карасукские, но его орнамент не характерен для карасукской культуры (мне известен лишь один карасукский сосуд с подобным орнаментом). Точная аналогия ему есть в Северном Казахстане²³⁰. Округлый оранжево-желтый сосудик с вертикальными подтреугольными плоскими ручками, с круглыми небольшими отверстиями в них точных аналогий не имеет, но форма ручек идентична ручке какого-то несохранившегося сосуда из могильника Бегазы (Центральный Казахстан)²³¹. Очень близкой формы ручки и у сосуда из Кунгайского могильника в Фергане²³². Округлые сосуды с невысокими шейками и поддонами, с налепными «сосочками» по тулову (табл. 41, 1, 2, табл. 43, 15) заставляют вспомнить сосуд подобной же формы, но без поддона, с такими же «сосочками» из Дандыбая в Центральном Казахстане (табл. 43, 27), а также обломок сосуда с поселения Ирмень южнее Новосибирска (андроновский или ирменский слой) и Алексеевского (табл. 43, 28, 29). Для керамики типа Дандыбай — Бегазы в Центральном Казахстане характерно сочетание андроновских черт и черт, присущих культурам так называемого карасукского круга. В керамике Алексеевского поселения также есть черты, отличающие ее от андроновской (округлость сосудов и др.), что дало повод М. П. Грязнову включить это поселение в число памятников карасукского типа²³³. То же сочетание андроновских и карасукских черт характерно и для рассматриваемых раннетагарских сосудов VII — начала VI в. до н. э. Это относится к двум плоскодонным сосудам, близким к банкам, у которых стенки плавно суживаются кверху, а у дна — перехват (табл. 41, 3, 4). Форма близка андроновским, но те никогда не суживаются кверху; это особенность сосудов карасукского типа, круглодонных и плоскодонных, и встречается в предтагарское время (сосуд в форме бадейки из Абакана, «стаканчик» из могильника Капчалы, сосуд с круглым дном оттуда

²²⁹ Усть-Тесь, курган 4, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ММ).

²³⁰ Соколовка I (К. А. Акишев, 1959, стр. 28, табл. III, 2, 3), VII—VI вв. до н. э.

²³¹ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, 1950, стр. 131, рис. 41. Ручка издана в перевернутом виде.

²³² Н. Г. Горбунова, 1961, стр. 178, рис. 6, 14.

²³³ М. П. Грязнов, 1956, стр. 37.

же и пр.). Мы уже говорили о том, что острорезерные сосудики на поддонах (табл. 41, 5, 6) напоминают андроновские формы. Сюда же относятся еще два розовых сосуда, у которых намечается ребро, но тулово более округлое (табл. 41, 3, 7). Здесь — сочетание андроновских черт (острорезерность) с чертами культур карасукского круга (округлость стенок, поддон). Открытые кубки на довольно высоких конических поддонах, появившиеся еще в дотагарское время и свойственные тагарской культуре VII—VI вв. до н. э., хотя и отличаются от кубков из Дандыбая²³⁴ отсутствием шейки и большим диаметром поддона, все же ближе всего к ним и к кубкам из могильника Тагискен в низовьях Сыр-Дарьи²³⁵ VIII—VII вв. до н. э. На кубке из Тагискена такие же желобки, как на многих тагарских, а на одном из тагарских (табл. 42, 11) — орнамент — группы из трех «жемчужин», как на другом сосуде из Тагискена, округлом, без поддона²³⁶, только эти «жемчужины» напленные, а на тагарском — выдавлены изнутри. Сосуд из Копьевой (табл. 42, 5) — явно местная обработка какой-то совершенно чужой формы. Ближе всего она к одной из форм архаической античной керамики Хорезма, которая, по данным М. Г. Воробьевой, появляется скорее в V, чем в VI в. до н. э.²³⁷ Для архаических античных сосудов Хорезма очень характерны желобки в верхней части тулова, как на рассматриваемом тагарском. Архаическая хорезмийская керамика встречена и в могильнике Тагискен²³⁸ и, видимо, была хорошо знакома носителям культуры Тагискен, а скорее всего и другим среднеазиатским племенам. Вторая форма, несколько менее сходная, — это сосуды из курганов «с усами» в Центральном Казахстане, появляющиеся в VII—VI вв. до н. э. и бытующие несколько веков²³⁹. Выбирать между этими двумя районами трудно, но интересно, что снова аналогии ведут в Центральный Казахстан и низовья Сыр-Дарьи. Отметим, что отделка поверхности и тесто сосудов обоих этих районов совершенно другие, чем у тагарских. Эта чуждая форма была изготовлена тагарским мастером с применением всех технических приемов изготовления тагарской керамики.

Мы уже говорили о горшках с раздутым туловом и небольшой шейкой, самую широкую часть тулова которых опоясывают один или несколько желобков (табл. 41, 9, 14). Кроме андроновской керамики, которой свойственны такие желобки, они характерны также для недавно открытых в Тагискене сосудов с сильно раздутым туловом, небольшим плоским дном и узкой шейкой, изготовленных уже на кругу²⁴⁰. Трудно сказать что-либо о происхождении этой формы в Хорезме, здесь не исключено взаимное влияние друг на друга форм «античных» и андронидно-бегазинских, «варварских». Но при рассмотрении типов раннетагарской керамики и эту аналогию следует иметь в виду. Красно-розовый и оранжевый цвет, характерный для очень многих раннетагарских «особенных» форм, характерен также и для многих дандыбай-бегазинских и тагискенских сосудов.

Другая группа аналогий этим раннетагарским формам находится в андроновской керамике, но также из Казахстана. Например, округлый «бочонок», который с одного бока выше, чем с другого, и верхняя часть

²³⁴ М. П. Грязнов, 1952, стр. 137, рис. 5, 12.

²³⁵ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, 1963, стр. 41, рис. 16.

²³⁶ С. П. Толстов, 1962а, стр. 136, рис. 1 (внизу справа).

²³⁷ М. Г. Воробьева, 1959, таблица-вклейка, рис. 23 в разделе «Архаическая керамика»; стр. 77, рис. 6.

²³⁸ С. П. Толстов, 1962а, стр. 136, рис. 11, большой сосуд; он же, 1962, стр. 85—86.

²³⁹ М. К. Кадырбаев, 1959, стр. 191—192, табл. 1.

²⁴⁰ С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, 1963, стр. 91, рис. 16 (справа).

которого украшена желобками (табл. 42, 4), — форма, появившаяся еще в предтагарское время на Кокоревском этапе (Джесос), имеет точную аналогию в андроновском могильнике Былкылдак в Центральном Казахстане. «Кривобокость» вообще очень характерна для тагарской керамики VII и VI вв. до н. э.: для банок, горшков с раздутым туловом и невысокой шейкой (табл. 41, 14), кубков (табл. 42, 12), округлых сосудиков со скругленным ребром (табл. 42, 3), плошек. Если можно предположить, что кривобокость банок и горшков — следствие неправильного уплощения дна, то для кубков на поддонах это объяснение не годится. Как и у плошек, у некоторых из них верхний край иногда срезался наискось. Следует предположить, что все эти раннетагарские сосуды сознательно изготовлялись так, чтобы один бок был выше другого. Подобное же явление известно и в андроновской культуре Центрального Казахстана и в других культурах западнее Минусинской котловины, например в ирменской²⁴¹, в карасукской и большереченской лесного Алтая²⁴². Быть может, при таком срезе из сосуда легче выливать жидкость. На такую мысль наводит, в частности, тагарская банка V—IV вв. до н. э., у которой с той стороны, где сосуд выше, сделан небольшой открытый носик²⁴³, как у современных подойников. Косо срезанные горлышки, где носик помещен с того края, где горло выше, известны у кувшинов эпохи бронзы из Ирана и особенно из Малой Азии²⁴⁴.

Но, может быть, косо срезанный край тагарских банок и не имеет практического смысла. Это можно предположить, сопоставив срез края с направлением лощения на многих тагарских и других сосудах VI в. до н. э.: полосы лощения также направлены вкось, снизу вверх²⁴⁵. Вспомним полосы орнамента на кубках из Дандыбая и на сосуде из Сангуыра, также обвивающие сосуд по спирали, слева вверх направо²⁴⁶. Можно рассматривать направление лощения и среза края как излюбленный, традиционный прием обработки, оформления вещи, будь то орнамент, лощение или срез края. Вспомним имитацию шнура, обвивающего ручки карасукских и предтагарских ножей и стержни удил, также «обвитые» по косо́й спирали. Возможно, косая спираль — прием оформления вещей, свойственный культурам «карасукского круга», в широком смысле слова и родственным им. В Минусинской котловине в карасукское время косо срезанный верхний край сосуда встречен на банке с перехватом из Лугавского могильника, но ни косо направленных полос лощения, ни косо обвивающего сосуд орнамента в эту эпоху здесь нет. И поскольку другие особенности рассматриваемой группы раннетагарской керамики находят аналогии в Средней Азии и Казахстане, можно думать, что и эта особенность объясняется заимствованием с запада.

Тагарские плошки можно рассматривать как стремление использовать оставшуюся нижнюю часть разбитой банки. Но характерно, что в других культурах, где выделялись банки, плошек нет. Исключение составляет андроновская, где плошки встречаются, хотя и в небольшом количестве (например, могильник Увак в Оренбургской области и Бе-

²⁴¹ М. П. Грязнов, 1956, стр. 35, рис. 10, 4, 6, 9.

²⁴² Там же, табл. V, 28; табл. X, 3; табл. XIII, 3, 4.

²⁴³ Малая Иня, курган 4. Раскопки А. В. Адрианова, 1896 г. (архив ЛОИА, д. № 64, 1896 г., л. 10).

²⁴⁴ Например: С. Schaeffer, 1948, fig. 162, 2; 163, 4; 171, 1; 172, 4; 173, 9; 175, 1; 176, 1; 182, 8, 17, 20, 23; 191, 6, 238, 15.

²⁴⁵ Например, банки из кургана у Сарагашинского озера (1923 г., ГЭ 4130-1), плошка из Ярков, могила 25 (1926 г., ГЭ 4587/1); кубок из кургана 2 у Подгорного озера (1930 г., ГЭ 5138/59) — все три из раскопок С. А. Теплоухова, горшок из кургана 5 у деревни Бузуновой (раскопки С. И. Руденко, 1920 г., МИМК ТГУ 6280-50).

²⁴⁶ М. П. Грязнов, 1952, стр. 137, рис. 5, 1, 2; АКА, табл. VI, 79.

логорский могильник на Бузулуке)²⁴⁷. Создается впечатление, что эти плошки изготовляли в подражание другим сосудам, не свойственным ни тагарской, ни андроновской культуре, для чего и использовали разбитые сосуды. Специально же изготовленные низкие «блюдца» свойственны культурам «карасукского круга» и родственным им (Маньчжурия²⁴⁸, Алтай²⁴⁹, Центральный Казахстан²⁵⁰, Туркмения²⁵¹, Северный Ирак²⁵²). В Минусинской же котловине в карасукскую эпоху такие сосуды неизвестны, как и многие другие сосуды культур «карасукского круга». В сакских культурах Казахстана и Средней Азии такие плошки сохраняются и в VI в. до н. э. и в более позднее время. Очевидно, и эта тагарская форма имеет западные корни.

Итак, в VII—VI вв. до н. э. в тагарской керамике, кроме наиболее характерных для нее форм — банок и плошек, — отмечена целая группа сосудов «особенных» форм, обычно розоватого, красноватого или оранжевого цветов. Основные детали этих форм указывают на происхождение из Средней Азии или Центрального Казахстана и последующую обработку в тагарской среде.

Андроновская же и другая центральноказахстанская и среднеазиатская керамика является источником происхождения основных элементов орнаментов «степной» группы тагарской керамики: широких и узких желобков, треугольного штампа, нарезной «елочки» (см. табл. 43, 16—24). Эти виды орнамента есть уже на керамике предтагарского времени. Из новых видов, пока неизвестных до VII—VI вв. до н. э., следует отметить треугольники, образованные каплевидными ямками (табл. 43, 4, 5), — типичный андроновский орнамент (табл. 43, 20, 21) — и зигзаги из широких желобков (табл. 43, 9), не находящие пока аналогий. Другая группа «степных» орнаментов связана, по-видимому, с карасукской культурой: группы из каплевидных ямок или насечек (табл. 45, 14—16), чередующиеся с пустыми промежутками, и уникальный орнамент на банке из Норилкова улуса (табл. 43, 14). Широкие желобки в верхней части сосуда, полоса орнамента по нижней части стенок, у дна, — типичнейшая особенность андроновской керамики (табл. 43, 18), отсутствующая в других культурах. Но средняя часть сосуда украшена карасукской композицией: зигзаги, в которые упираются другие зигзаги (ср., например, с карасукским орнаментом — табл. 43, 26). На дне сосуда — вмятина от кружка-подставки, на котором он изготовлен — типичная особенность андроновской керамики. Таким образом, на этом сосуде сочетаются андроновские и карасукские элементы отделки.

Третья группа степных орнаментов не свойственна ни андроновской, ни карасукской керамике Минусинской котловины, но свойственна посуде, сочетающей андроновские и близкие карасукским черты, и характерной для Восточного и Центрального Казахстана и низовьев Сыр-Дарьи в VIII—VII вв. до н. э. Это налепы-«сосочки» и группы из трех выпуклостей (табл. 41, 1, 2; табл. 42, 11), появляющиеся на тагарской керамике не ранее VII в. до н. э. и, по-видимому, принесенные из Казах-

²⁴⁷ Раскопки Э. А. Федоровой-Давыдовой, 1960 г., курган 15, погребение 12. Плошка из нижней части андроновского сосуда, у которого срезан верх. Сохранилась нижняя часть орнамента — треугольники. Фотография сосуда демонстрировалась Э. А. Федоровой-Давыдовой на сессии Института археологии в 1961 г. В Белогорском могильнике в кургане 2, по сообщению Э. А. Федоровой-Давыдовой, в 1958 г. найдена плошка — дно сосуда.

²⁴⁸ Могильник Тужэнцзы (КС № 15, весна 1957 г., табл., фото 4); поселение Хуншаньхоу (N E g a m i, S. M i z u n o, 1938, fig. 26; XXV, 19—21, 80, 82, 83).

²⁴⁹ Ближние Елбаны IV, могильник (М. П. Г р я з н о в, 1956, табл. VI, 10).

²⁵⁰ Бегазы, ограда 5 (раскопки А. Х. Маргулана, 1952 г., ИИАЭ, шифр: ЦКЭ-52/39).

²⁵¹ Тахирбай 3, Яз-депе I (В. М. М а с с о н, 1959, табл. VII, 8; IX, 5; XXIII, 7; XXVI, 7; XXVII, 3).

²⁵² Шах-тепе III (Т. J. A g n e, 1945, Pl. XXIII, 181).

стана или Средней Азии вместе с формами сосудов, для которых они характерны. Вероятно, к этой же группе относится и наклепная спираль-волна с наклепными шишечками.

Новые композиции появляются в VII—VI вв. до н. э. и среди «лесных» орнаментов. Возможно, что они существовали и в дотагарское время, но стали известны лишь теперь, так как керамики этой эпохи найдено значительно больше, чем предшествующей. Это «жемчужины», разделенные овальными, каплевидными или треугольными ямками (табл. 44, 11, 12) или косыми полосами гребенчатого штампа (табл. 40, 12), или сложные композиции — полосы, ромбы, составленные из гребенчатого штампа (табл. 44, 3). Уже говорилось о лугавском происхождении «лесного» тагарского орнамента. Но надо учитывать и несколько иную линию связей. Перечисленные выше орнаментальные композиции очень характерны для большеереченской культуры лесного Алтая (VII—VI вв. до н. э.)²⁵³ и для керамики одного из слоев городища Басандайка (V—IV вв. до н. э., табл. 44, 16—20, 22). Более ранняя керамика такого типа в районе Томска пока неизвестна, и поэтому можно скорее предполагать, что сюда керамика этого типа проникла либо из Минусинской котловины, либо из лесного Алтая. Иное дело большеереченская алтайская керамика, синхронная раннетагарской. Здесь можно предположить какие-то двусторонние связи. Да и формы алтайской баночной керамики — сосуды с округлыми плечами, резко суженные в нижней части, — очень близки «лесной» разновидности раннетагарских²⁵⁴. Большеереченская керамика отличается от тагарской более светлым цветом (она серая и коричневатая, черных сосудов нет), отсутствием лощения, менее правильными формами и вообще небрежностью изготовления. Отсутствуют на ней широкие желобки и другие виды орнамента, столь характерные для «степной» разновидности тагарской керамики. По-видимому, связи эти касались только лесного населения.

Изучив тагарскую керамику VII—VI вв. до н. э., можно сделать следующие выводы:

1) самая характерная форма раннетагарской керамики — банка — это синтез древних лугавских параболоидных сосудов и андроновских банок, и выработана она в результате длительного взаимодействия этих двух культур; 2) орнамент тагарской керамики также двойного — андроновского и лугавского происхождения; в предтагарское время эти орнаменты встречаются на четко разграниченных территориях; 3) в течение VII в. и в особенности в VI в. границы этих территорий становятся все менее четкими, «степной» тип орнамента все более и более завоевывает лесные территории; обратный процесс — проникновение «лесных» орнаментов на степные территории — гораздо менее ощутим; 4) в VII и начале VI в. до н. э. в Минусинской котловине появляются новые типы «степной» керамики, указывающие на связи с Центральным Казахстаном и Средней Азией; формы эти немногочисленны и к концу VI в. до н. э. исчезают, как и сопутствующие им орнаменты; 5) «лесная» разновидность тагарской керамики VII—VI вв. до н. э. обнаруживает связи с большеереченской культурой лесного Алтая; 6) к VI в. до н. э. в результате взаимного проникновения «степного» и «лесного» населения на территории друг друга и, может быть, уменьшения части «лесного» населения складывается однородная тагарская керамика. Сохраняется небольшое число форм; господствуют банки; появившиеся в VII в. до н. э. новые формы сосудов быстро исчезают; от карасукских форм и орнаментов также остаются лишь самые слабые следы. Этот процесс — часть процесса сложения однородного комплекса тагарской культуры, завершившегося в VI в. до н. э.

²⁵³ М. П. Грязнов, 1956, табл. X, 9; XIII, 9; IX, 26, 27.

²⁵⁴ Там же, табл. IX, 27; X, 3, 6; XII, 10; XIV, 13.

С V в. до н. э. вид тагарской керамики меняется. Хотя банки, кубки и плошки остаются, но их облик — пропорции, форма бортика и дна, отделка поверхности уже иные. Этот вид керамика сохраняет и в IV и даже в III в. до н. э. Сосуды V и IV вв. до н. э. так же трудно отличить друг от друга, как и сосуды VII и VI вв. до н. э. Поэтому памятники, которые не могут быть датированы точнее, чем V—IV вв. до н. э., рассматриваются в этом разделе.

Из 150 сосудов, относящихся к этому времени, банок — целых и в обломках — 104, т. е. $69 \pm 3,77\%$, а вместе с 32 плошками — 136, т. е. $90 \pm 2,47\%$. Небаночная керамика составляет 10%. По сравнению с VI в. до н. э. процент ее слегка увеличивается. Однако это происходит не за счет увеличения числа форм, а за счет лишь одной формы — кубков, которые с V в. до н. э. занимают важное место. Прочие небаночные формы единичны. Применяя критерий статистической значимости различий при сравнении банок VI и V вв. до н. э., получаем, что он равен 1, 3, если не учитывать плошки, и 0, 5, если включить их в группу баночной керамики. В обоих случаях критерий меньше 3, следовательно, уменьшение доли небаночной керамики в V в. до н. э. не значимо; соотношение форм тагарской керамики в VI и V вв. до н. э. следует считать одинаковым.

Пропорции банок меняются. В VI в. до н. э. банок, у которых диаметр верхнего края равен высоте, было больше 50%, теперь их 21 из 50 экземпляров. Банок, у которых диаметр верхнего края больше высоты, — 24 из 50, а тех, у которых диаметр верхнего края меньше высоты, — 5 из 50. Можно сделать вывод, что прежних единых пропорций больше не существует. То же в отношении размеров дна. Если в VI в. до н. э. почти у 50% сосудов диаметр дна был равен половине диаметра верхнего края, то теперь только у 8 из 42, поддающихся измерению, выдерживается эта пропорция, у 20 он меньше половины диаметра верхнего края, а у 14 — больше.

Банок с косо срезанным краем всего три. Значительно улучшается обжиг, и тесто, как правило, хорошо отмученное. Преобладающий цвет — серый и черный, но появляются банки розоватого цвета уже к рубежу V—IV вв. и в IV в. до н. э. (Большой Тесинский курган, Малая Иня, курган 5 и др.). Изменяется и форма верхнего края: скошенный наружу и скругленный край, типичный для VII—VI вв. до н. э., в V в. уже редкость. Он встречается на керамике самых ранних памятников в этой группе — видимо, начала V в. до н. э.²⁵⁵ Исчезают наплывы на внутренней стороне венчика («лесной» обрез края). Наиболее типичен теперь слегка загнутый внутрь и скругленный край. Он встречался еще в конце VI в. до н. э. (Абаканская управа II), но был очень редок. Появляется и новая форма верхнего края: самый конец его отогнут наружу и вверх²⁵⁶. Изменяется и дно. Если в VII—VI вв. до н. э. преобладало уплощенное дно, а плоское, вделанное отдельно, было, скорее, редкостью, то теперь это уплощенное дно сохраняется только у сосудов начала V в. до н. э., а для V—IV вв. до н. э. типично плоское срезанное дно.

Большинство сосудов V—IV вв. до н. э. лощеные, с резко заметными, густо расположенными полосами лощения, в то время как на прежних сосудах их рассмотреть трудно. Косое направление полос лощения, появившееся еще в VI в. до н. э., теперь делается обычным²⁵⁷. Наряду

²⁵⁵ Копьева, курган X; Кызыл-куль, курган 2; Усть-Тесь, курган 1.

²⁵⁶ Копьева, курган X — начало V в. до н. э.; Аешина, курган 9 — V в. до н. э.; Батени, курган III, могила 28 — V в. до н. э.; Сарагаш, могила 43 — IV в. до н. э.

²⁵⁷ Копьева, курган X; Тагарский остров, курган 35; Аешина, курган 9.

с ними встречаются вертикальные и горизонтальные полосы лощения. Горизонтальные, расположенные очень густо, особенно типичны для сосудов рубежа V—IV и IV в. до н. э. В V в. до н. э. часто встречаются банки, лощеные не только снаружи, но и внутри, чего не было на посуде предыдущего периода.

Банки V—IV вв. до н. э. бедны орнаментом. Обычно лишь на сосудах конца VI—начала V в. до н. э.²⁵⁸ встречаются прежние орнаменты: ряды широких желобков вдоль верхнего края, группы из вдавлений треугольного штампа, «жемчужины». Желобки только делаются более узкими и глубокими по сравнению с «классическими» VII—VI вв. до н. э. В керамике же собственно V и IV вв. до н. э. орнаментированные сосуды единичны. Дольше всего сохраняется жемчужник: он встречен и на сосудах IV в. до н. э. (Малая Иня, курган 5). Но «жемчужины» в V в. до н. э. стали мельче, чем в VII—VI вв.; выдавливали их очень тонкими палочками; иногда ямки от палочек на внутренней стороне сосуда замазаны²⁵⁹, чего не делали ранее. На одном сосуде «жемчужины» разделены косыми насечками, а на другом — косыми оттисками гребенчатого штампа²⁶⁰; обе композиции известны и на керамике VI в. до н. э. Сравнительно богато украшенный сосуд²⁶¹, орнамент которого относится к группе «смешанных» (ряды зубчатых оттисков треугольного штампа, разделенные полосами из гребенчатого штампа), — также пережиток VI в. до н. э. Другой сосуд из того же кургана украшен узкими желобками, прочерченными палочкой, изредка встречающимися на банках еще с предтагарского времени. Наконец, на одном сосуде вдоль самого края нанесен орнамент из длинных косо поставленных оттисков палочки с косой нарезкой (табл. 44, 14). Такой орнамент не известен на более ранних сосудах, но он, безусловно, входит в группу «лесных» и также относится к пережиточным формам VI в. до н. э.

Из небаночных сосудов самая частая форма — кубки на поддоне. Формы их по сравнению с прежними (VII—VI вв. до н. э.) сильно меняются: раньше чаша кубка была полушаровидной, теперь она яйцевидная. Высота ее (без поддона) равна теперь диаметру верхнего края или даже больше его (табл. 42, 17—19). Верхний край скруглен и загнут внутрь, как и у банок этой эпохи. Поддон стал гораздо ниже, и книзу он сильно расширяется (табл. 42, 19). Кубки теперь — это яйцевидные сосуды, к которым приделаны низкие поддоны. Возможно, это связано с тем, что их начали изготавливать в «лесных» районах (Малая Иня), где традиционную «лесную» яйцевидную форму приспособили и для кубка. Чувствуется, что форма кубка была новой и непривычной для этого района: один из них изготовлен крайне неумело, он резко асимметричен (табл. 42, 18). Второй выше с одной стороны, чем с другой, как баночные сосуды; но верхний край его имеет наплыв на внутренней стороне — типичнейший «лесной» признак (табл. 42, 20). Третий кубок — с невысоким, слегка отогнутым венчиком (табл. 42, 17). Кубки лощены. Направление лощения косое, горизонтальное и вертикальное. Орнамента нет.

Горшки с раздутыми боками, низким горлом и небольшим плоским дном встречены в трех экземплярах (табл. 42, 16). Один из них (Абаканская управа, курган 1) украшен по плечам узкими желобками, другие без орнамента. Третий сосуд — небаночный, архаичной формы: круглодонный со сдавленным верхом. Такие были распространены еще в предтагарское время на Ильинском этапе (Салбык, Капчалы). В па-

²⁵⁸ Усть-Тесь, курган 1; Копьева, курган X; Кызыл-куль, курганы 2 и 5.

²⁵⁹ Большой Тесинский курган, раскопки С. В. Киселева, 1928 г. (ГЭ 1252/55).

²⁶⁰ Минусинск, Вокзальная улица, раскопки В. П. Левашевой, 1938 г. (ММ 12551); Абаканская управа, курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1899 г. (ММ 10953).

²⁶¹ Усть-Сыда, курган 5, раскопки С. В. Киселева, 1929 г. (ММ 11633).

мятников VII—VI вв. до н. э. эта форма не встречалась. Если только сосуд не попал в курган случайно, это может свидетельствовать о большой архаичности керамики всего района. Орнамент — три ряда косых оттисков рубчатой палочки — типичный лугавский, также достаточно архаичный.

Последний из «особенных» сосудов близок к баночному, верх его косо срезан; у него короткий открытый носик-слив²⁶², что делает его уникальным.

В V—IV вв. до н. э. продолжают бытовать плошки из нижней части банок. Верхний край двух из них (табл. 40, 22) нарочито срезан наискось; в одном случае срез идет вкось, параллельно полосам лощения. Наличие таких плошек косвенно доказывает существование в V в. до н. э. и банок с косым срезом верхнего края. Одна плошка не из нижней части банки, а изготовлена специально (табл. 42, 21).

Итак, керамика V в. до н. э. обнаруживает две тенденции. Первая — сохранение основных типов тагарских сосудов (банок, плошек и некоторых других форм); сохранение некоторых тагарских орнаментов более ранней эпохи (особенно в начале V в. до н. э.) говорит о непрерывности развития тагарской керамики. Но наблюдается и тенденция к изменению ее облика: пропорций банок и кубков, формы верхнего края и дна сосудов (что свидетельствует и о переменах в технике изготовления), способа лощения и, наконец, цвета ряда сосудов. Объяснить все эти изменения одной эволюцией керамики трудно, особенно когда обнаружились столь явные доказательства консервативности ее в ряде районов Минусинской котловины. Соблазнительно было бы попытаться поставить изменение тагарской керамики в V в. до н. э. в связь с появлением тогда же в Минусинской котловине «алтайского» звериного стиля и некоторых новых типов оружия, бронзовых котлов и зеркал, указывающих на связи с Алтаем и Восточным Казахстаном, а также с новыми чертами в погребальном обряде в V в. до н. э. (замена индивидуальных могил коллективными). Однако если источник происхождения перечисленных выше предметов, появившихся в Минусинской котловине в V в. до н. э., довольно ясен, то о керамике этого пока сказать нельзя. Здесь не появляются сосуды, типичные для Восточного Казахстана и Семиречья: кувшины с высоким горлом, грушевидные сосуды с боковыми ручками и без них, горшковидные особые типы и, напротив, — керамики, напоминающей тагарские банки и кубки V в. до н. э., в названных районах, как будто, нет. Слабый отзвук влияния Алтая V в. до н. э. можно, впрочем, видеть в появлении на некоторых тагарских сосудах V—IV вв. до н. э. отогнутого венчика (см. выше, стр. 206), характерного для Башадарских курганов²⁶³, но по форме алтайские сосуды при этом сильно отличаются от тагарских. Второй отзвук алтайского и, может быть, восточноказахстанского влияния — появление специально изготовленных плошек. Такие плошки известны в горном Алтае (Туэкта)²⁶⁴ и в лесном (Ближние Елбаны I, по М. П. Грязнову, — III—I вв. до н. э.)²⁶⁵, а также в Казахстане в сакское время (Беркаринский могильник)²⁶⁶. Но такие плошки для тагарской культуры чрезвычайная редкость. В тагарской керамике V в. до н. э. гораздо больше, чем в металлических изделиях, чувствуется преемственность от предшествующей эпохи. Объяснить это можно двояко: либо новый облик тагарских сосудов восходит к какой-то неизвестной пока нам культуре из районов, более близких к Минусинской котловине, чем Во-

²⁶² Малая Иня, курган 4, раскопки А. В. Адрианова, 1896 г. (архив ЛОИА, д. 64 1896 г., л. 10, рис. 5).

²⁶³ С. И. Руденко, 1960, стр. 64, рис. 40; стр. 65, рис. 41.

²⁶⁴ Раскопки С. В. Киселева (ГИМ).

²⁶⁵ М. П. Грязнов, 1956, табл. XXV, 1.

²⁶⁶ Г. Г. Бабанская, 1956, стр. 199, табл. V, 2.

сточный Казахстан и Алтай, — культуре, которая была промежуточным звеном между культурами этих двух территорий; либо при движении в Минусинскую котловину восточноказахстанские или алтайские племена принесли с собой и керамику, но поскольку у этих кочевых племен ее было очень мало (что особенно бросается в глаза при знакомстве с памятниками горного Алтая), то она и не оказала заметного влияния на тагарскую, а, напротив, сами пришельцы восприняли тагарскую керамику.

Остается сказать немного о керамике тагарских поселений, которые в Минусинской котловине до настоящего времени почти не исследованы. Раскопки велись лишь на поселении Ярки близ села Батени (С. А. Теплоухов, 1925 г.), на поселении Обьюл, близ деревни Ивановка на реке Обьюл (Шарыповский район Красноярского края)²⁶⁷ и близ села Батени²⁶⁸. Прочие известны лишь по сборам. В тагарском слое поселения Обьюл встречены обломки банок, бронзовое шило с шейкой и шляпкой, трапециевидный оселок, два костяных наконечника стрел и некоторые другие костяные изделия и заготовки. Подробно поселение описано в специальной работе²⁶⁹. Среди находок нет сосудов с сильно утолщенным, скошенным наружу венчиком и скругленным краем, характерных для тагарской керамики VII—VI вв. до н. э. Венчики здесь со слабо утолщенным, скошенным наружу или прямым краем, с простым закругленным и с краем, даже чуть загнутым внутрь, что позволяет говорить скорее о VI—V вв. до н. э. Вся керамика черная, лощеная, как и в курганах.

Расположенное в нескольких километрах от Обьюла поселение Нижний Ошколь²⁷⁰, напротив, содержит керамику с утолщенными прямыми или скошенными наружу и скругленными бортиками VII—VI вв. до н. э.

Столь же ранняя тагарская керамика происходит с поселения Ярки²⁷¹. Найденное здесь обычное четырехгранное шило с грибовидной шляпкой и шейкой²⁷² вполне подтверждает дату керамики. Посуда — серая и черная, без орнамента или с широкими желобками. Очень интересно, что на этой же стоянке найдены серые, желтоватые и черные черепки с такими же широкими желобками и дополнительным орнаментом — косыми оттисками палочки, в одном случае образующими «сетку», т. е. орнаментами лугавского типа и с узорами в виде «елочки», нанесенной гребенчатым штампом²⁷³. Такие широкие желобки вообще свойственны андроновской керамике, но для лугавской они не характерны. Возможно, что здесь — то самое влияние андроновской керамики на лугавскую, приведшее к сложению керамики тагарской, о котором неоднократно уже говорилось. К сожалению, трудно назвать абсолютную дату сосудов, ибо культурный слой стоянки, кроме тагарской керамики и перечисленных черепков, содержит еще и «классические» андроновские, стратиграфические наблюдения отсутствуют, датирующих вещей нет. То же сочетание лугавского штампа-палочки, образующего по венчику «сетку», с широкими желобками тагарского типа встречено на черепке со стоянки Шушь, где есть и обычная лугавская и архаическая тагарская керамика с сильно утолщенным и скошенным наружу бортиком²⁷⁴.

Раннетагарскую керамику VII—VI вв. до н. э. содержит также дюнная стоянка у села Анаш (где найден обломок тагарского костяного

²⁶⁷ Раскопки Н. Л. Членовой, 1957 г. (ГИМ).

²⁶⁸ Раскопки М. П. Грязнова, 1958 г. Материалы из раскопок Красноярской экспедиции в данной работе не используются.

²⁶⁹ Н. Л. Членова, сб. «Археология Сибири», № 3, Новосибирск (в печати).

²⁷⁰ Сборы Н. Л. Членовой, 1957 г. (ГИМ).

²⁷¹ ГЭ 4340-13 (фрагменты трех венчиков) и МИМК ТГУ 6261-605 (фрагмент венчика).

²⁷² МИМК ТГУ 6263-419.

²⁷³ ГЭ 4340-9 (фрагменты четырех венчиков) и ГЭ 4340-9 (фрагменты двух сосудов).

²⁷⁴ КМ 122-319, 122-314, 122-316.

гребешка)²⁷⁵. Крупный черепок со скошенным наружу и скругленным краем отличается от керамики из погребений только худшей выделкой и лощением; фрагмент этот — со сверлиной, доказывающей, что починенные сосуды употреблялись в быту. Фрагмент сосуда с утолщенным и скругленным бортиком и широким желобком найден в Койбальской степи²⁷⁶, на стоянке Сорок озер, содержащей карасукскую керамику. Фрагменты нескольких архаических сосудов того же типа встречены на стоянке Джесево озеро близ Минусинска²⁷⁷. На стоянке Борки близ деревни Смирновка в Койбальской степи найден черепок с четырьмя горизонтальными желобками у верхнего края и двумя отходящими от них вниз косыми желобками; он принадлежал, судя по профилю, сосуду с округлым туловом и круглым дном, какие иногда встречаются среди архаической тагарской керамики, или маленькой, сильно профилированной банке²⁷⁸.

Керамика VI и V вв. до н. э. известна со стоянки на южном склоне Полосатой горы близ Тагарского озера: фрагменты неорнаментированного лощеного сосуда со скошенным наружу, но не утолщенным венчиком и одного или нескольких сосудов с орнаментом лугавского типа — несколько рядов сильно наклоненных оттисков четырехгранной палочки с гребенчатой нарезкой и ромбов, составленных из таких же оттисков²⁷⁹. Эти орнаментированные горшки могут относиться либо к лугавской, либо к тагарской эпохе: фрагменты слишком малы, и судить о форме сосудов нельзя. На стоянке у деревни Казанцевой, на левом берегу реки Ои, обнаружены венчики сосудов VI—V вв. до н. э. с довольно узкими желобками тагарского типа, характерными для этого времени, с мелким жемчужником и обломки стенок с лугавским орнаментом²⁸⁰.

На стоянке у деревни Быстрой обнаружены мелкие обломки венчика и стенок, по-видимому, одного сосуда, скорее всего V в. до н. э., со слегка загнутым внутрь краем и орнаментом из мелких «жемчужин», разделенных круглыми ямками²⁸¹. Канальцы этих жемчужин очень тонкие и некоторые из них замазаны изнутри, как свойственно керамике этого времени. У деревни Улазы на Енисее, на стоянке, содержащей керамику разных эпох, найден фрагмент банки также с загнутым внутрь краем и рядом мелких «жемчужин», по-видимому, также V в. до н. э.²⁸²

Такова известная мне керамика тагарских поселений²⁸³. Она в целом почти не отличается от найденной в курганах. Это позволяет думать, что в могилы ставилась обычная посуда, употреблявшаяся в быту, а не изготовленная специально для погребений. Фрагменты сосудов со стоянок подтверждают вывод о сравнительной однородности тагарской керамики, сделанный на основании изучения посуды из курганов.

²⁷⁵ МАЭ 252-413 (фрагменты двух венчиков) и МАЭ 252-409 (гребешок).

²⁷⁶ КМ 98-1.

²⁷⁷ Сборы Ф. П. Кравченко и С. Р. Цыганкова, 1926 г. (ММ, без инвентарного номера); сборы Ф. П. Кравченко и В. П. Левашевой, 1930 г. (ММ 12082).

²⁷⁸ МИМК ТГУ 6264-278.

²⁷⁹ Сборы Ф. П. Кравченко, 1932 г. (ММ 12384 и ММ 12388, ММ 12389, ММ 1290).

²⁸⁰ Сборы сотрудников КМ, 1920 г. (КМ 122/572, 586, 582).

²⁸¹ Сборы В. П. Левашевой, 1933 г. (ММ, без инвентарного номера, с подробной этикеткой).

²⁸² Сборы С. А. Теплоухова (ГЭ 4110-43).

²⁸³ Мне неизвестно, где хранятся материалы с тагарских поселений Усть-Ерба, Тесь, Кривая, Абаканское и Качулька, открытых С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой и упомянутых у С. В. Киселева (С. В. Киселев, 1949, стр. 146, 148).

Заключение

Рассмотрение инвентаря тагарских памятников VII—V вв. до н. э. позволяет сделать некоторые общие выводы о происхождении тагарской культуры. Этнически она не была связана с карасукской. Это доказывается отсутствием генетической связи между карасукской и тагарской керамикой, украшениями, обрядом погребения, т. е. теми категориями, которыми принято определять этническую принадлежность культуры. Многие тагарские орудия и предметы обихода также не могут быть выведены из карасукских или из культур «карасукского круга» (бронзовые прямые ножи с невыделенной ручкой, втульчатые наконечники стрел и т. п.). По всем тем линиям, где тагарская культура не обнаруживает связи с карасукской, наблюдается связь с культурами лугавской и андроновской: основной тип тагарской керамики — банка — форма, промежуточная между лугавскими параболоидными сосудами и андроновскими банками, выработанная в результате длительного контакта между носителями названных культур; орнаменты тагарской керамики либо лугавского, либо андроновского происхождения; располагаясь вначале на разных территориях, зоны «андроновской» и «лугавской» орнаментики тагарских сосудов постепенно смешиваются, сливаясь в течение VI в. до н. э. в единую зону тагарской керамики. Тагарские украшения либо лугавского происхождения (подвески из клыков кабарги), либо андроновского (полушарные бляшки из тонкого бронзового листка с точками по краю; бронзовые пронизки из такого же листка, простые и рубчатые; складка украшений золотой фольгой), либо совершенно новые: бронзовые пластинчатые головные венчики; серьги с конусом. Карасукские прототипы имеют биконические бусы (но и те в большинстве не литые, как карасукские, а из бронзового листка, как все андроновские украшения) и цилиндрические бусы из аргиллита (но они могли быть принесены из Средней Азии). Наконец, прямые бронзовые ножи с невыделенной ручкой и отверстием в ее верхней части связываются с подобными ножами, распространенными в западных памятниках бронзовой эпохи, в том числе и андроновских. Вероятно, андроновского происхождения и листовидные втульчатые наконечники стрел. Западная и юго-западная ориентировка погребенных, характерная для тагарской культуры, ведет проис-

хождение от лугавской и андроновской (северо-восточная и восточная ориентировка, свойственная карасукской культуре, в тагарских памятниках попадает как исключение). Характерные для тагарской культуры погребальные сооружения — прямоугольные, примыкающие друг к другу оградки из массивных плит, по углам и на стыках которых стоят вертикальные каменные «столбы», — ведут происхождение от подобных андроновских сооружений Центрального и Восточного Казахстана.

Данные палеоантропологии совпадают с археологическими. Люди тагарской культуры по физическому типу резко отличались от носителей карасукской культуры и не могут быть их потомками. Они потомки людей лугавской культуры (в свою очередь происходящих от носителей афанасьевской) и андроновской. Общее заключение В. П. Алексеева о тагарских черепах таково: «Обширная серия черепов из тагарских курганов отличается от карасукской заметно меньшим черепным указателем и рядом других признаков, сближающих ее с сериями из афанасьевских и андроновских погребений»¹. «Сходство тагарских черепов как с афанасьевскими, на что уже обращал внимание Г. Ф. Дебец, и андроновскими... исключительно велико по всему комплексу признаков, и специфичность его трудно отрицать». И далее: «Таким образом, палеоантропологический материал подкрепляет археологические наблюдения о связи тагарских и афанасьевско-андоновских памятников. Взвесить удельный вес афанасьевского и андроновского населения в формировании племен тагарской культуры на палеоантропологическом материале пока представляется невозможным. Тагарские черепа сближаются с афанасьевскими и андроновскими по разным признакам, соотносительная таксономическая ценность которых неясна»².

Так решается вопрос об этнической и антропологической принадлежности людей тагарской культуры, об их происхождении. Культура этого населения обнаруживает и другие связи. Очень многие бронзовые тагарские изделия непосредственно восходят к карасукским. Многие типы тагарских ножей (с уступом между ручкой и лезвием, вкладышевые и простые; ножи с кольцом; с простым и рубчатым валиком; с грибовидной шляпкой), тагарские шилья с круглой шляпкой; зеркала с петелькой на обороте, без бортика; наконец, все основные типы архаического тагарского оружия: кинжалы с «шипами»; чеканы; может быть, некоторые формы наконечников стрел с треугольным пером; ранние типы удил (с простыми кольцами и обвивающей стержень «веревочкой»; с двойными кольцами; с двойными кольцами, из которых внешнее прямоугольное) и псалий (трехдырчатых, с грибовидными шляпками на концах); наконец, архаический тагарский звериный стиль с его характерными особенностями: статичной, неподвижной фигурой животного, полый внутри, с головой и туловищем, как бы состоящими из шариков, полушаров, пирамидок, дужек, с изображением глаз и ноздрей в виде сквозных отверстий, обведенных кантиком, — все это наследие карасукской культуры или близко родственных ей культур.

Другая сторона проблемы происхождения тагарской культуры состоит в том, что эта одна из культур скифского мира. Все основные виды оружия, принадлежности конского убора, звериный стиль развитой тагарской культуры, бронзовые котлы и зеркала имеют общескифские формы. Причем вещи эти — столь важный компонент тагарской культуры, что никак не могут рассматриваться как попавшие в Минусинскую котловину в результате каких-то случайных связей. Сходство с другими районами скифского мира распространяется и на тип хозяйства, и на общественный строй; так же, как и в скифском, в тагарском обществе

¹ В. П. Алексеев, 1963, стр. 159—160.

² В. П. Алексеев, 1961, стр. 253, 258.

большую роль играла война. Наконец, и по физическому типу люди тагарской культуры очень близки скифам Причерноморья. Однако нет оснований говорить и о миграциях и вообще о прямых связях Причерноморья с Минусинской котловиной. Вещи скифских типов в тагарской культуре при всем их сходстве со скифскими достаточно своеобразны по форме, не говоря уже о том, что тагарское оружие бронзовое, а скифское (за исключением стрел) — железное. Детально эти отличия были прослежены выше, при рассмотрении каждой из «общескифских» категорий тагарской культуры.

Все это заставляет при решении проблемы сходства тагарской культуры со скифской искать какую-то общую подоснову для обеих, если не несколько таких подоснов. Одна из них — срубно-андроновская общность II — начала I тыс. до н. э. Известно, что носители афанасьевской и ямной культур и носители андроновской и срубной по физическому типу очень близки между собой. Известно, что физический тип людей ямной и срубной культур позволяет считать их предками скифов. О том, что носители афанасьевской и андроновской культур были предками тагарцев, уже говорилось. Таким образом, сходство физического типа скифов и людей тагарской культуры скорее всего объясняется близостью физического типа их предков — людей ямной и афанасьевской, срубной и андроновской культур. Однако, эта общность не может объяснить сходства тагарских и скифских акинаков, удила и псалий, звериного стиля, поскольку эти категории отсутствуют и в срубной и в андроновской культуре, степень изученности которых такова, что не позволяет уже надеяться на то, что эти категории будут еще обнаружены. Для объяснения их сходства следует, очевидно, искать другую подоснову. В Минусинской котловине такой подосновой была карасукская культура. В Причерноморье к настоящему времени известно некоторое количество вещей предскифских типов (чернолесского этапа), среди которых бронзово-железные кинжалы «с шипами» и металлические украшения, сходные с карасукскими. А. И. Тереножкин считает, что вещи эти карасукского происхождения. Точка зрения автора настоящей работы другая — выше мы старались показать, что сходство карасукских и чернолесских кинжалов с «шипами» объясняется их происхождением от общих прототипов (стр. 17—20).

В работе показано, что самые архаические формы тагарских кинжалов, раннетагарские чеканы, секиры, топоры, архаический звериный стиль также восходят к карасукским прототипам. Что же касается Северного Причерноморья, то найденные здесь бронзово-железные кинжалы с «шипами», некоторое количество удила и псалий предскифского типа и один бронзовый котел бештаугорского типа VIII в. до н. э., — конечно, довольно слабая подоснова для развития скифского оружия, конского убора и металлической утвари. А предскифские чеканы, секиры, топоры, предметы предскифского звериного стиля в Причерноморье до сих пор не обнаружены. Вероятнее, скифские формы оружия, конского убора и звериный стиль восходят в основном к предскифским типам не Причерноморья, а какой-то другой территории, с которой и проникли скифы. Выше на конкретных примерах мы старались показать, что такой территорией может быть Средняя Азия и более южные районы (Северный Иран и др.), где известны прототипы всех перечисленных вещей еще с глубокой древности. Часть этих предметов еще во II — начале I тыс. до н. э. распространилась отсюда на восток и на запад (кинжалы с «шипами», черешковые плоские наконечники стрел с треугольным пером, чеканы, ранний звериный стиль, дисковидные зеркала с петелькой на обороте и без бортика). В Минусинскую котловину эти вещи попали с карасукской культурой и продолжали здесь бытовать и позже, в начале тагарской эпохи. В Причерноморье же в этот период попала лишь незначительная их часть. Очевидно, многие из перечисленных вещей концентрировались на территории

Средней Азии и развивались здесь. В VIII—VII вв. до н. э. из Средней Азии, по-видимому, через территории Центрального и Северного Казахстана распространяются на восток и достигают Минусинской котловины следующие категории вещей: бронзовые прямые ножи без выделенной ручки, бронзовые котлы на поддонах с кольцевыми ручками с желобком (бештаугорского типа), архаические формы удила — с двойными кольцами, с одинарными кольцами и «обвитыми» стержнями, а также некоторые специфические формы керамики (округлые сосудики с наклепным орнаментом и с треугольными ручками). Из этого же района продолжают проникать в Минусинскую котловину вещи и в VI в. до н. э.: удила со стремевидными окончаниями, кинжалы с бабочковидным перекрестьем, листовидные втульчатые наконечники стрел — плоские, с шипом и без шипа и трехлопастные; черешковые трехлопастные наконечники стрел с треугольным пером; зеркала с петелькой на обороте и с бортиком по краю; фигуры козлов на колоколовидных навершиях; бляшки в виде свернувшегося хищника; некоторые специфические типы керамики: кубки на поддонах и др.

Весьма вероятно, что с территории Средней Азии в VII—VI вв. до н. э. многие из этих вещей проникали и в Причерноморье.

Таким образом, сходство тагарской культуры и культуры скифов Причерноморья объясняется, во-первых, общими подосновами в течение II — начала I тыс. до н. э. (ямно-афанасьевской и срубно-андроновской подосновой, объясняющей сходство в физическом типе скифов и носителей тагарской культуры, и подосновой «предскифского» времени, объясняющей сходство некоторых доскифских и архаических скифских вещей); во-вторых, связями обеих территорий со Средней Азией уже непосредственно в архаический скифский период, в VII—VI вв. до н. э. Непосредственных контактов Причерноморья и Минусинской котловины почти не существовало. Исключением можно считать находку типичного тагарского бронзового кинжала VI в. до н. э. в Киеве в 1902 г.³; кинжал попал сюда, вероятно, путем этапного обмена. Все же остальные тагарские и скифские вещи, хотя и относятся к одним и тем же «общескифским» типам, достаточно отличаются по деталям, чтобы предполагать, что они проникли в Минусинскую котловину из Причерноморья или, наоборот, путем торговли или каким-нибудь иным.

Этот вывод полностью подтверждается данными палеоантропологии. Сравнивая тагарские черепа со скифскими, с которыми они очень сходны, В. П. Алексеев пишет: «Обращает на себя внимание факт несколько меньшей массивности скифских черепов по сравнению с тагарскими... Если связывать генетически тагарское население с европейскими скифами, трудно понять, как последние, частично утерев в процессе грацилизации кроманьоноподобный облик своих предков, вновь приобрели его, переселившись на восток»⁴. Далее он пишет, что трудно представить себе и пути, по которым могло происходить это переселение: лесная и лесостепная зоны Западной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа были заселены монголоидами, вследствие чего скифы в процессе предполагаемой миграции не могли бы сохранить чистоту своего типа. Население степной зоны (например Алтая), будучи европеоидами, отличается по некоторым признакам от скифов и носителей тагарской культуры. «Все эти соображения делают факт миграции с запада невероятным, а сходство заставляют объяснять происхождением от единого протоморфного ствола»⁵.

Итак, тагарская культура и ее носители не были связаны непосредственно со скифами Причерноморья. Тагарская культура отчетливо

³ А. И. Тереножкин, 1961, стр. 136, рис. 90, 3, стр. 137.

⁴ В. П. Алексеев, 1961, стр. 253.

⁵ Там же, стр. 253, 258.

связывается с восточной частью скифского мира, с областями, расположенными к востоку от Средней Азии. Но и в системе «восточноскифских» или «скифо-сибирских» культур она занимает довольно обособленное место. Это становится ясным из сравнения инвентаря и погребального обряда тагарской культуры и культур Тувы, Монголии, Алтая и Восточного Казахстана⁶. Все эти районы в V—IV вв. до н. э. изучены значительно лучше, чем в VII—VI вв. до н. э., поэтому удобнее сравнивать археологические материалы V—IV вв. до н. э. (для VII—VI вв. до н. э. картина почти та же, но менее полная). Такие категории, как тагарский погребальный обряд и керамика, с одной стороны, и культур перечисленных районов, — с другой, не имеют друг с другом ничего общего. Прямоугольные оградки из врытых на ребро плит со стоящими по углам их вертикальными каменными «столбами», типичные для тагарской культуры, отсутствуют в перечисленных районах так же, как в ней нет каменных курганов и керексуров, типичных для казылганской культуры Тувы и для горного Алтая, Монголии и Восточного Казахстана. В перечисленных районах покойника часто клали в могилу скорченным на боку; у тагарцев захороненные всегда лежат на спине. В перечисленных районах в могилу часто помещали принадлежности конского убора или же погребение человека сопровождалось конским захоронением. В тагарской культуре ни погребений с конем, ни принадлежностей конского убора в могилах нет. Столь же резкие отличия и в керамике. Если для тагарской культуры в V в. до н. э. почти единственными формами были банки и кубки на поддонах, в перечисленных районах бытовали совсем другие формы: кувшины с высоким горлом, горшковидные сосуды, сферические с боковой ручкой; ни банок, ни котлов тагарского типа нет. Керамика здесь часто украшена наlepным орнаментом: валиками под горлом и наlepными спиралями на тулове. Тагарской керамике наlepной орнамент абсолютно не свойствен.

Украшения тагарцев также отличны от украшений перечисленных районов. У тагарцев не встречаются гривны и серьги со сложными подвесками, столь свойственные культурам Тувы и других районов, где, напротив, отсутствуют типичные тагарские украшения: полушаровидные бляшки из бронзового листка с выпуклыми точками по краю, цилиндрические бусы из арсиллита и т. п. Таким образом, по всем «этническим» показателям тагарская культура резко отличается от культур перечисленных районов. Но и в бронзовом оружии, конском уборе, орудиях и других предметах также много отличий. В тагарской культуре много типов ножей и кинжалов, восходящих к типам предшествующей эпохи — VII—VI вв. до н. э.: ножи с головкой грифона или копытсообразным значком на месте перехода ручки в лезвие, увенчанные кольцами и т. п. кинжалы, сохранившие рецидивы шипов или узкого бабочковидного перекрестья, и т. п. Но для нее совершенно не типичны проушные чеканы, а в культурах перечисленных районов это ведущая, если не единственная форма чеканов. Тагарскому конскому убору не свойственны S-образные псалии, типичные для Алтая, Тувы и других перечисленных районов. В тагарских погребениях отсутствуют медалевидные зеркала, а для перечисленных культур они весьма характерны. «Минусинский» звериный стиль, продолжающий бытовать в тагарской культуре в V в. до н. э., отсутствует в Туве, горном Алтае и других районах в этот период. Таким образом, тагарская культура и по инвентарю была достаточно отлична от перечисленных культур. Этому способствовало и различие в типе хозяйства. Основой хозяйства горного Алтая, Тувы, Монголии и Восточного Казахстана было в этот период кочевое скотоводство; тагарские племена были, несомненно, более оседлыми, и верховой конь играл в их жизни

⁶ Подробнее см.: Н. Л. Членова, 1961.

далеко не ту роль. Они были, следовательно, в хозяйственном, культурном и этническом смысле достаточно обособлены от ближайших соседей. Различались они и по физическому типу: население Тувы, Горного Алтая и Восточного Казахстана имело в этот период значительную монголоидную примесь⁷, люди тагарской культуры, как и в предшествующую эпоху, были европеоидами, слабая монголоидная примесь появляется у них только с V в. до н. э.⁸

Происхождение и историю племен тагарской культуры до V в. до н. э. можно реконструировать следующим образом. В карасукскую эпоху, с середины II тыс. до н. э., в Минусинской котловине наряду с пришлыми носителями карасукской культуры продолжали жить потомки людей афанасьевской культуры, смешавшиеся с местным лесным населением. Культуру этих местных жителей Минусинской котловины мы называем лугавской. Носители ее, у которых производство стояло на более низком уровне, чем карасукское, частично смешались с пришельцами и заимствовали их бронзовые изделия — орудия и украшения, сохранив в то же время этнические особенности (это выразилось в сохранении керамики и обряда погребения) и физический тип. Люди лугавской культуры жили в основном в южной части Минусинской котловины, тяготея к лесным массивам; носители же карасукской занимали степные районы котловины. В начале I тыс. до н. э. — в X—VIII вв. — начинается смешение людей лугавской культуры с потомками андроновских племен, продолжавших жить в северо-западной части Минусинской котловины или пришедших в это время из Казахстана. В результате контакта и смешения носителей этих двух культур вырабатываются типы керамики, украшений, погребальных сооружений, которые характерны уже для тагарской культуры, и складывается физический тип ее носителей. Карасукские украшения и обряд погребения в очень слабой степени повлияли на соответствующие тагарские категории; физический тип тагарцев также резко отличен от карасукского. Таким образом, этнически и антропологически тагарская культура почти не связана с карасукской. Однако между людьми складывающейся тагарской и людьми карасукской культуры в начале I тыс. до н. э., в X—VIII в., существовали, по-видимому, оживленные связи в форме обмена и другие, в результате которых тагарские племена заимствовали многие достижения (например ряд сложных бронзовых изделий, архаический звериный стиль), которые в дальнейшем были ими развиты.

В течение VIII — начала VI вв. до н. э. наряду с внутренними событиями — дальнейшим распространением потомков андроновских племен по территории Минусинской котловины, ассимиляцией ими потомков лугавских племен, в результате чего сложилась однородная тагарская культура — отмечаются и внешние сношения носителей тагарской культуры с отдаленными территориями — Центральным Казахстаном или Средней Азией, что доказывается появлением в Минусинской котловине вещей центральноказахстанского или среднеазиатского типа — архаического конского убора и бронзовых котлов, многих типов наконечников стрел, некоторых форм ножей, зеркал с бортиком, отдельных мотивов звериного стиля, специфических форм керамики и др. Эти сношения были не единовременного характера; скорее можно говорить о каких-то многократных связях. Попадающие в Минусинскую котловину вещи тагарское население успевало несколько видоизменить и развивало далее. Вероятно, даже можно говорить не только об обмене, но и о проникновении каких-то групп населения из Центрального Казахстана, так как в числе

⁷ Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 137, 145; В. В. Гинзбург, 1956, стр. 245, 264—265; В. П. Алексеев, 1955, стр. 104; он же, 1956, стр. 378—383.

⁸ Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 124, 126; В. П. Алексеев, 1961, стр. 251, 259, а также личные сообщения Г. Ф. Дебеца и В. П. Алексеева.

вещей центральноказахстанского происхождения, попавших в Минусинскую котловину, есть и керамика. Кроме того, одна из редких форм предтагарских и, по-видимому, раннетагарских погребальных сооружений (квадратная оградка со «входом» — коридором в нее с восточной и северо-восточной стороны) сходна с соответствующими ей по времени центральноказахстанскими. В Минусинской котловине одна такая оградка раскопана⁹ и известны три нераскопанных (озеро Шира)¹⁰, которые могут относиться и к более позднему времени, так как при небольших размерах оградок по углам их врыты высокие камни (до 1,5 м), что хотя и встречается в предтагарское время, все же более характерно уже для тагарской эпохи. В Центральном Казахстане подсобные сооружения со входом с восточной стороны характерны для могильника Бегазы (плиточные ограды 2—6) и одно встречено в могильнике Бугылы II (ограда II), но в последнем случае «вход» был с запада¹¹ (дандыюай-бегазинское время, VIII—VII вв. до н. э.)¹².

На протяжении VI в. до н. э. тагарские племена жили довольно изолированно от соседей, и никаких резких изменений в их культуре не наблюдается. Эта изоляция сохраняется и в V в. до н. э. (см. стр. 215—216). Вследствие отличия тагарской культуры от культуры Тувы, горного Алтая, Восточного Казахстана и Монголии особенно хорошо заметно появление в Минусинской котловине в конце VI — начале V в. до н. э. вещей явно алтайского и восточноказахстанского облика. В основном это предметы конского убора и оружия (псалии, ворворки, наременные бляхи и прочие предметы, богато украшенные в «алтайском» зверином стиле; кинжалы с рубчатой ручкой; чеканы с короткой втулкой; трехлопастные втульчатые наконечники стрел с треугольным пером) и некоторые другие вещи: медалевидные зеркала (иногда также украшенные в зверином стиле), котлы «савромато-семиреченского» типа, некоторые бляхи — украшения одежды (например олень с подогнутыми ногами). Эти вещи, в отличие от западных вещей VIII—VII вв. до н. э., почти не изменялись людьми тагарской культуры, и лишь немногие из них найдены в тагарских курганах. Наряду с этими вещами в V в. до н. э. в Минусинскую котловину попадали и просто импортные вещи: бронзово-железные кинжалы и кинжалы, изготовленные целиком из железа и украшенные в типичном ахеменидском стиле. Вещи эти проникли в Минусинскую котловину либо из Ирана, путем этапного обмена, либо из какой-либо персидской сатрапии в Средней Азии. Приток вещей из Восточного Казахстана или с Алтая как раз и совпадает с некоторыми незначительными изменениями физического типа — появлением у носителей тагарской культуры слабой монголоидной примеси, которая в более сильной степени была свойственна в этот период населению горного Алтая, Восточного Казахстана и Тувы. По-видимому, можно говорить о проникновении в конце VI—V вв. до н. э. в Минусинскую котловину каких-то групп населения с Алтая или из Восточного Казахстана.

Связи населения Минусинской котловины со столь отдаленными территориями, как Центральный Казахстан, район Сыр-Дарьи и Восточный Казахстан, могут быть обусловлены весьма важными экономическими и

⁹ Салбык, оградка I (ильинский этап, около VIII в. до н. э.).

¹⁰ М. С. Тюнин, 1920, лл. 9, 12, 20 (курганы 29, 45, 93. Размеры их: 29—8,5×9,2 м; 45—2,9×9,9 м; 93—7,1×8,5 м).

¹¹ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, 1950, стр. 127, рис. 38, 3; стр. 129, рис. 39; стр. 130, рис. 40; К. А. Акишев, 1953, альбом; АКА, табл. VI, вверху слева.

¹² Подобные же сооружения с «двором» и «входом» встречаются и среди плиточных могил Забайкалья, причем особенно характерны для восточного (Н. Н. Диков, 1958, стр. 31); но это говорит лишь о сходстве плиточных могил Забайкалья и Центрального Казахстана. Инвентарь плиточных могил Забайкалья, в особенности керамика, достаточно далек от тагарских.

историческими причинами. В Минусинской котловине, столь богатой месторождениями меди, нет олова. Г. П. Сосновский, специально занимавшийся вопросом о минусинском олове, сообщает лишь об оловорудных месторождениях на Нижнем Енисее (по рекам Большой и Малой Печенге, Енашимо и др.) и в Восточном Саяне, в пределах бывшего Канского уезда¹³. Сведения Г. П. Сосновского относятся к середине 30-х годов, но и дальнейшие интенсивные геологические поиски не обнаружили олова в Минусинской котловине. Между тем развитое бронзолитейное производство, каким славилась тагарская культура, требовало большого количества олова. По-видимому, оно было привозным. Перечисленные месторождения на Нижнем Енисее расположены в глухих лесных районах и вряд ли могли быть известны в тагарскую эпоху. Канская котловина была в то время более развитым районом, но далеко уступала в этом отношении Минусинской; здесь найдено некоторое количество тагарских импортных бронзовых предметов (мне известно 28), что свидетельствует о каких-то связях с тагарскими племенами, но судя по количеству находок связи эти вряд ли были особенно интенсивными. Примечательно, что почти все тагарские импортные вещи, найденные в Канском районе, относятся ко второй половине тагарской эпохи — к V—IV вв. до н. э. (из 28 предметов лишь 4 относятся к VI в. до н. э.). В то же время олово известно в Центральном и Восточном Казахстане. В недавно вышедшей работе К. А. Акишев убедительно связал мощный центр андроновских племен в Центральном Казахстане с древними разработками меди и олова¹⁴ и, исходя из концентрации археологических памятников в разных районах Казахстана в разные эпохи, выдвинул интересное предположение о том, что в андроновскую эпоху Центральный Казахстан был передовым, ведущим районом, поскольку его природные условия наиболее соответствовали оседлому пастушеству и пойменному земледелию, характерному для андроновской культуры, в то время как Южный Казахстан, Семиречье и Северная Киргизия были «пустующими» районами, периферией андроновской культуры¹⁵. Достаточно густонаселенным и передовым районом был Центральный Казахстан и в следующую, дандыбай-бегазинскую эпоху, которую К. А. Акишев вслед за М. П. Грязновым склонен датировать IX—VIII вв. до н. э.¹⁶, а автор настоящей работы, на основании типов наконечников стрел, — VIII—VII вв. до н. э. С этим передовым районом, по-видимому, и были связаны племена тагарской культуры в эпоху ее становления, в VIII—VII вв. до н. э., а может быть и в более раннюю. Очень возможно, что они получали отсюда олово, а вместе с ним в Минусинскую котловину попадали и другие предметы материальной культуры, о чем уже говорилось в предыдущих главах. Вполне возможно, что сведения об этом отдаленном районе восходят в Минусинской котловине еще к эпохе передвижения сюда андроновских племен. Как хорошо известно из этнографии, предания о прародине, даже очень отдаленной, живут в памяти народа многие столетия (ср. предания качинцев о приходе из Барабинской степи, кетов — от истоков Енисея, якутов — «с юга» и другие). Вероятнее же всего, что связи Минусинской котловины с Центральным Казахстаном и не прекращались на скольконбудь долгий срок с андроновского времени до VII в. до н. э.

В течение «сакской» эпохи район Центрального Казахстана, по К. А. Акишеву, постепенно приходит в упадок вследствие развития кочевого скотоводства и необходимости поисков новых, более подходящих пастбищ. Население откочевывает в Семиречье и Южный Казахстан, ко-

¹³ Г. П. Сосновский. Минусинское олово (архив ЛОИА, ф. 42, д. 128, лл. 83—84); А. А. Иессен, Г. П. Сосновский, 1940, стр. 45—47.

¹⁴ К. А. Акишев, 1963, стр. 126.

¹⁵ Там же, стр. 127—131.

¹⁶ М. П. Грязнов, 1952, стр. 156—158; К. А. Акишев, 1963, стр. 117—118, 134.

торые теперь выдвигаются в число передовых районов¹⁷. Столь же передовыми в этот период были и другие предгорные районы Южного и Восточного Казахстана — например Чиликтинская долина к югу от озера Зайсан, где С. С. Черниковым раскопаны большие курганы с богатым инвентарем, очевидно, принадлежащие племенной знати и восходящие еще к первой половине VI в. до н. э. Вполне вероятно, что одисй из причин изменения внешних связей племен тагарской культуры, завязывания связей именно с Восточным Казахстаном и, может быть, Семиречьем (о чем свидетельствует появление в Минусинской котловине котлов семиреченского типа) был подъем этих районов и упадок Центрального Казахстана. Однако выше был уже сделан вывод о том, что в отличие от вещей западного происхождения VIII—VII вв. до н. э., которые подвергались тагарской обработке, восточноказахстанские вещи конца VI—V вв. до н. э., попадавшие в Минусинскую котловину, почти не обработаны тагарскими мастерами, и что приток этих вещей связан с появлением небольшой монголоидной примеси у тагарского населения.

По-видимому, в конце VI—V вв. до н. э. имела место и миграция населения с Алтая, из Восточного Казахстана и, возможно, из еще более западных районов в Минусинскую котловину. На это же указывает появление тагарских погребальных сооружений нового типа — прямоугольного сруба со входом-дромосом в западной стенке и покрытием из шести рядов бревен. Такое сооружение обнаружено пока лишь в одном кургане — Большом Салбыкском¹⁸, но, вполне вероятно, что они есть и в других курганах Салбыкской группы. Оно очень похоже на сооружения, открытые недавно в курганной группе Чиликты, в долине между хребтами Монрак и Тарбагатай, к югу от озера Зайсан. В тех и других обнаружены ямы, иногда укрепленные клетью из бревен; с восточной стороны ямы — длинный вход-дромос; яма и бревна перекрыты накатом (курганы 2, 3, 5, 9, 35)¹⁹. На реке Или в Семиречьи, в урочище Бес-Шатыр расползжена подобная же группа больших курганов, под которыми обнаружены срубы, перекрытые несколькими накатами, с дромосом с восточной стороны²⁰; в отличие от салбыкских и чиликтинских, срубы помещены не в ямах, а воздвигнуты на горизонте. Кроме того, дромосы и чиликтинских и бесшатырских срубов направлены на восток, а у салбыкского — на запад. Тем не менее, сходство этих сооружений с салбыкскими очень велико; все они помещены, к тому же, под высокими курганами (высота Большого Салбыкского кургана 11 м, высота Чиликтинских курганов 6—8 м, высота Бесшатырских курганов 6—15 м), которые входят в группу таких же больших и несколько меньших курганов, которые совершенно очевидно представляют собой усыпальницы вождей и знати.

Причины этого движения из Казахстана в Минусинскую котловину могли заключаться и в общей «подвижности» саков и других кочевых племен, обусловленной прежде всего поисками новых пастбищ и войн, столь свойственных обществам на стадии военной демократии и зарождения классового общества. Один из примеров такого движения — это движение саков-хаумаварга к северо-западным границам Индии в VI—V вв. до н. э.²¹ Этому могли способствовать и внешние причины, и в том числе завоевательная политика Ахеменидов в Средней Азии. В частности, передвижение из Восточного Казахстана и, может быть, Семиречья в Минусинскую котловину могло быть обусловлено походом Дария I на

¹⁷ Там же, стр. 134.

¹⁸ С. В. Киселев, 1956, стр. 58.

¹⁹ Раскопки С. С. Черникова, 1960—1961 гг. (архив ИА, р-1, № 2395, лл. 3—4; р-1, № 2395а, л. 9, рис. 9; л. 8, рис. 18; р-1, л. 2594, л. 3 и след.).

²⁰ К. А. Акишев, 1963, стр. 25—87.

²¹ Э. А. Грантовский, 1963, стр. 8—30; он же, 1963а, стр. 68—96.

среднеазиатских саков в 518—519 гг. до н. э.²², как предположил В. И. Абаев в беседе с автором настоящей работы в 1961 г. Согласно Бехистунской надписи, поход Дария был направлен против саков-тиграхауда, носивших высокие острые колпаки. Пленный вождь их Скунха изображен на Бехистунской скале в колпаке высотой 80 см.

Большинство ученых помещает саков-тиграхауда за Сыр-Дарьей, на территории Чача, а также в степях Киргизии и прилегающего Южного Казахстана²³. Считают, что восточной их границей мог быть хребет Тарбагатай или даже верховья Иртыша²⁴. Вполне вероятно, что в грандиозных курганах Бес-Шатыр погребены, действительно, их вожди. Быть может, часть саков-тиграхауда не была покорена Дарием, а откочевала на восток. Уместно напомнить здесь мужчину в очень высоком остроконечном колпаке, держащем под уздцы двух оседланных коней, изображенного на Оглахтинской писанице. Выше (стр. 142) его головной убор уже сопоставлялся с колпаками саков-тиграхауда. Быть может, это одно из свидетельств с проникновением в Минусинскую котловину саков-тиграхауда. Возможно, что при движении на восток они увлекли и другие племена, как это часто бывало при переселениях народов, о которых нам известно из письменных источников. Найденная на северо-западной окраине Минусинской котловины бронзовая бляшка изображает человека верхом на двугорбом верблюде, и на голове этого человека надет низенький колпачок, плотно охватывающий голову; бросается в глаза отсутствие у него бороды и усов и слабо выступающий нос. Человек, по-видимому, относится к другому народу, может быть, к одному из тех восточноказахстанских племен, которые вместе с саками-тиграхауда в конце VI—V вв. до н. э. достигли Минусинской котловины.

Этническое имя, которым называли себя сами носители тагарской культуры, или которым называли их современники, нам неизвестно. В литературе с давних пор принято отождествлять их с динлинами китайских летописей. Эта традиция восходит еще к Г. Е. Грум-Гржимайло, который сопоставил сведения о «белокурых» динлинах китайских летописей с различными археологическими памятниками, и к В. В. Радлову, сопоставившему эти же памятники с билами и гелочами — также «белокурыми народами» китайских источников²⁵. В то время археология Сибири не была еще разработана, и Г. Е. Грум-Гржимайло связывал с динлинами памятники самых различных эпох. Однако В. В. Радлов уже в 1895 г. связывал с билами и гелочами памятники «бронзового периода» Минусинской котловины; вслед за ним и В. А. Городцов в 1910 г. в книге «Бытовая археология», описывая подробно тагарские бронзы, приписывает их также «билам и гелочам»²⁶. Затем создатель первой хронологической классификации памятников Минусинской котловины С. А. Теплоухов сопоставил носителей тагарской культуры с динлинами исходя из того, что они были европеоидами²⁷. То же сопоставление проводится и в

²² См. об этом: W. Hinz, 1939, S. 363—380; R. Kent, 1938, p. 133; J. Junge, 1939, S. 62, ff.; A. A. Фрейман, 1940, стр. 127; В. В. Струве, 1946; М. А. Дандамаев, 1963, стр. 175—187.

²³ В. В. Григорьев, 1871, стр. 50—52; E. E. Herzfeld, 1935 («Map of Achaemenian empire»); J. Junge, 1939, S. 84; С. П. Толстов, 1948, стр. 243; К. В. Тревер, 1947, стр. 307; она же, 1950, стр. 47; И. И. Копылов, 1953, стр. 17, 27—28, 31. Точка зрения А. Германна и А. Н. Бернштама об отождествлении саков-тиграхауда с массагетами и локализации их в области среднеазиатского междуречья в настоящее время никем не разделяется (А. Негманн. Massagetae. R. E. Bd. XXVIII; А. Н. Бернштам, 1952, стр. 210 и карта на стр. 209).

²⁴ И. И. Копылов, 1953, стр. 17, 31; К. А. Акишев, 1963.

²⁵ Г. Е. Грум-Гржимайло, 1926, гл. VIII; В. В. Радлов, 1895, стр. 177—179.

²⁶ В. А. Городцов, 1910, стр. 209.

²⁷ С. А. Теплоухов, 1929, стр. 46.

работе Г. Ф. Дебеца о тагарской культуре²⁸. С тех пор во всех археологических работах, так или иначе касающихся тагарской культуры, носители ее неизменно называются динлинами²⁹.

В недавнее время Л. Н. Гумилев, пересматривая гипотезу Г. Е. Грум-Гржимайло в свете новых археологических и антропологических материалов и исходя из того, что, по данным палеоантропологии, носители тагарской культуры были потомками носителей афанасьевской культуры, даже распространял имя «динлины» на носителей афанасьевской культуры³⁰.

Однако О. Мэнчен-Хэлфен вслед за Ван И-Вэем показал еще в 1939 г., что, если собрать все сведения о динлинах Южной Сибири в китайских летописях, то выяснится, что они охватывают период с конца III в. до н. э. до III в. н. э. Территория же их простиралась примерно от Байкала до Оби или даже до Иртыша³¹. Источники рисуют их кочевым народом с многочисленными стадами овец и крупного рогатого скота³². Таким образом, хронологически летописные сведения о динлинах совпадают не с тагарской, а с таштыкской эпохой; географическая локализация их неопределенна, а в тех случаях, когда есть указания на какие-то точные географические районы, то эти районы лежат за пределами распространения тагарской культуры (так, во II в. до н. э. динлины упоминаются у Байкала — «Северного моря») ³³. Наконец, характеристика динлинов как кочевого народа также не соответствует тагарской культуре. Если даже попытаться отождествить динлинов с людьми таштыкской культуры, то было бы неправомерно проецировать это имя на людей тагарской культуры, так как таштыкская лишь в очень малой степени связывается с тагарской, имея ярко выраженный пришлый характер³⁴. То же можно сказать относительно физического типа носителей этих культур: как раз в таштыкское время физический тип населения Минусинской котловины довольно резко меняется³⁵.

В свете всего сказанного автору представляется необоснованным отождествление динлинов с носителями тагарской культуры. В VII—VI вв. до н. э. территория Минусинской котловины была очень далекой, чуждой областью для Китая; если между этими двумя областями и существовали какие-то связи, то очень слабые, эпизодические и, скорее всего, не постоянные (показательно полное отсутствие китайского импорта в Минусинской котловине и тагарского в Китае в эту эпоху). Поэтому вряд ли удастся найти какие-то точные сведения в китайских источниках об этой стране и ее жителях. Они, по-видимому, были для китайцев одними из неопределенных «северных варваров». Автор в связи с этим вполне разделяет мнение Л. Н. Гумилева о том, что слово «динлин», вероятно, было полисеманлично и имело нарицательное значение вместе с этнонимическим³⁶. Подобная мысль высказана уже С. В. Киселевым. Связи-

²⁸ Г. Ф. Дебец, 1931.

²⁹ В. Г. Карцов, 1929, стр. 21; он же, 1961, стр. 61; С. В. Киселев, 1949, стр. 108, 176, 216; Л. Р. Кызласов, 1960, стр. 162, 165—166; Н. Л. Членова, 1961, стр. 279.

³⁰ Л. Н. Гумилев, 1959, стр. 19.

³¹ О. Маеншен-Хелфен, 1939, pp. 77—78, 80. Ср. Н. Я. Бичурин, 1950, стр. 50, 214 и схема китайской исторической карты времени старшей династии Хань (там же, т. III, приложение). Н. Я. Бичурин пишет: «Хуннское поколение динлин занимало земли от Енисея на восток до Байкала, по левую сторону Ангары» (там же, стр. 50, примечание 5).

³² О. Маеншен-Хелфен, 1939, pp. 78—79.

³³ Там же, стр. 78.

³⁴ Этому вопросу посвящена обстоятельная работа С. В. Зотовой «Конец тагарской культуры», защищенная в качестве дипломной на историческом факультете МГУ в 1953 г., но до сих пор не опубликованная.

³⁵ Г. Ф. Дебец, 1948, стр. 129—130; В. П. Алексеев, 1961, стр. 259, 262—269; он же, 1963, стр. 160—161.

³⁶ Л. Н. Гумилев, 1959, стр. 19.

вая с динлинами носителей карасукской культуры, он замечает, что в послекарасукское время «на огромном пространстве, отводимом китайской традицией области расселения дин-лин, мы уже не встретим того поразительного культурного единства, какое можно наблюдать там в карасукскую эпоху» и что это единство было, по-видимому, разрушено «местными силами». «Затем уже вторичный признак сходства по культуре обусловил объединение под названием „дин-лин“ самых различных народов»³⁷. Однако далее в той же работе С. В. Киселев продолжает по традиции называть носителей тагарской культуры динлинами³⁸.

Столь же далека была Минусинская котловина и от другого круга источников о народах древности: от классических авторов. «Торговый путь» Геродота, даже по самым расширительным толкованиям, не проходил через эту область. Однако некоторые авторы, основываясь на сведениях Аристия об его путешествии к исседонам и об аримаспах и стерегущих золото грифах, помещали этих аримаспов на Енисее, отождествляя его «с золотоносным потоком Плутона» Эсхила (Л. Бек, Р. Хенниг, Э. Филлипс)³⁹. М. П. Алексеев сообщает, что еще в 1931 г. профессор Б. В. Варнеке в докладе на заседании секции археологии ВСО РГО в Иркутске подверг критике это предположение⁴⁰. Работа Б. Н. Варнеке осталась мне неизвестной. Однако предположение, что Аристий мог что-то слышать о Енисее, столь необоснованно, что вряд ли нуждается в серьезной критике. Золотоносных рек и золота много в самых разных местах азиатской части нашей страны, и нет никакой необходимости помещать аримаспов именно на Енисее.

Неясен вопрос о том, на каком языке говорили люди тагарской культуры, и при настоящем уровне наших знаний он может быть только поставлен. Можно в какой-то мере исходить из дорусской топонимики Минусинской котловины. Здесь тюркские, кетские и индоевропейские названия. Тюркские топонимы почти наверняка не могли быть оставлены людьми тагарской культуры, так как она не имеет ничего общего с так называемой культурой енисейских кыргызов VI—VIII вв. н. э., носители которой оставили надписи на тюркском языке; несходны люди тагарской культуры с «енисейскими кыргызами» и по физическому типу. Л. Р. Кызласов считал носителей тагарской культуры угроязычными и выводил угров Западной Сибири из Минусинской котловины⁴¹. Это предположение в настоящее время совершенно опровергнуто исследованиями А. П. Дульзона, показавшими, что угорской топонимики (которая служила главным аргументом Л. Р. Кызласова) в Минусинской котловине никогда не существовало⁴².

Кетские топонимы в Минусинской котловине очень многочисленны⁴³. Вполне вероятно, что они могли быть оставлены носителями тагарской культуры. Однако в настоящее время большинство исследователей (А. П. Дульзон, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих)⁴⁴ считает кетоязычными носителей карасукской культуры. В настоящей работе было показано, что тагарская культура имеет определенные связи с карасукской, хотя эти связи и не этнические. Поэтому исключить тагарскую принадлежность некоторых кетских топонимов нельзя. Все же автору представляется более вероятным связывать с носителями тагарской культуры топонимы

³⁷ С. В. Киселев, 1949, стр. 108.

³⁸ Там же, стр. 176.

³⁹ L. Beck, 1884, S. 275—280; Р. Хенниг, 1961, стр. 99; R. Hennig, 1935, S. 247—251; E. Phillips, 1955, pp. 170—171.

⁴⁰ М. П. Алексеев, 1932, стр. LII, примечание 6.

⁴¹ Л. Р. Кызласов, 1960, стр. 166—171.

⁴² А. П. Дульзон, 1960, стр. 7—9.

⁴³ А. П. Дульзон, 1962, стр. 69.

⁴⁴ См., например, Б. О. Долгих, 1961, стр. 109—112 и работы А. П. Дульзона о кетской топонимике Западной Сибири.

мы индоевропейского (точнее — иранского) происхождения, недавно исследованные А. П. Дульзоном на территории Кемеровской области, Хакасии и соседней части Красноярского края. Это названия рек, включающие -об и -дон. Оба эти названия переводятся с иранских языков как «вода», «река»⁴⁵. Эти топонимы оставлены предшественниками тюрков и кетов⁴⁶ и приобретают для нас особый интерес потому, что названия рек с -об или -аб особенно характерны для территории Средней Азии, с культурами которой тагарская, как было показано выше, имеет ярко выраженную генетическую связь. Это позволяет думать, что носители тагарской культуры могли быть ираноязычны, как саки, савроматы, скифы Причерноморья — создатели того круга скифских культур, в который входит и тагарская культура.

⁴⁵ Доклад А. П. Дульзона об индоевропейских топонимах Сибири в Топонимической комиссии ВГО весной 1963 г.; он же, 1964.

⁴⁶ Там же.

Литература

- В. И. Абаев, 1949. Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л.
- Н. Н. Агапитов, 1881. Прибайкальские древности.—ИВСОРГО, т. XII, № 4—5.
- Е. И. Агеева, А. Г. Максимова. 1959. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г.—Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата.
- А. В. Адрианов, 1902—1924. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. Минусинск.
- А. В. Адрианов, 1916. Материалы к археологии Западного Алтая.—ИАК, № 62.
- К. А. Акишев, 1953. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореферат канд. дисс. Л.
- К. А. Акишев, 1959. Памятники старины Северного Казахстана.—Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 7.
- К. А. Акишев, 1959а. Саки Семиречья. Там же.
- К. А. Акишев, 1963. Культура саков долины р. Или.—В кн.: К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата.
- В. П. Алексеев, 1955. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья. Автореферат канд. дисс. М.
- В. П. Алексеев, 1956. Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области.—Труды ИЭ, т. XXXIII.
- В. П. Алексеев, 1961. Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы.—Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск.
- В. П. Алексеев, 1961а. Палеоантропология Хакасии эпохи железа.—Сб. МАЭ, XX, М.—Л.
- В. П. Алексеев, 1963. Происхождение хакасского народа в свете данных антропологии.—Сб. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Красноярск.
- М. П. Алексеев, 1932. Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, т. I. Иркутск.
- А. Аниховский, 1906. Раскопка кургана в поселке Красногорском.—ТОУАК, вып. XVI. Оренбург.
- А. В. Анохин, 1924. Материалы по шаманству у алтайцев.—Сб. МАЭ, т. IV, вып. 2.
- Д. Н. Анучин, 1887. О древнем луке и стрелах.—ТАС, V, М.
- Н. В. Анфилов, 1961. Протомеотский могильник у с. Николаевского.—«Сборник материалов по археологии Адыгеи». Майкоп.
- Ю. П. Аргентовский, 1911. Археологические находки в дюнах близ д. Могилевой Шадринского у.—ЗУОЛЕ, т. XXXI.
- Н. А. Аристов, 1897. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей.—«Живая старина», вып. III, IV. СПб.
- Ф. Х. Арсланова, 1962. Могильник ранних кочевников на правом берегу Иртыша.—«Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии», вып. 2 (19). Алма-Ата.
- М. И. Артамонов, С. А. Жебелев, 1939. Сарматы и меоты. Звериный стиль.—В кн.: «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства», ч. I—II, М.—Л.
- М. И. Артамонов, 1961. Антропоморфные божества в религии скифов.—Археологический сборник ГЭ, № 3.
- М. И. Артамонов, 1962. К вопросу о происхождении скифского искусства.—«Сообщения ГЭ», XXII.
- Г. М. Асланов, Р. М. Ваидов, Г. И. Ионе, 1959. Древний Мингечаур, т. I. Баку.
- Г. Г. Бабанская, 1956. Берккаринский могильник. «Труды ИИАЭ АН КазССР», т. I. «Басандайка», Томск, 1947.

- Б. А. Белослюдов, А. Г. Максимова, 1951. Древнее поселение у курорта Аул. Известия АН КазССР, серия археологии, вып. 3, Алма-Ата.
- А. Н. Бернштам, 1941. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе.
- А. Н. Бернштам, 1948. Араванские наскальные изображения и даваньская столица Эрши.—СЭ, № 4.
- А. Н. Бернштам, 1950. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина».—МИА, № 14.
- А. Н. Бернштам, 1952. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая.—МИА, № 26.
- А. Н. Бернштам, 1956. Саки Памира.—ВДИ, № 1.
- Н. Я. Бичурин (Иакинф), 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М.—Л.
- А. А. Бобринский, 1887—1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смела, т. I—III. СПб.
- И. В. Богданова-Березовская, 1963. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины.—Сб. «Новые методы в археологических исследованиях». М.—Л.
- Г. И. Боровка, 1922. Бронзовый олень из Ульского аула.—ИРАИМК, т. II. Пг.
- С. И. Вайнштейн, 1955. Памятники скифского времени в Западной Туве.—УЗ ТНИИЯЛИ, т. III. Кызыл.
- С. И. Вайнштейн, 1958. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.—УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл.
- С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, 1960. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы.—УЗ ТНИИЯЛИ, т. VIII. Кызыл.
- В. О. Витт, 1937. Лошади Древнего Востока.—Сб. «Конские породы Средней Азии». М.
- В. О. Витт, 1952. Лошади Пазырыкских курганов.—СА, XVI.
- В. В. Волков, 1962. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР.—«Монгольский археологический сборник». М.
- М. Г. Воробьева, 1959. Керамика Хорезма античного периода.—«Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М.
- К. В. Вяткина, 1961. Наскальные изображения Минусинской котловины.—Сб. МАЭ, XX.
- А. А. Гаврилова, 1957. Раскопки второго Катандинского могильника.—СА, т. XXVII.
- Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1957. Ак-Тамский могильник.—КСИИМК 69.
- В. С. Гапоненко, 1963. Наскальные изображения Таласской долины.—Сб. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе.
- В. В. Гинзбург, 1956. Древнее население восточных и центральных районов Казахстана по антропологическим данным.—«Труды ИЭ», новая серия, т. XXXIII.
- В. В. Гольмстен, 1929. Археологические памятники Самарской губернии.—ТСА РАНИОН, IV.
- Н. Г. Горбунова, 1961. Кунгайский могильник.—«Археологический сборник ГЭ», № 3, Л.
- В. А. Городцов, 1910. Бытовая археология. М.
- В. А. Городцов, 1916. Культуры бронзовой эпохи в Средней России.—«Отчет Исторического музея за 1914 г.». М.
- В. А. Городцов, 1928. К вопросу о киммерийской культуре.—ТСА РАНИОН, II.
- Б. Н. Граков, 1930. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов.—ТСА РАНИОН, V.
- Б. Н. Граков, 1950. Скифский Геракл.—КСИИМК, XXXIV.
- Б. Н. Граков, А. И. Мелюкова, 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.—Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.—Л.
- Б. Н. Граков, 1958. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР.—СА, № 4.
- Э. А. Грантовский, 1963. Из истории восточноиранских племен на границах Индии.—КСИНА, 61.
- Э. А. Грантовский, 1963а. Племенное объединение рагци — рагсав у Панини.—Сб. «История и культура древней Индии».
- В. В. Григорьев, 1871. О скифском народе саках. СПб.
- Ю. С. Гришин, 1960. Производство в тагарскую эпоху.—МИА, 90.
- Л. В. Громов, 1960. Исторические исследования — на службу поиску полезных ископаемых. (Древняя металлургия Хакасско-Минусинской котловины).—УЗ ХакНИИЯЛИ, т. VIII, Абакан.
- Вера Громова, 1950. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета, вып. I. М.—Л.
- Г. Е. Грум-Гржимайло, 1926. Описание путешествия в Западный Китай, т. II. Л.
- М. П. Грязнов, 1927. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб.: «Казаки». Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 11, Л.

- М. П. Грязнов, 1929. Бронзовый кинжал с озера Кото-кель. «Бурятияведение», № 9—10. Верхнеудинск.
- М. П. Грязнов. 1930. Казакстанский очаг бронзовой культуры.— Сб. «Казак», вып. 15.
- М. П. Грязнов, 1930а.— Древние культуры Алтая. Новосибирск.
- М. П. Грязнов, 1933. Боярская писаница.— ПИМК, № 7—8.
- М. П. Грязнов, 1941. Древняя бронза Минусинских степей.— Тр. ОИПК ГЭ, т. I.
- М. П. Грязнов, 1941а.— Пазырык. Погребение племенного вождя на Алтае. Докт. дисс. М.— Л.
- М. П. Грязнов, 1947. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, XVIII.
- М. П. Грязнов, 1950. Первый Пазырыкский курган. Л.
- М. П. Грязнов, 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане.— СА, XII.
- М. П. Грязнов, 1956. История древних племен Верхней Оби.— МИА, № 48.
- М. П. Грязнов, 1956а. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири.— КСИИМК, 64.
- М. П. Грязнов, 1956б. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, 61.
- М. П. Грязнов, 1959. Связи кочевников Южной Сибири со Средней Азией и Ближним Востоком в I тыс. до н. э.— «Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.— Л.
- Л. Н. Гумилев, 1959. Динлинская проблема.— «Известия ВГО», № 1.
- М. А. Дандамаев, 1963. Поход Дария против скифского племени тиграхауда.— КСИИМК, 61.
- Г. Ф. Дебец, 1931. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии.— «Советская Азия», кн. 5—6.
- Г. Ф. Дебец, 1932. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя.— «Антропологический журнал».
- Г. Ф. Дебец, 1948. Палеоантропология СССР.— «Труды ИЭ», новая серия, т. IV. М.— Л.
- Э. И. Диамант, 1962. Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана.— «Материалы по археологии Северного Причерноморья», вып. 4. Одесса.
- Н. Н. Диков, 1958. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ.
- Б. О. Долгик, 1961. О похоронном обряде кетов.— СА, № 3.
- А. П. Дульзон, 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.— «Ученые записки Томского гос. пед. ин-та», т. X.
- А. П. Дульзон, 1956. Археологические памятники Томской области.— Труды Томского областного краеведческого музея, т. V.
- А. П. Дульзон, 1960. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики.— Доклады на XXV Международном конгрессе востоковедов. М.
- А. П. Дульзон, 1961. Дорусское население Западной Сибири.— Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск.
- А. П. Дульзон, 1962. Былое расселение кетов по данным топонимики.— «Вопросы географии», № 58.
- А. П. Дульзон, 1964. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— Доклады на VII Международном конгрессе антропологов и этнографов. М.
- М. М. Дьяконов, 1953. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган (Кобадан).— МИА, 57.
- Н. Г. Елагина, 1959. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея.— СА, № 2.
- Л. А. Ельницкий, 1960. Из истории древнескифских культов.— СА, № 4.
- М. П. Завитухина, 1961. Могильник времени ранних кочевников близ Бийска.— «Археологический сборник ГЭ», № 3.
- Ю. А. Заднепровский, 1962. Древнеземледельческая культура Ферганы — МИА, 118.
- А. В. Збруева, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 30.
- А. Золотарев, 1934. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л. ЗУОЛЕ, т. XXXII. Екатеринбург, 1912.
- ИАК, 19, СПб., 1906.
- А. А. Ивановский, 1911. По Закавказью.— МАК, VI.
- А. А. Иессен, 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья, ее предпосылки и особенности. Л.
- А. А. Иессен, 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 23.
- А. А. Иессен, 1953. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР.— СА, XVIII.
- А. А. Иессен, 1954. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.— Л.

- А. А. Иессен, Г. П. Сосновский, 1940. К истории использования олова в Приенисейском крае.— КСИИМК, V.
- В. А. Ильинская, 1954. Керамика скифских погребений Посулья.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.— Л.
- В. А. Іллінська, 1961. Скифські сокири.— «Археологія», т. XII, Київ.
- «История Казахской ССР», т. I. Алма-Ата, 1957.
- М. А. Итина, 1958. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. «Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции», вып. II. М.— Л.
- М. К. Кадырбаев, 1959. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана.— «Тр. ИИАЭ АН КазССР», т. 7.
- М. К. Кадырбаев, 1962. Новые материалы по истории ранних кочевников Казахстана. Известия АН КазССР, серия истории, археологии и этнографии, вып. I (18).
- Г. Картер, 1959. Гробница Тутанхамона. М.
- В. Г. Карцов, 1929. Материалы к археологии Красноярского района. Красноярск.
- В. Г. Карцов, 1961. О чем говорят курганы Енисея. Абакан.
- А. Кирилов, П. Н. Кожемяко, 1956. Новые памятники эпохи бронзы.— Труды Института истории АН КиргССР», вып. II. Фрунзе.
- С. В. Киселев, 1929. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г.— «Ежегодник Государственного музея им. Мартьянова», т. VI. Минусинск.
- С. В. Киселев, 1929а. Тагарская культура.— ТСА РАНИОН, т. IV, М.
- С. В. Киселев, 1947. Монголия в древности.— «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IV, № 4, М.
- С. В. Киселев, 1949. Древняя история Южной Сибири.— МИА, 9.
- С. В. Киселев, 1956. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг.— «Тезисы докладов на сессии ОИИ и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических экспедиций 1955 г. М.— Л.
- С. В. Киселев, 1960. Неолит и бронзовый век Китая.— СА, № 4.
- Д. А. Клеменц, 1886. Древности Минусинского музея. Томск.
- М. Н. Комарова, 1952. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири.— МИА, 24.
- И. И. Копылов, 1953. Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным. (Канд. дисс.). Л.
- И. И. Копылов, 1958. Пирамидальные курганы Новоалексеевского могильника Илийской долины.— «Ученые записки Казахского Гос. Пед. ин-та», серия общ. полит., т. XV (3), вып. 2, Алма-Ата.
- О. О. Кривцова-Гракова, 1948. Алексеевское поселение и могильник.— ТГИМ, XVII.
- О. А. Кривцова-Гракова, 1951. Садчиковское поселение.— МИА, 21.
- О. А. Кривцова-Гракова, 1955. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 46.
- Е. И. Крупнов, 1950. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК, XXXII.
- Е. И. Крупнов, 1952. Жемталинский клад. М.
- Е. И. Крупнов, 1956. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.— «Ученые записки Кабардинского НИИ», т. V. Нальчик.
- Е. И. Крупнов, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- И. П. Кузнецов-Красноярский, 1907. Отчет о раскопках, произведенных в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 г. Томск.
- И. П. Кузнецов-Красноярский, 1908. Минусинские древности. Томск.
- Е. Е. Кузьмина, 1958. Бронзовый шлем из Самарканда.— СА, № 4.
- Б. А. Куфтин, 1941. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси.
- К. Х. Кушнарева, 1951. Культура Нагорного Карабаха по археологическим источникам. Канд. дисс.
- Л. Р. Кызласов, 1948. Железный топорик из Синявино.— КСИИМК, XX.
- Л. Р. Кызласов, 1958. Этапы древней истории Тувы.— «Вестник МГУ, серия историко-филологическая», № 4.
- Л. Р. Кызласов, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.
- Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан, 1950. Плиточные ограды могильника Бегазы.— КСИИМК, XXXII.
- В. П. Левашева, 1928. Путеводитель по археологическим отделам.— «Известия Государственного Западно-Сибирского музея», № 1, Омск.
- В. П. Левашева, 1939. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск.
- В. П. Левашева, 1958. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры.— СА, № 1.
- В. П. Левашева, 1959. К вопросу о механических свойствах древних орудий.— КСИИМК, 75.
- В. П. Левашева, Э. Р. Рыгдылон, 1952. Шалаболинский клад бронзовых котлов, хранящийся в Минусинском музее.— КСИИМК, XLII.

- Э. Ленц, 1905. О некоторых формах оружия, найденных в курганах, раскопанных Бобринским в Чигиринском уезде в 1903 г.— ИАК, 14.
- Ли Ци зи, 1949. Бронзовые предметы, обнаруженные в Сяо-Туне. «Чжунго касгу сюэбао», № 4, 1949 (на китайском языке).
- П. Д. Либеров, 1954. Хронология памятников Поднепровья скифского времени.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М.— Л.
- А. Н. Липский, 1949. Раскопки древних погребений в Хакассии в 1946 г.— КСИИМК, XXV.
- А. Н. Липский, 1956. Археологические раскопки в Хакассии.— КСИИМК, 64.
- А. Н. Липский, 1956а. Карасукские погребения в городе Абакане.— «Краеведческий сборник», № 1. Абакан.
- А. Н. Липский, 1963. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов.— «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края», Красноярск.
- Б. А. Литвинский, 1960. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности.— Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М.
- Б. А. Литвинский, М. А. Бубнова, 1962. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г.— «Труды Института истории АН Тадж. ССР», т. XXXIV, вып. VIII.
- Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962. Древности Кайракумов. Душанбе.
- Н. А. Лыткин, 1890. Археологический отдел Тобольского губернского музея. Тобольск.
- Г. А. Максименков, 1960. Верхне-Метляевский клад. Иркутск.
- Г. А. Максименков, 1961. Новые данные по археологии района Красноярска.— Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск.
- Е. К. Максимов, 1960. О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья.— «Труды Саратовского областного музея краеведения», вып. 3.
- А. Г. Максимова, 1956. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана.— «Труды ИИАЭ АН Каз. ССР», т. I, Алма-Ата.
- А. Г. Максимова, 1959. Эпоха бронзы Восточного Казахстана.— «Труды ИИАЭ АН Каз. ССР», т. 7, Алма-Ата.
- А. Г. Максимова, 1960. Курганы сакского времени могильника Джувантобе.— КСИИМК, 80.
- А. П. Манцевич, 1961. Бронзовые котлы в собрании ГЭ.— Сб. статей в честь М. И. Артамонова. Л.
- А. П. Манцевич, 1962. Золотой гребень из кургана Солоха. Л.
- В. М. Массон, 1956. Памятники культуры архаического Дахистана в Юго-Западной Туркмении.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
- В. М. Массон, 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы.— МИА, 73.
- М. Е. Массон, 1953. Ахангеран. Ташкент.
- А. И. Мелюкова, 1950. Вооружение, войско и военное искусство скифов. Канд. дисс. М.
- А. И. Мелюкова, 1952. Каменная фигура скифа-воина.— КСИИМК, 48.
- Н. Я. Мерперт, 1954. Материалы по археологии Среднего Заволжья.— МИА, 42.
- И. И. Мещанинов, 1932. О применении лингвистического материала при исследовании вещественных памятников.— СГАИМК, № 1—2.
- Г. Ф. Миллер, 1937. История Сибири, т. I. М.— Л.
- В. И. Мошинская, 1953. Городище и курганы Потчеваш. МИА, 35.
- И. М. Мягков, 1921. Находка на горе Кулайке.— «Труды Томского краевого музея», т. I.
- И. И. Мягков, 1929. Древности Нарымского края.— «Труды Томского краевого музея», т. II.
- «Народы Сибири», М.— Л., 1956.
- «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. М.— Л., 1962.
- Д. В. Наумов, 1963. Производство и обработка древних медных и бронзовых изделий Минусинской котловины.— Сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.— Л.
- Р. В. Николаев, 1961. Есаульский клад.— СА, № 3.
- ОАК за 1877, 1882—1883, 1900, 1913—1915 гг.
- А. П. Окладников, 1950. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, 18.
- А. П. Окладников, 1955. История Якутской АССР, т. I. М.— Л.
- Б. Э. Петри, 1922. Далекое прошлое Бурятского края. Иркутск.
- Б. Б. Пиотровский, 1949. Археология Закавказья. Л.
- Б. Б. Пиотровский, 1949. Скифы в Закавказье.— УЗ ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13. Л.
- Б. Б. Пиотровский, 1950. Кармир-Блур, т. I. Ереван.
- Б. Б. Пиотровский, 1952. Кармир-Блур, т. II. Ереван.
- Б. Б. Пиотровский, 1959. Ванское царство. М.
- А. Ф. Плотников, 1901. Нарымский край.— «Записки РГО по отделению статистики», т. X. СПб.

- В. Н. Полторацкая, 1961. Могильник Березовка I.— «Археологический сборник ГЭ», № 3, Л.
- Г. Н. Потанин, 1883. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. IV. СПб.
- С. Прушевская, 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове.— ИАК, 73. Пг.
- Б. Рабинович, 1936. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья.— СА, I.
- В. В. Радлов, 1888. Сибирские древности.— МАР, 3.
- В. В. Радлов, 1891. Сибирские древности.— МАР, 5.
- В. В. Радлов, 1894. Сибирские древности.— МАР, 15.
- В. В. Радлов, 1895. Сибирские древности. Из путевых заметок по Сибири.— ЗРАО, т. VII, вып. 3—4 (новая серия). СПб.
- М. И. Ростовцев, 1913. Рец. на кн.: E. H. Minns, Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.— ЖМНП, ноябрь, СПб.
- М. И. Ростовцев, 1918. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.
- М. И. Ростовцев, 1925. Скифия и Боспор. Л.
- С. И. Руденко, 1952. Горноалтайские находки и скифы. М.— Л.
- С. И. Руденко, 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.— Л.
- С. И. Руденко, 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.— Л.
- Э. Р. Рыгдылон, П. П. Хороших, 1959. Коллекция бронзовых котлов Иркутского музея.— СА, № 1.
- П. С. Рыков, 1935. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда).— ИГАИМК, вып. 110.
- П. И. Савваитов, 1896. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб.
- И. Т. Савенков, 1900. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее.— Труды VIII АС. М.
- К. В. Сальников, 1951. Бронзовый век Южного Зауралья.— МИА, 21.
- К. В. Сальников, 1962. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы.— Сб. «Археология и этнография Башкирии», т. I, Уфа.
- К. Ф. Смирнов, 1961. Вооружение савроматов.— МИА, 101.
- К. Ф. Смирнов, 1961а. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей.— СА, № 1.
- Г. П. Сосновский, 1923. Заметка об одной археологической находке.— «Этнографический бюллетень ВСОРГО», № 3, Иркутск.
- Г. П. Сосновский, 1941. Плиточные могилы Забайкалья.— «Тр. ОИПК ГЭ», т. I, Л.
- Е. Ю. Спасская, 1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии.— УЗ АГПИ, т. XI (1), серия общ.-полит.
- Е. Ю. Спасская, 1958. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии.— УЗ АГПИ, серия общ.-полит., т. XV (3), вып. 2.
- Г. Спасский, 1857. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими.— «Записки ИРГО», кн. XII. СПб.
- А. Спицын, 1901. Археологические материалы и мелкие заметки.— ЗРАО, новая серия, т. XII, вып. 1—2. СПб.
- А. Спицын, 1901а. К вопросу о хронологии золотых сибирских блях с изображениями животных.— ЗРАО, новая серия, т. XII, вып. 1—2. СПб.
- А. А. Спицын, 1901б.— Мельгуновский курган.— ЗРАО, новая серия, т. XII, вып. 1—2. СПб.
- А. А. Спицын, 1915. Археологический альбом.— ЗОРСА РАО, т. XI, Пг.
- В. И. Спришевский, 1957. Чустское поселение.— КСИИМК, 69.
- Б. Я. Ставиский, 1955. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже.— КСИИМК, 60.
- Г. Г. Стратанович, 1961. Китайские бронзовые зеркала, их типы, орнаментация и использование.— «Труды ИЭ», новая серия, т. XXIII. М.— Л.
- А. С. Стрелков, 1926. Рельеф из Персеполя собрания Музея изящных искусств.— «Памятники Государственного музея изящных искусств», вып. V. М.
- В. В. Струве, 1946. Поход Дария I на саков-массагетов.— «Известия АН СССР, серия истории и философии», № 3.
- Г. Сухебатор, 1960. О тамгах и имах табунов Дариганги. Улан-Батор.
- С. А. Теплоухов, 1926. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае.— Сб. «Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг.», Л.
- С. А. Теплоухов, 1927. Древние погребения в Минусинском крае.— МЭ, III, вып. 2.
- С. А. Теплоухов, 1929. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края.— МЭ, IV, вып. 2.
- С. А. Теплоухов, 1929а. Древнеметаллические культуры Минусинского края.— Природа, № 6.
- А. И. Тереножкин, 1940. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.— «ИУЗФАН», № 9.
- А. И. Тереножкин, 1954. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье.— Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М.

- А. И. Тереножкин, 1957. Среднее Поднепровье в начале железного века.— СА, № 2.
- А. И. Тереножкин, 1961. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.
- А. И. Тереножкин, 1962. Клад андроновских бронзовых предметов из с. Бричмула близ Ташкента.— СА, № 3.
- Б. Г. Тихонов, 1960. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье.— МИА, № 90.
- В. Я. Толмачев, 1929. Следы скифо-сибирской культуры в Маньчжурии.— Вестник Маньчжурии, № 6, Харбин.
- С. П. Толстов, 1948. Древний Хорезм. М.
- С. П. Толстов, 1962. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи.— СА, № 4.
- С. П. Толстов, 1962а. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- С. П. Толстов, 1963. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических исследований.— ВДИ, № 2.
- С. П. Толстов, Т. А. Жданко, М. А. Итина, 1963. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.— «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 6, М.— Л.
- И. Толстой, Н. Кондаков, 1889. Русские древности в памятниках искусства, т. II. СПб.
- К. В. Тревер, 1947. Этнический состав населения Средней Азии в VI—V вв. до н. э. СЭ, VI—VII.
- К. В. Тревер, 1950. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.).— В кн.: «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент.
- Р. А. Ураев, 1956. Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области».— «Труды Томского областного краеведческого музея», т. V.
- Б. В. Фармаковский, 1914. Архаический период в России.— МАР, 34, СПб.
- В. И. Федоров, 1952. Древнее искусственное орошение в районе Минусинского понижения.— МИА, 24.
- В. А. Филиппченко, 1962. Бронзовые котлы Астраханского музея.— СА, № 1.
- В. М. Флоринский, 1888. Археологический музей Томского университета. Томск.
- В. М. Флоринский, 1890. Второе прибавление к каталогу археологического музея Томского университета, Томск.
- В. М. Флоринский, 1897. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни, ч. II. вып. 2. Томск.
- А. А. Фрейман, 1940. Новые работы по древнеперсидским надписям.— ВДИ, № 2.
- Д. Фрэзер, 1925. Тотемизм и его происхождение (глава из книги «Тотемизм и экзогамия»).— «Атеист», № 45.
- А. Х. Халиков, 1960. Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы, I. Йошкар-Ола.
- Б. Н. и В. И. Ханенко. 1899—1908. Древности Приднепровья, вып. I—IV. Киев.
- Р. Хенниг, 1961. Неведомые земли, т. I. М.
- М. Д. Хлобыстина, 1962. Бронзовые ножи Минусинского края и некоторые вопросы развития карасукской культуры. Л.
- С. Р. Цыганков, 1926. Описание некоторых уникал археологической коллекции Минусинского музея.— «Ежегодник Гос. музея им. Мартьянова», т. II. Минусинск.
- Гордон Чайлд, 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.— Л.
- В. Н. Чернецов, 1953. Древняя история Нижнего Приобья.— МИА, 35.
- В. Н. Чернецов, 1953а. Бронза усть-полуйского времени.— МИА, 35.
- С. С. Черников, 1949. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата.
- С. С. Черников, 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.— МИА, 88.
- Чжоу Вэй, 1957. Краткая история китайского оружия. Пекин (на китайском языке).
- Н. Л. Членова, 1955. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири.— СА, т. XXIII.
- Н. Л. Членова, 1955а. Бронзовый меч из Минусинской котловины.— КСИИМК, вып. 60.
- Н. Л. Членова, 1960. Древняя бронза Западных Саян.— УЗ ТНИИЯЛИ, т. VIII, Кызыл.
- Н. Л. Членова. 1961. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» культур Евразии.— УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IX, Кызыл.
- Н. Л. Членова, 1961а. Основные вопросы происхождения тагарской культуры Южной Сибири.— Сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск.
- Н. Л. Членова, 1962. Об оленных камнях Монголии и Сибири.— «Монгольский археологический сборник», М.
- Н. Л. Членова, 1962а. Скифский олень.— МИА, 115.
- Н. Л. Членова, 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине.— СА, № 3.
- Н. Л. Членова, 1964. Карасукская культура.— «История Сибири», т. I. Улан-Удэ.

- Н. Л. Членова, 1964а. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры Южной Сибири. Автореферат канд. дисс. М.
- Н. Л. Членова. Археологические работы в бассейне Урюпа, притока Чулыма, в 1957 году.— «Археология Сибири», № 3. Новосибирск (в печати).
- В. П. Ш и л о в, 1959. Калиновский курганный могильник.— МИА, 60.
- Б. А. Шрамко, 1953. Памятники скифского времени в бассейне Северного Донца. Канд. дисс.
- А. А. Штукенберг, 1901. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России.— «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVII, Казань.
- Д. Н. Эдинг, 1940. Резная скульптура Урала.— Труды ГИМ, X.
- У. Э. Эрдниев, 1958. Археологические находки в Кузбассе.— СА, № 2.
- Н. М. Ядринцев, 1897. О следах азиатской культуры в южнорусских и скифских древностях.— ТАС VIII, т. IV, М.
- Л. И. Ярхо, 1947. Алтае-сайские тюрки. Абакан.
- И. В. Яценко, 1959. Скифия в VII—V вв. до н. э.— ТГИМ, вып. 36.
- A. G. Andersson, 1932. Hunting Magic in the Animal Style.— BMFEA, N 4. ✓
- J. G. Andersson, 1933. Selected Ordos Bronzes.— BMFEA, N 5.
- D. Anouitchine, 1892. Notice sur quelques épées en bronze trouvés dans la Russie et en Sibérie.— Trav. du congr. de arch. préhist. à Moscou.
- H. Appelgren-Kivalo, 1931. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsinki.
- T. J. Arne, 1933. Die Funde von Luan Ping und Hsuan Hua.— BMFEA, N 5.
- T. J. Arne, 1945. Excavations at Shah Tepe. Stockholm.
- J. R. Aspelin, 1877—1884. Antiquités du Nord Finno-Ougrienne. Helsingfors.
- «Ausstellung Eurasiatischer Kunst. (Nomadenkunst und Tierstil)». Wien, 1934.
- G. Azarpay, 1959. Some Classical and Near Eastern Motifs in the Art of Pazyryk.— «Artibus Asiae», XXII. Ascona.
- R. D. Barnett, 1950. The Excavations of the British Museum at Toprak Kale near Van.— «Iraq», XII, pt. 1.
- R. D. Barnett, 1960. Assyrische Palastreliefs. Praha.
- L. Beck, 1884. Geschichte des Eisens, Bd. I. Braunschweig.
- S. Benton, 1938. Excavations in Ithaca, III.— «The Annual of the British School at Athens». London.
- S. Benton, 1938a. The Evolution of the Tripod-lebes.— «Annual of the British School at Athens». London.
- K. Bittel, 1940. Der Depotfund von Soloi-Pompeipolis.— ZfAss, Bd. 46 (N. F., Bd. 12).
- K. Blegen, 1936—1937. New Evidence for Dating the Settlements at Troy.— «The Annual of the British School at Athens», XXXVII.
- J. Boardman, 1961. The Cretan Collection in Oxford. Oxford.
- H. Bonnet, 1925. Die Waffen der Völker des Alten Orients. Leipzig.
- G. Borovka, 1928. Scythian Art. London. ✓
- H. Th. Bossert, 1942. Altanatolien. Berlin.
- P. E. Botta, E. Flandin, 1849. Monument de Ninive, II. Paris.
- M.—L. Buhl, 1950. Recently acquired Iranian Antiquities in the Danish National Museum.— «Acta Archaeologica», vol. XXI.
- A. Bulling, 1960. The Decoration of Mirrors of the Han Period. Ascona.
- A. Bulling, 1955. The Decoration of Some Mirrors of the Chou and Han Periods.— «Artibus Asiae», vol. XVIII, pt. 1. Ascona.
- D. Carter, 1958. The Symbol of the Beast: the Animal-Style Art of Eurasia. New York.
- Chêng Tê-k'un, 1962. Archaeology in China, vol. II. Cambridge.
- V. G. Childe, 1934. Eurasian Shaft-Hole Axes.— ESA, IX.
- V. M. Christian, 1937. Vorderasiatische Vorläufer des eurasiatischen Tierstils — WBKKA, Bd. 11.
- V. M. Christian, 1940. Altertumskunde des Zweistromlandes.
- H. H. Coghlan, 1952. Casting Moulds made in Metal.— «Man», LII, № 245.
- G. Contenau, 1922. La glyptique Syro-Hittite. Paris.
- G. Contenau, 1926. Les tablettes de Kerkouk et les origines de la civilisation assyrienne. Paris.
- D. Dalton, 1908. The Treasure of the Oxus. London.
- J. Déchelette, 1924. Manuel d'Archéologie préhistorique, vol. II. Paris.
- R. Dussaud, 1930. Haches à douille de type asiatique.— «Syria», XI.
- R. Dussaud, 1938. The Bronzes of Luristan.— SPA, I.
- W. Eberhard, 1942. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas. T'oung Pao. Supplementum an vol. 36. Leiden.
- N. Egami, S. Mizuno, 1935. Inner Mongolia and the Region on the Great Wall.— AO, B. Series, I.
- N. J. Evans, 1901. Mycenaean Tree and Pillar Cult.— «Journal of Hellenic Studies», XXI.
- A. Evans. 1921 (vol. I) — 1928 (vol. II). Palace of Minos.
- W. M. Flinders Petrie, 1917. Tools and Weapons. London.
- W. M. Flinders Petrie, 1928. Gerar. London.
- W. M. Flinders Petrie, 1933. Ancient Gaza, vol. III. London.

- H. Frankfort, 1939. *Cylinder Seals*. London.
- A. Furtwängler, 1880. *Die Bronzefunde aus Olympia und deren kunstgeschichtliche Bedeutung*. Berlin.
- S. Gallus, T. Horvath, 1939. *Un peuple cavalier préscythique en Hongrie. Dissertations Pannonicae. Ser. II, № 9*. Budapest.
- M. Gedl. *Kultura Łužicka na Córnyh Słasku*. Warszawa, 1962.
- R. Ghirshman, 1937. *Fouilles de Sialk près de Kāshan*. Paris.
- R. Ghirshman, 1939. *Fouilles de Nadi-Ali dans de Seistan Afghan*.—«*Revue des Arts Asiatiques*», t. XIII, № 1.
- R. Ghirshman, 1954. *Village Perse-Achémenide*.—«*Mémoires de la Mission archéologique en Iran*», t. XXXVI.
- W. Günters, 1928. *Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland*. Berlin.
- H. Goldman, 1956. *Excavation at Gözlü Kule, Tarsus, vol. I—II*. Princeton.
- A. Godard, 1931. *Les bronzes du Luristan*.—«*Ars Asiatica*», XVII. Paris.
- A. Godard, 1951. *A propos du trésor de Ziwiyé*.—«*Artibus Asiae*», XIV. Ascona.
- B. Grakov, 1928. *Monuments de la culture scythique entre la Volga et le monts Oural*.—ESA, III.
- B. Grakov, 1929. *Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg*.—ESA, IV.
- V. Griessmaier, 1936. *Sammlung Baron E. v. d. Heydt*. Wien.
- K. Hamada, S. Mizuno, 1938. *Hung Shan-Hou. Ch'ih Fêng*.—AO, ser. A, VI.
- G. Hampel, 1890. *Altertümer der Bronzezeit in Ungarn*. Budapest.
- F. Hančar, 1934. *Kaukasus — Luristan*.—ESA, IX.
- F. Hančar, 1934a. *Zum Problem der «kaukasischen» Tierstils*.—WBKKA, IX.
- S. H. Hansford, 1958. *The Seligman Collection of Oriental Art, vol. I*.
- Y. Harada, K. Komai, 1931. *My-Yang-Ch'eng, Han and Pre-Han Sites at the Foot of Mount Lao-T'ieh, South Manchuria*.—AO, II.
- J. F. Haskins, 1952. *Northern Origines of «Sasanian» Metalwork*.—«*Artibus Asiae*», XV, N 3. Ascona.
- C. F. C. Hawkes, M. A. Smith, 1957. *On some Buckets and Cauldrons of the Bronze and Early Iron Age*.—«*Antiquaries Journal*», XXXVII, № 3—4.
- A. Heikel, 1894. *Antiquités de la Sibérie Occidentale*. Helsingfors.
- H. Heikel, 1928. *Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan*.—«*Travaux Ethnographiques*», VII. Helsinki.
- R. Heine-Geldern, 1951. *Das Tocharerproblem und die Pontische Wanderung*.—«*Saeculum*», Bd. 2, Hf. 2.
- R. Hennig, 1935. *Herodots Handelsweg zu den Sibirischen Issedonen*.—«*Klio*», Bd. 28, Hf. 3.
- C. Hentze, 1930. *Beiträge zu den Problemen des eurasischen Tierstyles*.—OZ, Hf. 3—4.
- A. Hermann. *Massagetæ*.—RE, Bd. XXVIII.
- E. Herzfeld, 1929. *Bericht über archäologische Beobachtungen im südlichen Kurdistan und in Luristan*.—«*Archaeologische Mitteilungen aus Iran*», Bd. I, Hf. 2. Berlin.
- E. E. Herzfeld, 1935. *Archaeological History of Iran*. London.
- E. E. Herzfeld, 1941. *Iran in the Ancient East*. London.
- W. Hinz, 1939. *Zur iranischen Altertumskunde*.—ZDMG, Bd. 93.
- D. S. Hogarth, 1908. *Excavations at Ephesus*. London.
- D. S. Hogarth, 1920. *Hittite Seals*. Oxford.
- O. Janse, 1932. *Tubes et boutons cruciformes trouvés en Eurasie*.—BMFEA, № 4.
- O. Janse, 1934. *Le style du Houai et ses affinités*.—«*Revue des Arts Asiatiques*», t. VIII, N 3.
- O. Janse, 1935. *L'Empire des Steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-orient dans l'Antiquité*.—«*Revue des Arts Asiatiques*», t. IX, № 1.
- K. Jettmar, 1950. *The Karasuk Culture and its South-Eastern Affinities*.—BMFEA, 22.
- E. M. Jope. *Daggers of the Early Iron Age in Britain*.—«*Proceedings of the Prehistoric Society for 1961*», New Series, vol. XXVII, Cambridge, 1961.
- J. Junge, 1939. *Saka Studien*.—«*Klio*», N. F., Bd. 28. Beiheft XLI.
- B. Karlgren, 1945. *Some Weapons and Tools from the Yin Dynasty*.—BMFEA, № 17.
- K. Kent, 1938. *Old Persian Jottings*.—JAOS, vol. 58.
- A. Koop, 1924. *Frühe chinesische Bronzen*. Berlin.
- J. Kostrzewski, 1914. *Wielkopolska w czasach przedhistorycznych*. Poznań.
- W. Lamb, 1929. *Greek and Roman Bronzes*. London.
- G. Lechler, 1938. *The Beginning of the Bronze Age and the Halberd*.—«*Bulletin of American School of Prehistoric Research*», vol. 14, May.
- Lefebvre des Noettes, 1931. *L'attelage et le cheval de selle à travers les âges*. Paris.
- L. Legrain, 1934. *Luristan Bronzes in the University Museum*. Philadelphia.
- C. F. Lehman-Haupt, 1931. *Armenien einst und jetzt*, Bd. II, Hft. 2. Berlin.

- Li Chi, 1957. *The Beginnings of Chinese Civilization*. Seattle.
- S. Lloyd, 1954. Sultantepe, pt. II.—«Anatolian Studies», vol. 4.
- M. Loehr, 1939. Das Rolltier in China — OZ, N. F. 14, Hft. 4/5.
- M. Loehr, 1949. Weapons and Tools from Anyang and Siberian Analogies.—AJA, LIII, N 2.
- M. Loehr, 1949a. Ordos Daggers and Knives, pt. I. Daggers.—«Artibus Asiae», XII, Ascona.
- M. Loehr, 1951. Ordos Daggers and Knives. Pt. II. Knives.—«Artibus Asiae», XIV.
- M. Loehr, 1956. Chinese Bronze Age Weapons. Ann Arbor.
- O. Maenchen-Helfen, 1939. The Ting-ling.—«Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 4, N 1.
- O. Maenchen-Helfen, 1958. A Chinese Bronze with Central-Asiatic Motives.—BMFEA, 30.
- F. R. Martin, 1893. *L'âge du bronze au musée de Minoussinsk*. Stockholm.
- F. R. Martin, 1897. *Sibirica. Ein Beitrag zur Kenntnis und Geschichte sibirischer Völker*. Stockholm.
- R. Maxwell-Hyslop, 1946. Daggers and Swords in Western Asia.—«Iraq», VIII.
- R. Maxwell-Hyslop, 1949. Western Asiatic Shaft-hole Axes.—«Iraq», XI, Pt. 1.
- K. R. Maxwell-Hyslop, 1956. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs.—«Iraq», XVIII, Pt. 2.
- Th. J. Meek, 1939. Bronze Swords from Luristan.—BASOR, N 74.
- G. Merhart, 1924. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei Gubernie, I.—SMYA, XXXIV.
- G. Merhart, 1926. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei Gubernie, II.—SMYA, XXXV.
- G. Merhart, 1926a. *Bronzezeit am Jenissei*. Wien.
- E. H. Minns, 1913. *Scythians and Greeks*. Cambridge.
- E. H. Minns, 1930. Small Bronzes of Northern Asia.—«Antiquaries Journal», vol. X, London.
- E. H. Minns, 1942. The Art of the Northern Nomads.—«Proceedings of the British Academy», vol. XXVIII. London.
- J. de Morgan, 1896. *Mission scientifique en Perse*, t. I.
- J. de Morgan, 1927. *La préhistoire orientale*, t. III. Paris.
- Morse, 1885. Ancient and Modern Methods of Arrow-Release.—«Bulletin of the Essex Institute», vol. XVII, October — December.
- H. Müller-Karpe, 1959. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nordlich und südlich der Alpen. Berlin.
- J. Naue, 1903. *Die vorrömischen Schwerter aus Kupfer, Bronze und Eisen*. München.
- K. Nauman, W. Kleiss, C. Nylander, L. Gezelius, H. Ochler, 1963. Takt-i-Suleiman und Zendan-i-Suleiman.—«Archäologische Anzeiger», 1962, H. 4. Berlin.
- H. v. d. Osten, 1957. Altorientalische Siegelsteine der Sammlung H. S. von Aulock.—«Studia Ethnographia Upsaliensia», vol. XIII. Upsala.
- B. Parker, 1955. Excavations at Nimrud, 1949—1953.—«Iraq», XVII, pt. 2. Autumn.
- A. Parrot, 1960. *Sumer*. München.
- E. D. Phillips, 1955. The Legend of Aristeas: Fact and Fancy in early Green Notions of East Russia, Siberia and Inner Asia.—«Artibus Asiae», XVIII.
- G. Perrot, Ch. Chipiez, 1884. *Histoire de l'art dans l'antiquité*, t. I—III. Paris.
- A. W. Persson, 1931. *The Royal Tombs of Dendra near Midea*. London — Paris.
- R. Pittioni, 1954. *Urgeschichte des Österreichischen Raumes*. Wien.
- Pósta Béla, 1905. *Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy*. Bd. IV. Budapest.
- H. A. Potratz, 1941. *Pferdegebisse des Zwischenstromländischen Raumes*.—AFO, Bd. XIV, № 1—2.
- H. A. Potratz, 1942. *Die Luristanischen Pferdegebisse*.—PZ, Bd. XXXII—XXXIII.
- H. A. Potratz, 1955. *Die Luristanbronzen des Museums für Kunst und Gewerbe in Hamburg*.—ZfAss, Bd. 17 (51).
- H. Potratz, 1959. Die Skythen und Vorderasien.—«Orientalia», t. 28, Roma.
- H. Prinz, 1912. *Der Dolchstab im alten Babylonien*.—PZ, Bd. IV, Hft. 1—2.
- S. Przeworsky, 1938. *Personal Ornaments in Pre-Achaemenid Iran*.—SPA, I.
- S. Przeworsky, 1939. *Metallindustrie Anatoliens*.
- R. Pumpelly, 1908. *Explorations in Turkestan*, vol. I. Washington.
- P. Rau, 1927. *Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga*. Pokrowsk.
- P. Rau, 1928. *Prähistorische Ausgrabungen*. Pokrowsk.
- P. Rau, 1929. *Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Volgagebiet*. Pokrowsk.
- P. Reinecke, 1897. Ueber einige Beziehungen der Alterthümer Chinas zu denen des skythisch-sibirischen Völkerkreises.—ZfE, Bd. XXIX, Hft. 5.
- M. Rostovtzeff, 1922. *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford.
- M. Rostovtzeff, 1929. *The Animal Style in South Russia and China*. Princeton.
- S. Roudenko, 1930. *Les sépultures de l'époque des kourganes de Minoussinsk*.—«L'Antropologie», t. XXXIX, № 5—6. Paris.
- G. S äflund, 1939. *Le Terra-mare della provincia di Modena, Reggio Emilia, Parma, Piacenza*. Leipzig.

- A. Salmony, 1933.—«Sino-Siberian Art», Paris.
 E. Sarre, E. Herzfeld, 1900.—«Iranische Felsreliefs».
 I. Savenkov, 1893. Sur les restes de l'époque néolithique dans le gouv. Enisseiski.—«Congrès internationale d'Archéologie et d'Anthropologie préhistorique», II Session à Moscou, t. II.
 C. Schaeffer, 1932. Les fouilles de Minet-el-Beide et de Ras Schamra.—«Syria», XIII.
 C. Schaeffer, 1948. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London.
 H. Schliemann, 1878. Mycenae. Leipzig.
 E. F. Schmidt, 1932—1933. The Alishar Hüyük. Chicago.
 E. F. Schmidt, 1937. Excavations at Tepe Hissar. Philadelphia.
 E. F. Schmidt, 1939. The Treasury of Persepolis. Chicago.
 E. F. Schmidt, 1957. Persepolis, vol. I—II. Chicago.
 H. Schmidt, 1902. Heinrich Schliemanns Sammlung Troyanischer Altertümer. Berlin.
 R. B. Seager, 1912. Explorations in the Island of Mochlos. Boston.
 O. Sirén, 1929. A History of Early Chinese Art, t. II.
 B. Sommarström, 1956. Archaeological Researches in the Edsen-Gol Region, Inner Mongolia, pt. I. Stockholm.
 B. Sommarström, 1958. Archaeological Researches in the Edsen-Gol Region, Inner Mongolia, pt. II. Stockholm.
 A. Stein, 1928. Innermost Asia.
 A. Stein, 1937. Archaeological Reconnaissances in N.-W. India and S.-E. Iran. London.
 J. Strzygowski, 1930. Asiens bildende Kunst in Stichproben, ihr Wesen und ihre Entwicklung. Augsburg.
 J. Strzygowski, 1935. Der amerasiatische Kunststrom.—OZ, Hft. 5.
 T. Sulimirsky, 1954. Scythian Antiquities in Western Asia.—«Artibus Asiae», XVII, № 3—4 Ascona.
 W. Szafranski, 1955. Skarby brązowe z epoki wspólnoty pierwotnej (IV i V okres epoki brązowej) w Wielkopolsce. Warszawa — Wrocław.
 A.-M. Tallgren, 1916. L'époque dite d'Ananino dans la Russie Orientale. Helsinki.
 A.-M. Tallgren, 1917. Collection Tovostine. Helsinki.
 A.-M. Tallgren, 1922. Trouvailles isolées siberiennes.—SMYA, XXIX.
 A.-M. Tallgren, 1926. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux.—ESA, II.
 A. M. Tallgren, 1933. Zum Ursprungsgebiet des sogenannten skythischen Tierstyls.—«Acta Archaeologica», vol. 4, fasc. 2—3.
 N. Tchlenova, 1962. L'art animalier de l'époque scythique en Sibirie et en Pontide.—«VI Congrès international des sciences préhistoriques et protohistoriques». Moscou.
 N. Tchlenova, 1963. Le cerf schythe.—«Artibus Asiae», vol. XXVI/1.
 R. C. Thompson, D. Litt, M. E. L. Mallowan, 1933. The British Museum Excavations at Nineweh, 1931—1932.—«Annals of Archaeology and Anthropology», vol. XX, № 1—4.
 B. Tsunoda, 1954. Luristan Culture and Scythian Culture.—«Ancient Art of the Northern Eurasia», Kyoto (на японском языке).
 G. Tucci, 1935. On some Bronze Objects Discovered in W. Tibet.—«Artibus Asiae», V.
 H. R. Uhlemann, 1960. Bronzezeitliche Sammlungen im Deutschen Klingensmuseums Solingen.—«Analecta Archaeologica». Festschrift Fritz Fremersdorf. Köln.
 Uifalvy de Mezö-Kövesd, 1880. Atlas archéologiques des antiquités Finno-Ougriennes et Altaïques. Paris.
 S. Umehara, 1933. Shina Kodo seikwa.
 S. Umehara, 1955. The Late Mr. Moriya's Collection of Ancient Chinese Mirrors.—«Artibus Asiae», vol. XVIII, pt. 3—4.
 L. Vanden-Berghe, 1958. Archéologie de l'Iran ancienne. Leiden.
 A. Vayson de Pradene, 1925. L'étamage des armes de bronze en Chine.—«L'Anthropologie», t. XXXIV, № 6.
 W. H. Ward, 1910. The Seal Cylinders of Western Asia. Washington.
 M. Warren Rogers, 1938. The Early Cultures of Damghan (Tepe Hissar).—SPA, vol. I.
 W. Watson, 1960. Archaeology in China. London.
 W. Ch. White, 1956. Bronze Culture of Ancient China. Toronto.
 S. Williams, 1961. Preliminary Report of the Excavations at Tell Rifa'at.—«Iraq», XXIII, pt. 1.
 D. J. Wiseman, 1958. Götter und Menschen in Rollsiegel Westasiens. Praha.
 L. Woolley, 1921. Carchemish, Pt. II. London.
 L. Woolley, 1930. Excavations at Ur.—«Antiquaries Journal», vol. X, N 3—4.
 L. Woolley, 1934. Ur Excavations, vol. II.
 F. R. Wulsin, 1938. The Early Cultures of Astrabad.—SPA, I.
 W. P. Yetts, 1931. Chinese Contact with Luristan Bronzes.—«Burlington Magazine», vol. LIX.

Список сокращений

АКА	— Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960
АМ	— Абаканский музей
АчМ	— Ачинский музей
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВДИ	— «Вестник древней истории»
ВСОРГО	— Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ДГС	— «Древности Геродотовой Скифии», т. I, II, СПб.
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения». СПб.
ЗУОЛЕ	— «Записки Уральского общества любителей естествознания». Екатеринбург
ЗОРСА РАО	— «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества»
ЗРАО	— «Записки Русского археологического общества»
ИА	— Институт археологии Академии наук СССР
ИАК	— «Известия Археологической комиссии»
ИВСОРГО	— «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»
ИГАИМК	— «Известия Государственной академии истории материальной культуры»
ИИА АН УзбССР	— Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ИИАЭ АН КазССР	— Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИУЗФАН	— «Известия Узбекского филиала Академии наук СССР»
ИМ	— Иркутский музей
ИРАИМК	— «Известия Российской Академии истории материальной культуры»
ИРГО	— «Известия Русского географического общества»
ИЭ	— Институт этнографии Академии наук СССР
КанМ	— Канский музей
КМ	— Красноярский музей
КСИИМК	— «Краткие сообщения Института истории материальной культуры»
КСИНА	— «Краткие сообщения Института народов Азии»
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАНВР	— «Материалы по археологии восточных губерний России»
МА МГУ	— Музей антропологии МГУ
МАК	— «Материалы по археологии Кавказа»

- МАР — «Материалы по археологии России»
 МАЭ — «Музей антропологии и этнографии»
 МГУ — Московский Государственный университет
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 МИМК ТГУ — Музей истории материальной культуры Томского Государственного университета
 ММ — Минусинский музей
 МЭ — «Материалы по этнографии»
 ОАК — «Отчет Археологической комиссии»
 ПИМК — «Проблемы истории материальной культуры»
 СА — «Советская археология»
 Сб. МАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР», Л.
 СГАИМК — «Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры»
 СКА — Кабинет археологии Свердловского Государственного университета
 СКМ — Свердловский краеведческий музей
 Смела — А. А. Бобринский, 1887—1901. (См. список литературы)
 ТАС — «Труды археологического съезда»
 ТГИМ — «Труды Государственного исторического музея»
 ТКМ — Томский краеведческий музей
 ТОУАК — «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии»
 Тр. ИИАЭ АН КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР»
 Тр. ОИПК ГЭ — «Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа»
 СЭ — «Советская этнография»
 ТСА РАНИОН — «Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук», Москва
 ТСАГУ — «Труды Среднеазиатского государственного университета»
 УЗ АГПИ — «Ученые записки Алма-атинского государственного педагогического института им. Абая»
 УЗ ЛГУ — «Ученые записки Ленинградского Государственного университета»
 УЗ ТНИИЯЛИ — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института истории языка и литературы»
 УЗ Хак. НИИЯЛИ — «Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института истории, языка и литературы»
 УЗ КазПИ — «Ученые записки Казахского педагогического института»
 ЧитМ — Читинский музей
 AfO — «Archiv für Orientforschung», Wien
 AJA — «American Journal of Archaeology»
 AO — «Archaeologia Orientalis», Tokyo — Kyoto
 BASOR — «Bulletin of the American School of Oriental Research»
 BMFEA — «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities», Stockholm
 ESA — «Eurasia Septentrionalis Antiqua», Helsinki
 OZ — «Ostasiatische Zeitschrift», Berlin
 PZ — «Prähistorische Zeitschrift», Berlin
 RE — «Real-Encyclopedie herausgegeben von M. Ebert»
 SMYA — «Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja». Helsinki
 SPA — A Survey of Persian Art
 WBKKA — «Wiener Beiträge zur Kunst- und Kulturgeschichte Asiens», Wien
 ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft
 ZfE — «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin
 ZfAss — «Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie», Berlin

Объяснения к таблицам

Табл. 1. Корреляция взаимовстречаемости разных видов оружия в тагарских комплексах VII—V вв. до н. э.

1 — Агаскыр. Случайные раскопки кургана между пос. Агаскыр и Сарала-Июс (ГИМ, 95328/а, 6; хр. 1-99);	20 — Бузунова, курган 4. Там же;
2 — Узунжул. Раскопки И. Т. Савенкова и И. П. Кузнецова--Красноярского, 1884 (архив ММ);	21 — Батени, курган III, могила 21. Раскопки С. А. Теплоухова, 1927 (ГЭ 4580);
3 — Откнин улус, курган 5. Раскопки В. Г. Карцова, 1930 (ГЭ 1253 и архив ОИПК ГЭ);	22 — Оглахты, курган 4 (см. выше, № 13);
4 — Чернова. Раскопки Г. П. Сосновского, 1929 (МАЭ, 3984-22, архив ЛОИА, ф. 42, д. 119, лл. 16, 17);	23 — ст. Минусинск, курган 3. Раскопки А. Н. Липского, 1957. АМ;
5 — Учум. Раскопки В. Г. Карцова, 1929. Отчет В. Г. Карцова за 1929 в АчМ (арх. № 184);	24 — Сыда, курган 6. Раскопки С. В. Киселева, 1929 (ММ 11679-90).
6 — Ужур, курган 6. Раскопки Н. Л. Членовой, 1955. ГИМ;	25 — Сыда, курган V. Раскопки С. В. Киселева, 1929 (ММ 11605, 11614—11647);
7 — Копьева, курган XV. Раскопки С. И. Руденко, 1920 (МИМК ТГУ 6460);	26 — Усть-Сыда, курган I. Раскопки С. В. Киселева, 1929 (ММ 11466-85);
8 — Копьева, курган XIII. Там же;	27 — Абаканская управа, 1899, курган 4 (группа 1). Раскопки А. В. Адрианова (ГИМ 39951 и А. В. Адрианов, 1902—1924);
9 — Батени, курган 1, могила 17. Раскопки С. А. Теплоухова, 1926 (ГЭ 4580);	28 — Самохвал, 1898, курган 4. Раскопки А. В. Адрианова, ГИМ;
10 — Тагарский о-в, курган 2. Раскопки А. В. Адрианова, 1895 (ГЭ 1126);	29 — Галактионово, курган 8. Раскопки Д. А. Клеменца, 1888 (ГИМ 44848);
11 — Тагарский о-в, курган 3. Раскопки А. В. Адрианова, 1895. Там же;	30 — Абаканская управа, 1898, курган 4. Раскопки А. В. Адрианова (ГИМ, хр. 85/4а);
12 — Райков улус, раскопки А. Н. Липского, 1945, АМ.	31 — Подгорное озеро, курган 1. Раскопки С. А. Теплоухова, 1930 (ГЭ 5138);
13 — Оглахты, курган 6. Раскопки Р. В. Николаева, 1955 (архив ИА, ф. 1, д. 1083);	32 — Маткечик. Раскопки А. Н. Липского, 1951 (архив ИА, р-1, д. 573);
14 — Саргов, группа II, курган 4. Раскопки А. В. Адрианова, 1903 (ГИМ 43930 и архив ЛОИА, д. 33 за 1903 г.);	33 — Шалгыново. Случайная раскопка кургана. ГИМ 95686;
15 — Самохвал, 1898 г., курган 6. Раскопки А. В. Адрианова (ГИМ 40211);	34 — Изыкчуль, курган 8. Раскопки Н. Л. Членовой, 1962;
16 — Усть-Ерба, курган 2. Раскопки С. В. Киселева, 1931 (ГИМ, без номера);	35 — Самохвал, 1898, курган 8. Раскопки А. В. Адрианова (ГИМ 56483);
17 — Усть-Ерба, курган 3. Там же;	36 — Кочергино, курган 1. Раскопки С. В. Киселева, 1928 (ММ 11063-1173);
18 — Бузунова, курган 5. Раскопки С. И. Руденко, 1920 (МИМК ТГУ 6280);	37 — Копьева, курган XII. Раскопки С. И. Руденко, 1920 (МИМК ТГУ);
19 — Бузунова, курган 6. Там же;	43 — Кара-Кургэн, курган 4, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ;
	44 — Саргов, группа II, курган 3, раскопки А. В. Адрианова, 1903, ГИМ;

- 45 — Тагарское оз., курган 35, см. 42;
 46 — Кызыл-Куль, курган 1, см. 55.
 47 — Кривинское, курган 2, раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ 1251;
 48 — Шалаболино, клад бронзовых вещей, ММ 11908—11927;
 49 — Малые Копены, курган 1, раскопки В. П. Левашевой и З. К. Глусской, 1939, КМ, без номера;
 50 — Малые Копены, курган 2, см. 49;
 51 — колхоз им. Энгельса, раскопки А. Н. Липского, 1951, архив ИА, ф. 1, д. 573;
 52 — Большая Ничка, случайная раскопка кургана, ММ 9564—70;
 53 — Ашина, курган 9, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6339—52;
 54 — Копьева, курган X, см. 37;
 55 — Кызыл-Куль, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГЭ 1126;
 56 — Колхоз им. 1 Мая, раскопки А. Н. Липского, 1952, АМ 241/1—36;
 57 — Усть-Сыда, курган 3, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11491—11501;
 58 — Узун-Оба, курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ;
 59 — Узун-Оба, курган 2, см. 58;
 60 — Думная гора, «могила близ кургана 5», раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126;
 61 — Батени, курган III, могила 23, раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580;
 62 — Верхний Суэтук, «медные предметы, добытые из кургана близ деревни Верхний Суэтук», ММ 9229—9549.

Табл. 2. Корреляция бронзовых тагарских кинжалов из случайных находок

Табл. 3. Тагарские бронзовые кинжалы VII—VI вв. до н. э. «с шипами» (с прямым перекрестьем) и их производные

- 1—11, 16, 19—21, 26 — с прямыми и опущенными книзу «шипами»;
 12—15, 17, 18, 22—25 — с прямым перекрестьем, испытанным влиянием сердцевидного перекрестья;
 27—29 — с атрофированными «шипами»;
 23 — вкладышевый кинжал с вложенным в ручку шилом;
 23а* — шило из того же кинжала
 1—8 — VII в. до н. э.;
 9—26 — VI в. до н. э.;
 27—29 — VI—V вв. до н. э.
 1, 4, 8, 17, 5, 12, 21, 23 — Минусинский уезд. МИМК ТГУ 3179; 2840, 3181, 6272-411; ММ 996, 975; ГЭ 1126-325, 1135/4;
 2 — Быскар. ММ 936;
 3 — Аскыз. ММ 935;
 6 — Кавказское, ММ 994;
 7 — Уты. ММ 1005;
 9 — Изынжуль. ГЭ 5531-259;
 10 — Городок. ММ 802;
 11 — Иудина. ММ 790;
 13 — Свинына. ММ 796;
 14 — Бея. МИМК ТГУ 2847;
 15 — Табат. МАЭ 1298-30;
 16 — Потехина. МИМК ТГУ 2838;
 18 — Минусинский или Енисейский округ. МИМК ТГУ 3182;
 19 — Норилков улус. ММ 815;
 20 — Марьясова. ММ. 827;
 22 — Табат. МАЭ 1298-33;
 24 — Биря. ММ 4377;
 25 — Быстрая. МАЭ 2430-2; ММ 8316;
 26 — Калы.
 27 — Сабинское, ГИМ 36228;
 28 — Тесинское. КМ 131-397;
 29 — р. Писка Красноярского округа. ГЭ 5531—274.

Табл. 4. Тагарские бронзовые кинжалы V—IV вв. до н. э. Тагарские бронзовые проушные топоры

- 1, 5, 8, 12, 2, 7, 19, 16, 25 — Минусинский округ. ГИМ, Отдел оружия, 1368, 4949, хр. 94/3; 38110; ГЭ 1293/16, 1670-1, 5531-187; МИМК ТГУ 3170; ММ 445;
 3 — Уты. ММ 841;
 4 — хутор Полежаев Лукьяновского с/совета, ММ 12541;
 6 — Сухобузимское или Седельниково Красноярского округа. ГИМ 42485;
 9 — Андропова, КМ 118—119;
 10 — Знаменка Минусинского округа. ГЭ 5531-329;
 11 — Узунжуль. ММ 869;
 13, 14, 23 — Усинское АМ 247; ММ 450, 449;
 15 — Монок. ММ 443;
 17 — Большой Телек. ММ 446;
 18 — Самохвал, курган, 6, могила III, раскопки А. В. Адрианова. 1898;
 20 — Кортус. ГЭ 5531-186;
 21 — Шалаболино. ММ 11908;
 22 — улус Норилков, ММ 447;
 24 — Иудина (F. K. Martin, 1893);
 26 — Большой Топанов улус, ММ 441.

Табл. 5. Происхождение тагарских кинжалов

- 1—8 — Позднеандроновские и позднесрубные кинжалы;
 9—11 — прототипы кинжалов «с шипами»;
 12—18 — карасукские кинжалы с простыми и фигурными бортиками на ручке и их аналоги;
 19, 20, 27, 28 — кинжалы «кассетные» с простыми и фигурными закраинами;
 22—26 — прототипы кинжалов с сердцевидным перекрестьем;
 29 — поздний вариант того же типа
 1 — Большой Хабык. ММ 878;
 2, 14 — Минусинский округ. МАЭ 1705-9; ММ 953;
 3 — Кривошеино. ММ 7221;
 4 — Кортус. ММ 876;

* Буквой *a* после цифры обозначается деталь того же предмета.

- 5 — район Дона;
 6 — Причерноморье;
 7 — Воронеж (5—7 — по: А.-М. Tallgren, 1926);
 8 — Восточный Казахстан, МАЭ 3211—1300;
 9 — додинастический Египет (по: Н. Bonnet, 1925);
 10 — Луристан (по С. Schaeffer, 1948);
 11 — Микены (по: J. Naue, 1903);
 12 — с. Каптырево. ММ 962;
 13 — Норилков улус. ММ 815;
 15 — Беш-Баш Ташкентской обл., Ташкентский ист. музей, № Вр. 286, № 188/171, по рис. Е. Е. Кузьминой;
 16 — Восточный Казахстан (по: С. С. Черников, 1960);
 17 — Сайгайская степь. ММ 843;
 18 — Шалаболино, КМ 131—826;
 19 — Калар-Дашт, Северный Иран (по: L. Vanden-Berghe, 1958);
 20 — Талыш (по R. Maxwell-Hyslop, 1946);
 21 — (нет);
 22, 23 — додинастический Египет (по: J. de Morgan, 1926, t II);
 24 — Англия;
 25 — Франция (24—25 — по: J. Naue, 1903);
 26 — Украина (по: А. И. Тереножкин, 1954);
 27 — Ялизос. Крит (по: Н. Bonnet, 1925);
 28 — Микены (по: J. de Morgan, 1926);
 29 — Англия (по Е. М. Jope, 1961);
 9, 22 — кремневые кинжалы с костяными рукоятками; на кинжале 9 — кусок кожаных ножен;
 23 — серебро;
 26, 29 — железные кинжалы с бронзовыми рукоятками; остальное — бронза. Разные масштабы. Аналогии: шляпки-навершия на карасукских кинжалах из Минусинской котловины; д. Монок (И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908, табл. 1—5); д. Терехина Красноярского округа (ГЭ 5531—248) и др.

Табл. 6. Распространение кинжалов с «шипами» в Евразии во II—I тыс. до н. э.

- 1 — Китай, Чжоу Вэй, 1957;
 2, 3 — Ордос, М. Loehr, 1949;
 4 — Туран, Тува. Л. Р. Кызласов, 1958;
 5—7 — Минусинская котловина, д. Кривая. ММ 930; с. Уты, ММ 965; с. Таштыш, ММ 958;
 8, 9 — с. Тальменское Барнаульского окр. ГИМ 3816; Алтай. М. П. Грязнов, 1947;
 10 — Томск, Лагерный сад (Томский краеведческий музей);
 11 — Фергана, Дальверзин. М. Е. Массон, 1953;
 12 — Прикамье. Ананьинский могильник, ГИМ 19270;
 13, 14 — изображения на Ново-Мордовских стелах (ТатАССР). СА № 3, 1963;
 15 — с. Демкино Саратовской обл., Е. К. Максимов, 1962;
 16 — с. Навки б. Пензенской губ. А. А. Спицын, 1901;
 17—23 — Северный Кавказ;
 17—18 — Березовский могильник, ГИМ 82997; Е. И. Крупнов, 1960;
 19 — могильник близ с. Кескем, ОАК за 1898 г.;
 20, 21 — Каменноостровский могильник, МИА, 3, 1941;
 22 — Кольцо-гора под Кисловодском, Е. И. Крупнов, 1960;
 23 — Кобань, МАК VIII;
 24 — клад из Соли (Помпеиполиса) в Киликии, К. Bittel, 1940;
 25 — Крит, А. Evans, 1921—1928;
 26, 27 — Киевская обл., А. И. Тереножкин, 1954;
 28 — Панад; Семиградье, ESA XI, 471;
 29—32 — Венгрия, Е. И. Крупнов, 1960, А. И. Тереножкин, 1954;
 33 — Гамов, Силезия, М. Gedl, 1962;
 34 — Лейбниц, Штирия, «Archaeologia Austriaca», Hft. 33. Wien, 1963;
 35 — додинастический Египет, Н. Bonnet, 1925;
 12, 15—22, 26—29, 31, 34 — бронзовые рукоятки и железные клинки;
 13, 14 — выбито на камне;
 35 — кремневый клинок и костяная ручка (на клинке — кусок кожаных ножен); остальное — бронза. Разные масштабы.

Табл. 7. Тагарские бронзовые чеканы

- 1 — Лугавское, ММ 578;
 2 — Тесь, МАЭ 1298-12;
 3, 20 — Каптырево, ММ 602, 463;
 4, 6, 11, 8, 23, 19, 21, 22 — Минусинский округ, ГИМ 49439 (2 экз.), ГЭ 1293-24, 5531-189, 1670-8; ММ 4383, 641, 634;
 7, 5 — Монок. МИМК ТГУ 2836;
 9 — Тагарское озеро, курган 33. Раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ 34578;
 10 — с. Чумай Верхне-Чебульского р-на Томской обл. МИМК ТГУ 5995;
 12 — д. Брагина, КМ 131—825;
 13 — Колмакова, ММ 581;
 14 — Иудина, ММ 611;
 15, 16, 17 — Енисейская губ. ГЭ 5531-195, 5531-196, 5531-193;
 18 — Верхний Суэтук, ММ 656

Табл. 8. Бронзовые секиры (1—14), копья (15—22) и втоки (23—27);

- 1 — Корелка, ММ 606;
 2 — Норилков улус, ММ 609;
 3 — Южная часть Красноярского края, ММ 12724;
 4 — Тесь, МАЭ 1298-14;
 5 — Батени, курган 1, могила 17, раскопки С. А. Теплоухова, 1929, ГЭ 4580-11;
 6, 8, 7, 19, 20 — Минусинский край. МИМК ТГУ 3172, 3171; ГЭ 5531-197; АМ 248-2, 248-1;

- 9, 21 — Таштып, ММ 451, 7230;
 10 — Паначева, КМ 131-751;
 11 — Кашинская близ Канска, КанМ 1003;
 12 — Метляева Балаганского у. Иркутской губ. ИМ 1308;
 13 — Верхний Суэтух, ММ 670;
 14 — Перово, ММ 453;
 15 — Салба. А.-М. Tallgren, 1917;
 16 — Кочергино, ММ 7225;
 17 — Телек, АМ 248-2;

- 18 — Нижняя Коя, КМ 131-819;
 22 — скала Аржаковых у г. Боготола. АчМ, архив, д. 183;
 23 — Быстрая, ГЭ 1257-3;
 24 — Беллык, ММ;
 25 — Бейское, ГИМ;
 26 — Арейское Красноярского р-на;
 27 — Кривая, ГИМ, хр. 33832/40
 Аналогии № 16, 17, 21, 22 — из д. Терехиной и из Красноярского округа (В. В. Павлов, 1894, табл. XIX, 7—9)

Табл. 9. Схема развития китайских бронзовых чеканов (по Чжоу Вэй, 1957)

Табл. 10. Происхождение чеканов и секир

<p>1, 8 — Минусинская котловина;
 2 — Забайкалье;
 3, 4, 24 — Северный Китай;
 5—7 — Западная Европа;
 9 — Северный Кавказ;
 10, 11 — Сибирь;
 23 — Монголия;
 12, 22, 25 — Ближний Восток
 1 — Минусинский край, ММ 672;
 2 — р. Джида. Н. Н. Диков, 1958;
 3 — Суйюань. М. Лохер, 1956;
 4 — Шанси. М. Лохер, 1956;
 6—7 — Германия, Чехословакия, Польша. G. Lechler, 1938;
 8 — Усинское, ММ 671;
 9 — Машук. Е. И. Крупнов, 1960;
 10 — Любино-Москальское Тюкалинского у. Тобольской губ., ОАК за 1900;
 11 — Сибирь, точнее неизвестно, ИМ;
 12, 13 — Тепе Гийян. R. Dussaud, 1930 и E. Herzfeld, 1929;</p> | <p>14 — Ассирия, Шахар-Базар, R. Maxwell-Hyslop, 1949;
 15, 25 — Нихавенд, Иран. A. Godard, 1931; K. Dussaud, 1930;
 16—18, 20 — Луристан, Иран С. Schaeffer, 1948; V. Maxwell-Hyslop, 1940; A. Godard, 1931;
 19 — Тиль-Барсиб. R. Maxwell-Hyslop, 1949;
 21 — раннединастический Египет, R. Maxwell-Hyslop, 1949;
 22 — Ур, царские могилы. L. Woolley, 1934;
 23 — Монголия, Южная Гоби. С. В. Киселев, 1947;
 24 — Аньян. W. White, 1956;
 26 — «Киргизские степи, Алтайский округ или Джунгария». Коллекция д-ра А. Шренка. МАЭ 35—21
 9 — железный чекан с бронзовой втулкой; остальное бронза</p> |
|--|--|

Табл. 11. Тагарское бронзово-железное и железное оружие

<p>1—15, 18—20 — Минусинская котловина;
 16, 17 — Персеполь
 1 — Усть-Ерба, ММ 816;
 2 — Минусинский или Енисейский округ, МИМК ТГУ 3175;
 3 — то же, ММ, без номера;
 4 — Очуры. А.-М. Tallgren, 1917, табл. XII, 2;
 5, 7, 15, 12, 13, 14, 18, 19, 20 — Минусинский край, ММ без номера; 1206, 759*; АМ без номера; 248-7; ГИМ 39163; без номера, ИМ, без номера;
 6 — Байкалова, ГЭ 5531-336;
 8 — Биря, ГИМ, без номера;
 9, 11 — Батени, ГЭ 1343, 5531-338;
 10 — Абаканское, ГЭ 1124-16;
 16, 17 — Персеполь. E. F. Schmidt, 1957; т. II, табл. 79, 1;
 19 — Большая Иня, ММ 6801*.</p> | <p>1 — железный кинжал с бронзовой ручкой;
 2 — железный кинжал, ручка облита бронзой;
 3 — железный кинжал, навершие и перекрестье облиты бронзой;
 5 — кинжал с бронзовым клинком и перекрестьем и обломком железной ручки;
 6 — кинжал с бронзовой ручкой и железным лезвием;
 8 — кинжал с бронзовым клинком и перекрестьем и железной ручкой;
 9—11 — железные кинжалы с клинком, облитым бронзой;
 12 — железный кинжал с бронзовым перекрестьем;
 4, 7, 13—15, 19, 20 — железо;
 16 — каменный рельеф;
 17 — бронза;
 18 — нож с железным лезвием;</p> |
|---|---|

Табл. 12. Дотагарские и тагарские бронзовые наконечники стрел группы А и подражания костяным

<p>1, 3 — Красноярский край, МИМК ТГУ 5810, 5850;
 2 — с. Табат, МАЭ 1298-38;
 4, 29, 10, 47, 13, 38, 42 — Минусинский край, ММ 11996 и без номера; МИМК ТГУ 5809, 3385; ГЭ 1133/383, 1293/130, 1293/132;</p> | <p>5, 48 — Красноярск, КМ 391, 106-1;
 6, 8 — Лугавское, ММ 7408, 7255;
 7 — д. Мигна, ММ 7467;
 9, 12, 25, 32 — д. Ключи, ММ 7262, 7327, 7254, 7446;</p> |
|---|---|

- 11 — д. Колмакова, ММ 7466;
 14 — Райков улус. раскопки А. Н. Липского, 1945 АМ;
 15, 27, 50 — с. Означенное, МАЭ, 240-14, 4085/63; ГИМ, хр. 19/176;
 16 — Батени, курган 1, могила 17, раскопки С. А. Теплоухова, 1926;
 17 — Бейское, ММ 7410;
 18 — Уты, ММ 7453;
 19, 22 — Усть-Ерба, курган 2, могила 1. Раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ;
 20, 39, 49 — Анаш, ММ 7413, 7450, 7465;
 21, 30, 37, 46 — Саянская, ММ 7411, 7412, 7266; ГИМ хр. 19/176;
 23 — Бузунова, курган 5, могила 2. Раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6280-127;

- 24 — Дубенское, ММ 7237;
 26, 35 — Кочергино, курган 1, могила 1. Раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11073;
 28 — Беллык, ММ 7303;
 31, 43 — гора Изых, ММ 7449, 7389;
 33 — р. Тея, ММ 7244;
 34 — Ладейское, МАЭ 252-49;
 36 — Тагарский о-в, курган 33, погребение 1, раскопки А. В. Адрианова, 1894;
 40 — Думная гора, «могила близ кургана 5», раскопки А. В. Адрианова, 1895. ГЭ 1126-110;
 41 — Усть-Сыда, курган 3, могила 1, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11501;
 44 — улус Суховский, ММ 7246;
 45 — Батени, ММ 7448;

Табл. 13. Дотагарские и тагарские бронзовые наконечники стрел группы Б

- 1 — Кавказское, ММ 7469;
 2, 8 — Узунжол, ММ 7259, 7260;
 3 — Означенное, МАЭ 4085—51;
 4, 14, 26, 29, 13, 11, 15, 20, 23, 24, 27, 10 — Минусинский край, МИМК ТГУ 2977, 2994; 2937; без номера; ММ 7468; АМ (2 экз.); ГИМ 36288; ГХ 1133—380; 1133-2386; МАЭ 240-15; И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908;
 5 — долина Камышты, И. П. Кузнецов - Красноярский, 1908;
 6, 7 — Каптерево, ММ 7248 и 7247;
 9 — Бейское, ММ 7258;
 12 — Быскар, ММ 7257;
 16 — Игрыш ММ 7418;
 17, 33 — Иудина, ММ 7240, 7422;
 18 — гора Изых, ММ 7429;
 19 — Подгорное озеро, курган III, могила 21. Раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4085—81;

- 21, 28 — Горькое озеро, могила 8. Раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4318-133;
 22 — Сарагаш, ГЭ 4156-11;
 25 — Шунеры, ГИМ, хр. 19/176;
 30, 32 — Кочергино, курган 1, могила 1. Раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11070, 11069;
 31 — Калы, ММ 7394;
 34 — Белоярское, ММ 7423;
 35, 37 — Аешина, курган 9, могила 1. Раскопки С. И. Руденко, 1920;
 36 — колхоз им. 1 Мая. Раскопки А. Н. Липского, 1952, АМ 241;
 38 — Енисейская губ., КМ 211—464;
 39 — Кызыл-куль, курган 1. Раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126-140;
 40 — Тюп, ММ 7285
 Аналогии: № 11 — Минусинская котловина, ММ 7252, 7257, 7267, 7426, 7427, 7434, 7435; д. Табат, КМ 131—639; Абаканская степь, ИМ, 528-1

Табл. 14. Комплексы тагарских стрел

- 1—50, 73—76 — VII—VI и VI вв. до н. э.;
 51—72 — V в. до н. э.
 1, 2 — Усть-Ерба, курган 2, могила 1. Раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ;
 3—8, 73 — Бузунова, курган 5, могила 2. Раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6280/124, 126, 127, 130, 129, 125;
 9—12 — то же, курган, 4, МИМК ТГУ 7/110, 111, 113, 118;
 13—28, 74 — то же, курган 6, могила 2, МИМК ТГУ 7/79, 87, 85, 86, 88, 89, 91, 69, 70, 68, 74, 71, 72, 76, 73, 75;
 29—45, 75, 76 — Батени, курган 3, могила 21. Раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580/75, 77, 76, 78, 80, 74, 70, 65, 72, 73, 71, 83, 82, 68, 66, 67, 69, 79, 81;
 46—50 — Кочергино, курган 1, могила 1. Раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11073, 11072, 11071, 11069, 11070;
 51—57 — Кызыл-куль, курган 1, могила 1.

- Раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126/142, 139, 148, 149, 141, 114, 140;
 58—61 — Аешина, курган 9, могила 1. Раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6333; 9/3, 4, 9, 6312;
 62 — Думная гора, «могила близ кургана 5». Раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126—110;
 63—72 — Колхоз им. 1 Мая, погребения 1—2, раскопки А. Н. Липского, 1952, АМ 241
 1—6, 21—34, 46—50, 51, 58, 59, 62, 63, 73—76 — бронза; остальное — кость; на костяных наконечниках 35, 36, 39, 43, 44 — дополнительные костяные шипы, примотанные нитками; такие же шипы — на бронзовом наконечнике 32; на наконечниках 34, 37, 41, 45 — нитки, привязывавшие их к древку; на черешке наконечника 65 — глубокие нарезки

Табл. 15. Тагарские бронзовые наконечники луков (2—8), модель лука (1), наперстки для стрельбы из лука (9—14), обоймы и крючки для колчана (17—20)

- 1 — Имек, ММ 9328;
 2 — д. Потрошилова, ММ 712;
 3 — Минет-эль-Бейде, Сирия, C. Schaeffer, 1931;

- 4 — Верхне-Ербинское или Сухая Ерба, МАЭ 240-30;
 5 — Гляден Комской вол. ММ 10327;
 6, 17 — Потехина, ММ 9355, 9292;

7, 9, 13 — Минусинский край, ММ 5531-1364, МИМК ТГУ 6272-286, 6272-285;
8 — Быскар, ММ 9354;
10 — Колмакова, ГИМ 54416, хр. 85/236;
11 — Енисейская губ. КМ 120-51;

12 — Сукина, ГИМ 33832/40, хр. 85/296;
14 — Тесинское, ИМ 475-2;
15 — Бейское, ГИМ 36228, хр. 85/116;
16 — Лугавское, МИМК ТГУ 6272-124;
18, 19 — Верхняя Коя, ММ 9300, 9302;
20 — Шошина, ММ 9303

Табл. 16. Предтагарские и тагарские бронзовые удила и псалям

1, 2, 5, 7, 26, 32, 33, 36, 11, 39, 46, 17, 41, 44, 49, 19, 47, 41 — Минусинский край.
Ю. С. Гришин, 1960, СКМ 8936, № 318; ММ 4722, 4999, без номера, 4921, 48884; ГЭ 331-1, 3975-324, 1123-52; ГИМ 78605 и без номера; МАЭ 1705-36; ИМ, без номера; В. В. Радлов, 1894; ММ 1986;
3 — Быскар, ММ 4831;
4 — Пойлова, ММ 4883;
6 — Кавказское, ММ 4835;
8, 18 — Новоселово, ММ 4837; В. В. Радлов, 1894;
9, 45 — Означенное, АМ; МАЭ 4085-41;
10 — долина Абакана, ИМ;
12 — Каптырево, ММ 472;
13, 21, 35 — Калы, ММ 4698, без номера, 4886;
14 — Брагина, ММ 4695;
15 — Белярское, ММ 4822;
16 — Лугавское, ММ 4832;
20, 42 — Самодуровка, ММ 4912, 4905;
22, 40 — с. Абаканское, В. В. Радлов, 1894; ГЭ 5531-1305;
21 — долина Камышты, В. В. Радлов, 1894;
22 А — F. R. Martin, 1893;
23, 37 — Иудина. И. П. Кузнецов-Красноярский, 1908, без номера;
24 — Оглахты, F. R. Martin, 1893;
25 — правый берег Енисея, к югу от Минусинска, ГЭ 1123-46;
27 — Потехина, ММ 4904;
28 — Большая Иня, ГЭ 5531-1432;
29 — Потрошилово, ММ 4911;

30 — Большой Хабык, ММ 4901;
31 — Батени, ММ 9321;
34 — Малая Иня, ГИМ 33833, хр. 85/25а;
38 — Худогово. В. В. Радлов, 1894;
43 — Малая Ничка, ММ 4903;
48 — Тесинское, ИМ 4725-1;
50 — Красноярск, ГЭ 5531-1413
Аналогии: 7 — Минусинский край (ММ 4734, 4767, 4830, 4856, 10324; ГИМ 49439; ИМ А-146/134), Ирджа (ММ 4681, 4836), Кривая (ММ 4807), Минусинский или Енисейский округ (МИМК ТГУ 3333, 3335), Ладейское (МАЭ, 252-70), Красноярский, Минусинский или Ачинский округ (МАЭ 240-1); Субботинское (ГИМ XI-a-22);
13 — Батени (ММ 4688), Гляден (ММ 4686). Очуры (4819), Шошина (ММ 4693), Каптырево (ММ 4727), Минусинский край (ММ 4837) и др.;
15 — д. Иудина (ММ 4811), Светлолобова (ММ 4815), Лепешкина (ММ 4820, 4823) и др.;
14 — д. Брагина (ММ 4821);
36 — с. Бейское (F. R. Martin, 1893; A.-M. Tallgren, 1917);
44, 46 — Верхняя Коя (ММ 4966); с. Бейское (A.-M. Tallgren, 1917);
49 и другим трезелям — с. Бея. Минусинский край (МИМК ТГУ, 2925, 2921), М. Ничка, Б. Салба, Бейское, Самодуровка, Аешка, Крапивина (F. R. Martin, 1893). Минусинский или Енисейский округ (МИМК ТГУ 3392, ММ 736)

Табл. 17. Тагарские бронзовые принадлежности сбруи (1-39), прототипы и аналогии тагарским удилам и псалям (40-60)

1 — с. Павловщина Красноярского округа, ГЭ 5531-1395;
2 — устье Кемчуга (Красноярский р-н), КМ;
3 — Красноярский край, ММ;
4 — Биря, ММ 9107;
5 — Беллык, ММ 9208;
6, 10, 32, 8, 9, 24, 27, 28, 29 — Минусинский край, ММ 9162, 10328; 9246; ГЭ 3975-340; ИМ 1157-14; МИМК ТГУ 6272-169, 121-411; ГИМ, без номера; ГЭ 331-10;
7 — Калы, ГИМ, хр. 85/21а;
11, 19 — Кавказское, ММ 7026, 8364;
12, 23, 31 — Иудина, КМ 131-814; МИМК ТГУ 6272-130; ГИМ, хр. 19/176;
13 — Таштып, ГЭ 1293-196;
14 — Изых, ММ 7032;
15 — Большая Иня, ММ 7024;
16 — Сабинское, ММ 7025;
17 — Трифонова, ММ 8353;
18 — Малая Иня, ММ 8354;
20 — с. Ладейское, близ Красноярска, МАЭ 240-27;

21 — Малая Иня, МАЭ 1298-47;
22 — Бейская вол. МИМК ТГУ 2272-189;
25 — Табат, ММ 10330;
26 — Детлова, ММ 10331;
30 — Тетерина Красноярского округа ГЭ 5531-1377;
33 — Лугавское, ММ 11940;
34, 35 — Бея, ММ 9222; ГЭ 5531-1375;
36 — Корелка, ГЭ 5531-1374;
37 — Казанцева, ММ, 8806;
38 — Шушенская вол., ГЭ 5531-1371;
39 — Малая Идра, ММ 8811;
39А — Быстрая. А.-М. Tallgren, 1917;
40 — Восточный Казахстан, МАЭ 3211-804;
41 — Верхне-Кобанский могильник, МАК VII;
42 — район Каркаралинска;
43 — Толагай, Шетский р-н Карагандинской обл. (42, 43 — М. К. Кадырбаев, 1959);

- 44 — Памирская (Тамды), курган 10 (А. Н. Бернштам, 1952);
 45, 46 — Луристан. Л. Легрен, 1934 и Р. Дюссо, 1938;
 47 — оз. Иссык-куль, ГИМ, 78607;
 48 — Беркут-Калинский оазис, Хорезм, М. А. Сабурова и В. Н. Ягодин, 1964;
 49 — Тепе Гийан. R. Ghirshman, 1937;
 50 — Ашур;
 51 — Египет;
 52 — Микены;
 53 — Газа (50—53 — Н. Potratz, 1941);
 54 — г. Жавхлант (Улясутай), Монголия, Завханский краеведческий музей, по фото В. В. Волкова;
 55 — Горный Алтай. М. П. Грязнов, 1947;
 56 — Швейцария;
 57 — Кюзели-гыр, Хорезм (54—57 — А. И. Тереножкин, 1958);
 58 — Венгрия. J. Naprel, 1890;
 59 — Кисловодск;
 60 — г. Билярск, Тат. АССР (59—60 — А. А. Иессен, 1953)

Табл. 18. Тагарские бронзовые котлы типа А

- 1, 2 — котлы А I/1;
 3—5 — котлы А I/4;
 6—8 — котлы А I/2;
 9 — котел А I/5
 10—12, 18 — котлы А I/3;
 13, 14 — котлы А II/1;
 15, 16 — котлы А II/2;
 17 — котел А III
 1, 14 — Шалаболинский клад (В. П. Левашева и Э. Р. Рыгдылон, 1952);
 2 — д. Брагина, ММ 10088;
 3 — с. Сабинское, ММ 10098;
 4 — с. Таштып, ММ 10108;
 5 — гора Изых, ММ 10085;
 6 — Шалаболино, ММ 10090;
 7, 9, 13, 16, 17 — Минусинский край, ММ 10100 (Э. Р. Рыгдылон и П. П. Хороших, 1959); ГИМ 47068; ММ 10099, 10083;
 8 — ММ 10094;
 10 — ММ 10105;
 11 — Тагашет, ММ 10084;
 12 — Тайшет, ММ 10070;
 15 — Салба (А.-М. Tallgren, 1917);
 18 — улус Дорина, р. Абакан, ММ 10060

Табл. 19. Тагарские котлы типа В (1—4); их аналогии и прототипы (5—16)

- 1 — гора Изых, ММ 10109;
 2, 3, 4 — Минусинский край, ММ 10111, 10054, 10110;
 5, 8, 11 — окрестности Алма-Аты (А. Н. Бернштам, 1952; Е. Ю. Спасская, 1956, табл. 1, 17; «История Казахстана ССР», 1957);
 6 — Нижнее Поволжье, с. Рахинка (К. Ф. Смирнов и В. Г. Петренко, 1963);
 7 — Киргизия (Е. Ю. Спасская, 1956);
 9 — Монголия (С. В. Киселев, 1947);
 10 — Алма-Атинская обл. (Г. С. Мартынов, 1955);
 12 — пос. Тюячи, Фергана (Ю. А. Заднепровский, 1962);
 13 — Кносс. Позднеминойский Ia период (A. Evans, 1928);
 14 — там же, позднеминойский II период (там же);
 15 — Сузы (A. Parrot, 1960);
 16 — Ур, царские могилы (L. Woolley, 1934);
 1—14 — бронза и медь;
 15 — битум. Разные масштабы

Табл. 20. Аналогии и прототипы тагарских бронзовых котлов и их деталей

- 1 — котел с горы Бештау, Сев. Кавказ (А. А. Иессен, 1954);
 1а — деталь того же котла — кольцевая ручка с желобками;
 2 — верхняя часть котла из пос. Тюячи, Фергана (Ю. А. Заднепровский, 1962);
 3 — кольцевая ручка с желобками от трипода с о. Итака (S. Benton, 1938);
 4 — Тепе Сялк (Иран), некрополь В, могила 15 (R. Ghirshman, 1937);
 5 — Трипод из Микен (S. Benton, 1938a, рис. 1а);
 6 — Бавария, эпоха гальштат (C. F. C. Hawkes and M. A. Smith, 1957);
 7 — Урартский котел из Гордиона (Б. Б. Пиотровский, 1962);
 7а — деталь того же котла — кольцевая ручка, свободно вращающаяся в муфте;
 8 — таган урартского котла (там же);
 9 — ассирийские воины уносят котлы из урартских храмов (с ассирийских рельефов. R. Maxwell-Hyslop, 1956);
 10 — Триалети (Грузия), курган XV (C. Schaeffer, 1948);
 11 — Талль-и-Шугха (Иран);
 12, 14 — Тепе Сялк (Иран), некрополь В;
 13 — Даррус, Иран (11—14 — по L. Vanden Berghe, 1958);
 15, 16 — навершия карасукских ножей (ММ 4322, 1731)
 1—5, 7, 8, 10, 11, 15, 16 — бронза и медь;
 6 — бронза и железо;
 12—14 — керамика;
 9 — выбито на камне. Разные масштабы

Табл. 21. Тагарские бронзовые зеркала (1—8, 10, 16) и схема происхождения медальвидных зеркал (11—16)

- 1 — Узун-Оба, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ 36517, хр. VII 47/66;
 2 — Откнин улус, курган 5, могила 2, раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1253-28;

- 3 — улус Орак, курган Л, раскопки Г. П. Сосновского, 1926, МА МГУ;
 4 — Тесинское, ГИМ 36228, хр. 85/17а;
 5 — Минусинский край, МИМК ТГУ 3326;
 6 — из раскопок В. В. Радлова, 1863 (Июс?), ГИМ, хр. 85/24а;
 7 — Частоостровское, курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1902, ГИМ 42359, хр. VII 47/4в;
 8 — с. Никольское на р. Урюп, АМ 249-1 (из ММ 4655);
 9 — могильник Чеснок-гора под Пятигорском, гробница 4, раскопки Самоквасова, ГИМ 1991;
 10 — с. Белоярское, Минусинский край, ММ 4647;
 11 — Ур, царские могилы, L. Woolley, 1934, т. II;
 12 — Садовое, Киргизия (А. Кибиров и П. Н. Кожемяко, 1956);
 13 — могильник Кадырбай III (Семиречье, по АКА);
 14 — Вавилово, близ Семипалатинска (С. В. Киселев, 1949);
 15 — Жолкудук, курган 14 (Павлодарская обл.) — Е. И. Агеева и А. Г. Максимова, 1959;
 16 — Быскар, ММ 9083

Табл. 22. Тагарский звериный стиль VII и VII — начала VI в. до н. э.

- 1, 3, 6—9 — Минусинский край, ММ 4097, ГЭ 1121-5, 1121-8, 1135/1; МИМК ТГУ 6272-454 (В. М. Флоринский, 1897);
 2, 5 — Потрошилова, ММ 3929, 712;
 4 — Усть-Есь, ГЭ 1124-12;
 10 — Кугунек, ГИМ 33832/40, хр. 85/19а;
 11 — Кавказское ГЭ 1296-416;
 12 — Минусинский или Енисейский уезд, МИМК ТГУ 3278;
 13 — Гришкин Лог, курган 13, могила 8. Раскопки М. П. Грязнова, 1958 г. Архив ИА
 1—12 — бронза;
 13 — кость

Табл. 23. Изображение кабана в тагарском искусстве

- 1, 12, 16, 30, 17, 28 — Минусинский край, АМ 255-2, ММ 10517, 9164, 771*; ГЭ 1123-16; ИМ 6464-18;
 2 — Тагарский о-в, курган 33, раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ;
 3 — Кавказское, ММ 3827;
 4 — Верхняя Коя, ММ 3857;
 5 — Монок, ММ 4040;
 6 — Уты, ММ 4028;
 7 — Самохвал, курган 1, могила 1, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ;
 8 — Быстрая, МАЭ 2430-2;
 9 — Малая Ничка, ММ 3959;
 10 — Калы, АМ 251-4 (из ММ 8004);
 11, 14 — Саянское, ММ 4630; МИМК ТГУ 6272—234;
 13 — Бедра, ММ 4670;
 15 — Малая Минуса, ММ 9295;
 18, 24 — Потрошилова, ГЭ 1296-42; ММ без номера;
 19 — Гляден, ММ 4036;
 20 — Бейское, ММ 3092;
 21 — Шалаболино, ММ 11920;
 22 — Копьева, курган X, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ;
 23, 27 — д. Худоногова, МАЭ, 1928-3, ММ 4001;
 25 — Сабинское, ММ 4011;
 26 — Метихова, ММ 3995;
 29 — с. Каменка, ГЭ 5531-334
 1—30 — бронза. Разные масштабы
 Аналогии рисунку 26 — МИМК ТГУ 6279—156; 3018

Табл. 24. Изображения козлов в тагарском искусстве

- 1, 6, 7, 9, 10, 25, 15, 23, 19, 24 — Минусинский округ, ИМ 7486-36; ГИМ, без номера; ГЭ 1167/1, 1670-7, 1135/5; АМ без номера; МАЭ 252-21; ММ 9214, 4383;
 2 — Монок, ГЭ 1124-1;
 3, 5 — Самохвал, курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ 40210;
 4 — Июс, раскопки В. В. Радлова (J. Asprellip, 1877—1884);
 8 — Потрошилова, ГЭ 1296-84;
 11 — Большая Ничка, курган, ММ 9653;
 12 — Верхний Суэтук, курган, ММ 9223—9459;
 13 — Займка Майорова, ММ 4062;
 14 — Троицкая;
 16 — Колхоз им. 1 Мая, раскопки А. Н. Липского, 1952, АМ 241-1;
 17 — Уты, ММ 9217;
 18 — р. Сыда, ГЭ 5531—1421;
 20 — с. Вознесенское на р. Убienne, курган 3, раскопки Г. О. Оссовского, 1896, ГИМ 36518;
 21 — Большой Топанов улус, ММ 441;
 22 — Каптырево, ММ 9224;
 26 — Енисейская губ., МАЭ 240—20;
 27 — Чернавка, ММ 9081;
 28 — Ташеба, ММ 9078;
 29 — Бородино, ГЭ 5531—1539;
 30 — Лугавское, ГЭ 1296-83;
 31 — д. Кривая, ММ 3962;
 32 — могильник Тамды на Памире (А. Н. Бернштам, 1952);
 33 — Тува, Туран, курган 126(32), раскопки С. А. Теплоухова, 1929. По рис. В. Н. Полторацкой;
 34 — Ордос (J. G. Andersson, 1932);
 35, 36 — Томская губ., Лысяя гора, ГЭ 1125-56, 1125-9.
 1—32, 34—36 — бронза;
 33 — золото. Масштабы разные

Табл. 25. Изображение лошадей в тагарском искусстве

- 1 — Тигрицкое, ММ 12845;
 2 — Усть-Тесь, курган 2, раскопки С. В. Киселева, 1928;
 3 — Усть-Ерба, курган 2, погребение 2, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ хр. VII-47/96;
 4—7 — Кызыл-куль, курган 1, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ хр. 85/126, ГЭ 1126-115, 1126, 1126-161;
 8 — разъезд Чартыков, раскопки А. Н. Липского, 1949, по рис. А. Н. Липского;
 9 — Большой Хабык, ММ 3982;
 10 — Малая Иня, ММ 3981;
 11 — Базаиха (I. Savenkov, 1893);
 12 — Тагарское озеро, курган 32, раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ 34576;
 13 — Абаканская управа, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ 40211, хр. 85/4а;
 14 — Шалаболино, ММ 11922;
 15, 20, 23, 24 — Минусинский край, ГИМ 49439 (2 экз.), МИМК ТГУ 6272-214, ГЭ 5531-1397;
 16 — Минусинский край (?), ГЭ 1136/73;
 17 — Горы Оглахты (К. В. Вяткина, 1961);
 18 — Шунеры (А.-М. Tallgren, 1917);
 19 — Малая Минуса, КМ 131-879;
 21 — Малая Иня, курган 3, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ 20210;
 22 — Шушь, ММ 7027
 1, 7—10, 12—16, 18—24 — бронза;
 2—6, 11 — кость;
 17 — наскальный рисунок. Разные масштабы

Табл. 26. Изображение головы хищной птицы в тагарском искусстве

- 1 — Самохвал, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ;
 2 — Покровка, б. Каптеревской волости, КМ 131-569;
 3 — Галактионова, ММ 3876;
 4 — Сабинское, ГЭ 1126—303;
 5 — Минусинский или Енисейский округ МИМК ТГУ 3254;
 6 — Валтикова, ММ 3979;
 7, 8, 12, 22, 24 — Анаш, ГЭ 5531-1367; ГИМ 36228, хр. 85/116; МИМК ТГУ 2865; ММ 3905, 8430;
 9 — Ижюль, ММ 3986;
 10 — Метихова, ГЭ 1296-40;
 11 — р. Сон, МИМК ТГУ 6272-545;
 13, 16, 23, 39, 32 — Минусинский край, ММ 3908, 145, 3693; ГЭ 5531-1359; М. П. Грязнов, 1940;
 14 — Ключи, ГЭ 1296-39;
 15 — Абаканская степь, ИМ 734-3;
 17 — Верхняя Коя, ММ 652, 3822;
 18 — Идра, АМ 246-6 (из ММ 12081);
 19 — Ничка, КМ 131-99;
 20 — Легостаева, ММ 3800;
 21 — Табат, ММ 3906;
 25 — Быстрая, ММ 10332;
 26 — Ключи, ММ 863;
 27 — Малая Иня, ММ 823;
 28 — Знаменка, ГЭ 5531-329;
 29 — Чернавка, ММ 863;
 30 — Восточное, ММ 871;
 31 — Усть-Сыда, ГЭ 5531-1353;
 33 — Копьева, ММ 105;
 34 — Тигрицкое, ММ 9100;
 35 — Верхний Суэтук, ММ 656;
 37 — Бея, ММ 3813;
 38 — Колмакова, ММ 3815;
 40 — Субботино, ММ 10211; 1—40 — бронза. Разные масштабы

Табл. 27. Изображение свернувшегося кошачьего хищника в тагарском искусстве (1—22) и евразийские аналогии этому мотиву (23—41)

- 1, 3 — Бейское, ММ 9258, АМ 254-6 (из ММ, 9253);
 2 — Тагарское озеро, курган 33, могила 1, раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ 34578;
 5, 7, 11, 16, 17, 10, 12, 13, 4, 18 — Минусинский край, ММ 9251, 8893, 9254, 9257, 9255; ГЭ 5531-1365; ГИМ 49439; ИМ 491/5; О. J anse, 1935; АМ 255-4
 6, 20 — Шунеры, ГИМ хр. 19/176; МИМК ТГУ 6272-549;
 8 — Тагарское озеро, курган 32, могила 1, раскопки А. В. Адрианова, 1894, ГИМ 34576;
 9 — Шошина. А. М. Tallgren, 1917;
 14 — Колмакова, КМ 131-835;
 15 — Бейское, ММ 9552;
 19 — Жеблахты, ММ 4063;
 21 — курган у ж. д. Абакан-Аскыз, раскопки А. Н. Липского, 1953, АМ;
 22 — Лугавское, ММ 401;
 23—27 — Причерноморье;
 23 — Темир-гора. ЕСА, VII;
 23а — Кавказ, Кумбулта. Б. Н. Граков, 1928;
 24 — Келермес. Г. Воговка, 1928;
 25 — Волковцы, курган 2, Б. Н. и В. И. Ханенко, 1899, т. II;
 26 — Симферополь. ЕСА, VII;
 27 — Семибратний курган. Е. Herzfeld, 1940;
 28 — Нижнее Поволжье, Три брата, курган 25. К. Ф. Смирнов, 1961;
 29 — Анаьино. ЕСА, VII;
 30 — Из Уфимского музея, МАВГР, 1899;
 31 — Вятка. ЕСА, VII;
 32 — Чиликты, курган 5, раскопки С. С. Черникова, 1960;
 33 — Западная Сибирь. С. В. Киселев, 1949;
 34, 35 — Майэмир. С. И. Руденко, 1960;
 36 — Томский могильник. ОАК за 1889;
 37 — Китай, провинция Хэбэй, в районе Чжанцзянкуо. Вэн'у, № 2, 1960, стр. 59, рис. 2;
 38 — Китай. М. Loehr, 1939;
 39 — Ордос. А. Salmony, 1933;
 40 — О. Sirén, 1929;
 41 — S. Hansford, 1958.
 1—20, 24—30—36—41 — бронза; 21—23 — кость; 31 — камень; 32—35 — золото. Разные масштабы

Табл. 28. Образцы «минусинского» звериного стиля

- 1 — Усть-Тесь, курган 2. С. В. Киселев, 1929;
 2 — Усть-Ерба, курган 2, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ без номера;
 3 — Курагино, ММ 10334;
 4 — Кызыл-куль, курган I, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ, хр. 85/126;
 5 — Борки Минусинского округа, ММ 865, 6, 7, 17, 20, 21, 22, 24—27 — Минусинский край, МИМК ТГУ, без номера; ГИМ, экспозиция V зала и 49439; МАЭ 1705-13; В. В. Радлов, 1891; В. М. Флоринский, 1897; N. Egashira and S. Mizuno, 1938; ГЭ 5531-189, 1121-8, 1121-9;
 8 — Сагайское, ММ 3939;
 9 — Шошина, 2280;
 10 — Бейское, МИМК ТГУ, 6272-513;
 11 — Анаш, ГЭ 5531-1317;
 12 — Подсиняя, ММ 461;
 13 — Калы, ММ 831;
 14 — Подгорное озеро, курган I, могила 3(4), раскопки С. А. Теплоухова, ГЭ 5138-20;
 15 — Кома, АМ 255-8 (из ММ, 3973);
 16 — Кара-Кургэн, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ 36517, хр. VII 47/66;
 18 — Самохвал, курган 8, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ 56483;
 19 — Метихова, ММ 3873;
 23 — р. Уйбат, ММ 9170;
 28 — Тигрицкое, ММ 12845.
 Рисунки без номеров — детали рисунков 9 и 10.
 1, 2, 16 — кость; остальное — бронза. Разные масштабы.

Табл. 29. Прототипы и аналоги «минусинского» звериного стиля

- 1, 10, 11, 41 — карасукские предметы, Красноярский край;
 2—4, 21, 27, 35, 36, 44 — Луристан;
 5, 6, 20, 22, 24, 37, 38, 42, 43, 45, 46 — Ордос;
 7, 8, 25 — Аньян;
 9, 26 — Забайкалье, карасукские предметы;
 13 — Кобань;
 23 — Иран, эпоха бронзы;
 28 — Иран или Закавказье, эпоха бронзы;
 29—33 — печати Керкук;
 34 — нет;
 12, 14, 15, 19, 39 — Причерноморье, скифская эпоха;
 16, 17, 40 — Алтай, майэмрская эпоха;
 18 — Средняя Азия;
 47 — Томская область;
 48 — Казахстан (18, 47, 48 — скифская эпоха).
 1 — Карасукское погребение на Ладейском поле (Красноярск), КМ 205-5;
 2—4 — А. Godard, 1931 и L. Legrain, 1934;
 5, 6 — M. Loehr, 1951 и 1956;
 7, 8 — Н. Kühn, 1938 и В. Karlgren, 1945;
 9 — Усть-Тулутай на р. Онон. Чит М 905;
 10 — Абакан, могила I. А. Н. Липский, 1956а;
 11 — Беллык, ММ 1374;
 12 — Берестяги, курган 5, «Смела», т. III;
 13 — по МАК VIII;
 14, 15 — курган у хутора Шумейко. Б. Н. и В. И. Ханенко, т. III;
 16, 17 — ГИМ 38160 и 24147/21;
 18 — Чач. Б. Я. Ставиский, 1955;
 19 — курган СДП в Криворуково Киевской губ. ИАК 14, 1905;
 20, 22 — А. Salmons, 1933 и J. G. Andersson, 1932, ГЭ 18651
 23 — Тепе Гийян. Н. R. Uhlemann, 1960;
 24 — M. Loehr, 1951;
 25 — «Ancient Art of Northern Eurasia», Kyoto, 1954;
 26 — долина Джиды, ИМ 1154;
 27 — Н. Potratz, 1955;
 28 — E. Herzfeld, 1941;
 29, 30, 32 — H. Frankfort, 1939;
 31, 33 — E. Herzfeld, 1941;
 35, 36 — BMFEA, № 30, 1958 и SPA, v. IV;
 37, 38 — J. G. Andersson, 1933 и «Ausstellung Eurasiatischer Kunst»;
 39 — курган Роменского уезда. «Смела», т. III;
 40 — Майэмрская степь, МАЭ 2406-37;
 41 — ИМ, без номера;
 42, 43, 46 — J. G. Andersson, 1933;
 44 — M. Rostovtzeff, 1929;
 45 — A. Salmony, 1933;
 47 — Богословское селище близ устья Томи. ТКМ, без номера;
 48 — Карагандинская область. Е. И. Агеева, 1951.
 12 — бронза и железо;
 15, 40 — кость, 29—33 — оттиски печатей;
 38 — серебро. Остальное — бронза. Разные масштабы

Табл. 30. Изображения хищных птиц в искусстве степей Евразии и на Древнем Востоке

- 1—5 — Луристан;
 22, 31 — печати Керкук;
 23 — хеттская печать;
 28, 29 — печати Лагаша;
 30 — новошумерская печать;
 36 — Тепе Гийян;
 37 — Малая Азия;
 6 — Урарту;
 7—9, 14, 16, 17, 24, 32, 38 — Причерноморье;
 18 — Приуралье;
 10, 19, 25 — Минусинская котловина;
 11 — район Красноярска;
 39 — Тува;
 40 — Алтай;
 12, 13, 15, 20, 21, 26, 27 — Ордос;
 33 — Китай;
 34, 35 — Маньчжурия
 1 — W. P. Yetts, 1931;
 2 — ГЭ 18703;
 3 — R. Dussaud, 1938;
 4 — M. L. Buhl, 1950;
 5 — Н. Potratz, 1955;
 6 — Кармир-блур, Б. Б. Пиотровский, 1949;

- 7 — Келермес. Г. Воговка, 1928;
 8 — Аксютинцы, курган 2, «Смела» III, 5;
 9 — Малые Будки, Б. Н. и В. И. Ханенко, т. VI;
 10 — с. Кавказское, ГЭ 1296-41;
 11 — Красноярский округ, ГЭ 5531-1363;
 12 — S. H. Hansford, 1957;
 13 — V. Griessmaier, 1936;
 15 — Ульский аул, Г. Воговка, 1928;
 14 — М. Loehr, 1951;
 16 — Чигирин. Г. Воговка, 1928;
 176 — Верхнеднепровский у. Екатеринославской губ. Б. Н. и В. И. Ханенко, т. II;
 18 — Оренбургская обл., Ново-Кумакская группа, курган 19, раскопки М. Г. Мошковой, 1959 г. Архив ИА, Р-1, д. 2034 Б, л. 9;
 19 — Быстрая, ММ 10322;
 20, 21 — V. Griessmaier, 1936;
 22 — G. Contenaу, 1926;
 23 — H. Frankfort, 1939;
 24 — Серогозы, курган III, ИАК 19;
 25 — д. Потрошилова, ММ 712;

- 26 — O. Janse, 1935;
 27 — A. Salmony, 1933;
 28, 29 — W. H. Ward, 1910;
 30 — A. Parrot, 1960;
 31 — G. Contenaу, 1922;
 32 — Литой курган, А. Спицын, 19016;
 33 — S. H. Hansford, 1958;
 34, 35 — стоянка Хуншан, АО, A series, v. VI, fig. 24, 3, 7;
 36 — Тепе Гийян, E. Herzfeld, 1941;
 37 — Эфес. D. G. Hogarth, 1908;
 38 — Александрополь. И. Толстой и Н. Кондаков, 1889;
 39 — с. Туран, курган 126/32. Н. Л. Членова, 1961;
 40 — 2-й Башадарский курган. С. И. Руденко, 1960.
 6, 7, 8, 24 — кость;
 22, 23, 28—31 — оттиски печатей;
 32, 37—39 — золото;
 33 — нефрит;
 40 — дерево; остальное — бронза. Разные масштабы

Табл. 31. Изображения хищников семейства кошачьих в искусстве степей Евразии и на Древнем Востоке

- 1, 2 — вавилонские печати;
 4 — ассирийская печать;
 5 — ахеменидская печать;
 3, 24, 29, 30 — Луристан;
 6, 25 — Иран;
 12 — Крит;
 7, 8, 10, 13, 14, 19, 31, 32 — Причерноморье;
 26 — Северный Кавказ;
 20 — Казахстан;
 21, 35 — Западная Сибирь;
 9, 17, 22, 33, 34 — Минусинская котловина;
 11, 36 — Монголия;
 15, 16, 18, 23, 27, 28 — Ордос
 1, 2, 4, 5 — W. H. Ward, 1910;
 3 — S. Hansford, 1958;
 6 — Хамадан. С. Hentze, 1930;
 7 — IV Семибратний курган. ОАК за 1877 г.;
 8 — VI Семибратний курган. Г. Воговка, 1928;
 9 — Минусинский край, КМ 47—5;
 10 — Крым, между Альмой и Качей. ОАК за 1895 г.;
 11 — район Хаттин Сум, Внутренняя Монголия. J. G. Andersson, 1933;
 12 — Кидония, Крит. A. J. Evans, 1931;
 13 — Литой курган. МАР, 31, СПб., 1911;
 14 — Острая Томаковская могила. ДГС, 1866;
 15 — A. Salmony, 1933;

- 16 — по М. Loehr, 1951;
 17 — Минусинский край, ММ 9257;
 18 — J. G. Andersson, 1933;
 19 — Келермес. Г. Воговка, 1928;
 20 — Чиликты, южнее оз. Зайсан, раскопки С. С. Черникова, 1960, курган 5;
 21 — Западная Сибирь, С. В. Киселев, 1949;
 22 — с. Бейское, АМ 254-6;
 23 — A. Salmony, 1933;
 24 — V. Griessmaier, 1938;
 25 — Саккыз. A. Godard, 1931;
 26 — Малгобек. Б. Б. Пиотровский и А. А. Иессен, 1939;
 27 — W. P. Yetts, 1931;
 28 — A. Salmony, 1933;
 29 — С. Пршевская, 1917;
 30 — R. Dussand, 1938;
 31 — Цукурский лиман, Тамань. С. Пршевская, 1917;
 32 — Чмырева могила. ОАК за 1898 г.;
 33, 34 — Минусинский край. АМ 254-3; ГИМ, без номера;
 35 — Западная Сибирь. А. А. Спицын, 1915
 36 — Монголия. С. В. Киселев, 1947;
 1, 2, 4, 5 — оттиски печатей;
 12 — гемма;
 14, 20, 21, 32 — золото
 26 — кость; остальное бронза

Табл. 32. Изображения копытных животных в искусстве степей Евразии и на Древнем Востоке

- 1 — Астрабад;
 2, 32 — Малая Азия;
 8, 9, 16, 35, 36 — ближневосточные печати;
 21, 45 — Луристан;
 23 — Иран;
 22, 29—31 — печати типа Керкук;
 10, 11, 37 — Северный Кавказ;
 12, 17, 18, 33, 34, 38, 39, 46 — Причерноморье;
 19 — Южный Урал;
 24 — Памир;
 3, 4 — Казахстан;

- 13, 15, 25 — Алтай;
 40 — Тува;
 5, 6, 14, 26, 41, 42 — Минусинская котловина;
 7, 20, 27, 28, 43, 44, 47 — Ордос
 1 — Тюренг-тепе. F. R. Wulsin, 1938;
 2, 32 — Эфес. Б. Фармаковский, 1914;
 3 — Карагандинская обл., колхоз «Комсомол-шины». Е. И. Агеева, 1951;
 4 — Чиликты, курган 5, раскопки С. С. Черникова, 1960;

- 5 — д. Биря, ММ 4377;
 6 — Верхний Суэтук, ММ 4034;
 7 — J. G. Andersson, 1932;
 8 — Деве Уйюк, D. G. Hogarth, 1920;
 9 — Тель-Башер, D. G. Hogarth, 1920;
 10 — Душети, СА, XIV, 1950;
 11 — Фаскау, МАК, VIII;
 12 — Дубовая, G. Borovka, 1928;
 13 — Горный Алтай, М. П. Грязнов, 1947;
 14 — Минусинский край, АМ;
 15 — Алтай (?), ГЭ 1668;
 16 — D. J. Wiseman, 1958;
 17 — Галуцино, Б. Н. и В. И. Ханенко, т. II;
 18 — Михайловка-Апостолово. Альбом рисунков к ОАК;
 19 — Пятимары, курган 6, раскопки К. Ф. Смирнова, 1960, по рис. К. Ф. Смирнова;
 20 — E. Egami, S. Mizuno, 1938;
 21 — A. Godard, 1931;
 22 — H. Frankfort, 1939;
 23 — Саккыз, L. Vanden-Berghe, 1958;
 24 — Ак-Бейт, А. Н. Бернштам, 1956;
 25 — Алтай (?), «Mannus. Zeitschrift für Vorgeschichte», Bd. 24, H. 1—3;
 26 — Абаканская управа, курган 5, раскопки А. В. Адрианова, 1898; ГИМ, хр. 85/4а;
 27 — D. Carter, 1958;
 28 — S. H. Hansford, 1958;
 29, 30 — H. Frankfort, 1939;
 31 — D. G. Wiseman, 1958;
 33 — Ульский аул, G. Borovka, 1928;
 34 — Харьковская обл. Там же;
 35, 36 — H. H. v. d. Osten, 1957;
 37 — Кобань, МАК, VIII;
 38 — б. Роменский у. Полтавской губ. Б. Н. и В. И. Ханенко, т. III;
 39 — «Смела», II, 1894;
 40 — Казылган, курган А-17, С. И. Вайнштейн, 1955;
 41 — Верхняя Коя, ММ 9242;
 42 — Иудина, КМ 131-628;
 43, 44 — N. Egami, S. Mizuno, 1938;
 45 — C. Schaeffer, 1948;
 46 — с. Пастырское, Б. Н. и В. И. Ханенко, т. III;
 47 — А. Salmony, 1933
 1 — стеатит;
 2, 25, 32 — кость;
 4, 18, 19, 34 — золото;
 35, 36 — халцедон; остальное — бронза. Разные масштабы

Табл. 33. Отдельные мотивы «минусинского» стиля и их аналогии

- 1, 2, 4, 5, 7, 9 — Луристан;
 3, 6, 8, 10 — Южная Сибирь;
 1, 2 — A. Godard, 1931;
 3 — Ладейское погребение под Красноярском, КМ 205-5;
 4, 5 — O. Maenchen-Helfen, 1958 и A. Godard, 1931;
 6 — с. Тигрицкое, ММ 12845;
 7 — ГЭ 18651;
 8 — с. Анаш, ГЭ 5531—13176;
 9 — Тепе Гийян, Н. R. Uhlemann, 1960;
 10 — д. Калы, ММ 8316
 1—10 — бронза. Разные масштабы

Табл. 34. «Алтайский» звериный стиль Минусинской котловины и аналогии ему (5—9, 18—27, 31—35, 38, 40, 44, 49, 50)

- 1, 3, 36, 40, 39, 4, 29, 35, 10, 17, 28, 42, 43 — Минусинский край, ММ 9102, 9105, 9296, без номера 4262; ГЭ 3975-16, 5531, 1123-47; ГИМ 9439; ИМ 1157-16; МАЭ 252-17; КМ 203-13; МИМК ТГУ 6272-500;
 2 — Колмакова, ММ 9245;
 5, 6, 40 — Лысяя гора на р. Яя (Томская обл.), раскопки С. К. Кузнецова, 1891—1892, ГЭ 1125/53, 1125/3;
 7 — Роменский у. Полтавской губ. Б. Н. и В. И. Ханенко, 1899—1908;
 8, 9, 33 — Ордос, W. P. Yetts, 1934; A. Salmony, 1933 и D. Carter, 1957;
 11 — Моисеевка, ММ 8404;
 12 — Верхняя Коя, ММ 9308;
 13 — Бейское, ММ 8405;
 14 — Верхний Суэтук, ММ 4914;
 15 — с. Кавказское, ГЭ 1296/156;
 16 — Лугавское, ММ 8429;
 18 — Эльтеген близ Керчи, ОАК за 1877 г.;
 19 — Туэкта, курган 1, С. И. Руденко, 1960;
 20—22, 24, 31, 49, 50 — Башадар, курган 2, С. И. Руденко, 1960;
 23 — Новый Шарап, курган 2 (Новосибирская обл.). Раскопки Т. Н. Троицкой, 1960. Архив ИА, р-1, д. 22146;
 Без №, под рис. 23 — Туэкта, курган 2, С. И. Руденко, 1960;
 25 — могильник Аличур II (Восточный Памир). Б. А. Литвинский, 1960;
 26 — Березовка, курган 14 (Алтай). В. Н. Полторацкая, 1961;
 30 — Курагино, КМ 94-1;
 32 — с. Туран (Тува). Раскопки С. А. Теплоухова, 1929 г., ГЭ 5131-2;
 Без №, перед рис. 40 — Северный Алтай, ГИМ;
 37 — Причерноморье Б. Н. и В. И. Ханенко, 1899—1908;
 38 — Туэкта, курган 6, С. И. Руденко, 1960;
 39 — Малая Ничка, ММ 3893;
 41 — р. Абакан, ИМ 616-53;
 44 — Алтай, ГИМ 24147/21;
 45 — Ключи, ММ 3964;
 46 — Ижюль, ММ без номера;
 47 — Ачинский округ, ГЭ 5531-1393;
 48 — Беллык, ММ 3925
 7 — золото;
 19—22, 24, 31, 50 — дерево;
 23 — кость;
 49 — кожа; остальное — бронза

Табл. 35. Идущий тигр или барс с головой горного барана в пасти
(распространение мотива в скифском мире)

1—3 — Красноярский край;	6 — Семипалатинская губ. В. М. Флоринский, 1897;
4—7 — Западная Сибирь и Восточный Казахстан;	7 — Новый Шарап Новосибирской обл., курган 6. Раскопки Т. Н. Троицкой, 1959, архив ИА, р-1, д. 1920;
8—9 — Восточная Азия	8 — Ордос, J. G. Andersson, 1932;
1 — Аскыз, ГЭ 5531-139;	9 — Китай. Эпоха Хань. О. Sirén, 1929;
2 — улус Морозова на р. Сыр;	1, 3, 4, 6—9 — бронза;
3 — р. Кежма, приток Каменки (в пределах б. Енисейской губ.) КМ 139-1;	2 — выбито на угловом камне тагарского кургана;
4 — Березовский могильник на Алтае, курган 14, ГЭ 253-8;	5 — вырезано на деревянном гробе-колоде. Разные масштабы
5 — Башадар, курган 2, С. И. Руденко, 1960;	

Табл. 36. Редкие мотивы в тагарском зверином стиле (с V в. до н. э.)

1 — Кривая, ММ 9240;	6 — Светлолобова, ММ 795;
2 — Означенное, ГЭ 1124-13;	8 — Частоостровское, ГЭ 5531-1352;
3 — Лугавское, ММ 9237;	9 — Малая Иня, ММ 868;
4 — д. Береш, МИМК ТГУ 6278-172;	10 — Салба, ММ 9104;
5, 7 — Минусинский край, ММ и ГИМ;	1—10 — бронза. Разные масштабы

Табл. 37. Тагарские ножи, происходящие от карасукских, и их прототипы

1—8 — тагарские ножи VII—VI вв. до н. э.;	10, 14 — Усть-Ерба, курган 4, могила II и курган 3, могила II, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ, хр. VII 47/16 в;
9—35 — тагарские ножи VI в. до н. э.;	11, 17 — Кривинское, курган 4, могила I и курган 1, могила 2, раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ 1251-12 и 1251-20;
36—41 — карасукские прототипы	12, 22 — Тесь, курган 3, могила 2 и курган 4, могила 3. Раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ 1252-20 и 1252-32;
1, 2 — Откинн улус, курган 3 и 7. Раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1253-10, 1253-52;	15 — Шушенское, КМ 131-567;
3 — Быстрая, курган 2, могила 2. Раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1255-19;	16 — Кочергино, курган 6, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11184;
4 — Страшной Лог, курган 1, могила 6. Раскопки М. П. Грязнова, 1955, ГЭ;	18 — Саргов улус, курган II, раскопки А. В. Адрианова, 1902, ГИМ;
5, 34, 13, 24, 31, 32, 35, 36, 38 — Минусинский край. Тульский музей, 9/25 (2 экз.); ММ 3825, 3922; ТКМ, без номера; МИМК ТГУ 2886; ГИМ 78649, без номера; МИМК ТГУ 3271;	19, 20 — нет;
6 — Бузунова, курган 3, могила 1. Раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 7-27 (№ 6280-27);	21 — Самохвал, курган 3, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ГИМ 40211;
7, 23 — Сыда, курганы 9 и 5, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11723 и 11617;	25, 40 — Янова, ГЭ 5531-433; ММ 10223;
8 — улус Орак, курган Л, раскопки Г. П. Сосновского, 1926, МА МГУ;	26, 30, 39 — Табат, ГЭ 5531-432а; МИМК ТГУ 6272-486, 6272-457;
9 — Кара-курган, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГИМ 36517-25, хр. VII 47/66;	27 — Аешки, ГЭ 5531-442;
	28 — Жегалка, ММ 2241;
	29 — Кочергино, КМ 49-3;
	33 — Таштып, ММ 2307;
	37 — Ордос. По J. G. Andersson, 1932;
	41 — Малая Минуса, КМ 131-743

Табл. 38. Тагарские ножи без выделенной ручки, их прототипы и аналогии

1—9 — тагарские ножи VII—VI вв. до н. э.;	6, 7 — Бузунова, курган 4, могила 5 и 3, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ, 6280-121 и 6280-115;
10—31 — тагарские ножи VI в. до н. э.;	8 — Батени, курган 1, могила 17, раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580-13;
32—48 — аналогии и прототипы	10—12 — Узун-Оба, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ГИМ 36517/1-3;
1, 4 — Откинн улус, курганы 7 и 5, раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1253-62, 1253-30;	13, 19, 26 — Кочергино, курганы 4, 7, 6, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11170, 11208, 11155;
2 — Шира, могила VIII, Отчет И. П. Кузнецова-Красноярского за 1907 г. в архиве ЛОИА, д. 24;	14 — Норилков улус, раскопки С. А. Теплоухова, 1925, ГЭ 4378-1;
3, 9 — Тагарский о-в, курганы 1 и 3, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ГЭ 1126-1 и 1126-10;	15, 25 — Усть-Тесь, курган 2, могилы III и I, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11005 и 10994;
5, 18, 20 — Сыда, курганы 6, 10 и 1, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11690, 11729, 11561;	

Табл. 41. Тагарские небаночные сосуды VII—VI вв. до н. э.

<p>1 — Оз. Шира, ММ без номера, с этикеткой;
 2 — Усть-Ерба, номер кургана неизвестен, раскопки С. В. Киселева, 1931, ГИМ, экспозиция V зала;
 3 — Восточное, ММ, без номера;
 4, 5 — Страшной Лог, раскопки М. П. Грязнова, 1955, архив ИА, р-1, д. 1814а;
 6 — Подгорное озеро, могила 4 (13), раскопки С. А. Теплоухова и А. Т. Кузнецовой, 1929, ГЭ 5137-16;
 7, 8 — Батени, курган 1, могилы 16 и 15, раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580-7 и 4580-2;
 9 — «Из кургана на правом берегу р. Аба-</p> | <p>кана у улуса Норилкова», ММ, без номера;
 10 — Минусинский край, ГЭ 1672-1;
 11, 15 — Подгорное озеро, курган 1, раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580-23 и 4580-24;
 12 — Бузунова, курган 5, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6280-50;
 13 — Сыда, курган 9, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11720;
 14, 16 — Откнин улус, курганы 7 и 5, раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1253-66 и 1253-26;
 17 — Саргов улус, раскопки А. В. Адрианова, 1903, КМ 24-105.</p> |
|---|---|

Табл. 42. Тагарские небаночные сосуды VI—IV вв. до н. э.

<p>1, 2, 13 — Сыда, курганы 4 и 5, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11601, 11646, 11603;
 3, 7 — Тагарский о-в, курган 45, раскопки А. В. Адрианова, 1894, ММ 10534 и ГИМ 34529;
 4, 12, 10 — Подгорное озеро, курганы II и I, раскопки С. А. Теплоухова, 1929, ГЭ 5138-63, 5138-59 и 5138-5;
 5 — Копьева, курган 15, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 15-1;
 6, 14, 15, 11 — Усть-Тесь, курганы 3, 5 и 1, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11010, 11049, 11051, 10969;</p> | <p>8 — Откнин улус, курган 1, раскопки Г. Мергарта, 1920, КМ 122-627;
 9 — Биря, курган 1, раскопки С. И. Сергеева, 1913, КМ (по фото М. А. Дэвлет);
 16 — Абаканская управа, точнее неизвестно, раскопки А. В. Адрианова, 1898, ММ 10590;
 17, 21 — Сарагаш, могилы 42 и 43, раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ 4131-133 и 4131-240;
 18—20 — Малая Иня, курганы 3 и 4, раскопки А. В. Адрианова, 1896, ММ 10622, 10660 и 10623
 На № 20, 21 косой штриховкой показаны полосы лощения</p> |
|--|---|

Табл. 43. «Степные» орнаменты тагарской керамики (1—15) и их аналогии (16—29).

<p>1 — Асочаков улус, курган 7, раскопки С. И. Руденко, 1920, МИМК ТГУ 6301;
 2 — Откнин улус, курганы 5, раскопки В. Г. Карцова 1930, ГЭ 1253-33;
 3 — Батени, курган 1, раскопки С. А. Теплоухова, 1926, ГЭ 4580-8;
 4 — Сарагашинское озеро, могила 12 (37), раскопки С. А. Теплоухова, 1923, ГЭ 4130-1;
 5, 13 — Быстрая, курганы 3 и 2, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11769 и 11756;
 6 — Немир, курган G, раскопки А. В. Адрианова, 1883, ММ;
 7 — разъезд Чартыков, раскопки А. Н. Липского. По рис. А. Н. Липского;
 8 — «Окрестности села Шунеры», ГИМ, экспозиция V зала;
 9 — «Окрестности Батеней», сборы С. А. Теплоухова, 1921, МИМК ТГУ 6276-5;
 10 — Откнин улус, курган 1, раскопки Г. Мергарта, 1920, КМ 122-609;
 11 — Кривинское, курган 2, раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ 1251-8;</p> | <p>12 — Станция Минусинск, курган 15, раскопки А. Н. Липского, 1958; АМ;
 14 — Норилков улус, раскопки С. А. Теплоухова, 1925, ГЭ 4578-14;
 15 — Погребение у железнодорожного моста через Камышту, раскопки А. Н. Липского, АМ 258;
 16, 19 — Былкылдак, ограда 9 и могила 2, раскопки А. Х. Маргулана, 1951, ИИАЭ АН КазССР;
 17, 21, 22, 24, 25 — Замараево, раскопки К. В. Сальникова, 1946, СГУ, без номера, 6615, 4911, 3365, 4990;
 23 — стоянка Шляпова Новосибирской обл., раскопки М. П. Грязнова, 1952;
 26 — Верхне-Карасукский могильник, могила 28. С. А. Теплоухов, 1927;
 27 — Дандыбай, курган II. М. П. Грязнов, 1952;
 28 — поселение Ирмень I, раскопки М. П. Грязнова, 1952, ИР VII-69/2;
 29 — Алексеевское поселение. О. А. Кривцова - Гракова, 1948</p> |
|---|---|

Табл. 44. «Лесные» орнаменты тагарской керамики (1—15) и их аналогии (16—21).

<p>1 — Увал Думной горы, курган 2, раскопки В. П. Левашевой, 1939, ММ 127 65;
 2 — Райков улус, раскопки А. Н. Липского, 1951, архив ИА, р-1, д. 573;</p> | <p>3 — «Абакан у милиции», раскопки А. Н. Липского, 1951, АМ 260;
 4, 5, 8, 9, 13 — Кочергино, номер кургана неизвестен, курганы 3, 1, 4, 7, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11212, 11160, 11063, 11171, 11116;</p> |
|---|---|

- 6, 7, 12 — «станция Минусинск, номер кургана неизвестен», курганы 10 и 4, раскопки А. Н. Липского, 1958, АМ;
 10 — Чернова, могила 25, раскопки Г. П. Соновского, 1929, МАЭ 3984-8/16;
 11, 15 — Сыда, курган 1, могилы VII и VI, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11563, 11545;
 14 — Усть-Сыда, курган 3, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11504;
 16 — Ближние Елбаны 1, землянка 1, раскопки М. П. Грязнова, ГЭ 1617/1481;
 17 — 20, 22 — Басандайка, раскопки К. Э. Гриневича, МИМК ТГУ 6703—302 (2 экз.), 6703-337, 289, 297;
 21 — стоянка Красноярска, Татарский р-н Омской обл. Омский музей, 4444

Табл. 45. «Смешанные» (лесные и степные) орнаменты тагарской керамики VI в. до н. э. (1—8) и их аналогии (9—13). Орнаменты, сохраняющие карасукские черты (14—16)

- 1, 4 — Усть-Сыда, курганы 4 и 1, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11522, 11477;
 2, 3 — Сыда, курганы 9 и 7, раскопки С. В. Киселева, 1929, ММ 11724, 11698;
 5 — Кочергино, курган 7, раскопки С. В. Киселева, 1928, ММ 11191;
 6 — Тесь, курган 4, раскопки С. В. Киселева, 1928, ГЭ 1252;
 7 — Минусинский край, ММ, без номера;
 8 — Тагарский о-в, курган 6, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ММ 10518;
 9 — Батени, раскопки С. А. Теплоухова, ГЭ 4316/82;
 10 — Алексеевское поселение, раскопки О. А. Кривцовой-Граковой, 1936, ГИМ, оп. 594;
 11 — Ближние Елбаны, сборы М. П. Завитухиной;
 12 — поселение Ирмень I, раскопки М. П. Грязнова, 1952, И 10-32;
 13 — Садчиковское поселение, раскопки О. А. Кривцовой-Граковой, 1948, ГИМ, СП 560/551, XVII 4/4 (9, 10, 13 — андроновская культура, 11 — большереченская культура, 12 — ирменская культура);
 14 — Откнин улус, курган 11, раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ 1253-89;
 15 — Кара-Кургэн, курган 2, раскопки А. В. Адрианова, 1895, ММ 10785;
 16 — Быстрая, курган 1, раскопки В. Г. Карцова, 1930, ГЭ, 1255-12

Табл. 46. Схема происхождения тагарской культуры

Табл. 47, 48. Увеличенные детали предметов, украшенных в зверином стиле *

* Рисунки на этих таблицах даны под теми же номерами, что и целые предметы на таблицах 1—45, детали которых они изображают. В скобках дан номер таблицы, на которой предмет изображен целиком.

62	Л
61	Б
60	Д
59	Я
58	Я
57	Я
56	К
55	К
54	К
53	А
52	Б
51	К
50	М
49	М
48	Ш
47	Я
46	К
45	Т
44	С
43	К
42	Т
41	М
40	Т
39	Г

	Навершие		Перекрестье													
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	1		
V и V-IV		39														
	Кабаны вверх ногами	38														
	Головы кабанов	37														
	Борьба зверей	36														
	Скромнн. звери	35														
	Головы грифонов	34														
	Головы волков	33														
		32														
		31														
		30														
		29														
		28														
		27														
		26														
		25														
		24														
		23														
	22															
	21															
	20															
	19															
	18															
VI		17										1	2	2		
		16										3	3	3		
		15										2	4			
		14										3	2	2		
		13											1		3	
		12											1	3	3	
		11											2	3	4	
		10											1	2	2	6
		9												1	4	
		8														
VII и VII-IV		7														
		6														
		5														
		4														
		3														
		2														
	1															

23

20

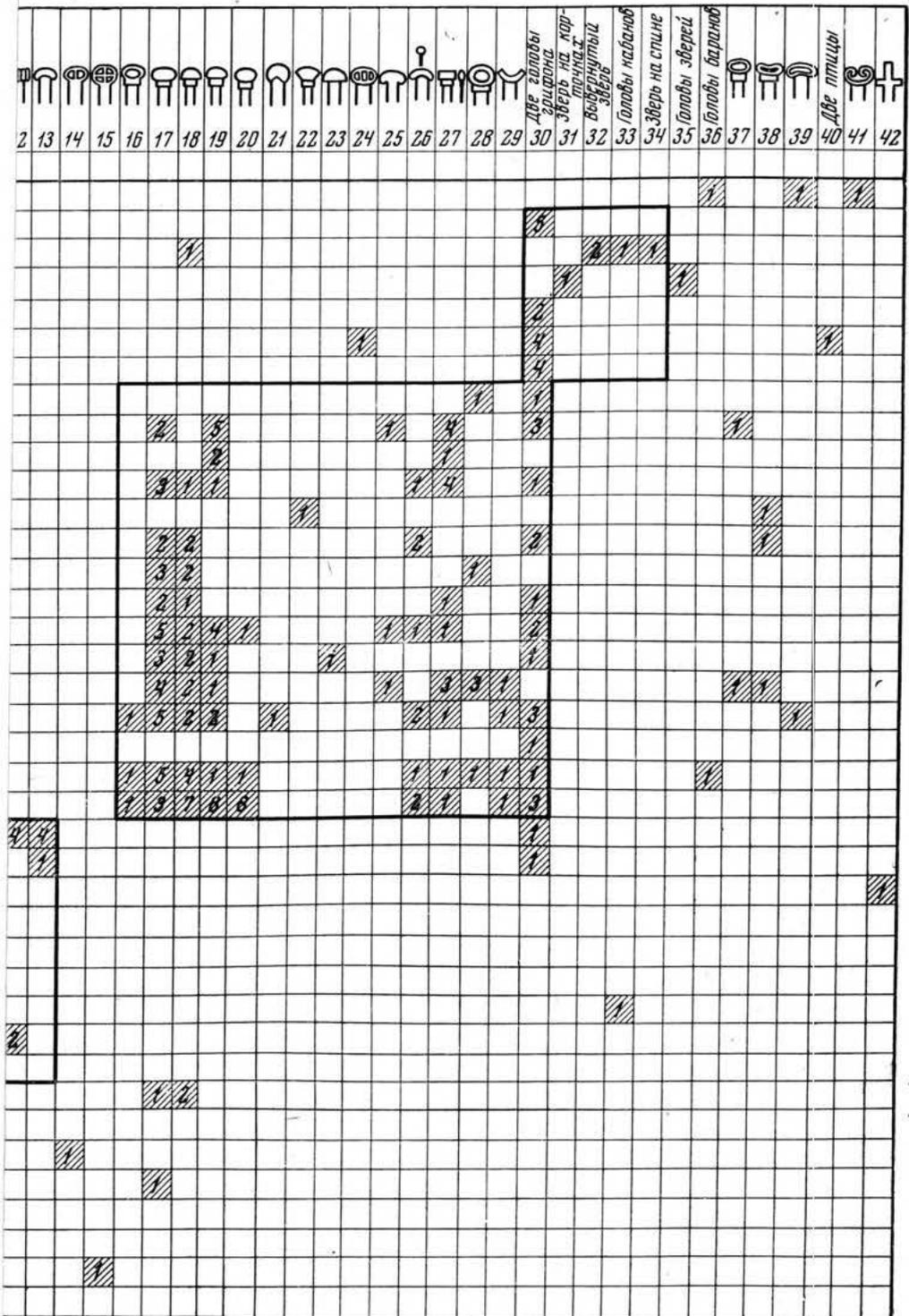
27

29

50M

Код	Наименование	Челюсти		Миниатюрные	Специал. и типовые	Мельты	Стрелы	Новые	Ветхие
		Челюсти обычных размеров	Уменьшенное						
62	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
63	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
64	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
65	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
66	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
67	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
68	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
69	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
70	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
71	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
72	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
73	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
74	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
75	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
76	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
77	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
78	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
79	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
80	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
81	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
82	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
83	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
84	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
85	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
86	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
87	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
88	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
89	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
90	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
91	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
92	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
93	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
94	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
95	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
96	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
97	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
98	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
99	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
100	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
101	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
102	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
103	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
104	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
105	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
106	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
107	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
108	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
109	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
110	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
111	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
112	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
113	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
114	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
115	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
116	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
117	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
118	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
119	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
120	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
121	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
122	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
123	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
124	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
125	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
126	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
127	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
128	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
129	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
130	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
131	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
132	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
133	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
134	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
135	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
136	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
137	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
138	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
139	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
140	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
141	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
142	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
143	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
144	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
145	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
146	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
147	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
148	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
149	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
150	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
151	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
152	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
153	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
154	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
155	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
156	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
157	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
158	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
159	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
160	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
161	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
162	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
163	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
164	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
165	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
166	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
167	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
168	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
169	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
170	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
171	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
172	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
173	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
174	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
175	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
176	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
177	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
178	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
179	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
180	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
181	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
182	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
183	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
184	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
185	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
186	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
187	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
188	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
189	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
190	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
191	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
192	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
193	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
194	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
195	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
196	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
197	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
198	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
199	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
200	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
201	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
202	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
203	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
204	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
205	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
206	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8
207	Судак	1	2	3	4	5	6	7	8
208	Белый карп	1	2	3	4	5	6	7	8
209	Сазан	1	2	3	4	5	6	7	8
210	Лещ	1	2	3	4	5	6	7	8
211	Щука	1	2	3	4	5	6	7	8

Таблица 2

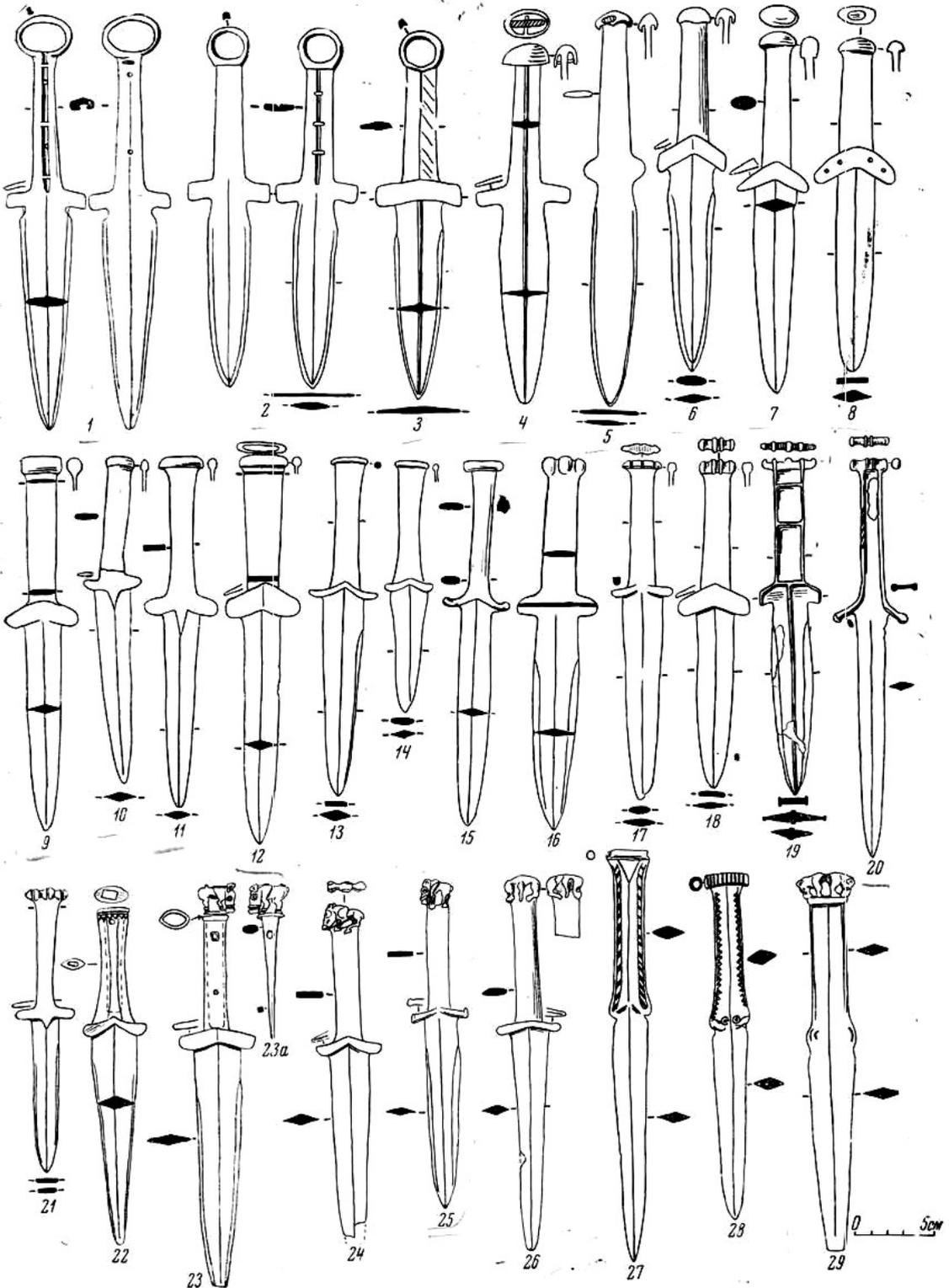

Таблица 4

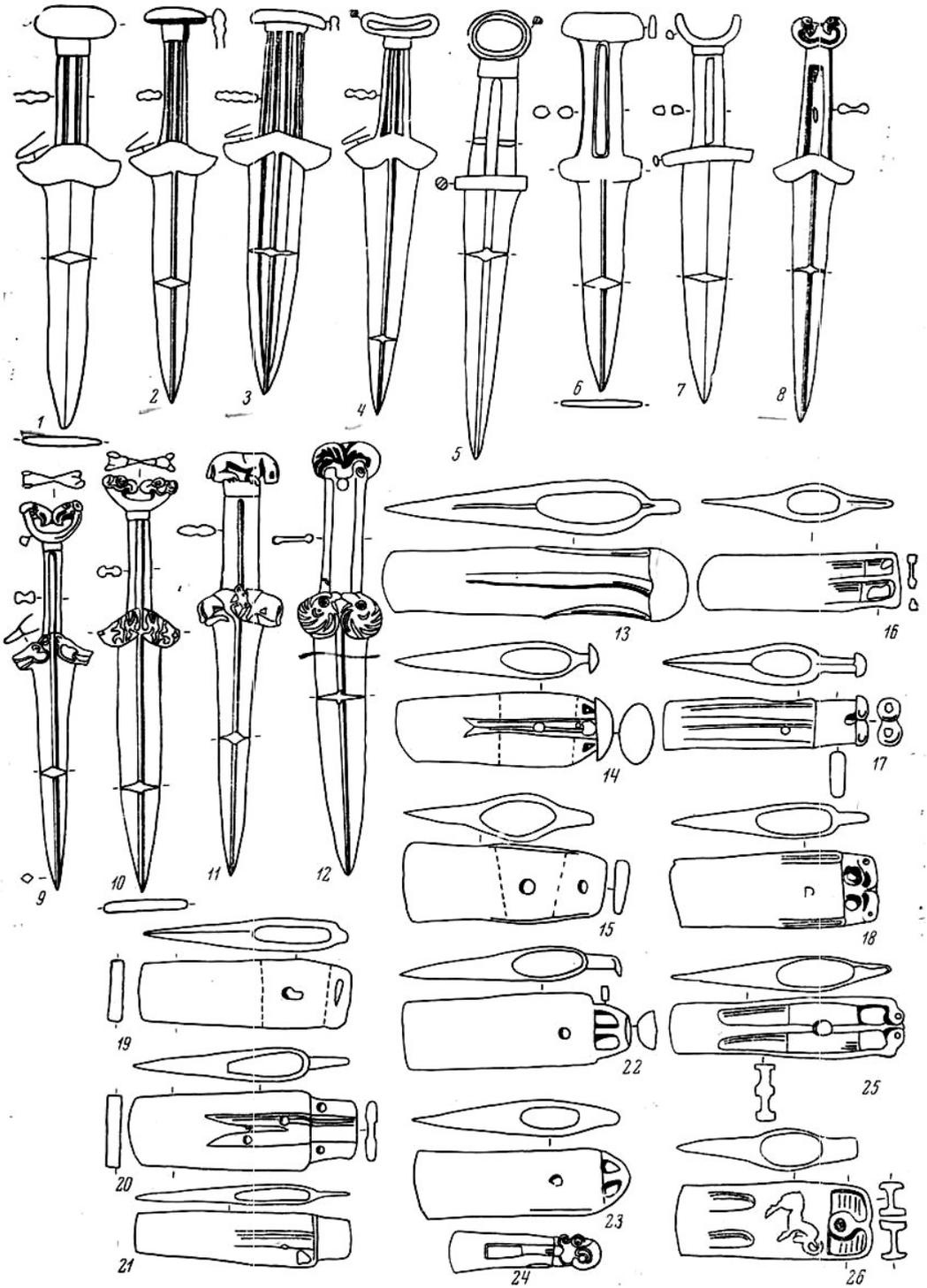

Таблица 5

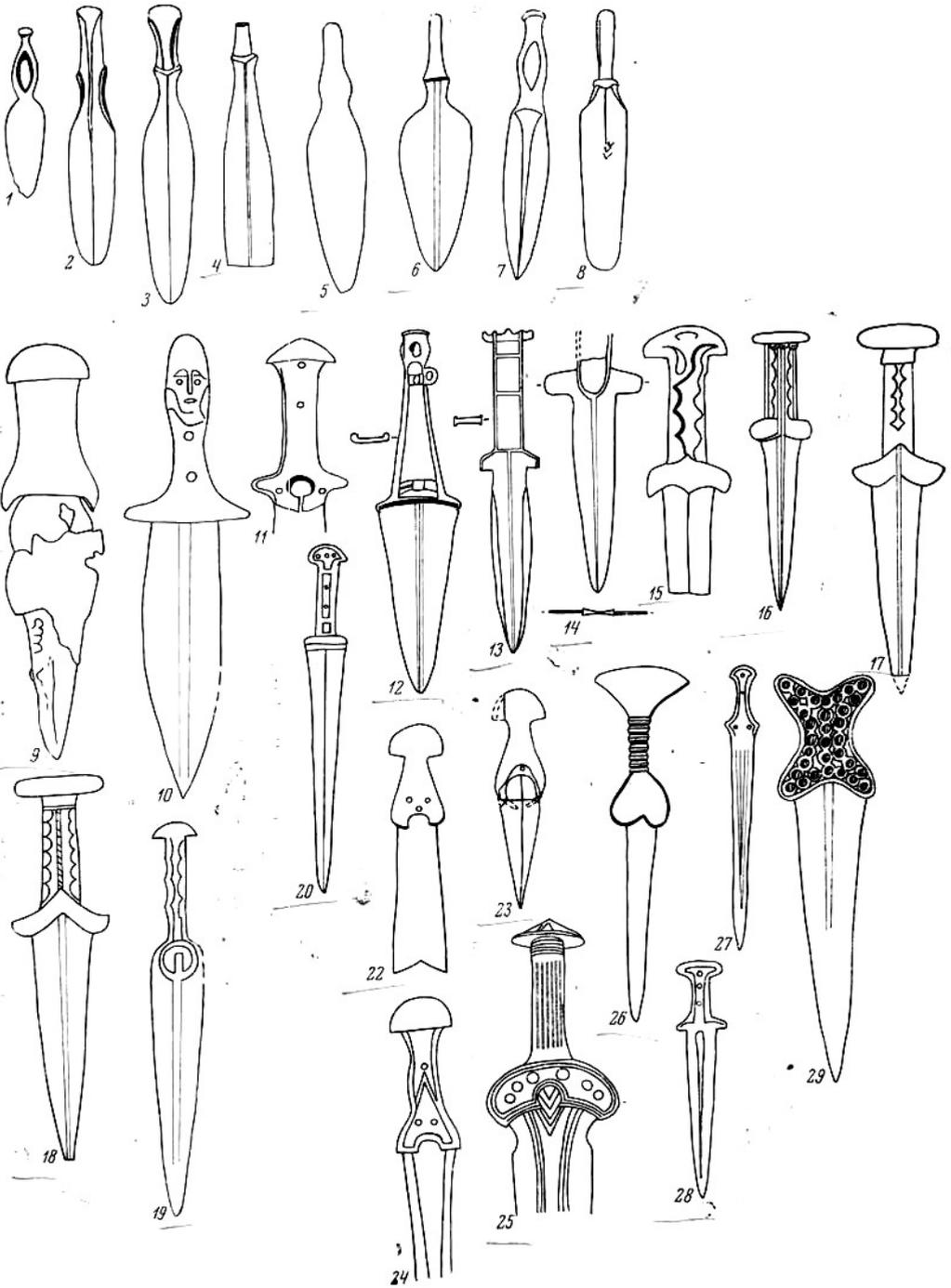
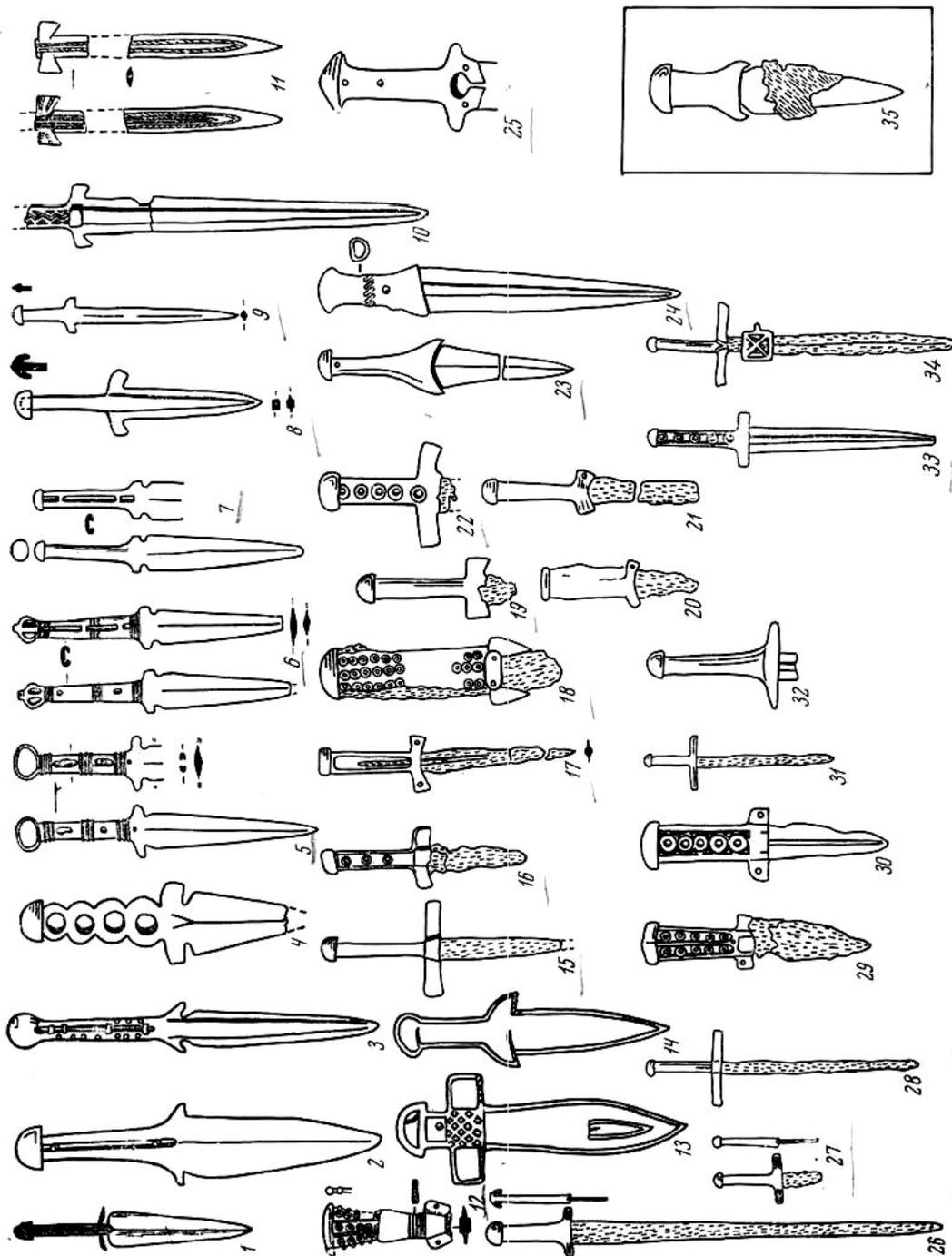

Таблица 6

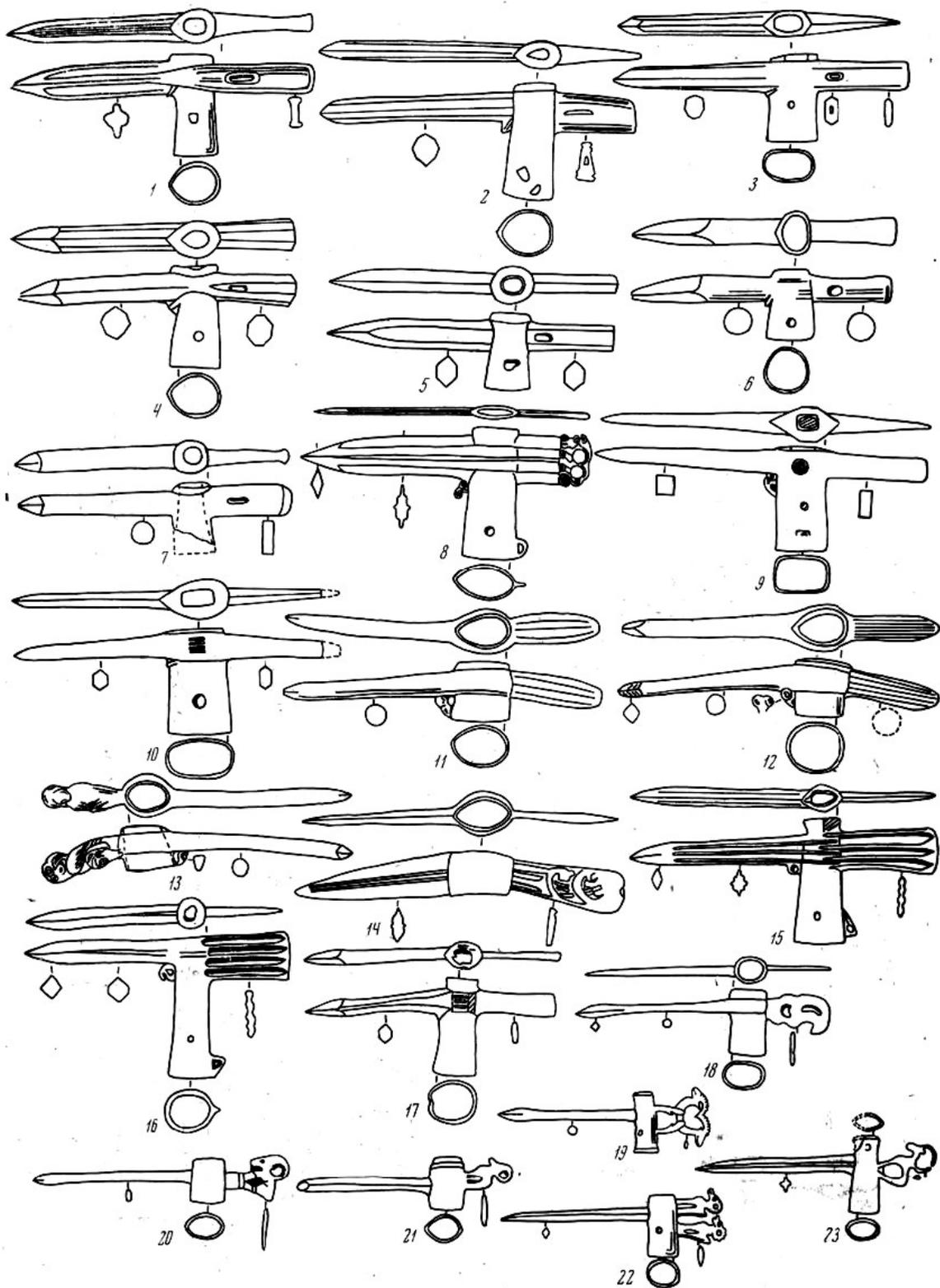
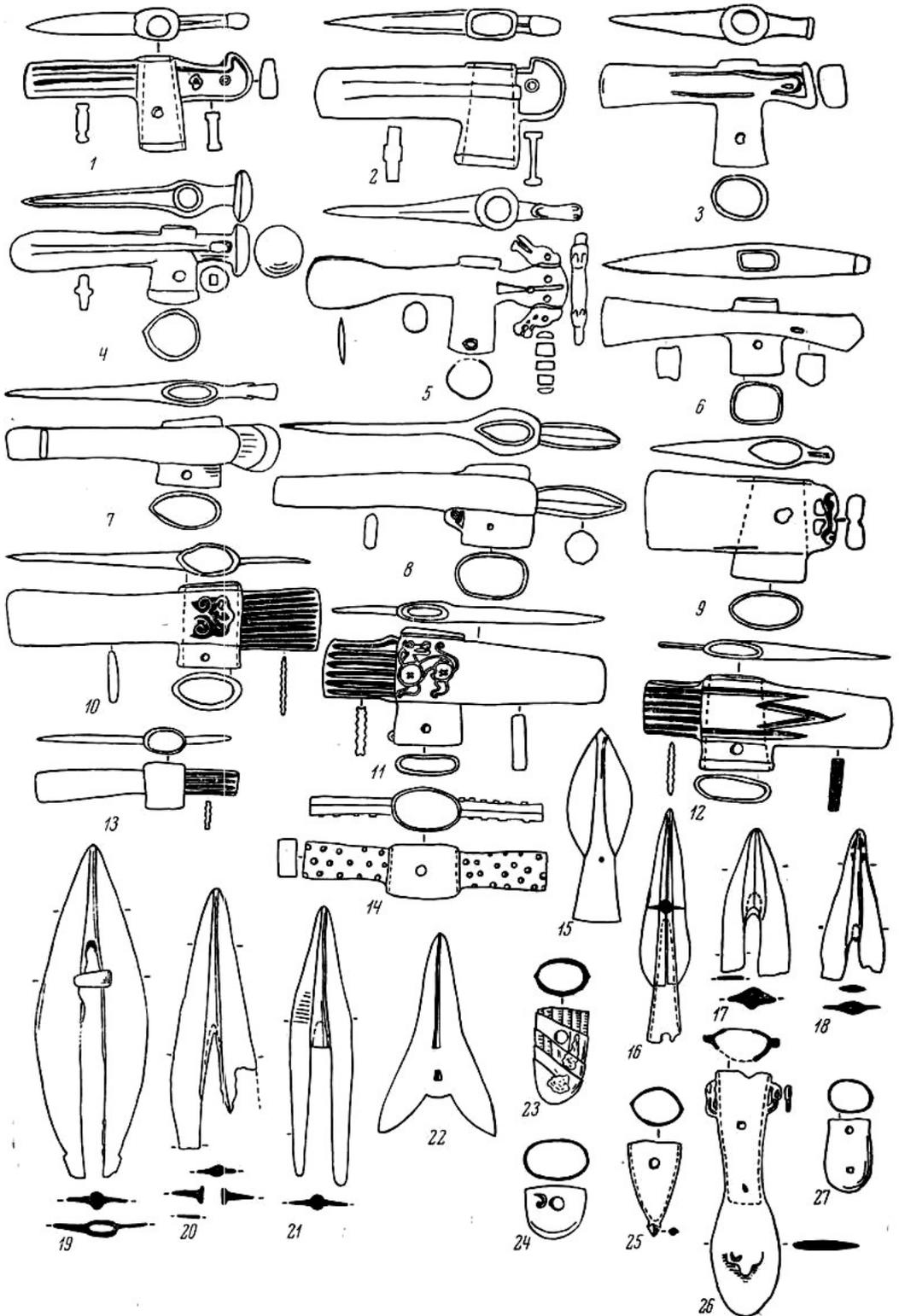

Таблица 8

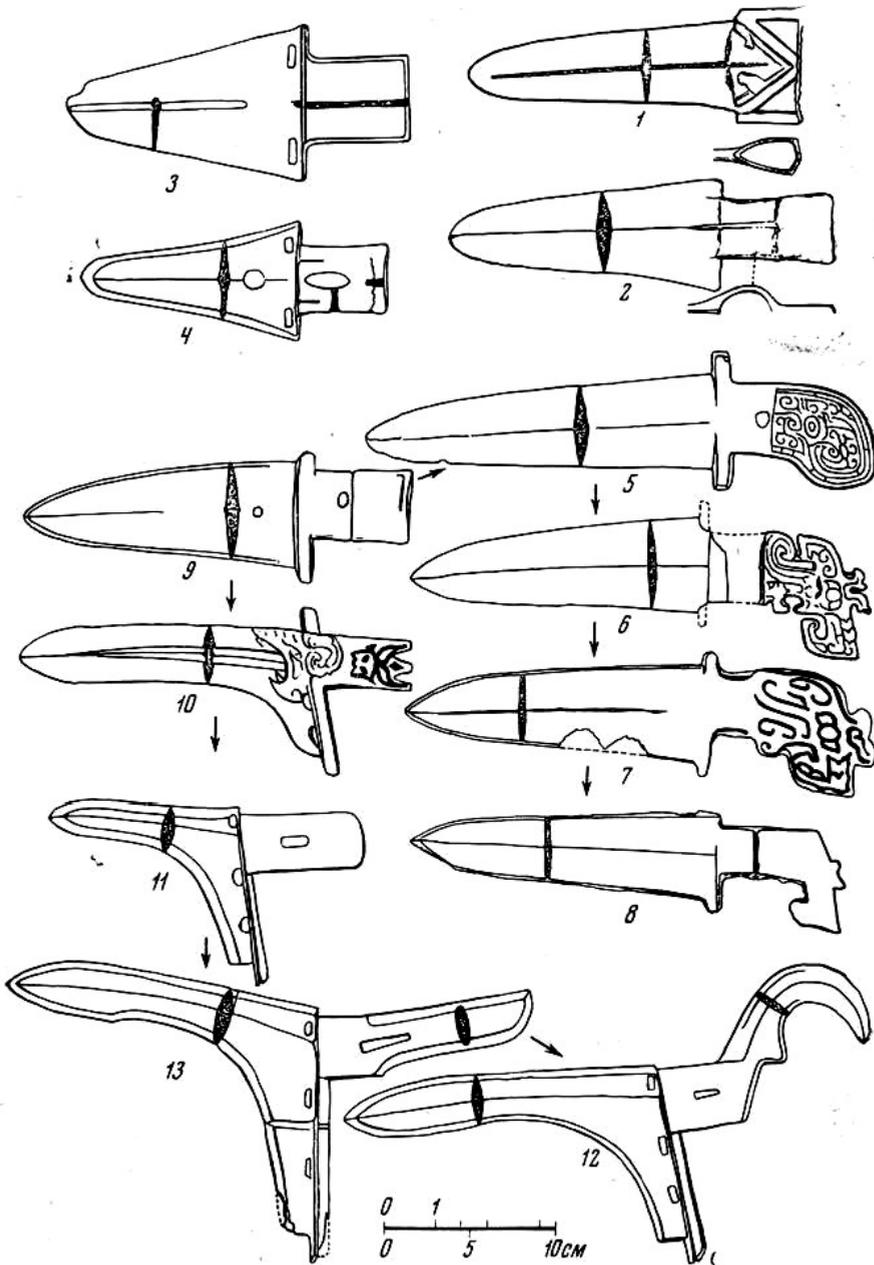

Таблица 10

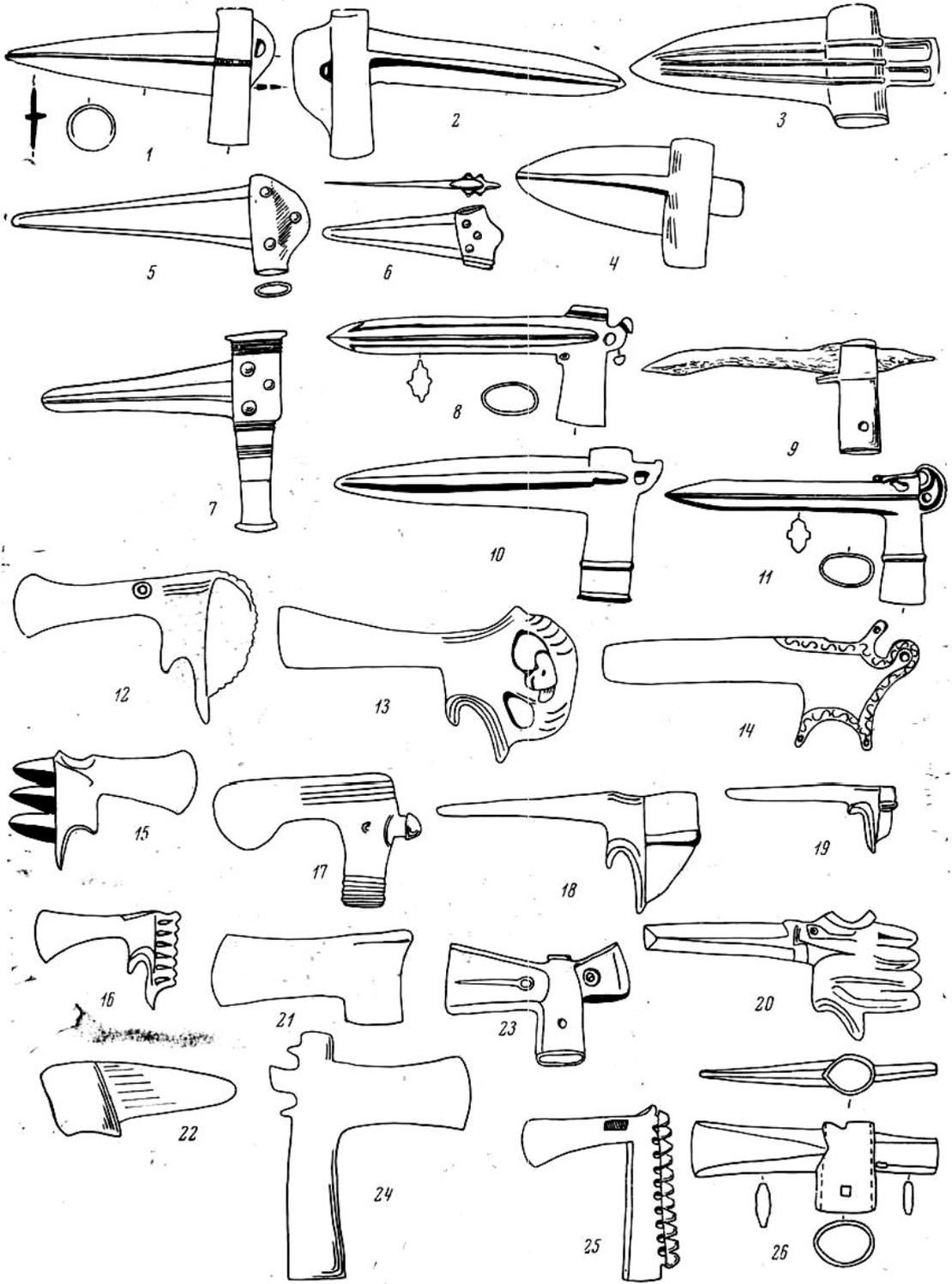

Таблица 11

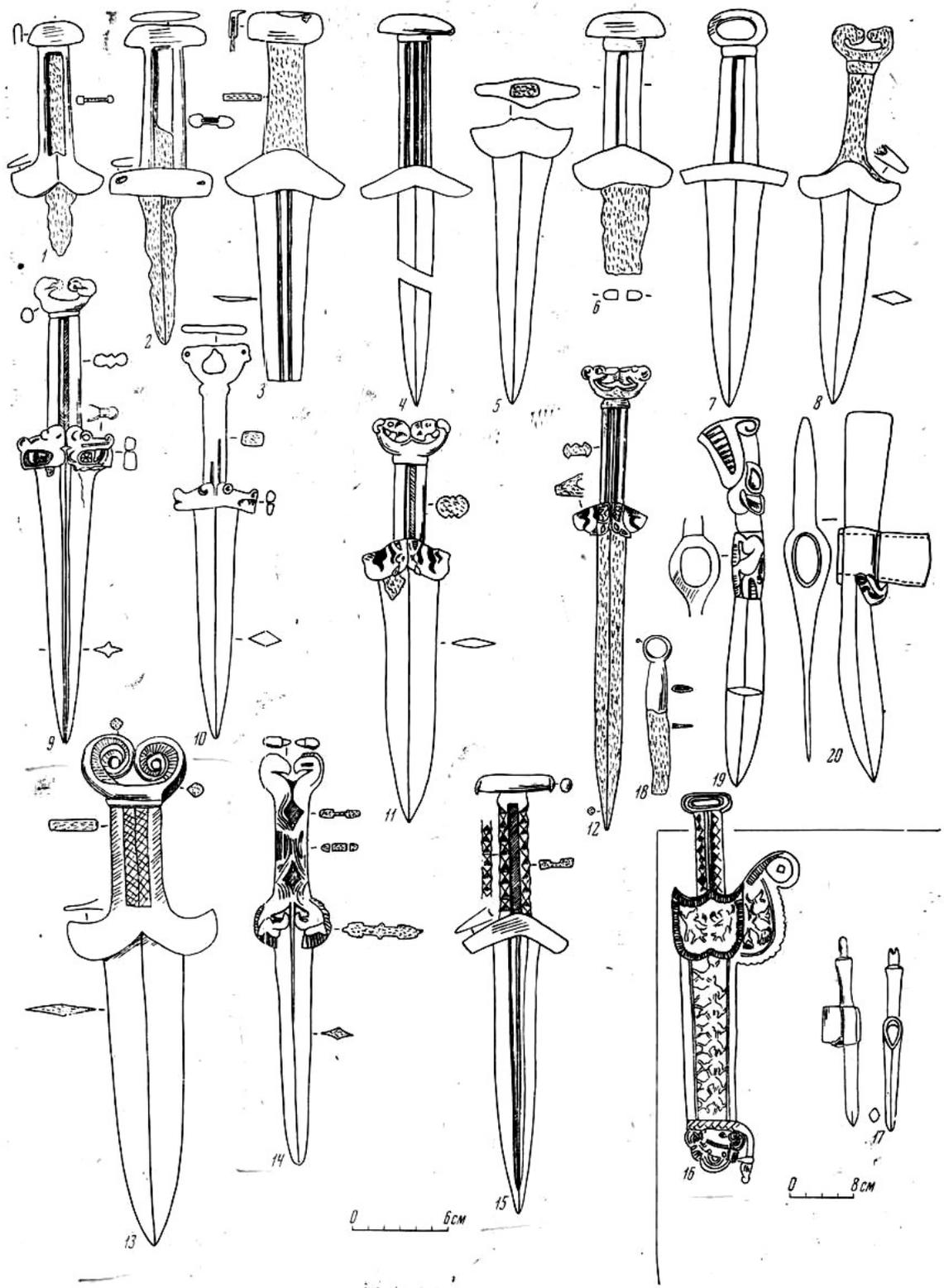

Таблица 12

0 5cm

A/V-VI z

A/III

A/IX

A/III

A/III

A/IV

A/IV

A/IV

A/III

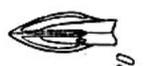
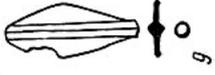
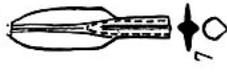
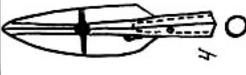
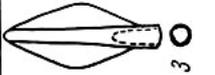
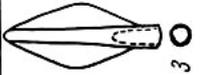
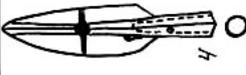
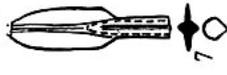
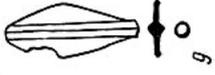
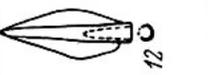
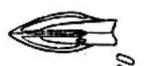
A/III

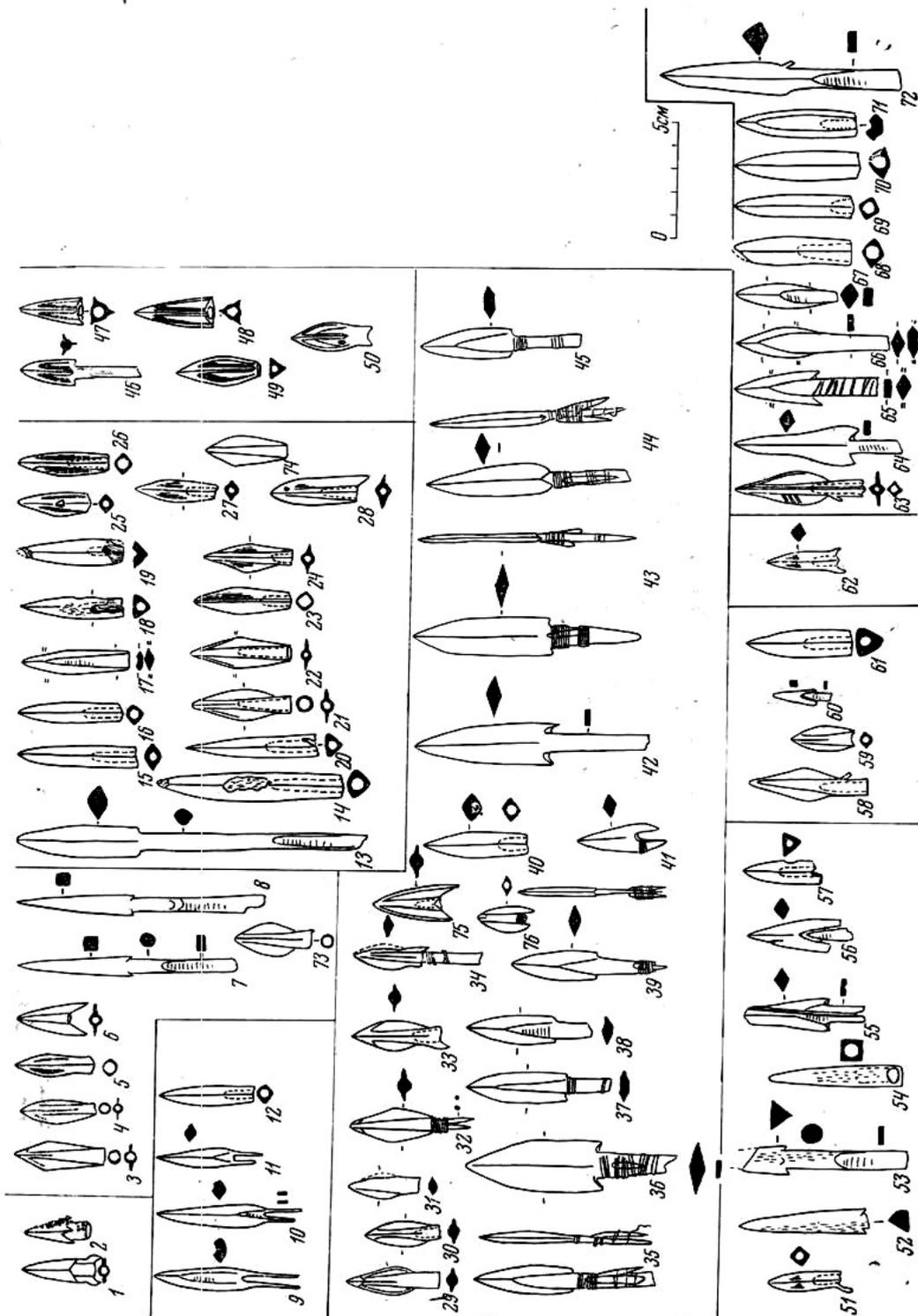
A/IIz

A/II

A/IIz

Таблица 13

I	 <p>33</p>	 <p>36</p> <p>37</p> <p>38</p> <p>39</p> <p>40</p>	 <p>31</p> <p>32</p>
II	 <p>20</p> <p>21</p> <p>22</p>	 <p>23</p> <p>24</p> <p>25</p> <p>26</p> <p>27</p> <p>28</p> <p>29</p> <p>30</p>	 <p>31</p> <p>32</p>
III-VI	 <p>11</p> <p>12</p> <p>13</p> <p>14</p> <p>15</p> <p>16</p> <p>17</p> <p>18</p> <p>19</p>	 <p>10</p> <p>9</p> <p>8</p> <p>7</p> <p>6</p> <p>5</p> <p>4</p> <p>3</p> <p>2</p> <p>1</p>	
Эпоха бронзы	 <p>1</p> <p>2</p> <p>3</p> <p>4</p> <p>5</p> <p>6</p> <p>7</p> <p>8</p> <p>9</p> <p>10</p>	 <p>11</p> <p>12</p> <p>13</p> <p>14</p> <p>15</p> <p>16</p> <p>17</p> <p>18</p> <p>19</p> <p>20</p> <p>21</p> <p>22</p> <p>23</p> <p>24</p> <p>25</p> <p>26</p> <p>27</p> <p>28</p> <p>29</p> <p>30</p> <p>31</p> <p>32</p>	

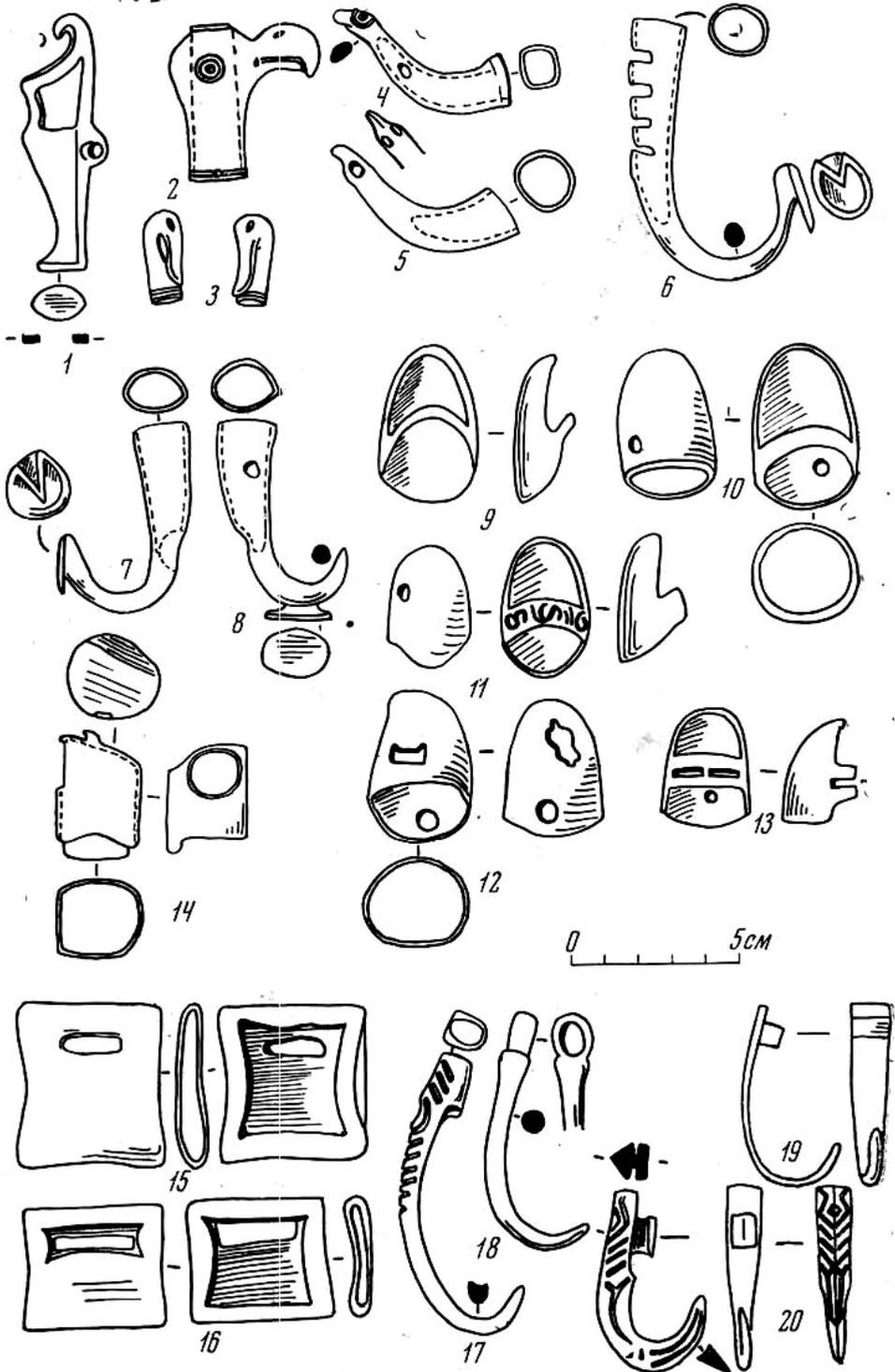

Таблица 16

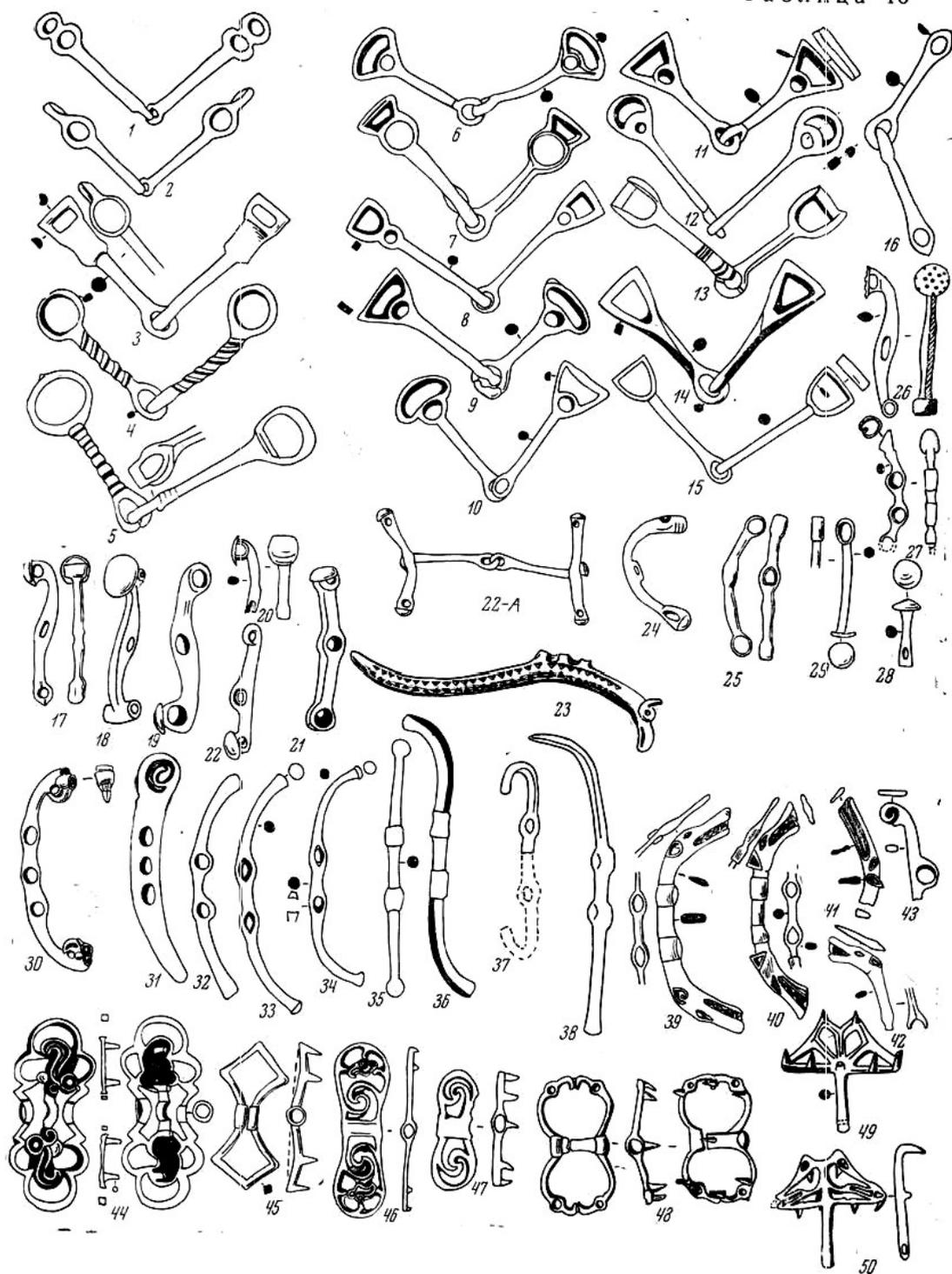

Таблица 17

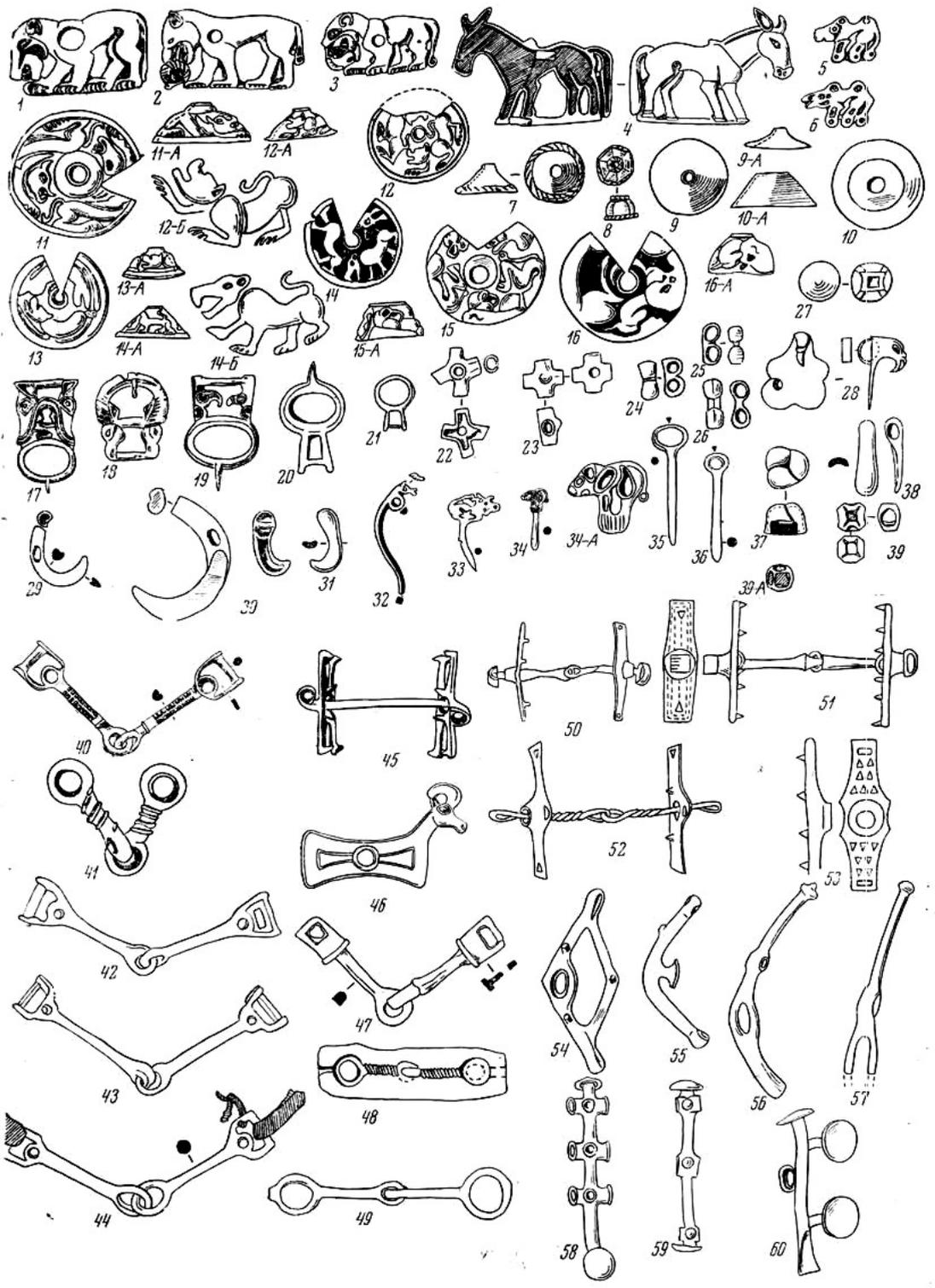
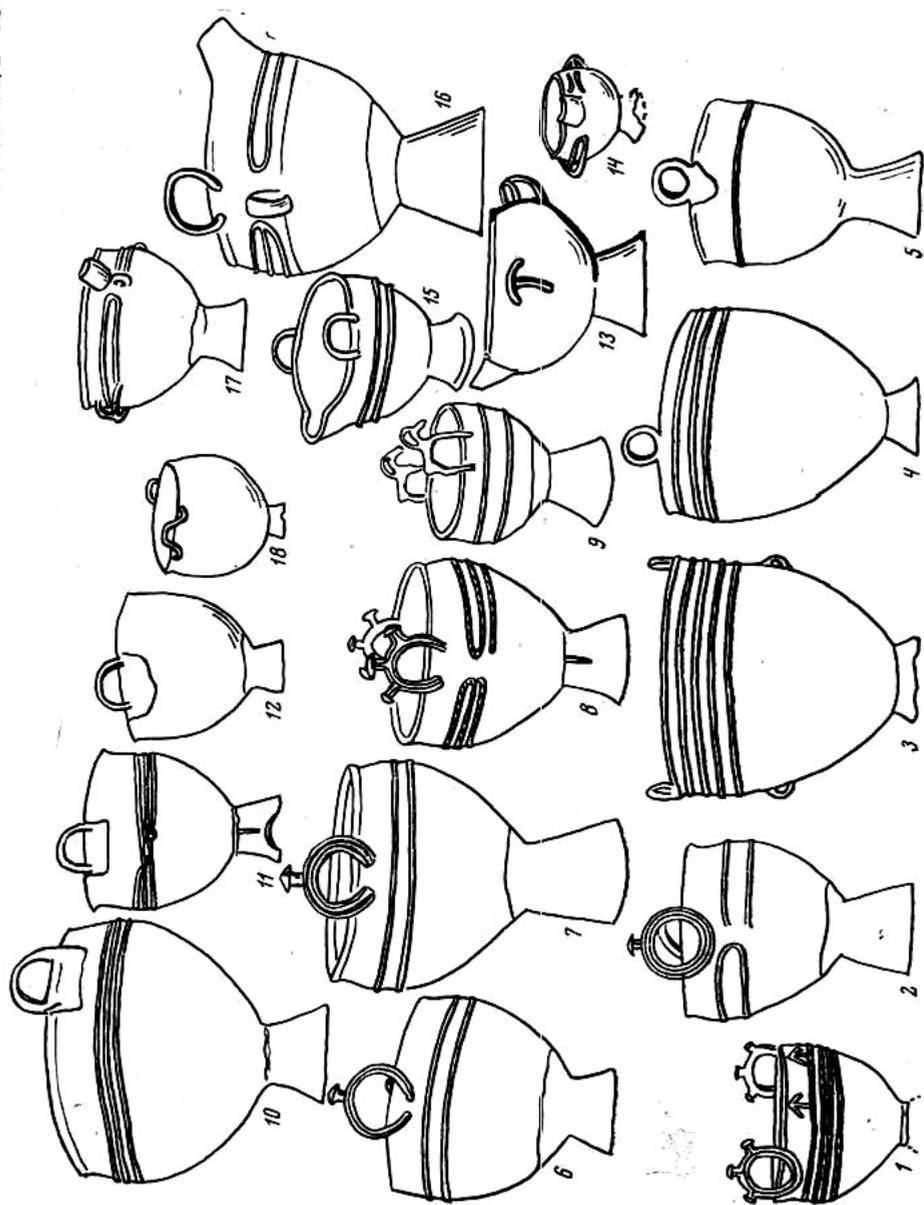
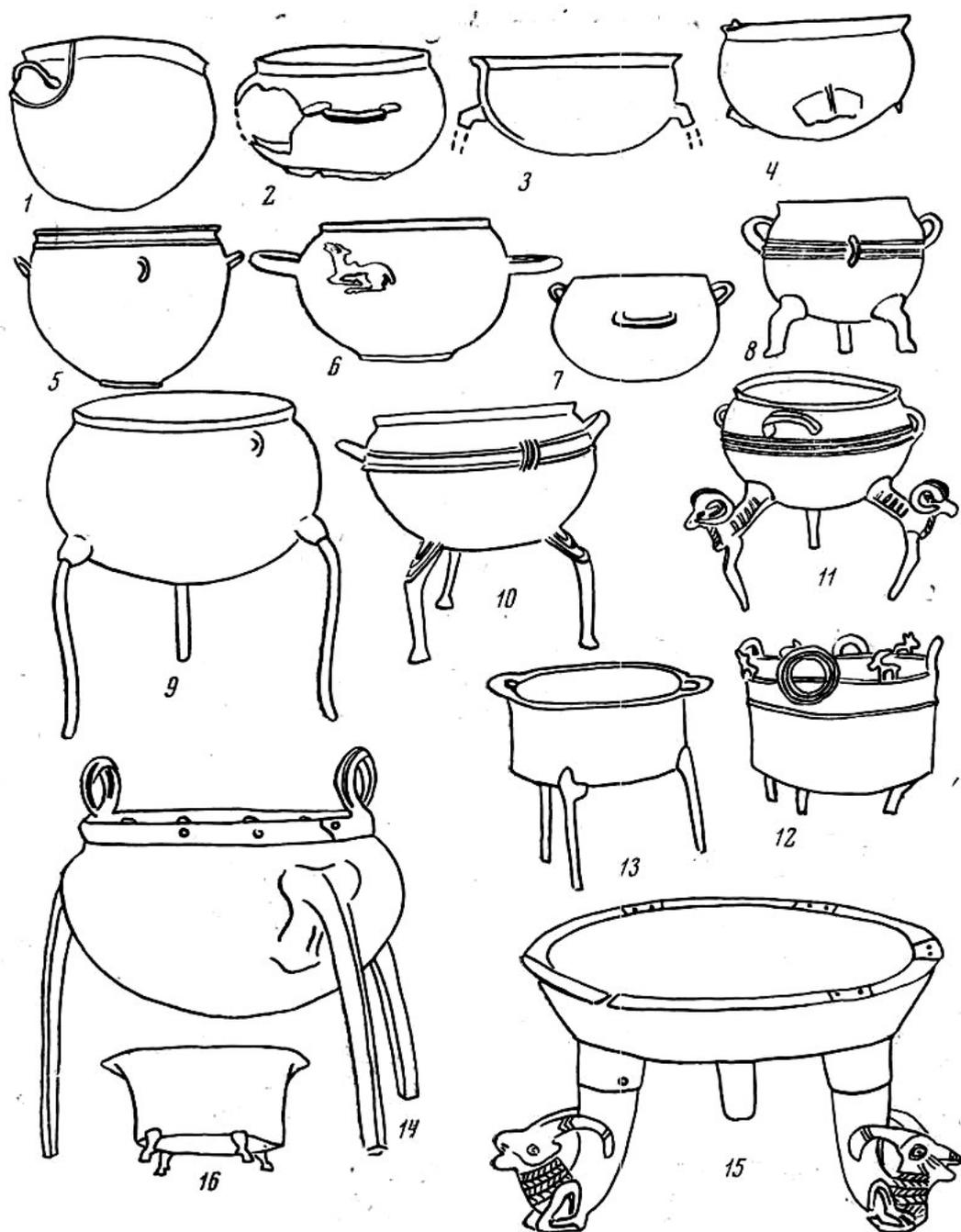
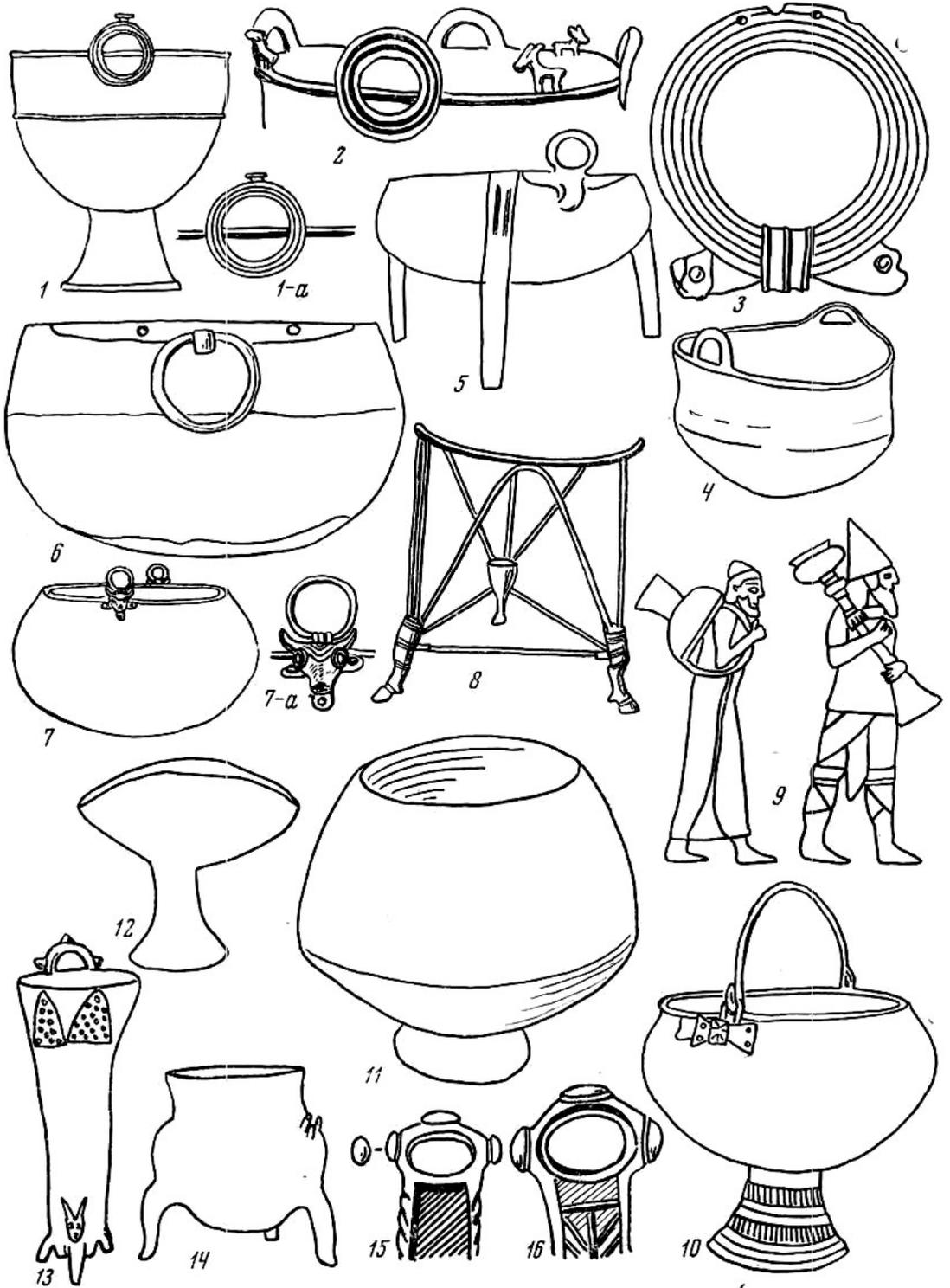
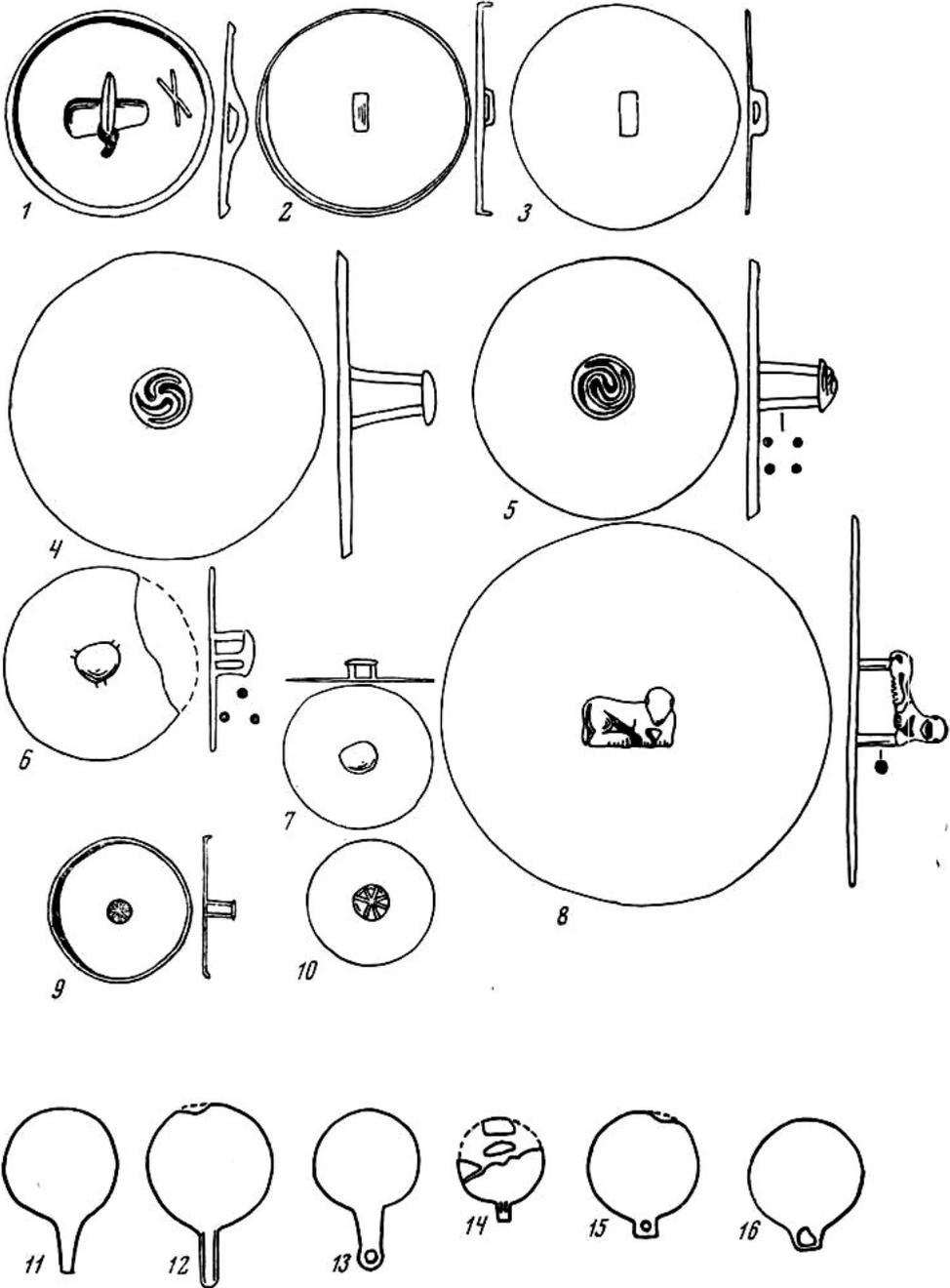

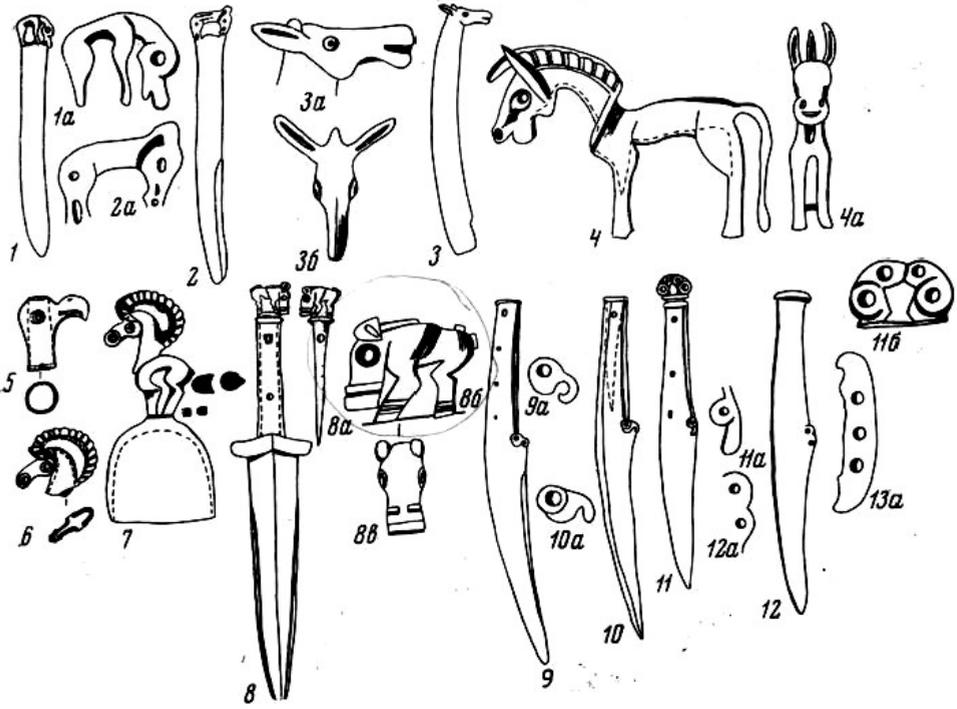
Таблица 18

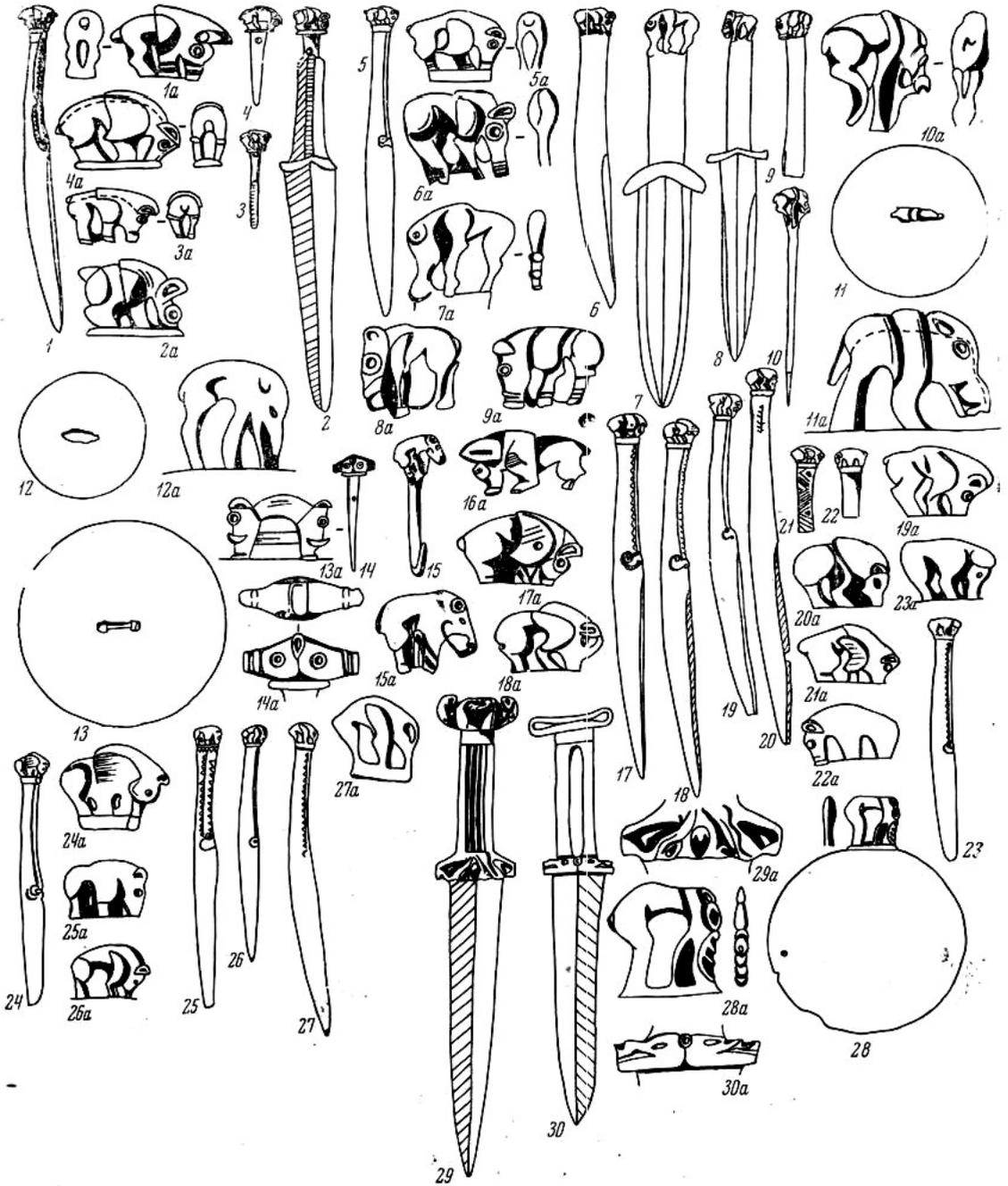

Таблица 25

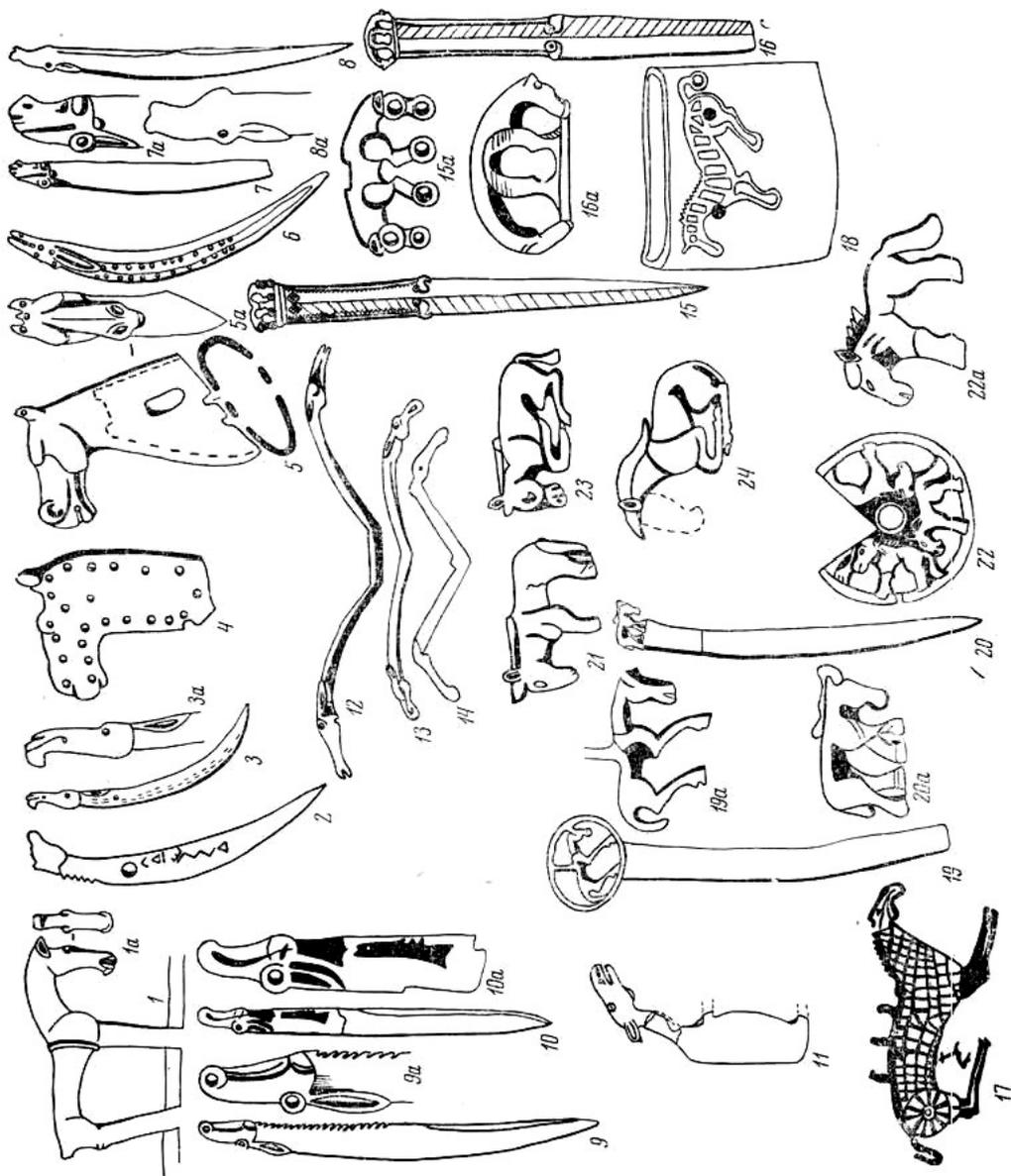

Таблица 27

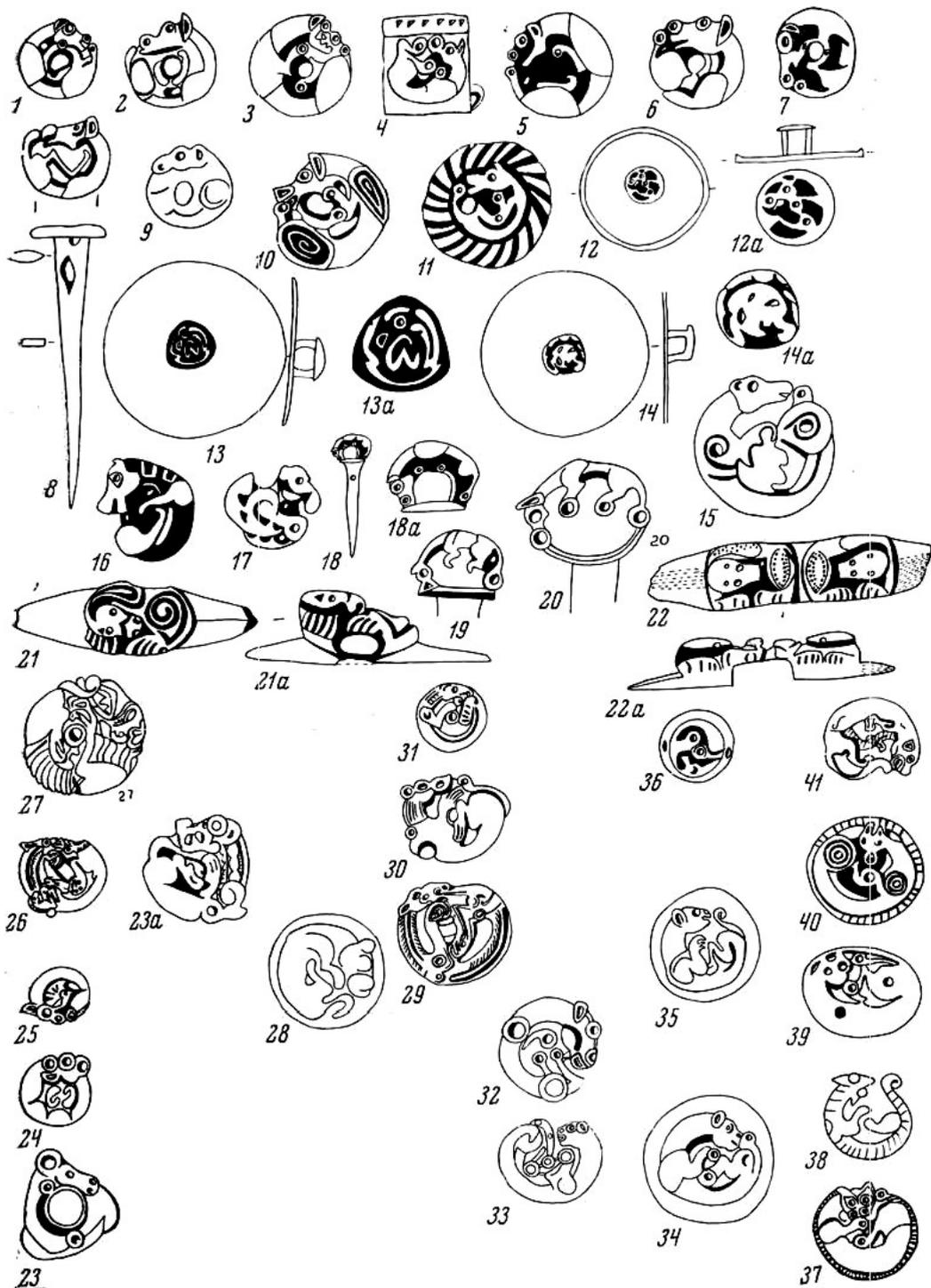
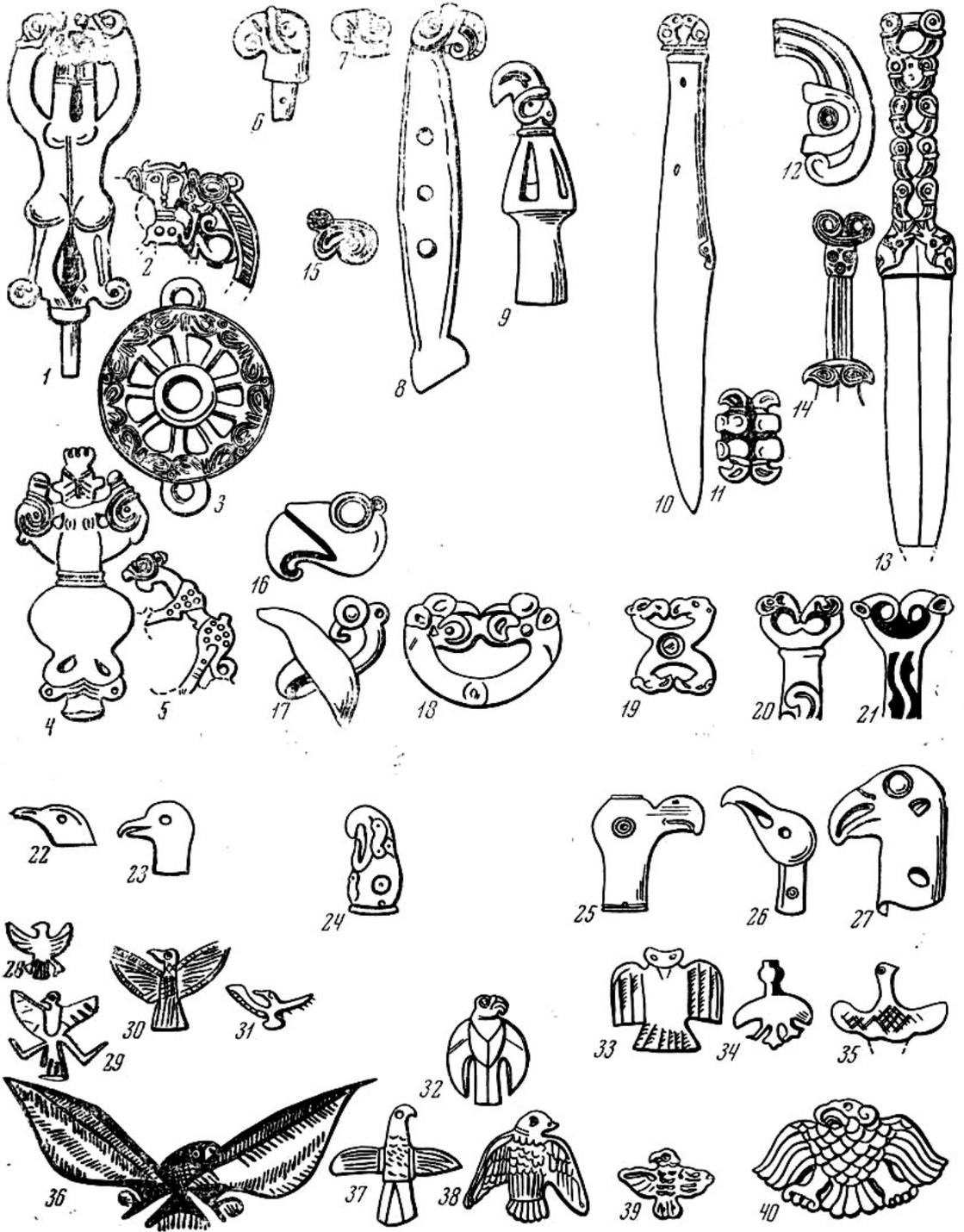

Таблица 30

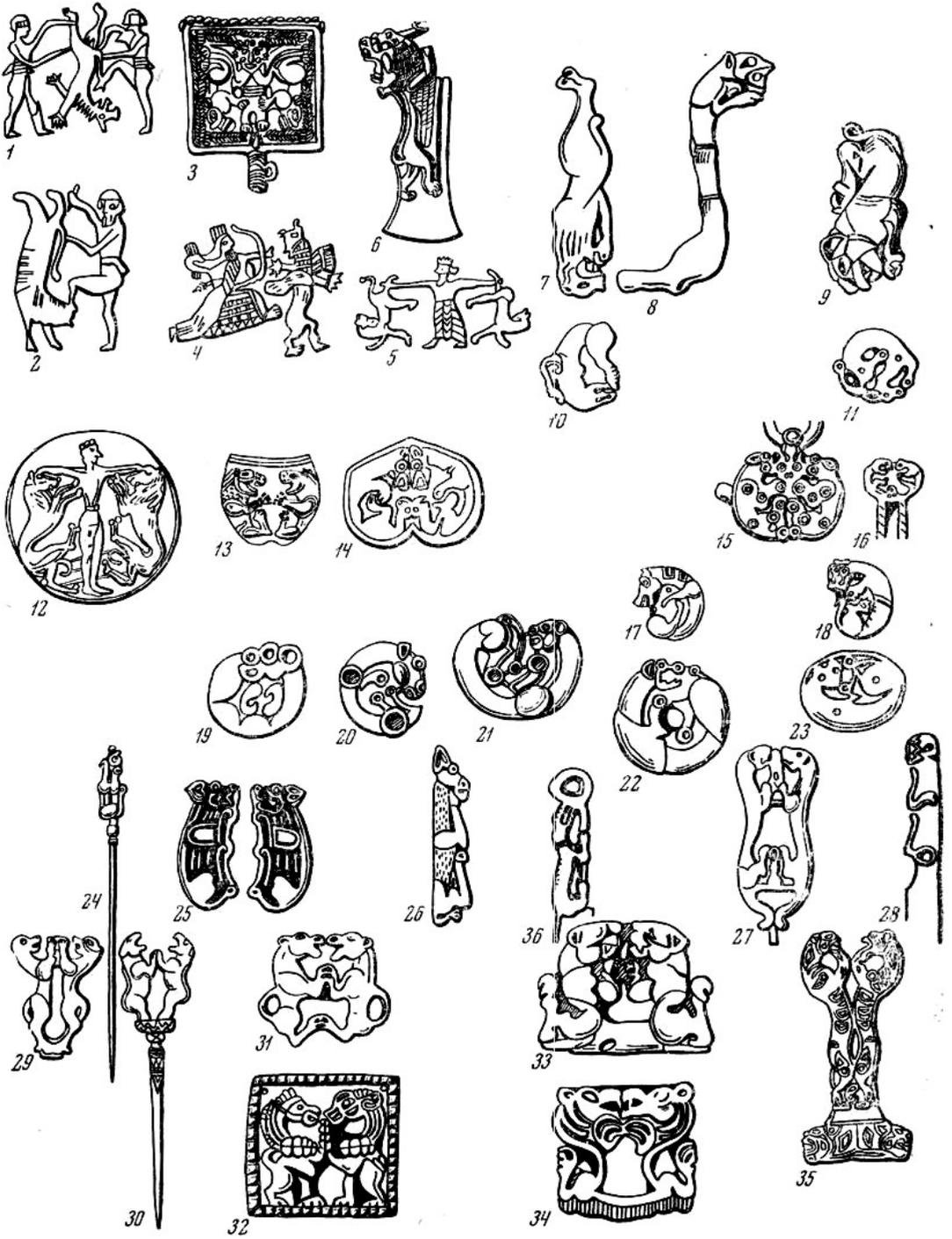

Таблица 32

Таблица 33

Таблица 34

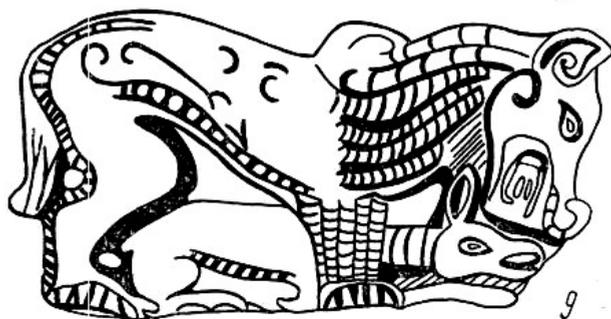
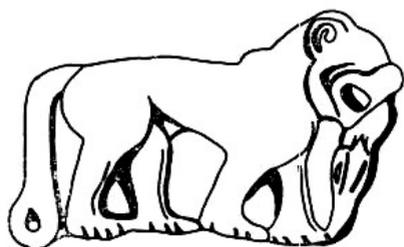
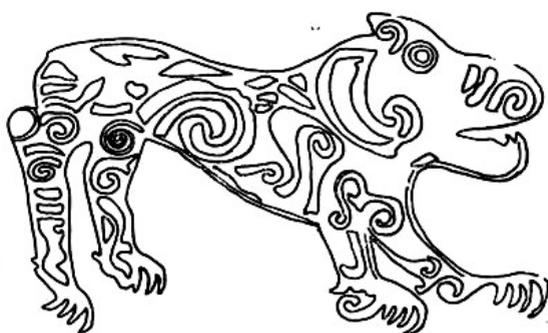
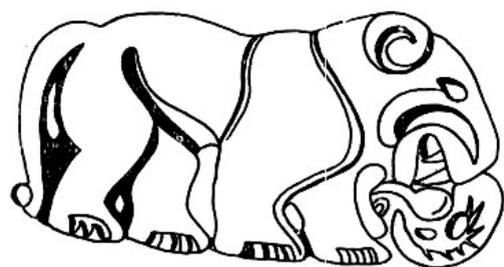
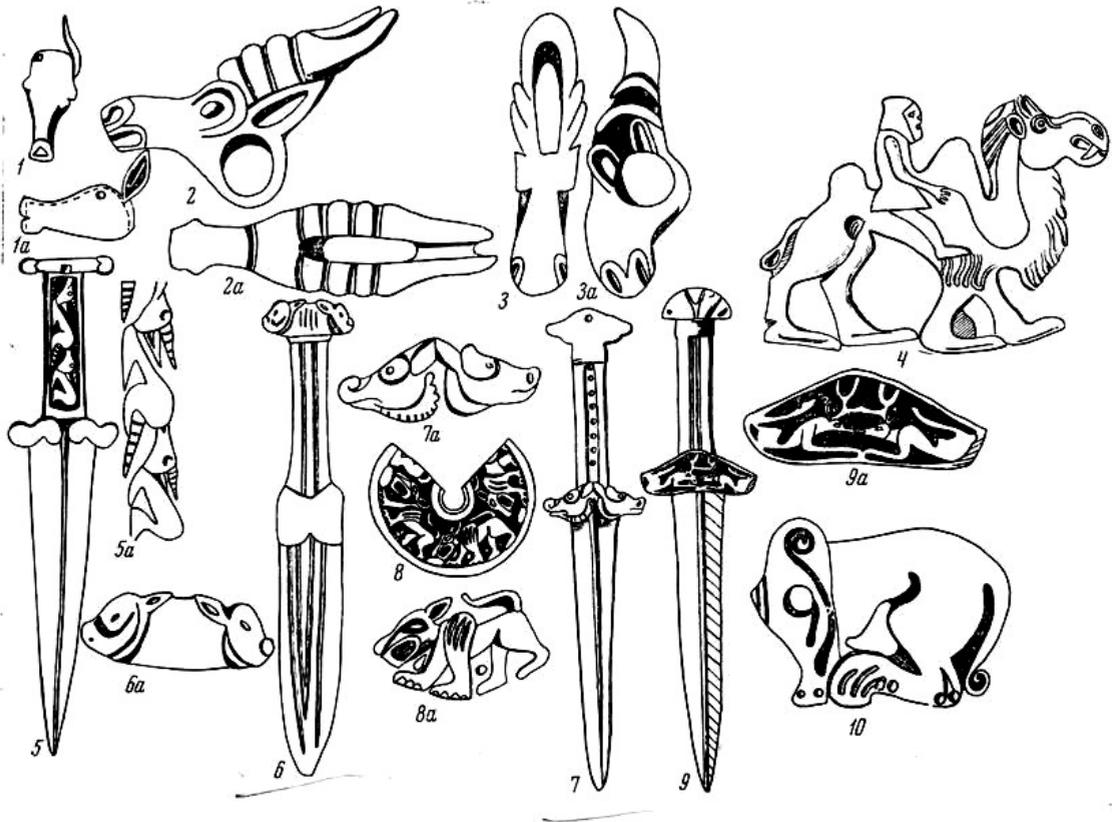

Таблица 36

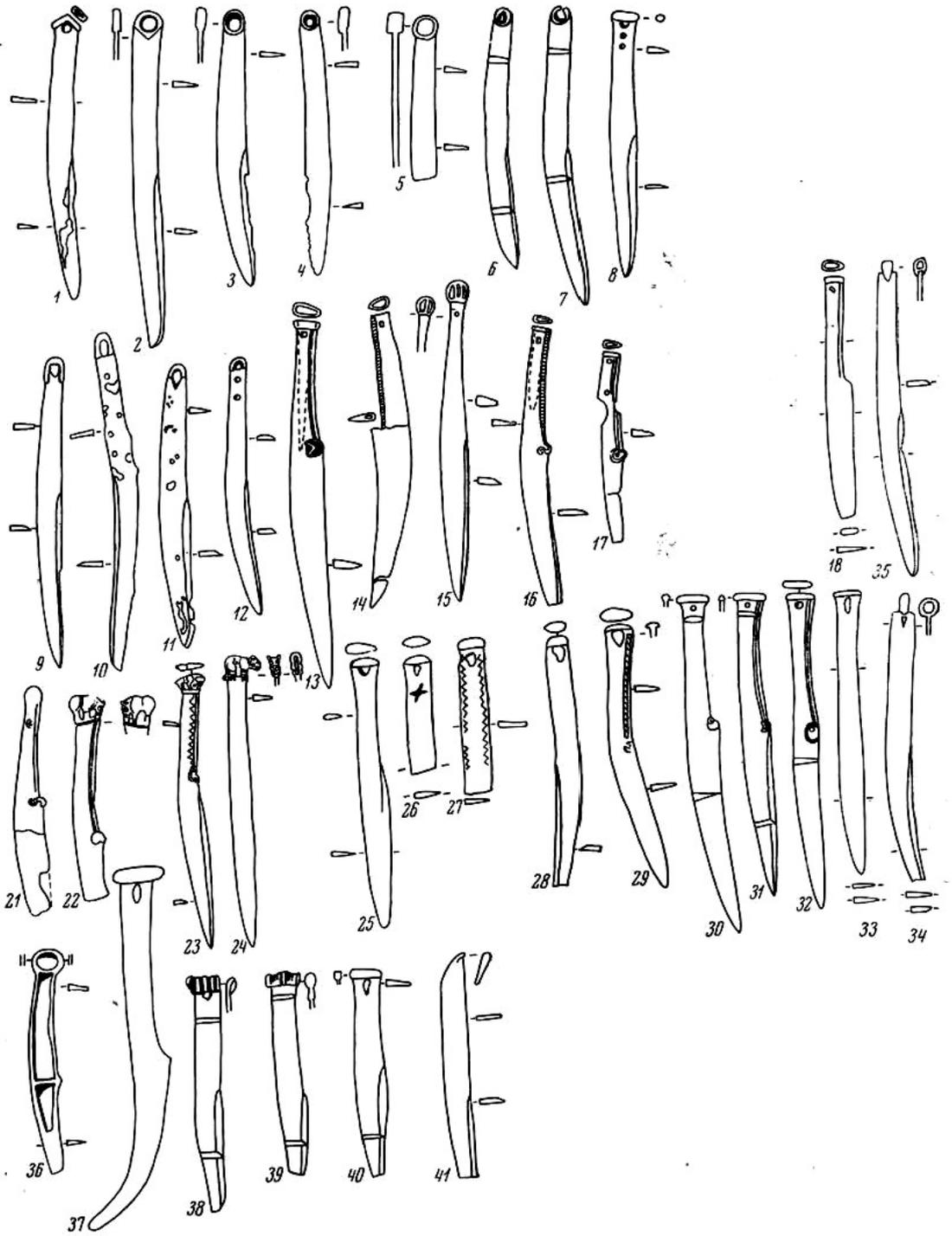
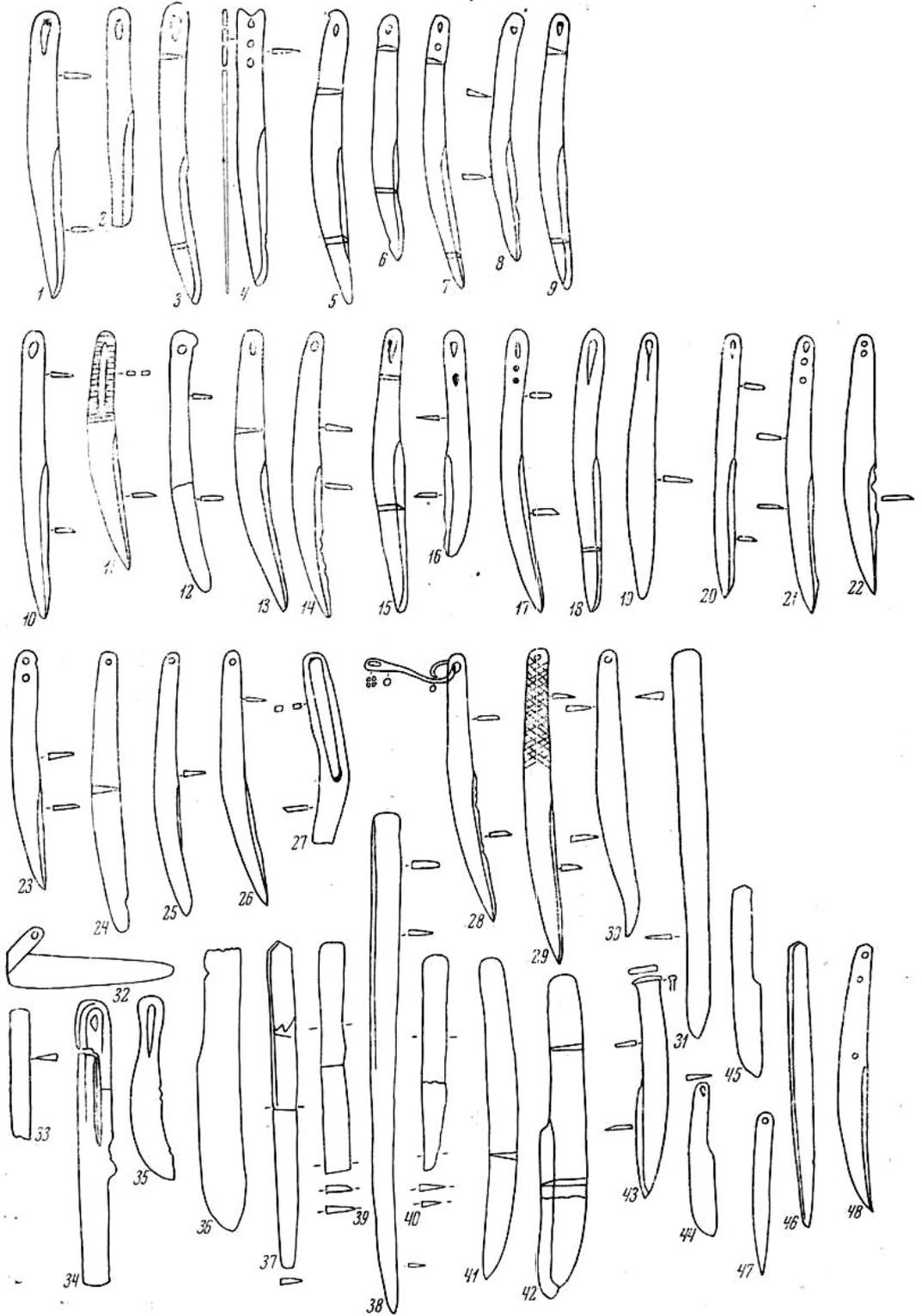

Таблица 38

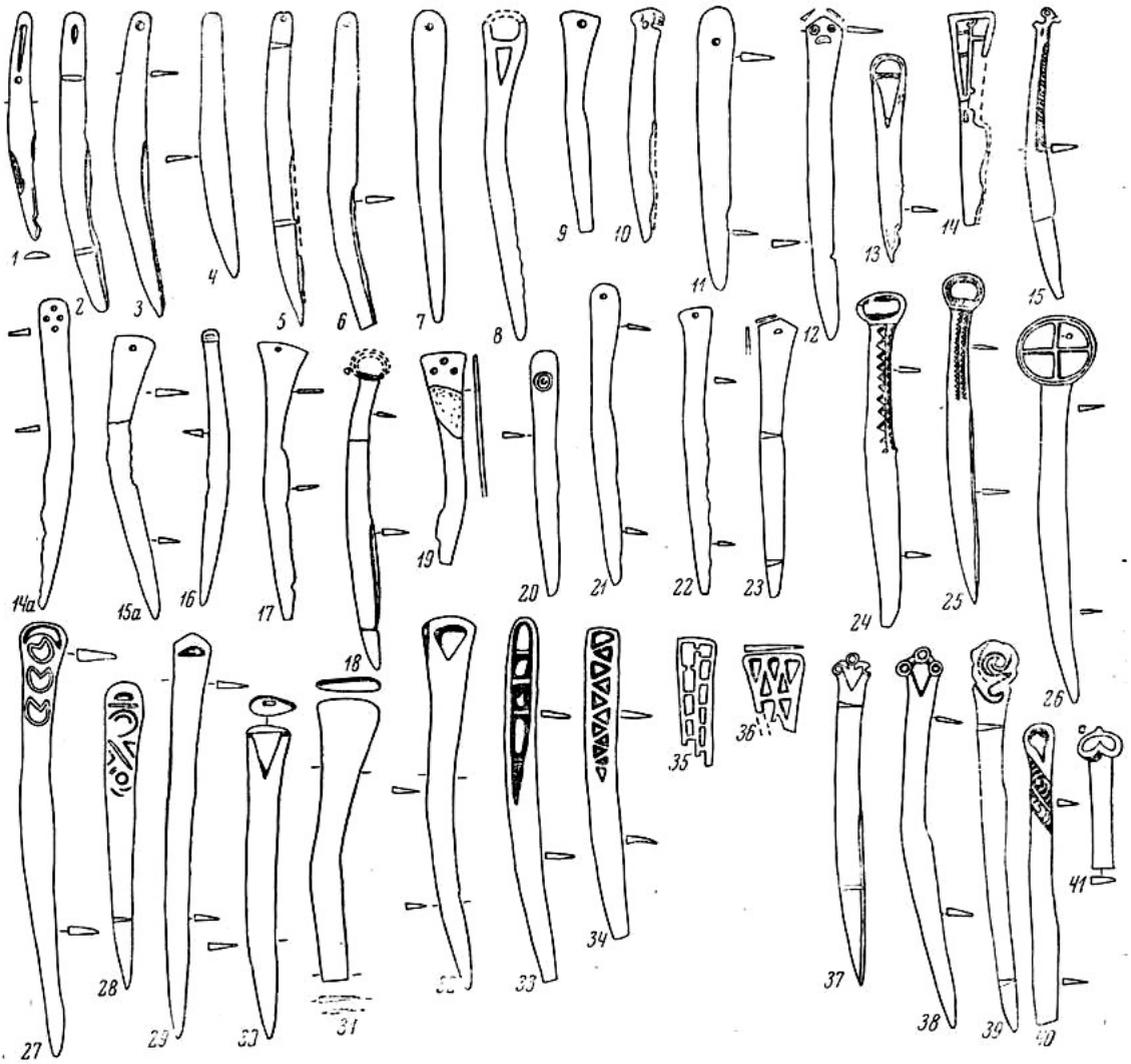

Таблица 40

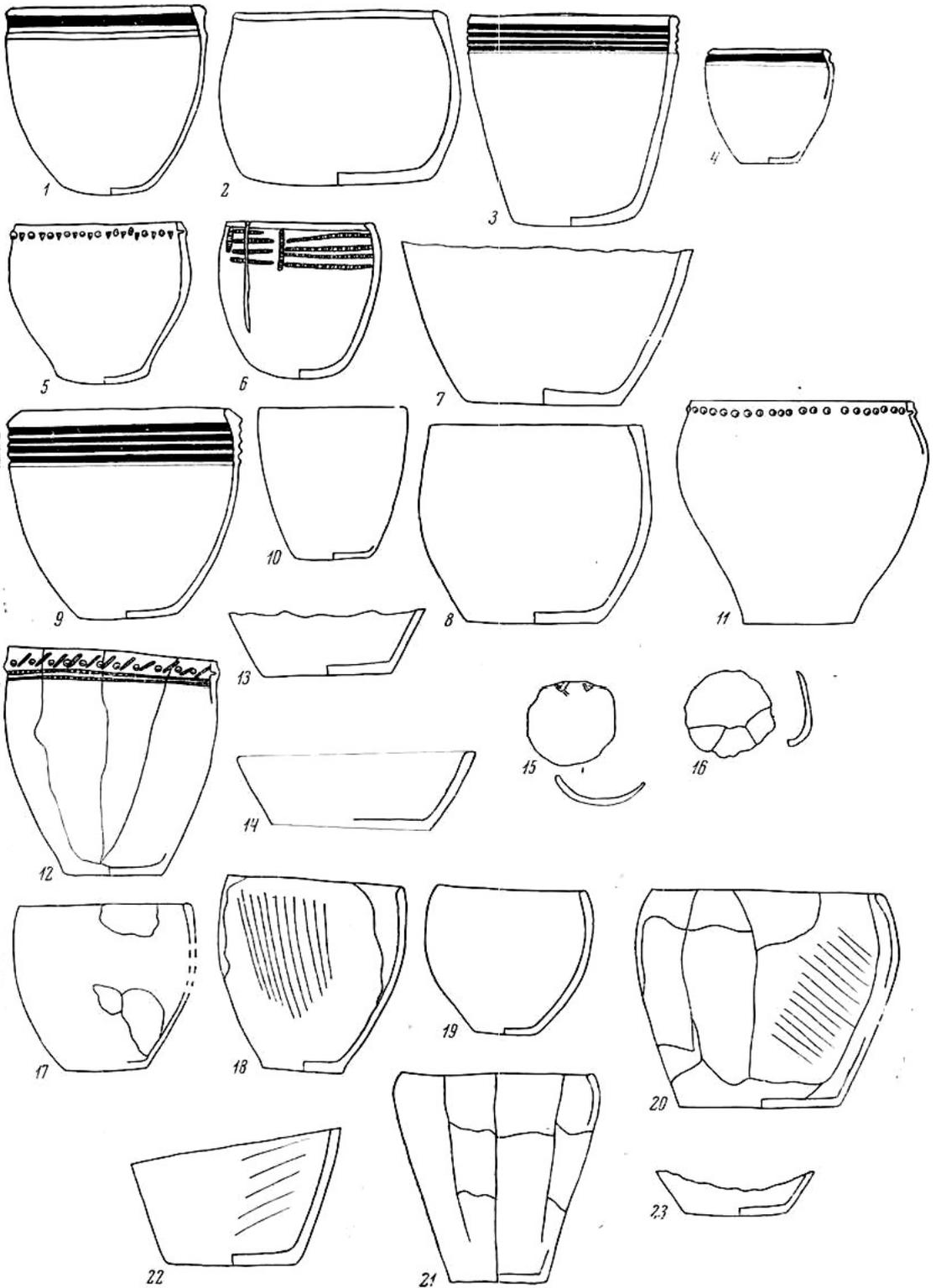
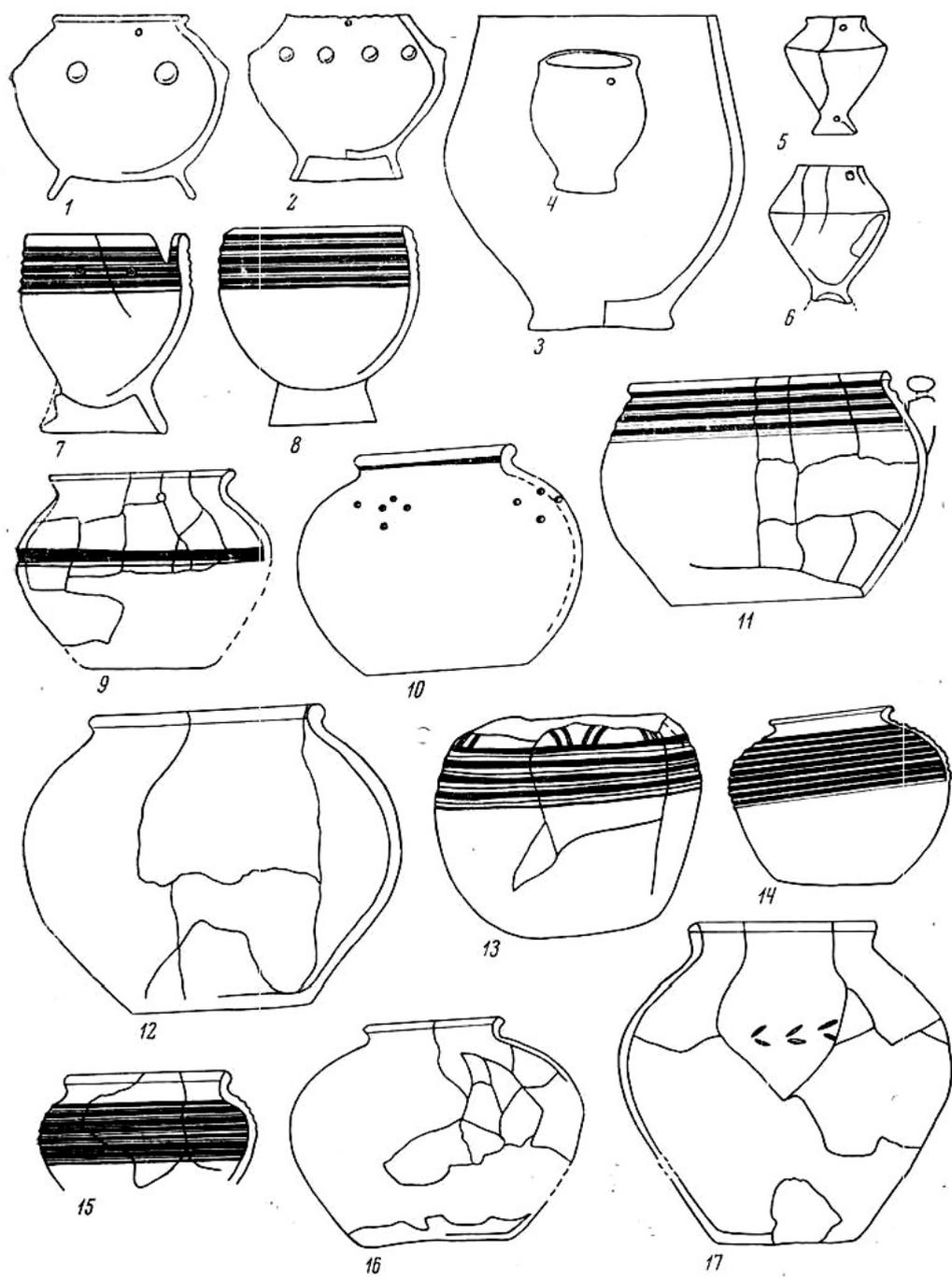
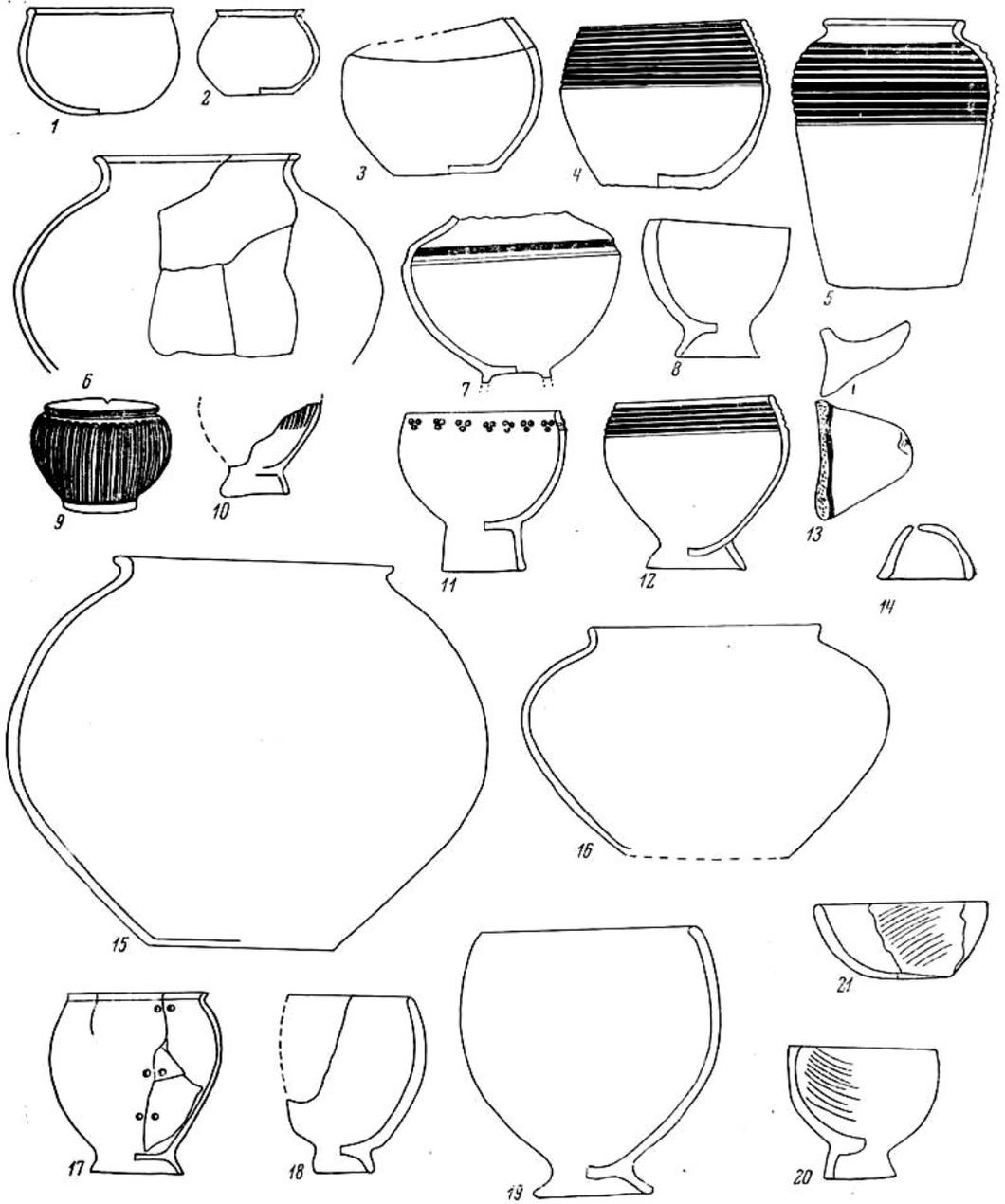
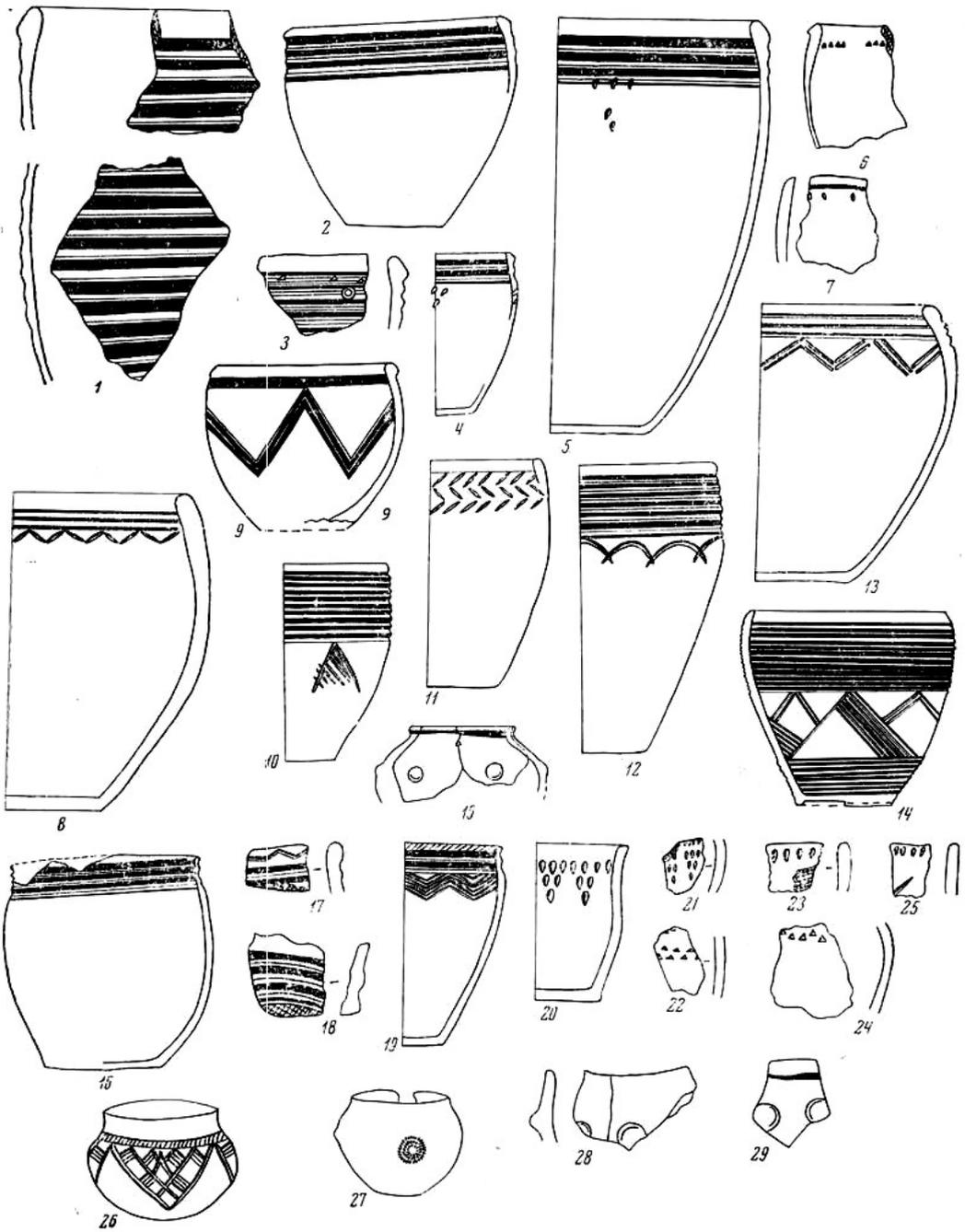
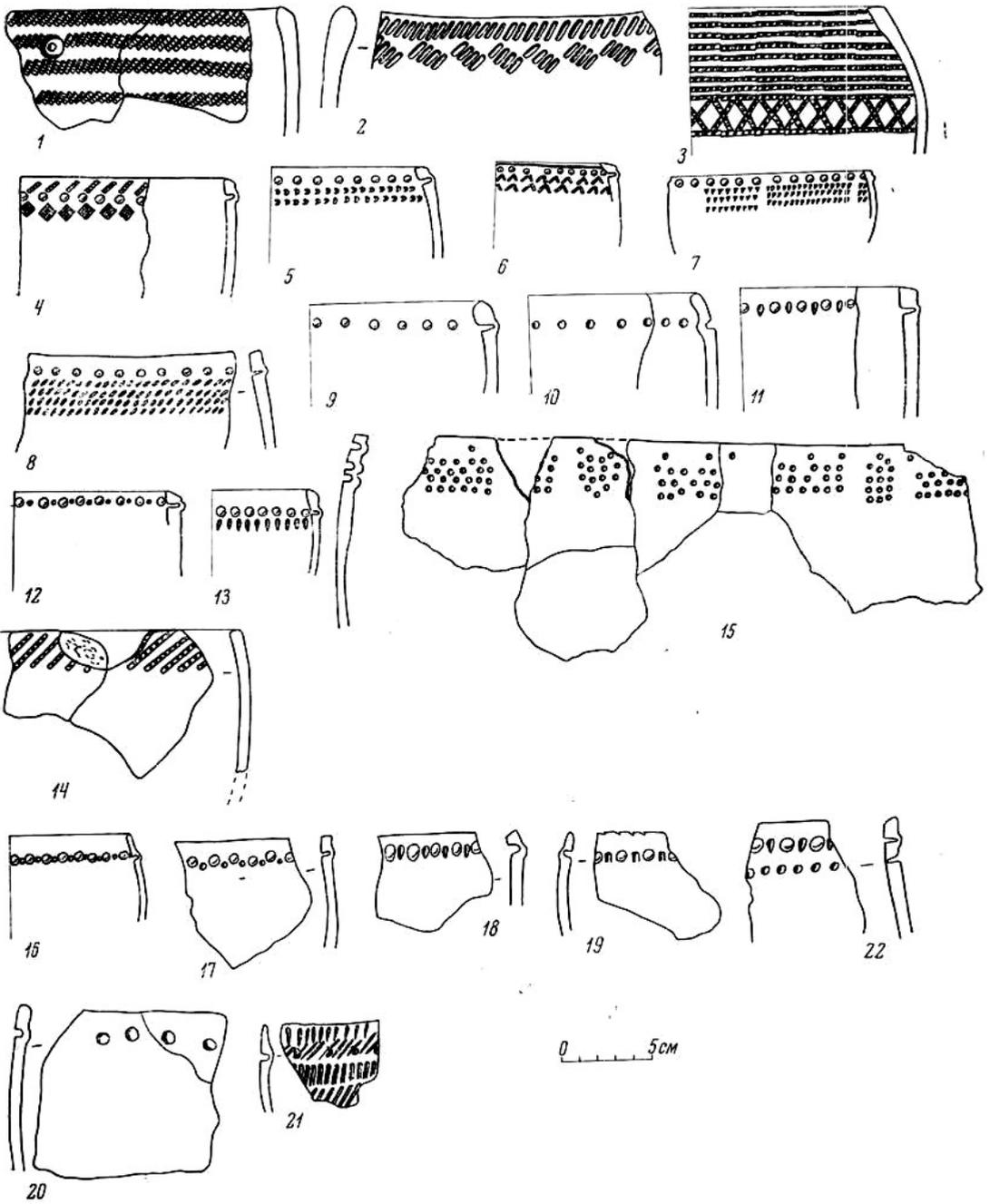

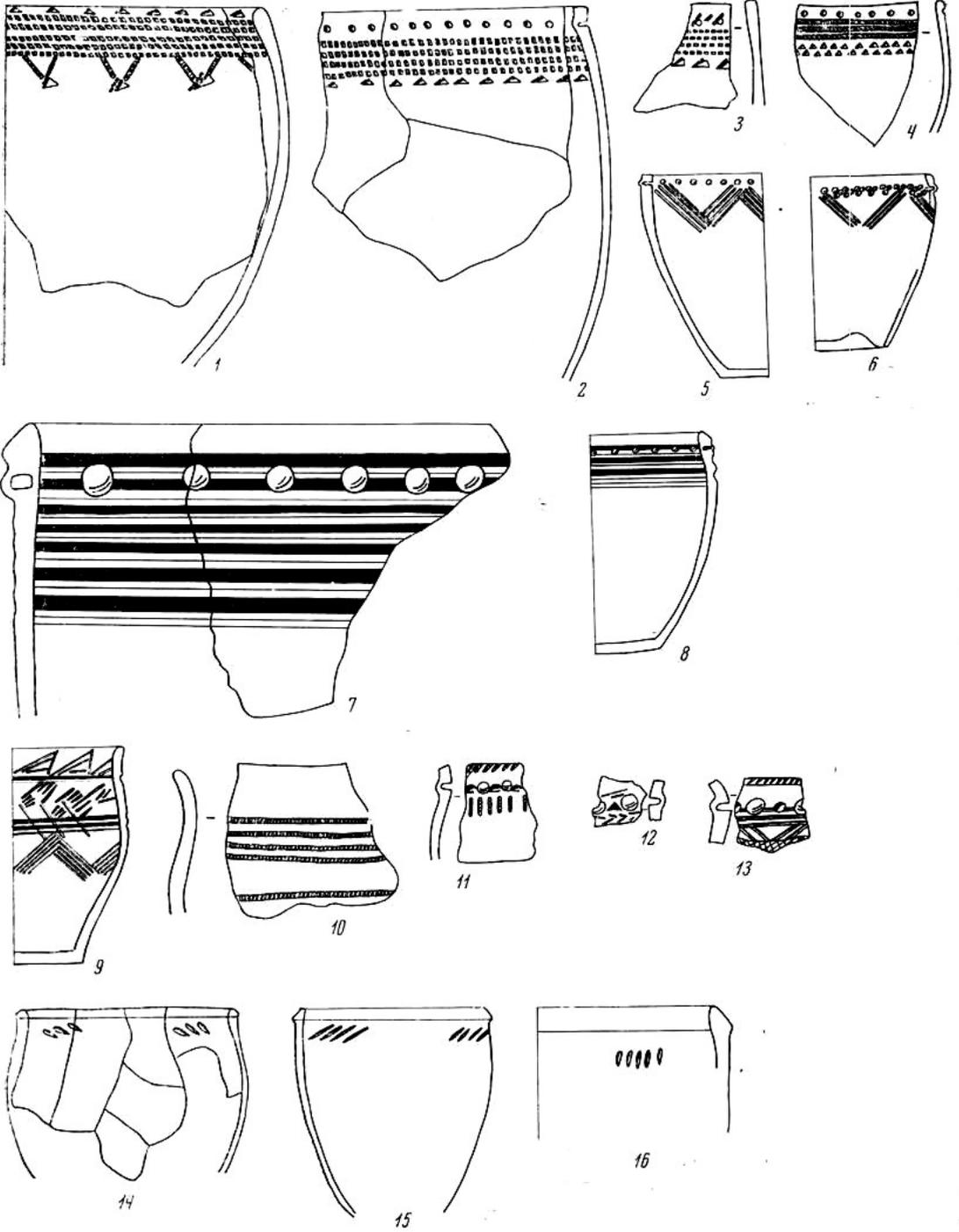
Таблица 41

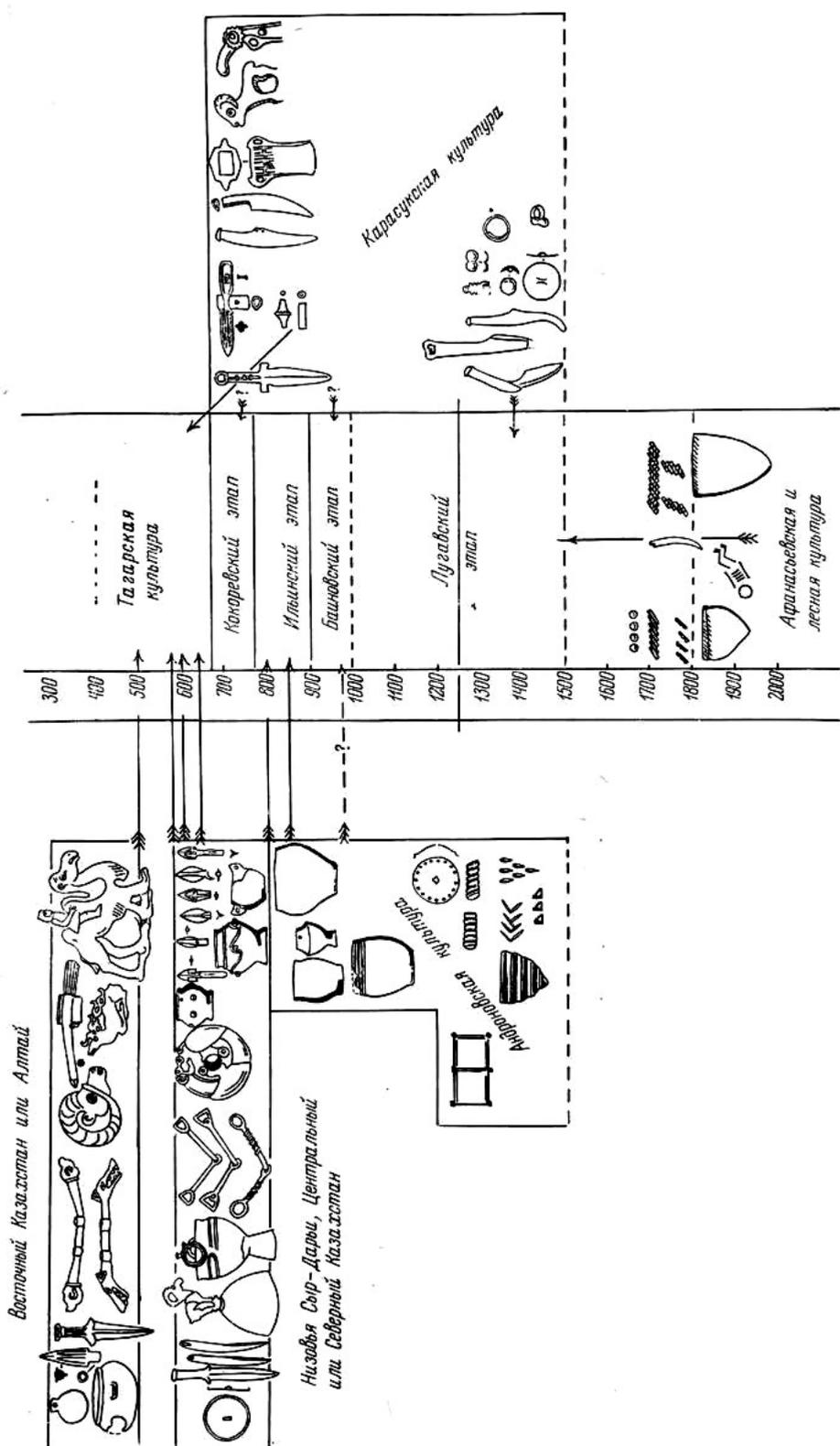

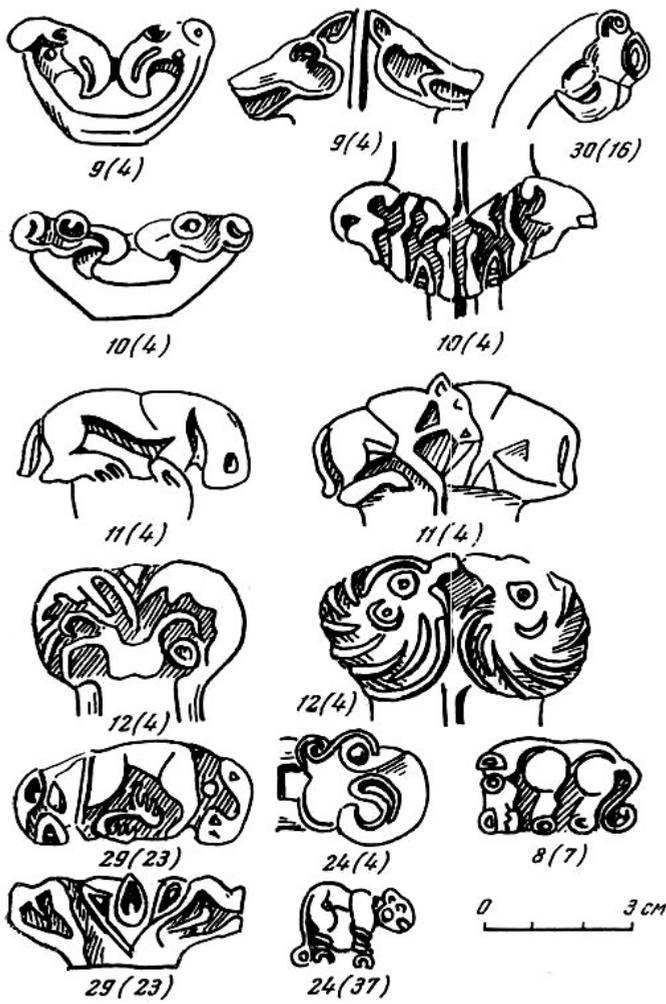

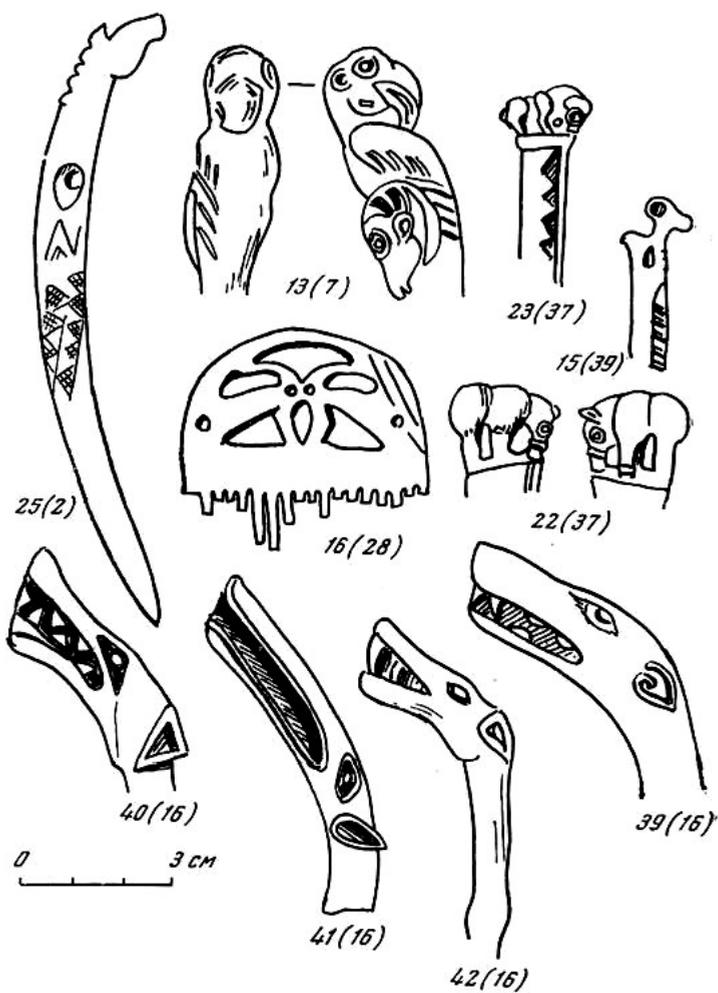

Оглавление

Введение	3
<i>Глава первая.</i> ТАГАРСКОЕ ОРУЖИЕ И КОНСКИЙ УБОР VII—V вв. до н. э., ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ. ТАГАРСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА И КОТЛЫ	13
Тагарские кинжалы	14
Чеканы, секиры, проушные боевые топоры	25
Втоки	38
Тагарские бронзовые наконечники стрел и копий	39
Бронзовые копья	65
Конский убор	66
Тагарские бронзовые зеркала	81
Тагарские бронзовые котлы	92
<i>Глава вторая.</i> ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ В ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ VII—V вв. до н. э. И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЕ	110
Сводные таблицы предметов тагарского звериного стиля VII—V вв. до н. э. и их датировка	145
<i>Глава третья.</i> ТАГАРСКИЕ БРОНЗОВЫЕ НОЖИ. ТАГАРСКАЯ КЕРАМИКА	166
Заключение	211
Литература	224
Список сокращений	235
Объяснения к таблицам	237
Таблицы	253

Членова Наталия Львовна
**Происхождение и ранняя история
племен тагарской культуры**

*Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Л. М. Алексеева*
Художник *А. Д. Смеляков*
Технический редактор *А. П. Ефимова*

Сдано в набор 13/XI 1966 г. Т-04273.
Подп. к печ. 1/IV 1967 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Бумага Кама № 2. Усл. печ. л. 26,2+1 вкл.
0,35 п. л. Уч.-изд. л. 28,8. Тираж 1300 экз.
Тип. зак. 6499.

Цена 1 р. 93 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».
Москва, Г-99, Шубянский пер., 10

ФИНАНСОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР